4
В-74

ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОЛОГИИ И ЛЕКСИКОГРАФИИ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

*

Волгогр. филиал ИРЯ

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

www.ruslang.ru

67978

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Институт русского языка

СТЕПАН ГРИГОРЬЕВИЧ

БАРХУДАРОВ

ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОЛОГИИ И ЛЕКСИКОГРАФИИ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

К 80-летию
члена-корреспондента АН СССР
С. Г. БАРХУДАРОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Москва
1974

В сборнике принимают участие советские и зарубежные ученые. Исследуется история отдельных слов, различных пластов лексики, обсуждаются теоретические вопросы исторической лексикологии и практика составления словарей различных типов; публикуются материалы по истории восточнославянской лексикографии.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

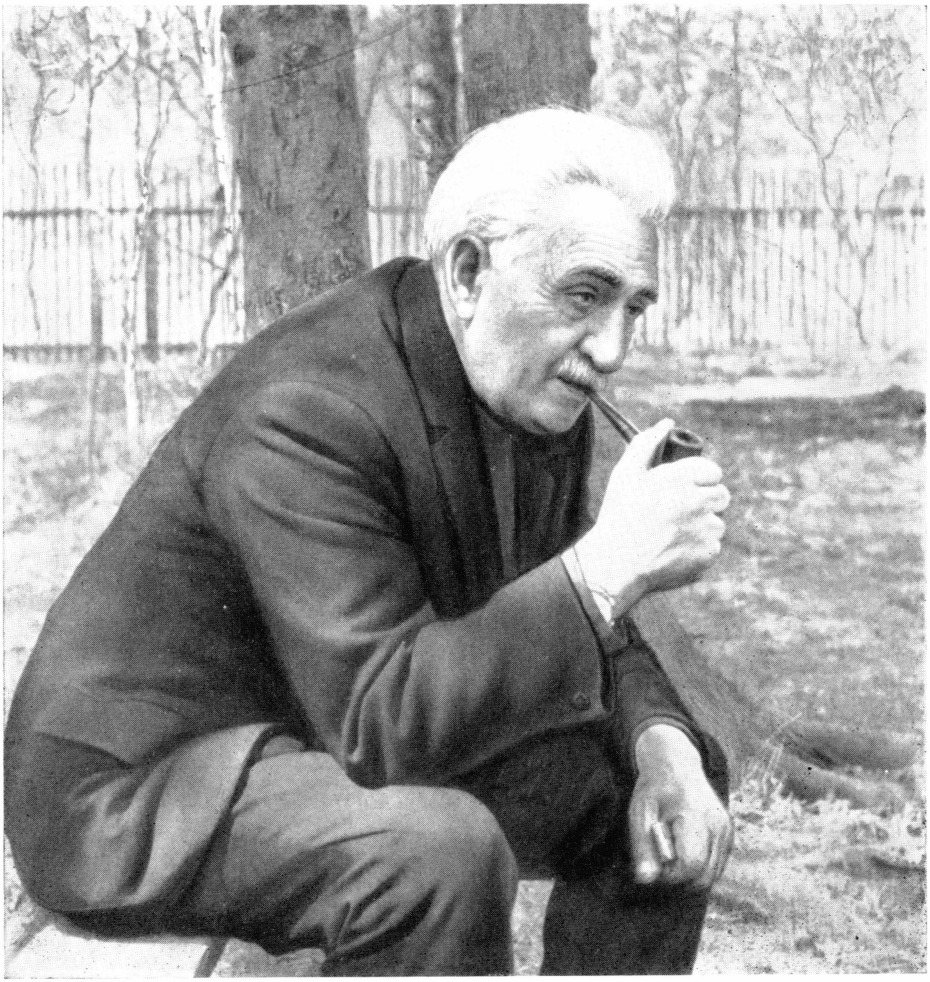
член-корреспондент АН СССР Ф. П. ФИЛИН
(ответственный редактор),
член-корреспондент АН СССР Р. И. АВАНЕСОВ,
кандидат филологических наук Г. А. БОГАТОВА,
кандидат филологических наук О. В. МАЛКОВА
(ответственный секретарь)

4
В-74

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА Р[illegible]ОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР
67978

В $\frac{70101—0227}{042\,(01)—74}$ 308—74

© Издательство «Наука», 1974 г.

СТЕПАН ГРИГОРЬЕВИЧ

БАРХУДАРОВ

ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОЛОГИИ И ЛЕКСИКОГРАФИИ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

К 80-летию
члена-корреспондента АН СССР
С. Г. БАРХУДАРОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Москва
1974

СТЕПАН ГРИГОРЬЕВИЧ БАРХУДАРОВ

Имя выдающегося советского лингвиста члена-корреспондента АН СССР профессора С. Г. Бархударова широко известно не только среди лингвистов — советских и зарубежных, не только среди учительства, которому он отдал несколько десятилетий своего творческого труда, но и всей советской общественности, так как «по Бархударову» в течение более 35 лет учились родному языку школьники России, на основе его учебника составлялись учебники русского языка для школьников других советских республик.

Научные интересы С. Г. Бархударова поражают своей широтой и разносторонностью. Он успешно занимался проблемами сравнительно-исторического языкознания и истории русского языка, грамматики, орфографии, пунктуации, методики преподавания русского языка как родного и как второго языка народов СССР. Он является одним из выдающихся советских лексикографов.

Три черты характеризуют С. Г. Бархударова как ученого: он всегда был и сейчас находится во главе монументальных коллективных научных трудов в области лингвистики, которые предпринимались в Академии наук СССР; он всегда отдавал и сейчас отдает много сил языковой практике — орфографии, пунктуации, преподаванию русского языка; он в течение длительного времени является одним из крупных организаторов и общественных деятелей нашей страны в области языкознания.

С. Г. Бархударов был одним из руководителей монументального 17-томного «Словаря современного русского литературного языка», главным редактором II тома и Председателем редколлегии III и IV томов. За эту работу в 1970 г. ему была присуждена Ленинская премия. С. Г. Бархударов был инициатором и членом редколлегии 4-томного академического словаря русского языка, получившего широкую известность у нас и за рубежом. И сейчас он стоит во главе нового крупного лексикографического предприятия — «Словаря русского языка XI—XVII вв.», являясь его главным редактором.

Языковая практика С. Г. Бархударова имеет давнюю историю. По окончании университета он ряд лет преподавал русский язык в средней школе, уже с конца 20-х годов стал выпускать учебники для разных типов школ. В 1938 г. появляется «Грамматика

русского языка. Учебник для неполной средней и средней школы», написанная под руководством С. Г. Бархударова и Е. И. Досычевой — первый стабильный учебник, получивший широкое признание во всей нашей стране. Работу над учебником грамматики С. Г. Бархударов не прекращает и в последующие годы, перерабатывая и улучшая его, обновляя материал. В 1954 г. в содружестве с С. Е. Крючковым он создает новый «Учебник русского языка для средней школы», неоднократно переиздававшийся. С. Г. Бархударов создал и ряд других широко известных пособий по русскому языку для школы, много работ по методике преподавания русского языка в школе.

Вместе с акад. С. П. Обнорским С. Г. Бархударов составил «Хрестоматию по истории русского языка», которая вот уже более 30 лет является настольным пособием для студентов и преподавателей-филологов. В течение многих лет он был преподавателем, а затем и профессором в ленинградских вузах, особенно долгое время в Ленинградском университете. У Степана Григорьевича прошли школу многие аспиранты, некоторые из них стали крупными языковедами.

Широка научно-общественная и организаторская деятельность С. Г. Бархударова. В течение многих лет он является заместителем академика-секретаря Отделения литературы и языка АН СССР, бессменным председателем Научного Совета по лексикологии и лексикографии при ОЛЯ АН СССР и редактором трудов этого совета, заместителем главного редактора «Известий АН СССР. Серия литературы и языка», председателем Научно-методического Совета по вопросам преподавания русского языка иностранцам при Министерстве высшего и среднего специального образования, членом Ученой комиссии по русскому языку Министерства просвещения СССР. В течение многих лет С. Г. Бархударов был главным редактором журналов «Русский язык в школе» и «Русский язык в национальной школе».

С. Г. Бархударов часто выступает в роли редактора научных и методических изданий. Ему свойствен внимательный, строгий, но всегда доброжелательный подход к редактируемым работам.

С. Г. Бархударов обладает не только огромными знаниями в самых разных отраслях языкознания, большим житейским опытом и мудростью, но также и исключительным вниманием ко всему новому в нашей науке. Он чутко следит за развитием современного языкознания и по-отечески поддерживает все то, что кажется ему прогрессивным и перспективным. Именно поэтому к С. Г. Бархударову тянутся за советом как «старые», так и «молодые», как представители «традиционного» языкознания, так и представители новых методов. И все уходят от него довольные его строгим, доброжелательным, мудрым советом.

Если охарактеризовать Степана Григорьевича одним словом, этим словом будет: Учитель. Учитель учеников, учитель учителей, учитель ученых. . .

I

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКОЛОГИЯ И ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА

СЛОВАРЬ И ВРЕМЯ

И. К. БЕЛОДЕД

Проблема составления толкового общеупотребительного словаря национального литературного языка своей эпохи, т. е. проблема его современности, уровня и полноты отражения в нем словарных запросов и потребностей общества (при утверждении фундаментальных, общепринятых норм, черт и закономерностей и отбрасывании случайных, тенденциозных, недолговечных, несовместимых с этими нормами, искажающих их фактов и форм) является одной из «вечных» задач прогрессивной лексикографии.

Это требование было подчеркнуто, в частности, и на совещании в Словарном секторе Института русского языка АН СССР в Ленинграде, посвященном обсуждению проекта нового академического словаря русского языка.

Ученые-лексикографы, принимавшие участие в этом совещании, историки литературного языка, исследователи его современного состояния, писатели отмечали, что хотя 17-томный академический словарь является наиболее полным из всех словарей этого типа, созданных русской лексикографической наукой, трудами ее деятелей и творцов за всю ее историю, он отражает уровень словарного запаса 40—50 годов XX в. Бурное, динамическое движение нашего развитого социалистического общества (развитого. . . — новая рубрика в словарной статье), многогранные процессы коммунистического строительства, научно-техническая революция, интеллектуальная жизнь нашего общества и окружающего нас мира, усиление контактов между странами социалистического содружества и всего мира и т. п. выдвинули уже в семидесятые годы нашего века огромное количество новых понятий, слов и их значений, ставших уже категорией не специальных, узкотерминологических словарей, терминологией специалистов данной отрасли, а достоянием общенародного словоупотребления, общим словарным уровнем, характеризующим общий уровень культуры нашего советского общества. Это касается как лексики гуманитар-

ных наук и их понятийного фонда, так и наук естественных, технических, математических и т. п.

Приведенный Л. Успенским в его рецензии на 17-томный словарь пример с дифференциацией в Словаре под ред. Д. Н. Ушакова и в 4-томном академическом Словаре понятия *народ* (население страны, основная масса этого населения, трудящиеся, нация, национальность, люди. . .) [1] убедительно показывает, что эта словарная статья нуждается в существенном дополнении новым значением понятия *народ*, а именно: советский народ как новая историческая общность людей. «За годы социалистического строительства в нашей стране возникла *новая историческая общность людей — советский народ*» [2], — говорил Л. И. Брежнев на XXIV съезде КПСС. Это многонациональный советский народ. Основой этого значения, подчеркивалось в докладе Л. И. Брежнева, является «постоянный учет как общих интересов всего нашего Союза, так и интересов каждой из образующих его республик — такова суть политики партии в этом вопросе» [3].

Совершенно естественно, что в *современных* толковых словарях фонд науки, научно-технического прогресса расширяется за счет терминологической лексики, ставшей достоянием общенародного употребления, фактами общелитературного языка, вошедшими даже в образное, метафорическое употребление, в бытовую речевую трансформацию. И если такой химический термин, как, например, *полиоксипропиленгликоль* и под., не станет, очевидно, не только по своей профессиональной специфичности, но и по сложности образования фактом общелитературного словоупотребления, то, например, слово-термин *вододром* — обозначение участка «реки, озера или моря, где танковые экипажи обучаются искусству вождения танков на воде, под водой, обретают навыки в стрельбе на плаву днем и ночью, учатся оказывать помощь друг другу в трудных ситуациях и т. д.» [4], легко и естественно становится в один ряд с такими привычными словами, как ипподром, аэродром, танкодром, ракетодром и т. п. (вспомним, что впервые в истории форсирование реки танками под водой было осуществлено советскими танкистами на р. Десне в 1943 г., во время операции по освобождению Киева).

Если такие, например, узкополиграфические термины, как автотрон, анаглифия, аргирография, асюре, боргес, версо и т. п., должны остаться принадлежностью специального терминологического словаря, то в общеупотребительном толковом словаре

---

[1] См. Л. Успенский. Слово о словаре. «Лит. газета», 18.III.1970 г., стр. 7. В этих границах толкует это понятие и 17-томный Словарь современного русского литературного языка.

[2] Л. И. Брежнев. Отчетный доклад ЦК КПСС XXIV съезду КПСС. М., 1971, стр. 94.

[3] Там же, стр. 93.

[4] А. Сметанин. Огни вододрома. «Правда», 6 июля 1972 г.

должно быть показано, что *полиграфия* и *печатное дело* (печатание, книгопечатание) — укр. *друкарство*, *друкарська справа* уже не являются синонимами, так как полиграфия — это все отрасли промышленности, весь технический комплекс, обслуживающий собственно печатное дело, печатание (друкарство, друкарську справу) как отдельный процесс.

Но вот, как говорят, стучатся в толковый словарь такие, например, термины, как *сабербанизация*, являющийся в определенных аспектах антонимом к слову *урбанизация*; такой оттенок слова *шаржирование*, который обозначает технологию внедрения частиц алмаза в обрабатываемую поверхность, и многие другие.

Определение необходимой пропорциональности соотношения терминологической лексики в толковом словаре общеупотребительного национального языка данной эпохи является весьма важной задачей и профессионалов — лингвистов, и ученых других специальностей, в частности социологов, а также писателей и работников печати [5].

Можно согласиться с авторами книги «Терминология и норма» в том, что «лингвист должен быть признателен тем публицистам и писателям, которые вводят в свои произведения факты живой речи, бытующей в сфере производства» [6], при условии, однако, соблюдения нормативности и в этой категории речений, т. к. нередко здесь допускаются большие искажения, особенно в так называемом профессиональном просторечии, в ряде случаев затрудняющем освоение терминологии в ее нормативной форме.

Старое педагогическое правило говорит о том, что всему тому, что человек должен знать, его необходимо учить (и ему самому необходимо этому учиться), а отсюда вытекает задача и толкового словаря национального языка как активного учителя культуры правильной речи, что, как известно, является одним из ленинских требований к словарю современного языка. В частности, формирование научного мышления человека, невозможно также и без образцового словаря современного высокоразвитого литературного языка.

Задачей толкового словаря является не только обеспечение полноты запаса слов, их правильное истолкование, показ их места в лексической системе языка, в полноте их семантической характеристики, в раскрытии их лексико-грамматических отно-

---

[5] В корреспонденции «Век и слова» «Неделя» (№ 3, 10—16 января 1972 г.) публикует данные Парижского института газетоведения о том, что в 1871 г. наиболее часто употребляемыми словами французской прессы были: любовь, страсть, женщина, сердце, фривольность, рента. . . В 1971 г. в этой позиции отмечены иные слова и в ином по счету употребления порядке, а именно: автомобиль, скорость, женщина, война, Луна, наркотики, атом, политика. . . «Любовь» здесь стоит на 9-м месте. Такова, по наблюдениям этого института, динамика слова в этот период. . .

[6] В. П. Петушков. Лингвистика и терминоведение. «Терминология и норма». М., 1972, стр. 110.

шений. «Особым достоинством словаря признается, если он не только *показывает*, что то или иное слово значит, но и *указывает*, как его употреблять. Подобные указания должны носить семантический, стилистический и структурный характер» [7].

Естественно, что это указание, не позволит — при всей полноте словаря, — очевидно, ввести в него все известные оттенки значений, однако в картотеке словаря они должны быть зафиксированы. Так, например, толкование слов *товарищ* и *гражданин* указывает на большую официальность слова *гражданин*. В практике употребления этого слова зафиксированы оттенки, градация этой официальности. Например, писатель М. Зарудный приводит следующий диалог: «— А знаете что, гражданин Кутень? Я на вас подам в суд! — Что? — побледнел Кутень. — Кто «гражданин»? Я?» [8], где соединение слова *гражданин* с напоминанием о суде вызывает определенные эмоции, т. к. в суде оно уже ни в коем случае не является синонимом слова *товарищ*. Картотека словаря должна отразить эти оттенки и собрать материал для установления закономерности словоупотребления в данном аспекте.

Процессы многогранного общения народов мира и взаимодействия их языков с давних времен сопровождаются интернационализацией, в большей или меньшей степени, словарного состава этих языков в первую очередь, а также и способов словообразования и некоторых других уровней языковой структуры. В практике социалистического общества интернациональное не противоречит развитию и совершенствованию передового национального, самобытного, т. к. входит в него и становится важнейшей составной частью национального. Ленинская национальная политика КПСС обеспечивает как развитие и совершенствование языков всех наций и народностей СССР, так и потребности народов в изучении языка межнационального общения и сотрудничества народов СССР — русского языка. Это гармоническое двуязычие, плодотворно действующее в языковой жизни народов СССР, способствует также и выработке черт интернационализации словарного состава ареала языков народов советской многонациональной страны [9].

Эти процессы, находящие свое отражение в каждом современном национальном литературном языке, должны стать предметом более глубокого и широкого исследования в конкретном плане лексикографии, в теории и практике составления толковых и двуязычных словарей. Показывая многообразие, расцвет и обогащение самобытной лексики национального языка, словарь должен отображать и интернациональные элементы, ставшие органиче-

[7] А. М. Бабкин. Новый академический словарь русского языка. Проспект. Л., 1971, стр. 7.

[8] М. Зарудный. Уран. Журн. «Москва», 1972, № 4, стр. 12.

[9] Из литературы вопроса см., в частности: В. В. Акуленко. Вопросы интернационализации словарного состава языка. Харьков, 1972.

ским достоянием, составной частью этого национального языка. Особое значение здесь приобретает словарный фонд социалистических интернационализмов, в частности, выработанных в процессе языковой жизни народов СССР на путях активного взаимодействия и взаимообогащения этих языков. Научное исследование этих процессов, находящих в двуязычных и толковых словарях народов СССР свое отражение уже и в настоящее время, должно предусматривать, по нашему мнению, создание словаря интернационализмов советского периода в языках народов СССР, фиксирующих явления и закономерности их многообразных контактов.

Все эти вопросы, схематично здесь очерченные, являются постоянной заботой и украинских лексикографов, работающих над созданием словаря современного украинского языка (Словника української мови) в 11—12 томах, первые три тома которого уже вышли в свет (А—В, Г—Ж, З). Словарь такого типа и объема в украинской лексикографии создается впервые, и его создание стало возможным именно в советский период истории культуры украинского народа, развивающейся на благотворной основе ленинской национальной политики КПСС.

Те исторические сдвиги в истории украинского народа и его культуры, в развитии его языка, которые свершились в этот период, воссоединение всех украинских земель в едином Советском государстве, развитие науки в Украинской ССР, в частности лексикографии, дали возможность украинским лингвистам подготовить ряд фундаментальных словарей, отображающих богатство общенационального украинского литературного языка, функционирующего в единых нормах, кодифицированных научным правописанием, действующим на всех его этнических и лингвистических территориях. Самыми значительными из этих словарей являются 6-томный «Украинско-русский словарь» под ред. члена-корр. АН УССР И. Н. Кириченко; 3-томный «Русско-украинский словарь», получивший Государственную премию УССР 1971 г. (созданы также однотомники на базе этих словарей). «УРС» содержит 121 тыс. слов, «РУС» — 122 тыс. слов и свыше 400 тыс. украинских соответствий. Напечатано также свыше 20 отраслевых терминологических словарей. В скором времени будут выпущены новый «Орфографический словарь», «Украинское литературное произношение и ударение», «Словарь собственных имен людей» и др. Продолжается работа над историческим, гидронимическим, диалектными словарями украинского языка, словарями языка писателей-классиков и др. (как известно, нами, в частности, создан «Словарь языка Т. Г. Шевченко» в двух томах и в настоящее время составляется словарь произведений Т. Г. Шевченко, написанных на русском языке).

Самым фундаментальным лексикогр фическим трудом украинских языковедов в настоящий период является, естественно, многотомный толковый Словарь украинского языка. Его значение

в культурной жизни УССР определяется тем, что он является, во-первых, научной и практической основой единого правописания (орфографии), единых многогранных норм словоупотребления, толкования и понимания слов, фразеологизмов, понятий, терминов современного общенационального языка, отражающего расцвет всех его стилей в советскую эпоху. Он является мощным средством развития просвещения и культуры, логического и научного мышления. Как словарь современный, он фиксирует передовую мысль эпохи, современные идеи, современный уровень развития литературного языка и тенденции его развития в историческом процессе коммунистического строительства.

«Словарь украинского языка» опирается на широкий словарный материал, накопленный в различных лексикографических картотеках Института: в картотеке современной лексики и фразеологии, охватывающей все функциональные стили современной письменной и устной литературной речи (язык художественной литературы, научный, публицистический, деловой, эпистолярный и др.); в картотеке исторического словаря, фиксирующего лексику и фразеологию прошлых веков; в картотеке Атласа говоров украинского языка, фиксирующей народно-разговорную, диалектную речь; в картотеке ономастики (в частности топонимии и гидронимии); в картотеке частотного словаря украинского языка; в картотеках словарей отдельных писателей — все это составляет около 10 млн. карточек-слов и фразеологизмов. Отбор лексического материала производится в строго целенаправленном плане построения словаря современного украинского литературного языка, отвечающего запросам жизни современного советского общества.

Новый словарь будет содержать свыше 130 тыс. словарных и до 600 тыс. единиц толкования. Он фиксирует современный *общий* уровень лексики украинского языка в нашу эпоху, когда целые серии культурной, научной лексики, в частности, связанной с социально-политическим развитием общества, научно-техническим прогрессом, с искусством и т. п., стали достоянием речи всех говорящих на этом языке, в которой наряду со словами *земля*, *повітря*, *хліб*, *книга*, *вода* и т. п. естественно звучат и такие, как *космос*, *космонавтика*, *інтеграція*, *примісячення* (прилунение), *атомохід*, *транзистор*, *лазер*, *агрокомплекс* и др.

Отражаемые словарем синонимика и фразеология современного украинского языка способствуют глубокому раскрытию и толкованию слов и терминов в их прямом понимании и образном употреблении. Стилистическая характеристика слов позволяет отличить лексику общей тональности от пафосной, эмоциональной, официально-деловой и т. д. (боєць—воїн—звитяжець).

Как в исторической, так и в современной жизни каждого национального языка большую роль (особенно при его формировании как языка общенационального) играли элементы исторического и диалектного характера, а также элементы разговорного просто-

речия (сельского, городского, социально-группового, профессионального). Известно, что в исторических судьбах украинского языка большое значение для его общенациональной консолидации и монолитности имело, как уже отмечалось, воссоединение украинских земель. Украинский народ Западной Украины — Галичины, Буковины, Закарпатья активно воспринял языковые литературные нормы и ценности общенационального литературного языка, историческим центром создания которых явилась так называемая Украина Приднестровская, или, иначе говоря, центральные массивы украинского языка. Ряд языковых элементов, характерных для речи населения западных областей, является, естественно, достоянием общенационального украинского языка (напр., *легінь*, *легіт*, *полонина*, *верховина*, *потічок*, *смерека* и др.). В новом словаре находят свое место (с соответствующими пометами) и некоторые элементы диалектной, исторической лексики и фразеологии, которые и в настоящее время используются писателями, ораторами для воспроизведения языкового колорита эпохи, для речевых характеристик и т. п. Однако здесь не найдут отражения такие, например, узкие диалектизмы, как *заглаїти*, *закнебльований*, *закотурманий*, *зганути*, *зарваниця* и т. п., которые получат свое место и в диалектном словаре, и в словаре языка соответствующих писателей.

Словарь стремится и к точности социально-эстетических характеристик значений слова, сложившихся в процессе его современного функционирования, что, в частности, находит и найдет свое отображение в подборе синонимов. Проиллюстрируем это на следующем примере. Киевский журнал «Україна» в 1971 г. объявил лингвистическую игру-конкурс, призывающую читателей подбирать к заданным словам синонимы, причем, за синонимы, не названные в языковедческой литературе, сразу начисляется шесть очков. И вот к заданному слову *товарищ* в числе слов, которые, по мнению журнала, являются синонимами, хотя, с точки зрения норм современного украинского словоупотребления, не могут по своему содержанию быть ими, приводится и такой пример: «Проходчик из Макеевки Донецкой области Дмитро Иващук, московский шофер Омельян Наконечный и еще кое-кто назвали также призабытое, но весьма содержательное слово «*добродій*» («Україна», 1972, № 22, стр. 22). Не говоря уже об общей неправильной установке — представлять слова, не зафиксированные в языковедческой литературе без указания на причины этого факта, отметим явно тенденциозный подбор этих так называемых синонимов. Слово «добродій», хотя и употреблялось в произведениях некоторых украинских писателей дореволюционного периода (напр., *пане добродію*, что равнозначно обращению *господин*, *сударь*, *милостивый государь* и т. п.), но никогда не было синонимом к слову *товарищ* как обращению к единомышленнику, преимущественно в демократической среде (не говорим здесь о должностном его значении). Слово *товарищ* стало

привычным обращением в отношениях между членами большевистской партии, а в советское время — общепринятым обращением во всем советском обществе, как слово, фиксирующее идейную близость советских граждан — единомышленников. Слово «добродій» употреблялось среди буржуазно-националистических элементов. В советской украинской среде оно имеет только отрицательный, классовый, в частности, иронический, смысл. В словаре оно характеризуется пометой *устаревшее*. К сожалению, как видим, кое-кто стремится протащить это название в советскую печать, да еще наивно маскируясь под проходчика из Донбасса и московского шофера. Это еще раз призывает языковедов к бдительности, к нетерпимости к чуждым, засоряющим и искажающим язык элементам.

Словарь должен быть свободен от подобных тенденций, т. к. они чужды ему по самой своей сущности.

В методологическом плане авторы Словаря современного украинского языка стремятся как можно полнее, в возможных параметрах этого труда, отобразить в нем основные языковые ценности, накопленные гением народа в прошлом и создаваемые в беспрерывном языкотворческом процессе в настоящем.

Хотя бы на нескольких примерах покажем методику разработки словарной статьи в этом труде... В одном из произведений М. Стельмаха читаем: «Вже перед самым заходом сонця чоловік завів коні в *глибокий байрак*». Что же такое *байрак?* Вроде оврага? Но вот же песня: «Ой не шуми, луже, зелений *байраче*». Так это лес? Но почему же *глубокий?* И вот ответ Словаря: «Байрак — ліс у яру (овраге), в долині, або *яр*, порослий лісом, чагарником». Все становится на свое место: *байрак* может и шуметь, и быть глубоким.

Словарь дает многообразную дифференциацию значений слова, особенно в глаголах, например, у слова *брати* отмечено 22 значения, *виходити* — 17; *віддавати* — 16; в прилагательных: *важкий* — 11; *високий* — 9; в предлогах: *в* — 34, *за* — 32 и т. д. Все это иллюстрируется многообразными фразеологизмами и словосочетаниями из текстов художественных, научных, публицистических произведений, деловых документов и др. источников.

Словарь украинского языка отражает высокую речевую культуру украинского народа в ее связях с русской речевой культурой. Вместе с трудами о развитии и взаимообогащении языков народов Советского Союза, созданных во всем советском многонациональном языкознании, он служит одним из фундаментальных примеров развития социалистической многонациональной культуры советского народа. Словарь явится мощным средством, способствующим дальнейшему развитию культуры, просвещения, науки, производственно-экономической, государственно-политической и идеологической деятельности народа. В этом пафос развитии и действенности, наряду со всеми науками, науки языководческой.

О СТАТЬЕ ДВУЯЗЫЧНОГО СЛАВЯНСКОГО СЛОВАРЯ

Л. В. КОПЕЦКИЙ

В современных условиях необыкновенного развития всех видов информации и расширения информационной сферы вообще возросло, конечно, и значение словарей как важнейших источников получения, а также средств хранения и переработки информации. С некоторыми уточнениями положение это можно распространить и на так называемые филологические словари, словари двуязычные, информационная ценность которых определяется их прямым назначением — обеспечить понимание иноязычного текста или помочь выразить заданный смысл средствами другого языка, иначе говоря — обеспечить «прием» и «отправление» текстовой информации. Выполнение такого прямого послания словарем обусловлено качеством словарных статей, т. е. тем, что в них есть, далее тем, как упорядочено то, что есть, и как оно раскрыто, наконец, и тем, как выражено содержание статьи в эквивалентах выходного языка.

Словарная статья современного филологического словаря — это уже не только непосредственное толкование лексемы, как, например, в словаре толковом, или эквивалентизация отдельных значений лексемы средствами другого языка, как в словаре двуязычном, или только информация о правописании, произношении или о морфематическом сложении слова, как в словарях орфографических, орфоэпических, обратных. Словарная статья современного филологического словаря, а также словаря двуязычного, — это также источник разносторонних сведений о слове, о семантических слагаемых его содержания, о способностях лексемы выражать разные значения в разных словесных окружениях и ситуациях, это и грамматические сведения о морфологических или синтагматических особенностях слова и о его стилистических возможностях, наконец, это сведения об использовании слова в целях терминологических и во фразеологизмах. У разных типов словарей объем таких сведений будет, конечно, разный, но необходимость все это учитывать и как-то со всем этим считаться стоит перед авторскими коллективами и редакциями словарей в наше время всегда. Объясняется это, во-первых, уже тем, что, как показывает опыт, только такой подход может обеспечить правильное понимание лексемы во всех случаях ее использования, а в плане теоретическом, во-вторых, тем, что лексикология не располагает пока подробным описанием словарного состава любого языка как возможным дополнением общего описания языковой системы, и современное грамматическое описание ее поэтому остается неизбежно компромиссным в отношении фактов взаимодействия грамматики и лексики. При таком положении в совре-

менных грамматических описаниях получается значительная как бы ничейная область языковых фактов, которые подробно не обследованы и многие из которых остаются за пределами описания. С такими фактами встречаются в двуязычной лексикографии, проверяя, например, возможности тех или иных сочетаний и образования форм, преподаватели иностранных языков, журналисты, дикторы, артисты, конечно, переводчики, исследователи языка и вообще лица, профессии которых тесно связаны с ответственным и более внимательным отношением к языковым средствам. Для иллюстрации недорешенности в описательной грамматике многих вопросов лексико-грамматического взаимодействия достаточно напомнить такие общеизвестные факты из области морфологии, как образование залога, вида, степеней сравнения, кратких и полных форм прилагательных, нестандартных словоформ субстантивной парадигматики, случаи лексикализации отдельных словоформ, конверсии и многие другие места описательной грамматики, где в лучшем случае лишь приводятся неполные списки фактов такого порядка. Такой характер грамматических описаний особенно остро проявился в области синтаксиса, чему способствовала проблематика трансформационной грамматики, которая вскрыла большую зависимость трансформационных преобразований от лексического наполнения синтаксических моделей и прямо поставила вопрос об их лексической компетенции, а наряду с этим встал и вопрос о синтагматических возможностях тех или других отдельных слов, их валентности. Многочисленные синтаксические статьи 60-х годов насыщены лексическим материалом [1]. На это можно смотреть также как на частичное решение вопроса о взаимоотношении грамматики и лексики. Из всего этого следовало бы сделать некоторые практические выводы при обработке материалов в словарной статье двуязычного славянского словаря. Мы попытаемся это сделать, ограничившись в своих рассуждениях лишь лексико-синтаксическим аспектом вопроса.

Как известно, слабой стороной всех наиболее авторитетных словарей является синтагматика, и прежде всего потому, что трудно разграничить словосочетания, которые должны быть отнесены к словарю как лексические единицы «созданные, воспроизводимые» и словосочетания, всякий раз «создаваемые» по задачам высказывания или ситуации согласно действующим синтаксическим моделям, т. е. сочетания так называемые «свободные», законное место которых в синтаксисе. В Академической грамматике (1970 г.) сказано, что «предметом грамматики являются *только* (курсив наш. — *Л. К.*) такие словосочетания, которые построены по действующим образцам и сохраняют раздельность своих компонентов, т. е. свободные словосочетания» (стр. 506,

[1] Ср., например: С. К. Ш а у м я н. Структурная лингвистика. М., 1965, стр. 310 и след.; Vl. H r a b ě. Transformační syntax současné ruštiny, Praha, 1969.

§ 1277). Отсюда следует, что «несвободные словосочетания», по-видимому, должны были бы полностью инвентаризироваться в словаре, как и все «созданные» и воспроизводимые в своем устойчивом виде лексические единицы. Дело, однако, осложняется тем, что среди «свободных» словосочетаний та же грамматика различает еще «свободные лексически ограниченные словосочетания», т. е. такие, внутренние связи которых определяются не только синтаксическими правилами управления, согласования и примыкания, но и узуально-нормативными правилами лексической сочетаемости. На основании таких правил по-русски говорят, например, *скорый поезд* и *скорая помощь*, а не *быстрый поезд* и *быстрая помощь*; *сильный яд* и *сильное лекарство*, но *крепкий коньяк* и *крепкий чай*, по-чешски говорят silný čaj, koňak; есть предложные сочетания *под вечер*, *под утро*, *под осень*, но нет сочетаний *под зарю*, *под лето*; по-русски можно *вопрос поставить*, по-чешски položit otázku и т. п. Никакими синтаксическими правилами такие особенности сочетаемости объяснить нельзя. В той же грамматике отмечается, что «*большинство* словосочетаний, образуемых на основе связи управления и примыкания, в той или иной степени лексически не *свободны*» (курсив наш. — *Л. К.*, стр. 537). Интересно заметить при этом, что синтаксис к описанию их не возвращается, хотя их все же оказывается большинство. Вот эти «свободные, но лексически ограниченные» словосочетания, которыми синтаксис не занимается, являются слабым местом также в словарях, в чем легко убедиться на каждой более или менее сложной словарной статье, особенно в двуязычных словарях при сопоставительном рассмотрении отдельных лексем. Из таких неопределяемых, точнее лексических единиц, не «создаваемых», а «созданных», обычно с назывной функцией, и образуется между грамматикой, точнее, синтаксисом и лексикой ничейная полоса, из которой что-то попадает в синтаксис, но не все, а многое инвентаризируется в словаре, но опять-таки не все и далеко не последовательно. Особенно это чувствуется в словаре с установкой на построение текста, т. е. в таком, который по своему назначению должен помогать выражению заданного смысла языковыми средствами выходного языка. Без полной инвентаризации в таком словаре нормативно-узуальных сочетаний построенный на его базе текст может оказаться синтаксически безукоризненным, и тем не менее нормативно неприемлемым, неотмеченным. Факты такие общеизвестны.

Несмотря на обилие литературы, посвященной словосочетаниям и различным их классификациям, во всех академических словарях этот вопрос решается, как правило, чисто эмпирически и с большой непоследовательностью. В 9-м томе ССРЛЯ, например, в статье *передний* за пустым ромбом стоят сочетания *передние ноги*, *лапы*, *конечности*; то же находим в статье *задний* в 4-ом томе, где за пустым ромбом, кроме того, регистрируется *задний ряд*, *вагон* и т. п.; в статье *передний* есть еще за ромбом *передний*

ЕИБЛИОТЕКА
РУССКОГО ЯЗЫКА
www.ruslang.ru

зуб, *передние зубы*, чего нет у прилагательного *задний*. Возникает вопрос, какие же из всех этих сочетаний, одинаково размещенных, «свободные» и какие «свободные, но лексически ограниченные»? Каково отношение таких сочетаний, например, к сочетаниям *передние* (*задние*) *колеса*, которые в словаре не приводятся? В том же 9-ом томе сочетание *передний план* приводится и за пустым ромбом (как «свободное лексически ограниченное» — *на переднем плане сцены*) и жирным шрифтом как фразеологизм (*передний план в немецкой жизни*). У «строевого» (распространяемого объектом абстрактного значения) глагола *произвести* выделено за пустой ромб сочетание *произвести впечатление*, притом неясно, в какой степени это данное сочетание более устойчиво, чем, например, *производить замешательство*, *панику*, *сенсацию*, *смущение*, *смятение*, *фурор*, которых в статье *производить* нет, но есть сочетание *произвести панику* в статье *паника*, *произвести сенсацию* в статье *сенсация* и *произвести фурор* в статье *фурор*. Что перед нами — закрытый ряд или свободные сочетания? Допустимы ли еще какие-нибудь распространители у глагола *производить?* Вот приблизительно вопросы, которые могут представлять интерес для двуязычного славянского словаря. При переводах возникает вопрос, можно ли, допустим, сказать *произвести беспокойство*, *возбуждение*, *вред*, *огорчение*, *радость*, *раздражение*, *экзальтацию* и т. п.? Какие абстрактные объекты возможны и лексически допустимы у глагола *произвести* вообще? Где об этом можно было бы получить информацию? По-чешски, например, можно сказать způsobit neklid (беспокойство), starost (заботу), škodu (вред, ущерб) и т. п. Такое осложнение лексической сочетаемости в сопоставительном плане делает ее центральной проблемой обработки в двуязычном словаре всего лексического материала. Касается это главным образом переходных глаголов, особенно с ослабленным собственным содержанием, как *образовать*, *представлять*, *составлять*, *оказывать*, *причинять*, *создавать* и т. п. Но и у более конкретных глаголов, с сильной предсказуемостью по отношению к объектным распространителям, в разных славянских языках встречаемся с разной типизацией словосочетаний. Например, *окружить* (слушатели рассказчика) чешск. obklopit, obstoupit, польск. okrążyć', болг. *да наобикалиха*; (забором дом) чешск. obehnat, польск. otoczyć', болг. *да заобиколя*; (изобретателя учениками) чешск. obklopit, болг. *да окръжа*; (неприятеля) чешск. obkličit, польск. otoczyć', okrążyć', болг. *да окръжа*; (старика вниманием) чешск. zahrnout, польск. otoczyć', болг. *да обкръжиха* и т. п. Таким образом, при эквивалентизации в сопоставительном плане ряды лексических распространителей у переходных глаголов входного языка часто разрушаются, обнаруживают в выходном языке совершенно иную лексическую сочетаемость, хотя концептуально и синтаксически можно было бы ожидать сходства. Условность типизации таких словосочетаний во входном языке осложняется новой условностью

в языке выходном. Чисто синтаксической мотивированности для их отмеченности недостаточно.

Несовпадение типизации узуально-нормативных словосочетаний в разных славянских языках можно было бы, конечно, богато иллюстрировать и на глаголах непереходных, как *идти*, в этом случае уже с валентностью преимущественно в сторону субъекта, например (о поезде) jet, (о пароходе) plout, (о дороге) vést и т. п. Можно это явление показать и на прилагательных, как *крепкий*: (материал) pevný, (старик) zdravý, (ветер) ostrý, (напиток) silný, (сон) tvrdý и т. п., где обычный ряд сочетаемостей русского прилагательного (*материал*, *старик*, *ветер*, *напиток*, *сон* с разными тематическими слоями в нем) при эквивалентации распался. С точки зрения лексикографической такие «свободные лексически ограниченные словосочетания» представляют не большинство, а главную, основную массу словосочетаний в языке, к которым, с одной стороны, примыкают сочетания идиоматические с изолированными компонентами, как *б и т ь б а к л у ш и*, *п о д е л о м вору и мука*, *темна вода во о б л а ц е х* и т. п. («фразеологические сращения» по терминологии В. В. Виноградова), с другой — такие свободные, как словосочетания со словами открытой сочетаемости вроде *исчезать*, *существовать*, *отсутствовать*, *наличествовать*, *увеличиваться*, *уменьшаться*, *хвалить*, *вчера*, *сегодня*, *хороший*, *плохой* и т. п., определяемые предметно-логической отнесенностью и правилами синтаксиса. Автора словарной статьи может занимать степень закрытости ряда возможных компонентов словосочетания, их количество. Ряд может состоять из одного связанного компонента, как в идиоме (ср. *н е и з г л а д и м о е впечатление*) и с бóльшим их числом (*н е о т л о ж н ы й — дело*, *меры*, *нужда*, *помощь*, *работа*, *ремонт*), но, как правило, все же ограниченным. Более точную характеристику таких рядов могло бы дать подробное описание словарного состава языка, но его, как известно, нет, и задачу эту пока решает словарь. Автор словарной статьи при этом должен учитывать четыре плана: предметно-логическую отнесенность (*п и т ь — чай*, *воду*, *молоко*, *нектар*. . .), синтаксическую сочетаемость (например, падежную схему управления *предупредить о чем* — upozornit nač, *гóтовый на все* — odhodlaný ke všemu и т. п.), сочетаемость лексическую (*поставить вопрос* — položit otázku, *крепкий сон* — tvrdý sen, *крéпкий чай* — silný čaj), наконец, план стилистический (ср. есть — jíst, (о животных) žrát). Здесь приобретают смысл скобочные характеристики, квалификаторы перед отдельными значениями, намечающие семантическую область использования лексемы, причем иногда замкнутый или весьма ограниченный ряд компонентов может быть целиком приведен в качестве квалификаторов (ср., например, выше *неотложный*). Все это, конечно, предполагает большую исследовательскую работу, которая и была начата в лексикологическом отделении бывшего Института языков и литератур ЧСАН (ныне Кабинет иностранных языков

ЧСАН). Удалось предварительно рассмотреть с точки зрения падежной схемы управления и семантических распространителей половину переходных глаголов из Большого русско-чешского словаря; дальнейшая работа запланирована на будущее. Аналогичная работа ведется, хотя и для иных целей, на кафедре русского и украинского языков Карлова университета, что свидетельствует о действительной актуальности вопроса. С нашей точки зрения, вопрос этот — словарный вопрос, и решаться он должен через подробное изучение всего доступного лексического материала, представленного как словарями, так и постоянно пополняемыми словарными картотеками. Результаты такого изучения должны войти в соответствующие словарные статьи, в которых для таких результатов следует найти место за счет часто избыточной цитации или за счет малоинформативных экземплификаций. У двуязычного славянского словаря, в котором инвентаризированный материал представляет частое совпадение у слов их денотативных значений и большую опасность интерференций, вся проблематика лексической сочетаемости представляется решающей для качества словарной статьи, а значит, и для словаря вообще.

Если к словосочетаниям свободным, но лексически ограниченным применить методологический прием различения ядра и периферии, то можно было бы ядром интересующих нас сочетаний признать словосочетания с абстрактными, преимущественно книжными глаголами, а также с глаголами «етроевыми», распространяемыми объектами абстрактного значения, как *производить — беспорядок, впечатление, замешательство, панику, смущение, смятение, фурор* или *причинять — беспокойство, вред, горе, огорчение, убыток, урон*, или *восполнить — комплект недостаток, пробел, пропуск, ущерб*, или *нарушить — обычай, отдых, порядок, ритм, сон, тишину, традицию* и т. п.; сочетания, поддерживаемые книжной традицией и цитатными выражениями, как *творить — добро, волю отца, молитву, поклоны, суд* и *расправу, чудеса* и т. п.; словосочетания, составляющие релятивно замкнутые ряды. Им противостоят глагольные словосочетания, у которых глаголы отличаются большой предсказуемостью в плане предметно-логических отношений, а объектные распространители этих глаголов имеют конкретный характер. Таковы, например, глаголы *ковать, пилить, пить, резать, шить* и т. п., что, однако, не исключает их метафорического использования и поэтической актуализации (ср. *ковать — судьбу, счастье, победу, пить — воздух, аромат цветов, резать — правду* и т. п.), из которых лишь некоторые стали фразеологизмами, в основной же массе — это словосочетания больше синтаксические, создаваемые, и меньше лексические, т. е. созданные.

Среди именных словосочетаний ядром лексически ограниченных сочетаний представляются разные словосочетания с терминологической функцией, превратившиеся в сложные наименования, характерные для функциональных типов языка. Таковы, на-

пример, сочетания со словом *д с м — детский, воспитательный, желтый, жилой, ночлежный, публичный,* ист. *банковский д., торговый д.* и другие подобные наименования, представляющие, конечно, действующую модель; таковы же сочетания с несогласованным определением, при слове *д о м — отдыха, матери и ребенка, техники* и т. п. Того же типа, например, словосочетания со словом *с т о л — обеденный, письменный, рабочий, туалетный, чертежный* и т. п. или *с т о л — находок, заказов* и т. п. Богатый набор таких сложных лексических единиц представляет собой товарная номенклатура (ср., например, в товароведческом словаре статьи *лампа* или *постель* и многие другие).

За последние десять лет наши представления об описательной грамматике и о словаре значительно изменились, изменились и наши представления об их взаимоотношении. Однако вопрос о промежуточной зоне лексико-грамматических явлений все еще остается нерешенным, в том числе и вопрос о свободных лексически ограниченных словосочетаниях. Наблюдения при обработке лексического материала в сопоставительном двуязычном плане близкородственных языков позволяют его решить хотя бы частично.

Для чешско-русского словаря, о котором мы упоминали, была разработана особая присловарная грамматика, в которой впервые представлены были парадигмы всех без исключения изменяемых слов, инвентаризованных в корпусе словаря, причем чешская субстантивная парадигматика оказалась значительно разнообразнее и сложнее, чем можно было предполагать на основании традиционных парадигматических схем: субстантивных парадигм — 263, глагольных — 103, адъективных — 8, местоименных — 9 и парадигм для числительных — 11. Лексическая компетенция всех этих парадигм дана в названной грамматике вместе с их общей характеристикой. С другой стороны, в корпусе словаря у каждого изменяемого слова индексом сделана отсылка к соответствующей парадигме. Предполагалось сделать то же и в отношении лексически замкнутых синтаксических моделей, т. е. указать у слов их отнесенность к названным моделям. По недостатку времени замысел не был реализован, но запланирован для будущего издания. Нам казалось, что таким путем может быть решен вопрос о взаимодействии лексики и грамматики по крайней мере для словаря, в частности и в отношении свободных, но лексически ограниченных словосочетаний, представляющих для так называемого генеративного словаря кардинальный вопрос. Думалось, что обобщенная характеристика таких сложных лексических единиц с особенностями их синтаксической структуры и сведениями об их типах будет дана в описательной присловарной грамматике, а п о л н а я инвентаризация самих сочетаний, с характеристикой степени их замкнутости и состава компонентов войдет в содержание соответствующих словарных статей по наиболее влиятельным компонентам — глаголу или существительному.

ЕЩЕ РАЗ МЫСЛИЮ ПО ДРЕВУ

О. Н. ТРУБАЧЕВ

«Темные места» Слова о полку Игореве продолжают по-прежнему привлекать внимание исследователей — лингвистов и литературоведов, славистов и тюркологов и т. д., ср., например, в самое последнее время заметки этнографа Н. И. Гаген-Торн[1]. Темных, или загадочных, мест действительно много в небольшом по объему тексте великой поэмы. Их многостороннюю проблематику можно свести к двум узловым моментам, неизбежно присутствующим в трактовке каждого случая: членение на слова и соотнесение слов «Слова» с лексикой, известной из других источников. Последний момент едва ли не самый трудный, потому что очень часто и имена, и слова, встречающиеся в «Слове», не встречаются более нигде. Сюда примыкают примеры, свидетельства о которых за пределами «Слова» проблематичны или оспариваются, по крайней мере частью авторов. Такой характер имеет и интересующий нас здесь гапакс *мыслию по древу*: Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, то растѣкашется мыслію по древу, сѣрымъ вълкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы.

Кажется, ничто не мешает видеть здесь (*мыслію*) надежную форму от известного слова *мысль*. Так читают это место те прежние и современные исследователи, по мнению которых этим словом здесь обозначается воображение[2]. Как будто такое толкование подтверждается словоупотреблениями *мыслію смыслити*, *мыслію прелетѣти*, *мыслію. . . мѣритъ* и близкими в тексте «Слова»[3], передающими умственный, мысленный взор, образ, мысль и далее — замысл, умысл. Прочие древнерусские данные, а также значение и употребление современного русского слова *мысль* в свою очередь поддерживают это толкование. За малым, казалось бы, исключением: словоупотребление основной цитаты (. . . растѣкашется мыслію по древу, сѣрымъ вълкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы) по-прежнему сопротивляется объяснению от *мысль* ‘воображение, умственный образ, мысль’. Не случайно поэтому все сторонники этого последнего толкования главную свою аргументацию направляли против упомянутого места «Слова» и его возможного иного понимания. Надо отдать должное остроумию и учености этих авторов, видевших здесь (в зависимости от индивидуальной концепции) то мифическое дерево, то древо познания,

---

[1] Н. И. Гаген-Торн. Некоторые замечания о «темных местах» «Слова о полку Игореве» (заметки этнографа). «Советская этнография» 1972, № 2, стр. 51 и след.

[2] Срезневский II, столб. 217; см. специально: В. Л. Виноградова. Словарь-справочник «Слова о полку Игореве», вып. 3. Л., 1969, стр. 123.

[3] В. Л. Виноградова. Там же.

мудрости, то струнный музыкальный инструмент[4]. Однако все эти построения отличает сложность, которая снижает их убедительность. До сих пор не удалось опровергнуть простого и очевидного наблюдения, сделанного еще ранними исследователями «Слова», что здесь представлен параллелизм з р и т е л ь н ы х образов животных, птиц, явлений природы[5]. Однако гиперкритицизм, развернутый в литературе вокруг этого места, возымел свое действие, чем объясняется постепенное исчезновение со страниц исследований по древнерусской лексике толкований слова *мысль* как названия зверька, белки[6].

Как в каждом старом, запутанном вопросе, спор о действительном значении *мыслию* (*по древу*) нельзя, наверное, решить простым предпочтением одной из двух противоположных точек зрения. Мы решительно возражаем против отождествления этого слова с *мысль* 'воображение, мысленный образ', но мы не можем согласиться и с чтением *мысью*, так как последнее игнорирует («улучшает») засвидетельствованную форму (*мыслию*) и не может быть принято по соображениям исторической фонетики, о чем будет сказано далее.

Кстати, о слове *мысь*. Еще в прошлом веке было указано на существование в Опочецком уезде Псковской губернии народного диалектного слова *мысь* 'белка'. В словаре Даля приводится *мысь* ж. пск. 'белка, векша' (т. II, изд. 2, стр. 365). Сам лексикограф едва ли считал названное слово странным, как полагает П. Я. Черных, во всяком случае во втором издании словаря при слове не стоит вопросительный знак, про который говорит П. Я. Черных, или другие знаки авторского сомнения. Высказывалось мнение (А. А. Потебня, П. Я. Черных, М. Фасмер, В. Л. Виноградова), что *мысь* — это диалектная форма слова *мышь*. Но здесь коренится

---

[4] В. Л. В и н о г р а д о в а. Указ. соч., стр. 120—122 (с подробной литературой).

[5] Подробная история вопроса и старая литература, посвященная последней точке зрения, см.: В. Л. В и н о г р а д о в а. Указ. соч., стр. 124—125.

[6] Так, в «Хрестоматии по истории русского языка» С. П. Обнорского и С. Г. Бархударова (ч. I, изд. 2. М., 1952, стр. 371, «Словарь») прямо указано на наличие формы *мысь* 'мышь' в Слове о полку Игореве. Но уже в «Очерках по истории русского литературного языка старшего периода» С. П. Обнорского (М.—Л., 1946), в специальном разделе о лексике «Слова», это название обойдено молчанием. Правда, чтения *мысью* 'мелким зверьком' придерживается, например, П. Я. Черных («Очерк русской исторической лексикологии. Древнерусский период». М., 1956, стр. 172), из современных авторов еще В. В. Мавродин («Труды Отдела древнерусской литературы», т. XIV. М.—Л., 1958, стр. 61 и сл.), но в новой книге Ф. П. Филина «Происхождение русского, украинского и белорусского языков» (Л., 1972), широко исследующей древние лексические диалектизмы, слово *мыслию* (*мысью*) не упомянуто вообще. Ничего не говорит об этой форме в «Слове» М. Фасмер в своем «Этимологическом словаре русского языка». Крайняя точка зрения, отвергающая чтение *мыслию* (*мысию*) 'белкой', представлена в статье: В. Л. В и н о г р а д о в а. Растекаться мыслью по дереву. «Русская речь», 1971, № 1, стр. 81 и след.

явное недоразумение: ведь отсутствие фонологического различения *ш* и *с*, принимаемое авторами в этом псковском диалектном слове, непременно должно было бы выразиться в тождестве значения, тем более что речь идет о слове, которое знает только о д н о значение в масштабах всей славянской языковой семьи (*myšь 'мышь') и даже индоевропейской. Но как раз значения четко различаются: *мышь* 'мышь' — *мысь* 'белка'. Диалектная форма *мысь* 'белка' продолжает особое древнее слово [7]. Постараемся решить, какое именно. Старая форма *mysь сохраниться не могла, она закономерно перешла бы в *myšь (это наглядно демонстрируют отношения и.-е. *mūs — слав. *myšь). Форма *mysl̥ь равным образом не должна была бы сохраниться[8], но дала бы *myl̥ь, потому что s после i, ŭ, r, k перед сонантом результировало в славянском в нуль звука, о чем говорят очень надежные примеры: праслав. *žila, русск. *жила* < *gīslā, ср. лит. gýsla 'жила, сухожилие'; праслав. *lųna, русск. *луна* < *louksnā; праслав. *čьrnъ, русск. *чёрный* < *kĭrsno-. Примирить между собой формы русск. диал. *мысь* и др.-русск. *мыслию* (тождество которых не вызывает у нас сомнения) можно при том условии, что между -s- и -l- находился зубной -t-. Реконструируемое *mys-tl- затем упростилось в *mysl̥ь подобно тому, как это произошло в лѣторасль < *лѣторастль; наступила омонимизация с *mysl̥ь 'мысль, воображение', затемнившая первоначальное положение вещей и содействовавшая вытеснению слова *mysl̥ь 'мелкий зверек, белка', которое с дальнейшим упрощением в *мысь* просуществовало в псковских говорах до XIX в.

Раннепраславянское *mys-tl-, или, вернее, *mūs-tl-, фонетически обязательная праформа для др.-русск. *мыслию* и русск. диал. *мысь*, содержит в первом компоненте **mūs-* 'мышь', что представляется убедительным со стороны формы и значения. Встает вопрос о функции и происхождении компонента -tl-. На первых порах может показаться, что мы имеем здесь дело с суффиксом, но этому противоречит, во-первых, ранняя эволюция суффиксального -tl- > -dl- в славянском[9] и преимущественно отглагольный характер производных имен на -dl-[10], во-вторых. Следовательно,

---

[7] Отсутствие слова *мысь* в словарных картотеках (см. В. Л. В и н о г р а д о в а, — «Русская речь», 1971, № 1, стр. 83) еще ни о чем не говорит, слова утрачиваются, что касается указания того же автора на отсутствие формы *мысь* в памятниках Древней Руси, то там и не должно было быть этой формы ввиду ее вторичности.

[8] В омонимичном **mysl̥ь* 'идея, воображение' -s- сохранилось, потому что не следовало непосредственно за -y-, ср. этимологии из **mūd-sl-* или из **mn̥t-sl-*.

[9] Подробно об этом см. О. Н. Т р у б а ч е в. Формирование древнейшей ремесленной терминологии в славянском и некоторых других индоевропейских диалектах. «Этимология». М., 1963, стр. 37 и след. (там же остальная литература).

[10] Исключения из преимущественной отглагольности имен на *-dl-*(*-tl-*) вроде **gъrnidlo* 'горнило', 'место для горна, печи' также далеки от нашего названия зверька, потому что имеют специфическое значение названия места.

-tl- в нашем слове скорее всего не является суффиксом. Ответ на вопрос о его природе, как и о составе всего образования дает внешнее сравнение с родственной лексикой других индоевропейских языков. Так, мы полагаем, что раннепраславянское название мелкого зверька *mūstlĭ родственно лат. mūstēla 'ласка', 'каменная куница'. Этимологическое отождествление славянского и латинского названий животных носит характер двустороннего этимологического решения, поскольку самый факт отождествления помогает выяснить этимологию как славянского, так и латинского слова. Об истории изучения темного славянского (древнерусского) слова говорилось выше. Что касается лат. mūstēla, то оно признавалось до сих пор в литературе неясным [11]. Сомнений не вызывало, пожалуй, только наличие mūs 'мышь' в первом компоненте [12]. «Но для следующего компонента приемлемое сближение отсутствует»[13]. Действительно, существующие в литературе этимологические сближения второго компонента mūs-tēla столь умозрительны и произвольны, что могут быть здесь опущены без колебания, интересующегося соответствующими данными читателя можно отослать к богатому библиографией словарю Вальде—Гофмана. Именной суффикс -tela в латинском нам неизвестен [14], в чем можно видеть сходство словообразовательной характеристики с раннепраславянским *mūstlĭ. Существуют латинские отглагольные и отыменные производные с суффиксом -ēla [15]: suādēla 'убеждение, увещевание' (suādeo 'советовать, предлагать'), nĭtēla 'блеск, блестка' (niteo 'лосниться'), candēla 'свеча' (candeo 'блистать, сиять'), fugēla 'бегство' (fŭgio 'убегать'), querēla 'жалоба' (quĕror 'жаловаться'). Не исключено, что исход слова mūstēla подвергся влиянию этих суффиксальных производных на -ēla- [16], ср. nītēla в значении 'полевая мышь' [17], но изначальное присутствие суффикса -ēla- и членение mūs-t-ela в высшей степени сомнительно. Латинский не знает производных с суффиксом -t- от консонантной основы mūs, mūris 'мышь' типа лат. ōs-t-ium, др.-инд. ás-tha-, ст.-слав. ѹѕ-т-ъ; случай лат. musta представляет собой обратное производное, полученное путем переразложения [18]. Ста-

---

[11] A. W a l d e. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. 3. Aufl. von J. B. H o f m a n n. Bd. II. Heidelberg, 1954, стр. 135; A. E r n o u t, A. M e i l l e t. Dictionnaire étymologique de la langue latine. т. II, 3e éd. Paris, 1951, стр. 754—755.

[12] W a l d e—H o f m a n n, там же.

[13] Там же.

[14] Ср. ошибочно И. Х. Д в о р е ц к и й и Д. Н. К о р о л ь к о в. Латинско-русский словарь. Под общей редакцией С. И. С о б о л е в с к о г о. М., 1949, стр. 570: mustēla, ae f (demin. к mus.).

[15] Полные сведения на этот счет можно почерпнуть из обратного словаря латинского языка: O. G r a d e n w i t z. Laterculi vocum latinarum. Leipzig, 1904, стр. 292.

[16] Ср. A. W a l d e. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. 2. Aufl. Heidelberg, 1910, стр. 504.

[17] E r n o u t, M e i l l e t, там же.

[18] W a l d e—H o f m a n n, там же.

рым прилагательным от лат. mūs является лат. mūrīnus 'мышиный, крысиный' < и.-е. *mūsīnos > слав. *myšinъ. Сказанное сильно подрывает реконструкцию для лат. mystēla производного с суффиксом -t- *mus-t-, сомнительную и для других индоевропейских языков. Мы имеем в виду осет. mystulæg 'ласка (зверек)', которое В. И. Абаев ярко и убедительно в целом сблизил с однозначным лат. mustela[19]. Наращение -t-, имеющееся в осет. myst 'мышь' должно, видимо, объясняться особо. Исход -æg в mystulæg является широко популярным осетинским (иранским) суффиксом, что же касается основы осет. mystul-, то мы рассматриваем ее в тесной связи с лат. mūs-tela, а также слав. *mys-tl-ь, которые, судя по всему, возникли как двуосновные сложения (тип сложения ср. лат. mus-cerda 'мышиный помет'), а не как суффиксальные производные. Поэтому мы воздержались бы от трактовки элемента -ul- в осет. mystulæg как уменьшительного суффикса, предлагаемой В. И. Абаевым[20], иначе мы не сможем объяснить структуры других вышеназванных родственных форм.

Таким образом, вероятно, что второй компонент -tel-/-tl- в названных словах является второй полнозначной основой. Единственную возможность этимологизации этой основы мы видим в сближении с и.-е. *tel-/*tl- 'поднимать, нести', ср. др.-инд. tulayati 'поднимает', др.-лат. tulo, tulere 'нести', лат. tuli, перфект (супплетивный к fero 'несу', lātus (*tlātos), причастие, tollo, tollere 'поднимать', греч. ἀνα-τέλλω 'поднимаюсь', тохарск. täl- 'поднимать, нести, носить'[21]. Семантика 'носить', 'носиться' органически близка к 'лететь, летать'. Ср. словоупотребление в русском переводе Библии (Быт. 1,2): ... и дух божий носился над водою; в польском переводе Вульгаты: a duch boży unosił się nad wodami[22]. И.-е. *mūs-t(e)l- обозначало бы носящегося, летающего зверька. В других индоевропейских языках это название закрепилось за лаской (лат., осет.), в славянском диалекте оно, видимо, означало белку-летягу, ср., между прочим, научное название последней — Pteromys, буквально что-то вроде 'летучая мышь' (греч.). Мы приходим тем самым к довольно старому толкованию реликта *мыслию* в Слове о полку Игореве, но на основе новой аргументации. Само собой разумеется, что при этом следующий далее в «Слове» контекст *по мыслену древу* надо считать позднейшим или испорченным местом, что, впрочем, уже высказывалось в литературе.

Разъяснение одной загадки истории языка приводит к новым загадкам, еще не выясненным. Такими последствиями чревато и

---

[19] В. И. Абаев. Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965, стр. 28.
[20] Там же, стр. 80, 130—131.
[21] J. Pokorny. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I. Bern und München, 1959, стр. 1060—1061.
[22] См. о польской цитате с этим глаголом специально: Т. Лер-Сплавинский. Польский язык. М., 1954, стр. 123.

толкование др.-русск. *мыслию* 'белкой', праслав. *mys-tl-ь от и.-е. *tel- 'носить(ся)'. Почему было утрачено *tel- в славянском? Как относится оно к исторически засвидетельствованному слав. *letěti? Какова в таком случае действительная этимология *letěti? Как правильнее объяснить некоторые особенности этого последнего (напр., отсутствие именного -о- вокализма: letъ, а не *lotъ)? Случайно ли морфологическое сходство семантически близких греч. ἀνα-τέλλω (*τέλ-ɟω) 'поднимаюсь' и слав. *letjǫ 'лечу' (и там и тут — презентная форма на -*j*-)? Как видим, загадка становится задачей, но это уже тема для другой работы.

НЕКОТОРЫЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» В СВЕТЕ СЛОВАРНЫХ ДАННЫХ СОВРЕМЕННОГО БОЛГАРСКОГО ЯЗЫКА

Н. М. ДЫЛЕВСКИЙ

Лексика современных славянских языков (в особенности диалектная), восходящая к общему прастарому источнику, во многих случаях сохранила в себе реликты большой давности. Эти реликты могут быть привлечены в качестве вспомогательного средства и источника при чтении и выяснении смыслового значения трудно поддающихся пониманию и истолкованию слов и выражений старинной славянской письменности. Сохранением первичного или архаизованного значения многих слов и словосочетаний, нередко генетически связанных с языком древнейших кирилло-мефодиевских текстов, отличаются и современный болгарский язык, и, по преимуществу, его диалекты, донесшие до наших дней редкие пережиточные словарные элементы и их семантические оттенки, утраченные другими славянскими языками. Эти архаические черты болгарской лексики могут пригодиться в процессе выяснения значений и смысловых нюансов слов других славянских языков, в которых они оказались затемненными временем, забытыми или утраченными. Реконструирующая роль болгарской лексики очень эффективно может быть использована и при истолковании отдельных слов и форм «Слова о полку Игореве», все еще почему-либо остающихся необъясненными удовлетворительно до конца. Сказанное, однако, необходимо снабдить следующим примечанием. Едва ли нужно говорить о том, что показания современной болгарской литературной и диалектной лексики не могут целиком и безоговорочно переноситься на параллельные древнерусские словоформы и приниматься как непререкаемые свидетельства наличия

аналогичного значения в соответствующей древнерусской словоформе. Подобное непосредственное перенесение было бы слишком прямолинейно и противоречило бы э л е м е н т а р н ы м приемам лексического анализа и сопоставительно-исторического изучения близкородственных языков, каковыми являются русский и болгарский. Данные болгарской лексики могут служить только косвенным, а не прямым показателем, лишь облегчающим словотолкование, подсказывающим возможность присвоения данному слову именно такого, а не какого-либо иного значения, как наиболее вероятного для него в соответствующем контексте. Пренебрежение ими было бы ошибочным и нежелательным в такой же степени, как и их безусловное приятие. Позволяем себе думать, что сделанный нами на страницах статьи анализ некоторых слов и выражений «Слова о полку Игореве» в аспекте их сопоставления с соответствующими болгарскими оправдает справедливость сказанного выше и поможет их пониманию. Обзор этих слов и форм будет сделан в порядке их последовательности в тексте «Слова».

* * *

1. Начнем со значения слова «връху» в выражении «Дивъ кличетъ *връху* древа», в большинстве переводов «Слова» понимающегося как форма местного падежа единственного числа слова *връхъ* (*върхъ*) и передающегося словосочетанием — 'на вершине дерева'. Такое понимание формы *връху* нашло место и в Словаре-справочнике «Слова о полку Игореве»: «Връху — беспредложный местный падеж существительного «връхъ» в значении «вершина» — на вершине»[1]. Ему, однако, противоречат как данные ряда древнерусских и церковнославянских памятников, так и некоторые хронологические координаты, вносящие в него поправку. Более подробный разбор высказанных по поводу чтения выражения («Дивъ кличетъ) връху древа» мнений дан в статье «Заметки к «Слову о полку Игореве» [2]. В настоящей статье, привлекая наиболее выразительные примеры из древнерусских и старославянских (древнеболгарских) памятников с *върхоу* (връхоу), мы постараемся выделить преимущественно в с п о м о г а т е л ь н у ю роль болгарской лексики при выяснении значения этого слова. Как увидим, приведенный материал с достаточной красноречивостью говорит сам за себя.

Древнерусские примеры	Старославянские (древнеболгарские) примеры
Пътиця же многообразьны сѣдяху *вьрху ихъ* (ветвей), пѣснь поюштя (Изб. Св., 1076, л. 270, стр. 689).	Мати его повръже и *връхоу* ихъ (ἐπάνω αὐτῶν). Супр. рук., XI в., 80, 22.

[1] Словарь-справочник «Слова о полку Игореве», вып. 1. А—Г. М.—Л., 1965, стр. 104—106.

[2] Н. М. Д ы л е в с к и й. Заметки к «Слову о полку Игореве». «Известия на Института за български език», кн. XVI. София, 1968, стр. 269—279.

Апостоли на жребя ризы своа възложиша и Христосъ *верху ихъ* всѣдъ (Кир. Туров., 4, XII в., 2-ая пол.). Крестъ *верху чела* (ἐπὶ τῆς κορυφῆς). Жит. Андр. Юрод., 94 (XII в.)

Положиша *връхоу главы* его винѫ написанѫ (ἐπάνω τῆς κεφαλῆς αὐτοῦ). Остр. ев., Матф., 27, 37 л. (XI в.)[3]. Ношаше сѧ ковчегъ *връху воды* (ἐπάνω τοῦ ὕδατος). Бытия, 7, 18. (Григор. Парем., XIII в., 1271).

Сопоставляя древнерусские и старославянские (древнеболгарские) примеры, помещенные выше, с *върху* (*връху*, *верху* и т. п.) и существительным в родительном падеже (к которым можно прибавить и другие), мы без труда убеждаемся в том, что древнерусское словосочетание *върху* + генетив в сущности воспроизводит старославянскую (древнеболгарскую) модель. По всей видимости, словосочетание это перешло в древнерусский письменный язык из языка старославянских текстов, будучи книжным. На его книжность указывает характер текстов, в которых оно бытовало. Это в большинстве библейские и евангельские тексты, культовые и житийные произведения, перешедшие на Русь с балканского Юга, из Болгарии, или созданные на русской почве под непосредственным воздействием соответствующих образцов [4]. Что касается его смыслового значения, то оно (не только в выборочно взятых нами примерах, число которых может быть значительно увеличено) достаточно ясно. Словоформа *върху* (*връху*) в сочетании с существительным в род. пад. в старославянской (древнеболгарской) модели уже не воспринималась как реально осязаемый беспредложный локатив существительного *връхъ*, *врьхъ* (*върхъ*). Будучи поначалу бесспорным локативом ед. ч. первичных *-й(-ъ)* основ, она рано стала ощущаться как неизменяемая (а не как падежная) форма, превратившаяся в обстоятельственное, адвербиальное слово и в предлог. В аналогичных нашим примерах *връху* (*върху*) в качестве предлога выражало 'местонахождение на чем-либо', 'направленность действия на что-либо' и т. д. Очень показательно и то, что в старославянских примерах *връхоу* соответствовало греческому ἐπάνω, наречию, по нормам греческой грамматики превратившемуся в предлог 'сверху, наверху'. Именно как praepositio с генетивом, а не как беспредложный локатив места *връхоу* дается и в «Slovník jazyka staroslověnského» (Praha, 1962, 5, стр. 225—226). Совершенно очевидно, что и во втором и третьем примерах *верху* в словосочетаниях «верху ихъ» (одежд. — *Н. Д.*) и «верху чела» не было локативом и обозначало не «наверху их,

[3] Остромирово евангелие условно отнесено к старославянским (древнеболгарским) памятникам по признаку употребления в нем конструкции *връху* + генетив как первичной, послужившей моделью и возникшей в древнеболгарском языке.

[4] Краткий обзор мнений относительно беспредложного локатива в древнерусском языке (и, в частности, в словосочетании «връху древа» в «Слове о п. Иг.»): Н. М. Дылевский. Указ. соч., стр. 272, прим. 2—5 и др.

сверху их» (одежд) или «на вершине чела» и т. п., а «на них» и «на челе» (с *верху*=соврем. предлогу *на*!). Современному предлогу *на* соответствовало *вьрху* и в словосочетании «вьрху ихъ» в первом примере, которое следует переводить не «на вершине их» (ветвей), а просто — «на них».

Симптоматично и заключение В. Н. Топорова о чрезвычайно р е д к о м употреблении беспредложного локатива места в старославянском языке и трудности определения условий его функционирования[5]. Это утверждение, само собой разумеется, относится и к словосочетаниям с «връху», засвидетельствованным и древнерусской письменностью. К изложенному выше следует добавить, что нахождение предмета 'на верху', 'на самом верху' выражалось в старославянском (древнеболгарском) по норме такими моделями с предложным локативом, как: «На *самомь врьхоу* горы» (Болон. псалт., XII в.); «На стѣмь *верхоу* горы Синаискыа» (Ник, Панд., гл. 29, XIII в.) и т. п.; ср. также «на версѣ» 'наверху' в Грамоте в. кн. Вас. Дм., 1339 г., уже в древнерусском тексте. Эти ранние примеры можно увеличить за счет более поздних, церковнославянских (в качестве добавочных доказательств): «на *версѣ* высоцѣ» (Исх. 17, 6); «на *версѣ* горы» (Исх. 24, 17) и др. В заключение надо сказать, что свое старое значение словоформа *върху (връху)* — 'сверху на чем-либо' или просто 'на' донесла в болгарском языке до нашего времени. Не менее показательно и сохранение новоболгарским предлогом *върху* старой сочетаемости с пережиточной падежной формой г е н е т и в а (в местоимениях; то есть как и в древности!). Ср. современные болгарские словосочетания с предлогом *върху́*: *върху́ не́го*, *върху́ не́я*, *върху́ тях* и т. п. Как видим, значение словоформы *върху* в функции предлога в современном болгарском языке, перекликающееся с его архаическим употреблением, наталкивает нас, по-видимому, на наиболее правильное чтение словосочетания «връху древа» в «Слове о полку Игореве». В свете старых и новых данных языка его лучше читать не «на вершине дерева», как обычно принято, а просто — «на дереве».

2. Интересную диалектную болгарскую параллель можно указать и к глаголу *кають* в выражении «Ту Нѣмци и Венедици, ту Греци и Морава поютъ славу Святъславлю, *кають* Князя Игоря» (22). В большинстве переводов на современный русский язык *кають* передается глаголами *осуждают*, *укоряют*, *корят*, *попрекают*, *клянут*, *поносят*, *хулят* и т. п. Некоторые переводчики (В. Жуковский, Е. Ляцкий, Р. Якобсон) оставляют его без перевода, считая слово *кают* достаточно ясным и для современности.

Существует, однако, и другая возможность передачи этого древнерусского глагола, а именно — словами 'жалеть, сожалеть', подсказанная еще А. А. Потебней: «*Каяти* значит не только то,

---

[5] Локатив в славянских языках. АН СССР. М., 1961, стр. 183.

что *хаяти* (хорут. kajati, vituperare), но и сожалеть. Церковнослав. окаѧти, deflere (ср., ново-болг. *окая*, *ювам*), так что окаян, miser. . .» Им же приводится сербское «окајати а) оплакивать именно мертвого» [6].

К примерам А. А. Потебни можем прибавить редкую диалектную болгарскую форму — существительное *ка́ене* ‘оплакивание умерших’ («Утре ще има каене» — ‘завтра будет оплакивание’; село Кормя́нско Севлиевского района, по сообщению быв. студентки Марианы Димитровой). Не содержалось ли в древнем значении слова *каяти* и оттенка с о ж а л е н и я, пережиточно сохраненного этим глаголом в болгарском и сербохорватском языках? Элемент с о ж а л е н и я наличествует и в болгарском глаголе *окайвам* — ‘жалею, оплакиваю (кого-либо)’ и т. д.[7] Не дает ли это нам право принять обоснованность перевода — ‘осуждают, жалея’ (И. Н. Новиков, 1938) или, может быть, лучше — ‘корят, жалея’?.

3. Понимание выражения «сороки не троскоташа, полозію ползоша только» («полозіе» после поправки Е. В. Барсова) [8], переведенное первыми издателями «Слова» — «сороки не стрекотали, но двигались только по сучьям», вызвало разногласия у комментаторов и переводчиков. Перевод первого издания (1800) этого места был принят и повторен многими из них (В. Жуковским, Л. Меем, Н. Гербелем, А. Майковым и др.). Лишь спустя более полустолетия В. И. Даль в «Толковом словаре живого великорусского языка» без каких-либо объяснений сообщил, что «полозие» в «Слове» — змеи: «Полозію ползоша» в «Слове о полку Игореве» — «змеею» [9]. Соглашаясь с толкованием В. И. Даля, Вс. Миллер привел в качестве подтверждающего его мнение соответствия польское połoz ‘название крупной змеи’ [10]. В наше время это неясное место« Слова о полку Игореве» было подвергнуто обстоятельному анализу Н. В. Шарлеманем, приведшим ряд убедительных доказательств в пользу его объяснения, сообщенного еще В. И. Далем. Рассматривая это выражение с позиций натуралиста, Н. В. Шарлемань (во второй своей заметке, посвященной раскрытию смысла неясного «полозіе»), путем привлечения убедительных данных пришел к выводу о чтении этого слова именно как «полозіе» — ‘змеи’ [11].

---

[6] «Словарь-справочник «Слова о полку Игореве», вып. 2. Л., 1967, стр. 180.

[7] С. Б. Б е р н ш т е й н. Болгарско-русский словарь. М., 1969, стр. 399.

[8] Е. В. Б а р с о в. «Слово о полку Игореве» как художественный памятник Киевской дружинной Руси, т. II. М., 1887, стр. 285—286.

[9] В. И. Д а л ь. Толковый словарь живого великорусского языка, т. 3. стр. 260.

[10] Вс. М и л л е р. Взгляд на «Слово о полку Игореве». М., 1877, стр. 245—246.

[11] Н. В. Ш а р л е м а н ь. Заметки к «Слову о полку Игореве». «Полозіе». — ТОДРЛ, т. XI. М.—Л., 1955, стр. 9—12.

В подтверждение возможности такого понимания «полозіе» в «Слове» и вероятности его наличия в древнерусском языке может быть привлечено и диалектное болгарское существительное *плаз* — имя крупной змеи (ее другие наименования *смок*, *сйнорник*, *стрелец*) [12]. По Н. Герову, это Elaphis quadriliniatus [13]. Полногласная огласовка этой словоформы в восточнославянском (русск., украин., белорусск.) и неполногласные соответствия в других славянских языках возводят ее начало к праславянскому периоду. Ср. чешск. и словацк. *plaz*, болг. *плаз* [14]. Из этого вытекает вывод о функционировании слова *полозъ* и в древнерусском языке, доказательством чего является его бытование в современных русских диалектах, сохранивших его наряду с двумя другими восточнославянскими языками (украинским и белорусским) со времен общевосточнославянского единства.

4. Любопытна параллель болгарской фразеологии к первой части выражения «Слова» — «*тяжко ти головы*, кромѣ плечю» — болг. «тежкó ти», то есть 'горе тебе, беда тебе'. Кажущаяся несогласованность употребления формы родительного падежа ед. ч. *головы* (вм. *головѣ*) с местоимением *ти* в дательном падеже в историческом аспекте оказывается вполне закономерной. Из состава мнимых улик она может быть переведена в состав доказательств подлинности «Слова». Такая особенность — подмена дательного родительным — была отмечена еще А. И. Соболевским в новгородских памятниках XIV в. в конструкциях типа «ко святыма Козмы и Дамьяну» и т. п.[15] Новгородизмом считает ее и С. П. Обнорский [16]. Как фразеологизм древнерусской речи это выражение нашло место и в работе В. П. Адриановой-Перетц [17]. Однако ни у нее, ни в «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского примеров с существительным в родительном падеже и местоимением *ти* не находим [18]. Нет их и в «Glossary of the Jgor' Tale» Т. Д. Чижевской [19], и в «Словаре-справочнике «Слова о полку Игореве» [20]. Вот почему при этой скудости образ-

---

[12] Н. Геров. Речник на блъгарский език, ч. IV. Пловдив, 1901, стр. 38; ч. V. Пловдив, 1904, стр. 204, 276.

[13] Н. Геров. Речник, ч. V. Пловдив, 1904, стр. 204. См. также: В. Ст. Ангелов. Бележки върху «Слово о полку Игореве». «Известия на Института за българска литература», кн. V. София, 1957, стр. 468—469.

[14] М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка, т. III. М., 1971, стр. 314.

[15] А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка. Изд. 4. М., 1907, стр. 202.

[16] С. П. Обнорский. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.—Л., 1946, стр. 155.

[17] В. П. Адрианова-Перетц. «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI—XIII веков». Л., 1968, стр. 187.

[18] И. И. Срезневский. «Материалы. . .», т. III, стр. 1104. Единственный пример с «ти» из «Слова о п. Иг.».

[19] «Glossary of the Jgor'Tale», 1966, Mouton Co., стр. 363, 364.

[20] Словарь-справочник «Слова о полку Игореве», вып. 1, стр. 164—166.

цов из языка древнерусской письменности особую значимость получает конструкция современного болгарского языка (с народно-просторечным оттенком) «Тежко ти! . .». Наличие ее в современном болгарском языке может быть привлечено в качестве подтверждения возможности существования такой же модели и в древнерусской фразеологии, впоследствии, по-видимому, утраченной.

5. На помощь исследователю «Слова» приходит и болгарская топонимия. Так, например, болгарский гидроним *Канина* свидетельствует о полной правдоподобности наличия той же формы *Канина* (а не *Канинъ*!) в выражении «Слова»: «Бориса же Вячеславлича слава на судъ приведе, и на *канину* зелену паполому постла». Согласно летописному рассказу, князь Борис Вячеславич погиб в сражении с князьями Изяславом и Всеволодом Ярославичами и Святополком 3 октября 1078 г. при Нежатиной Ниве. В описании этого сражения в Лаврентьевской летописи *Канина* или *Канинъ* не упоминаются [21]. Однако гидроним *Канинъ* встречается в описании похода Юрия Долгорукого в 1152 г. на Чернигов: «не хотя» идти к городу (Чернигову), «сташа у Гуричева, близ города, перешедше *Канин*» [22]. Однако, судя по контексту, в «Слове» этот гидроним (название речки, ручья) следует возводить к основной форме *Канина* (ж. р.), неизвестной русским источникам [23]. И здесь ценную услугу оказывает нам южнославянский (и болгарский) гидроним *Ка́нина*, известный современности и историческим источникам эпохи Средневековья. Это название — *Канина* — носит река в Юго-западной Болгарии, левый приток реки *Места* (древней Nestos или Mestos), впадающей в нее у села Долни Хисарлык (район г. Гоце Делчев, быв. Неврокоп) [24].

Топоним *Канина* — имя старинного города на Адриатическом побережье, находившегося к югу от Валлоны (древней Авлоны, нынешней Влёры), на территории теперешней Албании, находим в 1-м хрисовуле византийского императора Василия II, данном Охридскому архиепископу Иоанну в 1020 г. Город Канина входил в пределы Албанской епархии, одной из тридцати двух епархий, подчиненных Охридской архиепископии императором Василием

---

[21] Повесть временных лет по Лаврентьевской летописи 1377 г., ч. 1. М.—Л., 1950, стр. 133.

[22] ПСРЛ, т. I, стр. 314; Ипатьевская летопись, изд. Археографической комиссии. СПб., 1871, стр. 314; см. подробнее: К. В. Кудряшов. Про Игоря Северского, про землю Русскую. М., 1959, стр. 53—56.

[23] В «Книге Большому чертежу» (М.—Л., 1950) *Канин* или *Канина* не отмечены.

[24] Кап. К. Николов. По горното течение на р. Места, «Минало». Българо-македонско списание, г. II, 1911, кн. 5—6, стр. 157—158. Также: Н. М. Дилевски. Бележки върху «Слово о полку Игореве». I. «На Канину зелену паполому постла», «Известия на Института за българска литература», кн. 3. София, 1955, стр. 100—102 (с подробной библиографией).

II после падения царства болгарского владетеля Самуила [25]. Имя *Канина* встречаем в грамоте средневекового сербского владетеля Александра — «господина *Канинѣ* и Авлону» 1386 г. дубровчанам [26], а также в приписке к рукописной псалтыри 1346 г., сообщающей о взятии этого города Стефаном Душаном [27]. *Канина* нашла упоминание и в исторической поэме византийского поэта XIV в. (ок. 1275 — ок. 1345) из Эфеса — Мануила Фила: «Ἐξ ὧν κατασχὼν τὴν πόλιν Δυρραχίου | Κροάς τε καὶ Κάνινα καὶ τὰ κυκλόθεν» [28].

Этимология топонима *Канина* до сих пор не установлена окончательно. H. Grégoire и de Keyser (ссылаясь на А. Н. Веселовского) связывают его с лат. canis [29]. Однако они рассматривают это наименование изолированно, не связывая адриатическую *Канину* с рекой того же названия (*Канина*) в Юго-западной Болгарии и с очень близким по звучанию гидронимом *Каninъ* в Черниговской земле XI—XII вв., которые, вероятно, остались им неизвестны. В то же время существование топонима *Канина* и гидронимов *Канина* (притока р. Места) и *Канин* (*Канина*) в землях восточных славян говорит скорее в пользу славянского происхождения этого географического имени. Это мнение можно подкрепить приведенными в статье проф. Б. Ст. Ангелова наименованиями населенных мест Сербии: *Пустина*, *Добриловина*, *Влаховина*, *Дичина*, *Чехотина*, *Ковина* и т. п.[30] (с тем же суффиксом). Как видно, к той же словообразовательной модели принадлежит и *Канина* [31]. Для окончательного установления исходной формы «на Канину» в «Слове о полку Игореве» — очевидно *Канина*, как это принято комментаторами, наличие гидронима *Ка́нина* в Юго-западной Болгарии весьма важная веха в ходе лексикологических изысканий. Оно утверждает нас в правдоподобности исторического существования гидронима *Канина* (в форме женского рода) в древнерусской топонимии, откуда и его оправданность в «Слове о полку Игореве».

Сказанным, однако, вопрос о переводе выражения «и на Канину зелену паполому постла» все же не решается окончательно, хотя

---

[25] Е. Голубинский. Краткий очерк истории православных церквей болгарской, сербской и румынской. М., 1871, стр. 259. Н. М. Дилевски. Указ. соч., стр. 101.

[26] Н. М. Дилевски. Указ. соч., стр. 101.

[27] Б. Ст. Ангелов. Бележки върху «Слово о полку Игореве». П. Канина, стр. 459—460.

[28] Хр. Лопарев. Византийский поэт Мануил Фил. К истории Болгарии в XIII—XIV вв. СПб., 1891, стр. 33, 53 и 288—289.

[29] H. Grégoire et R. de Keyser. La chanson de Roland et Byzance. «Byzantion», XIV (1939), fasc. 1, стр. 277—278.

[30] Б. Ст. Ангелов. Бележки върху «Слово о полку Игореве», стр. 459.

[31] Гидрологический очерк р. Канина см.: К. Стойчев. Хидроложки характеристики на река Канина. Годишник на Софийския университет. Геолого-географски факултет. Кн. 2. География, т. 58, 1963—64 г., стр. 75—77 (99). Народная этимология связывает название *Канина* с турецким словом *кап* 'кровь', откуда *Канина* 'Кровавая река'.

и продвигается к разрешению. Становится очевидным прежде всего то, что исходная форма слова (*на*) *Канину — Канина* (а не *Канин*!) уже не должна вызывать каких-либо предубеждений. Возникает и такой вопрос: не является ли словоформа «Канину» не существительным, а притяжательным прилагательным от сущ. *Канина*, совпадающим по форме с вин. пад. ед. ч. имени *Канина*? В таком случае словосочетание «и *на Канину* зелену паполому (постла)» следует понимать — 'и на зеленую паполому (зеленый покров) *Канины . . .*' Спрашивается также: не содержалось ли в древнерусском глаголе *постла (постьла)* оттенка значения 'бросить, повергнуть на', 'уложить замертво' (простереть, так сказать) на землю? Этот оттенок значения сохранился в современном болгарском глаголе *простря́* — 'повалил, бросил, поверг кого-либо наземь в беспамятстве или мертвым' (букв. 'простер, распростер'). Если предположение это подтвердится, то выражение «Слова» — «Бориса же Вячеславлича слава на судъ приведе, и на канину зелену паполому постла, за обиду Олгову храбра и млада Князя» (по 1 изд.) придется читать так: «Бориса же Вячеславича слава на смертный суд (на смерть) привела, и на Канину зеленую паполому (зеленую мураву Канины) повергла (уложила) за обиду Олега, храброго и молодого князя».

СЛОВО *ВЕРХ* В «СЛОВЕ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» И В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ

В. Л. ВИНОГРАДОВА

Существительное «вьрхъ» («връхъ») имело в древнерусском языке следующую семантику: Вершина чего-л. || верхний край. Поверхность. Голова || верхняя часть головы. Глава, главное лицо. Купол, кровля. Верховье реки, исток реки. Перен.: высшая степень, наилучшая часть чего-л.; что-л. главное. Перен.: преимущество, превосходство; победа [1].

В «Слове о полку Игореве» оно употребляется в форме «връху»: «. . .збися дивъ, кличетъ връху древа. . .», 9. Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» определяет: «беспредложный местный падеж существительного връхъ в значении 'вершина' — на вершине»[2]. В 1968 г. Н. М. Дылевский опубликовал статью, посвя-

[1] В настоящей статье использованы опубликованные и неопубликованные материалы Словаря-справочника «Слова о полку Игореве», материалы СРЯ XI—XVII вв. и СДРЯ XI—XIV вв.

[2] Словарь-справочник «Слова о полку Игореве», сост. В. Л. Виноградова, вып. 1. М.—Л., 1965, стр. 104.

щенную этому выражению «Слова» [3], в которой, опираясь на специальные исследования А. Д. Григорьевой [4] и В. Н. Топорова [5], отвергает наличие здесь беспредложного локатива в пользу предлога «на» — 'на дереве'.

Беспредложные конструкции, как известно, составляют одно из явлений древнерусского языка, особенно старшего периода.

Почти ни один предлог не минует беспредложных конструкций, хотя семасиология и синтаксис древнерусских предлогов были достаточно развиты. Одним из частных проявлений беспредложных конструкций был беспредложный локатив места. Говоря об архаичности его по сравнению с предложными формами и намечая ряд условий, при которых он мог функционировать, А. Д. Григорьева и В. Н. Топоров уделили недостаточное внимание лексико-семантической стороне его существования. Правы те исследователи, которые указывают на более общий характер б/пр. лок. сравнительно с предложными формами в этом плане. Основной смысл существования б/пр.лок. заключался прежде всего в том, способен ли он был дублировать предложную конструкцию семантически точно. Это зависело в каждом конкретном случае от значения существительного, которое он представлял, или от управления глагола. Частное употребление б/пр.лок. места от имен собственных (географических названий) и б/пр. лок. времени в сравнении с именами нарицательными в древнерусских памятниках объясняется, например, отсутствием смысловой необходимости предлогов «в» или «на», поскольку по значению 'для указания места, где совершается действие или находится кто-л., что-л'. они совпадали[6] (то же при указании времени). Что касается имен нарицательных, то они требовали бо́льшей семантической конкретизации, поэтому б/пр. лок. от них употреблялся реже [7]. Имея в виду лексико-семантический признак, мы не можем согласиться с тем, что ряд слов, восходящих к б/пр. лок., к XI в. уже онаречились и потеряли связь со своими исходными значе-

---

[3] Н. М. Дылевский. Заметки к «Слову о полку Игореве». Известия на Института за български език. Българска АН, кн. XVI, 1968, стр. 269—279.

[4] А. Д. Григорьева. К отношениям предложности и беспредложности локатива в древнерусском языке. Доклады и сообщения Института русского языка АН СССР, вып. 1. М.—Л., 1948, стр. 127—156.

[5] В. Н. Топоров. Локатив в славянских языках. М., 1961, стр. 10—36.

[6] Вопрос о том, почему географические названия употреблялись в одних случаях с предлогом «в», а в других — с «на» («в Киевѣ», но «на Торжку») — тема специального исследования. Очевидно, здесь не последнюю роль играли фонетические и топографические признаки.

[7] Я не включаю сюда б/пр. лок. при глагольных группах, поскольку в них смысловые функции распределялись между глаголом и существительным.

ниями [8]. Впрочем, В. Н. Топоров все-таки вынужден признать, что «некоторые из этих наречий сохранили еще определенные связи с соответствующими существительными, хотя это нисколько не мешает их наречному восприятию». Нам кажется, что по отношению к этим словам следует остерегаться каких-либо категоричных обобщений, т к. они из-за семантической стороны дела требуют к себе индивидуального подхода. К ним относится и интересующее нас «вьрху» («връху»).

Эта форма отнюдь не являлась редкостью. Она встречается уже в самых ранних памятниках русской письменности переводной и оригинальной наравне с существительным «вьрхъ» (връхъ). Особенно много случаев ее употребления обнаруживается в Синайском Патерике (17 раз при 3-х других падежных формах от «вьрхъ»). Форма «вьрху» («връху»), встречающаяся в русских письменных памятниках до конца XIV в. [9], по большей части является б/пр. лок. места. Обычно он выступает в текстах в формуле «вьрху» «(връху») + родит. падеж любого существительного или местоимения. Если «вьрху» («връху») прямо не согласовано с существительным, то последнее присутствует в той же фразе перед ним (такие случаи редки). На б/пр. локатив указывают прежде всего замены его на предложный локатив: «Алконость яица своя въ глубину кладеть, сама верху воды насѣдить». Мер. правед. л., 32, к. XIV в. «Но егда убо сносить алконость яица на едино мѣсто, и насядеть на нихъ на верху моря». Палея Толк, л. 21 б, 1406 г. ~ ~ XIII в. «Вьрху» («връху») употребляется во всех значениях существительного «вьрхъ» во всех жанрах древнерусского языка, в том числе в библейских и евангельских текстах. Только благодаря этому достигается в языке семантическая точность, которой бы не было, если бы форма «вьрху» («връху») выступала в качестве наречия или предлога. Приведем конкретный пример: «Не можеть градъ укрытися врьху горы стоя». Остр. ев., 212, Мтф. 5, 14, 1056—1057 гг.[10] Эта популярная в древней Руси фраза допускает лишь одно толкование: «Не может город укрыться (быть невидимым. — Срезн., Ш, 1191), на вершине горы находясь»; если заменить б/пр. лок. предлогом «на» («на горе находясь») [11], то утрачивается основной смысл фразы — город не может быть невидимым (остаться незамеченным), только находясь на вершине горы, а не в любом ее месте.

---

[8] В. Н. Топоров пишет: «Вот важнейшие из таких наречий: внѣ, верху, горѣ, давѣ, долѣ, долу, зади (заду), кромѣ, между, низу, нынѣ, олнѣ, передѣ (передѣ), противу, развѣ, свѣнѣ, сквозѣ, средѣ». — Указ. соч., стр. 34.

[9] В. Н. Топоров ограничивает существование б/пр. лок. серединой XIII в.

[10] См. то же: Сказ. Бор. Глеб /Усп. сб./ ~ 16 в., XII—XIII вв. ~ XI в.; Лобк. прол., л. 95 б—в, 1262 г.; Ф. Студ., л. 158б, XIV в.; Зл. цепь, л. 65 об., к. XIV в.; Прилуцк. прол. 2, л. 120 а—б, XIV—XV вв. и т. д.

[11] См. Slovnik jazyka staroslověnského, 5, Praha, 1962, 225; Н. М. Дылевский. Заметки к «Слову о полку Игореве». Известия на Института за български език. Българска АН, кн. XVI, 1968, стр. 278.

Исключение представляет «вьрху» в значении 'над', 'выше кого-л., чего-л'. Оно рано утратило конкретные значения и стало предлогом, видимо, вследствие отрыва места действия непосредственно от самого предмета. Ввиду его совпадения с б/пр. лок. в языке возникала семантическая неясность, ср.: «Понеже вода бысть. . . . Духъ Божии ношашеся верху воды». Пов. врем. лет (Лавр. лет.), л. 36, 1377, г. ~ н. XII в. — на поверхности воды или над водой по воздуху? или: «Вънезапу яви ся вьрху святаго Голгофы въ полудьне прѣвеликъ крьстъ. . .» Усп. сб., л. 87 б, XII—XIII вв. — на вершине Голгофы или над Голгофой? Возможно, это объясняется в переводных текстах греч. ἐπάνω или ἐπί, которые включают в себя значения действия или нахождения на верхней части предмета и над предметом. Позволю себе также высказать предположение, что данная семантическая неточность явилась одной из причин утраты в древнерусском языке «вьрху» не только как формы б/пр. лок., а вообще: ведь онаречились и стали предлогами предложные формы от «вьрхъ»: «наверху», «сверху», «вверху», «поверху» и т. п.

В связи с вышеизложенным следует критически подходить к толкованию одного из значений «вьрху» как наречия — 'на поверхности, сверху', в Словаре-справочнике «Слова о полку Игореве»: «Тма връху глубины» Шест. Ио. екз., 16, 1263 г. и т. д.[12] Это тот же б/пр. локатив места, но от другой семемы существительного «вьрхъ» («връхъ»). Ошибка произошла из-за пропуска значения 'поверхность', от которого возникла эта парадигма. Во фразе «Идоша, исполнишася кърма, и сами и кони, и быша вьрху Вълзѣ». Новг. I лет., 55, XIII в. тоже б/пр. локатив от существит. в знач. 'верховье реки' [13].

С грамматической точки зрения б/пр. локатив от «вьрхъ» («връхъ») имеет ту особенность, что он встречается в древнерусском языке только в форме «вьрху» («връху») как с род. ед. ч., так и с род. мн. ч.: «връху древа», «вьрху горы, камени, воды и др.», но «вьрху ихъ (ветвей)» [14]. Такое же нарушение согласования во мн. ч. наблюдаем и в предложном локативе. Ср.: «И постьникомъ жилища на верху горъ освящахуся». Хрон. Амарт., л. 51 б, XIII—XIV вв. ~ XI в.; «И всякъ народъ плавающе по верху водъ, ли по глубинамъ. . .» Палея толк., л. 20 г, 1406 г. ~ XIII в. В отличие от б/пр. локатива предложный локатив мог употребляться в двух грамматических формах: «вьрху» и «вьрсѣ» («вьрсѣхъ»), ср.: «на верху горъ». Хрон. Амарт., л. 51 б, XIII—XIV вв. ~ XI в.;

---

[12] Словарь-справочник «Слова о полку Игореве», вып. 1, стр. 105; ср.: «И тьма вьрху безны /так!/». Палея толк., л. 2 г, 1406 г. ~XIII в.

[13] Словарь-справочник «Слова о полку Игореве», вып. 1, стр. 106; Местный падеж «Вълзѣ» вместо родительного здесь, очевидно, по аналогии с «вьрху».

[14] См. возражения Н. М. Дылевского в статье «Заметки к «Слову о полку Игореве». Изв. на Института за български език, кн. XVI, 1968, стр. 277.

«на версѣхъ горъ». Там же, л. 132а; «на верху Въворы горы». Палея толк., л. 143а, 1406 г. ~ XIII в.; «на версѣ горъ». Там же, л. 207 б. В отношении семантическом обе формы безразличны и могли употребляться, как видим, в одном и том же памятнике.

Рассмотрим теперь само существительное «вьрхъ» («връхъ»). Основное значение его 'вершина' // 'верхний край' стилистически нейтрально. В «Слове о полку Игореве» это слово употребляется в архаичной форме б/пр. локатива, живого для русского языка старшей поры: «връху древа» — 'на вершине дерева'. В других контекстах данное сочетание слов нам встретилось в предложной конструкции: «Дятелъ вечеръ на версѣ дерева пѣвъ». Мер, правед., л. 32, XIV в.; «И спашю о верха древу». ВМЧ, дек. 1—5, 82, XVI в.[15] Впрочем, в Лобк. прол. 1262 г. обнаруживается та же парадигма, но без последующего генитива: «А святыи Ауксентии... обретошеся на дрѣвѣ лежаша, врани стояще верху и грающе», л. 89б.

В рассматриваемом значении слово «вьрхъ» («връхъ») имело мало синонимов. Лишь изредка на страницах памятников попадаются «гора» («И видѣхъ же ины ограды, яже бяху обрасли отъ горы до долу плоды добровольными. . .» Изб. Св. 1076 г., л. 269 об. — 270), «вьрховье» («на верховьи же Елеоньской же горѣ... есть горка мала». Хож. Дан. игум. (Нор.), 46, XVI в. ~ 1113—1115 гг. В раннем списке К. 1475 г. и некоторых других списках XV—XVI вв.—б/пр. лок. «верху»; в списке 1496 г. — «на верхъ»), «вьршькъ», «вьршьнь» («вьршенъ») («И вершекъ ему (теремца) спертъ кругло». Хож. Дан. игум. (Нор.), 22, XVI в. ~ 1113—1115 гг. В сп. К. 1475 г. и др. XV—XVI вв. — «вершень»; в сп. 1496 г. — «верху»). Лишь с XVI в. нам удалось в письменных текстах зафиксировать заместитель «вершина». Первоначально слово «вершина» употреблялось не только в данном значении, но и как 'верховье реки, исток реки' (см. ниже). Утрата последнего произошла в русском литературном языке далеко за пределами XVII в.[16]

В Словаре-справочнике «Слова о полку Игореве» пропущено значение 'поверхность': «И всякъ народъ плавающе по верху водъ, ли по глубинамъ, и птица парящая по аеру». Палея толк., л. 20 г, 1406 г. ~ XIII в.[17] В большинстве случаев это значение встречается в письменности в предложной форме, позже отчасти онаречившейся. В разговорном языке оно приобрело более конкретный

---

[15] Ср.: «Суть убо в нем (раю) древеса красна и цвѣтна, и высоко верхы своими украшено. . .» Палея толк., л 31 г., 1406 г. ~ XIII в.; «Возвязывают плод на верхъ древа, и преклоняют верхъ к земли». Алф.[1], л. 116 об., XVII в.

[16] Даже Словарь церковно-славянского и русского языка (т. I. СПб., 1847, стр 114) фиксирует это значение без всяких помет.

[17] Ср. б/пр. лок. места к этой семеме: «И покры ровъ пьрстью и постави вьрху прѣстолъ свои». Лобк. прол., л. 91 г. 1262 г.; «Поставиша вьрху леду древеса велика». Прилуцк. прол., I, л. 230 в, XIV—XV вв.

оттенок: ‘покрытие, покрышка какого-л. предмета’[18]. Возникновение лексемы «поверхность» относится, вероятно, к началу XVIII в.[19]

Значение ‘голова’ фигурировало в текстах религиозно окрашенных и было, очевидно, стилистически приподнято, что позволило ему удерживаться в языке, несмотря на существование таких сильных синонимов, как «глава», «голова»: «Ангелъ же за верхъ его (Данилу) нѣсыи. . .» Хрон. Амарт., л. 123 а, XIII—XIV вв. ~ XI в.; «Пречистьи вьрхъ свои пръклони». Лобк. прол., л. 123 б, 1262 г. В том же значении встречались «лобъ» («лъбъ») и «тѣмя», но они были значительно менее распространены в книжных памятниках. Передача одного и того же греческого слова κρανίον позволяла им в переводных текстах взаимозаменяться, что подчеркивало их синонимичность в данной семантике: «И верже на главу его (Авимелеха) жена уломъкъ жерновныи и скруши лобъ его». Хрон. Амарт., л. 74 а, XIII—XIV вв. ~ XI в.; «. . . и скруши ему тѣмя». Библ. Генн., Суд. IX, 53, 1499 г. («Скруши ему тѣмя» — по сп. XIV в. Срезн., III, 1094).

Сюда же следует отнести более узкий оттенок слова «вьрхъ» («врѣхъ») — ‘верх головы, темя’; «Приимъшимъ рукоположенье от епископа верхъ постриженъ». Варс корм., л. 309 в, XIV в.; «На главѣ Иосифли и на версѣ ея». Библ. Генн., Быт. XLIX, 26, 1499 г. Однако этот оттенок не получил в древнерусском языке распространения не только вследствие своей жанрово-стилистической ограниченности, но и из-за смысловой неточности. Поскольку лексема «вьрхъ» («врѣхъ») означала не только голову, но и ее часть, то даже в условиях, когда слова «глава» («голова») и «вьрхъ» следуют в контексте друг за другом, практически нелегко определить значение «вьрхъ»: «И поклонь главу и верхомъ ударивъ в землю и повергъ его ница». ВМЧ, окт. 19—31, 1716, XVI в. В XVI—XVII вв. «тѣмя» как ‘верхняя часть головы’ становится общеупотребительным, оставляя слову «вьрхъ» («врѣхъ») лишь узкую церковную сферу, где оно сохраняется в силу традиции [20].

Семема ‘глава, главное лицо’ также ограничена религиозными текстами и показывает на неутратившуюся связь с семемой ‘голова’. Это особенно заметно в обращениях к духовным лицам: «Приидохомъ всеосвященному ти връху». Ж. Серг. Р. Епиф., 19, XV—XVI вв. ~ 1418 г.; «Много метания твори твоему преосвятѣйшему верху». Посл. Корнилия, 532, XVII в. ~ XVI в. Данное значение, по-видимому, можно рассматривать как перенос части на целое. Вследствие стилистической приподнятости здесь

---

[18] Ср.: «. . . шубу верхъ снят. . .» Кн. прих.-расх. Ант. мон. № 1, л. 124 об., 1583 г.

[19] Ср. Н. М. Ш а н с к и й. О происхождении и продуктивности суффикса *-ость* в русском языке. «Вопросы истории русского языка». М., 1959, стр. 128.

[20] В Словаре церк.-слав. и русского языка 1847 г. это значение снабжено пометой «церк.» — т. 1, стр. 114.

«вьрхъ» («връхъ») с соответствующим определением приобрело некоторые черты титула, и этим еще больше сузило возможности своего употребления. Поэтому даже в однотипных памятниках более нейтральные слова «глава» («голова») одерживали победу.

Значение 'купол, кровля' в принципе было в древнерусском языке нейтральным жанрово и стилистически. Его обнаруживаем уже в Изб. Св. 1076 г. л. 251 об.: «И вьрхъ храмины аще и мало отъ покрова съпадеть, вься храмина низъпадеть ся». Этот пример, пожалуй, является одним из тех малочисленных примеров, где словом «вьрхъ» обозначается кровля обычного дома [21]. В большинстве же случаев это церковный купол, что обусловливается самим содержанием древнерусской письменности, так как авторы и писцы охотнее сообщали сведения о церквах [22], чем об обычных строениях. В живом языке, как показывают бытовые тексты летописей и деловые документы, предпочиталось купол здания, чаще церковный, именовать словами «лобъ» («лъбъ») и «маковица». Иногда данные лексемы выступают рядом в одной фразе: «У Святаго Воскресения 2 верха: единъ есть съ маковицею и со крестомъ». Хож. Зос., 18, XVI в. ~ 1419—1422 гг.; «И разшибе молониею у церкви. . . маковицу подъ крестомъ, и прошибе лобъ церьковный». Ник. лет., п. 1533 г., 69, XVI в. Это заставляет предполагать более узкую семантику слова «маковица» — 'округлая часть, глава купола, кровли здания'. В «Материалах для археологического словаря» (Ш, 3, с. 45) приводится в значении 'купол храма' слово «теремъ»: «горѣ у терема великаго сошита пазуха златомъ» (θολοστρῦλος). Савваитов. Пушк. арх. Антония, с. 72. Однако этот пример остается пока единственным.

«Вьрхъ» («връхъ») в значении 'верховья реки, истока реки и т. п.' тоже общеупотребительно, но смысловое присутствие его было необходимо в географических, топографических и гидронимических описаниях. Поэтому сфера его употребления ограничивалась летописями, воинскими повестями, хожениями, грамотами и др. деловыми документами. Не случайно старославянские словари не фиксируют данного значения в церковных текстах. Еще в старший период синонимами этого значения были «верховье»[23] и «истокъ». Основным значением лексемы «истокъ» было 'источник, родник, ручей'. Так как началом реки по большей части и является источник, родник, ручей, то в языке такая прозрачная «этимология» приводила к семантической неясности. Поэтому в памятниках бывает нелегко определить семантику слова «истокъ»: 'источник, ручей' или 'начало реки'? Третий синоним «вершина»

---

[21] Ср. также: «Възлѣзше на истобку, прокопаша и верхъ». Пов. врем. лет, п. 1095 г., л. 76, 1377 г. ~ н. XII в.

[22] В Усп. сб. XII—XIII вв., например, «вьрхъ» фиксируется в значении 'купол, кровля' 6 раз, и везде речь идет о церковном куполе. Иногда в памятниках уточняется: «вьрхъ цьрковьныи».

[23] См. Срезн., I, 465; ср.: «ис цьрьтово руцьи и до верховья и по путь рыдьньскои». Берест. гр. (новг.), № 390, вт. пол. XIII в.

(см. выше) русская письменность начинает отмечать с XVI в.[24]

Церковным или окрашенным религиозными мотивами текстам было присуще употребление лексемы «вьрхъ» («врѣхъ») в переносном значении 'высшая степень чего-л.; наилучшая часть чего-л.; что-л. главное': «Яко съмѣрения вьрхъ есть еже тьрпѣти съ радостию лъже клеветы». Сб. Тр. № 12, л. 174 об., к. XII—н. XIII вв.; «На таковыи убо верхъ злобы пришедше человѣци». Ж. Варл. Иос. (рук.), л. 117, XIV—XV вв.[25] Интересно отметить, что и от этого значения мог встретиться б/пр. локатив «вьрху» («врѣху»): «Вы же, безаконьствующе и творяще дѣла, яже нелзѣ казати, верху своего безакониа, тогнѣтеся и мене розстрѣлити. . .» Флав. Полон. Иерус., 384—385, XVI в. ~ н. XII в. Синонимом к этому значению было «главьство»: «Главьство убо сущимъ въ насъ благомъ тьрпѣние есть». Сб. Тр. № 12, л. 128 об., к. XII — н. XIII вв. (ср.: ВМЧ, окт. 19—31, 1843; дек., 2038, XVI в.); «Воскрьсение и поновление главъство всеи твари». Козма Инд., 105, XVI в. ~ XIV—XV вв. Однако примеры на слово «главьство» единичны: переводя греческое κεφάλαιον в трех его значениях (кроме рассматриваемого, ещё: 'глава книги и т. п.' — см. Син. Патер., л. 38, XI в.; 'капитал' — см. Син. Патер., л. 130 об., 140 об.), оно распространения не получило, и сколько-нибудь заметного влияния на семантику слова «вьрхъ» («врѣхъ») не оказало.

Наконец последним значением лексемы «вьрхъ» («врѣхъ») в древнерусском языке было тоже переносное 'превосходство в чем-л., победа'. Оно было угнетено сильным синонимом «побѣда», поэтому в памятниках фигурировало редко [26]. И все же данная семема в слове «вьрхъ» дожила до нашего времени. Причину этой устойчивости, на наш взгляд, следует искать в том, что слово «побѣда» очень рано стало военным термином (ср. греч. νίκη; Νίκη — эпитет Афины — у Софокла), в то время как «вьрхъ» сохранило бо́льшую акцентировку на 'превосходство, преимущество в чем-л. вообще', хотя могло иногда употребляться и в военном смысле [27].

Итак, исходя из всего вышесказанного, можно сделать следующие выводы:

Беспредложный локатив «вьрху» («врѣху») не был редкостью в древнерусском языке. До конца XIV в. — это живая парадигма, которая может образовываться от любого значения существительного «вьрхъ» («врѣхъ»). После XIV в. «вьрху» («врѣху») сохраняется

[24] Ср.: «До вершины той же рѣки» Ряз. писц. кн. II, 486, XVI в.; «Вершина той горы блиско вершины Дуная рѣки». Козм. 60—61, 1670 г.

[25] В Словаре-справочнике «Слова о полку Игореве» это значение пропущено. См. еще: Хрон. Амарт., л. 225 б; Усп. сб., л.. 202в, 263а; КЕ XII, л. 104а; Мер. правед., л. 65, и т. д.

[26] Ср.: Г. А. Богатова, А. Н. Добромыслова. Об одной группе фразеологизмов со словом верх. «Исследования по словообразованию и лексикологии древнерусского языка». М., 1969, стр. 305—311.

[27] См. Словарь-справочник «Слова о полку Игореве», вып. I, стр. 106.

в поздних списках памятников как архаичная форма, иногда заменяясь либо предложным локативом, либо синонимичным существительным. Поэтому употребление «връху» в «Слове о полку Игореве» является органичным как для подлинника, так и для рукописи XVI в. Ближе к истине те исследователи и переводчики «Слова», которые переводят данное выражение: « . . .на вершине дерева».

Само слово «вьрхъ» было в древнерусском языке многозначным. В настоящей статье рассмотрены основные его значения. Большинство из них, особенно нейтральных в употреблении, сохранились в русском литературном языке до нашего времени, хотя удельный вес их функционирования мог измениться. Переоценка некоторых значений слова «вьрхъ» в пользу его синонимов происходила, в основном, позже XVII в.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ И ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА

Г. А. БОГАТОВА

*I *polъ и* полъ[1], полъ[2], полъ[3]

В словарях современного русского языка при подаче омонимов можно наблюдать некоторые с точки зрения истории слова вполне обоснованные колебания. Словарь русского языка С. И. Ожегова (1953 г.) различает три омонима. *Пол*[1]: В доме, помещении: нижний настил, по которому ходят. *Пол*[2]: Каждый из двух разрядов живых существ (мужчин и женщин, самцов и самок). *Пол*[3]: Употребляется при указании получаса в значении 'половина', *пол первого*. Происхождение *Пол*[3] и *Пол*[2] от одного семантического корня не вызывает сомнений, даже если исходить только из данных современного русского языка[1]. Это вторичная омонимия. Перед нами исторически складывающиеся омонимы. Переходность их состояния между значениями отдельного слова и самостоятельными словами засвидетельствована памятниками письменности XI—XVII вв.

Сложнее с *Пол*[1] и *Пол*[2]. Этимологические словари констатируют отсутствие связей между ними. Исследователи предполагают для *Пол*[1] родство с скр. phalakam 'доска, пласт', с др.-исл. pallr 'ступенька лестницы, станина» [2], хотя еще в 1890 г. при раз-

[1] Словарь русского языка С. И. Ожегова в издании 1972 г. отражает утрату *Пол*[3] признаков самостоятельного слова. Оно представлено уже в составе *Пол. . .* как часть сложного слова или словосочетания.

[2] F. Miklosich. Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien, 1886, стр. 256; А. Преображенский. Этимологический

боре Этимологического словаря Ф. Миклошича Р. Брандт заметил, что «не стал бы отделять polŭ [2] от polŭ [1]» [3]. Правда, он не привел развернутого обоснования к этому замечанию.

Семантические наблюдения при работе над словом *полъ* для Словаря русского языка XI—XVII вв. позволяют, как кажется, представить необходимые аргументы для такого обоснования. Здесь мы также имеем дело со вторичной омонимией. Это омонимы старшей поры, возникшие закономерно в праславянский период в результате утраты семантического сцепления между значениями одного слова основы на -ŭ *polъ.

Свою задачу мы видим в том, чтобы на материалах русской письменности показать, какие данные лежат в основе этого вывода и как это связано с построением соответствующих словарных статей СРЯ XI—XVII вв.

Прежде всего рассмотрим складывающуюся для древнерусского *полъ* семантическую схему. Отчетливо проступает в ней деление на две ветви.

Полъ — это 'низ, основание и нижняя поверхность чего-л.' Она часто служила полом: речь могла идти о каменных и земляных полах, о земле вообще. Семантическими ответвлениями были 'полоса земли', 'полоса, лист металла'.

Полъ — это и 'одна из двух частей чего-л. (иногда неравных)'; 'половина'. 'Одна из двух частей чего-л.' реализуется через 'одну из двух сторон чего-л.' (берега реки, например), а также через 'один из двух разрядов живых существ' (мужчин и женщин, самцов и самок). Последнее, обозначая 'лицо мужского или женского пола', собирательно 'мужчин и женщин', сформировало впоследствии *полъ* — sexus, 'совокупность признаков, по которым различаются мужские и женские особи', сформировало 'разряд, чин' («отроческий полъ» — лицо в разряде, чине отрока, в монастыре).

Значение 'половины' как более точной величины закрепляется в сочетаниях со счетными именами: именем существительным — «пол третника ржи» и именем числительным — «пол 2» (полтора), «полчетверта» (3, 5), «полтретьядцать» (25) и т. п.

Значение 'половины' создает семантическое ответвление 'середины чего-л.', соотносимое с пространственными и временными понятиями.

В древнерусский период, таким образом, не осталось прямых свидетельств близости этих двух ветвей. Семантическая схема дает основание для вычленения Полъ[1] и Полъ[2] в словаре. Однако

словарь русского языка. М., 1910—1914, стр. 100—102; М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка, т. III. М., 1971, стр. 306; Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1972, стр. 350.

[3] Р. Брандт. Дополнительные замечания к разбору Этимологического словаря Миклошича. — РФВ. Варшава, 1890, т. XXIII, стр. 302.

следы их близости можно обнаружить, сопоставив приведенную схему *полъ* с семантическими особенностями других представителей этой основы в древнерусском языке, например, слова *верхъ*.

В данном случае сопоставление по противоположности понятий представляется более продуктивным, чем сопоставление по сходству [4], ибо противопоставленность как семантическую характеристику слова нельзя не учитывать при воссоздании его истории.

Для слова *верхъ* по древнерусским памятникам письменности основным номинативным значением является 'верхняя часть, верхняя оконечность чего-л.', а шире — 'предел возвышения чего-л.' (как удачно выразил эту идею Словарь Академии Российской 1789 г.).

Это характерно как для прямого, конкретного, так и для образного и переносного употребления слова. Например, достижение высшей степени чего-л., предела возвышения в чем-л. формировалось через известную параллель с восхождением по «лѣствице»: От перваго степени почнетъ взлазити ти тако до конца всходить. Тако и на добродѣтель по малу въздрастающе достигаемъ. Аще ли же хощемъ за верхъ ятися. Ф. Ст. XIV, 41 а (СДР). Ср.: Видѣ ли коликы взыде степени и како насъ на самомъ постави верху добродѣтели. ПНЧ 1296, 85 об. (СДР). Видѣ ли высоту мудролюбия и верхъ добродѣтели. МПр. XIV, 65 (СДР). Всѣмъ добродѣтелемъ верхъ кротость и незлобие. Ав. Кн. толк., 440.1677 г.[5]

Среди вторичных значений и контекстуальных вариантов у слова *верхъ* наряду с теми, что развивают идею 'верхней оконечности' (вершина горы, дерева, верхушка, головка нарыва, купол, глава церкви), есть и варианты от значения 'верхней (плоской) части', 'поверхности чего-л.' (верхняя пленка, потолок, перекрытие). Иллюстраций не приводим, отсылая к публикациям [6].

Для слова *полъ* по древнерусским памятникам письменности исходным могло быть значение 'низа, основания чего-л.': Она же приступлеша разъметаста храмъ до полу. (Нест. Бор. Гл.) Сильв. сб., 49. XIV в. В отличие от слова *верхъ*, развившего значение 'верхней оконечности как предела возвышения', слово *полъ* не знает 'нижней оконечности как предела углубления'. Его специфика — 'нижняя (плоская) часть, поверхность чего-л.' Это может быть и земля, и пол: Онъ же [митрополит] поклонився до полу и тако отходить в олтарь (Чин. изб. № 52) РИБ VI, 456. 1423 г.

---

[4] Имеется в виду сопоставление со словами *низъ*, *долъ*, которые по своим морфологическим признакам, зафиксированным в памятниках старославянской письменности, также могут быть отнесены к старой основе на -ŭ.

[5] Так как основу для статьи составили материалы Картотеки ДРС XI—XVII вв., эта и последующие цитаты даны без специальной пометы ДРС.

[6] См. публикуемую в данном сборнике статью: В. Л. Виноградова. Слово *верх* в Слове о полку Игореве и в древнерусском языке, а также: Г. А. Богатова и А. Н. Добромыслова. Об одной группе фразеологизмов со словом *вверх*. «Исследования по словообразованию и лексикологии древнерусского языка». М., 1969, стр. 305—311.

Бобыль Мишка. . . подрядился в соборнои церкви наслать бѣлымъ каменемъ пол. Кн. прих.-расх. Холмог. арх. д. № 102, 62. 1691 г. И даже совсем конкретно — земляной пол (в хранилище): Свари морской воды с немногимъ масломъ и помочи симъ полъ, сирѣчь землю идѣже полагаеши плоды. Кн. землед., 18. 1674 г. сп. 1705 г.

Т. е. возможно, среди семантических функций тематического элемента содержалось обозначение пространственных понятий. Может быть, в силу наличия у слова *верхъ* нескольких противопоставлений (*полъ*, *низъ*, *долъ*) у слова *полъ* существовала в древнейший период или выработалась своя специфика — обозначения в системе двух противопоставленных понятий 'основания', 'низа, нижней части чего-л.'

Это косвенно подсказывается рядом примеров. При обозначении, например, земного рельефа находим следующие интересные в семантическом отношении данные: А стоить [монастырь] Протатия среди святыя горы сирѣчь в полугорѣ вверх ⟨в⟩сходя. Алф. [2], 71 об. XVII в. Отъ поля лѣсомъ с версту и в томъ бояракѣ в полугорѣ мелъ, а не камень. А.гр.распр. Фед.-Чех., II, 421, 1684 г. Очевидно, имеется в виду нижняя часть горы до середины, основание горы. Последний пример перекликается с иной формой: *полугорье*: А дубъ стоитъ подле тресинъ вполугорье. Тамб. арх. XVIII, 55. 1702 г. То же значение в примере со словом *курганъ*: На отъѣзжей сторожи стоятъ судженцы. . . къ Сумамъ къ Сокольему рогу на полукурганѣ по 5 человекъ. ДАИ IX, 297. 1678 г.

Возможно, что об этом свидетельствуют и некоторые примеры с антропометрическими данными. Примеры с *пол-* с точки зрения их генезиса говорят о том, что через *пол-* при вертикальных измерениях обозначалась нижняя часть предмета-измерителя, отсчет шел с низу, с основания: (1418): Тое же весны майя 5, снѣгъ палъ въ полъголени, и лежалъ три дни. Воскр. лет. VIII, 152. Песокъ же великъ ако до полу ноги погружается. Х. Вас. Познякова. XVII в. ~ 1561 г. (Срезн., т. II). Алей хочет приходить по уфинские волости ныне в весну в деловую пору или как трава с полколена будет. Гр. Сиб. Милл. II, 193. 1606 г. А какъ они вошли в ызбу к царю и царь сидѣлъ на своемъ мѣсте. . . а сустроено мѣсто ему на землѣ, послано было ковровъ в полколѣна. Петлин, 275. 1618 г.

Все эти косвенные свидетельства позволяют предположить, что переход от одной семантической доминанты 'низ, нижняя поверхность' в пучке значений, присущих слову, к другой доминанте 'нижняя часть чего-л.' очень древен. Некоторые следы механизма этого процесса есть и в истории *полъ* в значении 'берег'.

Характерно следующее наблюдение И. И. Срезневского: «***Онъ полъ=торговый полъ*** — название торговой части Новгорода, находившейся на берегу, противоположном старому городу, обыкновенно называвшемуся ***си сторона:*** — Погорѣ онъ полъ, на сеи же стороне город храмьныи. Новг. I лет. 1116 г. Погорѣ

тръговыи полъ отъ ручья Плътьницьнаго до конця Хълма. Новг. I лет. 1137 г.» (Срезн., т. II, стр. 1146).

Возможно, закрепление названия *торговый полъ* за более низким, пологим берегом Волхова не было случайным, оно представляло как бы «память» слова о древнейшей его доминанте (низе, низинности), сохранявшейся микротопонимом в период, когда в большинстве случаев *полъ* уже означало просто 'берег', 'сторона реки': (1016): Перевозися Ярославъ съ вои на другыи полъ Дънѣпра. Новг. I лет., 83. Сташа оба полъ рѣкы Буга. Пов. вр. л. 6524 г. Сташа си сторона и она сторона, доспѣвше въ оружьи противу себе, оба полъ Волхова. Новг. I л. 6843 г. (Срезн.) [7].

Полъ в значении 'берег' все чаще рассматривалось как 'часть', 'сторона', имеющая такое же противопоставление. Конкретная история *полъ* в значении 'берег' явилась лишь отражением процесса формирования новой доминанты 'часть целого', 'одна из двух частей целого, равных, иногда не равных'. Так проявилось в истории *полъ* изначально заложенное в семантике слова свойство противопоставленности. Оно проявилось при обозначении явлений парности (берега реки), симметричности (оба пола лица челюсти есте двѣ врьхнѣа и дольнѣа. Шестодн. Ио. екз., 1263 г.), при формировании отвлеченных значений 'каждый из двух разрядов живых существ' (самцов и самок, мужчин и женщин): Адамъ блюдяше звѣри мужескии пол, а азъ Евва блюдях женскии пол звереи. П. отреч. I, 10. XVI в. Жена. . . ему родить отрочя мужескы полъ сна. Андреи Критский, 32. XVI в.

Семантическим ответвлением от 'части целого', 'половины', является обозначение половины как 'середины': Последний тропарь: Христос воскресе поетъ самъ до полу, а пѣвчие допѣваютъ. Чиновн. Иоакима[2], 84. 1675 г.

Даже в поздних памятниках, в былинах, например, встречаем «в полупиру», т. е. к половине, середине пира:

У ласкова князя Владимира
Было столованье почестный пир,
На многих князей, бояровъ.
И в полупиру бояре нанивалися
И в полукушаньяхъ наѣдалися.

Был. М., 37.134.

---

[7] Возможно, в этот же период наступает и смена принципов номинации при обозначении понятия 'берег'. Мотивация по признаку 'сторона' уступает постепенно мотивации по признаку 'крутой', 'высокий'. При древнем *полъ* распространяется и получает преобладание *берегъ*, *брѣгъ* (из *bergъ 'гора'), что стало возможно при определенных внелингвистических и лингвистических условиях.

В основе изменения мотивации в данном конкретном случае могло лежать реальное изменение речного рельефа (углубление русла делало постепенно более крутыми берега рек), что одинаково могло проявиться в истории разных языков. Например, «в литовских названиях: в значении 'берег' может быть употреблено pùsė (собственно, 'половина', 'сторона'), но обычное его название kraũtas, родственное русск. крутой». Ж. Ж. Варбот. Этимология. «Русская речь», 1968, № 4, стр. 92.

Иногда же это 'центральная, срединная часть чего-л.', 'сердцевина'; 'полость, внутренность чего-л.': Подобаетъ ея [тесину, бревно] еще беречи, чтобы полъ, или середа. . . не был мяхкои. Назиратель, 177. XVI в. Возможно, сюда относится и пример XVII в.: Уготовить горшки. . . бездонныя. . . чтобы у них дна полы были пробиты (на полях рукописи глосса: з дирами). Сим. Обих. книгоп., 212. XVII в.

Равновеликость, равноценность обозначаемых частей более тесно связывалась со словом *полъ*, что в свою очередь содействовало появлению новой доминанты в пучке значений слова: 'одна из двух равных частей целого', 'п о л о в и н а'. К этому времени значение 'половина' было уже самостоятельно оформлено или оформлялось в славянских языках и с помощью суффиксов (-ъtь, -ovь, -ica, -ovica). В русском — именно к суффиксальному *половина* переходят основные функции *полъ*[2].

К концу XIV в. *полъ* фиксируется уже преимущественно в связанном состоянии (в существительных с перечисленными выше суффиксами, а также в сложных словах типа *полугорье*, *полулѣстница*, *полтретника*, *полтретья*, *полтретьядцать* и т. п.).

Но даже в связанном состоянии в XVI—XVII вв. *полъ* еще сохраняет следы направления движения снизу вверх, к середине чего-л.: А какъ поидетъ на лѣсницу, ино бы его [посла] въ полулѣстницѣ встрѣтили. Рим. имп. д., 186. 1517 г. А стоит [монастырь] Протатия среди святыя горы, сирѣчь в полугорѣ вверх ‹в›сходя. Алф. [2], 71 об. XVII в. (Ср. у слова *половина* в памятниках того же времени: У одного кадила цѣпь желѣзные до половины, а въ верхъ конопляные. АХУ I, 1021. 1690 г.)

Полъ теряет признаки существительного: не склоняется, не имеет рода, у него складывается специфический круг употребления: выживают сложения типа *полмѣсяца*, *полумѣсяц*, *полпятого*. Вычленяется и к XVII в. может быть оформлено как *полъ* [3] отвлеченное понятие Полъ-sexus (Lud., 1696 г.).

Таковы данные, которыми располагают древнерусские памятники письменности для характеристики и реконструкции древнейших семантических отношений в слове *polъ. Таков путь от праславянского *polъ к древнерусским Полъ[1], Полъ[2], Полъ[3].

Эти наблюдения автор рассматривает также как своего рода лексикологический комментарий, семантическое обоснование к соответствующим словарным статьям в Словаре русского языка XI—XVII вв. (гл. редактор С. Г. Бархударов).

ПОЛЪ[1], *м.* I. *Низ, основание; нижняя поверхность чего-л.* Она же приступлеша разъметаста храмъ до полу. (Нест. Бор. Гл.) Сильв. сб., 49. XIV в. || *Земля; пол, земляной пол (в доме, хранилище).* Онъ же [митрополит] поклонився до полу и тако отходить в олтарь (Чин. изб. № 52) РИБ VI, 456. 1423 г. Свари морскои воды с немногимъ масломъ и помочи симъ полъ, сирѣчь землю идѣже полагаеши плоды. Кн. землед., 18. 1705 г. ~ 1674 г.

2. *Пустая, незанятая полоса земли; пустошь* (?). Да в тѣхъ же Двинскихъ писцовыхъ книгахъ Сиискаго монастыря в вотчине написано: в Андреянове к стану вверхъ Лодмы реки под полами от крестьянскихъ пашенъ дватцать верстъ пустое мѣсто. Гр. Дв. II, 206. 1689 г.

3. *Лист, полоса металла.* Въ село Алексѣевское принялъ Родионъ Ждановъ 20 котловъ, 60 трубъ и притрубковъ то же, 20 половъ мѣдныхъ по вѣсу 48 пудъ 9 гривенокъ 3 осмухи. ДТП I, 800. 1683 г. — Ср. пола.

ПОЛЪ [2], *м.* и *ж.* 1. *Одна из двух частей чего-л. (иногда неравных); половина.* (986): И в 2-й день створи твердь, яже есть посреди воды; сего же дне раздѣлишася воды: полъ их взиде надъ твердь, а полъ ихъ подъ твердь. Лавр. лет., 85. О Бояне, соловию стараго времени! абы ты сиа плъкы ущекоталъ скача, славию, по мыслену древу, летая умомъ подъ облакы, свивая славы оба полы сего времени. Сл. о п. Иг., 6. И рече цр҃ь [Соломон] рассѣците отроча сущее живое на двое и дадите ей полъ, а они другую полъ. (3 Цар. Ш, 25). Библ. Генн. 1499 г. — *В сочет. со счетными именами в значении половины означенного именем количества:* Довелось взять. . . 226 четвертеи безъ получетверика и полъ малаго третника ржи, овса тожъ. АМГ Ш, 482. 1662 г. — *В сочет. с числительными в значении половины в составе дробного числа, типа полтретья и полтри, полтринадцата и полтринадцать, полтридцата и полтридцать, полтретьяста и полтриста (соотв. два с половиной, двадцать пять, двести пятьдесят).* На полъ 2 мили трупия бусурманского множество лежаше [в сп. Т: на полторы]. Курб. Ист., 188. XVI в. А дохода монастырю. . . хлѣба поспомъ полвосминатцаты коробьи ржы. Кн. пер. Водск. пят. I. 80. 1500 г.

2. *Одна из сторон чего-л., берег.* (1016): Перевозися Ярославъ съ вои на другыи полъ Дънѣпра. Новг. I лет., 83. Съ оного полу моря. Ефр. Сир. XIII в. (Срезн., т. II) Яко же приде на рѣку и не могы и прелѣсти преклони колѣни свои и приде коркодѣлъ и взятъ и пренесе и на онъ полъ рѣкы. Пролог (Срз.), л. 109. XV в. ***Торговый полъ*** *— название торговой части Новгорода, находившейся на (более низком?) берегу Волхова, противоположной старому городу.* (1134): Том же лѣтѣ погорѣ Търговыи полъ отъ ручья Плътьницьнаго до конца Хълма. Новг. I лет., 127.

3. *Середина чего-л.* До полу великыя суботы нощи (ad mediam noctem). Никон. Панд., сл. 57. Трул. 69. 1296 г. (Срезн., т. II). Послѣднии тропарь: Христосъ воскресе поетъ самъ до полу, а пѣвчие допѣваютъ: и сущимъ во гробѣхъ животъ дарова. Чиновн. Иоакима [2], 84. 1675 г. || *Середина, внутренность чего-л.; полость.* Подобаетъ ея [тесину, бревно] еще беречи, чтобы полъ, или середа. . . не былъ мяхкои. Назиратель, 177. XVI в. ◇ ***Изъ полу.*** *Из половинной доли чего-л., исполу.* Саломъ учнутъ промышлять по уговору, изъ полу и изъ трети и изъ чети, для своей корысти. АИ IV, 553. 1675 г. ◇ ***Съ полу.*** а) *Кстати.* (1286): Даи ми, гсне, Берестии; то бы мь с полу было. Ипат. лет.* б) *Вместе.* (1476): Посад-

ники же псковскии за все сполу князю Ярославу и весь Псковъ дали на вѣчѣ 130 рублевъ. Псков. I лет., 252. ◇ ***Въ полы.*** а) *Наполовину.* Возложиша на мя раны доволныи и оставише мя въ полы мертва. Х. Зос., 20. XVI в. ~ 1422 г. Въ ихъ помѣстьяхъ учинилось в пустѣ. . . вполы и въ треть и въ четверть. Писц. д. I., 36. 1617 г. б) *В половинном размере.* А на Москвѣ государева таможенная пошлина с товаров ихъ имати в-полы ль или сполна. Гебд., 78. 1661 г. в) *В середине чего-л. (о времени события).* (1476): Въ 4 часъ дне загорѣся на Москве внутри градѣ близъ вратъ Тимофѣевскыхъ. Князь же великии самъ съ многыма людми пришедъ угасиша то, и оттолѣ поиде къ столу на обѣдъ. И еще въ полы стола его загорѣся на Москвѣ. . . близъ Никольскихъ вратъ в 5 часъ дне. Симеон. лет., 250. А онъ государь преставися осмаго часа въ полы. Пис. к Никону, 167. 1652 г. ◇ ***Въ полъ (обѣда, утра).*** *В середине дня, утра.* (1382): Въ полъобѣда приихаша татарове ко граду. Твер. лет., 442. (1470): Ночеваша ту съ суботы на недѣлю, и въ полъутра повелѣша въ недѣлю себѣ обѣдню служити. Соф. II лет., 190. ◇ ***На полы.*** а) *На две половины, пополам.* (1171): Овѣмъ же руцѣ и нозѣ отсѣцая. . . овѣхъ же на полы разсѣцая. Ник. лет. IX, 240. б) *Наполовину.* Велѣлъ его [Гвидона] такъ староста гораздно бить, что наполы мертвъ былъ. РД, 145, 1688 г. в) *В середине чего-л. (о времени).* (1096): Се же бысть исходящю лѣту $\overset{s}{\neq}\overset{\chi}{}\overset{a}{}$ индикта $\overset{a}{}$ на полы. Лавр. лет., 240 ◇ ***На полъ.*** *Посредине; пополам.* (1146): Изома у нихъ мужи ·г· и уби я и когождо ихъ перетенъ на полъ, поверже я исъ града. Ипат. лет, ◇ ***Съ оба полы.*** *С обеих сторон.* (1361): И начаша татарове оступати его [князя Андрея] с оба полы и со всѣ стороны. Рог. лет., 71. ◇ ***Оба полы.*** а) *С обеих сторон, по обе стороны.* Оба полы лица челюсти есте двѣ врѣхнѣа и дольнѣа. Шестоднев Ио. екз., 18. 1263 г. б) *По обе стороны (реки), по берегам.* И сташа противу себе оба полы Днепра. (Ж. Бор. Глеб.) Сильв. сб., 98. XIV в. ◇ ***Оба полъ.*** *С двух сторон; по обе стороны (реки); по берегам.* (1315): Сташа си сторона и она сторона, доспѣвше въ оружьи противу себе, оба полъ Волхова. Новг. I лет.*

ПОЛЪ[3], м. *Пол (мужской, женский).* Пол — sexus. Lud., 1696 г. ***Мужской, женский полъ.*** а) *Собират. Мужчины, женщины, самцы, самки* (1227): И тако погании взяша городъ Торжокъ, и иссѣкоша вся, отъ мужеска полу и до женьска, иерѣискыи чинъ и черноризскыи. Ник. лет. X, 112. Адамъ блюдяше звѣри мужескии пол а азъ Евва блюдях женскии пол звереи. (Сл. об Адаме и Евве). П. отреч. I, 10. XVI в. б) *Лицо мужского или женского пола.* А егда же крещение творите, кумъ бы былъ одинъ у мужьска полу, а у женьска полу кума едина, а по два бы кума не было. ДАИ I, 33. 1431 г. ***Отроческии полъ*** — *отроческий чин, разряд (в монастыре).* Прията же бывши Мария в манастырь и по неи хожаше дѣтишь отроческъ полъ. Пролог (I), л. 27. XIII в.

II Полъ и пола

Диахронические отношения в языке передаются в исторических словарях разных типов с разной степенью подробности. Иногда составитель словаря имеет лишь «обломок», по которому воссоздается не только внешний облик слова, но и высказываются предположения о его семантических свойствах и связях. Слово *пола́*, ж. р. известно как 'нижний край раскрывающейся спереди одежды' или как 'занавес, раскрывающийся на сторону' (Сл. Ожегова). По характеру своих значений и по своему структурному облику оно представляется родственным корню *полъ*. Однако, среди основ на -й никогда не было слов женского рода. И если в случаях с заимствованиями того времени типа *антидоръ* и *антидора* колебания в роде оправданы, то данный случай заставляет задуматься о причинах, способе и времени происхождения слова *пола́*.

Можно предположить, что *пола́* по происхождению представляет собой им.-вин. двойственного числа от *полъ* [8]. Ср. И пола его и подставы. (καὶ τὸν ἐπαρυστῆρα αὐτῆς καὶ τα ὑποθεματα, в нов. щипцы и подставы... в евр. тексте — щипцы, съемцы. Исх. XXV, 38. по сп. XVI в.* (Срезн.)

Здесь, очевидно, имеет место лексикализация грамматической формы им.-вин. пад. дв. ч. *пола* (переосмысление ее как формы ед. ч. ж. р.), поддержанная семантическими данными: двусоставностью обозначаемого.

А. М. Иорданский описывает этот процесс так: «Первоначально предмет, воспринимаемый как единый, но состоящий из двух частей, обозначался формой свободного двойственного. Но с течением времени в восприятии данного предмета могло произойти изменение: представление о двух составляющих его частях утрачивалось, оставалось только понятие единства предмета. Тогда и форма слова, служащая для его обозначения, утрачивала значение двойственности и начинала переосмысляться как форма единственного или множественного числа в зависимости от того, к какой из этих двух категорий числа она ближе стояла по своему фонетическому облику и морфологическим признакам» [9]. Это процесс семантической утраты двойственного числа (А. Белич). Переосмысление могло зависеть и от существующих параллельных обозначений, входящих в понятие двусоставности или парности. Например, *полъ* в значении 'стороны, берега реки' часто встречалось наряду со словом *сторона*; ср. в Новгороде — у Волхова

---

[8] В ранних памятниках фиксируются и другие падежные формы дв. ч., например, творительный *полма*, ставший по смыслу наречием: Яко человѣкъ [Христос] въ ребра ударяемъ, но яко богъ завѣсу перваго закона полмя раздра (Сл. Кир. Тур.) Пон. I, 131. XII в. А се мнѣ в Тобольске в тонце снѣ страшно возвѣщено блюдися от меня да не полъма растесан будеши. Ав. Ж., 45. 1673 г.

[9] А. М. Иорданский. История двойственного числа в русском языке. Владимир, 1960, стр. 61.

различающиеся «онъ полъ» и «си сторона» (Срезн.) Не зафиксированы в Картотеке ДРС, но, видимо, реально существовали *пола* ‘берега’, ‘оба берега, обе стороны реки’ (форма, обязанная двусоставности обозначаемого). Возможно, по смежности понятий, появляется наряду с *полъ* ‘берег, сторона’ и *пола́* как ‘один из берегов’, ‘одна сторона реки’.

Элемент парности в семантике *пола* наличествует и в других, наиболее ранних, зафиксированных в Картотеке ДРС примерах. Речь идет о разделке шкуры животного. Шкура животного также имеет симметрично расположенные парные части, составляющие целое. И целое, и одна из сторон этого двуединого целого тоже называлась *полою*: Полу купил дубленои кожи. Кн. расх. Карел. м. № 943, л. 6 об. 1587 г. Купил старец Исакъ на Колмогорах на монастырские казенные деньги двои полы красные с воротами да двои полы бѣлые да пять телятин поднарядных. Кн. прих.-расх. Ант. м. № 1, л. 255. 1589 г. Три кожи задубных, ·кѳ· выростков. . . пять пол коневых. Там. кн. Тихв. м. № 1489, 35. 1699 г. Явил Василеи. . . товару: 40 норокъ пѣших, 14 недокунеи, кожа задубная 2 полы. Там. кн. Тихв. м. № 1265, 53, 1626 г.

Последний пример показывает, что одну кожу составляли из двух *пол*.

Указание на четное число *пол*, составляющих или не составляющих одну кожу, довольно часто, хотя мы можем считать такое употребление только косвенным свидетельством, ибо оно зафиксировано лишь в XVII в.: Взято болшие рублевые пошлины. . . у Богдашки Дружинина. . . с кожи з дву пол мечинных. (Кн. сбора пошлин) Арх. Он. 1659 г. Куплено. . . четыре полы бѣлых. Кн. расх. Иверск. м. № 24, л. 108. 1664 г. Да им же работным людем. . . продано врознь две полы мячинных. (Пр.-расх. кн. Польск. с.) Арх. Он. 1673 г. У наместника иеромонаха Дионисия за две полы урисчатые белые. . . взято 20 ал. 4 ден. (Прих.-расх. кн. казнач.) Арх. Он. XVII в.

Позднее, возможно, *полой* стало называться сшитое из шкурок, лоскутов кожи полотнище меха, от которого затем осталось просто «полотнище»: Куплено восмь пол заплат цѣна по три алтына за полу (Прих.-расх. кн. Кутрец. ц.) Арх. Он. 1658 г. Указъ о рукавицахъ. . . На дѣло тѣхъ рукавицъ взято. . . 3 лоскута пупчатыхъ собольихъ, пола бѣлья хребтового мѣху. ДАИ VI, 106. 1676 г. Около ихъ [царевен] по всѣ стороны несутъ суконные полы, что люди зрѣти ихъ не могутъ. Котош., 17. 1667 г.

Эта же «двусоставность» сохраняется при семантической характеристике существительного *пола* в значении ‘каждой из двух частей, ‘половин распашной одежды’: А подъ лѣвою полою несетъ саблю наголо. АХУ III, 192. 1636 г. Саккъ растеганъ. . . положа на патриарха, паки застегиваетъ рукава и полы. Арс. Сух. Проскинитарий, 253, 1653 г.

Возможно, латы, «панцырь из металлических пластинок, наши-

тых на кожу», тоже имел парные — левую и правую — части или пластины: Въ оружейныхъ анбарѣхъ. . . 1268 паръ латъ, 1110 оплечковъ, . . . 550 полъ латныхъ. Кн. зап. Моск. ст. IV, 397, 1679 г.

Как видим, в большинстве случаев семантика сохранившихся примеров, ретроспективно обращенная, как будто подсказывает реальность этого пути возникновения *пола* — через лексикализацию формы двойственного числа мужского рода.

Время возникновения *пола*, видимо, очень древнее, о чем свидетельствует довольно ранняя фиксация производных от *пола* типа *полица*.

Слово *Полица* известно как топоним. Это название части Адриатического побережья в Югославии. Его можно отнести к периоду сосуществования *полъ* и *пола* в значении 'берег, сторона'. *Полъ* известно и как берег моря: На онъ полъ Чрьмьнаго моря (πὲραν τῆς Ερυθρᾶς θαλάσσης, trans). Пат. Син. XI в. (Срезн.)

Полица засвидетельствована и со значением 'название куска ткани в виде четырехугольного плата, прикрепляемого к поясу и составляющего часть облачения духовного лица (игумена, епископа)': Аще ли будеть мнихъ еп⟨с⟩пьмь подобаеть ему снимати манатку егда с полицею служить единъ бо Ефудъ а не два и Аронъ и Хъ прия немочно бо при службѣ съ Адамъмь равно на плещю носити вьтхаго закона не могоша бо възнести лежащаго нъ акы на послушьство долѣ зачнена имети тако же и игуменомъ съ полицею служащимъ сънимати манатку съ плечю. КН. 1280 (Кир. Тур. о черноризе. чине) л. 611 б. (Карт. СДР).

В Словаре русского языка XI—XVII вв. фиксируются омонимы *пола* [1], дв. ч., м. р., и *пола* [2], ж., отражающие реальное существование лексикализованной грамматической формы со значением 'целое, состоящее из двух частей' и оформившегося слова *пола́* в значении 'каждая из двух частей, составляющих целое', фиксируемых в ряде значений слова.

ПОЛА [1], *дв. ч. м. р.* от *полъ*. *О предмете, состоящем из двух частей* (?). И пола его и подставы (καὶ τὸν ἐπαρυστῆρα αὐτῆς καὶ τὰ ὑποθέματα, в нов. щипцы и подставы; ἐπαρυστήρ — vasculum, quo oleum lychno infunditur; в евр. тексте emunctoria — щипцы, съемцы). Исх. XXV, 38 по сп. XVI в.* — П о л м а, тв. дв. ч. *Как нареч. Надвое, на две части.* Яко человѣкъ [Христос] въ ребра ударяемъ но яко богъ завѣсу перваго закона полмя раздра. (Сл. Кир. Тур.) Пон. I, 131. XII в. А се мнѣ в Тобольске в тонце снѣ страшно возвещено блюдися от меня да не полъма растесан будеши. Ав. Ж., 45. 1673 г.

ПОЛА [2], *ж.* 1. *Каждая из двух половин распашной одежды; пола.* А подъ лѣвою полою несетъ саблю наголо. АХУ III, 192. 1636 г. Саккъ растеганъ. . . положа на патриарха, паки застегиваетъ рукава и полы. Арс. Сух. Проскинитарий, 253. 1653 г. 2. *Шкура или выделанная кожа (чаще с одного животного); боковая или паховая часть шкуры, кожи.* Полу купил дубленной

кожи. Кн. расх. Карел. м. № 943, 6 об. 1587 г. Явилъ. . . Яким Нефедевъ три кожи задубных выростковъ. . . пять пол коневых. Там кн. Тихв. м. № 1489, 35. 1699 г. || *Каждая из двух боковых частей шкуры или выделанной кожи, составляющих полотнище.* Явил Василеи. . . товару: 40 норокъ пѣших, 14 недокуней, кожа задубная 2 полы. Там. кн. Тихв. м. № 1265, 53. 1626 г. Взято болшие рублевые пошлины у Богдашки . . . с кожы з дву пол мечинных. (Кн. сб. пошл.) Арх. Он. 1659 г. || *Полотнище меха, сшитое из шкурок.* Пола бѣлья хрептовая,. . . а та пола в. г. ц.-чу Алексѣю Петровичу подъ чюлки, да карлѣ Ермолаю Мишукову на рукавицы. Арх. бум. Птр. I, 145. 1694 г. 3. *Полотнище, кусок ткани.* Около ихъ [царевен] по всѣ стороны несутъ суконнные полы, что люди зрѣти ихъ не могутъ. Котош., 17. 1667 г. || *мн. Навешенные полотнища, свободно свисающие или откидывающиеся на сторону, образующие стены или вход шатра.* На тѣ на всѣ припасы и мастеровымъ людемъ полатка о шести полотенъ съ полами. Кн. зап. Моск. ст. IV, 368. 1679 г. Верх у хоромъ и назади стѣна покрыто было кумачными красными шатерными полами. Заб. Мат. II, 1223. XVII в. 4. *Лист, пластина металла.* В оружейных анбарѣхъ 1110 оплечков. . . 550 полъ латныхъ. Кн. зап. Моск. ст. IV, 397. 1679 г. ◇ ***Взяти въ свою полу*** — *взять под свое покровительство.* Вземъ же пречистая богородица в полу свою честно тѣло святаго. Пов. Мерк. Смол. [2], 223. XVII в. ~ XV в. ***За полу... чью-л. ухватитися*** — *искать у кого-л. покровительства, защиты.* И язъ бы царь Александр и сам ехал к нему в. г. ц. и в. к. А. М. в Р. видеть ево государские пресветлые очи и голову свою к нему ко государю принес и за пол‹у› ево государя своего ухватился. Посольство Толочанова, 10. 1652 г.

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА В СЛОВАРЕ СТАРОУКРАИНСКОГО ЯЗЫКА XIV—XV вв.

Л. Л. ГУМЕЦКАЯ

В отличие от словаря современного языка, оперирующего материалом, доступным каждому члену данного языкового коллектива, словарь языка прошедших веков опирается исключительно на лексические материалы памятников письменности, не всегда понятные современному языковому сознанию и — даже в случае сохранения слова в современном языке — не всегда адекватные его современному значению и употреблению. Толкуя слово, словарь современного языка исходит из легко определимого главного,

основного значения слова (Grundbedeutung, по Р. Якобсону, «первичной семантической функции», по Е. Куриловичу), на которое не влияет контекст и которое в одинаковой мере осознается и воспринимается всеми носителями языка. Наоборот, словарь, построенный на материалах памятников письменности, в определении значения слова необходимо связан контекстом. В словаре этого типа мы исходим из данной актуализации понятия, знаком которого является слово, следовательно, часто из его «частичных значений» (spezifische Bedeutungen, по Р. Якобсону), из «вторичной семантической функции» слова, по Е. Куриловичу [1]. Словарь современного языка отражает langue, «систему языковых знаков, потенциально существующую в сознании или памяти определенного коллектива», словарь лексики памятников воспроизводит «актуализацию этих знаков в данной речевой ситуации» [2]. Этот последний выявляет известное сходство со словарем мертвого языка: и в том, и в другом о значении слова можно судить, только исходя из контекста, в котором выступает слово.

Исходя из контекста в определении значения слова, словарь, построенный на материалах памятников письменности, необходимо должен учитывать в случае сохранения слова в современном языке, с одной стороны, возможность семантической эволюции слова, несовпадения его древнего и актуального значения, иногда прямо противоположного: ср. *забава* 'препятствие; задержка'; *забавити* 'учинить препятствие; задержать' в украинском языке XIV—XV вв. и современное значение этих слов в Украинско-русском словаре: *забава* 'развлечение, игра; потеха; веселье; игрушка'; *забавити* 'забавить, позабавить; развлечь, занять; потешить; утешить' [3]. Слово *вывести* обыкновенно в сочетании *вывести старци* употребляется с противоположным сегодняшнему значением *привести* свидетелей. В случае многозначности слова нельзя забывать о возможности качественного и количественного несовпадения значений древнего и современного слова: ср. староукраинское *князь* со значениями: 1) глава государства, княжества; 2) католический священник, ксендз; 3) старшина сельской общины на валашском праве и современное *князь* — 1) «ист. дорев. князь»; 2) «(в свадебном ритуале: жених) фолк. уст. князь». Работая над лексикой древнего языка нельзя поддаваться силе воздействия современного языка.

Однако основная особенность словаря, построенного на материалах памятников письменности, состоит в том, что в ряде случаев значение слова вообще невыводимо на основании контекста

---

[1] Ср. J. Kuryłowicz. Заметки о значении слова. Esquisses linguistiques, Wrocław—Kraków, 172 и др.

[2] Я. Балаж. Синтагматизация и лексикализация (к теоретическим вопросам лексикологии и лексикографии). «Лексикология и лексикография». М., 1972, 24.

[3] Українсько-російський словник, т. II. Вид-во Академії наук УРСР.

и может быть определено лишь на основании исторической литературы, исторических исследований эпохи. Сюда относятся названия исчезнувших или измененных реалий, общественных и правовых отношений. Указанный лексический пласт занимает значительное место и в Словаре староукраинского языка XIV—XV вв., опирающемся главным образом на материалы памятников делового характера и представляет в ряде случаев немалую трудность в его толковании.

В XIV—XV вв., прорвав барьер церковнославянщины, входит в литературное употребление на украинских и белорусских землях качественно новое языковое образование, — западнорусский письменно-литературный язык, отличающийся по месту употребления то украинскими, то белорусскими чертами, однако лишь на фонологическом уровне. Функционировавший на огромной территории украинских земель, входивших в состав Польского королевства, Великого княжества Литовского и в Молдавском княжестве, т. е. на территории государственных организмов, отличавшихся господствовавшими в них общественными отношениями, западнорусский письменно-литературный язык, употребляя одни и те же термины, одни и те же слова, наполняет их весьма различными значениями, определимыми только в связи с общественно-правовыми отношениями, установившимися на территории возникновения памятника. Так, *боярин* в памятниках с территории Великого княжества Литовского обозначает мелкого землевладельца-дворянина, упоминаемого при перечислении свидетелей юридической сделки после «князей» и «панов». И наоборот, в молдавских грамотах «боярин» — это крупный феодал, вельможа. Так же различно содержание слова *державца*: в Польском королевстве — это помощник старосты, заведывавший королевским имением. В Литовско-русском государстве — это наместник, управлявший волостью. Слово *панъ* в значении члена привилегированного общественного слоя, а также формы титула, выступает в памятниках различного территориального происхождения. Однако только в памятниках с территории Польского королевства слово это, в сочетании с прилагательным оттопонимического происхождения, употребляется в значении начальника укрепленного города (замка) и смежной территории, «castellanus»: ср. *панъ Янъ Краковскии съ Тарнова* (1408, Судомир) [4]; *панъ Янъ шькотьскии панъ вислицкии староста галцкии* (!) (1409, Галич) [5]. Единственно исходя из исторической литературы, Словарь староукраинского языка XIV—XV вв. в состоянии определить значение таких, например, названий представителей общественного строя средневековой Молдавии, как *паркалабъ* (мадьярское porkoláb, средневерхненемецкое burcgrāve) 'начальник города или местности, представитель молдавского господаря', *ослухарь*

[4] Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, т. 1, стр. 6.
[5] В. Розов. Українські грамоти, т. 1. Киев, 1928, стр. 74.

'служитель, взимающий штрафы, ослухи, с правонарушителей', *пръгаръ* (мадьярское polgár, средневерхненемецкое burger) 'один из советников города на магдебургском праве' и т. п.

Не всегда однако представляется возможность найти в соответствующей исторической литературе удовлетворительное разъяснение встречающегося в памятнике термина или названия. Часто приходится самим редакторам устанавливать действительное значение термина. Показательно в этом отношении слово *поланица*, встречающееся дважды в Описи Киевской земли, памятнике около 1471 г.[6], изданном в Архиве юго-западной России (ч. 7, т. 11), где интересующее нас слово ошибочно передано в форме «поланица». Слово *поланица*, выступающее в контекстах *а в томь же селе деветь полани/ц/* [7] *што земль не де(р)жать а под...щинѫ* [8] *даю(ть)* [9]; *а вси тые люди да(н)ник...* [8] *и поланици бо(л)кѫно(в)щинѫ даютъ с вола по три гроши* [10], неправомерно реконструировано Б. Д. Грековым в виде основной формы «поляник» без подачи его значения. Словарь Срезневского фиксирует слово «поланица» в значении «удалец» с иллюстрацией из Сказания о Мамаевом побоище. Понятно, что это значение не подходит к приведенному тексту из Описи Киевской земли, в котором «поланици» противопоставляются, с одной стороны, крестьянам, которые «держат землю», с другой стороны, крестьянам-данникам. Гораздо ближе нашему тексту значение собирательного существительного «поляница», «ватага шатунов», данное в словаре Даля. Сопоставляя данные контекста с данными из истории крестьянского сословия в Великом княжестве Литовском, в состав которого входила Киевская земля конца XV в., значение слова *поланица* следует определить как название безземельного крестьянина, свободно переходившего с места на место (шатуна, бродяги), нанимающегося по договору на работу к землевладельцу. Это тот же «гольтяй», «незаседелый», как еще называли эту категорию «людей» [11].

Отдельной проблемой в Словаре староукраинского языка XIV—XV вв. является установление источников иноязычных заимствований. Западнорусский письменно-литературный язык XIV—XV вв. развивался под значительным западнославянским — старопольским и старочешским — влиянием. С одной стороны, непосредственные живые языковые контакты с польским языком

---

[6] Рукопись в Центральном государственном архиве древних актов, ф. 389 (Литовская метрика), оп. 1, кн. 3, л. 92.

[7] Все надстрочные буквы вводятся в строку в скобках.

[8] Место в рукописи стертое.

[9] л. 92.

[10] л. 92—92 об.

[11] Ср. соотносительный польский термин «nieosiadły, impossessionatus alias obdartus, hołota», т. е. бродяга, не имеющий ни земли, ни службы, ни места работы. См. Z. G l o g e r. Encyklopedia staropolska, I—IV. Warszawa, 1900—1903.

были значительно сильнее общения с чешским языком, с другой стороны, однако, западнорусский деловой язык находился под влиянием языка старочешских актов, послуживших неоднократно прямыми образцами языковых формулировок староукраинских грамот [12]; это тем более понятно, что польская канцелярия XIV—XV вв. обслуживалась латинским языком. Имея в виду два возможных источника западнославянских заимствований, не всегда легко и вообще возможно установить, какое именно западнославянское, польское или чешское, слово легло в основу староукраинской кальки. Безошибочное установление непосредственного источника заимствования возможно только в случае свидетельства фонетической формы заимствованного слова — *кроль/круль* может быть только полонизмом — или же отсутствия данного слова в лексическом составе одного из западнославянских языков того времени, ср. староукраинские *позычати* и производные и польские pożyczać и производные при отсутствии его в чешском языке; *крижевники*, *крижеванци* («крестоносцы») и старочешские křiževnici, křižovanci, при отсутствии этого слова в польском языке. За неимением этих показателей нет возможности определить источник западнославянского заимствования, имея в виду формальную и смысловую близость лексики обоих западнославянских языков, ср. *пожадати*, *пожадание* ('требовать', 'требование') и старочешское požádati, požádání, старопольское pożądać, pożądanie в том же значении; *поживати* («пользоваться», «обращать в свою пользу») и старочешское požívati, старопольское pożywać в том же значении.

Отдельную проблему в определении источника заимствования представляют слова, имеющиеся в словарном составе церковнославянского и одного из западнославянских языков. Так, например, староукраинское существительное *весь* «село» теоретически может восходить к церковнославянскому *вьсь/весь* и польскому wieś в том же значении. Решить вопрос об источнике заимствования данного слова можно только при учете характера памятника, в котором слово встречается, языковых особенностей памятника, преобладания в нем церковнославянских либо польских элементов, при сопоставлении с другими названиями того же предмета в других памятниках. Сопоставление указанных данных показывает, что слово *весь* в Словаре староукраинского языка XIV—XV вв., выступающее два раза только в Вислицком статуте при повсеместном употреблении слова «село», встречающегося в памятниках 1845 раз в том же значении, является одним из полонизмов, которыми так богат текст списка перевода Вислицкого статута: ср. *прото мы оуставлѧемь абы ка(ж)ны(и) вєлїкыи па(н) а никото-*

[12] Ср. работы чешского историка проф. Й. Мацурека, посвященные влиянию чешской грамоты на староукраинскую: J. M a c ů r e k. Po stopách spisovné češtiny v jihozápadní Ukrajině koncem 14 a. v. 1. polovině 15. století, «Franku Wollmanovi k sedmdesátinám». Praha, 1958 и др.

рыи иньши и(х) нє кѫпова(л) собѣ ше(л)тииства нїкоторыи вси кромѣ па(!) своего чїя весь [13]. Гораздо сложнее решить вопрос об источнике заимствования глагола *писати*, свойственного церковнославянскому — *пьсати* — и чешскому языкам, ср. psáti. Решать вопрос приходится опять-таки при помощи внелингвистических факторов. Интересующий нас глагол выступает только в формуле датировки грамоты «писан под лѣты. . .», «писан в лѣто. . .» или перед именем писца, типа *писал ванко*. Сопоставление со старочешскими грамотами не оставляет сомнения в том, что данное слово вместе с формулой было заимствовано из старочешского языка.

В определении значения заимствованного слова и установлении его основной формы помогает знание языка источника заимствования. Поэтому для работы над Словарем староукраинского языка XIV—XV вв. первостепенное значение имеет знание польского и чешского языков, под влиянием которых формировался западнорусский письменно-литературный язык. Немало погрешностей в этом отношении встречается в словаре Срезневского, привлекающем в качестве иллюстративного материала и староукраинские памятники и на основании их языка выделяющем неправомерные формы заглавного слова. Так, на основании формы винительного множественного «пожоги» выведена форма заглавного слова «пожогъ» вместо «пожога», засвидетельствованной староукраинскими памятниками XIV—XVIII вв. (старопольское pożoga).

Наконец, не менее сложным делом является расшифровка искажений в источниках Словаря староукраинского языка XIV—XV вв., раскрытие слова, легшего в основу искажения. Наибольшее число искажений характеризует переводы с польско-латинских оригиналов, дошедшие до нас в поздних списках, а также молдавские грамоты, писанные, по-видимому, молдавскими писцами, не всегда в достаточной степени владевшими западнорусским письменно-литературным языком, на котором составлялись внутренние и внешние грамоты молдавского воеводы. Восстановление формы и смысла извращенного слова или словосочетания, в зависимости от степени искажения, представляет, конечно, разную степень трудности. Пропуск или перестановка букв и слогов не является серьезным затруднением в восстановлении формы слова. Бывают, однако, случаи, требующие от редактора целого отдельного исследования. Показательно в этом отношении слово *веньцова(т)*, встречающееся в тексте перевода Вислицкого статута, списке конца XV—начала XVI вв., восходящем к какой-то более ранней копии [14]. Перевод Вислицкого статута, т. е. статута

---

[13] Фотокопия Вислицкого статута в издании: S. R o m a n, A. V e t u l a n i. Ruski przekład polskich statutów ziemskich z rękopisu moskiewskiego. Wrocław—Kraków, 1959, 156.

[14] Рукопись в Государственном историческом музее, собрание гр. А. С. Уварова, № 702.

Казимира Великого, получившего свое название от г. Вислицы, места обнародования свода земских законов, как полагают историки, был осуществлен около 1434 г., даты введения в Галицкой земле польского права [15]. Указанное искажение выступает в контексте: *сѫдья нє имѣєть вєньцова(т) сла(т) одно два слѫгы*, в заголовке 26-го артикула, л. 17. Сопоставление московского списка с латинским оригиналом отрывка, его польским переводом и более поздней румянцевской копией староукраинского перевода [16] и содержание всего артикула приводит к заключению, что данное искажение возникло на основании словосочетания «веньци дѣцковати» и текст артикула следует читать: «судья не имеет веньци дѣцковати слати одно два слугы», т. е. не должен слать больше двух слуг брать имущество в залог [17]. Бывает, что, не понимая переписываемого слова, писец приноравливает его к звуковой форме известного ему слова, иногда с прямо противоположным значением и только сопоставление с польским и латинским текстами дает возможность понять истинный смысл предложения. В артикуле 9 Вислицкого статута речь идет об освобождении женщин являться в суд лично, в мужской толпе, из-за деликатного женского телосложения, «крухкости» по-старопольски. Переводчик, за неимением украинского соответствия, употребил, вероятно, польское слово «крухкость» (prze kruchkość przyrodzenia, propter fragilitatem sexus) [18], которое более поздний копиист исправил на «крѣпость», превратив текст артикула в полную бессмыслицу.

Не всегда, однако, имеется возможность найти основу, на которой возникло данное извращение. Издатель подтвердительной грамоты Стефана воеводы 1500 г. А. В. Сава приводит в тексте нерасчлененное написание «опасбоуона»: *а хотар (. . .) поченши отъ оусти лопатнои (. . .) на доубъ а что опасбоуона немъ* [19], которое по всей видимости следовало бы расчленить: *опа (?) с боуо(ръ) на немъ*. Молдаванизм *боуоръ (боуороу)* современное

---

[15] И. Первольф (И. П е р в о л ь ф. Червонорусский перевод Вислицкого статута, «Труды VI археологического съезда в Одессе (1884 г.)», т. 1. Одесса, 1886, стр. 308) считает, что староукраинский перевод возник после этой даты. Польские издатели московской рукописи и автор монографии о языке рукописи А. Вандас (A. W a n d a s. Język staroruskiego przekładu polskich statutów ziemskich Kazimierza Wielkiego i Władysława Jagiełły. Wrocław—Kraków, 1966, стр. 8) наоборот, полагают, что появление перевода Вислицкого статута следует приурочить ко времени д о введения польского права в украинских землях.

[16] Ср. Акты, относящиеся к истории Западной России, т. 1, № 2, 2—20.

[17] Подробнее см. Л. Л. Г у м е ц к а я. К истории польско-украинских языковых связей. «Исследования по польскому языку». М., 1969, стр. 226—228.

[18] Ср. Zwód zupełny statutów Kazimierza Wielkiego z tłumaczeniem Swiętosława z Wojcieszyna, część pierwsza. «Starodawne prawa polskiego pomniki», wydał A. Z. Helcel, t. I. Warszawa, 1856, стр. 53.

[19] Ср. Documente privitoare la târgul şi ţinutul Orhetului, publicate cu un studiu introductiv de Aurel V. Sava. Bucureşti, 1944, стр. 7.

молдавское бóур ('зубр') — вырезанный на дереве межевой знак — часто упоминается в молдавских грамотах, в которых «хотар», 'граница имения', определяется указанием направления на дерево либо на другой природный объект. Ср. *и от толѣ горѣ оу единъ доуб съ боуоръ* [20]; *на дѲ(б) знамена(н) що є(с) на не(м) бѲорѲ* [21]; *а хотарь (. . .) на дѲ(б) знамена(н) що є(с) на не(м) бѲорѲ* [22]. Неясной однако остается первая часть искажения «опа». К сожалению, не все искажения в источниках поддаются расшифровке.

[20] Грамота 1479 г.,см. Documentele lui Ştefan cel Mare, publicate de Ioan Bogdan, vol. I. Bucureşti, 1913, стр. 221.
[21] Грамота 1490 г., ркп. в Библ. им. Ленина, ф. 159, док. № 14.
[22] Грамота 1488 г., ркп. в Библ. им. Ленина, ф. 159, док. № 19.

ФРАГМЕНТ НЕМЕЦКО-РУССКОГО СЛОВАРЯ XVII в.

СИРИ СВЕРДРУП ЛЮНДЕН

1. В последние годы стало очевидным, что знакомство с трудом Я. А. Коменского в Р~~о~~ссии началось не в XVIII в., а в XVII, как показал А. А. Чума [1]. В моей докторской диссертации 1969 г.[2] рассматривается русско-немецкий рукописный словарь конца XVII в., принадлежащий Библиотеке Королевского норвежского научного Общества в Тронхейме. Структура этого словаря местами очень близка Janua Linguarum [3]: он делится на главы в том же порядке, как и в Janua, и слова в отдельных главах извлечены из соответствующих глав Janua. В упомянутой работе я, кроме того, пытаюсь показать, что и другие известные лексикографические труды рассматриваемого периода относятся к той же традиции (и к традиции старших Nomenclatores). В качестве примера можно назвать «Breve Vocabularium» Г. В. Лудольфа в его Grammatica Russica (1696), Nomenclator (Амстердам, 1700) Копиевича и «Краткое собрание имен» Поликарпова в его Букваре (М., 1701). На очевидную связь между трудом Коменского и словарями Копиевича и Поликарпова опять-таки указывает А. А. Чума [4]. Недавно в Королевской библиотеке в Стокгольме был обнаружен еще

[1] А. А. Чума. Ян Амос Коменский и русская школа. Bratislava, 1970, стр. 24.
[2] S. S. Lunden. The Trondheim Russian-German MS Vocabulary. Oslo, 1972.
[3] Janua Linguarum — учебник Яна Амоса Коменского «Открытая дверь к языкам», изданный в 1631 г. и переведенный затем на многие языки мира (*Прим. переводчика*).
[4] А. А. Чума. Указ. соч., стр. 43—44.

один рукописный словарь, на сей раз шведско-русский. Хотя бóльшая часть этого словаря алфавитная, автор, по-видимому, следует традиции, которую мы могли бы назвать «лексикографической традицией Коменского» [5].

Тронхеймская рукопись составляет одно законченное целое, и содержит 63 нумерованные и 2 ненумерованные главы. Фрагмент подобного словаря — 32 страницы русских слов, только местами переведенных на шведский язык — был обнаружен в Шведском государственном Архиве в Стокгольме. Лексический материал этого стокгольмского фрагмента (St. I) частично совпадает с материалом Тронхеймской рукописи. Несомненно, что и этот фрагмент основывается на Janua Linguarum [6].

St. I был обнаружен в связке бумаг (Ryska Handlingar XIX, № 139, красные номера), содержащей разные отрывки и фрагменты, имеющие общим лишь то, что все они, видимо, были написаны людьми, изучающими русский язык. Документ ошибочно включен в каталог так называемого «Новгородского оккупационного Архива», но профессор Андерс Шёберг доказывает, что некоторые из этих бумаг были написаны шведским переводчиком Эноком Лилиемарком (который, между прочим, работал переводчиком при шведском коменданте Нарвы с 1692 по 1699 г.), и предполагает, что эти бумаги происходят из Шведской канцелярии в Нарве [7].

Вышеупомянутая связка содержит еще два лексикографических фрагмента. Один из них был исследован У. Биргегорд в ее докторской диссертации [8]; это алфавитный словарь, содержащий буквы К—М—Н—О—П. Биргегорд показывает, что этот фрагмент представляет собой перевод латино-славянского издания Епифанием Славинецким латинского словаря Амброзиуса Калепинуса (1502 г.), и, таким образом, относится к другой лексикографической традиции.

Но третий словарный фрагмент, который мы впредь будем называть Ст. III (St. III), вновь приводит нас к Janua Linguarum Коменского, хотя по структуре он отличается от других словарей, которые мы относим к той же традиции.

2. Фрагмент Ст. III содержит только 20 страниц; размер страницы 16×19,5 см (т. е. вдвое сложенный лист folio). Качество бумаги обычное, на некоторых листах видны водяные знаки (один шут, другой, меньший, не идентифицированный знак).

Слова помещены в два столбца, немецкие — в левом, русские — в правом столбце. Почерк в русском столбце — скоропись второй

---

[5] Статью об этих словарях публикует B. Janson в «Scando-Slavica», XVIII, 1972.

[6] S. S. Lunden. Указ. соч., стр. 19—21.

[7] Anders Sjöberg. Two Unknown Translations of Meletij Smotrickij's Slavonic Grammar. «Scando-Slavica», XII, 1966, стр. 125—128.

[8] Ulla Birgegård, I. G. Sparwenfeld och hans lexikografiska arbeten (дублированная докторская диссертация). Uppsala, 1971, стр. 84—97.

половины XVII в. Мы замечаем определенное палеографическое единообразие: каждая буква обычно представлена одной формой; например, *д* всегда имеет начертание с длинным хвостом (только надстрочная *д* иногда представлена треугольником). Буквы обычно не соединяются, а пишутся отдельно, за исключением некоторых надстрочных букв, которые соединяются со строчными. Видимо, автор был не очень знаком с русской палеографией (его немецкие буквы всегда соединены), но не был и новичком. На каждой странице от 12 до 18 строк (только одна-единственная 20-ая страница содержит 9 строк), весь фрагмент состоит из 302 строк.

3. В целях изучения труда Коменского и с лексикографической точки зрения интересно выяснить, какие главы из Janua были использованы составителем Ст. III. Здесь мы должны иметь в виду, что Ст. III — видимо всего лишь отрывок, и что автор, вероятно, использовал и предшествующие, и последующие главы из Janua. Только в немногих случаях автор указывает на использованные главы; его подзаголовки приводятся ниже в скобках после латинских названий тех глав, которые представлены в Ст. III [9]:

XXII. De membris internis
XXIII. De accidentibus corporis
XXIV. De morbis (стр. 3: morbis)
XXIX. De voluntate et affectibus
XXX. De mechanicis in genere
XXXI. De hortorum cultura (стр. 5: cultura)
XXXII. De agricultura (стр. 6: De Agricultura)
XLI. De potulentorum paratura (стр. 9: De Potulentis)
XLII. De aurigatione
XLIII. De navicularia
XLVI. De vestiariis opificiis
XLVII. De vestituum generibus (стр. 16: Generibus)
XLVIII. De architectura

Все эти главы представлены в Тронхеймской рукописи (и частично в Ст. I); в основном те же тематические группы представлены и в словарях Копиевича и Поликарпова.

4. Большинство слов, выбранных автором для перевода с немецкого на русский, мы находим в соответствующих главах Janua. (Сравнение я провожу на основании перевода Доцемиуса [10], лучшего немецкого издания, имеющегося в Осло).

Из-за недостатка места мы здесь не даем текст рукописи Ст. III; кроме того мы не считаем лингвистические данные достаточно ценными, чтобы оправдать это [11] (двух страниц будет достаточно,

---

[9] Ср. I. Červenka. Iohannis A. Comenii Yanua Linguarum Reserata. Praha, 1959. — Текст B, forma prior, который согласовывается с переводом Доцемиуса.

[10] Iohannis Amos Comenij Eröffnete Sprachen Thür. . . Aussgerüstet. . . Iohannis Docemij. Hamburg, 1642.

[11] Мой перевод рукописи дублирован, и копии этого перевода могут быть получены по моему адресу: Slavisk — Baltisk Institutt, Universitetet i Oslo.

чтобы дать представление о структуре рукописи и о ее соответствии Janua. В рукописи нет пагинации, поэтому я пометила страницы в соответствии с порядком глав в Janua).

Словарь составлен по необычному для таких словарей принципу: слова распределяются не только тематически, но и по частям речи: существительные, глаголы, прилагательные, наречия. В некоторых случаях это обозначается заголовками, например, стр. 5: Substantivo, стр. 9: Adictiva, стр. 11: Substantivo, стр. 15: indiclinablis.

Возможно, как результат этого метода мы обнаруживаем некую замечательную особенность словаря: процентное количество глаголов выше, чем существительных — редкое явление в этом жанре. Конечно, мы должны по-прежнему иметь в виду, что располагаем только фрагментом, — но мы замечаем, что из 302 слов 127 составляют глаголы. Глаголами мы считаем все словосочетания с глаголом как главным компонентом, или слова, которые соответствуют глаголам в Janua, например [12]:

zusahmen dringen — вмѣстѣ стиснуть

flicken — лапоть (Janua § 505: sarciunt).

Число существительных — 114; на основе того же принципа мы сюда включаем такие слова как

gutt — хорошо

bosse — сердито (переводя из Janua § 360: «das gute lieben und wollen. . . das böse hassen»).

Прилагательных (часть которых входит в состав словосочетаний) — 34, в число прилагательных включаем такие слова, как, например:

zartlich — пригоженикъ (Janua § 279: «Schwach und zärtlich», лат. «teneri»).

Наречий (по терминологии автора indiclinablis) — всего 27. К наречиям мы не относим тех слов, которые в немецком издании принадлежат к другой части речи; ср. выше: «gutt — хорошо»

5. Кто автор рукописи?

Ответ на этот вопрос всегда важен для оценки лингвистических данных.

Насколько мы можем установить, его почерк не идентичен никакому другому почерку, представленному в той же связке бумаг.

Автор вряд ли мог быть русским. Это утверждение основывается прежде всего на смешении палатализованных и непалатализованных согласных, например, в его написаниях типа *випустить*, *викинуть*, *збырать*, *возыца*. Автор не делает различия между *ы* и *у*, когда пишет «dasein — там буть».

---

[12] В транскрипции ѕ передается буквой *у*, ѡ — буквой *о*, надстрочные буквы помещаются в строку. Писец обычно использует один и тот же знак для ь и ъ; из практических соображений мы предпочитаем употреблять ь и ъ в соответствии с общепринятой орфографией.

Почти постоянное употребление только одной графемы для каждой буквы также свидетельствует о том, что автор, видимо, иностранец: человек, который недавно выучил новый алфавит, может обходиться, используя лишь один вариант графемы.

Предполагая, что автор нерусский, мы не можем придавать слишком большого значения тем фактам в тексте, которые в противном случае могли бы иметь значение для исторической фонетики:

а) в тексте имеется ряд примеров написания *о* вместо *а* в безударном положении, главным образом, предударном, но также в заударном, напр.: *долѣко*, *продовать*, *выроботать*. Мы находим также *а* на месте этимологического *о: скармить*, *якарна*. В одном случае находим *е* вместо заударного *о: якерь*. Все это может быть приписано неуверенности иностранца в том, какую гласную следует написать, но может указывать и на то, что он общался с носителями акающего говора;

б) более показательно смешение графем *я/е* и частично *ѣ*. В предударной позиции мы находим *я* вместо *е* в 25 случаях, совершенно независимо от качества гласного в следующем слоге: *нясти*, *пѣрябѣгъ*, *плятянь*, *мястахъ*, *сябя (-себя)*, *пясокъ*. Графема *е* встречается в предударном положении, но очень редко (8 примеров) и частично в тех же лексемах: *терпѣть*, *песокъ*, *пере-*. В предударной позиции встречается также *ѣ*, иногда этимологически правильное: *стѣна*, иногда неправильное: *грѣбельной*.

В заударном положении встречается только один случай написания *я* вместо *е*: *моря* (-«das meer, море»); не исключена возможность, что писец имел в виду форму множественного числа. С другой стороны, трижды встречается *е* на месте заударного *я*: *витенуть*, *таеть*, *сеетъ* (инфинитивы).

В ударном положении мы находим следующие случаи смешения *ѣ/я*: *рѣдъ*, *грѣзно*, *здялать*.

Слово «после» встречается три раза: «darnach — опосли» (2 примера), «nach dem zelt — после полатки (!)». Других случаев написания *и* вместо этимологического *ѣ* нет;

в) в области консонантизма отмечаем.

Мы находим, хотя и не везде, примеры обычной в русском языке ассимиляции звонких/глухих согласных и оглушения конечных звонких согласных, но преобладают этимологические написания: *пригошъ*, но *свежъ*.

Удивительно мало случаев смешения шипящих, которое можно было бы ожидать у иностранца: *станы*, *шогла*, *колодесь* — но *кормщикъ*, *шляпа* и др. Только один раз мы нашли *ц* вместо *ч*: «flasche — цетвѣртина», что может указывать на северное происхождение документа (рукопись найдена среди бумаг из Нарвы).

Произношение *х* вместо *г* может служить объяснением написания *вертлюхъ*: «schiffwaltze, winden — вюга, вертлюхъ».

Был ли автор немцем?

На основе владения автором немецким языком вывода сделать нельзя, т. к. он, видимо, имел под рукой копию Janua Linguarum

(или рукописные выписки из этой книги). Немецкая орфография автора далеко не последовательна, но в этом отношении он не представляет собой исключения для своего времени. В нескольких случаях мы видим следы делабиализации гласного: «leicht — свѣтло» (-leucht), «betriegen — объмануть» (-betrügen), что могло бы указывать на нижне-немецкий.

Его русские написания не выдают его национальности; мы не находим той типичной особенности, которая обнаруживается даже у подготовленных немцев, пишущих по-русски — что звонкий *з* в начале слова (перед гласным) и в интервокальном положении передается буквой *с*, а в соответствии с немецкой орфографией (напр., Tönnies Fenne пишет «савтро — morgen, савтеркать — frokost» [13], Лудольф: «хосяина, осеръ (озеро)» [14]. Наш автор пишет «запасъ, запрягать, внызу, называть» и др.

Был ли автор шведом?

Мы не обнаружили каких-либо «фонетических» особенностей, которые указывали бы на шведские навыки, за исключением, может быть, смешения *у/о*: «оттуль», «segel — пароси» (последнее слово пишется правильно в двух других случаях).

Однако некоторые лексические особенности могли бы указывать на влияние одного из скандинавских языков: 1) «fortziehen — скоро тянуть». У слова «fort» значение «скоро», по-видимому, развилось самостоятельно в скандинавских языках [15], в отличие от других германских языков; 2) «fast — крѣпко» (нем. fest, сканд. fast). Здесь следовало бы ожидать перевод «почти, почитай, примерно», т. к. в Janua в этом месте, § 502, имеется «beynahe, propemodum».

Мы задавались также вопросом, могло ли написание «mossa — мохъ», при немецком «Moss» возникнуть автоматически из навыков родного (шведского) языка.

6. Лексикография очень трудный раздел филологии и — увы! — поле, где даже самый благонамеренный любитель попадает в ловушки на каждом шагу. Наш автор несомненно попадает в ряд ловушек.

Некоторые из них легко заметить, они очевидно объясняются недостаточно хорошим знанием языка, напр.: «umb einander — для инова» (Janua § 500: «Bänklein die umb einander auff und niedergehen. . .», лат. «alternatim»).

Другие не обнаруживаются непосредственно. Лишь при сравнении с Janua, мы находим такие неверные истолкования, как:

---

[13] Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian, Pskov 1607, Ed. L. Hammerich, Roman Jakobson, E. van Schooneveld, T. Starck, Ad. Stender—Petersen. Vol. I. Copenhagen, 1961, стр. 33.

[14] Henrici Wilhelmi Ludolfi Grammatica Russica. Oxonii A. D. MDCXCVI. Ed. B. O. Unbegaun, Oxford, 1958, стр. 51, 84.

[15] Ordbok över svenska språket. Utg. av Svenska Akademien. Lund 1898 — Bd. 8, 1926, F. 1181.

anziehen — надѣть (Janua § 271: «zeucht an sich», «pertrahit ad se»).

erbrechen — переломить (Janua § 467: «das erbrechen», «nausea»).

Rassen — возыца (Janua § 387; «Ein acker der von den Rasen gesaubert», «arvum cespitibus depurgatum»). Возможно, «возыца» представляет собой перевод немецкого «zu rasen»—«сердиться, выходить из себя».

segen — молитва (Janua § 529: «Der Holtzhäwer. . . säget sie mit der Sägen. . .», «serrā reciprocando serrat»).

Примеров подобного рода очень много.

Некоторые из ошибок автора, возможно, являются показателями того, что немецкий язык не был его родным языком.

* * *

Не все его «русские» слова засвидетельствованы в доступных источниках, и эти слова предварительно рассматриваются как ошибки написания или «ослышки», а возможно и как «кустарные» переводы:

Keller — грѣбъ. Такое значение нигде не засвидетельствовано. Автор, вероятно, имел в виду «погреб».

spietzig — концовато

Tracht — носбя (Janua § 511: «habitu vario»)

baumeister — робоной майстеръ

hewer man — овесъной мужикъ (Janua § 386: «manceps»)

Сомнительно, следует ли статью «flicken — лапоть» относить к этой же группе. В контексте это слово передает «sarciunt» из Janua § 505, что могло бы быть переведено «починить», как это действительно сделано на другой странице словарика. Объяснить этот перевод можно тем, что писец, вероятно, имел в виду значение «ветошь, рваная одежда, лохмотья», известное в скандинавских языках; в этом случае русское слово могло бы представлять слово «лопоть», существующее в современных русских диалектах [16], и употребляемое в значении «ветхая одежда» еще в XVIII в. (Слов. Акад. 1789 г.).

Приведенный список неверно понятых слов и ошибок не является исчерпывающим. Но недостатки рукописи не могут заслонить для нас того факта, что даже начинающие «лексикографы» могут дать нам ценные сведения.

7. Наиболее интересными лексическими статьями мы считаем:

ballast — песокъ (Janua § 468: «saburra»).

---

[16] Я рада выразить благодарность коллегам из Картотеки древнерусского словаря XI—XVII вв. в Москве и из «Словаря русских народных говоров» в Ленинграде за предоставленную мне возможность работать в картотеках.

Авторы словарей того времени испытывали трудности с переводом слова «ballast». Составитель Тронхеймской рукописи [17] переводит его как «хрящь чем корабль нагрушают». В русском языке в этом смысле употреблялось слово *щебень*, пока в петровскую эпоху не вошло в употребление слово *балласт*. Н. Сморгонский [18] обсуждает использование в качестве балласта только воды или чугуна, но, очевидно, кроме них, использовались также гравий и, возможно, песок.

Compass — маетникъ.

В тронхеймской рукописи мы находим «маятникъ — ein Compas» [19] и я указывала, что в Картотеке древнерусского словаря не смогла найти ни одного случая, где бы «маятник» имел какое-нибудь другое значение, кроме «маятника». Однако, я поставила под сомнение форму «маеник — Kompass» в Manual Tönnies Fenne [20]. С тех пор вышел II том Manual Fenne (Копенгаген, 1970), где издатели предлагают чтение «мая⟨т⟩ник». Исходя из этого, следует признать вероятность того, что в допетровскую эпоху компасом могли называть не только «маточник, матка» [21], но также и «маятник».

durchlauf — дризня (Janua § 303: «diarrhaea»).

Слово *дрисня* не засвидетельствовано в словарях, но имеется в картотеке Словаря русских народных говоров, где собраны примеры из различных диалектов за последние 100 лет.

hossen — стани (Janua § 512: «femoralia»).

Следует обратить внимание на то, что эта форма соответствует форме, приведенной Марком Ридлеем в 1594—99 годах [22] и Ричардом Джемсом, который был в России в 1617—1619 гг.[23] Вероятно ли, чтобы все эти иностранцы смешивали *с* и *ш* в этом слове (когда такое смешение не характерно для них)?

krug — кушинъ.

Эта форма вместо русского литературного «кувшин» отмечается в ряде современных диалектов, главным образом южных, где она могла быть воспринята как рефлекс билабиального произношения *в*. Но ввиду того, что некоторые этимологи относят слово к формам, как лит. * kaušinas [24], данная запись из предполагаемого северного источника небезынтересна.

---

[17] S. S. Lunden. Указ. соч., стр. 210.

[18] Н. Сморгонский. Кораблестроительные и некоторые морские термины нерусского происхождения. М.—Л., 1936, стр. 47.

[19] S. S. Lunden. Указ. соч., стр. 160.

[20] Tönnies Fenne's Manual. . ., т. I, стр. 106.

[21] B. O. Unbegaun. Le nom de la boussole en russe. Selected Papers on Slavonic Philology. Oxford, 1969, стр. 197—202.

[22] B. O. Unbegaun. The language of Muscovite Russia in Oxford Vocabularies, Selected Papers. . ., стр. 253.

[23] Б. А. Ларин. Русско-английский словарь — дневник Ричарда Джемса (1618—1619 гг.). Л., 1959, стр. 207.

[24] Также у А. Преображенского. Этимологический словарь русского языка. М., 1910—1918, стр. 404.

mastbaum — шогла.

Эта запись соответствует записи Копиевича: «щогла корабельное древо — mastbaum» [25]. Б. А. Ларин в своей монографии о словаре Ричарда Джемса [26] видит в этом значении слова «основной вариант, принесенный из новгородской земли».

* * *

В словариках подобного рода мы не можем надеяться получить значительной информации о морфологии. Мы отмечаем инфинитив «lauffen — бѣчь», который зафиксирован в литературном языке XVIII века, и краткие инфинитивные формы *принѣсть*, *свѣсть*, *перявѣсть*, хорошо известные в диалектах и в старом литературном языке.

В общем мы можем констатировать, что этот фрагмент добавляет некоторые новые данные к нашим лексическим знаниям по русскому языку конца XVII в. Если отбросить ошибки и дефекты, словарик подтверждает то, что мы знаем в этой области из других источников, и дает нам доказательства того, как широко использовался труд Коменского.

Перевод с английского
Е. М. Сморгуновой

---

[25] Nomenclator in lingua Latina, Germanica et Russica. Amsterdam, 1700, стр. 114.

[26] Б. А. Ларин. Указ. соч., стр. 256.

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ РУССКИХ СЛОВАРЕЙ ИНОСТРАННЫХ СЛОВ 50—60-х ГОДОВ XIX в. КАК ИСТОЧНИКА ИСТОРИКО-ЛЕКСИКОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Ю. А. БЕЛЬЧИКОВ

Лексикографические издания служат надежным источником изучения эволюций словарного состава, основных тенденций лексико-семантического развития литературного языка, общих и приватных процессов литературно-языковой эволюции, в частности — в сфере литературных норм. Это с несомненностью подтверждают исследования последних десятилетий в области русской исторической лексикологии и лексикографии.

Вместе с тем важность историко-лексикологического аспекта русских словарей и, следовательно, актуальность их изучения

в этом направлении неоднократно подчеркивалась и признавалась Л. В. Щербой, В. В. Виноградовым, С. Г. Бархударовым, Ф. П. Филиным, Г. О. Винокуром, С. И. Ожеговым и др.

Л. В. Щерба в «Опыте общей теории лексикографии» писал, что нормативный словарь и словарь-справочник должен в той или иной мере отражать «реальную языковую действительность» [1]. В. В. Виноградов ставил вопрос о соответствии фактов, зафиксированных толковыми и историческими словарями, нормам соответствующего периода литературного языка, об исторической достоверности и адекватности отражения в словарях смысловой и стилистической стороны лексики и их соотношений друг с другом, сложившихся в речевом узусе эпохи [2]. Говоря о задачах трехтомного толкового словаря русского языка, С. Г. Бархударов подчеркивал: «Словарь должен отразить все те сдвиги, которые произошли в словарном и фразеологическом составе русского литературного языка за советский период его развития» [3].

Что касается анализа толковых словарей русского языка в историко-лексикологическом аспекте, то в этом направлении уже можно говорить об известных результатах, хотя работа и ведется не систематически. Исследование же словарей русского языка иностранных слов как в указанном аспекте, так и с собственно лексикографической точки зрения не вышло по существу из рамок самых предварительных разработок.

Уже в первом «разборе» «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля, проведенного акад. Я. К. Гротом, был представлен историко-лексикологический анализ словарного материала [4]. Анализ «Толкового словаря» с целью выяснить некоторые процессы развития русского литературного языка XIXв. находим в книге В. В. Виноградова «Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв.» Это один из первых опытов изучения русских словарей в советское время в аспекте истории русского литературного языка.

Принципиальный интерес представляет статья Г. О. Винокура «К истории нормирования русского письменного языка в конце XVIII века (Словарь Академии Российской, 1739—1794)», в задачи которой входило «сопоставить языковые нормы, установлен-

---

[1] Л. В. Щ е р б а. Избранные работы по общему языкознанию и фонетике, т. 1. Л., 1958, стр. 4—5.

[2] См., например, В. В. В и н о г р а д о в. О некоторых вопросах теории русской лексикографии. — ВЯ, 1956, № 5.

[3] С. Г. Б а р х у д а р о в. Принципы составления трехтомного толкового словаря русского языка. «Совещание по вопросам описательной грамматики, лексикографии и диалектологии. Тезисы докладов». М., 1963, стр. 21. Ср. С. И. О ж е г о в. Советские словари. «Советская книга», 1946, № 10—11; А. И. Е ф и м о в. История русского литературного языка. М., 1967 (15 глава).

[4] Я. К. Г р о т. Филологические разыскания. СПб., 1889.

ные составителями памятника, с его же собственным языковым употреблением» [5].

К числу пионеров историко-лексикологического изучения лексикографических изданий следует отнести Ю. С. Сорокина, опубликовавшего в 1949 г. монографическое исследование о разговорной и народной речи, нашедшей отражение в 1-ом издании Словаря Академии Российской [6]. В этой статье приемы и принципы историко-лексикологического анализа словарного материала получили наиболее полное воплощение.

В дальнейшем появляются работы, посвященные отражению в словарях отдельных лексических пластов соответствующего периода истории русского литературного языка.

Тезис об отражении в лексикографических изданиях исторического своеобразия соответствующей эпохи русского языка наиболее последовательно осуществляется в работах, посвященных различным лексикографическим жанрам древнерусского периода и XVIII в. В этом отношении очень показательны исследования Б. А. Ларина и его учеников [7], а также М. П. Алексеева, И. А. Василевской и др. [8]

Источниковедческая характеристика русских филологических словарей важна и для дальнейшей разработки лексикографической теории и практики, и для истории русского литературного языка. Ведь изучая словарный состав, его историческое движение, крайне необходимо знать, насколько верно, полно, адекватно и достоверно тот или иной словарь отражает реальную языковую действительность своей эпохи. Это особенно актуально в отношении словарей иностранных слов XIX—начала XX в., поскольку,

---

[5] Г. О. Винокур. Избранные работы по русскому языку. М., 1959, стр. 162.

[6] Ю. С. Сорокин. Разговорная и народная речь в «Словаре Академии Российской» (1789—1794). Материалы и исследования по истории русского литературного языка, т. 1, М.—Л., 1949.

[7] Из последних работ, см., например: Л. С. Ковтун. «Рѣчь тонкословия греческого» как источник изучения русского обиходного языка XV—XVI вв. «Из истории слов и словарей. Очерки по лексикологии и лексикографии». Л., 1963; Она же. Из истории русской разговорной речи. «Русская разговорная речь». Саратов, 1970.

[8] М. П. Алексеев. Словари иностранных языков в русском азбуковнике XVII века. Л., «Наука», 1968; Он же. Западноевропейские словарные материалы в древне-русских азбуковниках XVI—XVII веков. «Академику Виктору Владимировичу Виноградову к его 60-летию». М., 1956; И. А. Василевская. Отражение новых иноязычных заимствований в русской лексикографической практике XVIII в. Автореф. канд. дисс. М., 1969; В. И. Пономарев. К истории сложных слов в русском языке (сложные существительные в лексиконе Федора Поликарпова 1704 г.). Докл. и сообщ. Ин-та языкознания АН СССР, 1953, № 4; А. П. Аверьянова. Рукописный лексикон Татищева. Уч. зап. ЛГУ, № 197, Сер. филол. наук, вып. 23, 1957; См. также Е. Э. Биржакова, Л. А. Войнова, Л. Л. Кутина. Очерки по истории лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования. Л., 1972, стр. 62—70.

с одной стороны, они представляются, по заключению С. И. Ожегова, «важным источником для исследования некоторых лексических тенденций в истории русского языка»[9], с другой же стороны, во многие из «словотолкователей» иностранных слов лексика часто включается без особого разбора и отбора.

Как уже отмечалось, словари иностранных слов нового периода русского литературного языка специальному изучению не подвергались ни с точки зрения собственно лексикографической, ни в историко-лексикологическом аспекте. Исключение, пожалуй, составляет «Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка» Н. Кириллова (1845—1846). Этот словарь подробно рассмотрен в историко-лексикологическом аспекте М. К. Максимовой [10]. Автор говорит также и о составе словника и о характере словарных статей в связи с тем, что это издание было подготовлено петрашевцами и имело прежде всего задачи революционной пропаганды.

Весьма суммарная характеристика словарей иностранных слов второй половины XIX в.—начала XX в. и некоторых словарей советского времени содержится в статье С. А. Беляевой «Словари иностранных слов как лингвистический источник» [11].

В течение 1859—1869 г. было издано больше половины всех «словотолкователей» иностранных слов, появившихся с 1800 по 1880 год. И это не считая «Настольного словаря для справок по всем отраслям знания» Ф. Толля (1863—1868 гг.) и нескольких словарей узкого тематического назначения, в которых основную массу слов составляют иноязычные заимствования. «Пошла мода на справочные словари. . . — писал Н. А. Добролюбов. — Это значит, что мы, наконец, возымели желание понимать некоторые слова, которые до сих пор читали в книгах и в газетах без всякого смысла» [12].

Острая общественная потребность в «словотолкователях» заимствованной лексики, а также в справочно-энциклопедических изданиях четко осознавалась деятелями 60-х годов. Ф. Толль, например, в предисловии к «Настольному словарю» утверждает, что необходимость в названных изданиях «порождена самим усложнением нашей общественной жизни, расширением наших понятий, увеличением числа слов, мыслей и фактов, находящихся в ежедневном обращении в нашем обществе». Действительно, в 60-е годы в связи с отменой крепостного права, развитием капитализма горячо обсуждаются проблемы дальнейшего экономического и общественно-политического развития России; значительно выросшая

---

[9] С. И. Ожегов. Указ. соч., стр. 35—36.

[10] М. К. Максимова. К истории общественно-политической лексики. По материалам «Карманного словаря иностранных слов» Кириллова. — Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена, т. 122, каф. русск. языка. Л., 1956.

[11] «Вестник Ленинградского университета», 1972, № 8, вып. 2.

[12] «Современник», кн. 7—8, отд. 2. СПб., 1859, стр. 295.

периодическая печать все больше и больше занимается вопросами политики, расширяется информация из европейских стран; наблюдается подъем естественных и точных наук, растет движение за популяризацию научных знаний.

Так что словари иностранных слов и сам факт их интенсивного издания в 60-е годы отражают происходящее в середине XIX в. существенное пополнение словарного состава русского литературного языка лексикой, охватывающей многие отрасли знания, и активное освоение общелитературным употреблением в первую очередь общественно-политической, публицистической, философской лексики, а также терминологии естественных и точных наук. Среди этой лексики существеннейшее место занимают заимствованные слова, в том числе и интернациональные. Как сказано в предисловии к «Полному словарю иностранных слов, вошедших в состав русского языка» (СПб., 1861. Далее — «Словарь 1861 г.») в «словотолкователи» включаются слова, которые можно встретить и «в обыкновенном, литературном, классическом и современном языке», и «в деловом, ремесленном, торговом языке и журналах политических, специальных и посвятивших себя общественному образованию». Учитываются также и те слова, которые «составляют специальность науки и слишком далеки от права гражданства как в обыкновенном разговорном языке, так и в образовании нашем».

Однако целый ряд существенных недостатков, присущих словарям иностранных слов 60-х годов, снижает их значение как историко-лексикологического источника.

При отмеченном выше столь широком охвате предметно-тематического материала, словари явно не справляются со всем объемом лексики. Как отмечали современники, словари иностранных слов, появившиеся в 1859—1861 гг., «вообще прежде всего поражают какой-то бестактностью, крайним неумением разобраться в груде слов и ориентироваться»[13].

В словарях находим слова, редко употребительные и даже совсем не вошедшие в состав русской лексики, как, например, *баат*, *бабак*, *баггершейт*, *багоды*, *бадо* в «Объяснении 7000 иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке», составленном А. Д. Михельсоном (М., 1861), *коробация*, *компендий*, *тентентина* — в «Словотолкователе 30 000 иностранных слов, вошедших в состав русского языка», сост. И. Ф. Бурдоном (М., 1866) и т. п.

В то же время многие слова, достаточно активные и актуальные для середины—второй половины XIX в., в «словотолкователи» не попадают. Например, в «Объяснении 1000 иностранных слов, употребляющихся в русском языке», составленным и изданным А. С. (М., 1859. Далее — «Словарь А. С.») нет таких слов, как

---

[13] А. Баженов. Библиографическая заметка. «Московские ведомости». М., 1861, № 192, стр. 1545.

аристократы, *демократы*, *модернисты*, *реакционеры*, *тори и виги*, *хартисты*, *либералы*, *легитимисты*, *конгресс*, *нота*, *вотировать*, которые, по свидетельству Н. А. Добролюбова в цитированной рецензии, беспрерывно попадаются «теперь в газетах».

Не установилась в словарях иностранных слов середины XIX в. и структура словарной статьи. Например, в некоторых статьях «Словаря 1861 г.» этимология слова или происхождение названия выделяются как второстепенный момент, а в «Словаре Михельсона 1866 г.» происхождение дано «первым» значением (второстепенный характер этого значения не отмечается). Ср., например, статью «филистер» в упомянутых словарях. В «Словаре 1861 г.» подчеркивается актуальность одного из значений слова *революция*, а в «Словаре А. С.» и в «Словаре Михельсона 1866 г.» этого нет. Встречаются словарные статьи и «энциклопедического» характера, например, в «Словаре Михельсона 1861 г.» слову *реформация* отводится 13 столбцов!

Отличительной чертой словарей иностранных слов 50—60-х годов (да и следующих десятилетий) XIX в. представляется принцип толкования лексикографических единиц, который сводится к сугубо этимологической интерпретации слова. «Объяснительный перевод» значений иноязычных заимствований как основной принцип толкования был сформулирован официальным представителем царского правительства — генералом Анненковым в связи с репрессиями против «Карманного словаря» Кириллова [14]. Этот принцип не дает полного и точного представления о семантике толкуемых слов, об их действительном смысловом содержании. И даже искажает его. Особенно это касается лексических единиц общественно-политического назначения. В результате создается неверная картина семантической эволюции слова, превратное представление о перспективе исторического развития русской литературной лексики в целом.

Научная несостоятельность и практическая непригодность указанного подхода к толкованию иноязычных слов была раскрыта «Современником» уже в 60-е годы. В июньской книжке «Современника» за 1861 г. относительно «этимологического» подхода к истолкованию слова *пролетариат* читаем: «Спросить их (дилетантов-экономистов.— *Ю. Б.*), что такое пролетарий, и они понесут чушь о латинском происхождении названия, простодушно веря, что поясняют этим смысл самого явления, или прибавят, что пролетарий — негодяй и лентяй, который хочет жить за счет других» [15].

Для словарей иностранных слов изучаемого периода характерна (за единичными исключениями) отгороженность от научных идей того времени, которыми могли бы воспользоваться составители «словотолкователей».

---

[14] См. М. Лемке. Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX в. СПб., 1904, стр. 250—251.

[15] «Современник», т. 87, кн. 6, отд. II, СПб., 1861, стр. 2.

www.ruslang.ru

Для части словарей, как, например, для «Словотолкователя 30 000 иностранных слов. . .» И. Ф. Бурдона (М., 1861) это объясняется просто — они издавались с откровенно коммерческими целями. На большинстве же словарей сказывалось отсутствие традиции в подобных изданиях и, конечно, низкая лексикографическая культура составителей. А ведь вопросы лексического заимствования в середине XIX в. интенсивно и, надо сказать, плодотворно обсуждались как в специальной литературе, так и в публицистике; был выдвинут ряд положений, весьма полезных для лексикографической практики, фиксации и описания иноязычных заимствований.

Точка зрения Белинского известна. «Современник» выступает за отражение действительного смыслового содержания иноязычного слова, ориентирует лексикографов на фиксирование прежде всего общественно-политической лексики интернационального характера, широко употребительной в 50—60-е годы.

Ф. И. Буслаев в 40-х годах обосновывает тезис о разграничении заимствований обрусевших и сравнительно недавно вошедших в русский язык [16].

Примерно в это же время акад. И. И. Давыдов формулирует принцип отграничения иноязычных слов нужных от слов, вводимых в русский язык «без всякой надобности» [17]. Правда, автор выступает как консерватор и пурист, отвергая в связи с этим принципом такие слова, как *кризис*, *концепция*, *мораль*, *прогресс*, *цивилизация*. Аналогичный тезис — только с несомненно прогрессивных позиций — развивает Н. Дубровский в «Предисловии» к «Толковому словарю иностранных слов, вошедших в состав русского языка» (М., 1866).

Известной упорядоченностью материала и осознанным подходом к задачам лексикографической фиксации (в частности, к отбору словника) заимствованной лексики выделяется упомянутый словарь Н. Дубровского. В «Предисловии» к этому словарю отмечается неудовлетворительность многих словотолкователей, «объясняющих нам, иногда и вкось и вкривь слова иностранного происхождения» (стр. II). Н. Дубровский утверждает и свидетельствует, что все зарегистрированные им слова получили в 50—60-е годы достаточно широкое распространение. В своем отношении к заимствованиям автор словаря открыто встает на точку зрения Белинского (см. «Предисловие», стр. VIII—X).

Все же словари иностранных слов при всех их недостатках и недочетах содержат объективные свидетельства о положении иноязычных заимствований в русском литературном языке середины XIX в., о лексико-семантических изменениях в данной части

---

[16] См. Ф. И. Буслаев. О преподавании отечественного языка. Л., 1941, стр. 230, 242.

[17] И. И. Давыдов. Опыт общесравнительной грамматики русского языка. Изд. 3. СПб., 1854, стр. 474.

лексики, об особенностях функционирования прежде всего слов естественнонаучной терминологии. Существенно при этом провести сопоставление показаний словотолкователей, с одной стороны, с предшествующими аналогичными лексикографическими изданиями, особенно с «Новым словотолкователем» Н. Яновского (1803—1806), с другой стороны — с историко-лексикологическими материалами, содержащимися в передовой публицистике середины века, а также с «Карманным словарем» Кириллова и «Настольным словарем» Ф. Толля.

В рассматриваемых словарях широко и подчас излишне подробно представлена лексика и терминология сословно-классовой, административной, духовной, военной иерархии, общественного и государственного управления, отражающая как российские, так и зарубежные явления. При сопоставлении с «Новым словотолкователем» Яновского выясняется известное движение в составе этого тематического пласта литературной лексики. Вместе с тем в словотолкователях встречается много слов, принадлежащих к отдаленным историческим эпохам, например, названия античных учреждений и должностных лиц, средневековых религиозных сект и т. п., а также немало неупотребительных слов, вроде *демарх*, *демархия*, *аргирократия*, *аристодемократ*, *аристодемократия*, *клерократия*, *проприетерий*, *этократия* и т. п.[18]

Словари также определенно фиксируют тот факт, что многие слова общественно-политической и философской лексики, которые в 30—50-е годы встречали серьезное возражение со стороны консервативных и пуристически настроенных кругов, утвердились в литературном языке, получив широкое распространение (*гуманность*, *гуманный*, *доктрина*, *мораль*, *кризис*, *реформа*, *принцип*, *прогресс* и т. п., *абсолютный*, *коллизия*, *объективный*, *субстанция*, *элемент*, *эффект* и др.).

Словарями регистрируются слова новые или ставшие актуальными к 60-м годам: *аболицианист*, *аболицианизм*, *нигилист*, *нигилизм*, *пропаганда*, *пролетарий*, *пролетариат*, *реалист*, *реакция*, *эксплоатация*, *эмансипация* и т. п. (Вопрос о «подаче» этих слов в словотолкователях — особый, здесь важно отметить сам факт их регистрации).

В связи с регистрацией словарями общественно-политической лексики важно подчеркнуть, что в этих словарях характер толкования многих слов, обозначающих важные социальные явления, политические понятия, отражает употребление и восприятие этих слов консервативными кругами русского общества, а при сопоставлении с текстами революционно-демократической публицистики, а также со словарями Ф. Толля и Кириллова — и своеобразную полемику вокруг интерпретации и использования таких

[18] Наличие слов, аналогичных приведенным, в «Настольном словаре» Ф. Толля обусловлено особыми политическими соображениями редактора этого издания.

слов. Это со всей очевидностью подтверждается историко-лексикологическими материалами к словам *абсолютизм*, *демагог*, *инсургент*, *либерал*, *либерализм*, *реакция*, *пролетарий*, *революция* и т. п.

Точной передаче семантики актуальных слов общественно-политического назначения мешает отмеченный выше «этимологический» подход к толкованию лексической единицы. Это особенно видно на примере слов из естественнонаучной лексики, используемых для обозначения социальных явлений (*реакция*, *кризис*, *масса*).

Что касается терминологии естественных и точных наук, вообще специальной терминологии, то эти пласты в словарях иностранных слов представлены достаточно полно. Однако и здесь процессы переосмысления, расширения значений или случаи «расширительного» словоупотребления фиксируются очень непоследовательно. Нашли отражение лишь некоторые явления, относящиеся к первой половине XIX в., например, *апогей*, *горизонт*, *элемент*. Но составители «словотолкователей», как правило, не замечают семантических сдвигов таких слов, как *атмосфера*, *сфера*, *пропорция*, *симптом*, *диаметральный*, *масса*, *органический*, *организация*, относящихся к той же эпохе, не говоря уж о «новых» явлениях, таких, как переосмысление слов *авангард*, *арсенал*, *доза*, *импульс*, *формация*, *эксплоатация*. Правда, иногда некоторые словотолкователи регистрируют переносные значения отдельных слов. Так, «Словарь 1861 г.» отмечает переносное значение слова *центр*, «Словарь А. С.» — нетерминологическое значение финансово-юридического термина *консолидация* (не отмеченное даже Толлем).

Факт интенсивного издания в 60-е годы словарей иностранных слов, причины данного явления (см. выше) — с одной стороны, характер словника этих словарей (главное место отведено терминологическй лексике), характер толкования многих слов, особенно общественно-политического назначения, — с другой стороны, позволяют сделать определенные обобщения относительно русского литературного языка этого времени, во всяком случае следующие: во-первых, можно уверенно говорить об усилении роли и влияния научного стиля на стили публицистики и литературного языка в целом; во-вторых, о росте влияния стилей публицистики (или газетно-журнальных стилей) на русскую литературную речь 60-х годов (что подтверждается свидетельствами современников). Наконец, материалы словарей подводят к четкому выводу о наличии идеологической обусловленности части литературной лексики, относящейся к обозначению и выражению политических и философских идей.

Как видно, даже такая краткая характеристика словарей иностранных слов 60-х годов XIX в. убеждает в значимости этих изданий как важного источника изучения и словарных эволюций и общих процессов развития русского литературного языка.

ТЕРМИН В ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ (К ПРОБЛЕМЕ ОТБОРА)

Е. Н. ТОЛИКИНА

Работа над словарем любого типа и объема начинается с концептуальных решений проблем словника. В общем толковом словаре комплекс их особенно сложен и уже сам по себе может составить предмет описания и научного анализа [1].

Однако, будь то словарь русского, английского или любого другого языка, наиболее острой и одинаково актуальной неизменно оказывается одна из частных проблем словника: отбор терминологической части его состава. Она постоянна для общей лексикографии, переходит из словаря в словарь, но и сегодня оптимальных принципов, объективных и надежных критериев отбора терминов в толковый словарь лексикография не имеет, ни отечественная, ни зарубежная. Потому и для нового академического словаря русского языка формирование терминологической части словника оказывается проблемой, которую во многом следует решать заново, учитывая при этом все положительное из лексикографического опыта и опираясь на достижения современной теоретической науки [2].

Современное состояние изучения свойств термина и терминологических систем, процессов и характера взаимодействия последних с системой общеупотребительной лексики, путей проникновения в нее терминов из разных отраслей знания, языковых процессов, сопутствующих адаптации заимствованных терминов к общеупотребительной лексике, и т. д. не оставляет сомнения в том, что концептуальная неопределенность проблемы отбора терминов для общего толкового словаря объясняется в первую очередь объективными причинами, свойствами объекта отбора, его положением в языковой системе.

Принципы отбора терминов толковым словарем в научной литературе обсуждались не однажды: в работах, посвященных лексикографическим проблемам вообще, а также решению их отдельными словарями [3]. При широких обсуждениях проблемы

---

[1] См., например, Л. П. Ступин. К вопросу о принципах отбора слов для толкового словаря современного литературного языка. «Вестник ЛГУ», 1963, № 2.

[2] А. М. Бабкин. Новый академический словарь современного русского языка (проспект). Л., 1971.

[3] С. И. Ожегов. О трех типах толковых словарей современного русского языка. — ВЯ, 1962, № 2; Ф. П. Филин. Заметки по лексикологии и лексикографии. «Лексикографический сборник». М., 1957, № 1; Ф. П. Сороколетов. О месте производственной терминологии в толковом словаре русского языка. «Лексикографический сборник». М., 1957, № 1; А. П. Евгеньева. К вопросу о типе однотомного толкового словаря русского языка советской эпохи. — ВЯ, 1953, № 3; В. Н. Сергеев.

обычно обнаруживаются крайние позиции: тенденция предельного насыщения словника толкового словаря специальной терминологией и стремление предельно ограничить допуск специальной терминологии в толковый словарь [4]. Сторонники той и другой позиции, как правило, не связаны практически с лексикографией.

Тем не менее наличие крайних точек зрения свидетельствует о необходимости более отчетливо формулировать принципиальную позицию толкового словаря в отношении специальной терминологии. При этом следует подчеркнуть, что для толкового словаря, имеющего общей и основной задачей адекватное отражение лексической системы своего времени, отбор терминов является, хотя и важной, но частной проблемой. В самом общем виде она сводится к тому, чтобы из состава специальной терминологии оптимально отобрать ту ее часть, которая, распределяясь по разным терминосистемам, одновременно является частью системы общеупотребительной лексики. Т. е. общий толковый словарь не вторгается в область специальной терминологии и включает ее лишь в той мере, в какой она вторгается в общеупотребительную лексику. Этим, в частности, снимается необходимость обсуждения вопроса, должен ли такой словарь брать на себя справочные задачи по отношению к специальной терминологии. Он никогда не может служить пособием при чтении специальной литературы.

Эта позиция кроме лексикографического, имеет также и историко-культурный аспект.

Толковый словарь — такое издание, которое адресовано всему народу, настоящим и будущим его поколениям. Он несет информацию не только о языке и состоянии науки о нем. Описывая современную лексическую систему, словарь тем самым одновременно сообщает о состоянии духовной и материальной культуры народа, структуре общества, владеющих им идеях и многое другое, что позволяет ему занять достойное место в ряду культурно-исторических ценностей и достижений своего времени. При этом историко-культурный аспект задачи состоит отнюдь не в том, чтоб специфически лексикографическими средствами характеризовать картину достижений науки или техники, воссоздать исторический момент развития какой-либо отрасли специального знания. Для него важно другое: дать представление о вкладе специальных отраслей знания в социальный прогресс, о влиянии их на уровень духовной и материальной культуры народа, на общественные идеи и т. д., т. е. обо всем, что придает жизни общества облик и дух современности.

Термины как объект лексикографии. «Современные проблемы терминологии в науке и технике». М., 1969, стр. 122—148.

[4] Материалы обсуждения проспекта «Нового академического словаря современного русского языка». Л., апрель 1972 г.

Терминологических систем, обслуживающих разные отрасли специального знания, множество. Количество терминов исчисляется миллионами. В соответствии с распределением общества по сферам производственной деятельности распределены терминологические средства дополнительно к общеязыковым. В результате лексический запас каждой группы специалистов отличается от лексики другой подобной группы именно добавочным терминологическим компонентом. Только особые обстоятельства, чаще всего внеязыковые, приводят к овладению незначительным количеством терминологических средств всем говорящим на данном языке коллективом или частью его (общетехнические или общенаучные термины, термины искусства, спорта, практической медицины и т. д.). В этом состоит суть той стороны процессов взаимодействия терминологии и общеупотребительной лексики, результаты которой в принципе фиксирует словарь. Научное обоснование методики отбора при этом опирается на теоретические исследования, которые посвящены детальному изучению заимствований из терминосистем различных специальностей в разные исторические эпохи. Процесс этот протекает в языке постоянно, но неравномерно, и по-разному распределен между источниками заимствований (одна эпоха обнаруживает преобладание заимствований из естественнонаучной терминологии, другая — из общественно-политической и т. д.).

* * *

При общей подвижности и неустойчивости терминологического состава отчетливо выделяется основной терминологический фонд давних отраслей знаний, который стабилизовался и отличается устойчивостью. Они имеют длительную историю развития, большую литературу, в которой видное место занимают классические образцы популяризаций, произведения мемуарного или автобиографического характера и т. п. Они стали привычной темой для произведений художественной литературы в различных ее жанрах.

Толковые словари, как правило, создаются на основании письменных литературных источников. И такие отрасли знания, как горное дело, мореплавание, медицина и т. д., несомненно, будут в достаточной мере представлены в литературных источниках словаря. Терминология подобных отраслей, следовательно, отбирается на основании критерия употребительности, как это в принципе и делается современными словарями. И не только количественный фактор — множественность употреблений того или иного термина — играет здесь роль, но и употребления (пусть отдельные), свидетельствующие о качественных, функциональных сдвигах.

В повестях и романах, изображающих человека в труде, термин не всегда несет информационную нагрузку. Он часто служит целям художественного воплощения соответствующих ситуаций, воссозданию художественной достоверности момента, что уже сви-

детельствует о свободе обращения с ним. Например: «*Катары, пневмонии, переломы, дезинтерия . . . Фонендоскоп, шприц, скальпель. . . Это* сейчас составляло ее жизнь» (В. Аксенов).

Писатели и поэты в поисках новых изобразительных средств охотно обращаются к терминам. Образные, шутливо-иронические, предикативно-характеристические употребления термина нередки. Они отрывают термины от контекстов, тематически связанных со специальностью. Например: «*—Зачем тебе, Столб, вторая сигнальная система*?» (В. Аксенов). « *— Я тебя давно учил, начинай высшую нервную деятельность*» (Д. Гранин). « *— Не человек — водородная бомба*» (Г. Николаева). Художественным, изобразительным целям служит и произвольный сдвиг в сочетаемости термина (*география* открытий, съемок, мирный *атом*, *несущие конструкции* романа и т. п.). Если подобные сочетания становятся общеупотребительными, они ведут к семантическим изменениям, к появлению новых значений. Но уже и самая возможность такого употребления термина, переводящая его из разряда средств обозначения в разряд средств художественных, характерологических, свидетельствующая о преодолении им функциональной привязанности к специальным темам, служит несомненным критерием отбора его в общий толковый словарь.

Таким образом, отбор тех разрядов терминов, на которые распространяется критерий употребительности, связан с использованием литературных источников словаря, представленных различными жанрами, но имеющих одну общую черту: тематическую связь с определенной отраслью человеческой деятельности, с какой-либо специальностью. Термины, которые отбираются по принципу эстетической функции, оторваны от тематических контекстов и принадлежат поэзии и художественно-беллетристическим жанрам вообще. Но в том и другом случае отбор терминологического материала зависит, как известно, от литературных источников словаря, их разносторонности, тематического и жанрового разнообразия. В современных русских толковых словарях сложилась уже соответствующая традиция разрабатывать проблемы словника параллельно с отбором источников, при взаимном корректировании: проблемы словника направляют отбор источников словаря, а последний, в конечном итоге, обеспечивает лексический состав словаря и иллюстративную часть его. Естественно, что пока отбор терминологической части словника толкового словаря базируется на произвольной избирательности литературных источников, на избирательности, не опирающейся на современные возможности статистической лингвистики, объективность процедуры остается не обеспеченной.

Но допустим, что статистически надежно установлены некоторые количественные пороги, приуроченные к тематическим контекстам, с учетом жанрового их разнообразия, и следовательно, достигнуты оптимальные условия для адекватного отбора интере-

сующей нас части словника. Значит ли это, что раз отобранный на этом основании состав терминов может переходить из издания в издание? Нет, он корректируется реальным состоянием терминосистем, учетом происходящих в них количественных изменений, в том числе связанных с сознательным воздействием, стандартизацией и упорядочением терминов. Поэтому требуется обязательное обновление источников словаря от издания к изданию, что помогает избавиться от терминов устаревших, от обозначений, связанных с отжившими в специальном употреблении реалиями. Конечно, это касается терминов, которые отобраны лишь как обозначения специальных реалий и понятий. Если же, став широко известными, они дали семантические ростки, например, термин *удельный вес*, получивший распространительное употребление (*удельный вес* чего-л.), или укоренение реалии в бытовом обиходе сделало ее обозначение общеупотребительным словом (например, *аспирин*), замены их в специальной терминологии для общего толкового словаря не имеют значения. Такие слова и словосочетания отбираются им на общих основаниях. Другие же случаи всегда составляют для толкового словаря элемент опасности отразить «вчерашний день». И методика отбора в этой части нуждается в «подсобных средствах» обеспечения общей задачи адекватности.

Однако самая большая трудность проблемы отбора терминов в словник общего толкового словаря связана, пожалуй, не со стабильным слоем терминологии, который существует также и в любой отрасли знания. Даже новейшие из них используют множество общенаучных, общетехнических терминов и усваивают некоторую часть терминологии смежных наук и производств. Но знание — такая область, в которой каждое мгновение появляется нечто новое, а вместе с ним и обозначение, термин. Наша современность, которая хронологически непосредственно сопутствует работе над Новым академическим словарем русского языка, характеризуется в речи не иначе как «век ядерных открытий», «эпоха покорения космоса», «век электроники и автоматики», «век кибернетики» и т. д. Но обилие новых обозначений, новых терминов — тоже характеристика происходящей в жизни общества научно-технической революции и тоже — примета века. Невольно возникает соблазн максимального насыщения словника словаря новейшей терминологией. И все же задача словаря остается прежней: адекватное описание современного состояния системы общеупотребительной лексики. Несомненно, заманчива перспектива фиксировать новейшие «вхождения» из терминологии, маркирующие период создания словаря. Этот момент представляет собою наибольшую трудность. Трудность потому, что словарь здесь вплотную встречается с динамическим аспектом синхронии, с активным процессом, результаты которого, по существу, принадлежат будущему, с процессом стихийным, неуправляемым. Словарь в стремлении к адекватности переходит с неизбежностью в какой-то

части на прогнозирующие позиции. В этом случае ему необходимы критерии, на основании которых можно было бы в неупорядоченном потоке терминов выделить те, которые активно взаимодействуют с лексической системой, из массы терминов, проходящих по касательной к ней.

Именно стадия острой современности процесса порождает в лексикографической практике отбора терминов неязыковой критерий общественной значимости, актуальности понятия. Он сформулирован, например, в «Инструкции. . .» 4-х томного академического словаря: «При отборе для Словаря терминов решающей должна быть общественная роль того или иного термина, но отнюдь не важность его в системе понятий данной науки или отрасли техники. Поэтому, оставляя в стороне узко специальные термины, Словарь включает термины, вошедшие в общеупотребительный словарный состав современного русского литературного языка». С этой точки зрения не вызовет сомнения включение в словарь таких новых терминов, как *невесомость*, *перегрузки*, *луноход* и т. д. Их появление связано с событиями, которые по-разному переживало все человечество. Несомненна актуальность новых отраслей знания: кибернетики, электроники, космонавтики, ядерной физики, бионики, семиотики и др., а следовательно, и принадлежность перечисленных названий к лексическому фонду. Вместе с ними будут отобраны и термины, несущие элементарную информацию, минимум знаний о содержании этих наук (*программное управление*, *вычислительная техника*, *счетно-решающее устройство*, *информация*, *избыточная информация*, *кибернетизация*, *программирование*, *запоминающее устройство*, *саморегулирующаяся система* и т. д.; *электрон*, *протон*, *нейтрон*, *атомное ядро*, *микромир*, *ядерный распад*, *термоядерный синтез*, *атомная радиация*, *синхротрон*, *циклотрон* и др.; или: *орбитальная станция*, *луноход*, *планетоход*, *космический корабль*, *перицентр*, *периселений*, *пояс радиации*; *гермошлем*, *ракетоноситель*, *разгерметизация*, *расстыковка* и мн. др.).

В ряде случаев толковый словарь не затруднится в отборе терминов, содержание которых находится на уровне идеи (*информаторий*, *безаэродромная авиация*, *планетолёт* и т. п.), но идеи с несомненной будущей реализацией, потому что люди науки всего мира одержимы мыслью обуздать поток информации, подвергнуть его компрессии, авиаторы — идеей избавления от взлетных полос, посадочных площадок, техники озабочены проблемой использования дешевой энергии. Значит — эти идеи сегодня характеризуют уровень науки, а завтра получат техническое воплощение. Словарь не сделает ошибки, отобрав подобные термины в словник, хотя, понятно, количество их употреблений исчисляется единицами.

Или термины, выражающие новые подходы науки к давно известным явлениям: *микромир* — (атомное ядро), *макромир* — (вселенная). И соответственно — *микрочастицы* и *макротела*.

Свойства объекта в динамической стадии таковы, что объективно меняется профиль источников отбора. На первое место выдвигаются информационные жанры: пресса, периодические научно-популярные издания, популяризаторские серии и т. д. Критерий актуальности не вполне согласуется с критерием употребительности. Не обязательно большей употребительностью отличается тот термин, который обозначает понятие большой важности и значимости. По свидетельствам ученых [5], например, открытию электрона в свое время была посвящена информация в две строчки, открытие позитрона, первой элементарной частицы, предсказанной человеком, прошло незамеченным. Научную сенсацию 60-х годов — новую систематизацию элементарных частиц — газеты не заметили также, а открытие искусственного вируса в информации не получило научных комментариев, хотя оно может иметь большие последствия для человечества. Немного места занимает информация о получении лабораторным путем антигелия, событие, после которого антивещество перестало быть гипотетическим понятием. Важность, социальная (не только научная) значимость понятия несомненна, а употребительность термина минимальна.

Подсознательно постоянное присутствие критерия употребительности порождает немало сомнений и в других случаях. Например, отбирая термин *информация*, должен ли толковый словарь включить и термин *бит*, обозначающий единицу информации и имеющий не многим меньшую употребительность в соответствующих жанрах источников словаря?

Нередко возникает соблазн укрепить зыбкий критерий актуальности еще принципом «равного представительства», или равного подхода в аналогичных ситуациях. Например, отбирая термины *синхротрон* и *циклотрон*, следует ли также взять и *бетатрон*, или: наряду с терминами *антивещество*, *античастица*, должен ли быть в словаре термин *аннигиляция* (процесс превращения частиц и античастиц при столкновении), а наряду с термином *гамма-глобулин*, нужно ли включить и *альфа-глобулин* (недавно открытый белок в перерожденных тканях и в тканях зародыша мыши); включая термины *информаторий*, *планетолет*, обозначение которых существуют только в идее, следует ли отобрать и термины *кварк* (гипотетическая частица, из разновидностей которой предположительно построены все известные элементарные частицы) или *линкос* (искусственный язык для возможностей связи с инопланетными цивилизациями)?

Сомнительные случаи многообразны. Пути устранения сомнений — также. Однако ни один из них не может быть признан оптимальным. Даже привлечение методов статистической лингвистики едва ли может изменить положение. Вопрос, что из но-

---

[5] См. материалы дискуссии о языке науки в «Литературной газете» № 7 и 21, 1968 г.

вейших терминов, употребляющихся в газетных корреспонденциях на актуальные сегодня темы, действительно закрепится в языке, конечно, не во всех случаях будет решен словарем адекватно.

К решению задачи более точного прогнозирования могут быть привлечены и вспомогательные критерии. К таким относится, в частности, критерий языковой, учитывающий все возможные структурные условия, содействующие адаптации термина к системе общеупотребительной лексики. Сюда, в первую очередь, относятся модели словообразования и (шире) терминообразования вообще, так как современное терминообразование весьма широко использует словосочетания. Хорошо известно, что терминология обогатила не только лексическую систему, но и уровень общеупотребительных морфем. К ним относятся, например, части сложений, заимствованные языком вместе с лексическими образованиями из разных терминосистем. Таковы морфемы *авио-*, *авто-*, *анти-*, *био-*, *гидро-*, *микро-*, *макро-*, *тепло-*, *электро-*, *фото-* и др. Свидетельством адаптации является их способность сочетаться с общеупотребительными лексемами (*антироман*, *антигерой*, *микропорция*, *микробрючки* и т. д.). Все современные терминологические сложения с участием знакомых общему употреблению морфем не воспринимаются как совершенно новые, что облегчает их вхождение в разряд общепринятых лексических средств. Например, внедрение автоматики в различные отрасли народного хозяйства дало множество сложений с первой частью *авто-* (*автоподъемник*, *автопогрузчик*, *авторегулятор*, *авторулевой*, *автоподстройка*, *автопоение*, *автопоилка* и т. д.).

Так как автоматизация направлена в большинстве случаев на известные процессы и действия уже существующих устройств, то вторая часть сложения часто выражена также известным словом. Таким образованиям путь в лексику проложен самой структурой. Таков же подход к многочисленным образованиям с *био-*, количество которых продолжает расти в связи с интересом к изучению живых систем, раскрытию тайн живой и неживой природы, моделированию живых процессов с намерением применить эти модели в искусственных системах и устройствах. Например: *биоток*, *биосистема*, *биосвязь*, *биосинтез*, *биостимулятор*, *биоинформация*, *биомашина*, *биопотенциал* и многие другие.

Массу терминологических образований дали также элементы *микро-* (*микромир*, *микроструктура*, *микроявление*, *микросистема*), *макро-* (*макромир*, *макроструктура*, *макротело*), *астро-*, *гидро-*, *радио-*, *тепло-*, *термо-*, *электро-* и т. д.

Структурный подход, естественно, не связывает анализ с принадлежностью терминов к разным отраслям знания. Отбор по моделям происходит автоматически, и вопрос, вводить в словарь *луноход*, *планетоход*, *лунодром*, *планетолет*, *дельфинарий*, *информация*, *информаторий*, *противорадиационный*, *заатмосферный*, *загерметизировать*, *запланетный*, *разгерметизация*, *около-*

звездный, *околопланетный*, *орбитальный*, *невесомость*, *перегрузки* и т. д. может также не связываться с внешними критериями общественной значимости и актуальности, даже при условии их принадлежности (*планетолет*, *информаторий*) области идей.

В информационных и др. текстах на темы специальностей встречаются такие слова, употребление которых не приурочено к какой-либо одной из них, а в равной мере обслуживает общение на разные специальные темы (*глобальность*, *глобальный*, *дискретность*, *дискретный*, *прогнозировать*, *прогнозирование*, *инвариантность*, *инвариантный*, *математизация*, *автоматизация*, *модель*, *моделирование*, *моделировать*, *уровень* и т. д.). Эти слова следует отличать от собственно терминологических образований. Они пополняют класс так называемой общенаучной лексики (*система*, *структура*, *форма*, *вариант* и т. д.), принадлежащей современному книжному стилю. Основанием для отбора ее служит принадлежность многим отраслям, преодоление узкоспециальной характеристики дополнительного распределения.

Связанная с областью интеллектуальной деятельности терминология науки изобилует отвлеченными понятиями, высокими абстракциями. Множество из них представляют собою блоки и суперблоки понятий. Только для научных терминов характерно дефинитивное содержание, которое приписывается им в системе той или иной научной концепции, пытающейся определить свойства реального объекта. В большей степени, чем другие области, терминология наук подвержена стихии, что связано с историей становления и отмирания идей, судьбой научных гипотез, борьбой истин и заблуждений, различных концепций и методов исследования. Следствием стихии является неустойчивость, текучесть терминологического состава. Концептуальная неоднородность научного знания порождает нередко такие ситуации, когда в терминологии науки сосуществует несколько самостоятельных терминологических систем. Бывают случаи концептуальных расхождений до противоположностей при одном и том же объекте (материалистическая и идеалистическая теория в философии). Эти свойства научной терминологии объективно обусловливают слабость контактов ее с системой общеупотребительной лексики. В основном результативная часть достижений науки, часто прошедшая техническую обработку, становится социальной ценностью, а с ней и соответствующая часть терминологии входит в общее употребление.

Проблему контактов научной терминологии с общим языком можно рассмотреть и в ином аспекте.

Новейшая научно-техническая революция безгранично расширяет возможности науки. Человек проникает в тайны строения вещества, открывает микромир и покоряет космос, изобретает искусственный интеллект и читает генетические коды. . . А в результате возникает парадоксальная ситуация: ученые не скрывают идей, публикуют открытия, но, по их словам, труды эти доступны

массовому читателю не более, чем государственные документы с грифом «совершенно секретно» [6]. Ученые смежных специальностей перестают понимать друг друга, а порою и специалисты одной отрасли науки — тоже (например, лингвисты). Налицо симптомы коммуникативной разобщенности. И если учесть, что основная часть информативной нагрузки научного текста падает на термины, становится ясной причина.

По существу, благородную задачу преодоления наметившейся разобщенности принимает на себя научно-популярная литература. Но хороших популяризаций мало. В числе таких физики, например, называют сборники «Над чем думают физики», «Научная мысль», «Наука и человечество» [7], а брошюры, которые, скажем, выпускает издательство «Знание», годятся, по их мнению, лишь для ученых, которые хотят знать о достижениях коллег из смежных областей» [8]. Лингвисты также называют образцовые популяризации [9]. Учеными разных специальностей единодушно высказывается мнение, что популяризовать науку должны специалисты.

Только они, не упрощая, могут довести до сознания массового читателя ее действительные ценности, только они сумеют преодолеть при этом и терминологический барьер, отнюдь не прибегая к попыткам «перевода» понятий.

Практически же эти единодушные высказывания с разных сторон указывают на известную лексикографии возможность избежать случайного отбора из научной терминологии, регулировать его на уровне отбора источников.

Но если преодоление разобщенности осуществляется умелой популяризацией идей при минимальном употреблении специальной терминологии, естественно, что словарь, использующий популяризации в качестве литературных источников, должен идти по пути строгого регламента в отборе терминов науки. Он не может принять на себя справочные задачи не только по отношению к специальной научной литературе, но и к популяризациям типа серии «Знание».

К числу общих свойств научной терминологии относится также и обилие элементов иноязычного и интернационального происхождения, сдерживающих интенсивность процессов взаимодействия ее с системой общеупотребительной лексики.

В принципе для лексикографической практики полезно продолжить типологию терминосистем, их объединение в более крупные блоки, или классы. Наряду с научной таким образом может быть

---

[6] См. материалы дискуссии о языке науки в «Литературной газете» № 21, 1968 г.

[7] См. там же.

[8] «Литературная газета» № 7, 1968 г.

[9] А. М. Бабкин. Лексикографические заметки. — ВЯ, 1955, № 12, стр. 96.

выделена ремесленно-промысловая терминология [10] с присущими только ей особенностями, которые подскажут словарю самые общие принципы отбора из нее, терминология техники, искусства и т. д., научных классификаций (периодической системы химических элементов, классификации растений, животных, птиц, насекомых и др.), терминология, с которой мы знакомимся в курсах общеобразовательной школы и т. д. Разумеется, эти классификации имеют чисто практическое назначение, но в зависимости от общих типологических свойств выделенных разрядов (а их может быть и больше) будет варьировать общий принцип подхода толкового словаря к отбору терминов.

---

[10] См. Х. К а с а р е с. Введение в современную лексикографию. М., 1958, стр. 289—291.

РАЗГОВОРНО-ПРОСТОРЕЧНАЯ И ОБЛАСТНАЯ ЛЕКСИКА В СЛОВАРЯХ И В СОВРЕМЕННОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ (ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Г. Н. СКЛЯРЕВСКАЯ, И. Н. ШМЕЛЕВА

Заключенные в современных словарях русского литературного языка пласты разговорных, просторечных и областных слов состоят из разнообразных лексических групп, которые отличаются друг от друга не только интенсивностью, но и качеством своей стилистической окраски. Границы этих групп не совпадают с традиционной классификацией «разговорное — просторечное — областное».

При выявлении лексических разрядов были приняты во внимание различные признаки: не только функционально-речевой (границы речевого употребления), но и словообразовательный, семантический и эмоционально-оценочный, нормативный и генетический. Единый принцип классификации был невозможен из-за большой разнородности данных лексических рядов.

I. Для нескольких лексических групп, соотносимых со словарными характеристиками разговорное и просторечное, главным и объединяющим признаком является функциональный — очевидная связь с современной разговорной речью и обусловленная этой связью окраска непринужденности и фамильярности.

Не претендуя на исчерпанность классификации и на охват явлений переходного и пограничного характера, здесь можно наметить следующие, наиболее отчетливые и типичные группы:

1. Лексические эллиптизмы — существительные и глаголы, образованные на базе словосочетаний и включившие в свое значение содержание всего сочетания (*зачетка* вместо сочетания *зачетная книжка*, *бюллетенить* вместо *находиться на бюллетене*). Известно, что это весьма продуктивный и характерный для современной разговорной речи словообразовательный тип: *безбилетник*, *бездельничать*, *валерианка*, *вечерка*, *газировка*, *галерка*, *горловик*, *докторша*, *карболка*, *касторка*, *малолитражка*, *малярничать*, *манерничать*, *насмешничать*, *овсянка*, *подземка*, *скрытничать*, *температурить*, *хлорка*, *чаевничать*, *электричка* и т. п.

2. Слова, образованные с помощью суффиксов, имеющих окраску разговорности (т. е. действующих как активная словообразовательная модель в разговорной речи и проникающих в другие стили в составе отдельных лексем — «суффиксы стилистической модификации») [1]: *ямина*, *помидорина*, *молодчина*, *брошка*, *самогонка*, *печенка*, *ворюга*, *пьянчуга*, *миляга*, *бедняга*, *грязнуха*, *распустеха*, *пройдоха*, *мерзляк*, *остряк*, *воображала*, *мазила* и т. п.

Большую группу в ряду окрашенных образуют суффиксы субъективной оценки, а в составе разговорно-просторечной лексики — существительные и прилагательные с соответствующими суффиксами: *гвоздок*, *часик*, *голубчик*, *капиталец*, *спинка*, *елочка*, *водица*, *делишки*, *дядюшка*, *собачонка*, *тоненький*, *мокрехонький*, *холоднущий*, *здоровенный* и т. п.

3. Слова, образованные способом усечения. «Специфическим способом словообразования разговорной речи представляются разные типы усечений» [2]: *перманент (перманентная завивка)*, *кварц (кварцевая лампа)*, *интим*, *факультатив*, *гуманитар*, *демисезон*, *интеллектуал*, *сноб*, *прима* (по семантической структуре многие из них являются эллиптизмами).

4. Переносные значения общеупотребительных (преимущественно нейтральных) слов. Метафора используется как средство выражения определенного отношения к тому явлению, на которое переносится имя другого явления. Чаще всего перенос направлен на дискредитацию, «снижение» или несерьезное, шутливое осмысление обозначаемого явления. Таковы переносные значения слов *баба*, *базар*, *влипнуть*, *выудить*, *глухарь*, *гоготать*, *дьявол*, *жарить* (об интенсивном действии), *залепить*, *корова*, *лакать*, *мумия*, *наплевать*, *огурчик*, *отколоть*, *петрушка*, *присосаться*, *ржать*, *смыться*, *тряпка* и т. д.

Перечисленные ряды составляют основную массу разговорно-просторечных слов.

Помимо общего признака связи с непринужденной, неофициальной сферой общения, противопоставленности специфичной лексике

---

[1] Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970, стр. 138.

[2] В. Н. Виноградова. Стилистические средства словообразования. «Стилистические исследования». М., 1972, стр. 201.

книжных стилей, слова этих групп обладают частными признаками, создающими между ними стилистические различия.

Прежде всего неодинакова по силе проявления эмоционально-оценочная экспрессия (экспрессивно-эмоциональная окраска) слов, образующих группы. В разряде эллиптизмов довольно много слов с ослабленной оценочной экспрессией: *валерианка*, *вечерник*, *копирка*, *насмешничать* и т. п. Практически (для лексикографа) это слова как бы с чистой функциональной окраской, именуемой в традиции разговорной. Как правило, слабо ощутим элемент оценочности у слов, образованных по способу усечения, их стилистическое своеобразие основано на генетическом признаке — связи со средой, из которой они вышли (профессиональная или жаргонная отнесенность): *прима*, *факультатив*, *серьез* и т. п. Напротив, словам с переносными значениями и словам с окрашенными суффиксами почти всегда присуща отчетливая оценочность, нередко очень резкая, даже грубая (*лапоть*, *мухомор* — о человеке, *наливаться*, *примазаться*, *путаться*, *распустеха*, *мазила* и т. д.). Экспрессивно-эмоциональный ореол как положительный (одобрение, ласка, сочувствие), так и отрицательный (пренебрежение, презрение) является неизменным спутником слов с суффиксами субъективной оценки. Более того, экспрессивно-эмоциональная окраска здесь часто затмевает функциональную, и именно она оказывается решающей при определении стилистического качества слова.

Различия слов по экспрессивно-эмоциональной окрашенности принято показывать в словарях с помощью соответствующих характеристик и помет, хотя надо сказать, что делалось это до сих пор очень непоследовательно.

Другой причиной несходства слов внутри намеченных групп является, если можно так сказать, разная степень их нормативности, бóльшая или меньшая близость к общелитературной нейтральной норме. Это то, что иногда называют степенью сниженности слова. Зависит она в первую очередь от прочности усвоения слова литературным языком.

Ни один из разрядов слов разговорно-просторечного пласта не является замкнутым: одни слова, изменяя или теряя окраску, уходят, другие вливаются вновь из самых разнообразных источников. Слова, поступающие из ненормированной речи и говоров, на фоне разговорной речи и тем более на фоне книжных стилей первое время, на стадии усвоения сохраняют печать ненормативности. Поэтому среди эллиптизмов, например, можно найти слова, ставшие нейтральными или почти нейтральными (*бескозырка*, *антоновка*, *дружинник*, *рыбачить*, *бродяжничать*, *открытка*), слова с обычной для них окраской непринужденности (см. список слов под рубрикой «эллиптизмы») и слова, еще не зарегистрированные словарями и редко попадающие в письменные источники — *самоволка*, *продленка*, *пылесосить*, *загранка*. Они менее освоены литературным языком, чем, например, *антоновка* или *овсянка* и кажутся нам менее нормативными. То же самое можно наблюдать и в дру-

гих лексических группах: *бедняга* для нас слово разговорное, но вполне литературное, но вряд ли мы признаем таковым существительное *доходяга*. В последнее время оно часто попадает в письменный язык, но все еще сохраняет жаргонный колорит и представляется нам ненормативным.

Во-вторых, на степень нормативности слова влияет характер его значения и особенно — оценочной экспрессии. Резкая грубость, например, служит препятствием для движения слова к разряду нейтральных. Грубые слова из состава разговорной метафорической лексики — *гнида*, *зараза*, *кобель*, *жрать*, *снюхаться* — неизмеримо «ниже» основанных на том же принципе метафоры слов (точнее — значений слов) *теленок*, *тюлень*, *жариться* (*загорать*) и под.

В-третьих, яркость окраски и степень сниженности слова зависит от словообразующего суффикса. Суффиксы, активные в разговорной речи, неодинаковы по способности окрашивать то слово, к которому присоединяются. Суффикс *-ка*, с помощью которого образуются разговорно-просторечные синонимы к мотивирующим словам (*жилет — жилетка*, *папироса — папироска*, *книга — книжка*), окрашивает слово иначе и слабее, чем, напр., суффиксы *-ага*, *-уга*, образующие также разговорно-просторечные синонимы к мотивирующим словам (*сотняга*, *штормяга*, *парнюга*).

Все эти признаки (в совокупности или порознь) создают внутри разговорного слоя лексики те различия, для которых лексикографическая традиция предлагает пометы *разговорное* и *просторечное* (но помета просторечное маркирует одновременно и стилистические явления совсем другого качества, что обычно ставится в вину лексикографам при критике понятий и помет разговорное и просторечное). Пометы означают разную степень сниженности в пределах лексики, функционально связанной с некодифицированной формой литературного языка и входящей в словарный состав кодифицированного литературного языка на правах специализировавшегося стилистического средства. Граница между «более» и «менее» сниженным неотчетлива и текуча, в этом одна из причин сбивчивого и непоследовательного практического применения помет *разг.* и *простореч.* (почему, например, *горловик* имеет помету *простореч.*, а *глазник*, в том же словаре, — *разг.*?).

По наблюдениям исследователей, в современной разговорной речи нет ярких стилистических контрастов: «необходимо признать и учитывать в исследовательской практике диффузный характер ее (разговорной речи) состава, отличающийся на современном этапе тем, что генетически разнородные элементы. . . образуют в результате единый стилистический ряд, внутри которого можно устанавливать лишь незначительные отклонения в смысле большей или меньшей маркированности их употребления» [3]. Но это не дает

[3] Т. Г. Винокур. Стилистическое развитие современной русской разговорной речи. «Развитие функциональных стилей современного русского литературного языка». М., 1968, стр. 20.

права лексикографу игнорировать различную степень сниженности разговорной лексики, описывая стилистические свойства слова в словаре литературного языка. На фоне книжных стилей, из норм которых должен исходить создатель словаря национального языка, это различие сохраняет свое значение.

Лексикограф должен найти средство, чтобы показать разницу между более и менее низкими словами разговорного слоя (сохраняя при этом и их основную функционально-стилистическую характеристику, в которой была бы выражена их общая принадлежность к разговорной речи), такими, как *скукота*, *талдычить*, *махра*, *вкалывать*, *настырный*, *скупердяй*, *речуга*, с одной стороны, и *выдыхаться* (терять силу), *молчун*, *даровой*, *вихрастый*, *слоняться*, *разбазарцвать*, *манерничать*, *глупыш* — с другой.

II. За словарными пометами р а з г о в о р н о е (редко), п р о с т о р е ч н о е и кроме того — о б л а с т н о е скрываются еще несколько разрядов слов, стилистическая специфика которых порождена отнюдь не функциональной связью с современной разговорной речью. Носитель литературного языка осознает их генетическую соотнесенность с определенной социальной средой и речью этой среды. Не утраченное сознание связи со сферой первоначального функционирования имеет решающее значение для формирования стилистической окраски и роли этих слов в литературном языке.

1. К разговорно-просторечной и областной лексике отнесена в словарях своеобразная и до сих пор не описанная совокупность слов, у которых нет обычной для слов разговорно-просторечного слоя окраски непринужденности, фамильярности, грубоватости. В отличие же от областных, локально закрепленных слов (с которыми их нередко смешивают в словарях) они имеют широкое, чаще всего общерусское хождение. Существенно, что эти слова уходят из речи современного горожанина, но еще сохраняются в употреблении сельского, деревенского жителя: *вёдро*, *вековуха*, *вечерять*, *вечёр*, *вздуть* (огонь), *гоношить*, *горенка*, *горюн*, *давешний*, *далече*, *духовитый*, *завечерять*, *загодя*, *занедужить*, *занемочь*, *захожий*, *знобкий*, *зоревать*, *испить*, *кликать*, *намедни*, *ободнять*, *осерчать*, *охочий*, *привечать*, *птаха*, *родимый*, *сердечный*, *солоница*, *сторожиться*, *студеный*, *стылый*, *убоина*, *уважительный* (=почтительный), *умолотный*, *утрешний*, *хворь* и т. п.

В словарном составе современного литературного языка такие слова стали стилистическим средством художественной литературы: писатели видят в них необходимый языковый материал для описания старой (дореволюционной, доколхозной) деревни, к ним же обращаются, если хотят воссоздать коренную русскую речь с «народно-крестьянским», патриархальным колоритом. Средством художественного описания эти слова становятся как раз потому, что современный носитель литературного языка ощущает их связь с речью крестьянства и с особым (с чертами патриархальности) деревенским укладом жизни.

В некоторых славянских словарях (напр., Словарь чешского литературного языка под ред. Б. Гавранка, Словарь словацкого языка под ред. Шт. Пециара) лексика, характерная для речи земледельческого населения и называющая реалии крестьянского быта, характеризуется пометой «народное». Русская лексикография также испытывает нужду в особом термине для обозначения подобных слов.

2. Названия предметов старого крестьянского быта — *загнетка*, *рядно*, *сусек*, *посконь*, *гашник*, *огребки*, *дежа*, *поветь* и под. словари чаще всего относят также к областным или просторечным словам. И эти слова используются в художественной литературе при воссоздании картин сельской патриархальной жизни — по функции в литературном языке они близки к группе «народных» слов. Но в отличие от последних с определенной средой и бытом здесь связаны сами реалии, а уже через них — и названия этих реалий (слова). Для этих слов в словаре нужна не стилистическая помета (пометы к реалиям не ставятся), а точное определение значения, раскрывающее и особую принадлежность и устарелость самих предметов.

3. Разряд слов с резко ненормативной словообразовательной или морфологической структурой, которые никогда — ни в прошлом, ни теперь — не принадлежали к литературному языку и которые носитель литературного языка воспринимает как «неправильные»: *вертаться*, *взаправду*, *вчерась*, *заместо*, *кровопивец*, *кучерявый*, *накласть*, *напрямки*, *напужаться*, *насовсем*, *покудова*, *прощевай* (*-те*), *рисковый*, *спокой*, *сплётка*, *справный*, *учителька*, *учительша*, *характерный*, *шутейно* и т. д. Довольно постоянная по составу группа таких слов используется писателями для речевой характеристики своих героев — с их помощью изображается речь малокультурных, малограмотных лиц, нередко — представителей старой, темной, дореволюционной деревни.

Группа ненормативных слов может войти в словарь литературного языка на правах стилистического средства художественной литературы наряду с другими такими же традиционными и особенными средствами. Но словарь с широкими филологическими задачами (помимо справочных и учебных) не может воспользоваться пометами *ненормативное* или *неправильное*, потому что многие отклонения от нормы с общелексикологических позиций могут быть истолкованы иначе. По-видимому, в фундаментальном словаре литературного языка при ненормативных словах должна стоять не помета, а условный знак — сигнал ее запредельности литературному языку.

* * *

Итак, традиционная лексикографическая классификация лексики «разговорное — просторечное — областное» принимает иной вид:

1. Разговорная (получившая окраску непринужденности вследствие функциональной связи с неофициальной, преимущественно устной речевой сферой) лексика, неоднородная по экспрессивно-эмоциональной окрашенности и степени сниженности.

2. «Народно-крестьянская» лексика (название условное и предварительное), входящая в словарный состав литературного языка в качестве стилистического средства художественной литературы.

3. Небольшая группа ненормативных слов, также закрепившихся в стилистическом применении в художественной литературе.

4. Названия предметов старого крестьянского обихода, для которых не требуется никакой стилистической характеристики.

После изъятия из лексикографического пласта «областное» так наз. «народно-крестьянских» слов, слов ненормативных и названий реалий, в нем останутся только действительно областные, с ограниченным ареалом слова. Включение областных слов в словарь литературного языка возможно в случае, если будет установлено постоянство их состава и традиционность использования в художественных текстах.

О ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ ОПИСАНИИ СОЮЗОВ РУССКОГО ЯЗЫКА (ПО МАТЕРИАЛАМ СОВРЕМЕННЫХ СЛОВАРЕЙ)

Р. П. РОГОЖНИКОВА

I. Союзы как лексические и своеобразные фразеологические единицы находят место в современных толковых словарях. Однако это слова и сочетания особого рода, отличающиеся от знаменательных слов. Они выполняют в предложении функцию связывания членов, частей предложения, предложений. Являясь грамматическим средством соединения синтаксических единиц, союз содержит в себе указание на характер связи и является выразителем определенных логико-грамматических отношений между синтаксическими единицами.

Характером связи в предложении определяется строение, оформление синтаксической конструкции. Характер связи обусловлен не только союзом, но и другими ее синтаксическими элементами, самой синтаксической конструкцией.

Характер отношений в предложении, находящий выражение в разных элементах конструкции, наиболее отчетливо выявляется с помощью союзов. Отношения, выражаемые союзами, это логико-грамматические, синтаксические отношения. Способность союза выражать различные логико-грамматические отношения опреде-

ляет возможность его употребления в той или иной синтаксической конструкции, ею определяется в известной степени и тип связи в данной конструкции. Поэтому не во всякую синтаксическую конструкцию можно включить определенный союз. Ср.: *красивое и спелое яблоко*, *красивое или спелое яблоко* при невозможности — *красивое чтобы спелое яблоко.*

Хотя не только служебные слова являются выразителями отношений, но там, где есть союз, союзное слово, союзное сочетание, выражение отношений становится более определенным. Ср.: *Дети не пошли гулять*: *пошел дождь* и *дети не пошли гулять, потому что пошел дождь, когда пошел дождь.*

Как лексико-синтаксические единицы союзы являются выразителями отношений, с одной стороны, одним из элементов выражения типа связи, с другой. Поэтому они представляются очень существенным элементом для синтаксиса. Для лексикографии же наиболее существенным является семантическая сторона той или иной лексической единицы. У союзов семантическая сторона тесно связана с грамматической и выявляется через нее.

В грамматиках и словарях выделяются причинные, условные, уступительные, разделительные, соединительные, противительные и другие союзы. Еще Н. И. Греч отмечал, что целой группе союзов свойственно общее значение, общее свойство. Отдельные союзы той или иной группы вносят свои оттенки [1]. Именно эти оттенки и следует считать индивидуальным лексическим значением каждого отдельного союза. Отношения же, выражаемые союзом, можно рассматривать как общие значения, тогда как выражение типа связи — это грамматическое значение.

Семантика союза, его лексическое значение — это его индивидуальные особенности, отличающие один союз от другого в пределах выражения определенных отношений. И грамматические и лексические значения союза выявляются через синтаксическую конструкцию, в которой союз функционирует.

Тип синтаксической связи, выражаемый союзом, то есть его грамматическое значение, как правило, в словарях не указывается. Такие указания — редкое исключение; см., например, в 17-томном «Словаре современного русского литературного языка» характеристику союза *зато* — как сочинительного, *раз* — как подчинительного. Указания же на характер выражаемых отношений отсутствуют.

Союзы в толковых словарях приводятся с характеристикой выражаемых ими общих лексических значений. См. союзы *если*, *кабы*, квалифицируемые как условные, *ибо* — причинный и т. п. Если при этом отмечаются и индивидуальные особенности союзов, то связь лексических и грамматических значений не нарушается.

---

[1] Н. И. Греч. Практическая русская грамматика. СПб., 1827, стр. 391.

В словарях и грамматиках в ряде случаев однотипные отношения, выражаемые союзом, квалифицируются по-разному. Так, союз *и*, выражающий соединительные отношения, в «Словаре современного русского литературного языка» (17-т.) определяется как перечислительный (4 знач.), как союз, объединяющий отдельные члены в перечислении. То же находим и в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова (3 знач.); и здесь союз *и* также выступает как перечислительный. В грамматиках русского языка такой категории союзов нет. По существу же это повторяющийся союз *и*. . ., *и*. . ., выражающий соединительные отношения. Ср. также союз *или* в «Словаре русского языка» (4-т.), где он во 2 знач. квалифицируется как разделительно-перечислительный союз. В действительности же это повторяющийся союз *или*. . ., *или*. ..

Некоторые союзы в толковых словарях квалифицируются как присоединительные, например, союз *и* в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова (2 знач.), союз *а* в «Словаре современного русского литературного языка» в 17 т. (III).

В грамматиках, грамматических исследованиях, когда говорится о присоединении, имеется в виду особый тип связи, а не характер отношений, выражаемых союзом. На особый тип связи в этом случае обращали внимание многие исследователи уже в XIX в.[2] Этот вопрос — о присоединительных связях в русском языке — нашел отражение в более поздних исследованиях [3].

Все исследователи, так или иначе занимавшиеся этим вопросом, приходят к следующим выводам: присоединительная связь — это связь особого рода, хотя и не являющаяся сочинением и подчинением, но в то же время близкая к ним, поскольку в ряде случаев используются те же самые средства связи; в присоединительных конструкциях выражается добавочное замечание, которое может сопровождаться усилением, выделением; в качестве присоединительных союзов могут употребляться сочинительные и подчини-

---

[2] См. Н. И. Греч. Практическая русская грамматика. СПб., 1827, стр. 393; К. С. Аксаков. Сочинения филологические. Полное собрание сочинений, т. II, ч. I. М., 1875, стр. 638; Д. Н. Овсяников-Куликовский. Синтаксис русского языка, изд. 2. СПб., стр. 302.

[3] См. А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении, изд. 6. М., 1938, стр. 424—425, 443; Л. В. Щерба. О частях речи в русском языке. Сб. «Русская речь». Новая серия, II. Л., 1928, стр. 24; В. В. Виноградов. Русский язык. М., 1947, стр. 713—715; С. Е. Крючков. О присоединительных связях в современном русском языке. «Вопросы синтаксиса современного русского языка». М., 1950, стр. 398—411; И. А. Попова. Сложносочиненное предложение в современном русском языке. Там же, стр. 376—377; Л. Г. Хатиашвили. Присоединительные связи в русском языке. Тбилиси, 1963; М. Е. Шафиро. К вопросу о присоединении. «Вопросы синтаксиса и стилистики русского литерат. языка». Труды III—IV конф. кафедр русск. языка пед. ин-тов Поволжья. Куйбышев, 1967. Н. П. Киселева. К характеристике одного из типов присоединительных конструкций. Ученые записки МГПИ им. В. И. Ленина, № 423. М., 1971.

тельные союзы, но существуют также специальные присоединительные союзы.

Обращает на себя внимание, что многие исследователи, занимавшиеся изучением присоединительных конструкций, отмечают, что присоединительная связь является своеобразным стилистическим приемом, создающим определенный стилистический эффект.

С грамматической точки зрения присоединительная связь как особый тип связи была поставлена под сомнение [4]. В самом деле, одна из характерных синтаксических особенностей присоединения состоит в том, что присоединяемая часть (предложение или член предложения) находится в постпозиции. Поэтому каждый член предложения или предложение (в сложном предложении), находящийся в постпозиции, имеет в известной степени присоединительный характер. При определенном коммуникативном задании часть предложения, находящаяся в постпозиции, может отрываться от предложения, употребляться относительно самостоятельно. Союзы, присоединяющие эту часть предложения, будь то сочинительные или подчинительные, становятся в то же время и присоединительными. При присоединении союз не всегда сохраняет тот же тип связи, иногда происходит контаминация сочинительной и подчинительной связи [5], но характер отношений обычно сохраняется. Таким образом, союз в этих случаях выступает в особой функции, накладываемой на имманентно присущий ему характер связи и характер отношений. В самом деле, причинные союзы, употребляемые в функции присоединительных, не утрачивают своего причинного значения. Особенности союзных подчинительных конструкций заключаются в том, что присоединяемая часть находится в постпозиции, она содержит добавочное замечание, иногда очень существенное [6], присоединяемая часть отделяется от предыдущего предложения интонационно, в ней может быть необычный для сочинительных и подчинительных конструкций порядок слов [7]. Все это свидетельствует об особой функции союзов, связанной с местоположением присоединяемой части, определяющейся общим коммуникативным заданием высказывания. Изменение местоположения присоединяемой части приводит к превращению их в обычные сочинительные или подчинительные союзы.

Необходимо отметить, что многозначные союзы, выражающие различные логико-грамматические отношения, могут выступать

---

[4] См. Ю. В. Ванников. Существует ли присоединительная связь предложений? Труды университета Дружбы народов им. П. Лумумбы, т. VIII, вып. 2, 1965, стр. 163—183; В. А. Белошапкова. Сложное предложение в современном русском языке. М., 1967, стр. 26—28.

[5] См. Н. П. Киселева. Указ. соч., стр. 300.

[6] И. А. Попова. Указ. соч., стр. 377.

[7] С. Е. Крючков. Указ. соч., стр. 400—401.

в функции присоединительных во всех своих значениях, а не в одном из них. Так, сочинительные союзы, выражающие соединительные и противительные отношения (например, союз *да*) или противительные и разделительные отношения (союз *или*) и в том и в другом случае могут употребляться в функции присоединительных союзов. Ср.: *Бабы фотьянские теперь в кумачи разрядились, да в ботинки, да в полушалки* (Мам.-Сиб., Золото, ч. III, гл. I). *Славная песня: да она слишком заунывна* (Пушк., Сцены из рыцарск. времен).

При выражении соединительных отношений союз оказывается наиболее близким к присоединительной функции, поскольку местоположение той части, в которой он выступает обычно, постпозитивное. Поэтому именно эти союзы в словарях русского языка чаще всего отмечаются как присоединительные.

Таким образом, в словарях русского языка при квалификации союзов как присоединительных, происходит смешение типа связи с функционированием союза, определяющимся местоположением части, им присоединяемой.

Однако в русском языке существуют союзы, которые присоединяют часть предложения, член предложения, всегда находящийся в постпозиции. Отношения, выражаемые такими союзами, различны. Именно в этом случае союз можно было бы рассматривать как присоединительный. То, что часть, присоединяемая союзом, всегда находится в постпозиции, накладывает отпечаток на ее семантику: в ней содержится добавочное замечание, иногда очень существенное. В то же время характер отношений, выражаемых союзом, различен, он связан с особенностями синтаксических конструкций, в которых функционирует такой союз.

В зависимости от характера выражения отношений среди таких союзов можно отметить: выделительно-ограничительные присоединительные союзы и союзные сочетания со значением добавочного замечания, добавочного сообщения: *и то, да и то, но и то, разве, разве что, да еще, причем, притом, к тому же*; градационно-присоединительные союзы — *да и, а то и, если не, не то что, не то чтобы*; сопоставительно-присоединительные — *равно, равно как, все равно как*; причинно-присоединительные — *благо, тем более что* (а также: *тем паче что* — устар., *тем более* — разг.); пояснительно-присоединительные — *а именно, или, то есть*, (а также *тобишь, сиречь*), *как-то* и нек. другие. Но именно они-то и не квалифицируются в словарях как присоединительные.

II. Различия в лексическом значении союзов определяются как лексическими особенностями союза, так и особенностями структуры предложения, в построении которого участвует союз. Значения союзов невозможно рассматривать в отрыве от той конструкции, в которой он функционирует. «Союз, — писал А. А. Шахматов, — имеет значение не сам по себе, а как выразi-

тель того или иного сочетания, как словесное обнаружение такого сочетания» [8].

Так, союзы *и*, *да* выражают одни и те же отношения, они являются соединительными союзами. И тот и другой союз соединяет однородные члены предложения и однородные предложения. Их различия состоят в том, что союз *да* соединяет однородные члены предложения или однородные предложения в таких конструкциях, где имеется ограничение [9], в то время как союз *и* соединяет равноправные однородные члены предложения или однородные предложения в конструкции без всяких ограничений.

При лексикографическом описании семантической структуры союза невозможно обойтись без определенных элементов описания той синтаксической конструкции, в которой функционирует союз, поскольку иначе нельзя выяснить его лексическое значение.

Определения союзов *или* (*или. . .*, *или*), *ли* (*ли. . .*, *ли. . .*) в современных толковых словарях таковы, что специфику каждого из них уловить трудно. В «Словаре русского языка» АН СССР в 4 т. союз *или* определяется так: 1. Разделительный. Употребляется при сопоставлении предложений или отдельных членов предложения, по значению исключающих или заменяющих друг друга, для указания на необходимость выбора между ними (постановка «или» перед каждым сопоставляемым членом служит для усиления выразительности). *Ли*, *ль*. 3. Разделительный (ли. . ., ли. . ., ли. . ., или. . .). Употребляется при сопоставлении предложений или отдельных членов предложения, по значению исключающих или заменяющих друг друга, для указания на необходимость выбора между ними. Ср. в «Словаре современного русского литературного языка» в 17 т.: *Или*. I. Союз. А. Разделительный. Употребляется при выражении взаимоисключающего перечисления: а) однородных членов предложения, б) частей сложносочиненного предложения. *Ли*, *ль*. I. Разделительный союз. *Ли. . ., ли. . .*. Употребляется при перечислении.

В действительности же отличия разделительных союзов *или. . ., или. . ., ли. . ., ли. . .* (мы будем говорить именно о повторяющихся союзах, так как *ли* — как разделительный одиночный союз не существует) связаны с различиями лексического значения одиночного союза *или* и частицы *ли*. Разделительный союз *или* соединяет такие два однородных члена предложения, такие два однородных предложения, из которых реально возможно лишь одно. Например: *Я не знаю, какой он был с виду. Бородат или брит. Стар или молод* (Диковск. На острове Анна). *Тронул правое плечо. Ранен. Мокро. Горячо. И рукой коснулся пола: Кровь, — чужая иль своя?* (Твард. Вас. Теркин, I). То же значение имеет и повторяю-

---

[8] А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. Изд. 2. М., 1941, стр. 505.

[9] См. Н. Н. Холодов. Союз «да» в сложносочиненных предложениях. «Русская речь», № 3, 1970.

щийся союз *или. . ., или. . .*: он соединяет однородные члены предложения, части предложения, однородные предложения или перечисления таких явлений, действий и т. п., из которых реальным может быть какое-то одно. Примеры:— *Останови, Эйно! — крикнула Катя, но тот или не расслышал, или не понял и продолжал настегивать лошадь* (Нагиб. Трудн. дорога).

Значение союза *ли. . ., ли. . .* связано со значением частицы *ли*, выражающей сомнение, неуверенность. Поэтому она употребляется обычно в вопросительном предложении: — *Вы спросите: найдутся ли у нас собеседники в космосе?* (Березко. Необыкн. москвичи, II). — *Не сказку ли ты, Улукиткан, принимаешь за быль? — заинтересованно спросил геолог* (Федосеев. Последн. костер).

В разделительном союзе *ли. . ., ли. . .* гипотетичность сохраняется. Данный союз соединяет однородные члены предложения, предложения при перечислении таких явлений, признаков и т. п., из которых реально возможно любое, а не какое-то одно. Например: *Из снопов на ржаном ли, на пшеничном ли поле ставили крестцы* (Солоух. Капля росы). — *Я так думаю: совнархоз ли, комитет ли, министерство ли — мы-то все равно остаемся коммунистами. И должны оставаться* (Блинов. Счастья не ищут в одиночку, 17).

Таким образом, союзы как лексические и своеобразные фразеологические единицы характеризуются наличием лексических и грамматических значений. Семантическая сторона союзов очень тесно связана с грамматической и выявляется через нее. В толковых словарях союзы характеризуются со стороны выражения ими общих лексических значений. В то же время лексические значения союза — его индивидуальные особенности, отличающие один союз от другого в пределах определенных грамматических отношений — не всегда находят достаточно полное отражение в словарях.

ПОСЛОВИЦЫ И ТОЛКОВЫЕ СЛОВАРИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Е. А. ЛЕВАШОВ

Известно, что по способу соотнесения с действительностью пословицы традиционно и обобщенно делятся на две группы. Одни из них высказываются о реальном мире «открыто, прямо и наго» [1], другие — через образ, т. е. через переносное обобщение «открытого, прямого», частного суждения.

[1] И. Снегирев. Русские в своих пословицах, кн. I. М., 1831, стр. 139.

«Прямые», необразные пословицы однозначны и одноплановы; образные, метафорические — однозначны, но двуплановы (план прямого суждения и план его иносказательного использования; второй план и создает собственно пословичное значение). Метафорические, иносказательные пословицы требуют истолкования.

Существование пословиц с прямым смыслом и пословиц с прямым и переносным содержанием имеет следствием то, что в толковых словарях славянских языков они используются двояко: в качестве цитат-иллюстраций и в виде толкуемых единиц. Обратимся (ретроспективно и кратко) к русским словарям.

В предисловии к нашему первому толковому словарю записано, что Академия «приняла больше такие пословицы, которые кратки, заключают в себя острый смысл и ясное нравоучение» [2]. Из протоколов Академии: «Пословицы не токмо должны иметь в словаре место, коих знаменованию можно дать ясную и довольную причину» [3].

В словарь было введено и истолковано около 80 пословиц. Примеры: *Ворон* [4] ворону глаз не выклюнет — означает, что люди одинаковых пристрастий друг другу вредить не стараются. Под *лежач* камень и вода нейдет. Без рачения, труда, старания ничего получить нельзя. *Сухая* ложка рот дерет — пословица, означающая, что даром ничего получить не можно.

«Словарь церковнославянского и русского языка» (1847 г.) первым из наших лексиконов академического типа наряду со словами предпринял обособленный показ «выражений, составляющих особенности языка» [5]. Вместе с фразеологизмами, терминологическими сочетаниями и проч. в нем помещены и «избранные» метафорические пословицы; все они толкуются (см., например, статьи на слова *выть*, *гуж*, *колено*, *одежка*, *отлиться* и др.). Новинкой этого словаря явилось использование пословиц как прямого, так и переносного характера в качестве фразовых текстов-иллюстраций (см. *аукнуться*, *город*, *грех*, *даровой*, *ехать*, *железо*, *свой*, *сытый* и др.).

Известна паремиологическая позиция В. И. Даля, объединившего в своем словаре литературную лексику с лексикой диалектной и ремесленнической: «. . . При бедности примеров хорошей русской речи решено было включить в словарь народного языка все пословицы и поговорки» [6], что позволило Я. К. Гроту заметить, что словарь Даля «представляет, собственно говоря, двойной словарь: словарь языка и вместе с тем словарь пословиц» [7]. «К со-

---

[2] Словарь Академии Российской, ч. I. СПб., 1789, стр. XIV.

[3] М. И. Сухомлинов. История Российской Академии, вып. VIII. СПб., 1887, стр. 45.

[4] Здесь и далее курсивом отмечены слова, при которых пословицы приведены в словарях.

[5] «Словарь. . .», т. I, стр. XIII.

[6] В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. I. СПб., 1863, стр. V.

[7] Я. К. Грот. Филологические разыскания, т. I. СПб., 1876, стр. 47.

жалению, — добавлял рецензент, — объяснения при пословицах слишком редки у Даля: их часто не находишь даже и при таких пословицах, которые не всем понятны» [8] (рецензент прежде всего имел в виду диалектные пословицы). См. редкие примеры пояснений: Хорошо тому жить, кому *бабушка* ворожит, — о покровительстве. И то бывает, что овца *волка* съедает, — о неправде, напраслине. Пословицы прямого и образного характера в равной степени выступают в словаре в качестве иллюстраций.

В «Объяснительной записке о новом издании академического словаря» («Словаря русского языка») акад. Грот указывает, что оправдательные примеры-фразы черпаются, помимо общеупотребительной речи и произведений писателей, «из богатого источника народных поговорок и пословиц» [9] (см. *безделье*, *большой*, *вор*, *глаз*, *глухой*, *горбатый* и др.). Некоторые метафорические пословицы даны и истолкованы внутри словарных статей (см., например: С волками жить, по-волчьи *выть* — против своей воли приноравливаться к другим. *Горбатого* могила исправит — упрямого не переделаешь).

Аналогичную картину находим в шахматовской части словаря (Е—Ж—З). А. А. Шахматов щедро приводит в качестве оправдательных примеров образчики простонародного языка, отлитого в пословицы (см. *жена*, *зять*; в дальнейших выпусках: *кузнец*, *невеста* и др.). Он ввел эпизодическую рубрику «В пословицах и поговорках» (см. *звонарь*), ставшую затем постоянной (ее трансформации: В пословицах, В пословицах и выражениях, В пословицах и других выражениях, В пословицах, поговорках и других выражениях). Под этой рубрикой помещались пословицы прямого и иносказательного смысла; иносказательные пословицы истолкованы (см. *клок*, *кобыла*, *ковать*, *козел*, *ладан*, *ласточка*, *лес*, *масло*, *мать*, *недосол*).

В «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова пословицы фигурируют только на правах оправдательных примеров (см. *брат*, *конец*, *нога*, *свой* и др.), в нем нет объясняемых пословиц.

Двояко используются пословицы в 17-томном «Словаре современного русского литературного языка». Через весь словарь пословицы проходят как иллюстративный материал (см. слова *ворон*, *вратъся*, *встречать*, *выпускать*, *жизнь*, *жить*, *ни*, *обманывать*, *обух*, *платеж*, *потемки*, *теля*, *хвататься*, *цыпленок*, *шесток*); ими подтверждаются даже переносные употребления слов (Один в поле не *воин*; Язык мой — *враг* мой). Немало в словаре толкуемых пословиц. Примеры: не суйся в *воду*, не спросясь броду — не действуй наобум, не рассчитав; *волков* бояться — в лес не ходить — если опасаться трудностей или вражды, то никогда

---

[8] Я. К. Грот. Филологические разыскания, т. I, стр. 48.
[9] Сборник ОРЯС, т. 46, 1890, стр. XVIII.

не удастся сделать какое-либо дело; см. также *висеть*, *ворожить*, *ворот*, *малевать*, *масло*, *утаивать* и др.

Четырехтомный «Словарь русского языка» пословицы помещает и среди иллюстраций (см. *дареный*, *овощ*, *платеж* и др.), и вместе с толкуемыми оборотами (см. *ковать*, *масло*, *одежка* и др.).

Потенциальная возможность понимать иносказательную пословицу в прямом смысле и реальное ее употребление в идиоматическом ключе (используемый иногда возврат иносказательной пословицы к ее изначальному содержанию преследует обычно выразительно-экспрессивную цель) приводит к тому, что одни и те же метафорические пословицы в разных или даже в одних и тех же словарях фигурируют то в качестве оправдательных примеров, то в качестве толкуемых единиц, т. е. попеременно используется их прямой и образные планы. Примеры: САР, 1789: Сколько *волка* ни корми, он к лесу глядит (толкуется) — СлРЯ, 1935: Волка как ни корми, все к *лесу* глядит (цитата). СлРЯ, 1909: Масло *кашу* не портит (цитата) — СлРЯ, 1958: Кашу *маслом* не испортишь (толкуется). СлРЯ, 1935: Волка бояться — в *лес* не ходить (цитата) — ССРЛЯ, 1951: *Волков* бояться — в лес не ходить (толкуется). СЦСРЯ, 1847: Куй *железо*, пока горячо (цитата) — СлРЯ, 1910 и СлРЯ, 1958: *Куй* железо, пока горячо (толкуется). СлРЯ, 1895: С волками жить, по-*волчьи* выть (толкуется) — ССРЛЯ, 1951: С волками жить, по-*волчьи* выть (цитата). ССРЛЯ, 1948: Не суйся в воду, не спросясь *броду* (цитата) — ССРЛЯ, 1951: Не суйся в *воду*, не спросясь броду (толкуется).

Итак, главнейшие толковые словари русского языка за свое почти двухсотлетнее существование характеризуются двумя паремиологическими особенностями:

а) использованием любых пословиц в качестве фразового текста, подтверждающего то или иное значение слова;

б) включением иносказательных пословиц в число толкуемых единиц [10].

Другими словами, пословицы предстают в русских толковых словарях как способ толкования слов и как объект истолкования (субъект и объект словаря).

Сделав беглое ретроспективное обозрение лексикографического использования пословиц, постараемся оценить правомерность паремиологических позиций указанных словарей.

Использование любых пословиц в качестве лингвистических текстов, иллюстрирующих, подтверждающих и раскрывающих значение толкуемого слова, — как видим, исконная традиция русской толковой лексикографии. Основанием для такого их утилитарного применения служит то, что любая обиходная пословица, рассматриваемая с позиции слова, т. е. изнутри (необразный план), выступает как предложение с обычным словарным смыслом.

[10] Сходная картина наблюдается в толковых словарях современных зарубежных славянских языков.

Такое предложение построено по живым моделям языка. Оно не содержит фразеологически связанных значений слов. Как и в обычном предложении, контекстом слова служит его ближайшее окружение, с которым оно связано отношениями традиционной смысловой, синтаксической и парадигматической зависимости. (Правомерно полагать, что с точки зрения семантики и связей отдельного слова не существует ни пословиц, ни их метафорических разновидностей, т. е. отсутствует жанровая маркированность пословичной фразы.) Вместе с тем благодаря своей отточенности на оселке общенародного языка, «обкатанности» в употреблении и общеизвестности многие пословицы — выигрышный лингвистический текст для словаря. См. пример обильного и мастерского применения пословиц-иллюстраций (из словаря под ред. Д. Н. Ушакова):

Свой. 1. *местоим. притяж.* Принадлежащий себе, свойственный себе.[11] *Свой глаз алмаз, а чужой стекло. Своя ноша не тянет. Всяк кулик свое болото хвалит.* 2. Собственный, являющийся чьим-л. личным имуществом, достоянием, произведением. *Своя рубаха ближе к телу.* (. .) 4. Подходящий, годный для данных обстоятельств, данного случая, данного предмета. *Всякому овощу свое время.* 5. Родной, связанный родственными или близкими отношениями, совместной жизнью, работой. *Свои люди — сочтемся* (поговорка). // То же в знач. сущ. *Свой своему поневоле брат.*

Повторяем, любая пословица «изнутри», с позиции отдельного слова (его значения, синтаксических связей и т. п.) — предложение с прямым и однозначным смыслом. Жанровый же, пословичный характер такое предложение приобретает лишь при его целостном восприятии. Некоторые такие пословицы обладают вторичным — иносказательным («образ вызвал идею» [12]) — смыслом, который является для них основным: каково бы ни было изначальное, предметное, мотивирующее содержание метафорических пословиц, все они в конечном счете экранированы на человека. Основное значение метафорической пословицы, таким образом, идиоматично. Такая пословица, рожденная способностью человеческого мышления к ассоциациям и являющаяся единицей языка, требует дешифровки — раскрытия ее единственно пословичного содержания, иногда — условий ее ситуативно-речевого употребления. Но место ли такой пословице в словаре слов в качестве толкуемой единицы?

Краткий и исчерпывающий, по смыслу отрицательный, ответ находим у Касареса: «Мы исходим, во-первых, из того, что пословица не является лексическим фактом, сводимым к концептуальному эквиваленту. Во-вторых, она не является также сочетанием слов, получающих особое значение при слиянии в единое

---

[11] Литературные цитаты и речения опускаются.

[12] А. А. Потебня. Мысль и язык. Пг., 1922, стр. 167.

понятийное целое» [13]. Другими словами, если толковый словарь языка — это особым образом организованный перечень толкуемых лексем и лексикализованных словосочетаний (т. е. единиц языка, соотносимых с понятием), то пословице (единице языка, соотносимой с суждением и структурно оформленной в виде предложения) — не место среди такого перечня.

Думается, что, справедливо отличая по содержанию и структуре метафорическую пословицу от тех языковых единиц, которые являются основой обычного толкового лексикона, Касарес неправ, принципиально оставляя ее за пределами словаря. Иносказательные пословицы — четко осознаваемые единицы языка, требующие (в отличие от аналогичных единиц — пословиц необразных) дешифровки — и потому их осознанное или неосознанное неприятие в толковые словари заметно сужает понятие «толковый словарь языка», на деле сводя его к понятию «толковый словарь слов и лексикализованных словосочетаний».

Введение (системное!) в толковый словарь языка толкуемых пословиц особенно оправдано с культурно-познавательных позиций. См. мнение известного русского паремиолога проф. Снегирева: «Они (пословицы.— *Е. Л.*) составляют род идиотизмов, которые входят в круг грамматики, словарей и кои должно изучать для основательного познания языка отечественного. . .» [14]

Применительно к толковым словарям подобное суждение о пословицах («. . . должно изучать для основательного познания языка. . .») имеет два пути его реализации. Первый — через словари, заключающие в себе все разноструктурные единицы языка, нуждающиеся в толковании. Такого словаря у нас нет, поскольку наши общефилологические словари исчисляют количество толкуемых пословиц скромными — двузначными — цифрами, т. е. не отражают даже их ходового минимума; к тому же, как показано выше, внесение иносказательных пословиц в словари и прикрепление их к тому или иному слову до сих пор происходило единственно по доброй (бессистемной, случайной) воле составителей. Поэтому русская лексикография XX в. пошла по второму пути — по пути создания дифференцированных словарей, касательно нашей темы — отдельного толкового словаря пословиц В. П. Жукова (1966 г., научный редактор В. П. Фелицына), в котором объяснено около 1000 пословичных и поговорочных выражений, подкрепленных солидным количеством примеров их употребления в образцовых литературных источниках XVIII—XX вв.

Итак, «оправдано ли включение сокровищ паремиологии в лексикографический труд?» [15] По нашему мнению, 1) словарь языка

---

[13] Х. К а с а р е с. Введение в современную лексикографию. М., 1958, стр. 213; см. также стр. 212.

[14] И. С н е г и р е в. Указ. соч., стр. 163.

[15] Х. К а с а р е с. Указ. соч., стр. 212.

лингвистически вполне совместим с присутствием в нем системно (sic!) толкуемых пословиц, 2) вполне уместно использование в нем любых пословиц в качестве оправдательных примеров.

СЛОВАРЬ И ЕГО СВОЙСТВА

Ю. Н. КАРАУЛОВ

Лексика и словарь

Оба эти понятия представляются интуитивно ясными, могут употребляться (и не без оснований) как синонимы, но точному определению не поддаются. Проведем разграничение этих понятий.

Лексикой будем называть все слова данного языка, когда-либо в нем существовавшие, употреблявшиеся и употребляющиеся в настоящее время. Несмотря на столь широкую трактовку по своему составу лексика, безусловно, конечна, как конечно количество людей, живших и живущих на Земле, и количество всех когда-либо произнесенных ими слов. Однако лексика обладает свойством открытости, т. е. в любой момент времени в ее состав могут входить новые единицы, когда в таких единицах возникает необходимость [1].

Словарь представляет собой часть лексики: например, «Словарь современного русского литературного языка», «Словарь русских народных говоров», «Словарь идиолекта» и т. п. Различия между словарями определяются двумя принципами: а) на основе какой совокупности текстов построен словарь (объем, тематика, однородность—разнородность текстов и др.); б) какие слова из текстов выбираются (все, или термины, или синонимы, или иностранные и др.), и соответственно, — как они упорядочены в словаре.

По отношению к лексике вообще вопрос об упорядоченности не имеет смысла. В лексике можно выделять пласты, делить ее на подгруппы по происхождению, для словаря же решающим является вопрос организации.

Будучи всегда частью лексики, словарь, естественно, должен обладать и двумя упомянутыми ее свойствами — конечности (поскольку часть конечного множества не может быть бесконечной) и открытости (поскольку открытый класс не может состоять из закрытых подклассов).

---

[1] Обсуждению свойств конечности и открытости лексики посвящена значительная литература, и мы не будем входить здесь в детали этого вопроса.

Лексика — это известная абстракция, результат генерализирующей работы человеческого ума: мы не могли бы указать такого места или времени, где была бы сконцентрирована вся лексика русского языка, например. Словарь же — это конкретная манифестация некоторой части лексики (например, словарь С. И. Ожегова). Однако понимаемый указанным образом словарь языка не может служить адекватной заменой или моделью лексики, поскольку он лишен одного из важных свойств объекта — открытости. Действительно, список слов в любом изданном или завершенном словаре является закрытым [2] (хотя от издания к изданию он может обновляться). Подобную манифестацию лексики представляет собой и словарь языка, существующий в сознании пользователя данным языком, хотя способ его существования отличается от первого. Такой словарь не является уже списком слов, закрытым набором знаков, а упорядочен иным образом, представляет собой иную организацию, обладающую, впрочем, рядом общих свойств со словарем-списком. Для упрощения, употребляя в дальнейшем термин «словарь» без специальных оговорок, мы будем иметь в виду конкретную книгу, например словарь Ожегова.

Два способа организации знаков

Единицу лексики (словаря) — слово часто приравнивают к знаку. Не входя в детальное обсуждение вопроса о том, насколько это правомерно, напомним, что основные послесоссюровские тенденции в определении знака так или иначе обосновывают указанное положение. Знак определяют:

— через знаковую систему;
— на базе знаковой ситуации;
— на основе особенностей его внутренней структуры;
— как разновидность отражения;
— операционально.

Три последних подхода в применении к языку непосредственно исходят из равенства — слово=знак. В результате ряда промежуточных процедур это равенство выводится и при первых двух подходах (во втором случае главным образом через «предложение», в первом случае — с введением понятия сложной структуры отдельных знаков, из которых строится система).

Итак, с достаточными основаниями слово можно считать знаком.

Словарь состоит из слов, иначе говоря, представляет собой некоторую совокупность знаков. Противоречивость его характера в том, что будучи составленным из знаков, сам он знаком не яв-

[2] Эта противоречивость определенным образом отражается на особенностях семантической структуры словаря, о чем я буду говорить в другом месте.

ляется. Очевидно, нельзя его назвать и системой знаков [3]. Словарь — это особый способ организации знаков.

Существует две разновидности способов организации знаков — знаковые и незнаковые. Примерами первых могут служить организация системы знаков, словообразовательные принципы, структура предложения. Примеры незнаковых способов — текст, художественный образ, стиль писателя. Словарь относится к последним, т. е. незнаковым способам организации знаков.

Различия между указанными способами определяются четырьмя основными положениями.

Во-первых, при знаковом способе организации результатом является новый знак: учить + тель → «учитель»; Иван + вернуться + поздно → «Иван вернулся поздно» [4]. Это правило сохраняет свою силу и тогда, когда организация является системной, т. е. система как знаковый способ организации тоже имеет своим результатом новый знак, поскольку знак в этом случае — «всякое состояние знаковой системы в каждый данный момент времени, если это состояние отлично от предыдущего и последующего» [5]; или «. . .знак есть дискретное состояние знаковой системы в данный момент времени» [6]. Результат же незнакового способа организации знаков, т. е. текст, или стиль писателя, или художественный образ, или словарь, не является знаком [7].

Во-вторых, знаковый способ, имея результатом знак, не устраняет присущей знаку фундаментальной асимметрии. По отношению к словообразованию это положение сомнений не вызывает, так как полученное новое слово обладает асимметрией, как и всякий знак. Что касается предложения, то и его асимметричные свойства, обусловленные его знаковой природой, стали предметом изучения в синтаксисе: «Изучению семантического содержания синтаксических связей структурными методами долгое время препятствовали явления асимметрии и функциональных сдвигов в сфере синтаксиса. Ситуация неоднозначности в соотношении формы и функции, характеризующая, впрочем, и все другие аспекты языка, была одним из поводов обоснования мысли об

---

[3] В многочисленных исследованиях «системы в лексике», «лексико-семантической системы языка» и т. п. эти системы никогда не расцениваются как знаковые.

[4] О возможности трактовки предложения как знака (особенно как знака ситуации) см., напр., «Общее языкознание. Внутренняя структура языка». М., 1972, стр. 299, 301—304, 306—308, 310, 328, 337.

[5] Ю. С. Степанов. Семиотика. М., 1971, стр. 85.—Ниже автор дополняет это определение определением знака через его внутреннюю структуру (стр. 85—91).

[6] Там же, стр. 125.

[7] О принципиально незнаковом характере, например, синтетического художественного образа, строящегося из знаков (слов), см. М. Храпченко. Семиотика и художественное творчество. «Вопросы литературы», 1971, № 9—10.—Вопрос о знаковости текста — это в значительной степени вопрос терминологии. В текстологии и источниковедении удобно трактовать текст как знак, но такая трактовка не затрагивает существа самого понятия.

асемантизме структуры предложения, ее независимости от структуры обозначаемого события» [8]. Асимметрия присуща и системе как знаковому способу организации знаков, и проявляется она, прежде всего, в иерархии, без которой невозможна системная организация.

Незнаковый способ организации знаков снимает асимметрию. В тексте это выражается в устранении многозначности слов и устранении несоответствия между формой и функцией предложения, в словаре — в своеобразном семантическом соответствии левой, т. е. словника, и правой, т. е. объяснительной, частей. Снятие асимметрии при таком незнаковом способе организации как стиль писателя следует видеть прежде всего в возможности восприятия и понимания определенных элементов, эпизодов, фрагментов в соответствии с общим духом произведения, со всей направленностью творчества писателя, или его стилем, но часто, может быть, в противоречии с непосредственно использованными в данном фрагменте знаковыми средствами. Когда Чосер говорит: «The pardoner was quite sober» («Продавец индульгенций был абсолютно трезв»), перед взором современного читателя предстает веселый красноносый, розовощекий, едва держащийся на ногах пьяный монах, хотя приведенный знак сам по себе несет как будто бы совсем иной смысл.

В-третьих, при знаковом способе организации план содержания результирующего знака характеризуется следующими особенностями. С одной стороны, он представляет собой создание нового смысла путем механического суммирования смыслов входящих в него знаков (см. примеры на стр. 108) и в этом отношении, казалось бы, должен приводить в итоге к приращению смысла. Однако, с другой стороны, особенность знаковой организации в том, что соединение знаков сопровождается своеобразным «дефектом масс», утратой ряда семантических признаков. Действительно, при организации, например, многозначных знаков «писать» и «-тель» в «писатель» в процессе участвуют не все значения первого и второго знаков, а каждый раз только одно: «заниматься этим профессионально, создавая художественные произведения и тем зарабатывая на жизнь» + «лицо, осуществляющее действие». Таким образом, из-за «дефекта семантических масс» общего приращения смысла не происходит, что и позволяет асимметрии сохраняться или выступать в новом качестве. Эта особенность имеет место и при других знаковых способах организации.

При незнаковых способах организации картина принципиально иная. В этом случае происходит необратимое приращение смысла, и результат является не суммой, а как бы произведением смыслов участвующих в организации знаков. Это положение хорошо иллюстрируется в лингвопсихологических экспериментах с восстановлением деграмматикализованных предложений и текстов. Де-

[8] Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М., 1972, стр. 292.

грамматикализованные предложения средней длины восстанавливаются сравнительно легко (поскольку предложение — это знак, и приращения смысла результирующего знака по сравнению с составляющими его знаками не наблюдается), тогда как деграмматикализованный текст средней длины (незнаковый способ организации) практически восстановлению не поддается, именно потому, что текст чреват необратимым (т. е. не восстанавливаемым) приращением смысла.

Тот факт, что приращение смысла, создание принципиально новой эстетической значимости характерно и для стиля писателя и для художественного образа, в доказательствах, очевидно, не нуждается. Сложнее дело обстоит с доказательством справедливости этого положения для словаря, который, как и всякий незнаковый способ организации, тоже порождает добавочный смысл. Такое доказательство должно быть предметом отдельной работы, и здесь придется ограничиться заявлением о наличии у словаря этого свойства.

В-четвертых, знаковые способы организации по самой природе своей дискретны, семантически разрывны. Сравните сложение отдельных смыслов при словообразовании, семантическую дискретность предложения или уровневую организацию знаковой системы. Иначе обстоит дело при незнаковых способах организации. Текст, художественный образ, стиль — явления интегрирующие, недискретные, семантически непрерывные. Развертывание текста подобно некоему семантически непрерывному процессу. Разрывность в этот процесс вводится искусственно: цитирование возможно в местах пересечения двух текстов, т. е. близких по семантике местах, но каждый из текстов в отдельности остается тем не менее непрерывным.

Художественный образ может быть логически не вполне последовательным, даже алогичным, но он должен быть **художественно** последовательным, или семантически непрерывным. Вспомним хотя бы признание Пушкина, который «не ожидал, что Татьяна выйдет замуж». На свойстве непрерывности стиля строятся приемы установления авторства произведений. По отношению к словарю это свойство требует специального рассмотрения, к которому мы и переходим.

Семантическая непрерывность словаря

Это свойство словаря обусловлено тем самоочевидным и в общем-то тривиальным фактом, что в языке нет и не может быть слов, изолированных в семантическом отношении. Каждое слово десятками и сотнями нитей связано со значениями многих других. Это связи синонимические, паронимические, антонимические, словообразовательные (семантическая связь дериватов), связь значений полисемантичного слова и т. п. Можно думать, что процесс семантического перехода от слова к слову бесконечен, потому что такое движение предполагает и неожиданные повороты, и воз-

вращения, и повторения. И этим процессом более менее равномерно охвачена вся лексика.

Утверждение о наличии в словаре так называемых замкнутых групп слов может создать впечатление, будто бы словарь разбивается на какие-то более или менее четко очерченные группы, классы, внутри которых связи сильны, а на границах ослабевают. На деле такое утверждение представляет собой лишь известный технический прием, облегчающий анализ. Изолированные, замкнутые группы — понятие чисто условное, их так же не бывает, как не бывает изолированных слов. Если представить словарь в виде картотеки, где каждому слову соответствует отдельная карточка, а семантические связи между словами [9] изображены тончайшими нитями, то вопрос можно сформулировать так: если из этой картотеки выбрать произвольную карточку и попробовать ее вытащить, потянется ли за ней с неизбежностью вся картотека, весь словарь, или мы сможем вытащить какую-то гроздь карточек, некоторую замкнутую группу слов? Ответ может быть только один: за выбранной карточкой потянется вся картотека, весь словарь. «Внешних» связей даже у такой группы, как «термины родства», окажется не меньше, чем «внутренних». Последние лишь более упорядочены.

Более того, в словаре нельзя найти такую пару слов, между которыми не существует семантической связи.

Раскрыв дважды наугад словарь С. И. Ожегова, выберем такие далекие слова, как «*дудчатый* — длинный, узкий и полый внутри. *Д. стебл*» и «*тора* — у евреев: первая часть библии, так наз. пятикнижие». Ясно, что два эти слова в своей семантике не связаны друг с другом непосредственно. Рассмотрим последовательно словарные определения каждого из слов, входящих в их описание.

I. Одно из значений слова «узкий»: «4. перен. Односторонний, лишенный широты. У. ум. У. человек».

II. Односторонний определяется как: «2. Находящийся, происходящий только в одной стороне. 3. Идущий только в одном направлении, в одну сторону. 4. перен. Ограниченный, направленный в одну сторону».

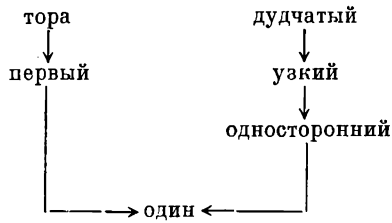
Во всех приведенных определениях фигурирует слово *один*.

III. В определении слова «первый» дается отсылка к слову *один*.

Таким образом, уже на третьем шаге обнаруживается общность семантических элементов у выбранных, казалось бы, совершенно разных слов.

[9] Какое-либо общее определение семантической связи в литературе нам неизвестно. Говоря о «семантической связи», мы опираемся на интуитивно очевидное представление носителя языка о том, что это такое. Операционально в наших дальнейших построениях будем считать такой связью наличие одинаковых слов в словарных определениях толкового словаря. «Семантическая связь» между словами, установленная таким образом, соответствует и интуитивному представлению. (Ср. Ю. Н. Караулов. Структура лексико-семантического поля. «Филологические науки», 1972, № 1).

Схематически этот процесс можно изобразить так:

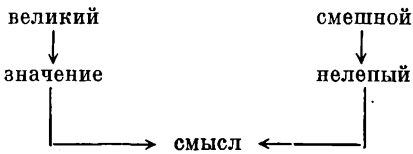

Цепочка не только всегда существует, но для произвольно выбранных слов она никогда не превышает трех шагов до общего элемента.

В этом отношении выражение «от великого до смешного один шаг» оказывается неточным:

I. *великий* — I. Превосходящий общий уровень, обычную меру, *значение*, выдающийся
смешной — (в третьем значении) 3. перен. *Нелепый*, несуразный.
II. *значение* — I. *Смысл*, то, что данный предмет (слово, знак, жест) обозначает.
нелепый — Не оправдываемый здравым *смыслом*, странный, несуразный.

То есть, *великий* — как превосходящий некоторое *значение*, *смешной* — как *нелепый*, а *значение* и *нелепый* определяются через *смысл*.

Таким образом, от «великого» до «смешного» — «два шага».

Если по такому принципу расписать весь словарь, изобразив связи между словами графически (как это сделано выше для двух пар слов), словарь предстанет как сплошное переплетение линий, «où tout se tient», говоря словами Соссюра, как непрестанное движение, как бесконечный процесс. Картина ничем не будет отличаться от той, которая воспроизводит связи слов в тексте [10]. И в этом смысле понимается здесь непрерывность текста и непрерывность словаря.

[10] См., например, В. А. Москович. Дистрибутивно-статистический метод построения тезаурусов: современное состояние и перспективы. «Научно-техническая информация», серия 2 (Информационные процессы и системы), 1972, № 3, стр. 19.

Понятие непрерывности является для словаря основополагающим: словарь (и прежде всего, словарь в голове человека) существует до тех пор, пока сохраняется непрерывность. Разрывность в словарь может быть введена, как и в текст, искусственно (напр., искусственное вычленение классов слов). Для «словаря в голове» можно наметить, очевидно, определенные границы, в которых он существует. С одной стороны, нижним пределом является такая совокупность слов, которая позволяет сохранять непрерывность, предполагающую связь каждого слова с каждым. С другой стороны, верхний предел ограничен возможностями человеческой памяти.

Словарь в ряду других незнаковых способов организации знаков

До сих пор речь шла о противопоставлении словаря знаковым способам организации. Но словарь имеет ряд особенностей, выделяющих его среди незнаковых способов.

Словарю присущи свойства конечности и открытости (см. стр. 106). Что касается первого из них, то оно, очевидно, характерно и для других незнаковых способов: и текст (поскольку иначе невозможно было бы общение), и художественный образ, и стиль — явления конечные. Эстетически завершенный художественный образ, кроме того, очевидно, и закрытый класс знаков. Сложнее обстоит дело со свойством открытости стиля. В отношении писателей-классиков, классической литературы можно утверждать, что стиль представляет собой закрытый незнаковый способ организации, закрытый класс знаков. По отношению к здравствующим писателям-современникам это утверждение, очевидно, не точно. В принципе так же обстоит дело и с текстом: с точки зрения отправителя речи текст неизбежно конечен, но всегда открыт, с точки зрения получателя — конечен и закрыт. На свойстве закрытости текста строятся текстология и источниковедение.

Далее, и текст, и художественный образ, и стиль — коммуникативны, представляют собой разные ипостаси коммуникации. Словарь же лишен этого качества, он по природе своей номинативен.

Коммуникативная природа прочих незнаковых способов организации определяет и другое их свойство — телеологичность, их целевую направленность (она может быть и неосознанной). Всякий текст п р е д н а з н а ч е н, он возникает на основе некоторого задания, для решения определенной задачи. То же самое образ: понимание художественного образа невозможно без понимания того, откуда он возник и куда направлен, для чего предназначен в рамках данного произведения. Это касается и стиля.

В словаре же отсутствует всякая телеологичность. Словарь организован на иных принципах. Основополагающее свойство

семантической непрерывности определяет иерархически-ассоциативную основу организации словаря в голове человека. Иерархия не является абсолютной, как в системе, и вообще в случае знаковых способов организации (см. выше), а существует в ограниченных пределах, до какого-то уровня, но ее наличие в корне отличает словарь от прочих незнаковых способов.

Ограниченность иерархической организации словаря обусловлена особым положением слова, лексики в целом, в языке. Являясь основным элементом внутренней структуры языка, слово в то же время связано непосредственно и с его внешней структурой, поскольку лексико-семантическая система языка, как известно, детерминирована культурно-социологически. Однако и эта детерминированность не полная. Словарь стоит как бы на рубеже, на переходе от внутренней структуры языка к внешней, в нем преломляются свойства и той и другой.

Итак, словарь представляет собой незнаковый способ организации знаков, который внутри этого класса явлений характеризуется рядом отличительных черт.

ФОЛЬКЛОРИСТИКА, СЕМИОТИКА И ЭТИМОЛОГИЯ

Р. ЭККЕРТ

Ценность фольклорных данных для изучения истории и этимологии слов не вызывает сомнения. В народно-поэтическом творчестве содержится не только богатая народная лексика, способствующая выяснению ряда проблем исторической лексикологии и этимологической науки, в нем сохраняются целые сочетания слов, характеризующиеся архаическими чертами. Не случайно этим фактам придается очень большое значение при попытках реконструкции текста для эпох, от которых нам неизвестны письменные памятники [1].

Язык широко и многообразно отражает все стороны материальной и духовной жизни народа, говорящего на нем. Такое понимание языка предполагает не только существование прямых, непосредственных связей между денотатами и словами с их значениями, но и более сложные, опосредствованные, косвенные отношения. Ценную помощь в понимании последних могут оказать

[1] См. В. В. Иванов и В. Н. Топоров. К реконструкции праславянского текста. «Славянское языкознание. Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов (София, сентябрь 1963 г.)». М., 1963, стр. 88—158.

некоторые результаты семиотических исследований. Однако, пользуя их, мы не должны переоценивать чисто семиотические противопоставления, а сосредоточить главное внимание на передаче содержательных моментов, т. е. в конечном счете на отражении реальной действительности. При применении этой методики минимальные фрагменты текста из фольклорных произведений приобретают большую доказательную силу [2]. Именно в этом смысле привлекаются материалы из устно-поэтического творчества славян для решения лингвистических проблем, в нашем случае — для уточнения истории слов и установления их этимологии.

В русских народных говорах засвидетельствованы следующие слова, обозначающие несколько видов диких уток: русск. диал. *чёрнет(д)ь* ж. р. 'утка чернь, голован'; сиб. *чернедюха* 'черная, толстоголовая круглая утка разных видов': *чернедь красноголовая*, *черноголовая*, *пестрая* [3]; сиб. *чернеть*, 'нырковая, утка [4]; *черлядь* [5]; арх., вят. *чернядь* 'черная утка' [6]. Это — несомненно старое слово, так как оно встречается уже в «Слове о полку Игореве», произведении оригинальной древнерусской литературы, испытавшем, как известно, сильнейшее влияние со стороны устной народной поэзии восточных славян. Князь Игорь обращается к реке Донцу: «О Доньче! Не мало ти величія, лелѣявъшю князя на вълнахъ,. . . стрежаше его гоголемь на водѣ чайцами на струяхъ, *чьрнядьми* на вѣтрѣхъ» [7]. В своем комментарии к «Слову» А. А. Потебня [8] древнерусское слово *черн-ядь* (наряду с однозначным *черн-ь*) определяет как 'косак, т. е. косатая, хохлатая утка; anas fuliginosa, fuligula cristata', добавляя, что суффиксы *-ь* и *-ядь* здесь имеют собирательное значение. По поводу семантики слова он пишет, ссылаясь на С. Аксакова: «Недаром дано этой породе уток собирательное имя: они появляются. . . весной всегда огромными стаями; не только в одиночку, но даже маленькими стайками я никогда их не встречал. Обыкновенно садятся на большие чистые пруды или озера и густым черным покрывалом одевают свежую воду. Вода буквально кажется черною, и в этом отношении

---

[2] Преследуя несколько иные цели, а именно: выявление сходств между славянскими и балтийскими языками в области устойчивого словоупотребления, — мы успешно применяли этот метод в нашей статье «Minimale Textfragmente im Slavischen und ihre Entsprechungen im Baltischen». «Baltistica», т. IV, вып. I. Вильнюс, 1968, стр. 79—91.

[3] В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. IV. М., 1955, стр. 595.

[4] Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби. Под ред. В. В. Палагиной, т. III. Томск, 1967, стр. 227.

[5] Там же, стр. 130. Очевидно, русск. диал. (сиб.). *черлядь* возникло из *чернядь*.

[6] П. Шейн. Дополнения и заметки к «Толковому словарю» Даля. СПб., 1873.

[7] Цитируется по Русской хрестоматии Ф. Буслаева, изд. 7. М., 1909, стр. 103 (Далее — Русск. хрест.).

[8] А. А. Потебня. Слово о полку Игореве. Текст и примечания, изд. 2, Харьков, 1914, стр. 147.

верно дано им название «Чернь». Как явствует из этого отрывка, А. А. Потебня склонен принять объяснение, данное С. Аксаковым для этих названий уток[9] несмотря на то, что оно представляет собой нечто иное, чем явную народную этимологию.

В русских наименованиях некоторых видов диких уток, а именно в др. русск. *чрьнядь*, в русск. диал. *чернядь* (с вариантами *чéрнеть*, *чернедь*, *черлядь*), а также в *чернедю́ха*, *чернуха*, *чернушка*, *чернь* совершенно очевидно наличие корня *čьrn- 'черный'. Правда, такое тривиальное объяснение, как приведенное выше, или же толкование вроде «черная птица» не могут нас удовлетворить[10].

В русских этимологических словарях (например, А. Преображенского, М. Фасмера) эти слова отсутствуют, так что попытки установления более обоснованной их этимологии вполне оправданны.

Для более глубокого анализа перечисленных названий диких уток от корня *čьrn- следует привлечь богатый материал из книги В. В. Иванова и В. Н. Топорова «Славянские языковые моделирующие семиотические системы», в которой обстоятельно изучается семиотическое противопоставление *светлый* : *темный*, а также *белый* : *черный*[11]. Народно-поэтическая традиция славян и отчасти балтийских народов позволяет реконструировать следующую элементарную оппозицию: русск. фольклор. *белая лебедь*: *черный ворон*, лит. baltà gulbė : júodas varnas. Ср. из русской былины «Повесть о князе Владимире киевском и о богатырях киевских, и о Михаиле Потоке Ивановиче и царе Кащею Залатой арды»: *Белая Лебяд*, *Авдотья Лиховидовна*[12] и из литовской народной песни Da aš turiu močiutę, baltąją gulbužą «Да есть у меня матушка белая лебедушка»[13]. В качестве аллоэлемента *черного* выступает *темный* (ср. в русских заговорах: *темные леса*, *черные грязи*, *зыбучие пески*[14]) и *серый*. Последнее является постоянным эпитетом в ряде сочетаний, из которых нас больше всего интересует здесь сочетание *серая утка* или *серая утица*. О некотором противопоставлении сочетания *серая утка* сочетанию *белая лебедь* говорит такое место из сказания «Волх Всеславьевич»:

А бьет он гусей, белых лебедей
А и серым, малым уткам спуску нет[15].

---

[9] К вышеупомянутым обозначениям утки, образованным от названия цвета, А. А. Потебня в особом примечании добавляет еще (видимо, также диалектные) слова *чернуха*, *чернушка*.

[10] Этому отчасти противоречат, наряду с зоологическими признаками, такие сочетания, как русск. диал. *чернедь пестрая*.

[11] В. В. Иванов и В. Н. Топоров. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М., 1965, стр. 138—140, 193 и др.

[12] Былины в записях и пересказах XVII—XVIII веков. М.—Л., 1960, стр. 171.

[13] Lietuvių kalbos žodynas, т. III, стр. 705 (Далее — LKŽ)

[14] В. В. Иванов и В. Н. Топоров. Славянские языковые моделирующие семиотические системы, стр. 139, 194, 198.

[15] Русск. хрест., стр. 380—381. Подробно об этой оппозиции и ее преобразовании, в частности о возникновении сочетаний типа русск. фолькл. *гуси-*

Таким образом, возникновение восточнославянских слов типа русск. *чернядь*, *чернь*, *чернуха* объясняется на широком фоне народно-поэтических формул типа русск. *серая утка*, отражающих семиотические противопоставления *белого* : *черного (серого)*. Весьма любопытно еще то, что сочетание *серая утка* имеет точное соответствие в литовском фольклоре. Ср. Tai ne antẽlė krykštė, tai ne pilkoji narštė (LKŽ, I, 130) «Это не уточка кричит, это не серая ныряет».

Обратимся теперь к левому члену оппозиции *белая лебедь*: *серая утка*. Здесь наблюдается в ряде случаев синонимическая замена слова *лебедь* другим славянским названием лебедя: *kъ̯lь (русск. *колпь*, в.-луж. koł́ и др.). Его производные русские *колпик*, *колпина*, *колпица*[16] так же, как слово *лебедь*, обычно встречаются с постоянным эпитетом *белый*; ср. *белой-от колпик был царик* (Он. был. Гильф. I, 464). Ср. русск. диал. *лебе́дик*, *лябедик* в значении ласкового обращения, 'милый, дорогой' и *лебеди́н* как эпитет жениха (Смол. обл. сл., 371).

Биле́й колпика птицы нет

(Терская обл.).

Белая колпи́ца — царица

(Он. был. Гильф. I, 464)[17].

Бела как колпица́

(Даль II, 143).

Мы предполагаем, что *колпик*, *колпица* употреблялись синонимично слову *лебедь*, о чем наряду с одинаковым постоянным эпитетом свидетельствует еще следующий песенный контекст:

Не белая лебедь воскликала
Не колпица возгоготала
Слезно плакала красна девица.

(ВНП V, 525. XVIII в.)[18].

Прасл. *kъ̯lь ж. р. (в.-луж. koł́; словинск. kǿup; сербохорв. диал. kûp; кашуб. kieł́p, ср.-русск. *колпь;* русск. ономаст. *Колпь*) имеет точное соответствие в балтийских языках, а именно в лит. gulbìs, -iẽs; латш. gùlbis и др.прусск. gulbis 'лебедь'[19]. Я. Отрембский рассматривает лит. gulbìs как тавтологическое сложение

лебеди говорится в нашей статье «Значение славянского фольклора и изучения фольклорного языка», которая публикуется в материалах международного симпозиума ЮНЕСКО «Гуманистическое и общественное значение славянских литератур», состоявшегося в Варшаве 8—11 сентября 1972 г.

[16] Чаще всего встречаются образования жен. р. И русск. *лебедь* здесь обычно Femininum. Ср. еще параллелизм *колпица* и *утица*.

[17] Все данные из «Словаря русского языка» составл. II отд., т. IV. СПб., 1912, стбл. 1607—1608.

[18] Великорусские народные песни А. И. Соболевского, V, 525. Сборник XVIII в.

[19] Впрочем, из балтийской народной поэзии известны многочисленные случаи, когда это название лебедя употребляется с постоянным эпитетом bãltas 'белый', ср. лит. gulbis balta nevelėta.

*gul-b(el)-, первый член которого относится к лит. geltas 'желтый', а второй член к литовскому báltas 'белый' [20]. Как бы ни трактовали лит. gulbìs, несомненно то, что балтийское название лебедя этимологически связано с обозначениями светлого, белого цвета. Что касается объяснения Я. Отрембского для лит. gulbìs, то оно может быть верным только в самом общем смысле. Нам кажется, что лит. gulbìs следует скорее связать с прасл. *golǫbь 'голубь' [21], имеющем точное соответствие в лит. gelumbė̃ 'сукно фабричное': стар. 'платье'. Это последнее без всякого сомнения можно поставить в этимологическую связь с лит. geltas 'желтый'; geltos, -ų 'желтая пряжа'; geltiniai, -ių 'желтая пряжа, нить'. Вероятно все эти три последние слова служили обозначениями для пряжи или изделий из натуральной (т. е. желтовато-серого цвета) пряжи. Относительно -b- в лит. gulbìs можно предполагать, что оно соотносится с -b- в других названиях птиц, причем замечательно то, что ему предшествует также сочетание гласного с сонорным носовым, ср. прасл. *jastr-ę-b-ь (русск. *ястреб*), прасл. *jar-ę-b-ь и приведенное выше лит. gelumbė̃, которое, однако, в смысловом отношении не сходно с этими словами; но оно может быть использовано как связующее звено между лит. gulbìs, прасл. *kъlpь и прасл. *golǫbь, *jarębь, *jastrębь. Соответствие лит. gulbìs (с вариантным прасл. диал. *kъlpь) 'лебедь': прасл. *golǫbь 'голубь' (наряду с родственным лит. gelumbė̃) повторяется в случае прасл. *elbędь, *olbǫd/tь 'лебедь', образованного от и. е. корня *e//olbh- 'белый', ср. лат. albus 'белый' и лит. balañdis 'голубь', которое в свою очередь связано с лит. bál-tas 'белый'. Это, конечно, не случайность, что праславянское название лебедя образовано от индоевропейского корня, обозначающего белый цвет. Сами названия лебедя в славянских и балтийских языках отражают деталь из выше упомянутого семиотического противопоставления *белый — черный* в таких (хотя хронологически в разное время возникших) словах как:

1. *elbh-//olbh- e//on-d-is 'лебедь'
2. *bal- an-d-is 'голубь'
3. *kirsn- en-d-is 'чернядь'.

Сочетания типа русск. *белая лебедь*, *белая колпица*, лит. baltà, gulbė̃, таким образом, представляют полные тавтологии, в то время как о русск. *серая утка* и лит. ántis pilkoji мы этого утверждать не можем. Правда, в последних двух примерах не ясна сама этимология слова *утка* или ántis. Формальное многообразие у праславянского названия лебедя может быть в некоторых случаях использовано для выяснения отдельных моментов у других слов, рассмотренных здесь.

[20] Jan Otrębski. Gramatyka języka litewskiego, t. II. Warszawa, 1965, стр. 53.

[21] Названия птиц по цвету встречаются очень часто, ср. русск. *сизяк* 'одичалый голубь, водящийся всюду в городах' (Даль, I, 371) и *сизый*, а также болг. *гривяк* (columba palumtus) и болг. диал. *грив* «серый, серо-голубой».

Так, во-первых, прасл. *elb-ędь//*olb-ędь, реконструируемое на основании русск. *лебяжий*; болг. *лáбедъ* (Геров), *лéбед*; мак. *лабед*, *лебед*; ср.-серб. *лебед*, в своей суффиксальной части сходно с*kirsn-ędь (русск. *чернядь*), а также еще с двумя словами, встречающимися в русском фольклоре в близком к *лебедь* значении: *щенядь*, *щенять*[22] и *лещадь*. Ср. следующие фольклорные контексты: А й чтобы королевская как щенядь да бѣлогубая/ А чтобы ёна могла да нам фастати (Он. был. Гильф., 404); Поедем мы в след сугоною за этою щенятью белогубою (Рыбников, I 434—435) [23]. Обращает на себя внимание постоянный эпитет *белогубая* и некоторая расплывчатость в смысловом отношении.

В русской диалектной речи по наблюдениям Ю. С. Азарх[24] сохранилось еще одно название водоплавающей птицы, а именно костр., яросл. (Даль) *лещáдка* ('голубка, лебедка, касатка'), которое дает основание для предположения какого-то **лещадь* в функции названия птицы.

Наконец, можно еще указать на продолжения прасл. *gavędь в значении «птицы»: словац. háved' 'птица'; чеш. háved' 'домашняя птица'; польск. gawiedź 'птенцы' [25].

Как вторая по своему суффиксальному оформлению восстанавливается праславянская основа *elbǫdь/ *olbǫdь/ *olbǫtь (ср. сербохорв. *лáбуд*; болг. диал. *лобад*; словен. labǫd; польск. łabędź; кашуб. łabądz; чеш., словац. labut'; польск. диал. łabęt и др.). Эти образования в своей суффиксальной части ближе лит. balañdis.

В-третьих, некоторые чередования согласных наблюдаются в случаях прасл. *e//olbǫdь: *olbǫtь; русск. *щенядь* : *щенять*; чеш. havět' и чеш. диал. havěď; русск. *чернядь* и *чернеть*, а также в отношении прасл. *kъlpь и лит. gulbìs.

Явления, описанные в последних трех абзацах, еще не вполне выяснены. Мы ограничились здесь лишь некоторыми новыми сопоставлениями, которые безусловно еще нуждаются в дальнейших исследованиях.

В конце нашей заметки результаты анализа можно свести к следующим положениям:

1. Мы постарались наглядно показать ценность фольклорного материала для уточнения истории слов и выяснения или (в некоторых случаях) просто подтверждения этимологии слов. Здесь удалось предложить этимологию ряду названий диких уток в русском языке.

2. Большую ценность представляет системное использование фольклорных данных, в нашем случае — использование ряда достижений семиотики для решения лингвистических проблем.

---

[22] О чередовании звонкого и глухого дентального см. также ниже.

[23] См. Ю. С. Азарх. Словообразование существительных женского рода с нулевой флексией в именительном падеже единственного числа (кандидатская диссертация). М., 1963, стр. 267.

[24] Там же, стр. 277.

[25] Ср. еще польск. диал. labiedka 'kura' (Karł., III, 1).

3. Изученные факты показывают сложное переплетение разных систем: народно-поэтических структур, семиотических построений и языковых микросистем.

4. В ряде случаев мы могли обнаружить интересные соответствия славянским языковым данным и структурам в балтийских языках.

5. Такая основополагающая дисциплина как этимология не может замкнуться в узко лингвистической проблематике, она, несомненно, должна изучать языковые явления в их связях с другими явлениями. В этом смысле нам представляется плодотворным сотрудничество с такими смежными дисциплинами как фольклористика и семиотика.

II

ИСТОКИ И СОСТАВ ЛЕКСИКИ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

ОБ УСВОЕНИИ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНИЗМОВ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМОЙ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

П. Д. ФИЛКОВА

Изучение мигрирующего лексического материала показывает, что иноязычные слова не усваиваются в равной мере лексической системой заимствующего языка. Не вызывает никаких сомнений наличие определенных факторов, которые препятствуют или благоприятствуют вхождению некоторых категорий заимствованных слов в эту систему.

Заимствованные из старославянского языка слова, которые в данной работе обозначаются термином «церковнославянизмы», тоже различаются характером ассимилированности русским литературным языком.

Следует предварительно подчеркнуть, что знакомство некоторой части носителей русского языка со старославянским языком, его широкое распространение в русской редакции в качестве языка религии и одной из разновидностей русского литературного языка, как и особенная близость двух славянских языков, оказались важным условием заимствования определенных пластов церковнославянской лексики.

Взаимодействие старославянской и древнерусской языковых стихий, подчеркивает Ф. П. Филин, началось с первых же шагов древнерусской письменности [1]. К этой эпохе относится начало сложных процессов фонетической, грамматической и лексико-семантической ассимиляции или акклиматизации, по словам В. В. Виноградова, старославянского языка у восточных славян [2]. Именно в результате этого углубляющегося взаимодействия двух языковых стихий в русский литературный язык проникла значи-

[1] Ф. П. Филин. Сергей Петрович Обнорский. «Русский язык за рубежом», 1972, № 2, стр. 64.

[2] В. В. Виноградов. Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка. М., 1958, стр. 58.

тельная масса лексических заимствований из церковнославянского языка.

Изучение церковнославянизмов с точки зрения их ассимилированности русским литературным языком (на разных этапах его исторического развития) дает основание выделить несколько основных категорий, отличающихся друг от друга определенными признаками.

1. Выделяется категория церковнославянизмов, обязанных своим проникновением в русский литературный язык потребностями его в средствах для выражения определенных понятий, для обозначения новых для коллектива предметов, «реалий» [3], напр. *безумие*, *бесплодие*, *бесчувственный*, *благоволить*, *благодетель*, *благоприятный*, *близнецы*, *блуждать*, *брак*, *бремя*, *великолепие*, *величественный*, *вещь*, *виноград*, *вития*, *владеть*, *владыка*, *воздух*, *возраст*, *волшебный*, *вопреки*, *восстановить*, *воскресенье*, *воспитать*, *восторг*, *вторник*, *доблесть*, *едва*, *ехидный*, *жестокий*, *злак*, *знаменитый*, *идол*, *извергать*, *извратить*, *изобличать*, *изрядный*, *истукан*, *истязать*, *качество*, *количество*, *казнь*, *мощи*, *мрамор*, *надменный*, *намерение*, *настоящий*, *ноябрь*, *обитель*, *образовать*, *окаянный*, *осязать*, *отнюдь*, *падеж*, *пасха*, *победа*, *подвиг*, *подобострастие*, *польза*, *поприще*, *потребный*, *православный*, *праздник*, *прекрасный*, *призрак*, *приятный*, *прозрачный*, *пророк*, *пространство*, *равнодушный*, *раздражать*, *различать*, *распределить*, *расстояние*, *собор*, *совершать*, *согласный*, *сословие*, *стремглав*, *суета*, *суббота*, *супруг*, *существо*, *тигр*, *тождество*, *торжество*, *требовать*, *троица*, *тщеславие*, *угодить*, *улучить*, *умиление*, *усердие*, *устранить*, *ухищрение*, *херувим*, *художник*, *целомудрие*, *чаяние*, *чувство*, *шествие*, *яства* и т. д.

Слова этого типа получили широкое распространение в сферах русского литературного языка. А. А. Шахматов писал: «С представлениями об этих словах часто связываются понятия, чуждые житейской обыденности; это или книжные понятия, или церковные, или отвлеченные; ясно, что отсутствие соответствующего народного слова было причиной сохранения в нашем языке этих слов» [4].

Процесс проникновения рассматриваемых заимствований в лексическую систему русского литературного языка протекал медленно.

Так например, в число непонятных («неразумных») слов, которые объяснялись в древнерусских словарях, попадали и разнообразные книжные церковнославянизмы, проникшие в дальнейшем в лексическую систему русского литературного языка. В древнерусском словарике «Толкование неудобь познаваемом

---

[3] В. Д. Левин. Краткий очерк истории русского литературного языка. М., 1964, стр. 23.

[4] Из трудов А. А. Шахматова по современному русскому языку. М., 1952, стр. 246.

в писаных речем. . .», являющемся приложением к сочинениям Иоанна Лествичника 1431 г., помещены такие слова, как *доблесть*, *качество*, *количество*, *свойство* и др.[5]

В словаре Ф. Поликарпова «Лексикон треязычный. . .» (1704 г.) объясняются слова типа *изверг*, *безумно*, *свидетель*, *расстояние*, *коварно*, *влечь*, *обещать* и т. д.

Процесс ассимиляции части церковнославянской лексики продолжается даже и в XIX в. Сопоставление некоторых данных «Словаря Академии Российской» (1789—1794 гг.) и «Общего церковнославянского — российского словаря» П. И. Соколова (1834 г.) показывает, что большая группа слов, которые в «Словаре Академии Российской» снабжаются пометой «славенское», например *влага*, *владыка*, *вожделеть*, *возбранять*, *враждебный*, *враг*, *вредить*, *едва*, *крамола*, *крат*, *маловер*, *чуждый* и т. д., в словаре П. И. Соколова даются без ограничительной пометы. Можно предположить, что автор снял помету «славенское», которую он сохраняет в ряде других случаев, не случайно, а в результате того, что слова такого типа входили в состав общеупотребительной лексики русского литературного языка.

Отдельные слова, которые отмечаются в словаре П. И. Соколова пометой «славенское» (или «церковное»), например *мановение*, *мерцать*, *создание*, *шествие*, *юный* и пр., в «Словаре церковнославянского и русского языка» (1847 г.), в «Толковом словаре живого русского языка» Вл. Даля (1863 г.) и других словарях второй половины XIX в. даются уже без этой ограничительной пометы.

Большая группа слов, снабженных в «Словаре церковно-славянского и русского языка» (1847 г.) пометой «церковное», например *беззаконный*, *безрадостный*, *единение*, *единоборство*, *жупел* и пр., в «Толковом словаре живого русского языка» Вл. Даля, в «Толковом словаре русского языка» (под ред. Д. Н. Ушакова, 1940 г.) и других словарях начала XX в. представлены без этой пометы.

Несомненно, процесс усвоения определенных категорий церковнославянизмов лексической системой русского литературного языка протекал на протяжении всей его истории.

Рассматриваемые церковнославянизмы показывают все признаки освоенности. Они приспособились к фонетической системе русского языка, для них характерны семантическая самостоятельность, функциональная активность, регулярность употребления в речи. Проникновение церковнославянизмов указанного типа в систему лексики русского литературного языка предопределило их дальнейшую эволюцию. Они входили в определенные взаимоотношения с остальными словами и подчинялись системности их связей. В процессе взаимодействия изменялись семантические

---

[5] К. Ф. Калайдович. Иоанн, Эксарх Болгарский. М., 1824, стр. 196—197.

и синонимические отношения, происходила перестройка синонимических рядов, в составе которых они были.

Так например, церковнославянизм *пища* на русской почве вступил в разнообразные семантические и синонимические взаимоотношения с близкими по значению словами. Оформляется синонимический ряд: *пища*, *ед*, *едь*, *едение*, *съестное*, *ядь*, *ядение*, *яства*, *корм*, *кормля*, *снедь*, *харч*, *питание*, в котором первоначально семантические взаимоотношения не были дифференцированными. Все компоненты ряда, однако, характеризовались наличием общего значения — 'то, что едят и пьют, что служит для питания'.

На протяжении нескольких веков происходило установление более четких семантических взаимоотношений, перераспределение в связи с этим семантических функций, закрепление основных значений, выходили из употребления некоторые слова — синонимы. Все это было связано с общим процессом сокращения вариантности в лексике и общей нормализации национального литературного языка. Слово *пища* становится основным обозначением понятия 'то, что служит для питания' (болг. *храна*), слово *еда* в этом значении остается в сферах разговорной речи, а *снедь* и *харч(и)* — в сферах архаизмов. *Корм* специализируется для обозначения *пищи животных*. Основное значение слова *питание* соотносительно с действием по глаголу *питать — давать еду*, *кормить* (болг. *хранене*), а слово *еда* — с употреблением пищи (болг. *ядене*). *Яства* стало употребляться преимущественно для обозначения изысканной, очень вкусной еды, а *кушанье* — для обозначения отдельного блюда, приготовленного для еды (болг. *ядене*, *гозба*). Избыточные и нерегулярные в употреблении слова *ед*, *едь*, *едение*, *ядь*, *ядение*, *кормля* вытесняются из речи. Таким образом, семантические функции четко распределяются между членами лексико-семантической парадигмы, в которой церковнославянизм *пища* занял соответствующее место.

Значительная масса церковнославянизмов данного типа отличается еще и тем, что в процессе функционирования на русской почве у них наметились некоторые сдвиги в семантике. Это новое явление «внесено в понимание и развитие книжно-славянизмов и церковнославянизмов восточным славянством» [6]. См., например, такие слова, как *возбуждать*, *возбуждение*, *возмущать*, *возмущение*, *восхищать*, *восхищение*, *гражданин*, *запрещение*, *зарождение*, *извращать*, *извращение*, *изящный*, *нахождение*, *общение*, *общество*, *отчуждать*, *отчуждение*, *подтверждать*, *подтверждение*, *порождать*, *порождение*, *похождение*, *прелесть*, *просвещать*, *просвещение*, *равенство*, *священный*, *смущение*, *смущать*, *сообщение*, *совещание*, *суждение*, *схождение*, *утверждение*, *утверждать*, *учреждение*, *чуждаться* и пр.

---

[6] В. В. Виноградов. Указ. соч., стр. 44.

Усвоение этого типа церковнославянизмов лексической системой русского литературного языка принципиально не отличается от рассмотренных до сих пор лексических единиц.

2. Особенно характерной в своем развитии является категория церковнославянизмов, которые тоже проникли в систему лексики русского литературного языка, но их проникновение нельзя объяснить только тем, что они удовлетворяли потребности языка в средствах для обозначения новых понятий, предметов и пр. Дело в том, что в условиях активного взаимодействия церковнославянской и русской языковых стихий многие церковнославянизмы на русской почве оказались соотнесенными с русскими семантическими эквивалентами. Образовались пары, состоящие из независимо существующих, но соотносительно обусловленных членов, один из которых церковнославянского происхождения, а другой — восточнославянского, напр. *беспомощный — беспомочный, бремя — беремя, владеть—володеть, вождь—вожь, враг—ворог, время—веремя, вхождение—вхожение, жажда—жажа, завещать—завечать, зарождение—зарожение, изящный—изячный, клевещу—клевечу (клеветать), между—меж, мощный—мочный, мрак—морок, надежда—надежа, немощный—немочный, нужда—нужа, обещать—обечать, обхождение—обхожение, общий—обчий, община—обчина, овощь—овочь, одежда—одежа, освещать—освечать, освобождать—освобожать, осуждать—осужать, пещера—печера, плен—полон, помощь—помочь, помощник—помочник, подтверждение—подтвержение, похищать—похичать, прежде—переже, присуждать—присужать, пробуждать—пробужать, провождение—провожение, прохождение—прохожение, рассуждать—рассужать, рождать—рожать, срам—сором, трепещу—трепечу* (*трепетать*), *увещать—увечать, хищник—хичник, хождение—хожение, храбрый—хоробрый* и т. д.

Между членами таких пар возникали сложные и разнообразные взаимоотношения, конкретные для каждой отдельной единицы. Но результаты их эволюции одинаковы. Церковнославянизмы получили широкое распространение и проникли в лексическую систему русского литературного языка, а русские эквиваленты, известные по памятникам письменности, произведениям фольклора или диалектным материалам, стали постепенно выходить из употребления.

Основной принципиальный вопрос, который возникает при изучении указанных пар, это выяснение причин, обусловивших сохранение, с одной стороны, церковнославянизмов и их усвоение лексической системой русского литературного языка, а, с другой стороны, вытеснение русских эквивалентов.

Одним из первых обратил специальное внимание на этот важный и сложный вопрос И. С. Улуханов. На основании изучения глаголов с приставкой *пре-* автор сделал следующие выводы о причинах закрепления славянизмов (по его терминологии) данного типа в русском языке: 1) малоупотребительные,

единичные в церковно-книжных памятниках слова не проникают в народно-литературные типы языка; 2) лишь наиболее употребительные в церковно-книжных памятниках слова закрепляются в русском языке при наличии русских синонимов и отсутствии предпосылок для семантической дифференциации [7].

Несомненно, это очень веские соображения. Наряду с ними следует учитывать и ряд других факторов.

Церковнославянизмы были очень сходны по семантике, грамматической структуре и звуковой форме с русскими эквивалентами (см. *пещера—печера*, *вождь—вожь*, *срам—сором*). Следовательно, любой русский писец, книжник и вообще грамотный человек мог без всякого затруднения понимать, воспроизводить и усваивать церковнославянизмы рассматриваемого типа. Подобное внешнее и внутреннее сходство церковнославянизмов и соответствующих русизмов способствовало их семантической взаимопроницаемости и приводило к смешению в их употреблении в древнерусский период истории русского литературного языка. Естественная дифференциация в функционировании подобных эквивалентов, которая отражала противопоставление двух типов древнерусского литературного языка, выступающих, по определению В. В. Виноградова, как две функционально разграниченные и жанрово-разнородные системы литературного выражения, рано нарушается.

Церковнославянизмы употребляются не только в книжно-славянском типе, но появляются и в памятниках, отражающих народно-литературный тип древнерусского литературного языка. Таким образом, церковнославянизмы и соответствующие русизмы, слова разных языковых систем по генезису, сталкиваются в пределах одной языковой системы.

Особое распространение получили церковнославянизмы в московский период истории русского литературного языка, когда жанровые рамки книжно-славянского типа литературного языка осязательно расширились. Церковнославянизмы стали употребляться не только в церковно-религиозной литературе, но и в научно-философских сочинениях, в произведениях повествовательно-исторической, художественной и публицистической литературы, в театральных сочинениях и пр. При доминирующей роли книжно-славянского типа в системе русского литературного языка в этот период церковнославянизмы в лексических парах типа *вождь—вожь*, *срам—сором*, *общий—обчий* оказались, естественно, в господствующем положении.

К XVIII в., судя по данным письменности, книжная традиция и общественная практика закрепили окончательно позиции церковнославянизмов, которые получили приоритет в литературном языке и постепенно утвердились в качестве литературной нормы.

---

[7] И. С. Улуханов. О судьбе славянизмов в древнерусском литературном языке. «Памятники древнерусской письменности». М., 1968, стр. 56.

На материале отдельных примеров можно указать на некоторые конкретные факторы, которые способствовали закреплению церковнославянизмов в русском литературном языке. Показательна в этом отношении судьба лексико-фонетической пары *общий—обчий*. Первоначальное употребление обоих членов пары отличалось дифференцированным характером. Церковнославянизм *общий* встречается в книжно-славянском типе, например «Буди всем облагодетель *общи*» (Изб. 1076 г.), «Вечер же есть *общ* предел» (Шест.) [8], «На *общую* пользу» (Пах. Лог.), а русизм *обчий* — в памятниках народно-литературного типа, см. «Платити им в *обчи* 40 гривен» (Пр. Русск.), «Я *опчей* ваш холоп» (Мат. Узб.), «Нелзе позвати немчина на *обчий* суд» (Смол. гр.).

Постепенно естественная дифференциация в употреблении нарушается. Церковнославянизм *общий* расширяет круг употребления, проникает в сферы народно-литературного типа и даже деловой письменности, см. «Пожаловал еси в общий монастырь» (АЮБ, 11), «*Общее* житие составиша» (Пск. I лет.), «Управляти *общий* народ» (Хрон. 1512 г.).

Важную роль в процессе ассимиляции русизма *обчий* церковнославянизмом *общий* сыграли такие факторы, как широта лексической сочетаемости, смысловой нагрузки и характер семантических связей соответствующей лексической единицы с производными словами.

Церковнославянизм *общий* отличался бóльшей широтой лексической сочетаемости, что определило и характер дистрибуции. Это было обусловлено характером господствующих в древнерусский период контекстов (религиозно-моралистических, философских, исторических и пр.), которые предполагали большее количество речевых реализаций церковнославянизма *общий*. В результате этого *общий* получает широкое распространение со свойственной для него лексической сочетаемостью и дистрибуцией, см. *общий* (монастырь, дом, праздник, бог, господь, владыка, наставник, приятель, неприятель, недруг, враг, закон, указ, союз, предел), *общая* (обитель, церковь, Минея, воля, свобода, участь, чаша, польза, кончина, печаль), *общее* (воскресение, назнаменание, повеление, житие, спасение, благословение, послание, соизволение, естество, братство, число) и др., напр. «Отдавшу *общему* владыце» (АИ, I, 1564 г.), «*Общее* житие составити» (Ерм. лет.).

Для русизма *обчий* был характерен более ограниченный объем лексической сочетаемости и дистрибуций, см. *обчий* (суд, судия, живот, холоп, слуга, повар, хлеб, гроб), *обчая* (купчая, грамота, правда, земля, ссылка, смерть), *обчее* (сокровище), *обчие* (людие) и др., напр. «Мне до *обчей* купчей дела нет» (Холм. еп.), «Я холоп ваш *опчей*» (Пам. Моск.).

Фонетические варианты *общий—обчий* семантически не покрывались полностью. Церковнославянизм *общий* в отличие от *об-*

[8] Графика цитат из памятников древнерусской письменности упрощается.

чий мог обозначать еще и «порядок монастырской жизни, по которому иноки имеют все общее» (общее житие), «монастырское общежитие» (общее житие, общий монастырь), «вселенский» (общая церквы), «соборые» (общия послания). Эти дополнительные значения выражались словом *общий*, что увеличивало его частотность по сравнению с *обчий* и содействовало его распространению.

Следует обратить внимание и на многочисленные производные образования с морфемой *-общ*, например *общевати*, *общедательный*, *общежитель*, *общежительство*, *общение*, *общенути*, *общеседалище*, *общетворити*, *общие*, *община*, *общитися*, *общник*, *общный*, *общество*, *обществовати*, *приобщать*, *сообщать* и др., которые укрепляли позиции церковнославянизма *общий* в русском литературном языке.

Итак, большая широта лексической сочетаемости, семантического объема и семантических связей с производными образованиями сыграла наряду с другими факторами определенную роль в процессе распространения и закрепления церковнославянизма *общий* в русском литературном языке и постепенного вытеснения русизма *обчий*. Ассимиляция могла осуществиться при условии, что синонимы *общий—обчий* входили в адекватные контексты, см. «И слались мы оба на *опщую правду*» (Чел. Баж.), «Учнут слатися на *обчую правду*» (Улож.). Книжная традиция поддерживала использование церковнославянского варианта *общий*. К XVIII в. общественная практика окончательно утверждает церковнославянизм *общий* как общеупотребительный элемент русской лексики. Он получает распространение во всех сферах литературного языка.

Проникновению и закреплению отдельных церковнославянизмов в системе лексики русского литературного языка мог содействовать и круг вызываемых этими словами ассоциаций. Так, например, некоторые церковнославянизмы вызывали ассоциации, связанные с бытом церкви и религии, что предопределяло их использование, а не употребление русских эквивалентов.

Слово *одежда* в отличие от русского фонетического соответствия *одежа* могло употребляться и специально со значением «ризы священников и т. п.». В таких случаях оно использовалось с конкретными определениями, например «Приеха *архиепископ* и облечеся в вся *священныя одежда*» (Новг. I лет.), «Един убо во *одежде архиерейстей*» (Пов. Грудц.), «Облекшус(я) в всю *святительскую одежду*» (Пер. мощ.).

Слово *хождение* употреблялось не только со значением ‘движение, походка, путешествие, странствие, паломничество’, но в отличие от русского фонетического соответствия *хожение* могло служить и для обозначения церковного ритуала, см. «В *хождении* со святыми иконы и кресты» (Чел. Новг.).

3. Выделяется и еще одна значительная категория церковнославянизмов, которые отличаются тем, что не могли проникнуть в русский литературный язык и стать общеупотребительными единицами системы его лексики. См. такие слова (и словоформы),

как *агнец, аз, аки, амо, блато, блатный, брада, брадатый, бразда, браздить, брань* (война), *бранный, брег, бреза, брещи*(ся), *вежды, вертоград, вечеря, вижду, виждь, винарь, власы, восхожду, вожду, вперди, врабий, вран, врана, врата, всаждать, глава, главня, глагол* (слово), *глад, гладный, глас, горе, градина, град, градский, даждь, десница, десной, деяние, длето, днесь, доднесь, досаждение, дохожду, драгий, древо, дрен, дщерь, един, езеро, елень, есетр, жаждать, жещи, жребец, зажещи, зане, здравие, зело, зидарь, зиждить*(ся), *зиждатель, злато, златить, змий, змия, зрак, иже, искони, испещи, каждy, клада, кладезь, клас, клокощет, козни, козлище, коприва, крава, краварь, краста, ладья, ланита, лещи, лобзать, мащеха, мещу, младой, младость, млат, млатный, млеко, мощи*(мочь), *мравий, мраз, мразный, мрежа, мшица, навет, награжду, намещу, нарещи, нахожду, несть, нощь, обаче, облещи, обрясти, овамо, ожещи, озлатить, онуща, осребрить, отвещу, отвожду, паки, пастырь, перст, петел, пещь, питие, платно, плещи, позлатить, полнощь, понеже, праг, прапор, прах, предтеча, преграждение, преложить, премена, пременный, пременить, пренести, преплыть, пререзать, пресечь, престать, прешагнуть, присно, провождать, рамо, рещи, риза, рыбарь, свеща, седмица, скудель, скудельный, славий, слана, словеса, сограждать, страж, стражду, старец, старица, страна* (направление), *стрещи, стогна, тако, твердь, телец, телица, телеса, терние, тещи, труждающиеся, тысяща, убиение, угль, усекновение, хлад, хладный, хощу, хуждший, царствие, чадо, чело, чрево, чреда, чресла, чресчур, чуждусь, юдоль.*

Несмотря на широкое распространение многих из указанных церковнославянизмов как в памятниках древнерусской письменности (главным образом в книжно-славянском типе древнерусского литературного языка), так и в высоком стиле русской литературы XVIII в. и поэтическом словаре художественной литературы XIX—XX вв., они не могли закрепиться в лексической системе русского литературного языка. У всех указанных церковнославянизмов были русские семантические эквиваленты, которые не могли быть вытеснены из употребления, как это произошло с русизмами, рассмотренными в предшествующем изложении. В лексических парах типа *аз—я, вижду—вижу, злато—золото, паки—опять, царствие—царство* в доминирующем положении оказались русизмы. Они были общеупотребительными, общенародными словами (формами). Соотнесенность со сферой быта, с жизненно необходимыми для всего коллектива предметами, признаками, явлениями определила их устойчивость и значимость в номинативной системе русского языка. Церковнославянизмы оставались только в сферах стилистически значимых средств, которые использовались в целях художественной изобразительности. Они не могли стать общеупотребительными единицами и постепенно соответствующие русизмы вытеснили их. Произошло это потому, что продолжительное существование в языке абсолютных синонимов невозможно.

ЛЕКСИЧЕСКОЕ ВАРЬИРОВАНИЕ В ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ XVII в.

В. В. КОЛЕСОВ

Рассматривая употребление глаголов говорения в «Житии» протопопа Аввакума (вариант А) [1], обнаруживаем любопытное распределение основных из них в зависимости от контекста:

Контекст	а) говорить	б) сказать	в) варьирует с;
1. Введение прямой речи	+	(+)	речи и глаголати, молыть
2. Личное предложение с дат. пад. адресата	(+)	+	бесѣдовати, вѣщати, молыть
3. Личное с прямым дополн.	+	—	глаголати
4. Безличное предложение	+	—	бесѣдовати, молыть.
5. Обобщенно-личные и неопределенно-личные	+	+	нет
6. Императивные	+	+	нет
7. Составное сказуемое	+	+	нет
8. Вводные конструкции	—	—	речи, молыть

Примеры. 1. а) *а я говорю. . .*, *а самъ говоритъ* и др. 60 раз; б) только три раза: *лгалъ в тѣ поры и сказывалъ*: «*нѣту ево у меня*» (39), (*и он*) *сказывалъ*: «*какъ де. . .*» (57), *и мнѣ сказали*: (следует прямая речь) (76); в) *реку*, *реклъ*, *рече* и др. 18 раз, ср. *и я реклъ*: «*о имени господни повелеваю ти. . .*» (48); *глаголетъ*, *приглаголя* и проч. 5 раз; *молылъ* 1 раз, ср. *а Евфимей. . . молылъ*: «*Прав де ты. . .*» (60);

[1] Примеры из сочинений протопопа Аввакума в основном даются по изданию: «Памятники истории старообрядчества XVII в.», кн. I, вып. 1. Л., 1927 (РИБ, т. 39).

2. а) два раза в сомнительных контекстах: *и я ему говорилъ сопротивъ* (51), *и сталъ разговаривать отцу* (36), т. е. «делать выговор»; б) *а еще сказать ли тебѣ* (77), *сказалъ ему в послании* (61) и др., всего 20 раз; в) *еще вамъ побесѣдую о своеи волокитѣ* (57), *еще вамъ про невѣжество свое побесѣдую* (67); *и я промолылъ ему* (23, также 37); *нача мнѣ плакавшеся подробну возвѣщати во церкви* (9), *азъ грѣшный и то возвѣщу вамъ* (47) и др.;

3. а) *молитву говорю, кафизму говорилъ, псалтырь говорилъ* и др. 12 раз; б) нет; в) дважды в начале «Жития»: *не глаголати Господа* (2), *святую Троицу в четверицу глаголють* (6);

4. а) *полно о томъ говорить* и др. 15 раз; б) нет; в) один раз: *полно о томъ бесѣдовать* (49); *к слову молылось* (54), *а с кемъ молыть* (57) и др., 4 раза;

5. а и б) *говорили — сказывали*, ср. *и к мѣсту, говорили, на дворецъ к Спасу. . .* (15); в) нет;

6. а и б) *говори! — скажи!* очень часто; в) нет;

7. *сталъ говорить, станемъ говорить, далъ говорить, велено говорить* и т. д., но — *не могу сказать* и др.;

8. только тип в) ср. *взяла силу вода, паче же рещи, богъ наказалъ* (36), *а клятвою тою — дурно молыть! — гузно тру* (40) *просто молыть, отрекся предъ Никоном Христа* (51), и др.

Отсутствие глаголов *говорить — сказать* в группе 8 указывает на важное лексическое значение в тексте, не допускавшее их фразеологической связанности в передаче второстепенного действия. Здесь возможны только традиционные книжные или разговорные конструкции. Таким образом, по своему лексическому значению глаголы *говорить* и *сказать* свободны, в том числе и в отношении друг к другу. Это ясно из других контекстов Аввакума, в которых *говорить* всегда соотносится с языком (*говорить безъ языка* (63), *говорить языкомъ* (63), *а самъ не говорилъ, связавшуся языку его* (70), и т. д.). а *сказать* — ни разу, в свою очередь имея значение ‘сообщить, поставить в известность’, ср. в сходных контекстах *и то возвѣщу вамъ* (47) — *людямъ не сказывалъ о тайнѣ сей* (54); ср. еще примеры с одновременным употреблением обоих глаголов: *приехавъ в Тоболескъ, сказываю* [об этом, т. е. сообщаю], *ино люди дивятся тому* (44); *и наутро Никону сказали* (=сообщили), *и онъ росмѣяся говоритъ* [языком, т. е. изрекает] (17); (я) *кое о чем говорилъ* [слова, т. е. изрекал], *сказалъ* (=поставил в известность) *ему в послании. . .*(61) и мн. др.

В этом содержится и расхождение между контекстами 1 и 2: фактически личное предложение с дательным адресата также может вводить прямую речь (ср.: *мнѣ плачучи сказалъ* — далее прямая речь, 15), но только указание на адресат сообщения позволяет автору использовать глагол *сказать*. Во многих контекстах соотношение *говорить* с *молвить*, а *сказать* с *возвѣщать, бесѣдовать* ощущается еще весьма определенно (см. примеры), сохраняя исконное противопоставление данных глаголов в значении.

Ср. в «Материалах» И. И. Срезневского [2] около 15 оттенков глагола *съказати*, связанных со значением 'сообщить, научить, назвать, определить', в его противопоставлении к *глаголати*. *Говорити* и *молвити* в своих значениях связаны именно с *глаголати* и встречаются (по материалам Срезневского) только в древнерусских (переводных и оригинальных) текстах. Лишь *речи=рещи* употреблялось во всех контекстах, во всяких текстах и в любых значениях, соединяя в себе и *съказати*, и *глаголати*. Таким образом, еще у Аввакума, в XVII в. способность входить в ту или иную синтаксическую конструкцию определяется семантикой глагола, отличной от современной.

Лексическая автономность данных глаголов определяла их грамматическую характеристику — они разновидовые. По этой причине в группе 7 они и сочетаются с противоположными по виду вспомогательными глаголами (*сталъ говорить*, но *могу сказать*); в группе 6 они также входят в дополнительное распределение по виду (*говори! — скажи!*); в группе 5 видовое различие нейтрализовано в соответствии с требованиями контекста (*говорили — сказывали*). Там, где по своей видовой характеристике *сказать—говорить* входят в дополнительное распределение (5—7), они не могут дублироваться иностилевыми вариантами, т. е. у них нет контекста *в*. По своей структуре контексты групп 5—7 можно считать достаточно новыми для русского языка, и именно здесь видовое соотношение между нашими глаголами сформировалось окончательно. В других же контекстах еще возможны видовые противопоставления внутри глагола (*говорить — сговорить*, *сказать — сказывать*), но всегда именно *говорить* является опорным словом семантического ряда, поскольку в русском языке только оно с самого начала имеет основное и единственное значение этого ряда — 'глаголати'; это видно и на контекстах 3 — 4. В отношении к *говорить* и строятся все новые грамматические и стилистические варианты данного семантического ряда.

Учитывая конкретный текст, в данном случае текст «Жития», можно установить как бы совмещенную в одном произведении и сознательно организованную двойную систему отношений стилистического свойства: наряду с обычной парой *сказать — говорить* здесь возможна также пара *речи — глаголати*. Поскольку соотношение этих стилистических пар именно таково (*сказать : говорить=речи : глаголати*), происходят все выравнивания, способствующие данному соотношению, т. е. *речи* утрачивает одно из старых значений (связанных с *глаголати*), сохраняя только значение 'сказать' и притом получает характеристику совершенного вида. Последнее, кроме примеров из сочинений Аввакума, подтверждается и лексико-графическими данными. В рукописном лексиконе XVIII в., приписываемом Татищеву, находим: «*реку=*

---

[2] И. И. Срезневский. Материалы для Словаря древнерусского языка, I—III. СПб., 1893—1903.

скажу, молвлю» (но не *говорю*!)[3]. Видовая дифференциация, став фактом языка, проникает и в высокий стиль, раскладывая сложившиеся отношения в соответствии с новой моделью и включая высокий стиль в активный фонд нового литературного языка.

Но самое важное новшество заключается в другом. В действительности со стилистической точки зрения данное попарное соотношение вовсе не бинарно, оно включает в себя и третью пару — *бесѣдовать (вѣщать)* : *молыть=говорить* : *сказать=глаголати* : *речи*. Большинство глаголов данного ряда давно известно русскому языку, но только к XVII в., когда образовалось описанное здесь соотношение с четким попарным противопоставлением по виду и общим стилистическим противопоставлением (соответственно 'низкий стиль' — 'средний стиль' — 'высокий стиль'), — только тогда обозначились и стилистические границы этого ряда, наметился выбор нормативного варианта. Нормативным, стилистически нейтральным всегда оказывается средний член противопоставления, по отношению к которому крайние члены выступают как стилистически маркированные. Создание нормы при стилистических вариантах и возможно с включением в систему нейтрального «среднего» члена.

Нагляднее всего эту особенность формирования литературной нормы можно наблюдать на изменении однозначных по своему характеру слов, например, наречий. Совмещение разных наречий одного значения в границах складывавшегося эталона требовало известной осмотрительности и художественного такта.

В первоначальном варианте «Жития» (*А*), *зѣло* и *гораздо* употреблены по 20 раз, но с интересным различием в правилах сочетаемости: *зѣло* обычно только в препозиции к краткому прилагательному (*зѣло скорбенъ, зѣло густо, зѣло бысть велика* и др.) с единственным употреблением при глаголе (*зѣло мучалъ*); *гораздо* 10 раз употреблено в постпозиции к прилагательному (*богатъ гораздо, жирны гораздо, велика гораздо* и др.), остальные примеры его употребления связаны с глаголом (в препозиции: *гораздо осердясь, гораздо почитаетъ, гораздо прилежалъ* и др.). Следовательно, синтагматически эти наречия находятся в дополнительном распределении, но только в данном художественном тексте. Уже в варианте В того же «Жития» находим следующие исправления[4] : *пить мнѣ захотѣлось и гораздо от жажды томимъ. . .* 240=*а мнѣ пить зѣло захотѣлось* 59; *травы. . . благовонны гораздо* 235[6]=*зѣло* 55[6]; *три залавка чрез всю реку зѣло круты* 214=*три залавка гораздо круты* 36[6]. В *В* находим также контекст (*рыба) зѣло жирна гораздо* 55[6], которому в более

[3] «Рукописный лексикон первой половины XVIII в.» Подготовка к печати и вступительная статья А. П. Аверьяновой. Л., 1964, стр. 358.

[4] Здесь и ниже в сопоставлениях сначала дается текст А по автографу БАН СССР, собр. Дружинина № 746, а затем авторское исправление по варианту В (автограф из собрания Заволоко в Отделе рукописей «Пушкинского дома»); указаны листы рукописей.

подробном изложении *А* соответствует двойное членение: *а рыбы зѣло густо в немъ, осетры и таймени жирны гораздо* 235⁶. *В*—это контаминация, в которой сошлись оба наречия, как дополняющие друг друга, т. е. не абсолютные с точки зрения автора синонимы.

Синтагматическое распределение *зѣло* и *гораздо* в «Житии» *А* могло быть сознательным действием автора, на самом деле в его речи оба они вполне возможны в соединении с любым предикативом. На это указывают другие тексты Аввакума. В его письмах *зѣло величитъ*, *зѣло гнусно* (ср. даже *зѣло зѣло творятъ* и т. п.); а *гораздо* имеет даже варианты: *гораздо бы изрядно, глупь ведь я горазно, жаль мне ея гораздо*; в «Книге бесед» *зѣло употшивали* и *не любитъ. . . гораздо*, т. е. одинаково при глаголе.

По-видимому, в XVII в. *гораздо* и *зѣло* различались и семантически, ср. исправления самого Аввакума в тексте «Жития» по варианту *В*: *вскричал зѣло громко гораздо* 337=*вскричал зѣло жестоко болно* 101; *лукъ. . . болши романовского. . . и слатокъ зѣло* 235—235⁶=*и слаток добре* 55⁶; ср. совмещение обоих наречий в одном тексте: *привели во свѣтлое мѣсто, зѣло гораздо красно* 78 (вариант *В*) и нек. др. Несмотря на лексическое сходство (общее значение 'очень'), различение *гораздо* и *зѣло* шло еще и по линии стилистической: *гораздо*='больно, много, чересчур, вполне' (стилистически маркировано), *зѣло*='добре, весьма' (и также стилистически окрашено — со стороны высокого стиля). По этой причине *гораздо* и *зѣло* в языке Аввакума — не варианты разных языков, а неполные синонимы литературного языка его времени. Как и во многих других случаях, их совмещение в границах одного литературного языка, несмотря на разное происхождение, обусловлено отсутствием нейтрального «среднего» варианта, не маркированного стилистически ни в каком тексте и вместе с тем семантически общего для обоих наличных вариантов (т. е. в данном случае и *гораздо*, и *зѣло*).

Таким «средним» вариантом могли бы стать многие наречия, в том числе и употребляемые изредка самим Аввакумом. См. в его текстах: *море. . . не болно о том мѣсте широко* («Житие» А), *не болно он боится* («Книга бесед»). Наречие *силно* в данном значении встречено только в «Житии» и только в сочетании со словами категории состояния: *и я радъ силно, жаль мнѣ силно ево*. Недостаток этих наречий — в их семантической многозначности.

«Средним» вариантом могли стать также *добре*, *весьма*, *вельми*, но не стали им из-за своей стилистической ограниченности. На протяжении XVIII в.[5] *добре* встречается лишь в петровское время, *вельми* держится дольше, но к концу XVIII в. и оно дает лишь единичные употребления (Державин, Капнист), *весьма* распространено в течение всего века, чуть заметно сокра-

[5] В изучении материала XVIII в. очень важной для меня оказалась помощь А. А. Алексеева, которому приношу свою благодарность.

щаясь к его концу, но всегда оно стилистически ограничено. Однако к концу XVIII в. *зѣло* и *гораздо* также меняют свои функции. *Зѣло* сохраняет прежнее значение, но становится приметой высокого стиля (употребляется, например, в одах Державина), пересекаясь с *весьма*; ср. упомянутый уже рукописный Лексикон XVIII в., где «*зѣло=весьма, очень*» и контекст из географического описания того же времени: *проливъ въ разныхъ мѣстахъ весьма узокъ и. . . зѣло опасенъ*[6]. *Гораздо* в первой трети XVIII в. не употребляется только авторами — выходцами из Украины, но затем оно выходит из данного ряда, развивая свойственное ему теперь значение (*гораздо*='много', ср. *гораздо умнее=много умнее*).

Причиной всех таких смещений на протяжении XVIII в. явилось включение в систему «среднего» варианта *очень*. У Аввакума этого наречия еще нет, но в демократической литературе конца XVII в. оно уже регистрируется, ср. «Азбуку о голом и небогатом человеке» и «Повесть о Ерше Ершовиче»: *очень* заменяет прежнее *гораздо* с глаголом (*очень одолела, не очень. . . шумите*).

Первоначальный вариант этого, этимологически неясного слова искажен поздними записями, но материал XVIII в. указывает его вполне определенно: *очюнь, очунь*. Именно такое написание находим еще у Ф. Поликарпова, который толкует это наречие как *вельми* и *зѣло* [7], затем у А. Кантемира (1730 г.), неоднократно у В. Тредиаковского (1730 г.), в «Ведомостях» за 1731, 1733, 1735 гг., в Лексиконе 1731 г. (*очюнь=зѣло, весма, велми, черезъ чюръ, по премногу*), но там же уже и в новом написании *очень*, которое сопоставляется с *гораздо* [8]. Со второй трети XVIII в. *очюнь* встречается лишь в комедиях и пародиях, например, в комедии М. Попова «Немой» (1766 г.), в речи действующих лиц, у А. Сумарокова в комедии «Тресотиниус» (1787 г.), где пародируется В. Тредиаковский. Сам В. Тредиаковский в это время даже в баснях употребляет уже только форму *очень* [9]. У всех других авторов (Ломоносов, Княжнин и др.), а также в частной переписке окончательно упрочивается новая форма *очень*. Анонимные произведения начала XVIII в. также дают колебания: *очунь* в «Истории об Александре российском дворянине» и *очень* в «Гистории о Василии Кариотском».

Так на протяжении примерно полувека слово, вошедшее в язык контекстуальным вариантом наречия *гораздо*, постепенно расширяет свои синтагматические функции, все более включая в сферу своего действия остальные наречия

---

[6] С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки. СПб., 1755, т. I, стр. 116.

[7] Ф. Поликарпов. Лексикон треязычный. . . М., 1704, стр. 207.

[8] Э. Вейсман. Немецко-латинский и русский лексикон. СПб., 1731, стр. 220, 221, 317, 384, 574 и др.

[9] В. Тредиаковский. Сочинения, т. I. СПб., 1752, стр. 198, 206, 213 и др.

данного семантического ряда; изменяет форму, тем самым разрывая всякие этимологические и смысловые связи с производящим корнем, и благодаря этому резко отделяется от низкого стиля, становится общим словом, возможным на разных стилистических уровнях языка. Дело не в том, что это наречие смогло так быстро пройти все стадии указанного изменения; дело в том, что система языка к этому времени нуждалась в нем, в стилистически нейтральном и семантически общем слове. И только после включения «среднего» члена в ряд *гораздо — очень — зѣло* состоялся переход *зѣло* на уровень стилистического варианта и семантическое сужение *гораздо*, ограничение контекстов, в которых они могли употребляться.

Возвращаясь к глаголам говорения, на других текстах Аввакума попробуем проследить собственно стилистическую их характеристику в середине XVII в. В «Книге бесед» *глаголать* и *речи* встречаются чаще, нежели *говорить*, а глагол *сказать* вообще не употребляется, глагол *молвить* лишь один раз, по-видимому, случайно, в тексте, требующем низкого стиля (*молвить сором* 292 как вариант обычного *говорить сором* 389 и др.). В некоторых письмах «Переписки» соотношение глаголов больше напоминает положение в «Житии» *А* (*реку*: *глаголю=скажу* : *говорю*), но в целом высокий стиль здесь представлен много шире, чем в «Житии»; это ясно даже из редкости употребления глагола *сказать* (всего 4 раза), которому предпочитается глагол *речи*. Зато низкий стиль дает пару, более выразительную, чем в «Житии»: *молвить — вякать* (не *бесѣдовать*), тогда как в «Житии» употреблено только производное от этого глагола (*вяканья моего*). Конкуренция среди глаголов не высокого стиля еще в самом разгаре. Так, *сказать* и *молвить* еще не всегда пересекаются с *говорить* — это синонимы, а не варианты. Самое же главное заключается в следующем. Один и тот же текст Аввакума может содержать в себе причудливую смесь разностильных фрагментов — и каждый раз определенный стиль обслуживается своим собственным набором лексических единиц. Чтобы убедиться в этом, достаточно прочесть письмо Аввакума к Алексею Копытовскому, в котором воссоздана сложная мозаика стилистических вариаций в зависимости от содержания текста и авторского отношения к высказываемому.

Имея в виду другие тексты Аввакума с принципиально иной стилистической ориентацией и тем самым иную организацию словарного материала, например, высокий стиль в «Книге бесед» и стилистическую неустойчивость в письмах (последнее определяется также адресатом послания), можно определенно говорить, что у Аввакума еще нет жанра со свойственным этому жанру стилем — у него есть контекст, который каждый раз требует своего лексического варианта. Принцип художественной речи Аввакума в целом продолжает древнерусскую традицию с ее безразличием к стилистической цельности

текста, но с чрезвычайным вниманием к каждому отдельному фрагменту, который можно переставить местами или вынести в другой текст, но обязательно в том же самом словесном оформлении.

Иное дело — «Житие». Это явная попытка создать новый литературный язык с присущим жанру стилем. Отсюда строгая законченность системы, описанной выше, которую (вполне возможно) Аввакум прозрел, а не наблюдал в языке своего времени. В последующих переработках текста он все четче передавал свою ориентацию на «средний» в семантическом ряду и стилистически нейтральный глагол. Ср. правку первоначального текста «Жития» *А* по варианту *В*: *и я ему заказалъ, чтоб. . .* 251=*и я. . . сталъ ему говорить* 67; *онъ меня лаетъ, а я ему реклъ. . .* 199[6]=*а я ему говорю* 18; *послѣднее слово ко мнѣ рекли* 255=*со мною говорили* 72; *еще вамъ про невѣжество свое побесѣдую* 267=*скажу* 84[6]; *такъ и ругатца не сталъ* 239[6]=*такъ и говорить пересталъ* 58; *давно ты кричишь* 324=*говоришь* 156; *льстяще глаголют* 320[6]=*говорят* 151[6], и т. д.

Действительно, материалы XVIII в. убедительно показывают, что вплоть до Пушкина ряд *глаголать* : *речи*=*говорить* : *сказать*=*бесѣдовать* : *молвить* сохранялся довольно устойчиво, известную нормативность в плане стилистическом создают только Ломоносов и поэты его времени. Большое количество сопутствующих изменений препятствовало столь быстрому преобразованию этого многозначного ряда, как это мы наблюдали на примере наречий.

Описанные здесь изменения могут служить иллюстрацией этапов последовательного смещения характеристики слова в связи с преобразованием стилистической системы. Эти этапы таковы:

1. Два разных литературных языка с самостоятельными лексическими системами и с автономностью их жанрового использования (этап автономных лексем).

2. Совмещение этих языков на уровне контекста, возможное употребление вариантов разных языков в зависимости от текста, в грамматическом отношении частичное пересечение прежде самостоятельных лексических единиц (*говорить — сказать* наряду с наличием видовых пар типа *говорить — сказывать* — этап стилистического варианта).

3. Интенсивное воздействие со стороны разговорной речи и просторечия, т. е. включение в конкретный семантический ряд третьего члена с образованием нейтрального, стилистически не маркированного звена; на этом переходном этапе происходит всестороннее урегулирование системы, выравнивание всех ее членов по общим признакам.

4. Образуется единый литературный язык с обобщением среднего, в обе стороны стилистически не маркированного члена корреляции (этап синонимов разной степени близости) [10].

[10] См.: В. Колесов. К характеристике стилистического варианта в литературном языке. «Поэтика и стилистика русской литературы». Л., 1971.

ЭКЗОТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА И ИНОЯЗЫЧНЫЕ ВКРАПЛЕНИЯ В СТАРОБЕЛОРУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

А. И. ЖУРАВСКИЙ

На современном этапе одной из важнейших задач белорусской исторической лексикологии является подготовка словаря старобелорусского языка, поскольку словари разного рода вообще остаются наиболее ценными пособиями для плодотворного изучения лексики любого языка.

Работа по составлению словаря старобелорусского языка начата была в секторе истории белорусского языка Института языкознания им. Якуба Коласа Академии наук БССР в 1960 г.[1] В настоящее время завершен первый этап этого значительного для белорусского языкознания начинания — создание картотеки. С 1973 г. начинается непосредственная работа по подготовке словарных статей, редактированию словаря и изданию его отдельными томами или выпусками. Словарь предполагается издать в полном виде к 1985 году.

Источниками словаря послужили все известные и доступные исследователям памятники старинной белорусской письменности в ее трех основных жанрово-стилистических разновидностях: деловая письменность, светская и конфессиональная. Последний разряд памятников составляют разнообразные, преимущественно переводные тексты религиозного содержания, куда входят как канонические библейские книги, так и агиографические, гомилетические, дидактические и другие произведения. По характеру языка к ним примыкают многочисленные хроники, хронографы и другие исторические сочинения, переведенные в большинстве с польского языка. В этих текстах, естественно, в большом количестве встречаются иноязычные лексические средства, связанные с обозначением реалий, понятий и явлений из жизни других, географически отдаленных народов.

При подготовке картотеки все иноязычные слова, в том числе и разного рода hapax legomena, выписывались из памятников, ибо выборщики руководствовались указанием, что вопрос о включении в словарь иноязычных слов будет решаться в каждом конкретном случае на втором этапе работы над словарем.

Предварительное ознакомление с реестром будущего словаря показывает, что составителям предстоит еще проделать большую работу по оценке представленных в картотеке иноязычных слов и отбору из их числа тех, которые должны быть включенными в словарь, с одной стороны, или же элиминированы из картотеки — с другой.

---

[1] См. А. И. Журавский. О подготовке словаря старого белорусского языка. — ВЯ, 1963, № 4.

Современные исследователи в лексическом составе литературных языков выделяют три типа иноязычных слов: заимствованные слова, экзотическая лексика и иноязычные вкрапления [2].

Вопрос о целесообразности включения в словарь иноязычной лексики указанных трех типов может решаться по-разному. Больше всего оснований быть помещенными в словаре имеют заимствования, которые в старобелорусском языке наряду с исконно белорусской лексикой выполняли определенную коммуникативную или номинативную функцию и полностью адаптировались в фонетическом, морфологическом и семантическом отношениях [3].

В отличие от этого экзотическая лексика и иноязычные вкрапления старобелорусской письменности не были связаны с обозначением конкретных предметов и понятий из жизни белорусского народа, но они служили средством ознакомления белорусских читателей с реалиями и понятиями других народов или их языками.

Экзотическую лексику целесообразно включать в словарь старобелорусского языка, поскольку она содействовала повышению образовательного уровня тогдашних читателей, пополняла их знания представлениями о предметах и понятиях из жизни других народов и в определенных ситуациях использовалась белорусами в речевом общении. О целесообразности включения таких слов в словарь свидетельствует и тот факт, что большая часть их фиксируется словарями современных литературных языков, в том числе и белорусского.

В семантическом отношении экзотическая лексика, представленная в памятниках старобелорусской письменности, весьма разнообразная. Условно ее можно поделить на следующие предметно-тематические разряды:

а) Названия лиц по роду занятий, профессии, мировоззрению, социальному положению, отношению к научным направлениям или религиозным течениям и сектам: *адамитъ*, *амазонитъ*, *аполинаристъ*, *ареопагитъ*, *аркгонавтъ*, *баша*, *бекгъ*, *буркграбя*, *дервишъ*, *деспотъ*, *донатистъ*, *есаулъ*, *калвинистъ*, *карачъ*, *консулъ*, *локгофетъ*, *лютеръ*, *матрона*, *молла*, *монтанистъ*, *мурза*, *патронъ*, *сандчакъ*, *сатрапъ*, *сейтъ*, *сенаторъ*, *султанъ*, *трибунъ*, *уланъ*, *чабанъ*, *яничаръ* и т. п.

б) Названия растений разных географических районов земного шара: *алоесъ*, *дактиль*, *камфоръ*, *кассия*, *кгалганъ*, *кедръ*, *кипарисъ*, *кордымония*, *кориандръ*, *лабруска*, *люкреция*, *мандрагора*, *микгдалъ*, *мушкатъ*, *палма*, *пастернакъ*, *пепръ*, *пижмо*, *сетимъ*, *сикомеръ*, *теребинтъ*, *фикга*, *цетваръ*, *шафранъ*, *шпиканадръ*.

---

[2] Л. П. Крысин. Иноязычные слова в современном русском языке. М., 1968, стр. 43.

[3] Относительно полное представление о заимствованиях старобелорусского языка дает недавно изданный А. Н. Булыко словарь «Даўнія запазычанні беларускай мовы» (Минск, 1972).

в) Названия животных, птиц, насекомых и других живых существ, реальных и мифических: *акрида*, *аспидъ*, *базилискъ*, *бахматъ*, *бедевей*, *дромедаръ*, *елефантъ*, *иппотамъ*, *кгрифъ*, *китъ*, *коркодилъ*, *кошоданъ*, *левартъ*, *леопардъ*, *мулъ*, *пеликанъ*, *саляманда*, *хамелеонъ*, *хирогриль*.

г) Названия иноземных учреждений, построек, материалов, изделий и специфических предметов культуры: *алкоранъ*, *ареопагъ*, *асписъ*, *байрамъ*, *балсамъ*, *виссонъ*, *гимнъ*, *гиацинтъ*, *ефудъ*, *иподромъ*, *исопъ*, *катарга*, *лябиринтъ*, *марморъ*, *мечеть*, *сафаръ*, *сенедримъ*, *стакта*, *талмутъ*, *трибусъ*, *улусъ*, *юртъ*.

д) Названия метрических, весовых и денежных единиц других народов: *антелокгъ*, *брактъ*, *вердункъ*, *галеръ*, *гинъ*, *гоморъ*, *динаръ*, *драхма*, *дрилинкъ*, *ефа*, *кентинаръ*, *кодрантъ*, *конаръ*, *либра*, *маца*, *моркгъ*, *ортъ*, *пундель*, *секстарий*, *сикль*, *статиръ*, *талеръ*, *тынфъ*, *фодръ*.

Надо иметь в виду, что не всегда представляется возможным провести четкую грань между экзотической лексикой и заимствованиями в силу того, что экзотизмы нередко переходят в заимствования, и это явление имеет место и в современных языках [4]. Из старинных названий разнообразных драгоценных камней и минералов типа *аберилюсъ*, *вирилионъ*, *карванкулъ*, *лигирионъ*, *лигургъ*, *онихисъ*, *рубинъ*, *туркусъ*, *унионъ*, *хризолитъ*, *шапфиръ*, и *шмарагдъ* большая часть для древнего читателя оставалась экзотизмами, поскольку он об этих предметах имел лишь книжное, а не реальное, визуальное представление. Но названия типа *рубинъ*, *туркусъ*, *шапфиръ*, обозначая конкретные драгоценности, которые использовались аристократическими слоями белорусского населения, выступали уже заимствованиями. Подобным же образом названия старинных привозных заграничных вин типа *агрестъ*, *аляканъ*, *декоктъ*, *кестранкъ*, *малегранатъ*, *малмазия*, *мушкатела*, *петерцыментъ* на правах экзотизмов бытовали первоначально лишь в речи купцов, знакомящихся с указанными марками вин при заграничных торговых сделках. Но эти же самые названия выступали уже заимствованиями в речи тех представителей местного белорусского населения, которые являлись непосредственными потребителями перечисленных привозных напитков.

Однако следует заметить, что вопрос о разграничении заимствований и экзотизмов имеет значение в первую очередь для теоретической лексикологии, а не для практической лексикографии, поскольку оба эти разряда иноязычных слов должны помещаться в словаре старобелорусского языка.

По-иному решается вопрос о включении в словарь иноязычных вкраплений. Принципиальное различие между экзотизмами и вкраплениями заключается, как можно считать, в их неодинако-

[4] См. А. Е. Супрун. Экзотическая лексика. «Научные доклады высшей школы. Филологические науки», 1958, № 2, стр. 52.

вом отношении к понятиям и языку. Экзотизмы хотя и представляют собой элементы иностранных языков, но имеют целью познакомить читателя не с иностранным языком, а с новыми предметами, явлениями и понятиями. Иноязычные же вкрапления в большинстве своем имеют адекватные соответствия в языке-заимствователе, сохранение их в переводных текстах мотивируется различными соображениями филологического порядка. Вкрапления отражают главным образом отношение к иностранному языку. Они свидетельствуют не только о превосходном владении пишущим иностранным языком, но и его сознательном стремлении познакомить читателя с элементами чужого языка, распространить свои знания на читателей. В этом смысле вкрапления в какой-то мере выполняют роль переводного словаря, тогда как экзотизмы по своей стилистической функции сближаются с вокабулами энциклопедических пособий.

Из этого основного различия вытекает и неодинаковое отношение лексикографов к экзотизмам и иноязычным вкраплениям: вкрапления как факты иностранных языков не следует помещать в словаре старобелорусского языка, тогда как экзотизмы должны отражаться в нем.

Необходимость разграничения этих разрядов иноязычной лексики требует разработки критериев, по которым можно было бы отличать экзотизмы от иноязычных вкраплений. В некоторых памятниках старобелорусской письменности иноязычные вкрапления вообще сохраняются в графической оболочке языков-источников и характеризуются несвойственными для белорусского языка морфологическими показателями. В этом отношении заметно выделяется белорусский рукописный памятник середины XVII в. под названием «Выкладъ мѣсцъ трꙋднѣйшихъ», представляющий пояснение трудных для понимания мест в библейских книгах. Здесь помещены многочисленные филологические комментарии к собственным именам, географическим названиям и словам, обозначающим реалии и понятия из жизни населения ближневосточных стран. Автор сочинения пользовался древнееврейским, греческим и латинским текстами библии, он широко использует соответственно древнееврейские, греческие и латинские слова большей частью в их оригинальной графической оболочке. Такие иноязычные вкрапления обыкновенно сопровождаются пометами, указывающими их языковую принадлежность. При этом древнееврейские слова почти всегда приводятся параллельно в транскрипции латинскими буквами, а иногда и кириллицей. Греческие слова, в свою очередь, иногда также транслитерируются в латинское письмо. Наличие почти всегда при таких словах белорусского лексического эквивалента, поясняющего иноязычное слово, свидетельствует, что последнее выступает вкраплением, а не экзотизмом: то имѧ LXX тлꙋмачов всюды словом Κύριος, Heronim S. словомъ Dominus, а жиды словом Адонай (што все пана значит) вымовлꙗютъ (4 б); слово жидовское Sachah, которое по латине пре-

кладаютъ Adoro, значитъ ѹчтивостъ звѣрхнѹю (19 б); што жидове зовутъ дѹдаимъ, то грецы и латинницы мандрагорас, ѹ нас то нѣкотории зовѹтъ покрикомъ (22); мсцъ... тотъ былъ марецъ, которыи по халдейскѹ зовѹтъ нисанъ (35); тое ж мѣсце зоветъ oraculum, штосмы преложили вырочницицею (43); жидовское слово... Азамъ, а латинское деликтумъ, по нашомѹ выстѹпокъ тожъ значитъ посполите, што и пеккатумъ албо грѣхъ (50); тыи книги грекове αριθμους, латиници Numeros, то естъ личбы зовѹтъ (52 б); слово жидовское... Негетъ греци прекладаютъ Anathema, по нашомѹ проклѧцтво (55); значитъ тое слово белиѧль напродъ дїабла, который напервей скинѹлъ ѧрмо (69); по латине Anguli, а по жидовскѹ... penuth зовѹтъ башты которїи при ѹглѣхъ мѹрѹ бываютъ бѹдованыи (69 б); пишѹчи ѡ захарїи зоветъ то εφημερια ordo vicis то есть порѧдокъ на перемѣны (84—84 б); по латине маемъ in cathedra pestilentiae, на столицы заразливости (102 б); дрѹгїи слово жидовское... Morach страхъ або боѧзнь прекладаютъ (110); ани... Nephes слово жидовское, ани ψυχη грецкое, ани Anima латинское не значитъ ничого иншого едно дшѹ (112); слово грецкое ευπαθοντες што латинский преложилъ ad verbum: bene patientes значитъ по грецкѹ добре здоровы (138 б).

В данном памятнике широко употребляются заимствованные филологические термины типа *анноташия*, *вѣршъ*, *гебраисмъ*, *екземпляръ*, *ѡбецадло*, *сенсъ*, *текстъ*, которые передаются кириллическими буквами и свободно включаются в парадигму белорусского именного склонения, что показывает полное усвоение их белорусским языком. Однако более узкие научные термины выступают еще в качестве иноязычных вкраплений, о чем свидетельствует их оригинальная графическая оболочка и иноязычный грамматический облик: в томъ вѣршу маемъ чотыри їмена бжїи, с которыхъ едно естъ ѧкобы власное..., а дрѹгїи три appellativa (113); в жидовскомъ не стоитъ in plurali сѹтъ вывышены, але in singulari естъ вывышшоный (123); в... elohim першаѧ литера... значитъ nominativim casum emphatici ѧко инде часто (123); чѣпокъ золотыи естъ блонка ѡкриваючаѧ мозкъ, названа Piamater (101 б).

Вкрапления такого рода широко употребляются и в других памятниках старобелорусской письменности: соутъ оу нихъ домы ѡпришне ихъ же тамо алхамъ зовѹть (Волх. 48 б); Книга... рекомаѧ евреискимъ ѧзыкомъ сира сиримъ, а по латине кантикумъ кантикорумъ (Скор. ПП, 11 б); инѧвшї за рѹкѹ девкѹ мовїлъ ей, талїфакѹмъ, што есть выкладаючї, девко, тобе мовлю, въстань (Тяп. 50); тое слово принцепсъ частокроть в латинскомъ ѧзыкѹ началника... значитъ (Апокр. 103 б); немочю, которѹю антраѯъ греки зовѹтъ, захорал (Бельск. 354 б); з каждог ѡдног слова семдесѧт слов повстало, то естъ лехемъ хлѣбъ по жидовскѹ, кождый иначей своимъ ѧзыкомъ мѧновалъ, сирѧне лѧгма, грекове артонъ, нѣмцы бротъ, словѧне хлѣбъ (там же, 11 б); войнѹ... ѡправовати звыкли, на которѹю ѡдны ѧкъ Агамемнонъ, apertomarte, ѡтвористе и щире

выправитисѧ, дрꙋгїи neutraliter ни сѧкъ ни так (Мак. 3); люд закричалъ кирие елейсон то естъ гсди помилуй (Сб. 752, 412).

Однако в художественных или исторических сочинениях иноязычные вкрапления передаются в большинстве графическими средствами белорусского языка, поэтому графическая оболочка таких вкраплений не может служить основным критерием для разграничения заимствований и экзотизмов, с одной стороны, и вкраплений — с другой.

Для решения вопроса о том, экзотизмом или вкраплением является то или иное слово, большее значение имеет общий контекст высказывания, в котором благодаря специальному словному окружению чужеродность данного слова ощущается заметно. В старобелорусских текстах вкрапление обычно сопровождается, во-первых, указанием на язык, в котором оно употребляется (*по влоску, по грецку, по египетску, по июдейску, по латинску, по литовску, по немецку, по польску* и т. п.), во-вторых, при нем почти всегда помещается белорусский семантический эквивалент.

Лексикографическую трудность представляют случаи, когда одно и то же слово в одном памятнике выступает как экзотизм или заимствование, в другом — как вкрапление. В контексте «по жидовск ест песах, што тлꙋмачи зовꙋтъ фасе, по халдеиск песха, а грецы и латинници мовят пасха, што по нашому власне значит престье» (Выкл. 35 б) слово *пасха* определяется как вкрапление, но в других памятниках оно фиксируется как заимствование. В контексте «ресин едни выкладают живиц, дрꙋгїи балсам або дрѧква, стакт розмѣют мирр або мастик» (там же, 24) слова *ресина* и *стакта* воспринимаются как вкрапления, а их пояснительные эквиваленты *балсамъ, дрѧква, мирра* и *мастика* — как заимствования, между тем первые два слова другими памятниками свидетельствуются также как заимствования.

Белорусские письменные памятники дают многочисленные примеры превращения иноязычных вкраплений в экзотизмы и заимствования. Иллюстрацией такого превращения может служить история слова *адаръ* «один из месяцев еврейского календаря, соответствующий марту». Впервые его употребил белорусский первопечатник Ф. Скорина в изданной им в 1517—1519 гг. библии: тогда выналъсѧ ест месець дванадесѧтый зовемый евреи адаръ, еже естъ мартъ (Скор. КЕ, 8). Сопровождение этого слова пояснением *мартъ* и указание народа, который его употребляет, свидетельствует, что в данном случае несомненное вкрапление. Однако в религиозных текстах позднейшего времени указанное слово уже употребляется без пояснений, из чего можно сделать вывод, что оно уже было понятно широкому кругу читателей: назначон есть по всихъ земл҃ахъ ѡдин день помсты, то есть тринадцатый мсца двенадцатого адаръ (Библ. 583); минула зима и холодныи дни, а надшол мц҃ъ адар (Бельск. 227). Подобную же историю в старобелорусском языке имеет и латинизм *люпусъ* «вълк». В белорусской письменности начала XVII в. он употреб-

дяется еще со всеми признаками вкрапления: принеслъ до жоны своеи, которꙋю звано люпꙋс, то *ест* волчицею (по латине бовѣм волчицꙋ зовут люпꙋс) (Бельск. 144б) Но позднейшее употребление этого же слова известным белорусским полемистом А. Филипповичем показывает, что оно в качестве бранного уже вошло в обиход некоторой части населения, хорошо знакомой с латинским языком: на кождомъ мѣстцꙋ в дворах и в судах ꙋрꙋгаютсѧ з нас и гучатъ на нас, гꙋгꙋ, рꙋсин, люпꙋс, релїа, господи помилуй, схизматик, туркогречин, ѡдщепенец (Диар. 162 б).

Наличие в картотеке словаря старобелорусского языка такого разнообразного по степени усвояемости иноязычного лексического материала создает дополнительную лексикографическую проблему, успешное решение которой будет во многом зависеть от лексикологической квалификации составителей словаря, от степени их знакомства с общими закономерностями развития и способами пополнения лексического состава языка старобелорусской письменности. Для составителей словаря особенно ценным оказывается опыт польских лексикографов, которым также приходится сталкиваться с аналогичной проблемой. Составители словаря польского языка XVI в. выявленные в письменных источниках единичные греческие, латинские, древнееврейские и другие восточные слова включают в словарь, когда они соответствуют одному из следующих условий: если слово является названием реалии, свойственной данной культуре, если оно функционирует в принятой специальной терминологии, если материал подтверждает приспособление слова к польской фонетической или грамматической системе и если данное слово было усвоено польским языком позже [5].

---

[5] Słownik polszczyzny XVI wieku. Tom 1. A—Bany. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1966, стр. XXVI.

О ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ ЭЛЕМЕНТАХ В РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ XVIII в.

Г. ХЮТЛЬ-ВОРТ

Темой настоящей статьи являются некоторые малоисследованные тенденции языкового развития в тот решающий период, когда закладывались основы современного русского языка. В ней не рассматриваются такие очевидные формы западного влияния на русский язык, как приток иноязычных слов в петровскую эпоху.

В послепетровскую эпоху бóльшая часть русских писателей, переводчиков и ученых следовала западным образцам, сознательно или бессознательно, открыто признавая или даже отрицая это. Совершенно очевидно, что степень зависимости от этих образцов значительно изменялась от автора к автору и определялась следующими факторами: в какой период XVIII в. жил данный автор, его социальным происхождением, уровнем и видом его образования, жил ли он за границей и насколько хорошо был знаком с западноевропейскими языками и культурой. Имело значение также и то обстоятельство, в каких жанрах писал автор, и была ли интенсивной его переводческая деятельность. В последнем случае воздействие иноязычного источника является наиболее очевидным. К сожалению, сравнение западных подлинников с их русскими переводами почти не проводилось.

Основным образцом для русского языка с середины XVIII в. был французский язык. Влияние латинского и немецкого языков в это время было значительно слабее. Французское влияние на русский язык затрагивало все лингвистические уровни и имело место значительно раньше, чем принято считать. Это объясняется разными причинами. Прежде всего, галлицизмы в синтаксисе и семантике не были так заметны, как прямые лексические заимствования. Далее, эти заимствования употреблялись вместе с традиционными и даже архаическими элементами. В языке 60-х годов XVIII в. мы все еще сталкиваемся с многочисленными архаическими союзами и предлогами, которые исчезли к концу столетия: *ежели*, *тако*, *яко*, *паче*, *колико* или *по*+местный падеж в значении 'после' и архаические обороты речи с временным значением *по утру*, *той ночи*, *того ж мгновения ока* 'в тот момент' [1]. Существенно подчеркнуть, что порядок слов в предложении в этот период еще не был затронут влиянием французского языка. Ср. типичный пример из «Велисария»:

1 2 3 4 5 6
«je vais mourir dans ses bras» (13) — «в 4 5 2 их иду
1 3 6
я умереть объятиях» (22). Указанное смешение старого и нового скрывало от исследователей тот факт, что процесс европеизации русского литературного языка осуществлялся быстрыми темпами уже в середине XVIII в. Появление и усвоение галлицизмов было,

---

[1] Примеры, цитируемые в данной статье, заимствованы из перевода П. П. Курбатова: «Велисарий, сочинение Г. Мармонтеля академика французского. С Амстердамского 1767 года издания переведено в Москве в том же году» [СПб.], 1769. Этот перевод был сравнен с французским оригиналом: J. F. Marmontel. «Bélisaire (Oeuvres Complètes de Marmontel, de l'Académie française», VII. Paris, 1819).

Анализ текста и сличение с французским оригиналом «Велисария» было сделано на семинаре в Калифорнийском университете в Лос-Анжелесе в 1971 г. Более подробное изложение результатов этого анализа находится в печати: On French and the emergence of early modern Russian. «Festschrift for E. Pauliny». Bratislava).

по-видимому, частично бессознательным процессом, естественным следствием двуязычия аристократического общества. Лишь узкий круг образованных русских людей соприкасался с французской литературой в широком смысле: они говорили по-французски, постоянно читали французские книги, занимались переводческой деятельностью. Поэтому некоторые типы галлицизмов могли проникнуть в книжный русский литературный язык из разговорной речи. Это доказывает с достаточной убедительностью полемика русских писателей, упрекавших один другого в злоупотреблении галлицизмами. Наглядной иллюстрацией может служить критика В. К. Тредиаковским А. П. Сумарокова. Последний использовал в 1747 г. в «Гамлете» *тронуть* в значении французского toucher: «*Тронуть его*, вместо *привести в жалость*, за французское toucher столь странно и смешно, что невозможно словом изобразить» [2]. Из полемического ответа А. П. Сумарокова видно, что указанное семантическое заимствование получило широкое распространение в разговорном языке того времени: «*Тронуть сердце*, вместо *привесть в жалость*, говорит весь свет, так для чего таких мне слов не употреблять, которых знаменование все люди знают и которые все употребляют» [3]. Одни писатели обвиняли других в использовании галлицизмов и не замечали своих собственных. Так случилось и с В. К. Тредиаковским, который ввел в употребление значительно больше галлицизмов, чем критикуемый им А. П. Сумароков [4].

Через разговорный язык, на наш взгляд, в русский литературный язык проникали следующие типы галлицизмов: 1) семантические заимствования, 2) фразеологические выражения, 3) некоторые типы синтаксических конструкций. Первая группа заимствований включает слова, которые, являясь точными смысловыми эквивалентами французских слов в их основном значении, перенимали от последних их вторичные, обычно образные значения. Например, *живой*, основным значением которого является 'живой' стало использоваться и в значении 'оживленный, выразительный, быстрый' в соответствии с французским vif 'живой' и 'оживленный, выразительный, быстрый'. Нижеследующие примеры заимствованы из «Велисария»[5]: «*поле* к обсуждениям пространное» (2) — «un *champ* vaste pour la censure» (2), «почувствовал проницаема стыдом и *угрызениями*» (78) — «fut pénétré de honte et de *remords*» (46); «такой *холодной* прием» (52) — «ce *froid*

[2] Цит. по: В. В. Виноградов. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. М., 1938, стр. 155.

[3] А. П. Сумароков. Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе. . ., ч. X. М., 1787, стр. 98.

[4] G. Hüttl-Worth. Die Bereicherung des russischen Wortschatzes im XVIII Jahrhundert. Wien, 1956, стр. 23, 36.

[5] Русские тексты при цитировании даются в упрощенной орфографии: ъ на конце слов опускается, ѣ заменяется *е*, і — *и*. Цифры в круглых скобках, следующие за цитатами, указывают страницу изданий, перечисленных в примечании 1.

accueil» (31); «где *плавал* в радостных роскоши и нежности объятиях» (18) — «où je *nageais* dans les délices, des bras du luxe et de la molesse» (18).

С той же легкостью заимствовались из французского языка целые выражения: ласкаться надеждою — se flatter d'un espoir; ср. «*надежда* . . . их *обманывает*» (59) — «leur *espérance* est *trompée*» (35); «*зделать честь*» (80) — «*faire* honneur» (47); «он и *слово* свое *содержал*» (16) — «il a *tenu parole*» (10). Подобным же образом, под непосредственным влиянием французского языка, получили широкое распространение некоторые типы инфинитивных конструкций. Ср. «Приезжайте меня *посещать*» (73) — «venez me *voir*» (43); «Я желаю *быть* наедине сам с собою» (72—73) — «je désire d' *être* seul avec moi-même» (42); «приехал он ему *представить* свои услуги» (61) — «il venait lui *offrir* les services» (36); «удостоил *принять* наши дары» (10) — «pour daigner *accepter* nos dons» (6).

Имеется еще один аргумент в пользу предположения, что подобные заимствования уже прочно укоренились в разговорном языке. В переводах 60-х годов XVIII в. появляются многочисленные семантические, фразеологические и в меньшей степени синтаксические галлицизмы, которые не имеют точного соответствия во французском оригинале. Мы встречаем в переводах 60-х годов: *находиться* часто не в соответствии с ожидаемым se trouver, *трогательный* не только на месте touchant, но и на месте attendri, *дух* соотносится не только с esprit, *обожаемый* с idolatré, но соответствует также adoré, *в таковых случаях* (62) передает dans ces moments, а не ожидаемое dans ces cas и т. д. Это явление, однако, ставит перед исследователем некоторые сложные вопросы относительно заимствований в предшествующие эпохи. На протяжении многих столетий сосуществующие русский и церковнославянский языки и различные народные стили подвергались последовательному влиянию многих европейских языков: эллинистического греческого, латинского, немецкого, а также и соседних славянских языков (польского, украинского, белорусского). Последние сначала выступали в качестве языков-посредников. Таким образом, современный русский язык на раннем этапе его развития уже имел крайне богатую систему вторичных лексических значений и выражений. Жаль только, что с точки зрения происхождения эти явления еще не исследованы и, вероятно, не будут исследованы, так как исторические и этимологические словари русского языка данной проблеме вообще не уделяют никакого внимания, в то время как неологизмы и заимствования зарегистрированы, хотя бы частично. За последние годы появилось два обширных исследования о словосочетаниях в конце XVII и XVIII вв. (по моим сведениям, подобных научных исследований по семантической эволюции словарного состава не существует). А. Ф. Демьяненко обсуждает проблему словосочетания в современном языкознании и классифицирует свой материал в синтаксические подклассы. В работе приводятся статистические

данные о встречаемости разных типов словосочетаний в произведениях различных жанров [6]. Вопрос об источниках этих словосочетаний остается за рамками исследования. Во второй работе, В. М. Филипповой, интересующая нас проблема сознательно исключается из поля зрения автора: «В работе не ставится задача определить и классифицировать рассматриваемые устойчивые соединения по их происхождению. Однако общеизвестно, что в общей массе глагольно-именных описательных оборотов в XVIII в., особенно в середине его, значительное место занимали конструкции, возникшие под влиянием французского языка. Преимущественно это сочетания, построенные *по модели, уже существовавшей в русском языке* (подчеркнуто мною. — *Г. Х.-В.*), но с таким лексическим наполнением, которое не было свойственно русскому языку» [7]. Итак, состояние данной проблемы в двух словах: тот факт, что французский язык послужил источником определенных сочетаний слов в современном русском языке на раннем этапе его развития, является общепризнанным, однако содержание этого процесса остается не выясненным. Какие выражения в действительности восходят к французскому языку? Каково их приблизительное количество? Когда они появились? Более существенным является вопрос: изменило ли воздействие французского языка синтаксическую структуру русских словосочетаний? Если да, то какие новые типы словосочетаний возникли? Я полностью согласна с В. М. Филипповой, что новые словосочетания в современном русском языке на раннем этапе его развития строились по уже существовавшим моделям, так как французский язык был, очевидно, самой последней (хотя и наиболее сильной) «прививкой» к раннему современному русскому языку. Очень жаль, что автор, который имел доступ к картотекам всех исторических словарей, готовящихся к изданию в Советском Союзе, не дал нам больше материалов о происхождении сотен словосочетаний, которые в работе описываются. Установление времени, когда каждое из этих словосочетаний впервые зарегистрировано, и жанров или типов текстов, в которых оно встретилось, могло бы дать ценные указания на их источник (и на пути их проникновения в русский язык). Особенно, если принять во внимание, что исследуемый автором исторический период (конец XVII в.—начало XVIII в. и далее вплоть до конца XIX в.) охватывает несколько различных эпох, в которые интенсивность различных иностранных влияний значительно изменялась. По нашему мнению, могут быть намечены приблизительно четыре эпохи в развитии русского языка в XVIII в. (упоминаются только

---

[6] А. Ф. Демьяненко. Типы словосочетаний в русской письменности конца XVII—начала XVIII в. Киев, 1967.

[7] В. М. Филиппова. Развитие глагольной фразеологии в русском литературном языке XVIII в. (устойчивые глагольно-именные сочетания). «Русская литературная речь в XVIII веке». М., 1968, стр. 7.

критерии, относящиеся к нашей теме): (1) допетровская эпоха, для нее характерно отсутствие прямого французского влияния, большая вероятность польского, белорусско-украинского посредничества для западноевропейского (также латинского) влияния; (2) петровская эпоха: конкуренция прямых западноевропейских влияний (в частности, немецкого) с опосредованным воздействием через другие славянские языки; (3) 30—40-е годы: определяющим, по-видимому, является немецкое влияние; (4) с 40-х годов: прямое французское влияние становится доминирующим. В отношении к нашему предмету это означает, что словосочетания (и семантические заимствования), засвидетельствованные в период (1), не были заимствованы непосредственно из французского языка; в период (2) — по всей вероятности, — нет; в период (3) — они, вероятно, представляют собой германизмы или, возможно, заимствованы через посредство немецкого языка; в период (4) французский язык становится постепенно основным источником семантического и фразеологического заимствования.

В процессе анализа одной группы конкретных примеров, а именно словосочетаний с глаголом *иметь*, попытаемся продемонстрировать сложность встающих перед исследователем проблем, обусловленных взаимопроникающими и наслоившимися друг на друга иностранными влияниями. В современном русском языке на раннем этапе его развития широко использовалось несколько типов этих словосочетаний. В упоминавшемся выше переводе «Велисария» встречаются следующие типы:

(1) Словосочетания со значением обладания (часто), напр., «*имею* жену и детей» (44) — «j' *ai* une femme et des enfants» (27); «я *имел* двух сыновей» (42) — «s' *avais* deux fils» (25); «что не *имеют* друзей» (90) — «qu' il n'*ont* point d'amis» (52); «я ничего. . . не *имею* собственнаго» (99) — Je n'*ai* plus rien en propre» (58);

(2). Словосочетания с прямым дополнением, выраженным абстрактным существительным:

а) Русское выражение является точной копией французского (avoir + эквивалентное абстрактное имя существительное): «какие *виды* об вас *имеет*» (74); — «quelles *vues* il *a* sur vous» (43); «не *имеет* воли» (98) — «n'*avoir* plus de *volonté*» (57); «семейство твое *имеет* в тебе *нужду*» (49) — «ta famille *a besoin* de toi» (29); «такое обманчивое привидение. . . может *иметь* свою *пользу*» (92) — Cette illusion même *a* son *utilité* (53), «я в себе *покою* не *имею*» (71) «Je n'*ai* pas eu de *paix* avec moi-même» (42); «Я тебе дал ли то *право*, котораго я сам не *имею*?» (46) «Est-ce moi qui te l'*ai* donné ce *droit* que je n'ai pas moi-même?» (27); «какое *почтение* сам он *имел* к тому нещастию!» (17) — «quels *respects* il *eu* lui-même pour mon malheur» (11); «Мудрость. . . *имеет* некоторые *успехи*» (123) — «Une prudence . . . *a*. . . quelques *succès*» (72); «столько *труда имеет*» (98) «*a* tant de *peine*» (57); «ты по меньшей мере то *утешение имеешь*» (55) — «tu *as* du moins la *consolation*» (32); «*имел щастие*» (40) — «il *a eu* le *bonheur*» (30) и другие.

б) Русское выражение не является буквальным переводом французского, оно представляет собой свободный перевод: «Вы чаете. . . что *имеете причину* жаловаться» (3) — «Vous croyez *avoir à* vous plaindre» (2); аналогично: «государство не *имелоб причины* жаловаться» (82) — «l' État n'*aurait* pas *à* se plaindre» (48); «*иметь* между собою сообщение» (73) — «de *communiquer* ensemble» (42); аналогично: «с людьми престал *иметь* обхождение» (79) — «j'*ai* si peu *communiqué* avec des hommes» (47); «Единственное *прибежище* они *имеют* к войне» (34) — «Leur seule resource *est* la guerre» (20); «Он во всем *имеет недостаток*» (39) — «il manque de tout» (24); «ни на минуту *времени* не *имею*» (53) — «je n' *ai* pas un *moment* à perdre» (31); «*Храбрость иметь* конечно надобно» (88) — «du *courage il* en *faut* sans doute» (51); «я ни о чем *известия* не *имею*» (14) — «je n'entends parler de rien» (9).

(3). Словосочетания с инфинитивом:

а) «Он еще имеет *ожидать* от него неблагодарности» (5) — «Il *doit* même s'*attendre* à la trouver ingrate» (3); «которой ничего больше ни *уповать*, ни *бояться* не *имеет*» (34) — «qui n'espère et qui ne craint plus rien» (20); «правосудие есть основание. . . благодарность *имеет быть* ея душа» (122) — «la justice est la base. . . la reconnaissance en *est* l'ame (71); «их своеволие есть закон, которому все *имеет быть* покоренно» (128) — «leur caprices sont des lois sous lesquelles tout *doit* fléchir» (74).

В этих примерах *иметь* + инфинитив имеет модальное значение. Совершенно очевидно, что использование этих конструкций не связано со специфической французской моделью. Конструкция, аналогичная русской, существует также в немецком языке (haben + zu + инфинитив, ср. ниже) с тем же модальным значением, ср. первый пример: «Er *hat* noch von ihm Undankbarkeit *zu erwarten*». Однако в «Велисарии» найден один пример, в котором русская и французская конструкции идентичны: «Я *имею* нечто вам *донесть* наедине» (44) — «j'*ai* à vous *parler* sans témoin» (26).

б) Французская конструкция n'avoir pas de quoi + инфинитив передается конструкцией *не иметь чем* + инфинитив: «вы не *имеете, чем подкреплять* имя ваше» (85) «vous *n'avez pas de quoi soutenir* votre nom» (50); «я *имею чем дойти* до моего убежища» (41) — «s' *ai de quoi* me *conduire* jusqu' à mon asyle» (25).

При решении вопроса, какие из перечисленных конструкций и процитированных словосочетаний восходят непосредственно к французскому языку и заимствованы именно в 60-е годы XVIII в. (а не раньше), сталкиваемся с серьезными трудностями, так как конструкции, организуемые глаголом *иметь*, в течение ряда столетий подвергались различным иностранным влияниям. Краткий очерк истории их проникновения в русский язык дает А. В. Исаченко [8]. Все упомянутые конструкции, за исключением (3б),

[8] A. V. Isačenko. On 'Have' and 'Be' Languages. (A Typological Sketch).

засвидетельствованы в раннем церковнославянском языке и являются копиями греческих выражений. В летописях *имети* встречается только в сочетаниях с абстрактными именами существительными. В XVII в. *иметь* 'обладать, иметь' засвидетельствовано в «Житии Аввакума» и в первых драмах [9]. В драмах *иметь* встречается также в модальном значении (чередуясь с *имамь*), которое, по мнению А. В. Исаченко, является полонизмом, однако же вполне может восходить к немецкой конструкции zu tun haben (? < франц. avoir à faire; ср. также латинскую конструкцию с habere, habeo dicendum 'я должен сказать'). Как говорилось выше, в церковнославянском языке конструкция *имети* + инфинитив была буквальным переводом греческой модальной конструкции). В петровскую эпоху *иметь* 'обладать' уже укоренилось в русском языке, оно широко используется в «Географии, или кратком земнаго круга описании» (М., 1710) [10], в разных конструкциях зарегистрировано также в словаре Вейсманна [11].

Совершенно очевидно, что полная адаптация *иметь* в сочетаниях с абстрактными существительными в значении 'иметь', а также и в модальном значении, предшествовала раннему современному русскому языку (середина XVIII в.), была унаследована от предыдущих эпох.

Под прямым влиянием французского языка уже существующие модели лишь получили новое лексическое наполнение: в качестве прямого дополнения при глаголе стали употребляться иные отвлеченные имена существительные (также в форме мн. числа). Ниже перечисляются выражения группы (1), которые по всей вероятности могут быть рассматриваемы как такого рода галлицизмы: *иметь виды*, *почтение*, *успехи*, *утешение*. В качестве курьеза отметим тот факт, что по крайней мере одно из выражений, повсеместно рассматриваемых как галлицизм, существовало с давних времен — *иметь честь*. *Имети чьсть* встречается в Ефремовской кормчей (около 1100 г.) и является буквальным переводом греческого ἔ′χειν τιμήν [12]. Очевидно, не существует связи между указанным употреблением и аналогичным выражением XVIII в., когда *иметь честь*, *иметь честь с кем* получили широкое распространение как недавно усвоенная формула европейской вежливости.

Имеется и другая трудная проблема, касающаяся источника фразеологических и семантических заимствований, которая до настоящего времени тщательно не исследована. Если мы предположим, что современный русский литературный язык на раннем этапе его развития генетически являлся сплавом церковнославян-

---

[9] F. Cocron. La langue russe dans la seconde moitié du XVII siècle. Paris, 1962, стр. 258.

[10] См. А. Ф. Демьяненко. Указ. соч., стр. 127.

[11] Вейсманн. Немецко-латинский и русский лексикон. . . СПб., 1731.

[12] И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. I. СПб., 1893, стлб. 1096.

ского языка с восточнославянскими элементами, возникает вопрос: какая из этих традиций послужила источником того или иного сочетания слов или значения. Предшествующие исторические исследования показали, что многие фразеологические и семантические заимствования, представленные в современном русском языке, имеют своим источником церковнославянский язык русской редакции, в частности такой вид популярной литературы, как Псалтырь [13]. Они гармонически сливались с последующими иностранными заимствованиями. Остается установить, как и в каких моделях многословные словосочетания раннего современного русского языка (возможно, появившиеся под влиянием иноязычных образцов) соединялись с моделями, которые были распространены в стилях, базирующихся на живой речи (деловой язык). Напр., *чинити — учинити* 'производить, делать, совершать' был широко распространен в светских текстах (летописях и грамотах) в древнерусский период [14]. Этот глагол, согласно В. М. Филипповой, в XVIII в. выделяется в синонимическом ряду *чинить — творить — делать — производить* наиболее высокой употребительностью [15]. Многочисленные примеры, цитируемые В. М. Филипповой, имеют точные параллели в немецком и (или) французском языке, например, *чинить опыт, наблюдение* — faire un experiment, une observation — einen Versuch, eine Beobachtung machen; ср. из «Велисария»: «*чинили* набеги» (22) — «*faire* des courses» (14); «*учинившееся* убивство» (28) — «carnage *fait*» (17); «*учиненныя* мне обиды» (48) — глагола во французском тексте нет. Чрезвычайно трудно определить иностранное влияние в конструкциях, которые ранее существовали в русском языке. Из описанных В. М. Филипповой сочетаний должны быть исследованы с этой точки зрения конструкции, содержащие следующие глаголы: *делать* + абстрактное имя существительное (делать честь) [16], *приводить / привести в* + абстрактное имя существительное, выражающее чувства или психические состояния (приводить в отчаяние), также *приводить / привести на* (память), *впасть в* (болезнь), *дать* (право), *довести до* (жребия), *отдать* (долг), *подать* (пример), *принимать / принять* (участие).

Подводя итог, необходимо констатировать, что конкретный ответ на вопрос об источнике словосочетаний в большинстве случаев может быть дан только после исчерпывающего исследования обширного материала. В конечном счете исследователь сталки-

---

[13] G. H.-W o r t h. Über Redewendungen und figurative Bedeutungen im Russisch-Kirchenslavischen. «Studies in Slavic Linguistics und Poetics in Honor of B. O. Unbegaun». New York, 1968, стр. 271—277; О н а ж е. Роль церковнославянского языка в развитии русского литературного языка. «American Contributions to the Sixth International Congress of Slavists. The Hague, 1968, стр. 109 и след.

[14] См. «Материалы» И. И. Срезневского.

[15] В. М. Ф и л и п п о в а. Указ. соч., стр. 45.

[16] Цитируемые в скобках примеры извлечены из «Велисария».

вается с явлением, которое может быть названо «европеизацией» в широком смысле слова: результат является одинаковым как в случае прямого заимствования из греческого языка, так и в случае заимствования через латинское посредство (польское, немецкое, французское и т. д.), так как такие же или подобные сочетания слов существовали во многих (если не в большинстве) европейских языков. Усваивая их, современный русский язык на раннем этапе своего развития ассимилировался с остальными европейскими языками.

Перевод с английского
О. В. Малковой, У. Х. Малкова

К ВОПРОСУ О НЕОСЛАВЯНИЗМАХ

СТАНИСЛАВ КОХМАН

01. В настоящее время в славистической литературе наблюдается острый интерес к церковнославянскому наследию в русском литературном языке. Вопрос о соотношении русской (восточнославянской) и церковнославянской стихий в русском языке, по мнению некоторых исследователей [1], является центральной проблемой истории русского языка. Ее решение, в свою очередь, обусловлено состоянием вопроса о природе русского литературного языка. Существующие теории о происхождении русского литературного языка (А. А. Шахматова и С. П. Обнорского) в настоящее время признаются односторонними и недостаточно убедительными из-за отсутствия всесторонней и глубокой фактографической аргументации [2]. В то же время, главным образом, за рубежом, возрождается шахматовская теория в новом, видоизмененном облике [3], с другой стороны, отстаивается тезис о восточнославянской основе литературного языка, единого по своей природе, но представленного двумя типами (стилями): книжно-славянским и народно-литературным [4].

[1] Б. Унбегаун. Русский литературный язык: проблемы и задачи его изучения; М. А. Соколова. К вопросу о славянизмах. «Поэтика и стилистика русской литературы». Л., 1971, стр. 329 и 337.

[2] И. С. Улуханов. О судьбе славянизмов в древнерусском литературном языке. (На материале глаголов с приставкой пре-). «Памятники древнерусской письменности». М., 1968, стр. 19.

[3] В. О. Unbegaun. Le russe Littéraire est-il d'origine russe? RÉS, 44, 1965; Он же. La langue de la littéraire russe et le probleme de son développement. «VI-e Congrès international des slavistes. Communications de la délégation française et de la délégation suisse». Paris, 1968.

[4] В. В. Виноградов. Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка. М., 1958, стр. 37 и след. М. А. Соколова. Указ. соч., стр. 339.

Не задаваясь целью специально оценивать эти теории, хочу лишь отметить, что ответ на выдвинутые вопросы может быть дан только в результате глубоких исследований взаимоотношения церковнославянского и русского языков в каждый период развития русского литературного языка. Такие исследования только начинаются и охватывают лишь отдельные памятники и явления в истории русского языка.

Среди вопросов, порожденных проблемой церковнославянского влияния в русском языке, важное место отводится стимулирующей роли церковнославянского языка в развитии системы русского словообразования и лексической системы русского языка нового времени, т. е. начиная с XVIII в. В этой связи исследователями намечаются три круга явлений: 1. Образование в русском языке новых слов по церковнославянским моделям. 2. «Процессы семантического приспособления русско-славянских слов к выражению новых отвлеченных понятий» [5]. 3. Образование калек по типу западноевропейских слов на базе церковнославянских словообразовательных элементов.

Вся эта сложная проблематика в терминологическом отношении остается до сих пор недифференцированной. Предложенный В. В. Виноградовым термин «славянороссизм» [6] «для обозначения таких типов русских лексических образований, в которых церковнославянские морфемы являются живыми элементами современного русского словообразования»[7], не охватывает всех названных явлений. Более приемлемым кажется мне термин, созданный Г. Хютль-Ворт: *неославянизм* [8]. Однако содержание этого термина нами значительно расширяется: сюда войдут не только «новообразования внутри русского языка, содержащие церковнославянские морфемы» (неославянизмы с маркированными, немаркированными компонентами и «чистые» неославянизмы [9]), но и все семантические преобразования церковнославянизмов в пределах русского литературного языка, а также словообразовательные кальки. Наконец, термин *неославянизмы* оказался очень удобным и для группы слов, о которой речь пойдет в настоящей заметке.

02. Среди неославянизмов пока незначительную группу составляют инославянские заимствования, которые в процессе субституции получили церковнославянскую фонетическую оболочку. В. В. Виноградов обратил внимание на этот тип слов, оценивая

[5] Ю. С. Сорокин. О задачах изучения лексики русского языка XVIII в. «Процессы формирования лексики русского языка (от Кантемира до Карамзина)». М.—Л., 1966, стр. 13.

[6] В. В. Виноградов. Основные проблемы. . ., стр. 48.

[7] В. В. Виноградов. О новых исследованиях по истории русского литературного языка. — ВЯ, 1969, № 2, стр. 12.

[8] G. Hüttl-Worth. Church slavonic elements in Russian. «Oxford Slavonic Papers. New series. Vol. I». Oxford. At the clarendon Press, 1968, стр. 8.

[9] В. В. Виноградов. О новых исследованиях. . ., стр. 14.

новые работы по истории русского литературного языка [10] и ставя в упрек Г. Хютль-Ворт то, что в ее классификации неославянизмов такие слова, как *охрана* (слово, созданное О. И. Сенковским на основе польского ochrona) и *охранка* (ср. польск. ochronka, ochroniciel) не учитываются. Действительно, Г. Хютль-Ворт исходит в своей классификации из словообразовательной структуры неославянизмов, а отношения словообразовательной мотивации и хронология русск. *охранять* : *охрана* выводят данное слово за пределы этой классификации. Как уже было сказано, объяснение фонетической, смысловой, а также словообразовательной структуры таких слов возможно лишь с учетом процессов взаимодействия русского литературного языка с другими славянскими языками, в первую очередь с польским и чешским. Сущность языковых контактов, в основе которых всегда лежит билингвизм, позволяет легко установить соответствия типа русск. (церк.-слав.) *охрана*: польск. ochrona [11], которые сводятся к идентификации в сознании владеющих русским и польским языками групп -ра-: -го- или -оро-: -го. В условиях билингвизма (а также многоязычия) идентификация охватывает все уровни языка, наиболее ярко она проявляет себя в области фонологических систем. Иллюстрацией этого положения может служить польск. kipiątek, являющееся заимствованием из русского языка. Как справедливо указывает О. Трубачев, это «прекрасный пример заимствования в двуязычной среде с четко выработавшимися представлениями о морфемно-звуковых соответствиях у самих носителей контактирующихся языков, так как у этого позднего заимствования фактически нет фонетико-морфологических примет иноязычного происхождения» [12]. Еще примеры. Польское слово dorożka, являющееся заимствованием русск. *дрожки*, обнаруживает «вторичное полногласие, образовавшееся в результате представления, что это слово русское» [13]. В свое время К. Мошинский высказал мнение, опираясь на лингвогеографические данные, что польск. kabląk заимствовано из восточнославянских языков. «Замещение укр. гласного у польск. носовым звуком не должно вызывать удивления;

---

[10] В. В. Виноградов. Там же, стр. 15.

[11] Попутно отметим, что ochrona свидетельствуется в польском языке словарями с XVII в., напр., в словаре Кнапского: Ochrona obmowa. Praemunitio (. . .). Vide Oczyścienie słowne. Warunek. Спар. 607. Как из этого следует, первичное значение слова 'предупреждение словесных нападок, словесный отпор' не совпадает с современным значением 'защита, охрана, предохранение'. Оно, по-видимому, соответствует переносному значению лат. praemunire 'вооружиться доводами, аргументами в споре с кем-либо'; исходное значение praemunire 'обнести защитной стеной, валом.' У Кнапского находим также слово ochroniciel: conseruator patriae, Reipublicae, urbis. Спар. 607.

[12] О. Трубачев. Fr. Sławski. Słownik etymołogiczny języka polskiego, t. II, zesz. 2 (7). Kraków, 1964. «Этимология». М., 1963, стр. 282.

[13] F. Sławski. Słownik etymologiczny języka polskiego, t. I. Kraków, 1956, стр. 156.

таких случаев довольно много»[14]. Таким образом, возможно в двуязычной (многоязычной) среде или у двуязычных авторов усвоение польских слов в церковнославянской фонетической оболочке. У авторов начала XVIII в. это было даже необходимостью, поскольку тогда еще обязывали нормы церковнославянской стилистики. Ниже приведем еще несколько таких мнимых церковнославянизмов.

Награда — наградить

Это слово по традиции, унаследованной этимологами, видимо, от Миклошича (Ew 74), считается церковнославянским заимствованием; ср. у А. Преображенского ЭСРЯ I 149: «из церковнославянского: *ограда*, *награда*, *ограждать*, *огражденный*, *гражданство* и другие». У А. Шахматова в списке церковнославянских элементов в современном русском литературном языке[15] среди корней с неполногласным сочетанием *град* указывается слово *награда*. Эту же точку зрения отражает и словарь М. Фасмера ЭСРЯ III, 37, и дополнительно ее должна подкреплять ссылка на русск. *нагородить* (см. дополнение О. Трубачева). Однако изучение истории этого слова в восточнославянских языках и польском языке дает нам основание выдвинуть другое мнение о происхождении слова *награда* в русском литературном языке[16]. В первую очередь следует обратить внимание на то, что это слово не отмечается ни памятниками старославянского языка[17], ни церковнославянской письменности[18]. Следовательно, в этимологическую литературу *награда* была введена в качестве церковнославянизма на основании одного лишь фонетического признака. Конечно, этимология Миклошича и авторов, следующих ему, неприемлема, главным образом, по семантическим причинам: утверждение, что *награда* — «первонач. — *nagorditi ‘пожаловать градом, городом’» столь же произвольно, как и предположение М. Фасмера, что награда — «это отглаг. от *nagorditi ‘наложить кучей’». Достаточно только указать, что в значении ‘награда, вознаграждение за какие-нибудь заслуги, отличия’ в русском языке издревле функционировало слово *жалование* (см. Срезн. I, 843), которое меньше всего реализовалось в сочетаниях типа *(по)жаловать городом*. Среди польских

[14] K. Moszyński. Uwagi do 6. zeszytu «Słownika etymologicznego języka polskiego». Fr. Sławskiego. — «Język polski». XXXIX, zeszyt 1, стр. 1.

[15] Из трудов А. А. Шахматова. по современному русскому языку. М., 1952, стр. 247.

[16] S. Kochman. Polonizmy w języku rosyjskiej korespondencji dyplomatycznej (1487—1571). Cz. 1. «Sprawozdania OTPN, seria B, nr 8. Ossolineum, 1972, стр. 65—69.

[17] L. Sadnik, R. Aitzetmüller. Handwörterbuch zu den altkirchenslawischen Texten. Heidelberg, 1955.

[18] Ср. И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. II. М., 1958.

авторов ошибочную концепцию этимологии слова nagroda разделял С. Линде, который связывал это слово с grod 'крепость; город' (Linde III 235). С другой стороны, уже у Брюкнера (SEJP 353) находим попытку связать семантику 'вознаграждение, жалование, плата' в слове nagroda со значением исходного, по его мнению, grodzić—grodza 'наложить кучей, загородить'. Однако предлагаемый Брюкнером семантический переход 'наложить кучей, загородить' → 'возместить, воздать должное, удовлетворить' ничем не оправдан. Ссылка на то, что чешск. náhrada сохраняет первичное значение 'возмещение, замена' и якобы подтверждает эту возможность перехода, не спасает этой этимологии, которая очень близка тому, что предлагается М. Фасмером.

Единственно правильной нам представляется этимология В. Махека (ESJČ 388): «Исходя из старого чередования l//r получаем корень *gheld-, ст.-слав. žledą, нем. (ver)gelten с этим же значением: 'отплачивать, вознаграждать'. Имеем здесь ожидаемый вокализм *o* в именном образовании типа женского za-toka и подобных». Эта этимология не только обосновывает звуковую и семантическую мотивацию чешского náhrada (откуда поздние заимствования: польск. nagroda ⩾ укр., блр. *нагорода* ⩾ русск. *награда*; из русского: болг. *награ́да*, сербохорв. *на̏града*. Иначе, чем в предшествующих этимологиях, представлен словообразовательный процесс: первичным является имя, глагол — это деноминат (*награда* → *награждать*). В предложенной выше схеме предлагаю именно такое размещение звеньев языкового контакта. Общеславянское *награда* не является праславянским континуантом или же ст.-слав. заимствованием. Оно было образовано в ст.-чеш. и оттуда пришло в потоке чешских заимствований в польский язык. Это произошло не раньше XVI в., поскольку старопольский словарь еще не фиксирует слова *nagroda*, но в XVI в. оно уже засвидетельствовано у Моджевского (Linde III 235) и Кохановского [19]. О природе фонетических преобразований чешск. группы -rá- в польск. -ro- говорилось выше, такие изменения в чешских заимствованиях в польский язык явление частое, ср. польск. złotogłów из чешск. zlatohlav [20]. Уже в XVI в. данное слово было заимствовано из польского восточнославянскими языками с полногласной группой *-оро-*: *нагорода* [21]. В староукраинской и старобелорусской письменности XVI—XVII вв. *нагорода* получила широкое распространение, в Московской же письменности XVI—XVII вв. она ограничена дипломатической перепиской с Польско-Литовским государством. Уже Брюкнер считал укр. *нагорода* полонизмом (SEJP 353), однако это мнение не сопровождалось никакими доказательствами. Возможно, попыткой объяснения вокализма *-оро-* является следующее высказывание Махека

[19] Jan Kochanowski. Dzieła polskie, t. 1. Kraków 1952, стр. 274.
[20] M. Basaj. Bohemizmy w języku pism Marcina Krowickiego. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1966, стр. 89—90.
[21] S. Kochman. Указ. соч., стр. 65.

(ESJČ 388): «В укр., блрс. nahoroda -ого- появилось в результате ассоциации с horod 'город'». Однако это объяснение ошибочно. На самом деле полногласие в этом слове появилось потому, что в двуязычной украинской среде было выработано представление о фонетических соответствиях групп *-оро-*: *-го-*.

Русский язык заимствует слово *награда* только в первую четверть XVIII в. Видимо, раньше всего оно появляется в произведениях А. Кантемира, во II его сатире встречается несколько раз, напр.: «Словом, много о вещах тщетных беспокойство, Ни одно не вижу я в тебе хвально свойство. Исправь себя, и тогда жди, дружок, награду», Кант. Пис. I 49. Словарями русского языка *награда* фиксируется начиная с Российского Целлариуса 1771 г. (см. ССРЛЯ VII 116). Иначе дело обстоит с глаголом *наградить*: *награждать*. В русской письменности он появляется намного раньше. Судя по собранным мною материалам, глагол *наградить* засвидетельствован в XVII в. в переводных текстах, таких как «Фацеции», «Великое Зерцало», следовательно, в памятниках, переведенных с польского языка. В «Фацециях»: «Поелику и како кто с кем обходит Взаимной се одному наградит» (в другом списке: «Друг другу наградится»), Фац 111. Пример из «Великого Зерцала»: «Оный же, иже насилова вам, наградит вам сугубо», Вел. Зерц. 330; еще пример из «Повести об испанском королевиче Бруне и его супруге Мелеонии»: «у него же взя его перстень великою ценою награжденный». Кор Бр 191. В начале XVIII в. глагол *наградить* : *награждать* получает широкое распространение в русской письменности, очень часто встречается в письмах и бумагах Петра I, в архиве князя Куракина, рано попадает в словари русского языка (Вейсманнов Лексикон 1731 г., см. ССРЛЯ VII 118).

Можно полагать, что заимствование слов *наградить* и *награда* шло двумя путями. Первый путь — через посредство украинского языка (*нагородити*, *нагорода*). Второй путь, книжный, непосредственно из польского (nagrodzić и nagroda). О хронологии заимствования и о механизме субституции было сказано в начале. Так возникли слова, внешне напоминающие старославянизмы и церковнославянизмы, но генетически не имеющие с ними ничего общего. Удобнее всего называть их неославянизмами. Такими неославянизмами являются также образованные в русском языке на базе заимствованного глагола *наградить* : *награждать* существительное *награждение*, а также слова *вознаградить* : *вознаграждать* и *вознаграждение*. Существительное *награждение* относится к неославянизмам на том основании, что обнаруживает типичную старославянскую словообразовательную структуру, в которой церковнославянские элементы *-жд-* и суффикс *-ение* выполняют чисто морфологические функции [22]. Еще более яркие

[22] См. из трудов А. А. Шахматова. . ., стр. 246, 250.

приметы церковнославянизмов в словах *вознаграждать* и *вознаграждение*. Эти слова появились в русском языке поздно, достаточно сказать, что *вознаграждать* фиксируется впервые Словарем Академии 1790 г., а *вознаграждение* Словарем Академии 1808 г. (см. ССРЛЯ II 11581), хотя уже в сочинениях А. Кантемира встречается это новообразование: «что большая часть этих провинций издавна были подвластны России и что при Нейстацком мире выдано 2 миллиона руб. шведскому двору в вознаграждение» (Извлечения из депеш. 1741 г.), Кант. Пис. II 146.

Поздравить: поздравлять—поздравление

Все эти лексемы функционируют в русском языке только с начала XVIII в., впервые фиксируются лексиконом Поликарпова (см. ССРЛЯ X 779). Правда, в наших материалах оказались записи из сочинений Курбского, но это исключительные случаи, и они лишь подтверждают то, что рассматриваемые слова не являются генетическими церковнославянизмами. Вот примеры из Курбского: «Писано бо въ листѣ томъ язычливомъ: поздравляю тя новымъ рокомъ 76-мъ!», Курб. Пис. 459; «О смѣху достойное поздравление и ругание полная!» Курб. Пис. 459. Слова *поздравить* и *поздравление* в полонизированном языке сочинений Курбского не удивляют (ср. в приведенном контексте полонизмы *лист*, *рок*). В польском языке слова pozdrowić — pozdrowienie широко известны в XVI в., в словаре Мончинского pozdrowić встречается 12 раз, pozdrowienie 6 раз [23]. Исходной формой является глагол pozdrowić : pozdrawiać. Обращает на себя внимание отсутствие прозрачной словообразовательной структуры, не выявляются в этом слове отношения словообразовательной мотивации, которые не могут быть установлены в ряду zdrowy : zdrowie : pozdrowić ввиду семантических затруднений. В связи с этим естественным является предположение о внешних стимулах, которые могли привести к образованию этого слова в польском языке. Действительно, широко распространенная в средневековье вплоть до XVIII в. латынь дала толчок к возникновению польского глагола pozdrowić, а также и к образованию отглагольного существительного pozdrowienie. Pozdrowić образовано по образцу лат. sălūtare ‘I. поздравлять, оказывать вежливость, 2. посещать, навещать; ухаживать; составлять свиту, 3. оправдывать, 4. прощать, прощаться’, образованного в свою очередь от существительного salvus, utis ‘здоровье, хорошее состояние здоровья’. Префиксация po-zdrowić объясняется латинскими приставочными образованиями consălūtare ‘поздравлять, приветствовать’ и persălūtare ‘поздравлять по очереди, непрерывно’. Таким образом, в латинском языке sălūtare / consălūtare, persălūtare (в словообразовательном и семантическом отношении мотивировано су-

[23] W. Kuraszkiewicz. Wyrazy polskie w słowniku łacińskopolskim Jana Mączyńskiego. Cz. I. Ossolineum 1972, стр. 55.

производным *salus*). Польск. pozdrowić, следовательно, является калькой лат. consălutare. Существительное pozdrowienie находит свое соответствие в латинских образованиях salutatio и consalutatio. При этом следует сделать одно уточнение. Первичной в польском языке, как и следовало ожидать, является форма pozdrawianie (действие) ср. у Кнапского: «Pozdrawianie (. . .) Salutatio. Consalutatuo». 842. Конкретизация значения и появление формы pozdrowienie 'приветствие, поздравление' — процесс вторичный, ср. у Мончинского: «Salutatio. Pozdrowienie. Ukłon. Witanie». Mącz 366.

В русском языке история слов *поздравляю*: *поздравление* ведет свое начало с XVIII в. Очень часто глагол *поздравлять* встречается в письмах и бумагах Петра I: «Которою викториею вашему величеству поздравляю», Пис. Бум. VIII 108; «И сия являя вам, господину адмиралу, с сугубыми викториями поздравляю», Пис. Бум. VIII 111. *Поздравление*: «Комплимент, поздравление, вежливая речь», Лексикон вокабулам новым 9. Заимствование из польского языка и приспособление к церковнославянской звуковой оболочке облегчалось наличием в польском языке аспектного чередования o : a: pozdrowić : pozdrawiać. С другой стороны, не исключена возможность посредничества языка Юго-Западной Руси, ср. в Лексиконе Берынды: «Лобзаю, или лобжу: Цѣлую, витаю, поздоровляю» Бер. 59; «Цѣлую: Витаю, поздоровляю», Бер. 155; «Цѣлование : Поздоровленье», Бер. 155. При этом, так же как и в случае заимствования слова *награда*, неполногласная группа *-ра-* появляется как результат сознательной дифференциации межъязыковых системных соответствий.

Равнина

Со времен Ф. Миклошича принято считать это слово старославянизмом [24] на основании наличия начального *рав-* (⩽ *orv-) в корне *равн-*. По происхождению этот корень — ст.-слав. *равьнъ*. Лишь недавно появилась работа В. П. Вомперского [25], которая ставит под сомнение старославянское происхождение слова *равнина*. Автор пишет, что «чисто фонетический подход к определению генезиса слова *равнина* (. . .) приводит к искажению реальной истории этого слова в русском языке» [26]. Слово *равнина* не могло быть заимствовано из старославянского (и, добавим, церковнославянского), так как его не знают канонические памятники этих языков (с нашим словом лишь омонимически связано старославянское *равьнина* 'равноденствие', см. Срезн. III, 7, где приводится форма *равьнины*). Как правильно установил В. П. Вомперский, *равнина* появляется в русском литературном языке в

[24] Fr. Miklosich. Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. Vindobonae, 1862—1865, стр. 767.

[25] В. П. Вомперский. Старославянизм ли слово равнина? «Русская историческая лексикология». М., 1968, стр. 233—240.

[26] В. П. Вомперский. Указ. соч., стр. 233.

начале XVIII в. Однако в некоторых памятниках, что небезразлично для нас, встречается значительно раньше. В ДРС имеется лишь один пример со словом равнина из переводного памятника XVI в. «Назиратель» [27], в котором «встречаются два посторонних элемента: польский и латинский», как писал первый исследователь памятника К. В. Покровский. В наших материалах оказались еще два примера: один из сочинений Курбского и один из переводного памятника XVII в. «История о Мелюзине». Привожу оба примера: «И случалось намъ стояти на мѣстѣ въ равнинѣ на лугу между великими блаты», Курб. Ист. 16; «Егда ж исполин приближашеся к равнине, скочи Гофрои ко нем и удари», Мелуз. 99. Таким образом, все три примера взяты из текстов, в которых налицо польские наслоения. Это обстоятельство следует учесть при установлении происхождения слова *равнина* в русском языке. В. П. Вомперский пишет об этом следующее: «Равнина — калька с латинского языка, которая вполне соответствует иноязычному источнику (plānities, ēi, f. — 'плоскость, гладкая, ровная поверхность') [28]. Действительно, в латинском источнике следует усматривать образец слова *равнина*. Лат. plānĭtĭes образовавано от прилагательного plānus 'плоский, ровный'. Однако латинское слово не является ближайшей моделью русского слова. Лексема *равнина* является заимствованием польского существительного *równina* (старопольский вокализм *о*, современное równina). В старопольском наряду с rownina существовала форма rownia ср. в словаре Кнапского (1621): «Rownia, rownina. Planities. Aequor. Спар 978. Из польского уже в XVI в. это слово попадает в письменность Юго-Западной Руси. Вот пример из сочинений Ивана Вишенского: «одною свиткою, мѣхом шитою и некшталтовною, ся одѣет на надежду бога живаго, с той ямы мирские на ровнину выскочит», Виш. Соч. 28. Формы: ст.-польск. rownina, ст.-укр. *ровнина*, укр. *рівнина* объясняют колебание написания в русских памятниках с *ров-* и *рав-* в начале слова. Впрочем, *ров-* может возникать также под влиянием прилагательного *ровный*.

В настоящей заметке рассматривались судьбы только трех неославянизмов в русском языке. Однако с полной уверенностью можно сказать, что по мере пристального и всестороннего изучения лексического состава русского языка список подобных неославянизмов постоянно будет увеличиваться. Приведенные факты красноречиво подтверждают «живучесть церковнославянской стихии в русском языке» [29].

---

[27] Полное название: «Книга глаголемая «Назиратель», сиречь «Уряд домовых детель», II пол. XVI в.

[28] В. П. Вомперский. Указ. соч., стр. 235—236.

[29] Б. Унбегаун. Русский литературный язык. . ., стр. 333.

«СЛАВЯНИЗМ» КАК ТЕРМИН СТИЛИСТИКИ

В. В. ЗАМКОВА

Исследование лексики русского литературного языка может производиться в различных аспектах. Большое распространение в научной литературе получило изучение лексики в генетическом и стилистическом аспектах, причем нередко оба эти плана изучения смешиваются. Это положение в особенности относится к термину «славянизм», который употребляется и в смысле генетическом и в смысле стилистическом нерасчлененно.

Кроме того, «славянизм» как понятие стилистическое имеет два других плана: исторический и синхронный. С точки зрения исторической необходимо проследить возникновение и становление этого понятия, его роль в формировании русского литературного языка соответствующего исторического периода, его развитие и трансформацию в связи с дальнейшим историческим развитием языка и его стилей.

С точки зрения современного состояния русского литературного языка следует установить, соответствует ли данное понятие современным нормам русского литературного языка и его стилей.

Для того чтобы уяснить сущность термина «славянизм», необходимо проследить историю его становления и развития.

Понятие о славянизме как генетической и стилистической категории возникает в середине XVIII в. в связи с развитием русского классицизма. Начало формирования национального русского литературного языка и его стилей совпало с развитием русского классицизма и его жанров в середине XVIII в., что и обусловило языковую интерпретацию «славянизма». Гениальное разрешение этого вопроса нашло выражение в теоретических положениях М. В. Ломоносова, который, положив в основу русскую стихию литературного языка, распределил все жизнеспособные средства языка по основным стилям, ограничив место «славянизмов» преимущественно высоким слогом. В «Предисловии о пользе книг церковных в российском языке», говоря о «трех родах речений российского языка», Ломоносов выделяет речения «кои хотя обще употребляются мало, а особливо в разговорах, однако всем грамотным людям вразумительны, например: отверзаю, господень, насажденный, взывая. Неупотребительные и весьма обветшалые отсюда выключаются, как: обаваю, рясны, овогда, свене и сим подобные»[1]. Этого рода речения, по его мнению, уместны наравне со славяно-россйскими в высоком штиле, которым «составляться должны героические поэмы, оды, прозаические речи о важных материях, которым они от обыкновенной простоты к важному великолепию возвышаются. Сим штилем преимуще-

[1] М. Ломоносов. О пользе книг церковных в российском языке. Полн. собр. соч., т. VII. М.—Л., 1952, стр. 588.

ствует российский язык перед многими нынешними европейскими, пользуясь языком славенским из книг церковных» [2].

Говоря о «речениях славенских», Ломоносов, следовательно, имел в виду слова церковнославянского происхождения, но, рекомендуя пользоваться ими преимущественно в высоком слоге, одновременно ставил их в разряд стилистически маркированной лексики. Следовательно, генетическое и стилистическое у Ломоносова в этом понятии сливается в единстве.

Такое же нерасчлененное понятие о славянизме находим и в Словаре Академии российской 1789—1794 гг., в котором отражены стилистические идеи Ломоносова.

С одной стороны, Словарь называет Сл(авенскими) слова, имеющие церковнославянское происхождение, в отличие от русских слов, поэтому лексика с пометой *Сл.* в Словаре Академии Российской очень часто противопоставляет их соответствующим по значению русским словам. Об этом свидетельствуют такие характеристики как *Сл.* — просто же (см. град — город, кравий — коровий, невежда — невежа); *Сл.* — по просту (см. главня — головня), *Сл.* — в общем же языке употребление (см. брада — борода, влас — волос), *Сл.* — в обыкновенном же языке употребление (см. краткий — короткий, млачу — молочу), а также, наоборот, наличие у русских слов противопоставления с церковнославянскими, например: Ворона, по *Сл.* врана; ночь, по *Сл.* нощь; езжу; по *Сл.* язжу и др.

С другой стороны, часть слов, имеющих церковнославянское происхождение, не отмечены в словаре соответствующей пометой, напр. биение (при бию *Сл.*), вражда (при враг *Сл.*), гаждение (при гаждать *Сл.*) и др.

Кроме того, пометой *Сл.* в словаре часто сопровождается слова вовсе не церковнославянского происхождения; так, отмечены пометой *Сл.* общеславянские слова, как буй, вергать, рамо, иго, уста, вено, зрю, мзда, весь и др.

Целый ряд древнерусских слов также квалифицируются словарем как славянизмы, например такие, как: *обаяние*, *баснословие*, *зодчий* и др.; среди слов, попавших в церковнославянский язык, имеются и слова иноязычного происхождения, также определяемые Словарем Академии Российской как славенские, например. греческие априллий (ἀπρίλλιος), бредовка (θρίδαξ), елей (ἔλλιον), онагрий (ὄναγρος) или слова западнославянского происхождения, как *блона*, польск. blona.

Такая непоследовательность в квалификации славянизмов в Словаре Академии Российской объясняется как наличием этих слов в церковных памятниках, так и современным для авторов словаря употреблением этих слов, т. е. в конечном счете смешением генетического и стилистического плана.

---

[2] М. Ломоносов. Указ. соч., стр. 589.

В конечном счете стилистическими соображениями можно объяснить и то, что значительное количество слов в Словаре Академии Российской имеет помету *Сл.* по идеологическим, не языковым соображениям. Так помету *Сл.* имеют многие слова, относящиеся и употребляющиеся по отношению к богу и царю, такие как *зиждитель*, *властитель*, *вождь* и др. Все они имели широкое распространение в высоком слоге и имели торжественно-приподнятый характер.

«Славянизм» в XVIII в., являясь недостаточно расчлененным понятием по своей природе, имел выход в область языка и в область стиля. В пределах языка «славянизм» выступает как стилистически нейтральный элемент лексики, часто претерпевавший семантические преобразования. Эту сторону «славянизма» уместно рассматривать в стилистически нейтральном слое языка, который наиболее ярко выступает в литературных источниках среднего слога. Такой «славянизм» прочно входит в состав русского литературного языка и имеет лишь генетически церковнославянский источник. Поэтому его следует называть «церковнославянизмом» и рассматривать на уровне языка в семантических исследованиях. В пределах стиля «славянизм» с середины XVIII в. наиболее ярко отразился в высоком слоге. Именно в нем он проявился как стилистически окрашенный элемент языка, являющийся основным стилеобразующим компонентом этого стиля.

С точки зрения стиля «славянизмом» следует считать всякую стилистически маркированную единицу языка (как отдельное слово, так и отдельную форму слова), несущую в пределах высокого слога приподнятую экспрессию, являющуюся церковнославянизмом по происхождению или похожую на него.

Высокий слог русского классицизма XVIII в. представляет ораторская проза и высокая поэзия. Основной языковой особенностью высокого слога является наличие в нем значительного количества «славянизмов» как лексических, так и грамматических.

Оставляя в стороне «славянизмы» грамматические (типа старых форм прошедшего времени: *сотворих*, *взысках*, *обыкошъ*, старых форм причастий: *вземляй*, *давый*, *сед*, некоторые формы склонений и др.), которые к концу XVIII в. становятся совершенно неактуальными, обратимся к «славянизмам» лексическим, которые имели бóльшее распространение и бóльшую перспективу.

По своему составу лексические «славянизмы» неоднородны, их можно разделить на три группы:

1) Стилистически маркированные дублеты нейтральных слов, например: *кошница* (корзина), *риза* (одежда), *тук* (жир), *ветрило* (руль), *вертеп* (пещера), *агнец* (ягненок), *шипок* (роза), *крин* (лилия), *перст* (палец), *всуе* (напрасно), *аки* (как) и др.

2) Слова приподнятой экспрессии, не имеющие нейтральных синонимов, но имеющие формальные показатели церковнославянизмов (аффиксы, части слов), например слова с префиксом *низ-* (*низводить*, *ниспадать*, *низвергать*), и др.; слова с суффиксом

-ище в значении места для чего-л., *пристанище*; сложные слова, имеющие постоянные компоненты в церковнославянском языке: *мздо-* (*мздовоздаяние*), *все-* (*всеблагий*), *благо-* (*благолепно*), *-зрачный* (*благозрачный*).

3) Неославянизмы, т. е. слова, образованные в высоком слоге XVIII в. по типу церковнославянизмов, т. е. с теми же приметами, как и слова предыдущей группы, но нового образования, напр. *благоизбыточный*: Благоизбыточен стол при вина тут мало приемом. Тредиаковский, Тилемахида, т. I, ч. 8, стр. 141[3], *благоощадность*: Любим мы паче всего в нас здравие, благоощадность. . Тредиаковский, Тилемахида, т. I, ч. 10, стр. 169, *воздремать*: Дух бодрости в тебе вещают воздремал. Херасков, Россиада, 1786, стр. 6, *исчитать*: Он лавры бы твои со страхом иссчитал. Херасков, Цид, Соч. ч. V, стр. 23.

Сравнивая лексику, отмеченную в Словаре Академии Российской как славенскую, с составом лексических «славянизмов» высокого слога, можно заметить, что значительное количество неактуальной лексики уходит из высокого слога, становясь архаизмом и лишь изредка всплывая в нем уже в качестве архаизма. Однако идет и пополнение группы «славянизмов» за счет образования новых слов, а также за счет втягивания в нее лексики ранее стилистически нейтральной, но при наличии синонимии терявшей свою актуальность и постепенно сделавшейся лексикой ограниченного употребления, нашедшей свое место в высоком слоге, например, слова *телец* и *телица*, в отличие от своих синонимов *теленок* и *телка*, стали «славянизмами», употребительными лишь в высоком слоге.

Ошибочно было бы думать, что литературный язык второй половины XVIII в. развивался только в связи с идеями классицизма, где каждый жанр целиком относился к тому или иному стилю. Постоянно происходило взаимодействие разных стилей в связи с развитием новых жанров, а также с развитием различных функциональных стилей.

Определенный пласт торжественно окрашенных «славянизмов», функционирующих в высоком слоге, мог выступать как таковой и в деловом языке того же периода, в частности, в одной из форм делового языка, в его парадной разновидности, например, в таких памятниках как манифесты, дипломатические акты и пр., а также в научном языке, в сочинениях, рассчитанных на произнесение при торжественных случаях, в таких, например, как «Слово о явлениях воздушных» Ломоносова, «Слово о вредном воздухе» Роста, а также в словах Крафта, Рихмана, Зыбелина и других ученых. Приведем только один пример: глагол *обитать* был типичным «славянизмом» для середины XVIII в., он широко распространен в высоком слоге и имеет торжественно-приподнятую

[3] Весь цитируемый материал из произведений писателей XVIII в. взят из картотеки Словаря XVIII в. (Ленинград).

экспрессию: Господи, кто обитает В светлом доме выше звезд Кто с тобою населяет Верх священный горних мест. Ломон. Ода дух. Соч. I, стр. 6; Разите небеса, бросайте огнь и гром. Пади над телом сим несчатливый сей дом, Где праотцы ее так толго обитали, И где родители Оснельду воспитали. Сумар. Хорев. Соч. III, стр. 52; с той же тональностью в парадно-деловом языке: Обязуется торжественно употребить всю власть и способы к обузданию и воздержанию народов, на левом берегу реки Кубани обитающих. . . ПСЗ, т. XXIII, стр. 290; также в научном языке: . . . своим любопытством и изысканием он хощет доказать, сколько росс в состоянии обитать и в самых неприступных народам странах. Десницкий. Слово о научении юриспруденции 1768, стр. 189; Народ российский по великому пространству обитающий, не взирая на дальнее расстояние, говорит повсюду вразумительным друг другу языком в городах и селах. Ломоносов, Соч. 1757, т. I, 7 пр.

Взаимодействие различных стилей в XVIII в. выражалось также в том, что некоторые характерные для определенного стиля лексические элементы могли выступать в другом стиле уже в другой стилистической функции. Так, к примеру, определенная группа «славянизмов», придающих приподнято-торжественный характер высокому стилю, в деловом языке утрачивает данную стилистическую окраску и приобретает новую. Лишенные своей эмоциональной выспренной тональности, эти слова приобретают характер архаических штампов деловой речи, т. е. становятся тем, что теперь называют канцеляризмами. Как пример, приведем лишь одну такую группу слов, а именно союзы: *аще*, *егда*, *понеже*, *поелику*, *дабы*, *яко* и некоторые другие в произведениях высокого слога, служащие возвышению его, а в деловом языке выступающие как типичные канцеляризмы:

в высоком слоге:	в деловом языке:
Како веселым не восторжествуем сердцем, егда нам церковь Христова новую и неслыханную весть, да еще и радость велию приносит. . . Д.Сеченов. Слово в день благовещения, 1742, стр. 2.	Палой язвою скот, не снимая кожу, совсем в землю зарывать или совершенно сжечь, егда иной способ не изыскан поныне. ПСЗ, т. XII, стр. 530, 1746 г.
Аще посмотрим на воду: не меньше ныне мокрая, прозрачная, студеная, жажду утоляющая и другим нуждам служащая, как и вчера. Стефан. Слово на Новый год, 1742, стр. 4.	. . мое мнение есть, аще турки не объявят нам войны прежде 1-го числа октября, чтоб от того числа, войска расположить по винтер квартирам. Письмо Екатерины II Г. А. Потемкину, 1783 г. Р. Старина, XVI, стр. 48.

Познают, что Монарх и что отец прямой,
Строитель, плаватель, в полях, в морях герой,
Дабы российский род во веки помнил твердо,
Коль, небо, ты ему явилось милосердо.
Ломоносов, Петр Великий, ПСС, т. VIII, стр. 699.

Внити понеже тебе дано во царствие нощи,
Пренеприступное всем другим на свете живущим.
Тредиаковский, Тилемахида, т. II, кн. 18, стр. 98.

. . по должности моей, в предосторожность ея И. В. интереса представляю, дабы соблаговолено было из типографских служителей кому одному над протчими в той типографии людьми и работами надзирать. Материалы для истории Академии наук, т. VII, № 262, стр. 199

. . понеже многие охотники почти ежедневно спрашивают и желают иметь у себя изданный мною в свет «Риторики». . Того ради сим представляю дабы Академия Наук благоволила приказать оной . . Риторики еще потребное число для удовольствия охотников вновь напечатать. Ломоносов, ПСС, т. IX, стр. 403. Репорт.

Часть лексики, входящей в состав «славянизмов» высокого слога, имела более широкое распространение в литературном языке XVIII в. Такие слова как неполногласные варианты типа *брег*, *глас*, *хладный*, *глад*, *древо*, *злато*, а также слова *очи*, *длань*, *уста*, *зрак* и прочие, будучи словами книжного языка, могли свободно употребляться в жанрах среднего слога, не нарушая его нормы, т. к. границы среднего слога, особенно в середине XVIII в. были весьма зыбки и неопределенны.

Такого рода лексику назовем традиционно-книжной. Приведем два примера. Слово *брег* очень широко распространено в высоком слоге, но и в среднем слоге оно не менее часто встречается, не нарушая общей стилистической тональности, например, в переводах Фонвизина: Я просил Кореба проводить меня на брега Афинские. Хотела ожидать вместе с моею матерью там конца нещастной жизни. Карита и Полидор, 1763, стр. 112; Как! Я не могу бежать от тех брегов, которые должны быть мне ненавистны? Фонвизин, Сидней и Силли, 1769, стр. 37; также в официальном письме: . . овладел всеми малыми архипелагскими островами; посылаемыми отрядами беспокоил брега Азиатские и Европейские, и тем принуждал турок великое число их войск для хранения внутренности своей страны содержать. Письмо адм. Г. А. Спиридова Екатерине II, 1777, Р. Архив, 1864, стр. 557.

«Славянизм» *хладный* в одном из значений 'с низкой температурой' употребляется в среднем слоге наряду с *холодный*:

Не далече от хладного пояса отстоят и Камчатские хребты пламень дышущия. Ломоносов, Соч. I, стр. 362.

. . сии места, одно ради близости холоднаго климата, другое для высокаго положения к студеному слою атмосферы поднявшегося, лишаются кроткаго небес действия. Ломоносов. Соч. I, стр. 365.

Два зона хладных или студеных, которые во окружении полярных кругов. Мордвинов, Книга о навигации, 1748, ч. II, стр. 98.

Магометане нашими сукнами одеваются и жители самых холоднейших стран шерстью овец наших согреваются. Переписка о коммерции, Ежемесячные сочиненья, 1755, стр. 126.

Ср. в конце века у представителей противоположных литературных и стилевых направлений:

Бумажное древо мягкий пух свой представляет им для одежды во хладные времена года. Е. О. Видение из Виланда. Утренний свет, 1778, ч. II, стр. 203.

Он превратил климаты, в холодной полосе он зной ощущает. Радищев. О человеке, II, стр. 39.

Таким образом уже в XVIII в. «славянизмы» могли выступать по крайней мере в трех стилистических функциях: пиитизмы (высокая лексика), канцеляризмы и традиционно-книжная лексика.

С развитием новых литературных течений, появлением новых жанров и упорядочением функциональных стилей языка на всем протяжении XIX в. идет процесс преобразования и трансформации категории «славянизма».

В начале XIX в. можно наметить следующие стилистические категории, которые возникли на почве «славянизма»:

1) Высокая лексика, получившая новую функцию в национально-гражданской поэзии, отражающей новые общественные идеалы, примером могут служить «высокие слова» в поэзии поэтов-декабристов, напр.:

Хладен, крепок витязь пламенный
В грозных битвах за народ.
Не смотря на хлад убийственный,
Сограждан к правам своим,
Их от бед спасти насильственно
Хочет пламенный Вадим.
До какого нас бесславия
Довели вражды граждан!
Насылает Скандинавия
Властелинов для славян.

Рылеев. Вадим. Соч. 1844, стр. 3[4].

[4] Весь материал из произведений писателей XIX—XX вв. взят из картотеки Словаря современного русского языка (Ленинград).

Блажен и славен мой удел:
Свободу русскому народу
Могучим гласом я воспел,
Воспел и умер за свободу.
Счастливец, я запечатлел
Любовь к земле родимой кровью —
И ты я знаю, пламенел
К отчизне чистою любовью.

Кюхельбекер. Тень Рылеева. «Поэты-декабристы». М., 1949, стр. 171.

2) Поэтическая лексика, характерная для всех видов поэзии, возникшая на почве традиционно-книжной лексики, напр.:

Ручей, вьющийся по светлому песку,
Как тихая твоя гармония приятна!
С каким сверканием катишься ты в реку!
Приди, о Муза, благодатна.
В венке из юных роз, с цевницею златой,
Склонись задумчиво на пенистые воды,
И, звуки оживив, туманный вечер пой
На лоне дремлющей природы.

Жуковский, Вечер. «Стихотворения». М., 1952, стр. 15.

или

О сладостна мечта, дщерь ночи молчаливой,
Сойди ко мне с небес в туманных облаках
Иль в милом образе супруги боязливой,
С слезой блестящею во пламенных очах.

Батюшков. Мечта. Соч. 1955, стр. 41.

3) Историзмы для изображения древнего колорита:

Враги смешались — от кургана
Промчалось: «Силен русский бог!»
И побежала рать тирана.
И сокрушен гордыни рог!
Промчался хан в глухие степи,
За ним шумящим враном страх;
Расторгнул русский рабства цепи
И стал на вражеских костях!

Рылеев, Дмитрий Донской. «Поэты-декабристы». М., 1949, стр. 35—36.

4) Библеизмы и эллинизмы, т. е. лексика, придающая восточный или античный колорит, напр.:

Падите идолы, рассыпьтесь в прах, божницы!
В блистаньи Илия на небо воспарил!
Иду под вашу сень, Товия, Рагуил. .
Се мужи промысла, Предвечного зеницы;
Грядущие лета как прошлыя для них —
И в час показанный народы исчезают.

Жуковский. Библия. Соч. 1901, стр. 104.

или

Близ места, где в море втекает Алфей,
Под сенью олив и платанов,

Смиренную хижину видит Эсхин —
То было жилище Теона.

. . . . . .

Из белого мрамора гроб не вдали,
Обсаженный миртами, зрелся;
Душистыя розы и гибкий ясмин
Ветвями над ним сплетались.

Жуковский. Теон и Эсхин. Соч. 1901, стр. 127—128.

Наряду с указанными стилистическими разрядами лексики в начале XIX в. продолжают существовать и канцеляризмы, а также иронизмы различной степени экспрессивной окрашенности, начиная с шутливой и кончая саркастической.

Каждый из указанных стилистических разрядов на протяжении XIX—начала XX в. пополняет свой состав в зависимости от идейных и стилистических устремлений различных литературных течений и направлений. Исследование этих стилистических категорий, их состав и употребление — задача важная и необходимая для создания научной стилистики русского языка.

Что касается термина «славянизм», то, имея двойственную природу, он был уместен и понятен лишь тогда, когда церковнославянский язык имел достаточно широкое распространение в русском обществе.

С сужением сферы применения церковнославянского языка категория «славянизма» все более и более отделяется от своего генетического источника. Различные разновидности «славянизмов» становятся лексическим пластом неактуального фонда языка, это редкие слова, необычные для живого разговорного языка, но всегда обладающие яркими стилистическими оттенками и поэтому постоянно использующиеся в языке литературы с различными художественными задачами.

В наше время, когда церковнославянский язык никак не связан с современностью и применение его стало узко культовым, понятие «славянизм» потеряло свое значение и не оправдывает своего существования в современной стилистике. Лексику современного русского литературного языка следует рассматривать, исходя из реально существующих в языке стилистических категорий.

Таким образом, мы предлагаем прежде всего разграничить термины «церковнославянизм» и «славянизм» как в плане стилистики, так и в плане истории языка.

Термин «церковнославянизм» следует применять лишь при генетическом аспекте изучения русского языка на любой стадии его развития.

Термин же «славянизм» может быть применим лишь в стилистическом плане по отношению к определенному историческому периоду истории русского литературного языка, а именно, с середины XVIII в. до середины XIX в. Причем содержание «славянизма» не осталось одинаковым и на протяжении этого периода,

а трансформировалось в связи с изменением и развитием стилей и жанров русской литературы и русского литературного языка.

Следовательно, «славянизм» — это термин исторической стилистики.

НЕКОТОРЫЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ АРЕАЛЫ (ПО ДАННЫМ ГИДРОНИМИИ)

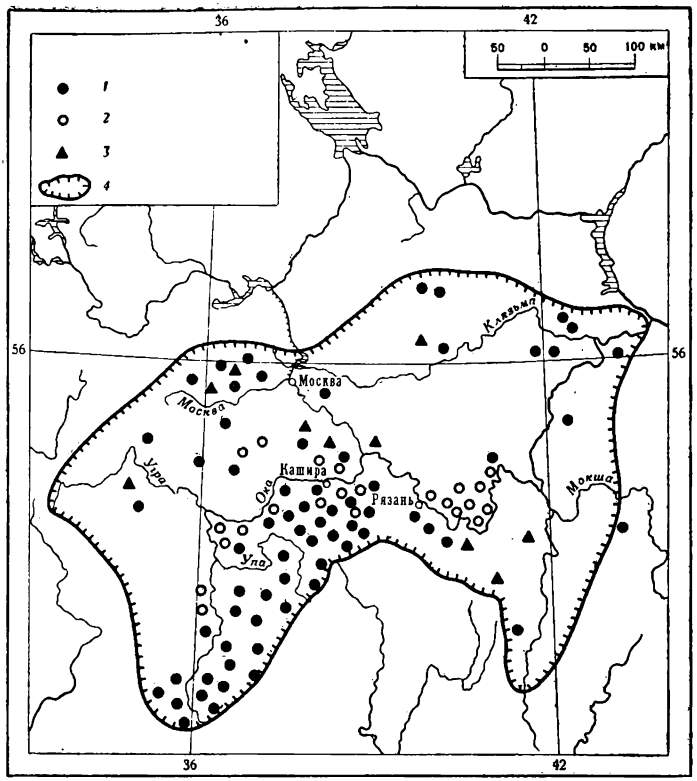
Г. П. СМОЛИЦКАЯ

В данной статье мы анализируем группу гидронимов, в основу которых положены лексемы, обозначающие озерную и речную растительность: *тростъ*, *сита*, *рогоз* в бассейне р. Оки. В научном плане эти лексемы терминологичны: *тростъ* (в форме *тростник*) — 'Phragmites', *сита* — 'Juncus', *рогоз* — 'Typha'. В современных говорах русского языка они детерминизированы; по наблюдениям диалектологов, они употребляются один вместо другого или один вместо нескольких. «Народное название растений не обладает признаком однозначности. . . Так, в русском литературном языке значительное число видов озерных растений, различающихся внешне и относящихся к разным ботаническим семействам, обозначаются двумя словами *тростник* и *камыш*» [1].

На более ранних этапах развития говоров русского языка народное название растения было однозначно. Это отражено в гидронимах, в основе которых лежит название того или иного вида речной растительности, входящих в одно семейство: река носит название по одному виду растительности, а ее приток по другому виду, два соседних водоема носят название по разным видам растительности. В бассейне Оки: р. Ситенка, рядом с ней р. Трасенка — по р. Смедве, оз. Ситное, рядом р. Тросна — между р. Жиздрой и р. Нугрь, оз. Трестовное, рядом оз. Ситное — по р. Гусь. В бассейне Днепра: р. Тросня, ее правый приток р. Ситка — в Верхнем Поднепровье, р. Тростенка, рядом с ней р. Рогозна — басс. р. Остер, р. Тростянка, рядом р. Рогожанка — по р. Друть; в басс. Вислы: р. Trzcinica, рядом р. Sietnica.

Лексемы *тростъ*, *сита* и *рогоз* имеют нечеткую и неполную территориальную характеристику в нашей лингвистической литературе. Для лексемы *тростъ*, *тростник* Даль не дает никакой пометы и только для собирательной формы *троста* дает помету «северное, псковское» (Даль, IV, 435). В. А. Меркулова преимущественно определяет его как северное, северо-западное и смо-

[1] В. А. Меркулова. Очерки по русской народной номенклатуре растений. М., 1967, стр. 7.

Карта. 1. Гидронимические ареалы Поочья

1 — от *тростъ*; 2 — от *сита*; 3 — от *рогоз*; 4 — ареал форманта *-на/-ня*

ленское [2]. Лексема *сита* у Даля дана без пометы (Даль, IV, 189), у В. А. Меркуловой [3] она представлена как северное и северо-западное, известное в смоленских говорах и в рязанско-мещерских говорах. Лексема *рогоз* (*рогоза*) у Даля дана с пометой «южное» без уточнений (Даль, IV, 98), у В. А. Меркуловой — как московское, дмитровское и орловское. Эти характеристики приведены по данным диалектных словарей, по собственным записям и учитывают всю возможную информацию. И тем не менее, они кажутся недостаточными и могут быть в значительной степени уточнены и дополнены по данным гидронимии.

Водные объекты, носящие названия по водной растительности, — это небольшие местные речки и озера. Растительность в них называют местным словом, и это местное слово кладется в основу названия. В этом случае названия подобных объектов,

[2] В. А. Меркулова. Указ. соч., стр. 46.
[3] Там же, стр. 45.

положенные на карту, представляют собой ареал данного слова, отражающий раннюю картину его распространения.

Трость

Эта лексема представлена в русских народных говорах разными словообразовательными вариантами: *тростник*, *троста*, *треста*, *тресть*. В образовании гидронимов чаще всего участвуют лексемы *троста*, *треста*, реже — *тростник*. Гидронимы этой группы известны по всему бассейну р. Оки. Это территория Орловской, Калужской, Тульской, Смоленской, Московской, Рязанской, Владимирской, Горьковской и Тамбовской областей. Особенно много их в верхнем и среднем правобережном Поочье. По всему Поочью зафиксировано более 60 «тростяных» гидронимов, при сильном увеличении их количества на юг и юго-запад и при заметном уменьшении в северо-восточном и восточном направлениях в пределах Поочья (см. карту). Образуются они суффиксальным способом, чаще всего при помощи суффиксов *-ан-*, *-ен-*, *-к-*, *-ск-*, *-на/-ня*. Наблюдается выпадение *т* в положении между согласными и чередование *о/а* в безударном положении. В верховьях Оки в пределах Орловской и Тульской обл.: р. Тросенка, р. Малая Тросенка, р. Тростянка, р. Трасна, Тросна; овраг Трасной, р. Тростянка, ржавец Трасной, верх Трасной, овраг Трасненской, верх Тросненской, овраг Тростянской. Особенно часты гидронимы данного типа по р. Упе: р. Тростянка, верх Тросинской, р. Тростенка, овраг Тростенской, р. Трасна, овраг Тростенской, р. Трасенка, овраг Тростеной, верх Тростеной. В бассейне р. Жиздры и р. Угры они встречаются реже: р. Тростянка, р. Тростенка. Затем мы находим их в бассейне р. Протвы и р. Москвы: р. Тросна, р. Тростянка, руч. Трасной, руч. Треснинской, оз. Тростенское, р. Тростня, р. Тростенка, оз. Тросник. Увеличивается количество гидронимов данного типа (в Окском правобережье) от р. Упы до р. Прони; р. Тростенка (2 раза), верх Тростенской, верх Тростниковской (по р. Смедве); р. Тростенка, верх Тростенской, овраг Трастеной (2 раза), р. Тростенка (по р. Осетру), р. Тростенка (2 раза), овраг Трощенской, лоск Тростник (от р. Вожи до р. Прони). Известны эти гидронимы и в бассейне р. Мокши, точнее — в бассейне ее левого притока р. Цны, и в низовьях р. Мокши: р. Трасниковка, р. Трастенка, р. Тростянка. В остальном бассейне р. Мокши гидронимы данного типа отсутствуют. За р. Мокшей в непосредственной близости от р. Оки они фиксируются опять. Известны они и в бассейне р. Клязьмы, но в незначительном количестве: р. Тростянка, овраг Треснинской (по р. Нерли), р. Тростинка, овраг Трестниковской (по р. Тезе), оз. Тростное, оз. Мал. Тростное (по р. Суворощь), оз. Трестовное (по р. Гусь).

Наличие такого ареала «тростяной» гидронимии в Поочье и сгущение ее на юг и юго-запад региона дает нам основание не

согласиться с попыткой В. Н. Топорова интерпретировать подмосковные гидронимы р. Тростня, оз. Тростенское, р. Тросна как балтизмы. В статье «„Baltica" Подмосковья»[4] он помещает эти гидронимы в список балтизмов, хотя и делает при этом оговорку «более вероятно славянское происхождение этих слов» [5]. Основанием для интерпретации данных гидронимов как балтизмов явилось наличие в литовском языке слова trušìs 'тростник'. Но это лит. trušìs было родственно славянскому *trъšt еще на праславянском этапе (Фасмер ЭСРЯ, IV, 100). Это обстоятельство и нахождение подмосковных гидронимов в пределах общего ареала «тростяной» окской, и как увидим дальше, днепровской гидронимии дает нам основание видеть в названиях Тросна, Тросня и Тростенское собственно русские образования. Если очертить ареал суффикса *-на/-ня* в гидронимии Поочья, то гидронимы Тросна и Тросня будут тоже находиться в пределах этого ареала (см. карту).

«Тростяная» гидронимия известна и за пределами Поочья. Слово *трость* является общеславянским: болг. *тръст*, сербохорв. *тр̑ст*, словен. trat (род. п. tȓsta), чеш. trest, tř̌tina, словац. trsť, польск. treść, trzcina, укр. *трость*. В связи с этим «тростяная» гидронимия известна на всех славянских территориях, но распространена неравномерно.

Известна она в бассейне р. Дон (Маштаков. Дон) [6], но в незначительном количестве (4 названия): р. Тростенка — приток р. Лесной Воронеж, р. Тростенка — левый приток р. Дон между реками Воронеж и Битюг, р. Тростянка, р. Бол. Тростянка — в бассейне р. Бузулук. Особенно часты «тростяные» гидронимы в бассейне Днепра (Маштаков. Днепр) по всему течению: р. Тросна, р. Тростинка, р. Тростица, р. Тростянка и др. (верховья Днепра), р. Тросна, р. Тростянец, р. Тростяница и др. (по среднему течению), р. Тростенец, р. Тростина и др. (по нижнему течению) — всего более 30 названий. В бассейне р. Вислы их зафиксировано около 20 (HW): Trzciana, Trzciański Potok, Trzcinica (верховья Вислы), Trzcianka, Trzcieniec (среднее течение), Trzcianek, Trzcianka, Trzcianko, Trzcianno, Trzciańske (нижнее течение) и др. Названия данного типа известны и южнее — на территории Чехословакии и в Югославии, но там они фиксируются в единичных случаях: Trstěník, Trstěn (Šmil. Vodopis, 471), Trstenik (Bezlaj. Slov., II, 276), Trstena (Dickenmann. Studien, II, 147—148) и др.

Оказывается, что больше всего «тростяной» гидронимии в Поднепровье: 30 названий на 9 000; в Поочье — 60 на 30 000, в Повисленье 20 на 18 000, особенно, если учесть при этом харак-

[4] «Балто-славянский сборник». М., 1972.

[5] Там же, стр. 237.

[6] В дальнейшем гидронимы бассейнов рек Днепра, Дона, а также р. Вислы приводятся по указанным источникам.

тер отбора гидронимов в «Списке» П. Л. Маштакова [7]. На северо-восток, северо-запад и на юго-запад от Поднепровья «тростяная» гидронимия представлена значительно реже.

Сита

В русских народных говорах известно большое словообразовательное гнездо от корня *сит-* : *сит*, *сить*, *сита*, *ситник*, *ситняк*, *ситовец*, *ситовина*, *ситовник*, *ситовье*. Гидронимы чаще всего образуются от слов *сит*, *сить*, *сита*.

Группа гидронимов от лексемы *сита* [8] в бассейне р. Оки менее многочисленна по сравнению с предыдущей и представлена более узким ареалом. Чаще всего «ситовые» гидронимы фиксируются в Окском левобережье, начиная от р. Жиздры по среднему течению р. Оки и несколько восточнее г. Рязани на территории Мещерской низменности. «Ситовые» гидронимы абсолютно отсутствуют в верховьях р. Оки до впадения в нее р. Жиздры и р. Упы, включая бассейн р. Упы. В левобережье Оки известны такие гидронимы: оз. Ситное — у впадения р. Жиздры в р. Оку, р. Ситенка — басс. р. Протвы, р. Ситенка, Сетинка, Ситня — басс. р. Каширки, Ситенской вершок — там же, оз. Ситное — под г. Рязанью, оз. Ситное (2 раза), оз. Ситное Нижнее, оз. Ситное Верхнее, Ситенской исток — перед впадением р. Пры, оз. Ситово — перед с. Киструс, оз. Большое Ситное, оз. Малое Ситное — у впадения р. Гусь. В Окском правобережье известны такие «ситовые» гидронимы: овраг Ситов — ниже р. Упы, р. Ситинка (2 раза), отвершек Ситенской — басс. р. Вашаны, р. Ситка Малая, Сетка (дер. Ситка) — басс. р. Беспуты, р. Ситинка (2 раза)— верховья р. Смедвы (см. карту).

За пределами Поочья «ситовая» гидронимия фиксируется в верховьях р. Дона: р. Ситка, р. Ситова Меча, Ситовка — басс. р. Красивая Меча, р. Ситовка — басс. р. Лесной Воронеж, балка Ситная — верховье р. С. Донец. Возможно сюда же относится оз. Ситниково — басс. р. С. Донец перед впадением в него р. Оскол, но здесь не исключено отантропонимическое образование гидронима. Бóльшее количество «ситовых» гидронимов в Поднепровье: р. Ситенка, р. Ситинка — басс. р. Остер, р. Ситка — в верхóвьях р. Днепр, р. Ситна — басс. р. Рось, р. Ситная — басс. р. Псел, р. Ситница, Ситенка — приток Днепра перед впадением в него р. Горынь, р. Ситня (2 раза) — басс. р. Вопь, р. Ситовка — басс. р. Славечна. Как показывают приведенные гидронимы, основной их ареал в бассейне Днепра — Верхнее Поднепровье и смежное с ним Среднее Поднепровье не ниже р. Рось. Данный ареал вплотную соприкасается с Окским левобережным ареалом (см. карту).

---

[7] «Список заключает в себе только названия рек, речек, ручьев и т. п. крупных и мелких потоков воды; озера же и болота без протоков в реку игнорируются. Овраги и яры. . . также не входят в список» (Маштаков. Днепр, VI).

[8] Для удобства изложения словом *сита* мы условно обозначаем всю корневую группу.

Это заставило нас обратиться к смежному ареалу — бассейну р. Вислы. Оказалось, что «ситовая» гидронимия в Повисленье фиксируется в правобережье преимущественно по среднему и нижнему течениям р. Вислы: Sitanka (Sientnica, Sietniczanka) — басс. р. Вислок, Sitnica — после впадения р. Буг, Sitno (5 раз), Małe Sitno — в нижнем течении р. Вислы.

Изучение «ситовой» гидронимии на всей славянской территории показывает, что основной ее ареал находится на севере и северо-западе славяноязычных стран, примерно он может быть очерчен с запада течением р. Вислы, затем ее низовьями и Верхним Поднепровьем, к которому вплотную примыкает окский ареал и верховье Дона, на юге изоглосса «ситовой» гидронимии проходит в районе 50 параллели.

Единичные «ситовые» гидронимы известны и южнее очерченного ареала на территории Чехословакии, на Балканах: Sitina, Sitnica (Šmil. Vodopis, 471), Sitenska Draga (Bezlaj, II, 184), Sitan Potok (Dickenmann, II, 106—107), Sitec, вар. Sytec (Dickenmann, II, 107). Некоторые из этих названий, вероятно, не являются «ситовыми». Так Е. Дикенманн считает возможным связывать гидроним Sitan Potok с сербохорв. sitan, sitna — 'маленький', а не только с sit, sita 'тростник' (Dickenmann, II, 106). Гидроним Sitec, Sytec он связывает с Žitec (сюда же Žintjak, Žitni Potok) žito — 'хлебные злаки', 'хлеб в поле', не исключает для него связь с sitan — 'маленький' и с sita 'тростник', (Dickenmann, II, 107).

Рогоз, рогоза

В Поочье известны гидронимы, в основе которых лежит эта лексема. Таких гидронимов всего 10, но они все же составляют определенный ареал (см. карту). Это Среднее Поочье: в левобережье — бассейн р. Угры и р. Москвы, в правобережье — бассейн р. Прони — р. Цны (левого притока р. Мокши); р. Рогосна — басс. р. Угры, руч. Рогозинской, р. Рогозна, р. Рогожня, р. Рогожа (Рогожка) — басс. р. Москвы, руч. Рогожинской — басс. р. Клязьмы, р. Рогожня, лоск Рогожинской Ржавец, р. Рагозинка — басс. р. Прони, ржавец Рогожиновской — у впадения р. Цны в р. Мокшу.

За пределами Окского бассейна «рогозовая» гидронимия известна в бассейне Дона: р. Рогозецкий Колодезь — басс. р. Сосна, балка Рогожкина — низовья р. Хопер, овраг Рогожкин — басс. р. Чир. Особенно много ее в бассейне р. С. Донец: р. Рогозянка, р. Рогозцы, оз. Розоговатое, оз. Рогозовое, овраг Рогозоватый, балка Рогозянская, балка Рогозовая и др. Довольно часты гидронимы данной группы и в Поднепровье, особенно в Среднем Поднепровье: р. Рогожанка, р. Рогожна, р. Рогозинка, р. Рогозка, р. Рагозина, р. Сухая Рогозна и др. Известна «рогозовая» гидронимия и в бассейне р. Вислы: Rogozińske, Rogoźna, Rogoźne, Rogoźniczek, Rogoźnik, Rogoźnik Mały, Rogoźnik Wełky. Встречаются эти гидронимы и значительно южнее: Rogožnica, Roho-

znice, Rohozná (Šmilauer, Vodopis, 471), Rogoznica, Rogozača, Rogozice, Rogozna (Bezlaj, II, 161), Rogozica (Dickenmann).

Как показывает приведенный материал, «рогозовая» гидронимия известна на всей славянской территории, но в незначительном количестве, это и мешает определить интенсивность ее в разных частях славянского мира. Все же создается впечатление, что на южных славянских территориях ее значительно больше, чем «тростяной» или «ситовой».

Как известно, в настоящее время для обозначения многих видов озерной растительности основной является лексема *камыш* (наряду с *тростник*). Гидронимы же от этой лексемы крайне редки в бассейне Оки: верх Камышевский — басс. р. Упы, овраг Камышинский — верховья р. Цны, р. Камышлей [9] — басс. р. Мокши, р. Камышевка — нижн. теч. р. Клязьмы. «Камышевая» гидронимия отсутствует в Верхнем Поднепровье и в бассейне р. Вислы. Это, очевидно, объясняется тем, что слово *камыш* не было известно первым славянам, пришедшим в эти места. Для обозначения разных видов озерной растительности у них были свои слова, которые и легли в основу гидронимов. Судя по данным гидронимии, окские славяне довольно поздно заимствовали лексему *камыш* из тюркских языков (ср. kamyš в тат., тур. и др.). Об этом свидетельствуют и данные памятников древнерусской письменности, в которых это слово появляется только в конце XVI в. в посольских документах, связанных с поездками в восточные страны, в актовом материале Донских и Астраханских канцелярий. Впервые оно фиксируется в «Памятниках дипломатических и торговых отношений Московской Руси с Персией» (посольство кн. Звенигородского) в 1594—1596 гг. в форме *камышина*: «велѣлъ [шах] . . изъ *камышень* стрѣляти в верхъ» (стр. 274).

Иную картину наблюдаем мы в бассейне Дона. Здесь «камышевая» гидронимия является самой многочисленной по сравнению с «тростяной», «ситовой» и «рогозовой». Она фиксируется преимущественно по среднему и нижнему течению Дона: балка Камышинка — ниже впадения р. Медведицы, лог Комышевый — в устье р. Чир, оз. Длинное Камышное, оз. Камышеватое — по р. Цымла. Особенно много подобных гидронимов в бассейне р. С. Донец и в низовьях р. Дон: Камышеваха, овраг Камышевый, оз. Камыши, бол. Камышевое, р. Камышевая, оз. Камышеватое, оз. Камышевое, балка Камышеваха — всего около 40 названий.

Известны аналогичные гидронимы в Среднем и Нижнем Поднепровье, хотя и в значительно меньшем количестве, чем в бассейне Дона. Здесь их всего 8 названий: р. Камыш, р. Камышанка, р. Камышеватая, руч. Камышин и др. На других славянских террито-

[9] Гидроним Камышлей — приток р. Хопра М. Фасмер возводит к тюркскому kamyšly 'поросший тростником' (ЭСРЯ, II, стр. 176). Наш гидроним находится в ареале эрзянского *лей*, и это дает нам основание членить его как *камыш* — 'камыш' и *лей* — эрз. 'река'. Ср. рядом р. Учигидлей, р. Кучерлей, р. Кашколей, р. Мерелей, р. Пичелейка, р. Ушлейка и др.

риях «камышевая» гидронимия отсутствует, судя по имеющимся гидронимическим каталогам и исследованиям. Она известна на тех территориях, где к приходу славян проживало тюркоязычное население — в бассейне Дона, в Нижнем и Среднем Поднепровье.

Исследование небольшой «тематической» ('по речной растительности') группы гидронимов дало нам новые сведения о лексемах, лежащих в их основе. Оно дало возможность определить действительную территорию их бытования в говорах русского языка: лексема *сита* известна в курских, калужских, смоленских, московских, тульских, рязанских и частично в воронежских говорах. Лексема *рогоз* (*рогоза*) встречается в северных районах орловских говоров, в западных районах калужских и смоленских говоров, в московских говорах и в южных районах рязанских говоров.

Исследование данной группы гидронимов дает возможность восстановить древние межславянские лексические ареалы, например ареал лексемы *сита* в северной части славянского региона; выявить некоторые особенности лексических ареалов, например, сгущение лексемы *трость* в Среднем Поднепровье и отсутствие ее в бассейне Дона (кроме нескольких гидронимов в верховьях Дона).

В данном случае ареалы лексем *сита*, *трость*, а также *рогоз* и *камыш* действительно отражают особенности расселения народов и межъязыковые контакты, а не географическое распространение соответствующих реалий. Как показывают справочники и определители растений, Phragmites, Junkus, Typha, Scirpus в равной мере распространены по всей территории Европейской части СССР и шире — по всей стране, за исключением Арктики, некоторых районов Дальнего Востока и Средней Азии [10].

Исследование группы гидронимов 'по речной растительности' дает в руки лингвистов интересный материал, свидетельствующий об особенностях расселения народов, межъязыковых контактов.

Вопрос о лингвоисторической информации, которую дает гидронимия (и топонимика) можно решать шире, идя по линии привлечения новых географических названий. В этом отношении наиболее интересными будут общеславянские аппелятивы, а именно: географические термины, обозначающие виды водных объектов, например, русск. *болонье*, *оболонь*; термины, обозначающие отрицательные формы рельефа (углубления в почве), например, русск. *дебрь*, *дол*; термины, обозначающие разные способы расчистки леса под пашню, под жилье, например, русск. *тереб* (от *теребить*). Даже предварительный анализ гидронимов и топонимов, образованных от указанных географических терминов, дает интересные результаты. Оказывается, что ареалы этих названий (типа о. *Дол*, р. *Дебренка*, р. *Оболонь* и т. п.), заканчиваясь в бассейне Оки, проходят в разных направлениях по всей славянской территории, связывая левобережное Поочье с верхним Поднепровьем, бассей-

[10] См. Ю. Е. Алексеев, В. Н. Вехов, Г. П. Гапочка и др. Травянистые растения СССР, т. 1—2. М., 1971.

ном реки Вислы, а правобережное Поочье с верховьями Дона, средним Поднепровьем, Карпатами и Балканским полуостровом. Но это тема специального исследования.

Принятые сокращения

Маштаков. Днепр	*П. Л. Маштаков.* Список рек Днепровского бассейна. СПб., 1913.
Маштаков. Дон	*П. Л. Маштаков.* Список рек Донского бассейна. М.—Л., 1934.
Dickenmann	*E. Dickenmann.* Studien zur Hydronymie des Savàsystems I. Heidelberg, 1966.
HW	«Hydronimia Wisły. Wykaz nazw w układzie hydrograficznym». Wrocław—Warszawa—Kraków, 1965. Red. P. Zwoliński.
Šmil. Vodopis	*Vl. Šmilauer.* Vodopis starého Slovenska. Praha a Bratislava, 1932.
Bezlaj. Slov.	*Fr. Bezlaj.* Slovenska vodna imena. Lubljana. 1 — 1956, 2 — 1961.

К ИСТОРИИ СЛОВА *ДРАГОЦЕННЫЙ* В РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

Р. М. ЦЕЙТЛИН

В русском литературном языке имеется ряд слов, считающихся по своему происхождению старославянскими, но на самом деле исконно русских, образовавшихся в процессе развития книжной лексики литературного языка. Отнесение того или иного слова к старославянизмам производится довольно часто по одной какой-либо внешней его примете — фонетической особенности, словообразующему аффиксу или по некоторым другим формальным признакам. Такой прием определения старославянизмов особенно упрочился после опубликования свода так называемых «церковнославянских элементов» в «Очерке современного русского литературного языка» А. А. Шахматова (см. главы «Происхождение современного русского литературного языка» и «Церковнославянские элементы»). Наименование «церковнославянский» в «Очерке» употребляется в том смысле, в каком в настоящее время обычно употребляется прилагательное «старославянский» применительно к языку, слову, форманту и т. п. И хотя сам А. А. Шахматов недвусмысленно подчеркивал необходимость тщательного исторического анализа каждого конкретного слова для определения его происхождения, именно слова с тем или иным «церковнославянским элементом», как правило, без такого анализа зачисляются в разряд старославянизмов по происхождению[1]. Так, например,

[1] Употребляя термин «старославянизм», мы имеем в виду генетический план исследования, а не стилистический. В последнем случае пользуемся термином «славянизм». См. нашу заметку «Об употреблении термина «старославянизм»» («Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР», № 43.

старославянизмами до недавнего времени считались существительные с формантом *-тель*, прилагательные на *-тельный*, неполногласное *младость* [2].

К таким же ложным, на наш взгляд, старославянизмам относится сложение *драгоценный* со своими производными. А. А. Шахматов слово *драгоценный* привел в своем «Очерке» в качестве единственного примера церковнославянизма с неполногласным элементом *-драг-*. Составители Этимологического словаря болгарского языка также зачислили его в группу староболгарских (=старославянских) слов, но вместе с тем здесь же современное болгарское литературное *драгоценен* квалифицировали как русизм [3]. Собственно болгарскими в современном языке являются в этом значении слова *скъп* и *скъпоценен*, а также *безценен*.

Слова *драгоцѣнiе*, *драгоцѣньнъ*, *драгоцѣньно*, *драгоцѣньность* не встречаются в языке старославянских рукописей и в языке памятников, известных по поздним спискам, но возникших в ту же эпоху, что и старославянские рукописи. Значение 'чрезвычайно дорогой, высокоценный' передавалось в языке старославянских рукописей четырьмя словами: драгъ, бесцѣнънъ, мъногоцѣнънъ и чьстънъ. Все эти слова отличаются ограниченной сочетаемостью, они употребляются только тогда, когда говорится о высокоценных (драгоценных) камнях, жемчуге, тканях, благовониях. Следует отметить, что все данные прилагательные были известны в древнерусском языке старшей поры и сохранялись в литературном употреблении еще в первой половине XIX в. Если учесть, что старославянская лексика известна нам по семнадцати древнеболгарским рукописям, суммарно содержащим около 10 000 различных слов, то синонимическое употребление почти одновременно такого значительного числа (четыре!) прилагательных и при этом в многочисленных контекстах, и различных памятниках говорит о том, что слово *драгоцѣньнъ*, по всей вероятности, не было известно в языке X—XI вв.

Приведем примеры употребления данных слов в языке старославянских и древнерусских памятников (анализируем только значение 'чрезвычайно дорогой, высокоценный').

М., 1965, стр. 64—67). Под старославянским языком мы подразумеваем тот язык, который непосредственно зафиксирован в древнеболгарских рукописях X—XI вв.

[2] Общеславянский ареал девербативов на *-тель* показал С. Б. Бернштейн. См. С. Б. Бернштейн. К истории славянского суффикса *-tel'ъ*. «Русское и славянское языкознание». М., 1972. О слове *младость* см. Р. М. Цейтлин. Заметки по старославянской лексикологии. «Этимология. 1971». М., 1973.

[3] Вл. Георгиев, Ив. Гълъбов, Й. Заимов, Ст. Илчев. Български етимологичен речник, св. VI. София, 1968, стр. 417—418. См. также Речник на съвременния български книжовен език, т. I. София, 1955, стр. 290.

Драгъ (употребляется в Зогр, Мар, Ас, Сав, Син, Служ, Евх, Супр[4];. греч. соответствия τίμιος, βαρύτιμος, πολυτελής). Например: приступи къ нємоу жена. имѫшти алавастръ мира драга Мт 26, 7 Зогр, Мар, в Ас и Сав — драгааго; Приде жена. имѫшти алавастръ хризмы. нар'дяны пистикіи драгы Мк 14, 3 Зогр, Мар (ср. И 12, 3); на главѣ его вѣнѫцѣ отъ камені драгаего Пс 20, 4 Син; вѫжделана паче злата і камені драга многа Пс 18, 11 Син; въ веригахъ вѣхъ. се цѣсарь вѣнѫцѣ отъ каменига драгааго ношѫ Супр 368, 16 (ср. Супр 344, 4—5). Ср. в Изборнике 1076 г.: Не измѣни дроуга раз(ли)чига дѣла. ни брата приснаго злата дѣла. и камене драгаго л. 159а 2. В рукописи XVII в.: Нѣкій Пѣтелъ ища в земли пищу себе обрѣте драгіи адамантъ и рече к себѣ что сотворю с каменемъ симъ драгимъ... (басня «О Пѣтеле обрѣтшемъ камень драгій», 1674 г.)[5]. В поздних церковнославянских рукописях на месте частого словосочетания *камень драгый* употребляется в отдельных случаях сложение *драгокаменьный* (см. Словарь Востокова, I, 107, то же у Миклошича, 175 и Срезн., I, 719).

Бесцѣнѫнъ употребляется по одному разу в Евх, Клоц и Супр.; греч. соответствие ἀτίμητος): бесцѣнѫнаго бисѣра достои(нъ въ)істъ пріѣмти Клоц 14б 24; то же Супр 453, 14; не посрами насъ... дѣѫщиихъ въ има твое. дары бесцѣнѫныѣ Евх 44а 14. Прилагательное бесцѣнѫнъ в книжном значении 'высокоценный, драгоценный' известно и в древнерусском языке (см. Срезн., I, 79), где, по всей вероятности, является семантической калькой со старославянского, где оно, в свою очередь, передает греч. ἀ-τίμητος. Ср.: чѣстное дрѣво. бесцѣнѫно ѥсть. а ковання ѥго. злото и сребро. Нап. на кр. Ефр. Пол. 1161 (цит. по Срезн. I, 79); дама же ти злато и сребро и ризы бесцѣнѫны. Успенский сборник, л. 127г 3—4. Здесь префикс *без-*, как и в ряде других прилагательных с этой приставкой, вносит оттенок усиления, показывает, что то или иное качество в предмете находится в предельной степени. Ср. старославянские безкрѣменѫнъ 'бесконечный' или безмѣрѫнъ 'необъятный'[6]. Данное значение прил.

---

[4] Пользуемся следующими условными сокращениями в названиях старославянских памятников: Ас — Ассеманиево евангелие, Евх — Синайский Евхологий, Зогр — Зографское евангелие, Клоц — Клоцов сборник, Мар — Мариинское евангелие, Сав — Саввина книга, Син — Синайская псалтырь, Служ — Синайский служебник, Супр — Супрасльская рукопись.

[5] С. П. Обнорский и С. Г. Бархударов. Хрестоматия по истории русского языка, ч. II, вып. 1. М., 1949, стр. 39.

[6] О старославянизмах на *без-* см.: С. П. Обнорский. Префикс *без* в русском языке. «Избранные работы по русскому языку». М., 1960; В. Н. Виноградова. Прилагательные с отрицательными приставками *без-* и *не-* в древнерусском языке XI—XIV вв. «Лексикология и словообразование древнерусского языка». М., 1966.

бесцѣнъ антонимично исконному значению *бесцѣньнъ* в восточнославянских языках, а также в чешском и словацком, где оно имеет «прямое» значение 'не имеющий цены, никакой ценности'. Это значение отражается в русском наречном выражении *продать* (*купить*) *за бесценок*. Ср. древнерусское бесцѣнию в значении 'низкая цена': Продалъ еси люди своя бесцѣнию Пс 43, 13 (цит. по Срезн., I, 79). В Синайской псалтыри здесь — без цѣны.

Многоцѣнъ (употребляется в Зогр, Мар, Ас, Сав и Супр; греч. соответствие πολύτιμος и πολυτελής). Например: Паки подобно єстъ цр҃ствиє нб҃ское чкоу коупцоу. ишт҃щоу добра бисѣра. іже обрѣтъ единъ многоцѣнъ бисѣръ. шедъ прода все имѣниє і коупи є Мт 13, 46 Зогр Мар Ас Сав. В некоторых древнерусских евангелиях в этом стихе находим злѣ цѣнъ или цѣнъ злѣ (см. Словарь Амфилохия, 12). Марiѣ же приимъши. ливр҃ хризмы. нарда пистикиꙗ. многоцѣнъны. помаза носѣ і҃сѣ И 12, 3 Зогр, Мар, Ас, Сав (ср. драгъ в Мк 14, 3); съ всѣмъ клиросомъ и съ подвижными облашими. и съ конѣми многоцѣнъными. обив'ше... положиша чьстно тѣло въ томъ гровѣ Супр 532, 6; вѣхж же капиштга та позлашгена и оукрашена. красѣж многоцѣнъноѣж Супр 176, 25—26 (здесь краса употребляется в конкретном значении 'украшение'). Ср.: Многоцѣнъныи вѣнацъ приялъ. Мин. 1097 г., 157 (цит. по Срезн., I, 210); И о добрых женах рече: «дражьши есть камени многоцѣнна». Новг. 1 лет. Комис. сп., л. 45. 6488 г.; Не многоценна бо одежда и проста кормла довлеет нам ... (Послание Ивана Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь).

Чьстънъ (употребляется в Супр; греч. соответствие τίμιος). Например: ѣкоже аште к'то видит' вѣдро злато. имѣжшти жтръ камение чьстъное... Супр 344, 5; кыи оусп҃хъ повѣжда ми чьстънаго камениꙗ сего. и златомъ шѧкеныихъ ризъ Супр 447, 8. Прил. чьстънъ в значении 'высокоценный, драгоценный' появляется в поздний период существования старославянского языка. Это семантическая калька с греческого. Основное значение τίμιος ('почитаемый, уважаемый') переводилось на старославянский прилагательным чьстънъ, образованным от сущ. чьсть. Второе значение τίμιος ('высокоценный, драгоценный') на основе первого (отыменного) значения также переводилось ст.-сл. чьстънъ, хотя сущ. чьсть с ним уже не соотносилось. В ряде церковнославянских памятников чьстънъ появляется на месте первоначального драгъ. Например, в некоторых древнерусских списках псалтыри: отъ камени чьстнаго пс. 20, 4 вместо драгаго (так в Син); в апостоле: злато, сребро, камениє ч(ѧ)стъно I Кор, 3, 12 Христ (в других списках апостола везде — камениє драго; цит. по Словарю старо-

славянского языка Чехословацкой АН, II, 9)[7]. Ср. так[illegible] честный Геор. Ам. л. 103 (цит. по Срезн., III, 1575). В [illegible] из первых русских словарей (рукопись XIII в.) *бисеръ* толкуется словосочетание *камень чстьнъ*[8].

В древнерусских памятниках XI—XVI вв. прил. *драгоцѣньный* и его производные не встречаются (по данным известных словарей и картотек). В картотеке Словаря древнерусского языка Института русского языка АН СССР зафиксирован единственный пример употребления сущ. *драгоцѣние*: не почтѣмъ вина цвѣтовнаго. варяши различнаѣ козньства. мирскаѣ драгоцѣныѣ. на земли и мореѣи чстныи нашь гноі даромъ(ъ) даютъ. Г. Б. XIV в. л. 55. Здесь *мирскаѣ драгоцѣныѣ* означает 'благовония драгоценные', далее интересно прил. *честьныи* в том же значении (говорится о мирских излишествах как о драгоценной грязи, нечистотах). В картотеке Древнерусского словаря XI — XVII вв. (главн. редактор С. Г. Бархударов) Института русского языка АН СССР имеется уже значительное число примеров употребления слова *драгоценный* в сочинениях Курбского (по спискам XVII в.), в Хожении Радзивилла Сиротки (список XVII в.),, в записях песен, былин (из собраний Соболевского, Рыбникова, Гильфердинга), из печатных изданий первого десятилетия XVIII в. Например: Тамо же (в Казанской земле) и скотовъ различныхъ стадъ бесчисленныѣ множества, и кожъ гей драгоцѣнныхъ, наипаче отъ различныхъ звѣреи ... Курб. Ист., 190; Великие убо и драгоцѣнные товары имѣлъ въ немъ, которыѣ изъ Сирии приходятъ. Хожение Радзивилла, 229 (перевод с польского: wielkie i drogie towary miał). Прилагательное *драгоценный* впервые в русской лексикографии было зафиксировано в Лексиконе треязычном Ф. Поликарпова 1704 г. В остальных славянских языках аналогичные сложения также появились довольно поздно. Словари древних славянских языков Востокова, Миклошича, Даничича, Гебауэра, Срезневского, Словарь старославянского языка Чехословацкой Академии наук не фиксируют данного прилагательного и его производных. В словарях Даничича (I, 300—302) и Гебауэра (I, 323) отмечен ряд собственных имен на Драго- и Draho-. Сложений-апеллятивов на drago-, draho-, drogo-, dorogo- вообще очень немного и в современных славянских языках. Можно отметить срхр. dragokup, слвц. drahokam и drahokamový, чешск. drahokam, польск. drogokupny, drogokruszcowy, а также макед. *драгоцен*, срхр. dragocjen (dragocen), словен. dragocen, чешск. drahocenný, слвц. drahocenný,

---

[7] См. также V. Jagić. Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache. Berlin, 1913, стр. 341.

[8] К. Калайдович. Иоанн, екзарх Болгарский. М., 1824, стр. 195 (приложение). Этот перевод повторяется в более поздних списках этого словаря. См. Л. С. Ковтун. Русская лексикография эпохи средневековья. М.—Л., 1963, стр. 107, 133 и др.

польск. drogocenny, укр. *дорогоцінний* и их производные.

Таким образом, есть основания полагать, что слово *драгоценный* появилось в русском языке, по всей вероятности, в XVI в., а широкое распространение получило с XVII в.

Анализ слов типа *драгоценный* показывает, что среди лексем, считающихся по традиции старославянизмами, немало исконно русских, сформировавшихся в процессе развития литературного языка. Выявление значительного числа подобных слов должно существенным образом сказаться как на интерпретации процессов влияния старославянского языка на русский, так и на характеристике взаимодействия народного и книжного начал в истории русского языка.

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ СЕМАНТИКИ СЛОВА *ХЛАД* (К ПРОБЛЕМЕ ЭНАНТИОСЕМИИ)

О. И. СМИРНОВА

Изучение явления энантиосемии как частного случая полисемии представляется весьма интересным и актуальным [1]. Причины поляризации значений внутри одного и того же слова могут быть различны [2]. Установление причин возникновения у некоторых слов противоположных значений, выявление возможностей сосуществования подобных значений внутри одного и того же слова, а также изучение влияния такого рода семантических изменений на другие слова, связанные с данным словом генетически и семантически — решение этих проблем возможно на основе изучения истории семантического развития слов, как элементов определенной системы.

В данной статье рассматривается история семантического развития слова *хлад* в русском языке, что позволит, как нам кажется, уточнить некоторые значения слов *холод* и *мороз*, которые в словарях современного русского языка недостаточно четко формулируются и не всегда подтверждаются приводимым иллюстративным материалом.

Слово *хлад* в современном русском языке входит в лексико-семантическую группу, слова которой в своих значениях выражают

---

[1] См. И. П е т е. О противоположных значениях одного и того же слова в русском языке. «Acta Univ. Szegediensis de Atilla József nominatae. Dissertationes slavicae», 1964, N 2, стр. 20—21.

[2] См. О. И. С м и р н о в а. Один случай энантиосемии. «Лексикология и словообразование древнерусского языка». М., 1966, стр. 56—67; В. Ш е р ц л ь. О словах с противоположными значениями (или о т. наз. энантиосемии). «Фил. записки», вып. V—VI, I. Воронеж. 1883, 1884.

понятие сильного холода, охлаждения (*мороз*, *холод*, *хлад*, *зима*, *стужа*, *студа*, *стыдь*, *студь*, *север*). Опорными словами в этой группе в современном русском языке являются *мороз* и *холод*. Они общенародны, очень употребительны, имеют большое количество дериватов, общие значения и в некоторых контекстах могут взаимозаменяться, однако они имеют и серьезные различия. Слово *мороз* имеет, по нашему мнению, одно значение: 'сильный холод, стужа'; 'холодная зимняя погода, когда температура воздуха опускается ниже нуля, а вода замерзает'. Слово *холод* многозначно. Оно включает в себя и значение 'сильный холод, стужа, мороз', но в ограниченном употреблении (о зимней погоде). Основное же его значение — 'отсутствие тепла или сравнительно низкая степень тепла (ниже нормальной), при которой человек испытывает неприятное чувство озноба'. Кроме этих двух значений, у слова *холод* есть переносное значение 'равнодушие, безразличие, холодность'. Остальные слова этой лексико-семантической группы либо являются диалектными (т. е. территориально ограничены): *студа* (арханг.), *студь* (северное), *стыдь* (московск., рязанск., вор., тамб.); *север* 'холодный ветер', *северы* 'холода, морозы, стужа [3]; либо диалектно-разговорными: *стужа*; либо семантически ограниченными: *зима* 'самое холодное время года'; либо устарелыми: *хлад* 'холод'.

В древнерусском языке, начиная с его письменной истории, мы наблюдаем иную картину. Слово *холод* до XVI в. в письменном языке не встречается, по-видимому, оно не попало в памятники древнерусской письменности как элемент народно-разговорного языка. Понятие сильного холода, охлаждения в древнерусском письменном языке XI—XV вв. выражали слова *морозъ*, *мразъ*, *студень*, *зима*: Вьсе тело *морозъмь* изъмьрзъше (Изб. Св. 1076 г., 42 об. ДРС); (1074): Приспѣяше зима и *мрази* лютии (Лавр. лет., л. 65 об. 1377 г. СДР); То же слышавъ оць его съжали си зѣло его ради, блюдыи да не гладъмь и *зимою* умреть (Ж. Феод. Нест., 53. XII в. ~ 1088 г. ДРС); Бѣ же зима и бы̀с в тои нощи *студень* велика (Панд. Ник. Черн. XIV в., л. 117 а. СДР); Зимѣ же на снѣгу и на *студени* помѣтаем [пленный монах] (К.-Печ. пат. (Сим. 1225—1226 гг.), Сп. 1406 г. 111 б. СДР).

Как показывает анализ обширного материала, представленного памятниками древнерусской письменности, слова с корнем *мороз-* (*мраз-*) и *студ-*, а также слово *зима* употреблялись для выражения в языке понятия сильного холода, связанного с неприятными ощущениями переохлаждения, озноба, и имели значения 1) 'холод в противоположность теплу'; 2) 'мороз стужа'; 3) 'лед, иней'. Эти слова в контексте часто стоят рядом со словами *убити*, *измерзнути*, *мертвыи*, *голодъ*, *лютый*, *терпѣти*, *томити* и т. п., при описании явлений, приносящих человеку и всему живому стра-

[3] См. Вл. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. IV, стр. 346, 378.

дания, болезни, гибель. Очень часто слова *морозъ*, *мразъ*, *зима*, *студень* употреблялись при описании суровой зимы: (1127): А на осень *уби морозъ* вьршь всю и озимицѣ, и бы‹сть› *голодъ* (Новг. I лет., 124. ДРС); И видѣ чл҃вка лежаща мр҃тва нага, измерзъша от *мраза* (Ч. Николы IV, 36. XIV в. ~ XI в. ДРС); И бывши *зимѣ лютѣ* и рѣкамъ всѣмъ померзъшимъ отъ *мраза*, якоже верху леду ходити (Пролог (Срз.), л. 229 об. XV в. ДРС); *Зимою мруть* [4] (Никон. Панд., сл. 36. Срезн., т. I, стр. 979); Паки зимѣ приспѣвши *от* зимъныя *студени стражемъ* (Пал., 1406 г., л. 36б. СДР).

В некоторых контекстах слова *мразъ* и *студень* сближаются семантически со словами *варъ* и *зной*, так как и те и другие обозначают явления, значительно превышающие температурные нормы, соответствующие жизнедеятельности живого организма, особенно человека. Это сближение тем более интересно, что слова *мразъ* и *студень* по другому семантическому признаку антонимичны словам *варъ* и *зной*, так как обозначают явления температурно-полярные: *Студению* и *зноемь* или болѣзнию тѣлесьною очищаяся [Анагност Зоил] въ ину от смѣха и уныния и лѣности и сътужения (Син. пат. XI в., л. 118 об. СДР); Ни *мразъ*, ни *зной*, ни вѣтръ побѣди терпѣния его [Даниила Столпника] (Пролог (Срз.), л. 164 об. XV в. ДРС); Быхъ днѣю жегом *зноем*, а *студению* нощию (Быт. XXXI. 40. Библ. Генн. 1499 г. ДРС). В некоторых случаях, как показывают примеры, семантическое сближение указанных слов подчеркивается и синтаксически: либо в виде перечисления с повторяющейся усилительной частицей «*ни*», либо при помощи соединительного союза «*и*».

Употребление слова *хладъ* и его производных и памятниках церковно-религиозного характера, по преимуществу переводных, содержание которых отражало явления, имевшие место в иных климатических условиях (главным образом, в условиях жаркого климата), не могло не повлиять на семантику этих слов. Явление охлаждения в условиях жаркого климата не могло оцениваться так же, как в условиях климата умеренного. Охлаждение в условиях жары соответствовало нормальному состоянию живого организма и воспринималось как явление положительное. Более того, верующие могли воспринимать его как божественную спасительную силу, способную вернуть бодрость, жизнь, принести желанный отдых.

Действительно, в древнерусском письменном языке слово *хладъ*, выражая понятие охлаждения, соответствующее представлениям говорящего о норме, приобретает «положительные» значения: ‘приятная свежесть’, ‘прохлада’, ‘освежающая роса, влага’, а выражая понятие охлаждения, не соответствующее представлениям о норме, выступает в соответствующих контекстах в значении ‘сильный холод, стужа’.

[4] Умирают от холода.

В нашем распоряжении имеется два примера на употребление слова *хладъ* в значении 'холод, стужа': *Хлада* зимнаго (Ф. Студ. XIV в., л. 206а. СДР); Вари же и *хлади*, гладъ же и жадание, худость ризная и обувная (там же, л. 91а). В первом случае словосочетанием *зимный хладъ* переводится греч. ὁ παγετός— 'ледяной холод, мороз', во втором случае — греч. τὸ ψῦχος, которое во множественном числе могло иметь значение 'холод, стужа'. Последний пример интересно сопоставить с разбиравшимися выше примерами из Синайского патерика XI в., Библии Геннадия 1499 г. и Пролога XV в. Здесь наблюдается такое же семантическое сближение антонимов *варъ* и *хладъ* по признаку несоответствия требуемой норме и, следовательно, губительности для живого организма, как в случае со словами *студень*, *мразъ*, с одной стороны, и *зной*, с другой стороны.

В то же время, в других контекстах, мы находим слово *хладъ* в значениях 'приятная свежая прохлада', 'освежающая роса, влага': Не видѣ бѣсъ изгонящь именем Хсвом болящуихъ здрвующь, огня на *хлад* прелагаема мртвыих встающе (Сб. Увар. XIV—XV вв., л. 168. СДР); Углие *хладъмь* любъве бжия угашьше (Мин. сент., 095, 1096 г. ДРС). Словом *хладъ* переводилось также греч. ἡ αὔρα — 'дуновение ветерок': Повелѣ бури и ста въ *хладъ* (εἰς αὔραν) (Псалт. толк. XII в. пс. CVI. 29 (В.) Срезн.).

Очень часто, в соответствующих контекстах, слово *хладъ* и его производные выражали понятия прямо противоположные понятиям иссушающего зноя, жара, томительной жажды, всепожирающего огня и т. п. Так, слово *хладный* имело значения 'прохладный', 'приятно освежающий', 'спасительный': И створи посреде пещи дух *хладьнъ* дышющь и шюмящь (Лобк. прол. XIII в., л. 96 в. СДР); *прохлажати* — 'освежать', 'питать влагой', 'оживлять', 'давать силу': Исъхъшая страстими всегда *прохлажаеши* (Мин. 1097 г., л. 93. Срезн.); 'овевая прохладою, освежая, спасать (от зноя, жара)': Въ огнь вьвьржеся печально въ мтлную же вьниде пещь, *прохлажаемь* дхмь хладоносьною силою. (Мин. 1096 г. (окт.), л. 57. Срезн.); *прохладити* — 'освежить, остудить (от жара)' или 'напоив, подкрепив, оживить': Водъ бжьствьныихъ исплънь бысѣ и *прохладилъ* еси дша истаявъша варъмь лютаго грѣха, Алупие бомудре (Мин. ноябрьск., 469. 1097 г. ДРС); *охладити* — 'охладить', 'оросить', 'освежить', 'оживить': Безбожьныимъ зноемь зълѣ исъхъшю *охлади* (Мин. 1097 г., 164. Срезн.); *охлаждение* — 'утоление жажды', 'освежение', 'оживление': Ты бѣ жаждющиимъ утробъ *охлаждение* (Илар. Зак. Благ. Прибавл. тв. св., с. 248. Срезн.)

Слова *морозъ*, *мразъ*, *студень* [5] продолжают широко употреб-

[5] У слова *студень* с XVI века фиксируется вторичное значение: 'кушанье из застывшего мясного или рыбного бульона с кусочками мяса': ѣства вареная мясная и рыбная *студенью* (Дм., 54. XVI в. ДРС); Три ноги да три языка на *студень* купилъ (Кн. расх. Хлын., 34 об. ДРС).—Примеч. автора.

ляться в значении 'сильный холод, мороз, стужа' и в письменном языке XVI—XVIII вв. Поснявъ всякие сѣмена *от морозу* всегды беречи [подобает] (Дм., 120. XVI в. ДРС); [Бог] наводит на ны. . . зима неугодна и лютые *мразы* (Дм., 23. XVI в. ДРС); Иде видѣти измерзъшее воиньство свое и не возможе видѣти ихъ нестерпимыя ради *студени*. . . И отъ таковыя зельныя *студени* вредишася внутренняя его. (Кн. Степ., 439., XVI—XVII вв. ~ 1560 гг.); От духоты и *от морозов* померло 112 человек (Гр. Башк., 251. 1709 г. ДРС); Морозовъ тамъ [в Египте] и *студени* не знаютъ, и не вѣрятъ тому, что вода от морозовъ огустѣваетъ. (Козм. V, л. 40, н. XVIII в. ДРС); Сего уже довольно, чтобы заключить, сколь чрезмѣренъ *мразъ* во внутренности сея земли находящийся. (Рычков. Журн. I, 95. 1770 г. ДРС); И суровость воздуха, и вѣтра, и дѣйствие жара, и лучей солнца, и жестокость *морозовъ*, и стужи. . . можетъ повредить и погубить великое изъ нихъ [взошедших зерен] множество. (Болот. С. Ж. ч. II, л. 34, стр. 117—118. 1778 г. ДРС).

Кроме указанных слов, в значении 'сильный холод', в языке XVI—XVIII вв. мы находим слова *студъ* и *студь*, а также слово *стужа*: И нам, государь, сиротам твоим *с студи* и с босоты и голодного смертью погибнуть (Гр. Сиб. Милл. II, 152. 1596 г. ДРС); Всякимъ бо томлениемъ томяше плоть свою, зимѣ убо *студъ* терпяше (Ж. Герас Б., 170. XVI в. сп. XVII в. ДРС). А иные дѣвки и жонки, со страсти по лѣсомъ, въ нынѣшную зимнюю пору *отъ стужи* померли. АИ II, 149. 1608 г.

Продолжает употребляться в этом же значении и слово *зима*: И сидѣлъ до Филипова поста студеной башне, тамъ *зима* в тѣ поры живетъ, да богъ грѣлъ и без платья. (Ав. Ж., 24. 1673 г. ДРС); Услышавше то Иулианъ вставъ и обрѣте человѣка. . . умирающаго *от зимы* и принесь его въ домъ свой (Р. Д., 284. 1688 г. ДРС); Яко ни *въ зимѣ* боится *зимы*, ни въ лѣтѣ зноя (Дим. Ростовск. Кн. житий (сент.), 1711, л. од. Картотека Словаря XVIII в.).

Однако у этих слов появляется конкурент, который в дальнейшем вообще вытесняет из литературного языка почти все слова с корнем *студ-*: в XVI веке в литературный язык из народно-разговорного проникает слово *холод*. У слова *холод* так же, как у слова *хлад*, наблюдаются колебания в значениях, от «положительного» до «отрицательных», что объясняется, с одной стороны, способностью этого слова отражать в значениях явление понижения температуры на различных уровнях и, с другой стороны, привносимой при этом эмоциональной оценкой данного явления со стороны говорящего [6].

[6] Этой особенности слова *холод* не учли составители Словаря русского языка в 4-х томах АН СССР. Формулировка первого значения слова *холод* 'низкая температура окружающей среды (воздуха, воды и пр.)' явно нуждается в уточнении: в сравнении с чем «низкая температура», для кого или для чего «низкая». Из иллюстраций, приводимых ниже, читатель может заклю-

Эта особенность слова *холод*, а также влияние на него его ближайшего «родственника», слова *хлад*, которое, наряду со своими производными выражало в языке понятие приятной свежести, приятного освежения, охлаждения, привело к тому, что слово *холод* и некоторые его производные в памятниках XVI—XVIII вв. мы встречаем в значениях 'прохлада', 'прохладное место'; 'прохладный', 'освежающий', 'легкий, нежаркий', и т. п. *Холодъ* 'место, где прохладно, нежарко', 'тень, прохлада': Люди могли (бы) в *холоду* отдыхати (Назиратель, л. 28 об. XVI в. ДРС); Се у горы под дубомъ высокимъ сидитъ в *холоду* (Мелюзина, 156, к. XVII в. ДРС); Рече ему [Леониду] нѣкто отъ воевъ. Толико множество воевъ перскихъ, яко отъ стрѣлъ ихъ и солнца не будетъ видѣть. На сие рекъ [Леонид]: что же дѣлать, то намъ лучши, что съ ними битца будемъ въ *холоду*, а не в жару (Апофегмата, 1716 г., с. 158. Картотека Словаря XVIII в.); *холодный* 'легкий', 'в котором прохладно, нежарко (о летней одежде)': *холодная тѣлогрѣя* (АИ II, 405. 1612 г. ДРС); Здѣсь еще тепло, такъ что мошъно въ *холодномъ* платье ходить. (Петр. I, 208. 1697 г. ДРС); 'такой, где прохладно (летом)': Горницы теплые и *холодные* (ДАИ X, 310.1686 г. ДРС); Вездѣ надобно примѣчать, чтобъ конюшня зимою тепла, а летомъ *холодна*, весела, светла, просторна, и во всемъ подобна человѣческому жилью была (Флоринова экон. 1738 г., с. 69. Картотека Словаря XVIII в.); 'приятно освежающий, прохладный (о воде)': Насъ было шесть или семь женщинъ. *Холодная* вода и прекрасные луговые берега заманили насъ далѣе; нежели мы намѣрены были, а нашедши при берегѣ мѣсто неглубокое и пещаное предприяли въ немъ купаться (Елаг. Приключ. маркиза Г., ч. IV, 1758 г., с. 123); *холодникъ* — 'место, где летом прохладно'; 'летнее, неотапливаемое помещение': Были посланники у Александра царя у стола, по их в *холоднике* деревяном. Посольство Толочанова, 83. 1652 г. ДРС); *холодокъ* 'приятная прохлада': *Холодокъ* весьма усладительнои утѣшалъ насъ по дни зѣло тепломъ (Кант. О множ. миров (Фонт.), с. 4. XVIII в. Картотека Словаря XVIII в.).

Однако значение 'прохлада', 'прохладное место' не является для слова *холод* главным [7]. Большею частью в литературном языке XVII—XVIII вв. оно употребляется в значении 'низкая темпера-

---

чить, что *холод* — это 1) 'приятная прохлада': «Дитя мое Останься здесь со мной, В воде привольное житье И *холод* и покой» (Лермонтов. Мцыри); 2) 'низкая температура воздуха, при которой у человека возникает неприятное чувство озноба, дрожь, посинение': «Вон — мальчик, посинев от холода, Дрожит среди двора» (Блок. В октябре). Формулировка первого значения слова *холод* нуждается в уточнении еще и потому, что этим словом определяется в том же словаре и слово *мороз*, что в сопоставлении с разработкой словарной статьи на слово *холод* кажется совершенно неприемлемым.

[7] В современном русском литературном языке в этом значении употребляется производное от *холод* — *холодок*. Употребление же слова *холод* в значении 'прохладное место' является диалектно-разговорным.—Примеч. автора.

тура окружающей среды; стужа, мороз': [Архимандрит] велитъ убить на смерть, или въ темницѣ съ голоду и съ *холоду* уморитъ (Чел. солов. инок. Суб. Мат. III, 56. 1666 г. ДРС); Гдѣ голодъ тамъ и *холодъ* (Сим. Послов., 179. XVII в. ДРС); Велите... окончины и печь починить, дрова... давать, чтобъ намъ сиротамъ вашимъ... зимнею порою въ стюденые морозы *холодомъ* не помереть. (ДАИ X, 189. 1686 г. ДРС); Выпали на Коштакѣ снѣги великия въ аршинъ слишкомъ и за тѣми, государь, *холодами* и за великою водою... въ тѣхъ великихъ стужахъ невозможно было имъ воды отвести (ДАИ X, 337, 1698 г. ДРС); Дни с три во тмѣ сидѣла *на холоду* [в погребе],— заревѣла: государь, батюшко,... Прости! (Ав. Кн. толк., 562. 1677 г. ДРС); Принужденъ здѣсь нѣсколко дней умедлить, дабы дорогою *отъ холоду* чего горшаго не приключилось. (Петр. IV, 928. н. XVIII в. ДРС); И разорили меня сироту в конец только помереть стало *холодом* и голодом, дровишек привести не на чем. (В. а. Б. Палех. № 100. Челобитные крестьян 1741 г. 18/I. ДРС).

Слово *холод* в XVII—XVIII вв. употребляется также в значении 'погребной лед' [8]: Исъ погреба въ другой погребъ подъ пиво *холодъ* носили (АХУ II, 1029. 1683 г. ДРС).

То, что основным значением слова *холод* является значение 'сильное понижение температуры окружающей среды', как нам кажется, подтверждается некоторыми употреблениями его с определениями, которые, указывая на степень понижения температуры окружающей среды, ослабляют признак значительности, силы охлаждения в значении слова *холод*, делая его эмоционально нейтральным: День былъ съ полудня чистой съ *небольшимъ холодомъ*, понеже вѣтръ былъ тихъ (Пох. журн., 4. 1721 г. ДРС); После того [нóски дров] могъ [студент] нѣсколько часовъ упражняться въ учении, не чувствуя ни *малѣйшаго холода*. А когда... опять озябалъ, то снова перенашивалъ (Вес. Мел., 200. XVIII в. ДРС); *Умѣреннаго холода* (Зыбелин. Слово. 1773 г., с. 31. Картотека Словаря XVIII в.).

В XVIII в. мы встречаем слово *холод* в образном употреблении (холод души, сердца, крови) и в переносном значении 'равнодушие, холодность'.

Слово *хлад*, в письменном языке XVI—XVII вв. употреблявшееся сравнительно редко, в XVIII в. применяется так же широко, как и слово *холод* [9], и уже не в текстах церковно-религиозного характера, как это было в языке XI—XV вв., а в литературе самых разнообразных жанров. Употребляется оно в тех же значениях, что и слово *холод*.

---

[8] Значение это сохраняется и в XIX веке в диалектах (См. Толковый словарь живого великорусского языка Вл. Даля).

[9] Возможно, это объясняется тем, что в силу реформы Ломоносова русский литературный язык XVIII в. являет собой своеобразный сплав русских и славянских элементов.

Основным значением слова *хлад* в этот период является значение 'сильный холод, стужа', 'охлаждение температуры окружающей среды ниже нормы': Зима время царствует, *Хладомъ*, мразомъ начальствуетъ. . . Ради *хлада* вздѣвай шубы, Нагъ кто, в грѣхах стиснет зубы (Истом. Град. ц., 19. к. XVII в. ДРС); Тецыте скоро вземше скверную блудницу, Вверзите ю с младенцы в темную темницу, Идеже будут томимы вси зноем и *хладом*, пусть погибнут скверные истомленны гладом (Цар. и льв., 201. 1712 г. ДРС); Не дивно было, егда бы Меркуриевы жители мыслили, что намъ, толь далѣе отъ солнца удаленнымъ, *отъ хлада* жити не возможно. (Книга мирозрения, 171. 1717 г. Картотека Словаря XVIII в.); Онъ [человек] былъ бы принужденъ. . . с дрожаниемъ несносной *хладъ* терпеть (Ломон., 1752 г. Соч. 1757 г., т. I, с. 389. Картотека Словаря XVIII в.); Отъ Невскихъ струй, гдѣ *хладъ* сжимаетъ воды льдомъ, Сражаетъ фракианъ богини Росской громъ (Живописец, 1772, с. 202. П. П. Ода Екатерине. Картотека Словаря XVIII в.).

Однако в литературном языке XVII—XVIII вв. мы еще встречаем слово *хлад* и в значении 'тень'; 'прохлада', 'прохладное место', 'приятное освежение, охлаждение': Лѣтомъ тамо в хладѣ снуютъ шелковые вещи свои (Основ. Царьгр., 12 об. XVII в. ДРС); Ренумвена. . . пошла с мамкою Аюбидою и с протчими девицами в другие полаты *для хладу* [10] и рече им (Гист. Франц. и Ренц., 9. 1780 г. ДРС). Сравните также с употреблением прилагательного *хладный* в значении 'прохладный, приятно освежающий': Онъ яко древо насажденно, При токахъ *хладныхъ* быстрыхъ водъ. Которое приноситъ плодъ, к тому во время учрежденно (Сумар. Соч. ч. I, 1787 г., с. 1. Ода дух. I, кн. I. Картотека Словаря XVIII в.).

В течение длительного времени «положительные» значения слова *хлад* поддерживались в значительной степени его родственными связями со словами *прохлада* 'приятная свежесть, умеренное тепло', а также 'наслаждение, удовольствие' и *прохладъ* 'удовольствие, наслаждение', а также 'прогулка на свежем воздухе, освежение', которые были весьма употребительны в литературном языке XVI—XVIII вв.: [Бог] даетъ имъ [праведным] обильно имѣти и миръ и здравие и богатство и всякий *прохладъ* и долговѣчьство (М. Грек. II, 175. XVI—XVII в. ~ XVI вв. ДРС); Не токмо самъ [наместник] но и послѣдний челядникъ всегда *въ прохладѣ* (ДАИ X, 53. 1682 г. ДРС); А ѣдетъ царь для своихъ *прохладовъ* в горы тѣшитца (Посольство Васильчикова, 102. 1594 г. ДРС); Къ городовой стенѣ. . . часто въ доброе погодье *для* своего *прохладу* ѣзживал [господин Боте] (Дон. д. II, 735. XVII в. ДРС); И всякому правителю во своей провинции или канцелярии, аще кто восхощетъ государю своему порадѣти, не на-

[10] «Для хладу», возможно, вместо «для прохладу», которое в языке XVII—XVIII вв. было очень «модным», 'чтобы освежиться, отдохнуть в прохладе'.

добно ему много пить и *въ прохладу* жить и по лѣсамъ зайцовъ ловить. (Посошков. О скуд. и бог., 107, 1724 г. ДРС); Большая часть *прохладовъ* и утехъ въ жизни нашей отъ цвѣтовъ зависитъ (Ломон. 1756 г. (Соч. 1757, I, 354) Картотека Словаря XVIII в.); [Артаксеркс]: Седми денъ, какъ с вами азъ начах, князи Мидсти, банкетъ отправляти, вкопе министры персидсти. Днес сердцем си граетъ *от* многои *прохлады*. И жены також, вѣм, что там не без отрады (Есфирь, 264. XVIII в. ДРС); Тутъ же построены умйоты для отдохновения проѣзжающимъ и *для прохладу* усталого скота (Лепех. Путеш. ч. I, 1771 г., с. 403. Кратотека Словаря XVIII в.).

Начиная с XIX в. (а, возможно, и с конца XVIII) [11] слово *прохлад* (муж. род) 'удовольствие, наслаждение' переходит в сферу диалектного употребления, слово *прохлада* теряет значение 'удовольствие, наслаждение', сохраняя за собой значение 'приятная свежесть', 'тень', 'легкое, умеренное тепло', а слово *хлад*, употреблявшееся и в XIX в. еще довольно широко, все же не выдерживает конкуренции с исконно русским *холод* и постепенно им вытесняется.

* * *

Из всего вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1) Среди слов *зима*, *мороз* (*мраз*), *стужа* (*студень*, *студь*, *стыдь*), *хлад*, *холод*, составляющих лексико-семантическую группу, слова *хлад* и *холод* стоят несколько особняком.

Если значения слов *зима*, *мороз*, *мраз*, *студень*, *студь* (и др. с тем же корнем) всегда отражали явления, не соответствующие представлениям говорящего о норме, а именно: холод, охлаждение, значительно превышающие норму, соответствующую жизнедеятельности живого организма, то значения слов *хлад* и *холод* были способны отражать явление охлаждения на различных уровнях понижения температуры: от превышающей норму в сторону повышения до нормальной (прохлада, умеренное тепло) и от нормальной до превышающей норму в сторону понижения (холод, мороз, стужа). В соответствии с этим, явление охлаждения могло оцениваться говорящими по-разному в зависимости от вызываемых этим явлением ощущений (приятных или неприятных), а также с точки зрения характера этого явления (губительного или спасительного) и его конечного результата. По-видимому, привносимая в значение наших слов эмоциональная оценка играла не последнюю роль. Если слово *зима*, а также слова

[11] Утверждение Б. О. Унбегауна о том, что «начиная с XVIII столетия прохладъ (муж. род) окончательно переходит в сферу диалектного употребления» не подтверждается, однако, данными Картотеки Словаря русского языка XVIII в., собранной в Ленинградском отделении Института русского языка АН СССР. По-видимому, Б. О. Унбегаун этими материалами не располагал. См. B. O. U n b e g a u n. Vulgarisation d'un terme liturgique russe: прохлаждаться, Selected papers on Russian and Slavonic philology. Oxford, 1969, стр. 111—120.

с корнем *мороз-* (*мраз-*) и *студ-* (*стыд-*) искони были либо эмоционально нейтральны, либо сопровождались отрицательной эмоциональной оценкой [12], то слова с корнем *холод-* (*хлад-*) могли сопровождаться как положительной, так и отрицательной эмоциональной оценкой, что не могло не отразиться на их значениях.

2) Слово *хлад* являет собою пример эмоционально-смысловой стратификации. Как показывает материал, оно сохраняло противоположные значения в литературном языке в течение длительного времени в силу того, что двусмысленность его всегда преодолевалась контекстом, вернее даже было бы сказать, что двойственную противоположность своих значений это слово приобретало, попадая в различные эмоционально-смысловые ситуации, причем, благодаря своим родственным связям, оно и в той и в другой ситуации имело поддержку. Благодаря своему родству со словом *холод* и производными от него, слово *хлад* могло попасть в ситуацию, где оно означало 'сильный холод, стужа'; а благодаря своей непосредственной близости к своим же производным с приставкой *про-*, обозначавшим явления приятной, свежей прохлады, освежения, приятного охлаждения, удовольствия, оно могло попасть в ситуацию, где оно значило 'прохлада', 'приятное охлаждение'.

3) Говорить об утрате словом *хлад* «положительных» значений не приходится, т. к. уже в XIX в. в литературном языке оно вообще вытесняется словом *холод*, а *хлад* продолжает употребляться главным образом для стилизации речи и воспринимается как устаревшее.

4) Слово *холод*, испытавшее на себе влияние слова *хлад*, иногда (но очень редко) употребляется в литературном языке в значении 'прохлада,' 'приятное охлаждение', 'приятный холод в противоположность зною' [13].

---

[12] Интересно заметить, что чередованием гласных слова *мороз*, *мраз* связаны с *мерзкий* и *мерзнуть*, а *студень* и др. с корнем *студ-* (*стыд-*) родственны церк.-слав. *студъ* 'стыд, срам, поругание', словен. stud 'отвращение', чешск. словацк. *stud* 'стыд', словен. studiti 'относиться с отвращением' (См. M. V a s m e r. Russisches etimologisches Wörterbuch, Bd. 3. Heidelberg, 1958, стр. 256).

[13] Кроме приводившегося выше примера из «Мцыри» Лермонтова, могу привести еще один из Большой картотеки Словарного сектора Института языкознания АН СССР в Ленинграде: «И пусть жара в моем краю, — Дорога далека, — Присядь товарищ на скамью, Что возле большака. Ты грушу лучшую сорви, Что тянет ветку вниз, На мягком *холоде* травы, Как в детстве потянись. (В. Замятин. Здесь лесам шуметь. Поэмы и стихотворения. М., 1953, стр. 131).

ЛЕКСИКА РАЗГОВОРНОГО ИСТОЧНИКА В КОМЕДИИ Д. И. ФОНВИЗИНА «НЕДОРОСЛЬ»

Г. П. КНЯЗЬКОВА

Комедия Д. И. Фонвизина «Недоросль» давно уже признана выдающимся явлением русской драматургической литературы XVIII столетия. Подавляющее большинство исследователей подчеркивает, что «Недоросль», — яркая вспышка обличительного реализма в конце XVIII в., — подготовлен всем ходом развития русского общества, русской общественной мысли, русской художественной литературы. Языковые особенности комедии, ставшие одной из причин ее вхождения в золотой фонд русской литературы, ее исключительной популярности в широких кругах русского общества XIX—XX столетий, пока не получили глубокого освещения. Между тем реалистическая установка автора ярко проступает в языке комедии как одном из важнейших средств воплощения замысла, выражения идей, построения образов при историческом подходе к изучению языка комедии.

При изучении языка художественных произведений прошлого значительные результаты возможны при соблюдении исторического подхода к объекту исследования. Главным требованием здесь выступает необходимость вхождения в эпоху, т. е. основательное знание социально-исторических особенностей эпохи, идеологических течений, художественной литературы, языка в различных формах его существования, отраженного широким и разнообразным кругом памятников письменности. Для языковеда важен именно широкий и разнообразный круг памятников: только при его познании создается необходимое представление о различных формах существования языка эпохи, о принадлежности им отбираемых автором языковых средств, о реализации их функциональных возможностей в языковой ткани изучаемого произведения.

Кроме того, для XVIII столетия, учитывая особое значение для русской литературы того времени традиций классицизма, важно знание особенностей языка памятников определенного жанра в пределах всего XVIII в., что дает основание судить о своеобразии языка исследуемого памятника. В приложении к жанрам комедии и комической оперы необходимо учитывать специфику их во второй половине XVIII столетия. Комедия и комическая опера 60—70 годов и, в известной мере, последней трети века[1], в силу натуралистического подхода к изображению действительности, во многом следовала за разговорной речью

[1] См.: Г. П. Князькова. Лексика народной разговорной речи в комедии и комической опере 60—70 годов XVIII века. (Материалы и наблюдения). «Материалы и исследования по лексике русского языка XVIII века». М.—Л., 1965, стр. 136—225.

различных слоев населения, накапливая разнообразные ее элементы, но еще слабо отбирала и творчески применяла их. Это дает в руки исследователя определенные знания о составе русской разговорной речи и помогает в создании необходимого языкового фона, на котором яснее проступают особенности языкового отбора.

В изучении языка комедии «Недоросль» сейчас выполнен один из этапов: тщательно изучен лексический состав партий положительных и отрицательных ее персонажей [2].

Проблема авторского отбора языковых средств в литературных памятниках относится к компетенции исторической стилистики. Стилистическая система русского литературного языка во второй половине XVIII столетия переживала процесс сложения. Для нее характерно постепенное оформление функционально-стилистических категорий на различных генетических основах. Среди таких категорий большое значение имела функционально-стилистическая категория просторечия с основой — живой разговорной речью, — постепенно объединявшая в своем составе лексику, приобретающую определенную стилистическую маркированность.

Стилистическая маркированность просторечия, проявляющаяся как известная сниженность, отличается историческим своеобразием. Она заключалась в отчетливой связи с генетической основой — живой разговорной речью — (просторечием — по наименованию того времени) [3]. Для выявления стилистической маркированности просторечного слова несомненно важно оформляющееся стилистическое противоположение высокое — низкое или высокое — простое (низкое). Но это противоположение часто переводится в план соотношения форм существования русского языка: книжное (свойственное письменности) — употребляющееся в простых разговорах. За всем этим явственно проступает генетическое противопоставление церковно-славянское — русское.

Формирование просторечия как функционально-стилистической категории в процессе испытания свойств различных групп слов разговорного источника в различных контекстуальных условиях — в произведениях, различных по жанру и по тематике, открывало широкие возможности для развития литературного языка, постепенно становящимся доминирующей коммуникативной формой по сравнению с другими формами существования

---

[2] См.: Н. М. Гомон-Дзюбанова. Лексикографическая деятельность Фонвизина и лексика его комедий. Автореферат канд. дисс. Киев, 1949; Е. А. Акулова. Обличительная функция лексики в комедии Фонвизина «Недоросль». «Литература в школе», 1953, № 5; Е. А. Перельмуттер. Язык и стиль комедии «Недоросль». «Русский язык в школе», 1953, № 5; Г. П. Князькова. Лексика комедии Фонвизина «Недоросль». Канд. дисс. Л., 1950.

[3] В дальнейшем изложении мы избегаем этого принятого в XVIII столетии обозначения.

языка. Вместе с тем это содействовало общественному осознанию необходимости нормирования разговорной речи и создавало для него предпосылки.

Настоящая статья ставит своею целью показать авторские принципы отбора лексики разговорного источника партий отрицательных персонажей в комедии «Недоросль» и тем самым осветить одну из существенных сторон реалистического метода Фонвизина на историческом фоне памятников русского языка второй половины XVIII в. и особенно русской комедии этого времени.

Выявление этих принципов важно и для изучения начальных этапов формирования нормированной разговорной речи.

При изучении лексического состава речевых партий отрицательных персонажей «Недоросля», с которыми связывается яркое проявление реалистических тенденций, прослеживается целый ряд особенностей отбора языкового материала. Для Фонвизина характерна стойкая ориентация на лексику общеупотребительную, свойственную литературному языку, но также и разговорной речи. Поэтому в «Недоросле» отсутствуют слова, локально ограниченные в употреблении. Заметим, что локальная ограниченность того или другого слова устанавливается на основании данных словарей и памятников того времени, к которому относится исследуемый памятник. Поэтому, например, слова *грамотка*, *детина*, *лих* и др. на основании данных словарей и памятников XVIII столетия нельзя считать ограниченными локально. Они широко употреблялись в разговорной речи, о чем можно судить по данным личной переписки второй половины XVIII в., но постепенно вышли из широкого употребления и стали достоянием народных говоров XIX—XX вв.[4] Предпочтение лексики широкого употребления могут подтвердить следующие сопоставления.

Например, показателен выбор глаголов в значении 'приступить с настойчивыми просьбами, уговорами, надоедливыми разговорами и т. п.'. Ср.: (Гж. Простакова): Один ты остался у меня, мой сердечный друг, Митрофанушка! (Митрофан): Да отвяжись, матушка, как *навязалась*. . . Недоросль, стр. 159.

---

[4] САР дает, например, слово *грамотка* с указанием «употребляемое токмо простым народом» (ч. II, стр. 318); при слове *детина* там дается помета «простонар.» (стр. 674). Слово *лих* встречается, по нашим наблюдениям, не только в комедии и комической опере, но и в басне, в дружеских посланиях конца века:

Уж матка ты мне уши прожужжала!
Твердишь все: — равного нет счастья моему!
Что-ш? — Подразнить меня ты этим загадала?
Ан *лих* не быть по твоему.

Нел.-Мел. Письмо Д. И. Головиной, стр. 106, КСРЯ XVIII.

Это слово впервые фиксируется Далем без указания локальных ограничений.

Тем же глаголом пользуется и Карамзин. Бароны по доверенности сказали мне. . , что они весьма недовольны его товариществом; что он *навязался* на них в городке Морже, и с того времени не дает покою ушам их. Крм. ПРП, ч. III, стр. 223. КСРЯ XVIII.

В натуралистической комедии встречаем локальный аналог — *натяться*. (Сорванец): Кому он был обед, а барину-то моему, можно сказать, вышел соком; *натялась* на его голову бесстыдная соседка. Врвкн., стр. 243. КСРЯ XVIII. (Мужик): Что ты дзелаешь? Вот ощо какая собака *натялась*, што середи бела дни ограбил! Гост., стр. 36.

В целом ряде случаев можно наблюдать предпочтение автором слов стилистически нейтральных словам, находившимся на периферии просторечия, выбывавших в конце XVIII—начале XIX столетия из его состава, свойственных разговорной речи определенных социальных групп, позднее ставших достоянием народных говоров. Так, из группы глаголов говорения в комедии «Недоросль» в реплики отрицательных персонажей включаются глаголы *говорить*, *сказать*, *молвить*. Между тем в комедии и комической опере второй половины XVIII в. нередки глаголы *баять*, *калякать* [5], постепенно сближавшиеся с локальной лексикой.

См. у Сумарокова в речи помещицы Хавроньи: (Викул): Кто тебе о графе Кассандре говорит? (Хавронья): Ты *баишь*. Сум. Рог., стр. 19 КСРЯ XVIII.

В анонимной комедии «Перемена в нравах»: (Граф): Подите вы, а я останусь *покалякать* с этим старичком., стр. 57. КСРЯ XVIII.

В комедии Княжнина «Сбитеньщик» в речи слуги: (Степан): Что тут пустяки *калякать*, как ни кабенься, тому же быть., стр. 217. КСРЯ XVIII.

Ср. в стихах П. Сумарокова:

Таким-то образом не проходило дня,
Чтоб господин Филат на небеса не лаял;
Ему ж казалося, что он правдиво *баял*.

Три желания, стр. 69. КСРЯ XVIII.

Эрот сначала был весьма в великом горе.
Калякать о любви? Его товарищ туп:
Не знает и начал прекрасной сей науки.

Лишенный зрения Купидон,
стр. 138, КСРЯ XVIII.

См. также слова *бранить*, *избранить* — в «Недоросле», *тазать* — в комедии, комической опере, басне, *шпетить* — в более ранней комедии Фонвизина «Бригадир», *турбачить* — в комической опере Матинского «Санкт-Петербургский гостиный двор».

Можно наблюдать и предпочтение автором просторечных слов

[5] Впервые фиксируется Опытом областного словаря великорусского наречия с локальными пометами: Твер. Каш. стр. 125.

широкого ареала, входящих в ядро формирующейся функционально-стилистической категории, словам областным или постепенно выходящим из состава просторечия и тяготеющим к локально ограниченной лексике. Вот некоторые примеры. (Скотинин): Уж я на то пошел. Пусть *болтают*, что Скотинин женился на дворяночке. Недоросль, стр. 119. (Фома): Что мне нужды до ваших колуеров. Вы хоть *сорочите*, или не сорочите; а мне отдайте, что сулено: (Богатону) ты обувь, (Нимфодоре) а ты-ка кушак да шапку. Выд. кл., стр. 262. (Фома): Вчера я в сумерки видел, как здесь в саду беси целовались и меж собой *колотырили* . . . ха! ха! ха! Там же, стр. 226.

Интересен также отбор слов, применяемых в партиях отрицательных персонажей в роли обращений. Фонвизин последовательно пользуется словами с умеренной эмоциональной оценкой, широко употреблявшихся в разговорной речи различных групп общества, частых в памятниках различных жанров, закрепившихся в просторечии.

(Простакова): Што, што ты сегодни так разоврался, мой *батюшка*? Еще братец может подумать, что мы для интересу ее к себе взяли. Недоросль, стр. 12. (Простакова): Што так весела, *матушка*, чему обрадовалась. (Софья): Я получила сей час радостное известие. Там же, стр. 14.

Ср. более фамильярные и грубоватые обращения к мужчине и женщине, обычные в комедиях и комических операх в речи отрицательных персонажей — помещиков и слуг, при стилизации речи в журналах. (Ниса): Фу, *батька*, какой спесивой! (Егерь): Фу, *матка*, какая любопытная! Сум. Рог., стр. 4. КСРЯ XVIII. (Слабоумова): Он, конечно, мой *батька*, приехал денег взаймы просить. Промот. стр. 17. КСРЯ XVIII. (Граф): Полно, тетушка, на сие терять время, а должно дело говорить. (Хавронья): Хорошо, *батька*, скажи ж, что об нем положил. Фомушка, стр. 222. Заставай *батька* мой меня живую: я тебя благословлю моим ангелом. (Письмо Акулины Сидоровны сыну Фалалею). Жив. стр. 187. КСРЯ XVIII. (Маремьяна): Да что ты так стала горда, уж не замуж ли собираешься, *матка*? Черн. Куп. комп. стр. 154.

В речевых партиях отрицательных персонажей «Недоросля» немало просторечных слов. Это слова разговорного источника, закрепившиеся в просторечии, с определившейся стилистической маркированностью, широко употреблявшиеся в памятниках низкого и среднего стиля 60—70 годов, часто входящие в соответствующие контексты памятников конца века. Таковы, например, слова: *бессчастный*, *браниться* 'бранить', *весельчак*, *взманить*, *величаться*, *грамотей*, *грубиян*, *застращать*, *перебивать*, «стараться недозволенными способами получить что-либо, предназначенное другому», *перевирать*, *погибель*, *подмога*, *пронимать*, *связаться*, *ублажать* и целый ряд других.

Ориентация на широкоупотребительные языковые средства

прослеживается и в отношении слов и устойчивых сочетаний фольклорного источника, характерных для разговорной речи и из нее вошедших в просторечие. По сравнению с другими памятниками (например, с комической оперой Аблесимова «Мельник, колдун, обманщик и сват», с «Санкт-Петербургским гостиным двором» Матинского) в «Недоросле» такие слова и сочетания сравнительно немногочисленны. См., например, сочетания с постоянными эпитетами: (Скотинин): Десять тысяч твоего доходу! Эко щастье привалило; да я столько родясь и не видывал; да я на них всех свиней со *бела света* выкуплю. Недоросль, стр. 33. (Простакова): (к мужу). Читай. (Простаков): (долго смотря). Мудрено. (Простакова): И тебя, мой батюшка, видно воспитывали, как *красную девицу*. Там же, стр. 16. (Вральман): Поти, мая матушка? *Салётна птиса*! Са ним тфои гласа надобна. Там же, стр. 69. (Скотинин:) Верхом на *борзом иноходце* разбежался он хмельной в каменны ворота. Мужик был рослой, ворота низки, забыл наклониться. Как хватит себя лбом о притолоку, индо пригнуло дядю к похвям потылицею, и *бодрой конь* вынес его из ворот к крыльцу навзничь. Там же, стр. 129.

В ряде случаев слова народно-поэтического источника, широко входящие в контексты комедий и комических опер, входят в партии «Недоросля» в составе устойчивых оборотов и пословиц.

Так, например, вошло в речь Скотинина слово *суженый*. (Скотинин): *Суженова* конем не объедешь, душенька! Тебе на свое щастье грех пенять. Там же, стр. 32.

Ср. в свободном употреблении в других памятниках: (Мельник): Девка-то у вас на возрасте, пора бы ее веселым пирком да за свадебку. (Фетинья): *Суженова*-та нет. Аб. Мельн., стр. 29. КСРЯ XVIII. (Хозяйка): Что мне делать? я придумать не могу. . . Как я *суженому* первому солгу? Аб. Сч. стр. 67. Бывало молодежь о *суженой* своей Гадала у ворот, рядилась в журавлей. На посиделках свах к невестам засылала. Шах. Расх. шубы, стр. 674.

Отказ от натуралистического следования за разговорной речью, от концентрации в репликах отрицательных персонажей слов, локально ограниченных, отчетливая ориентация на просторечные слова, широко употребительные в памятниках второй половины XVIII в., несомненно, являются одним из свидетельств реалистических устремлений автора «Недоросля» и одной из причин популярности комедии в XIX—XX столетиях.

Особенности языкового мастерства Фонвизина заключаются в том, что при таком отборе язык комедии «Недоросль» отнюдь не является подчеркнуто нейтральным, однотонным. Из неисчерпаемых сокровищ русской речи им отобраны яркие и сочные краски, — слова и устойчивые сочетания слов, благодаря чему и в наши дни мы не можем не отдать должного зрелому таланту автора «Недоросля». Показательно соответствие языковых средств

социально-психологическим особенностям персонажей комедии и определенным ситуациям действия.

Исследователи творчества Фонвизина и языка его комедий уже давно обратили внимание на необычную для комедии XVIII столетия многоплановость образа Простаковой: жестокой помещицы, в доме которой, по образному, выражению бывалого солдата Цыфиркина, можно часто видеть «беглый огонь в сутки сряду часа по три», стяжательницы, натуры набожной и подлой, матери, безумно любящей сына, материнские чувства которой изуродованы паразитизмом крепостничества. В соответствии с этим строится речевая партия Простаковой.

В речи Простаковой обильно представлена бранная лексика с резкой окраской грубости, употребляемая по отношению к слугам. См., например, слова и сочетания слов: *скот*, *воровская харя*, *болван*, *бестия*, *старая ведьма*, *плут*, *вор*, *мошенник*, *каналья*, *собачья дочь* и др.

Иначе подходит автор к отбору слов для выражения любви и ласки. Своего Митрофанушку Простакова называет: *дитя*, *ребенок*, *малый*, *детина*, *сынок*. Постоянной окраской ласки обладает в этом ряду только последнее слово, но в соответствующих контекстах все они приобретают ситуативную окрашенность.

Свое *дитя* хвалить дурно, а куда не бессчастна будет та, которую приведет бог быть его женою (стр. 80). *Ребенок*, право, хоть и жених (стр. 95). Вот *сынок*, одно мое утешение (стр. 10). Мой Митрофанушка из-за книги не встает по суткам. Материно мое сердце. Иное жаль, жаль, да подумаешь: зато будет и *детина* хоть куда (стр. 79). То даром, что мой сын, *малой* острой проворной (стр. 92).

В эмоционально окрашенные контексты (окраска ласки) вплетаются комические нотки за счет сопоставлений и широкого контекста и ситуаций комедии: ребенок, дитя страстно желает жениться. Эти нотки и обертоны свидетельствуют о тонкости мастерства автора [6].

Характерны также слова и сочетания слов, употребляемые в функции обращения, в репликах Простаковой, обращенных к сыну, такие как *друг мой сердечной*, *душенька*, *друг мой*, с присущей им эмоциональной окраской ласки, хотя и в некоторой мере стершейся.

Закономерно обилие лексики с окраской грубости в репликах Скотинина, жадного, жестокого, твердолобого, скотоподобного, а также невежественного и жестокого Митрофанушки. См.: *со-*

---

[6] Слова *детина*, *малый*, несомненно просторечные, часто встречающиеся в памятниках. См.: — Тебе от роду токмо осьмнадцатый год, а ты уже *детина* ученой. Жильблаз, т. I, стр. 5. КСРЯ XVIII. Взманил меня на днях знакомый *малый* вздорный. В деревню к богачу на праздник преогромный. Длгрк. Пир., стр. 382. КСРЯ XVIII.

драть (убыток), *подъехать* (с отводом), *затрубить* 'заговорить, — о многих людях', *изломать* (как черта), *доехать* 'донять кого-либо', *мужик* 'мужчина', *хватить* 'сильно ударить', *отделать* 'сильно избить', *тумак* 'удар', *шальной* и многие другие.

Включение лексики с окраской грубости в ряде случаев обусловлено ситуативно. Характерно ее обилие в сценах ссоры Митрофана и Скотинина, драки Простаковой и Скотинина, драки учителей Митрофана. Вот некоторые из таких слов: *ощетиниться* 'принять вид рассвирепевшего человека', *белены объесться*, *сунуться*, *бельмы* 'глаза', *рожа*, *образина* 'лицо', *лапы* 'руки', *буркалы* 'глаза', *накостылять*, *уплести* 'убежать' и др.

Эмоциональное разнообразие партий отрицательных персонажей создается различными путями. Здесь умело используются свойства просторечных слов и широкие возможности контекстов.

Ориентация на общеупотребительную просторечную лексику и аргументированный социально-психологически и ситуационно отбор эмоционально-оценочной просторечной лексики отличают комедию «Недоросль» от множества комедий второй половины XVIII в., являясь элементами реалистического мастерства Фонвизина.

НЕКОТОРЫЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ И ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ МОСКОВСКОГО ПЕРЕВОДА-РЕДАКЦИИ «ЛИТОВСКОГО СТАТУТА»

И. С. КОЗЫРЕВ

Старые русские переводы с белорусского и украинского языков могут дать ценные сведения для изучения истории русского языка. Белорусский и украинский языки на всем протяжении своего развития были близки к русскому языку, что неизбежно ставило перед русскими переводчиками ряд своеобразных трудностей: при переводе им приходилось подыскивать замену для сходных, но не тождественных языковых средств. Сопоставительное изучение перевода с оригиналом дает в руки исследователя материал для освещения многих вопросов истории языка, которые не всегда удается долно, однозначно решить, используя лишь данные, полученные от изучения самостоятельно созданных памятников или переводов с неблизкородственных языков. В таких исследованиях могут, например, ставиться задачи, связанные с решением вопроса о вхождении в язык тех или иных слов, фразеологизмов, с выяснением положения отдельных слов и фразеологизмов в словарном составе языка времени перевода, соотношения синонимов,

различного рода вариантов, с определением нормативности слов и др.

Мы попытаемся показать лишь некоторые возможности, приемы и направления подобного исследования и обратить этим внимание историков русского языка на указанный вид источников. Для изучения взят осуществленный в XVII в. перевод (редакция) на русский язык Литовского статута 1588 г.[1]

Перевод Литовского статута 1588 г. (далее — ЛС) выполнен в Посольском приказе в Москве, по-видимому, в середине XVII в.[2] В переводе-редакции (далее — П-Р) отражен официальный язык Московского государства середины XVII в.

Сопоставление этих источников позволяет судить о бытовании, положении, соотношении и значении некоторых слов и фразеологизмов в системе московского делового языка середины XVII в.

В древнерусском языке употреблялись слова *жито* и *ръжь*, которые, не совпадая по объему и характеру значений в целом, могли заменять друг друга в значении 'рожь на корню и в зерне' [3]. Белорусский язык в этом значении наследует слово *жито* (в ЛС употребляется только *жито*). В русский же язык перешли оба слова, причем между словами *рожь* и *жито* существуют сложные семантические противопоставления и связи (правда, уже давно эти точки семантического размежевания и совпадения были перенесены в основном в сферу областной речи). Представляется

---

[1] Рукопись перевода хранится в Рукописном отделе ГБЛ (Отдел рукописей собрания ОИДР, ф. 205, № 251). Она описана в работах: И. Л а п п о. Литовский статут в московском переводе-редакции XVII столетия. — ЖМНП, 1914, кн. 2, стр. 209—212; Л. В. С у д а в и ч е н е. Лексические особенности московского перевода-редакции Литовского статута 1588 года. Канд. дисс. (Машинопись). Вильнюс, 1964, стр. 13—17.— Памятник издан: И. И. Л а п п о. Литовский статут в московском переводе-редакции. Юрьев, 1916. Перевод-редакция, возможно, производился не с печатного издания Литовского статута 1588 года (см. И. Л а п п о. Литовский статут в московском переводе-редакции XVII столетия, стр. 227; А. В. Соловьев не разделяет этого предположения, см. А. В. С о л о в ь е в. Вновь открытый московский перевод Литовского статута. «Исторические известия», 1917, кн. I, стр. 45 и след.). Мы сопоставляем печатные тексты: Статут Великого князьства Литовского 1588 года («Временник ОИДР», № 19. М., 1854) и И. И. Л а п п о. Литовский статут в московском переводе-редакции. — Весь цитатный материал, помещенный в нашу статью, сверен с вышеуказанной рукописью.

[2] И. И. Лаппо считает, что перевод выполнен в начале XVII в. (И. Л а п п о. Литовский статут в московском переводе-редакции XVII столетия, стр. 235), П. Я. Черных склонен приурочить перевод к 1662 году (П. Я. Ч е р н ы х. Язык уложения 1649 года. М., 1953, стр. 37), в основном последнюю точку зрения разделяет и Л. В. Судавичене (Л. В. С у д а в и ч е н е. Указ. соч., стр. 29; О н а ж е. О судебной терминологии в московском переводе-редакции Литовского статута. «Русская историческая лексикология». М., 1968, стр. 65).

[3] См. И. И. С р е з н е в с к и й. Материалы для Словаря древнерусского языка, т. I. СПб., 1893, стлб. 879; т. III. СПб., 1912, стлб. 204—205.

интересным выяснить, находилось ли слово *жито* в системе московского официального языка середины XVII в., а если бытовало хотя бы на периферии ее, то в каком отношении оно было к слову *рожь* [4].

Для выяснения этого вопроса приведем показания сопоставляемых памятников.

ЛС	П-Р
1) *житъ*, яринъ умысльне травити, а ни топтати немають, 42;	*ржи* и никакой ярины нарочно не травить и не топтать, 70;
2) Уставуемъ хто бы едучи дорогою бралъ, або жалъ *жито* и инъ//шое збожье, 83;	Уставляемъ: естьли бы кто, ѣдучи дорогою, на поле *рожь* или какой ни будь хлѣбъ жалъ или рѣзалъ, 111;
3) в засеянье на кгрунтехъ дворъныхъ *жытомъ* и ярынами увязанье давано быти маеть то есть съ кождого моркгу погною рахуючы *жита* по пяти копъ, 188;	посѣяные земли дворовые *рожью* и яриною даваны быть имѣютъ, то есть со всякого моркгу навозного считаючи *ржи* по 5 копенъ, 203;
4) кони и кождое быдло толко до светого Юрья безъ пастуха ходити волно маеть, ведъ же не по*жыту* и ни по збожью иномъ, 350—351;	лошадемъ и всякой животине только до Святого Мученика Георгия бес пастуха вольно ходить, и то не по *ржи* и ни по каковомъ хлѣбе, 366;
5) *Жыта* двадъцать грошей, 353;	*Ржи* копна — полъ полтины, 369.

Как видим, в П-Р все случаи употребления слова *жито* в ЛС заменены словом *рожь*. Такую последовательность, несомненно, следует объяснить отсутствием слова *жито* со значением 'рожь' в московском официальном языке XVII в. В П-Р нигде не было потребности выразить значения 'ячмень', 'хлеб, включая и рожь, в зерне или на корню', что не позволяет получить сведения об

[4] Ср.: «*Жито*. . . Местное название для ржи, ячменя или вообще для хлеба в зерне или на корню» («Словарь современного русского литературного языка», т. IV. М.—Л., 1955, стлб. 167); см. В. И. Д а л ь. Толковый словарь живого великорусского языка, т. I. М., 1956, стр. 544; «Русская диалектология». М., 1964, стр. 203—204; современному русскому литературному языку слово *жито* со значением 'рожь' не столь уж чуждо: оно используется в художественной литературе даже без специального стилистического задания, например:

Вокруг погляди —
молодые растут города,
плотины и долины,
разливы пшеницы и *жита*.

(Алексей Сурков. В завтрашний день)

употреблении слова *жито* во всем объеме возможных значений [5].

На всем протяжении развития русского языка в сложных семантических и стилистических взаимоотношениях находились слова *конь*, *лошадь* [6].

Эта сложность нашла некоторое отражение в исследуемом переводе. Текст Литовского статута «предлагал» переводчику только лексему *конь*, а переводчик в одних случаях оставлял ее, а в других заменял лексемой *лошадь*. Сопоставим отрывок текста оригинала и перевода, где замена не производится.

а хоружий кгды будеть хоругговъ держати, маеть на собе мети зброю добрую и гелмъ або шишакъ и бронь, а *конь* абы под нимъ былъ добрый (ЛС, 35).	А хоружему во время битвы хоруговь держать самому и имѣть на себѣ зброю и гелмъ или шишакъ, и ружье, и *конь* бы подъ нимъ былъ добрый (П-Р, 62).

Здесь, как видим, говорится о кавалерийской лошади. Аналогичные контексты встречаем на страницах 66 (на какихъ *конехъ* и въ какихъ зброяхъ), 67 (службу . . . служить, с людьми и съ *коньми*), 68 (которые на службе *коньми*, зброями и ружьемъ своимъ ссужаются), 98 (у войску . . . *конемъ* своимъ).

Во второй главе, пятой статье речь идет о записи мужем имущества на жену: такожде вольно всякому женѣ своей отписать животы свои ходячіе, рухомые, так, какъ и всякому стороннему, золото и серебро, и платье, и кони ѣздные, и иную рухлядь, окромѣ зброи (П-Р, 213; ср.: вольно тежъ кождому жоне своей отписати речы свои рухомые, такъ яко кождому обчому, то есть золото, серебро, шаты кони езъдные, иные речы кромъ зброй . . . ЛС, 197). Можно полагать, что здесь имеются в виду не тягловые лошади, а верховые и выездные, используемые для выезда (ср. противопоставление в ЛС: а кони ездные и рабочие, 330) [7].

На страницах 262, 284, 290, 372, 379, 380 П-Р слово *конь* употребляется в контекстах, в которых вышеуказанные семантические оттенки нейтрализованы.

Переводчик нередко заменяет слово *конь* словом *лошадь*:

---

[5] Интересно указать, что неизвестный составитель словаря первой половины XVIII в. счел необходимым заметить, что слово *жито* «неправо зовут хлеб» («Рукописный лексикон первой половины XVIII века». Л., 1964, стр. 106).

[6] См. характеристику этих слов в работе: С. И. К о т к о в. Очерки по лексике южновеликорусской письменности XVI—XVIII веков. М., 1970, стр. 86—96.

[7] Впрочем, возможно, что переводчик механически перенес из оригинала слово *ездные*: в другом месте это слово переводится, вряд ли верно, словом *езжалые* (см. прим. 9).

1) Уставляемъ, чтобъ нихто въ войску нашемъ въ походе блудящей *лошади* у себя не держи[валъ] больши сутокъ . . . (П-Р, 72) [8]. 2) естьли бы кто въ чіей вотчине . . . съ собаки или съ птицами ѣздячи, хлѣбъ на поли потопталъ, потолочилъ лошадьми (П-Р, 111); 3) а иное приданое, платье и всякую одежду, и бѣлое платье, и лошади, и возки, и всякую иную мѣлкую рухлядь одною ценою (П-Р, 210); 4) Естьли бъ хто на комъ искалъ, что тотъ на разбой или на какое убойство кому ни будь совѣтовалъ и подмогу давалъ *лошадьми* или ружьемъ (П-Р, 327); 5) а ѣзжалые [9] или рабочіе *лошади* и всякую животину рогатую и не рогатую, гуси и утки на пашни заганять вольно (П-Р, 366); 6) Стаду свирепью и *лошадемъ* . . . бес пастуха вольно ходить (П-Р, 366); 7) Цена *лошадемъ* работнымъ доморощенымъ (П-Р, 368); 8) татя при томъ хлѣбе или сѣне застанетъ, и его изымать съ возы и съ *лошадьми* (П-Р, 368).

В главе третьей, статье тринадцатой о грабеже шляхты в П-Р несколько раз встречается слово *лошадь* (*лошади* верховые отнялъ или выпрягъ, *лошади* грабежомъ взялъ, *лошадь* отнялъ, за *лошадь* заплатить, повиненъ будетъ *лошадь* отдать, *лошадь* шляхетскую на воли самовольствомъ поималъ) и один раз *конь* (у тово слуги *коня* боярина его кто отнялъ).

Приведенный материал свидетельствует, что слово *лошадь* употреблялось переводчиком, когда требовалось назвать рабочую (тягловую лошадь) (см. примеры 7, 8), лошадь для верховой езды, но не для военной службы (см. примеры 2, 5, данные 3 главы 13 статьи). В 1, 3, 4, 6 случаях употребления слова *лошадь* отмечается нейтрализация семантических оттенков. В некоторых случаях употребления слова *лошадь* (см. примеры 1, 4—8) можно видеть сниженность его стилистической окраски.

Итак, извлечения из П-Р по употреблению слов *конь*, *лошадь* свидетельствуют, что в нем более или менее последовательно нашла отражение основная тенденция в употреблении этих слов, устанавливаемая и по другим источникам. Некоторое увеличение случаев употребления слова *конь*, пожалуй, следует объяснить нечеткостью семантических и стилистических границ между интересующими нас словами в московском официальном языке изучаемого периода.

В русском языке XVII в. для названия мастера по обработке

---

[8] Это текст 25 главы второй статьи, которую переводчик озаглавил «О блудящих лошадехъ» (в ЛС: О блюдяги на войне), в ней еще 4 раза употреблено слово *лошадь* (П-Р, 72—73).

[9] Здесь не ясно значение слова *ѣзжалые*; в ЛС читаем: а кони ездные и рабочые и инъшое всякое быдло рогатое и нерогатое, и тежъ свиньи гуси утки на испаши мають быти займованы (ЛС, 330), текст ЛС позволяет наметить для слова *ездные* значение 'верховые и выездные', противопоставляемое значению 'рабочие, тягловые'; в русском же языке XIX в. слово *езжалая* (лошадь) регистрируется со значением 'выезженная' (см.: В. И. Д а л ь. Толковый словарь живого великорусского языка, т. IV, стр. 342; ср. С. И. К о т к о в. Очерки по лексике. . ., стр. 92).

металла ковкой употреблялись слова *кузнец*, *коваль* [10]. В ЛС используется один раз второе слово (*ковалю*, 355). Переводчик счел необходимым его протолковать (*ковалю*, сірѣчь, *кузнецу*, П-Р, 349). Переводчик, как видим, поступил иначе, чем со словом *жито*: последнее он совсем не вводил в текст. По-видимому, переводчик допускал употребление слова *коваль* в русском языке, но одновременно осознавал его периферийное положение в языке, не отвечающее требованию строгой терминологичности, которое диктовалось жанром перевода [11]. Прилагательное *ковалскому* (потому жъ *ковалскому* слесарскому и инъшихъ всихъ ремисниковъ розныхъ ремеслу начинья належачые, ЛС, 356) переводчик просто заменил словом *кузнишному* (также х *кузнишному* и къ бронному и иныхъ всѣхъ розныхъ ремесленыхъ дѣлъ снастей, П-Р, 371), ибо прилагательное, вероятно, было совсем необычно для русского языка.

В русский язык из древнерусского было унаследовано прилагательное *работный* 'рабочий'. В XVII в. у него появился дублет *рабочий*, впоследствии вытеснивший его [12]. Некоторые сведения об употреблении этих слов и производных от них можно получить из данных сопоставляемых нами памятников. Вот эти данные:

ЛС	П-Р
1) конь, або волъ здохнетъ безъ прычыны образенья, ижъ бы робечы имъ непоръвалъ и не забилъ, або голодомъ его не уморилъ, 239;	конь или волъ умеръ собою, не отъ побоевъ и не от надсады *работной* и не з голоду, 262;
2) за третяка жеребца отъ *робочихъ* сверепъ две копе грошей, 352;	за трелѣтнего жеребца отъ *робочихъ* кобылицъ — двѣ копы грошей, 368;
3) кони ездные и *робочые*, 350;	а ѣзжалые или *рабочіе* лошади, 366;
4) цена конемъ *робочимъ* доморослымъ, 352;	Цена лошадемъ *работнымъ* доморощенымъ, 368;
5) А такъ же ся маеть розумети и сужоно быти о наймитехъ и наймичкахъ, 345.	Тот же указъ и о наемныхъ *работникахъ*, естьли бы збежали, найму не заработавши, 359.

[10] См. Л. В. Судавичене. Лексические особенности московского перевода-редакции Литовского статута 1588 года, стр. 391; С. И. Котков. Очерки по лексике. . ., стр. 230.

[11] Ср.: «Наличие же слова *коваль* в тексте перевода, очевидно, объясняется тем, что слово это имело распространение в русском языке исследуемого периода, и московскому читателю оно было понятно, но, возможно, употребление его было ограниченным» (Л. В. Судавичене. Лексические особенности литовского перевода-редакции Литовского статута, стр. 390).

[12] См. С. И. Котков. Сказки о русском слове. М., 1967, стр. 48—50; Он же. Очерки по лексике. . ., стр. 50, 51, 87—88, 223—226.

Словами *работный*, *работник* (примеры 1, 5) переводчик пользуется самостоятельно, слово *рабочий* (примеры 2, 3) ему было дано в оригинале, которое он счел возможным оставить, в чем нельзя видеть механического перенесения, так как контексты с незамененным словом переделывались (ср.: третяка жеребца — трелѣтнего жеребца, сверепъ — кобылицъ, кони — лошади, ездные — ѣзжалые). Поэтому можно заключить, что прилагательное *рабочий* уже имело распространение в официальном языке середины XVII в., но не являлось вполне обычным, о чем свидетельствует случай его замены (пример 4).

Сопоставительное изучение памятников позволяет выяснять, уточнить значения тех или иных слов. Так, например, из памятников письменности XVI—XVII вв. не удается определить значение прилагательного *домашний* в словосочетании *домашние лошади* (*кони*) [13]. В нашем контексте оно раскрывается: А естьли бы у ково такіе лошади были купленые, а не домашние и за нихъ платить кому доведется по тому, по чему они куплены будутъ (П-Р, 368); ср. название главы: Цена лошадемъ работнымъ доморощеннымъ (П-Р, 368), цена конемъ робочимъ доморослымъ (ЛС, 352).

Источники, подобные рассматриваемому, могут дать дополнительный материал о бытовании того или иного варианта слова. Слово *пулька* ‘пуля’ отмечается в словаре 1704 г., а *пуля* — 1831 г. На основании этого иногда утверждается, что слово *пулька* предшествовало слову *пуля*. Наши данные позволяют это делать с большим основанием. Ср.:

Стрела, або *куля* взявшы похватъ в бокъ, а черезъ гору кого зранила (ЛС, 299).	стрела бъ или *пулькѧ* съ стороны или черезъ гору кого ранила (П-Р, 314—315).

Слово оригинала *куля* как бы ориентировало переводчика на употребление слова *пуля*, но он произвел замену через *пулька*, что свидетельствует об отсутствии первого [14]. Этот вывод согласуется с данными других памятников письменности русского языка. Впервые слово *пуля* отмечается лишь в памятнике 1682 года [15].

Сопоставительное изучение переводов с близкородственных языков может дать сведения по истории фразеологизмов.

---

[13] См. С. И. Котков. Очерки по лексике. . ., стр. 92.

[14] Интересно отметить, что в Уложении 1649 г. в сходном контексте употребляется также лексема *пулька* (ср.: А будет кто стреляючи из пищали, или из лука по зверю, или по птице, или по примете, и стрела, или *пулька* всплывет и убьет кого за горою. . . (Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 года. «Памятники русского права», вып. VI. М., 1957, стр. 433).

[15] 163 картуза накладныхъ съ *пулями* свинцовыми, цѣлыхъ и ломаныхъ («Киевский сметный список денежной казны, ратных людей, военных запасов, лекарств и проч.», ДАИ X, 98). Въ козенныхъ погребах 186 пудъ 14 гривенокъ *пуль* свинцовых литыхъ и сѣченыхъ (там же, стр. 98).

В основном можно полагать, что если переводчик не воспользовался фразеологизмом, данном в оригинале, то такого фразеологизма в языке переводчика не было. Например, в ЛС отмечается наречный фразеологизм *голыми словы* со значением 'без необходимых вещественных доказательств'. Переводчик этот фразеологизм заменил наречием *словесно*. Ср.:

1) и на оный кгрунтъ у суду жадного права яко листовного такъ а ни знаковъ слушныхъ и явныхъ граничныхъ не показалъ и светковъ ку доводу водлуг сего статуту ни одного не ставилъ только такъ *голыми словы* тотъ кгрунтъ своилъ (ЛС, 258);

А гдѣ бы хто, отнявши и завладѣвъши чьимъ имѣньемъ чужимъ, и на судѣ бы никакихъ крѣпостей письменныхъ, ни знаковъ граничныхъ не показалъ и свидѣтелей на послушенство ни одного не поставилъ только бы *словесно* то, чимъ завладѣлъ, своилъ (П-Р, 278);

2) тежъ уставуемъ, ижъ кгды бы которого кольвекъ стану и достойности будучи, только бы одно роду шляхетъского чоловекъ за ровно в сихъ в томъ почитаючи, отъ велможного ажъ до на убозшого шляхтича, однако разумеючы одинъ другому, такъ о шляхетъство, яко и иншие речи почтивости и доброй славе дотъкливые очевисте *голыми словы*, кромъ мѣнованья самыхъ учинковъ на судъ кгродъскый вынятыхъ примовку учинилъ (ЛС, 64).

такожъ уставляемъ: естьли бы кто какова ни будь чину и достоинства, только бъ роду шляхетского человѣкъ, заровно всѣхъ въ томъ почитаючи, отъ вельможного ихъ и до убожшого шляхтича, одинъ бы другого чимъ упрекнулъ, нешляхствомъ или бы чимъ ни будь инымъ *словесно*, и гдѣ бы то ни лучилося и на суду бы тотъ, кто упрекнулъ, во всѣмъ заперся (П-Р, 94).

Сравнение следующих контекстов позволяет выделить в П-Р фразеологизм *грешным делом* со значением 'ненарочно, нечаянно';

1) О речахъ заставныхъ загинулыхъ в чиемъ схованью (ЛС, 239).

О вещехъ закладныхъ, которые бы *грѣшнымъ дѣломъ* пропали (П-Р, 262).

2) А где бы тые речы въ заставе або въ захованью будучые посполу в одномъ кгмаху з речьми домового господара пригодне огнемъ погорели або покрадены (ЛС, 240);

А гдѣ бы такіе закладные или на на збереженье положеные вещи вмѣсте въ одномъ спряту съ вещьми домового господина *грѣшнымъ дѣломъ огнѣмъ* погорѣли или покрадены (П-Р, 262);

3) Уставуемъ, естли бы хто с прыгоды, а не с хути, не з вазни, але з неведомости стреляючи на зверь, або на птаху кого забилъ (ЛС, 299).	Уставляемъ: естьли бы хто не нарочнымъ, *грѣшнымъ дѣломъ* и не по серцу, не введы стреляючи на зверь или на птицу кого убилъ (П-Р, 314) [16].

Аналогично находим фразеологизм *свой брат* со значением 'равный по социальному положению'. Ср.:

а простый чоловекъ за простого забитье горломъ каранъ будеть (ЛС, 376).	а ранить ли мужикъ шляхтича, и того горломъ карать; а простой человѣкъ простого, *своего брата* убъетъ, того горломъ карать (П-Р, 389).

Легко выделяются фразеологизмы, заменяющие фразеологизмы оригинала. В ЛС бытуют фразеологизмы (*сказан*) *на смерть*, (*сказан*) *на горло*, которые заменяются переводчиком фразеологизмом (*приговорен*) *к смертной казни*. Ср.:

1) о даванью на паруку сказаныхъ *на горло* (ЛС, 330);	к *смертной казни* приговореныхъ (П-Р, 344);
2) Который злочинца будеть *на смерть* сказанъ (ЛС, 323).	Естьли бъ кто за которую вину приговоренъ былъ къ *смертной казни* (П-Р, 337).

В ЛС отмечается фразеологизм (*поймать*) *на горячом учинку* со значением 'поймать убийцу на месте преступления', в П-Р он заменяется фразеологизмом (*поймать*) *на горячей крови*. Об этом свидетельствуют несколько отрывков.

ЛС	П-Р
1) Хто бы *на горячомъ учинку* былъ пойманъ таковый горломъ каранъ быти маеть, 338;	естьли бъ *на горячей крови* кого поимано — того горломъ карать, 353;

[16] В самобытных русских памятниках XVII в. этот фразеологизм нам встретился один раз; он употреблен в статье Уложения 1649 г., аналогичной по содержанию статье П-Р, помещенной на стр. 314, что свидетельствует о связи этих памятников (по-видимому, на П-Р сказалось влияние Уложения 1649 г.); см. Уложение 1649 г. (гл. 22, статья 20); интересно отметить для подтверждения бытования в XVII в. фразеологизма *грешным делом* фразеологизм с синонимическим значением *грешною мерою*: А то Государь учинилось не нарочно *грѣшною мѣрою*, и про то тебѣ Государю известно (Письмо В. В. Голицыну от Петра Усталкова. «Временник ОИДР», кн. 10. Смесь. М., 1851, стр. 42. 1680 г.); отецъ мой князь Яковъ и я князь Осип в мѣсто тѣхъ троецкихъ опоенныхъ дву человѣкъ крестьянъ, которые *грѣшною мѣрою* опилися у насъ. . . поступилися въ домъ Живоначальные Троицы. (М. Д ь я к о н о в. Акты, относящиеся к истории тяглого населения в Московском государстве, вып. II. Юрьев, 1897, стр. 87—88, 1642 г.).

2) и тые которые *на горячомъ учинку* будуть поиманы, 331;	А естьли бы шляхтичь убилъ . . ., и поимано бы его *на горячей крови*, 351;
3) если бы который шляхтичь . . . чоловека простого стану не шляхтича забилъ, а былъ бы пойманъ *на горячомъ учинку*, 332.	естьли бы которой шляхтич . . . человѣка простого чину . . . а былъ бы *на горячей крови* поиманъ, 347.

Мы ставили перед собой задачу обратить внимание историков русского языка на старые переводы с белорусского и украинского языков на русский как на один из лингвистических источников. В статье показаны некоторые возможности изучения лексики и фразеологии русского языка по данным одного такого источника — перевода Литовского статута в середине XVII в. Материал, использованный в статье, не противоречит мнению А. В. Соловьева, что перевод производился с печатного издания.

Привлечение подобных источников и их оригиналов, как видим, обогащает наши знания по истории русского языка.

III

ДРЕВНЕРУССКАЯ ЛЕКСИКА И ФРАЗЕОЛОГИЯ

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД ЛЕКСИКОЙ ДРЕВНЕРУССКИХ АКТОВ (К ВОПРОСУ О ТЕРМИНЕ *ПРАВДА*)

Л. В. ЧЕРЕПНИН

Наблюдения над лексикой актового материала — дело сложное, трудное. Оно требует усилий многих исследователей. Настоящая заметка — лишь попытка прикоснуться к этому большому делу, показав на одном (мне кажется, заслуживающем внимания) примере важность задачи.

Одно из значений термина *правда* — судебник, сборник правовых норм, на основе которых производится суд. Таким судебником является один из древнейших памятников русского права, Краткая редакция которого известна в двух списках XV в.: Академическом («Правда Роськая») и Археографическом («А се есть Правда Русскаа») [1]. И. И. Срезневский сопровождает название *правда* применительно к данному памятнику пояснением: «свод правил, законы» [2]. Но более точный смысл слова — именно судебник. Такой смысл раскрывают различные списки Пространной редакции: «Суд Ярославль Володимеричь. Правда Русьская»; «Суд Ярослава князя. Устав о всяцих пошлинах и о уроцех. Правда Руская»; «Суд Ярославль Володимеричь о душегубстве. Правда Русьская»; «Суд Ярославль Володимерича указ. Правда Руская» [3].

На примере Русской Правды можно представить себе соотношение терминов *правда*, *устав* и *грамота*. В Комиссионном списке Новгородской первой летописи младшего извода говорится, что в 1016 г. князь Ярослав Владимирович пожаловал новгородцев за помощь в завоевании киевского стола, «и давъ имъ *правду*,

---

[1] «Правда Русская», т. I. Тексты. М.—Л., 1940, стр. 397. *Прим. ред.*: Поскольку в статье цитируются памятники, изданные по разным правилам, их текст воспроизводится с графическими упрощениями, предложенными автором.

[2] И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. II. СПб., 1895, стр. 1357.

[3] «Правда Русская», т. I. Тексты, стр. 402—403.

и *уставъ* списавъ, тако рекши имъ: «по се *грамотѣ* ходите, яко же списах вамъ, тако же держите» [4]. *Правда* здесь — правовые нормы, на основе которых вершится суд; *устав* — их оформление в виде юридического сборника и утверждение; *грамота* — письменный текст. В общем речь идет об одном памятнике — *грамоте*, содержащей *правду — устав*, а не о нескольких, как думают некоторые исследователи.

Аналогичный вывод подсказывает и заголовок к «Правде» сыновей Ярослава, дошедшей в составе Краткой редакции: «Правда, уставлена Русьскои земли». . .[5] Таким образом, это тоже *правда — устав*.

«Старая правда», т. е. сборник старинных правовых норм, упоминается в Псковской Судной грамоте (XV в.). Здесь опять-таки различаются право и его запись в грамоте («Ся *грамота* выписана из великого князя Александровы *грамоты* и из княж Костянтиновы *грамоты* и изо всех *приписков* псковъских *пошлин*. . .») [6].

И. И. Срезневский выделяет ряд текстов с упоминанием слова *правда* в значении «договор, условия договора» [7]. Думается, что его определение можно несколько уточнить: следует говорить не о самих договорах, а о правовых нормах, в них содержащихся. Так в договоре Новгорода с Готским берегом и немецкими городами 1189—1199 гг. сказано от имени князя Ярослава Владимировича, что он «сгадавъ» с посадником, тысяцким «и съ всѣми новгородъци», «потвердихомъ мира старого с посломь Арбудомь, и съ всѣми нѣмьцкыми сыны, и съ гты, и съ всемь латиньскымь языкомь» и послал «посла своего Григу на сеи Правдѣ» [8]. Далее следует судебник, определяющий судопроизводство по тяжбам между новгородцами и «нѣмчинами», во многом напоминающий нормы Русской Правды.

Примерно то же можно сказать о договоре Смоленска с Ригой и Готским берегом 1229 г. В Списке Д читаем: «а бы въ вѣкы стояло и князю любо бы и всѣмъ смолняномъ и рижаномъ и всемъ немцомъ, по въсточному морю ходящимъ, оже такую *правду* написали, которою *правдою* быти русину въ Ризѣ и на Готьскомь березе, тою же *правдою* немцомъ въ Смоленьскѣ, а быша ся тои *правде* дьржали въвъ вѣкы. . .». А несколько ниже, после заголовка «А се ночинокъ *правдѣ*» (по списку А — «Зде починаеть ся *правда*») [9], следует руководство для суда между русскими и иностранцами, близкое по своему содержанию к Русской Правде.

---

[4] «Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов». М.—Л., 1950, стр. 176.

[5] «Правда Русская», т. I. Тексты, стр. 398.

[6] «Памятники русского права», вып. II. М., 1953, стр. 288, 300 (статья 112).

[7] И. И. Срезневский. Указ. соч., т. II, стр. 1358.

[8] «Грамоты Великого Новгорода и Пскова». М.—Л., 1949, стр. 55, № 28.

[9] «Смоленские грамоты XIII—XIV веков». М., 1963, стр. 21, 35—36.

Различие между *правдой* как 'совокупностью юридических норм', и *грамотой* как 'письменным текстом', эти нормы фиксирующим, четко проводится в договорной грамоте Новгорода с Готским берегом, Любеком и немецкими городами 1262—1263 гг.: «А се старая наша *правда* и *грамота*, на чемь цѣловали отци ваши и наши крестъ» [10].

Значение *правды* как 'права, действующего в суде', объясняет и смысл формулы *судить в правду* или *судить право*, т. е. в соответствии с судебниками, утвержденными законом. Обязательство *судить в правду* гарантируется «крестоцелованием» (присягой) судей; отсюда другое значение *правды* — 'присяга'.

Формула о «правом суде» встречается в Новгородской Судной грамоте (XV в.): «А в тиуне одрине быти по приставу с сторону людем добрым, да судити им *в правду*, крест поцеловав на сен на крестнои грамоте»; «А посаднику и тысятцкому и владычию наместнику и их судьям и иным судьям всим крест целовать да судить им *в правду*»; «А судить им *право* по крестному целованью» [11].

О том же говорит Псковская Судная грамота (XV в.): посаднику «крест целовати на том, что ему судит *право* по кресному целованью»; «И судьям псковским и посадником погородским и старостам приго[ро]цким по тому же крест целовать на том, што им судити *право* по крестному целованью. . .». В одной статье памятника обязательство о *правом суде* сформулировано несколько иначе: не «судити в правду», а «судити. . . взираа в правду, по крестному целованью» [12]. В этом случае, очевидно, имеется в виду не просто действующее право, а его запись в конкретном памятнике псковского законодательства, к которой должен обращаться судья.

Упоминания *правого суда* находим в новгородских договорных грамотах с князьями: «А судити ему [княжескому наместнику] *в правду* по крестному цѣлованью, всѣхъ равно» (договорная грамота короля польского и великого князя литовского Казимира IV с Великим Новгородом 1470—1471 гг.); «А учинится татба или розбои в великомъ княжение новугородцу, ино великимъ княземъ обыскати то дѣло *въ правду* по крестному целованию» (договорная грамота Великого Новгорода с великим князем Иваном III, 1471 г.) [13].

Наконец, русские князья XIV—XV вв., заключая между собой договоры, вносили в их тексты условия о соблюдении судьями *правды*: «А судьям нашим сѣсти судити, целовав крестъ, *в правду*, по цолованью. . .»; «а зъехався судьямъ великого князя

---

[10] «Грамоты Великого Новгорода и Пскова», № 29, стр. 57.
[11] «Памятники русского права», вып. II, стр. 212, 215 (статьи 4а, 25, 27).
[12] Там же, стр. 286, 296 (статьи 3, 4, 77).
[13] «Грамоты Великого Новгорода и Пскова», № 77, стр. 130; № 27, стр. 50.

з нашыми судьями, судити, целовал крест, безо всякое хитрости, *в правъду*, на обе стороне» [14].

И. И. Срезневский считает, что одно из значений слова *правда* — ‘суд’ [15]. Однако, в примерах, им приводимых, *правда* означает не суд вообще, а систему судебных доказательств: свидетельские показания под присягой, ордалии — испытание железом и пр. [16]

В Русской Правде имеются три статьи, упоминающие *правду* при разборе различных правонарушений.

Ст. 21: «Искавше ли послуха не налѣзуть, и истьця начнеть головою клепати, то ти имъ *правду* желѣзо». Здесь под *правдой* подразумевается испытание железом, которому подвергается обвиняемый в убийстве в случае отсутствия свидетеля, могущего отвести обвинение.

Ст. 56: «Аже закупъ бѣжить от господы, то обель; идеть ли искать кунъ, а явлено ходить, или ко князю или къ судиямъ бѣжить обиды дѣля своего господина, то про то не робять его, но дати ему *правду*». Это значит, что закуп, бежавший от господина, обращается в рабство; но если он легализовал свой уход, предварительно заявив о нем, то его нельзя порабощать, а следует дать ему *правду*, т. е. возможность доказать на суде свою невиновность.

Ст. 85. «Ты тяжѣ всѣ судять послухами свободными; будеть ли послухъ холопъ, то холопу на правду не вылазити; но оже хощеть истець, или иметь и, а река тако: по сего рѣчи емлю тя, но язъ емлю тя, а не холопъ, и емѣти и на желѣзо; аже обинити и, то емлеть на немь свое; не обинить ли его, платити ему гривна за муку, зане по холопьи рѣчи ялъ и» [17]. Речь идет о том, что суд не должен руководствоваться показаниями холопа; за истцом, однако, остается право привлечь к испытанию железом человека, оговоренного холопом, но на свою ответственность. *Правда* в данном контексте — различные формы послушества на суде.

Выражение *правда дать* в значении ‘привести к присяге’, ‘решить дело присягой’ неоднократно встречается в Псковской Судной грамоте. Человек, к которому предъявлен земельный иск, «хочет на поле лезет или своего исца к *правде* ведет» . . . Если изорник «запрется отрока государева» (т. е. станет отрицать факт формального «отказа» со стороны землевладельца), «ино ему

---

[14] «Духовные и договорные грамоты великих удельных князей XIV—XVI вв.» М., 1950, № 19, стр. 154, № 39, стр. 118.

[15] И. И. Срезневский. Указ. соч., т. II, стр. 1359.

[16] Судебник Ивана IV различает понятия *суд* и *правда*: «а в грабеже *суд* и *правда*» («Судебники XV—XVI веков». М.—Л., 1952, стр. 148, ст. 25). То же в грамоте тверских князей Тверскому Отрочу монастырю 1362—1364 гг.: «А смешаються судомь монастырьскии люди с волостными людьми, судить монастырьскии тивун с посельским вместе с нашими судьями, а прибыток им наполы; а дворян даеть тот, на чьем ищють, и *суд* туто же, а на *правду* ездять обои» («Акты социально-экономической истории Северо-восточной Руси конца XIV—начала XVI в.», т. III. М., 1964, № 117, стр. 153.

[17] «Правда Русская», т. I. Тексты, стр. 106, 110, 113.

правда дать». Подозреваемому в скупке краденого «правда дать на том, что чисто будет на торгу купил» [18]. Присягой решаются и другие имущественные дела, тяжбы между изорниками и господами и т. д. [19] Грамота приводит и формулу присяги: «Сказати как *право* перед богом» или «сказати как *прямо* перед богом» [20].

Наряду с выражением *правда дати* в Псковской грамоте фигурирует и другое — *обыскати правда* [21], что означает: 'расследовать дело' [22].

О *правде* — присяге (показаниях под присягой) сказано в договоре Новгорода с Готским берегом и немецкими городами 1189—1199 гг. («. . . ротѣ шедъ, свою правду възмуть») [23] и в некоторых княжеских договорных грамотах («А кто холопъ или роба имет ся тягати съ осподарем и пошлется на правду, а не будет по них поруки, ино их обинити») [24].

Особый интерес представляет изучение лексики правых грамот (судебных приговоров по земельным преимущественно делам). В них запечатлена живая речь тех людей, которые выступали на суде: судей, приставов, истцов, ответчиков, послухов. Сухие юридические формулы, известные из разного рода судебников, приобретают конкретное выражение, ибо ими пользуются в разнообразных ситуациях и те, кто ведет судопроизводство, и те, кто жалуется, и те кто защищается. Формулы показаний под присягой (*дать правда*, *сказати как право перед богом*) варьируются, давая новые словообразования и словосочетания. Распространяется выражение *божья правда*.

В правых грамотах конца XV—начала XVI вв. зафиксированы обращения судей к тяжущимся и послухам: «Скажите как *право*», «Скажите, брате, как *право* перед богом»; «скажите, брате, в божью *правду*»; «скажите, брате, как *право* пред богом по крестному целованью»; «скажите по великого князя крестному целованью, в божию *правду*, не утайте. . .» [25]

Под *божьей правдой* правые грамоты разумеют не только крестное целование, но и судебный поединок — *поле*. В случае расхождения показаний тяжущихся или их послухов, одна из сторон заявляет судье: «дайте нам с ними (противниками, высту-

---

[18] «Памятники русского права», т. II, стр. 287, 292 (статьи 13, 42, 46).

[19] Там же, стр. 293, 298, 299 (статьи 51, 55—57, 94, 95, 104, 106, 110).

[20] «Памятники русского права», т. II, стр. 287, 288, 293 (статьи 9, 20, 51, 55—57).

[21] Там же, стр. 288, 294 (статьи 18, 61).

[22] То же в Судебнике Ивана IV: «а общется то в правду» (Судебники XV—XVI веков. М.—Л., 1952, стр. 141, статьи 2—4, 6, 99). В договоре Дмитрия Донского и великого князя Михаила Александровича 1375 г. в аналогичном смысле употребляется выражение: *дозря их правды*, *дозря твоие правды* (Духовные и договорные грамоты, № 9, стр. 28).

[23] «Грамоты Великого Новгорода и Пскова», № 28, стр. 56.

[24] «Духовные и договорные грамоты», № 15, стр. 42.

[25] «Акты социально-экономической истории. . .», т. I. М., 1952, № 397, стр. 289, № 523, стр. 400, № 607а, стр. 511; там же, т. III. М., 1964, № 172, стр. 185, № 391, стр. 407.

пающими на суде) *божью правду* — крестное цѣлованье, целовав, господине, крест, да лезем с ними на поле битися». Или: «. . . даите нам с ними *божию правду*: говѣв недѣлю да целовав крестъ, да лѣзем с ними на поле битися» [26].

Таким образом, *божья правда* противопоставляется *лживому послушеству*. Отсюда такие высказывания на суде: «Тѣ, господине, . . . старожилцы *лживые*, даите нам, господине, *божью правду*. . .», «. . . знахори, господине, монастырские послушествовали *лживо*; даите нам с ними *божию правду*. . .» [27]

Решение суда фиксируется в правой грамоте. Оно обычно носит двусторонний характер — оправдание одного из тяжущихся и обвинение другого. В конце XV в. великий князь Иван III Васильевич «велѣл судиамъ черньця Павла троецкого махрищьского *оправити* и Давыдка Шоболду велѣл обинити. . .». В те же годы судья Иван Котена «троецкаго старца Касьяна *оправил*. . ., а старосту Андреика и всѣх крестьян залѣских обвинил и грамоту на них *правую* старцю Касьяну дал» [28].

В специальной терминологии закрепляются понятия *правого* и *виноватого*, *правды* (в значении оправдательного решения суда) и *вины* (в значении обвинительного приговора). Соотношение этих понятий хорошо выясняется из встречающейся в ряде княжеских жалованных грамот статьи о *сместном суде* (по делам, затрагивающим интересы людей, подведомственных князю, с населением боярских или монастырских вотчин). Вот отрывок одной из таких грамот: «А *прав* или *виноват* ли будет манастырьскои человѣкъ, ино его вѣдает собѣ архимандрит с братиею или их приказщик и в правдѣ и в винѣ, а мои намѣстници и волостели и их тивуни въ их человѣка не вступаются ни в *правого*, ни в *виноватого* ни чѣм, а знают собѣ мои намѣстници и волостели и их тивуни своих городских или волостных людеи и в правдѣ и в винѣ, а архимандрит с братиею и их приказщик въ их человѣка городского ни в волостного не вступаются ни в *правого* ни в *виноватого*» (Жалованная грамота Ивана III архимандриту Чудова монастыря Феодосию, 1471 г.) [29] Речь идет о том, что в случае *сместного суда* по тяжбам между людьми двух разных подсудностей (с одной стороны — суд княжеский, с другой — вотчинный, монастырский) судебное решение в отношении каждого из тяжущихся приводит в исполнение судья, которому тот подведомствен. По вынесении двумя судьями совместно приговора [30] ни один из них не может больше касаться человека, подсудного другому, независимо

---

[26] «Акты социально-экономической истории. . .» т. II. М., 1958, № 296, стр. 253, № 334, стр. 322.

[27] Там же, т. III, № 223, стр. 243, т. II, № 334, стр. 322.

[28] Там же, т. I, № 340, стр. 248, № 524, стр. 402.

[29] Там же, т. III, № 42, стр. 63.

[30] В грамоте Василия I митрополиту Фотию о *сместном суде* 1425 г. сказано, что «грамоту правую дают оба судьи» («Акты феодального землевладения и хозяйства», ч. I. М., 1951, № 211, стр. 186).

от того, осужден ли он или оправдан. *Правда* и *вина* — результат разбора дела судом, который одного *оправил*, другого *обвинил*.

Противопоставлению *правды* и *вины* в некоторых документах соответствует антитеза — *право* и *криво* («что будет взято *право*, то остало, а что будет взято *криво*, то отдачи по исправѣ») (Докончание великого князя Василия Васильевича с князем галицким и звенигородским Юрием Дмитриевичем 1428 г.) [31]. *Право* — это иск, присужденный судом, *криво* — то, что присвоено не по суду или вопреки его решению.

Трудно понять смысл слова *правда* в некоторых грамотах в кормление. Кормления жалуются или *с правдой* или *без правды*. В начале XVI в. великий князь Василий III *пожаловал* Михаила Никитина сына Ознобишина «волостью Дубенкою под Елкою под Зеленым в кормление *с правдою*». Тот же князь пожаловал Павла Васильевича Люткина «Велетовым *без правды* под Иваном Безстужовым в кормленье». Иногда выражение *с правдой* заменяется другим: *с судом боярским*: Иван III в 90-х годах XVI в. дал Александру Васильевичу Карамышеву в кормление город Плес «и з судом з боярьским» [32]. Замена одного термина другим, очевидно, свидетельствует о их равнозначности. Что такое *кормление с судом боярским*, видно из сопоставления Судебника 1497 г. с рядом правых грамот. Кормленщик, пользующийся правом боярского суда, мог самостоятельно выносить решения по ряду дел. Тот, кто правом боярского суда не обладал, должен был переносить материалы своего делопроизводства на доклад великому князю или верховной боярской коллегии [33]. Следовательно, *правда* в вышеприведенных грамотах значит: судебный приговор.

В ряде документов *правда* упоминается в связи с прогонами, получаемыми судебными приставами, выполняющими поручения суда. В докончании великого князя Дмитрия Ивановича с Михаилом Александровичем Тверским 1375 г. говорится: «А почнутъ твои искати перед нас, или наши перед тебе, или перед наши намѣстници, или перед волостели, хоженого в городе алтын, а на правду два, а далнии ѣздъ верѣста по рѣзанѣ, а на правду вдвое» [34]. В Двинской уставной грамоте читаем: «А на Орлецѣ дворяномъ хоженого бѣлка; а ѣзды и позовы от Орлеця. . . (Далее указаны подробно цифры прогонов до разных пунктов Подвинья) а на правду вдвое» [35]. Очевидно, пристав получает обычное вознаграждение, если речь идет о доставке в суд ответчика, двойное — если он должен на месте расследовать обстоятельства судебного дела. Псковская Судная грамота вместо выражения

[31] «Духовные и договорные грамоты», № 24, стр. 65.
[32] «Акты социально-экономической истории. . .», т. III, № 113, стр. 149; № 227, стр. 247; № 249, стр. 267.
[33] «Судебники XV—XVI веков», стр. 66.
[34] «Духовные и договорные грамоты», № 9, стр. 28.
[35] «Грамоты Великого Новгорода и Пскова», № 88, стр. 145.

на правду употребляет слова *на татьбу*. «А которои пристав поеедет на татбу, — ино ему езд имати вдвое». . . [36] Тем самым разъясняется значение слов *на правду*: для расследования обстоятельств преступления.

Таковы некоторые наблюдения, касающиеся значения слова *правда*, какое оно имело в правовых памятниках средневековой Руси.

[36] «Памятники русского права», т. II, № 65, стр. 295.

О СОСТАВЕ ОДНОГО ИЗ ИСТОЧНИКОВ ДРЕВНЕРУССКОГО СЛОВАРЯ

А. С. ОРЕШНИКОВ

Текстология, если иметь в виду ее прикладное, вспомогательное назначение, связана с различными областями лингвистики. Данные текстологии учитываются и в лексикографических исследованиях, особенно если это касается пласта диахронической лексики. Источниками для исторической лексикографии служат памятники, тексты которых дошли до нас в многочисленных поздних списках, представляющих редакции, не в одинаковой степени полно сохраняющие первоначальный текст памятника. Текстологические комментарии в связи с этим используются при анализе разночтений, встречающихся в этих списках. Однако, как нам кажется, выводы текстологии в практике лексикографических исследований могут быть более распространенными и использоваться, в частности, при сегментации текста для лексикографической обработки.

Сегментация, которая сама по себе выделяет контексты с нестрого выраженными смысловыми границами, не всегда соответствует также и генетически оправданному соотношению источников текста.

Быть может, заметка, посвященная композиции текста Правды Русской, окажется небесполезной в работе лексикографа.

Один из приемов уточнения композиции и состава Пространной редакции Правды Русской (далее — П. р.) заключается в выделении в ее тексте вставок и восстановлении первоначальной последовательности расположения материала.

Попытку выделить вставки в тексте П. р. предпринял Н. А. Максимейко в статье «Система Руської Правди в поширеної редакції» [1]. Он обратил внимание на особое положение в тексте П. р. статей

[1] Праци Комісії для виучування історії західньо-руського та українського права, вип. 2. Київ, 1926, стр. 50—73.

специфического содержания: уроков, поконов вирных и др., в которых назначаются денежные и натуральные отчисления в пользу князя и княжеской администрации. Н. А. Максимейко рассматривает вставки, более или менее согласующиеся с содержанием окружающих статей, с целью восстановления композиционной системы Правды: «Коли усунути їх з нашого зору, то система Р. Правди стане перед нами в наочнішому її виразнішому виглядові» [2].

Мы же считаем, что выделение вставок в тексте П. р. расширяет наши представления не только о самой редакции, но и о характере ее источников.

Перейдем к рассмотрению интерполяций в тексте П. р., положив в основу исследования Троицкий список XIV в., который, по мнению историков, относится к самому полному и вместе с тем самому исправному Троицкому виду списков Синодально-Троицкой группы [3].

Остановимся вначале на фактах очевидного несогласования вставок с содержанием окружающих статей. Это в первую очередь вставки в основной текст уроков городнику (ст. 96), мостнику (ст. 97), а также уроков судебных (ст. 107) [4]. Первые два урока определяют размеры сборов в пользу лиц, ведавших строительством городов и мостов, в ст. 107 устанавливаются размеры судебных пошлин. Не только Н. А. Максимейко, но и другие исследователи признавали вставочный характер этих статей. По мнению А. А. Зимина, уроки мостнику и городнику «явно помещены не на месте, поскольку они перебивают цикл статей о наследственном и семейном праве» [5]. Мы, в свою очередь, также считаем, что выделение вышеупомянутых вставок из текста способствует восстановлению первоначальной последовательности статей. Текст этого раздела перед уроками городнику и мостнику обрывается ст. 95, в которой излагаются права сестры на наследство. После вставки уроков тема о наследовании продолжается ст. 98 об освобождении робы вместе с ее детьми после смерти их отца — господина. В то же время содержание уроков настолько не согласуется с содержанием Правды, что включение их и в другие разделы было бы также искусственным: [6] «...(95) Иже будеть сестра в домоу, то тои задниць не імати, но отдадать ю за мужь братиа, како си могуть. (96) И се закладаюче городъ. И се оурощи городнику: закладаюче горожню, куну взати, а кончавше ногата; а за кормъ, и за колюгу, и за маса, и за рыбы 7 кунъ на нед(ѣ)лю, 7 хлѣбовъ, 7 оубоурковъ пшена, 7 лукомъ щеса на 4 кони; імати же ему, донелѣ городъ

---

[2] Праци Комісії для виучування історії. . ., стр. 54.

[3] В. П. Любимов. Списки Правды Русской. «Правда Русская», т. I, Тексты. М.—Л., 1940, стр. 43.

[4] «Правда Русская», т. I, стр. 114—116.

[5] «Памятники русского права», вып. I. М., 1952, стр. 182.

[6] М. О. Максимейко. Система Руської Правди. . ., стр. 54.

грѹвать, а холоду одину дадать 10 лукон. (97) О мостницѣхъ. Я се мостнику оуроци: помостивше мостъ, взати ѡт 10 локотъ по ногатѣ; аже починить моста ветхаго, то кълико горѡдѣ починить, то взати ему по кунѣ ѡт горѡдѣ; а мостнику самому ѣхати со отрокома на дву коню, 4 лукна шкса на нед[ѣ]лю, а ѣсть, что можеть. (98). Я се о задницѣ. Яже буд(у)ть рѡбьи дѣти оу мужа, то задници имъ не имати,» . . . и т. п.

Ст. 107 — уроки судебные, вклиниваясь в раздел, посвященный наследственному праву, нарушает последовательность ст. 106 и 108[7]. Не случайно поэтому С. В. Юшков считал, что в протографе Пространной правды ст. 107 следовала за ст. 108[8]: «. . . (106) Я матери котѡрѣи сынъ добръ, перваго ли, другаго ли тому же даеть свою; аче и вси сыновце ѣи будуть лиси, а дчери мѡжеть дати, кто ю кормить. (107) Я се оурѡци судебнии. Я се оурѡци судебнии: ѡт виры 9 кунъ, а метелнику 9 кѣкошь, а ѡт бортноѣ земли 30 кунъ, а о инѣхъ о всѣхъ тажа, кѡму помѡгуть, по 4 куны, а метелнику 6 кѣкошь. (108) О задницѣ. Яже братья ростажютас(а) перед кназемъ о задницю, котѡрыи дѣтьскии идѣть ихъ дѣлитъ, то тому взати гри(вна) коунъ. . .»

Вставки встречаются и в других разделах текста П. р. Так, ст. 74 под заголовком «Я се накладе»[9], в которой устанавливаются размеры сборов в пользу княжеских должностных лиц от штрафов в 12 гривен, разрывает последовательность статей, посвященных нарушениям неприкосновенности бортных угодий: «. . . (73) Яже дубъ подотнеть знаменаныи или межаныи, то 12 гри(венъ) продажѣ. (74) Я се накладе. Я се наклады: 12 гри(венъ), отроку 2 гри(вны) и 20 кунъ, а самому ѣхати со отрокома на дву коню, сути же на ротъ овесъ, а мясо дати овенъ любо полоть, а инѣмъ кормома, что има череко возметь, писцю 10 кунъ, перекладнагѡ 5 кунъ, на мѣхъ двѣ ногатѣ. (75) Я се о борти. Яже борть пѡдѣтнеть, то 3 гри(вны) продажѣ, а за дерево полгри(вны). Яже пчелы выдереть, то 3 гри(вны) продажи. . .»

В статьях 3—8 устанавливаются различные случаи ответственности верви (общины) за убийство, совершенное на ее территории. Далее следуют поконы вирные и ст. 10, в которой определены отчисления вирнику от виры в 80 гривен, а также возмещение «за голову»; ст. 11—17, в которых устанавливаются штрафы за убийство представителей княжеской администрации, дружины, зависимых и полузависимых людей; ст. 18—27 «о поклепной вире»,

---

[7] «Правда Русская», т. I, стр. 115—116.
[8] «Памятники русского права», т. I, стр. 184.
[9] «Правда Русская», т. I, стр. 112.

о свержении виры и другие статьи процессуального характера [10]. Поконы вирные и ст. 10, которые можно выделить по аналогии с упомянутыми выше уроками, довольно тесно слиты с предыдущими статьями. Определение же вставки обосновано лишь при условии восстановления связной последовательности статей источника. И такое восстановление, по нашему предположению, возможно, если выделить не только поконы вирные и ст. 10, но и ст. 11—17. В этом случае образуется единый раздел (ст. 3—8, 18—22), который посвящен различным моментам ответственности преступника и верви за убийство. В ст. 3—8 вервь обязывается к уплате виры, если убийцу «не ищють», установлен порядок выплаты «дикой виры» и т. д. После вставок следуют статьи, непосредственно продолжающие тему: ответственность убийцы и верви перед законом. В ст. 18 определен порядок оправдания в случае бездоказательного обвинения в убийстве («поклепе») [11]: «...(7) Оже станеть без вин(ы) на разбои. Будеть ли сталъ на разбои безъ всякоѣ свады, то за разбѡиника люди не платять, но выдадять и всего съ женою і с дѣтми на потѫгъ и на разграбление. (8) Иже кто не вложитьс(а) в дикую вѣрѹ, тому люд(а)ье не помогаютъ, но самъ платитъ. (9) И се покони вирнии были при Ꙗрославѣ: вирнику взяти 7 вѣдеръ солоду на недѣлю, же овенъ любо полоть, любо 2 ногатѣ; а в середу кунa же сыръ, а в пятницю тако же; а куръ пѫ двою ему на день; а хлѣбѫкъ 7 на недѣлю,... и т. д. (10) Иже будеть вира во 80 гри(венъ), то вирнику 16 гри(венъ) и 10 кунъ и 12 вѣкши, а переди сѣсадната гри(вна), а за голову 3 гри(вны). (11) О княжи мужѣ. Иже къ княжи отроци, іли к конюсѣ, іли к повдрѣ, то 40 гри(венъ). (12) И за тивуня за ѡгницины і за конюшии, то 80 гри(венъ). (13) И в селѣскѫмъ тивунѣ княжѣ іли в ратаинѣмъ, то 12 гри(венъ). (14) И за рядовича 5 гри(венъ). Тако же и за болрескъ. (15) О ремественицѣ и о ремественицѣ. (Так в ркп. — *А. О.*) И за ремественика и за ремественицю, то 12 гри(венъ). (16) И за смердии холѫпъ 5 гри(венъ), а за робу 6 гри(венъ). (17) И за кормилца 12, тако же и за корми[ли]цю, хотя си буди холѫпъ, хотя си роба. (18) О поклепѣи вирѣ. Иже будеть на кого поклепнат вира, то же будеть послухокъ 7, то ги выведуть виру; паки ли варагъ или кто інъ, тогда. (19) И по костехъ и по мертвеци не платитъ вервь, еже имене не вѣдаютъ, ни знаютъ иего...»

Статьи, которые мы определяем как вставки, могут находиться также на стыке двух разделов П. р. различного содержания, не имея отношения ни к предыдущему, ни к последующему разделу. Так, уроки ротные — ст. 109, в которой устанавливаются сборы

[10] «Правда Русская», т. I, стр. 104—106.
[11] Памятники русского права, т. I, стр. 145—146.

после совершения присяги, встречаем на границе раздела, посвященного наследственному и семейному праву, и так называемого «Устава о холопах» [12]. «...(108) О задницѣ. Иже братьа разстажютьс(а) перед княземъ о задницю, которыи дѣтьскии идѣтъ ихъ дѣлитъ, то тому взяти гри(вна) коунъ. (109) Оурѣзци рѹтнии. И се оурѣзци рѹтнии: ѿт головы 30 кунъ, а ѿт бортьноѣ земли 30 кунъ без трии кунъ, тако же и ѿт ролеиноѣ земли, а ѿт свободы 9 кунъ. (110) О холѹпьствѣ. Холѹпьство обѣлноюе трое: оже кто хота купитъ до полу гри(вны), а послухи поставитъ, а ногату дасть перед самѣмъ холѹпомъ...»

В тексте П. р. имеются и другие вставочные статьи, однако они более тесно связаны по содержанию с непосредственным окружением. Назовем в первую очередь урок железный (ст. 86) [13], который входит в процессуальный комплекс статей, «определяющих порядок приведения доказательств во время судебного процесса, в частности, говорящих о таком виде ордалий, как испытание железом» [14] (ст. 85—87). Такова же и текстуальная позиция ст. 20 типа уроков, в которой установлены отчисления, платившиеся княжескому судебному агенту, если обвинение в убийстве не было доказано [15], а также ст. 45 под заглавием «А се уроци скоту», в которой установлены расценки за украденный или погубленный скот [16]. Эта статья примыкает к комплексу статей о кражах [17]. Ср. также положение ст. 53 в разделе, посвященном обязательственному праву [18].

Нужно иметь в виду, что текст памятника на различных этапах его редактирования, то «улучшается» (описки заменяются понятными чтениями, композиция текста становится более стройной), то «ухудшается» (текст обрастает описками, вставками и перестановками). Такие изменения могут быть сознательными и механическими, равномерными (на протяжении всего текста) и неравномерными (эпизодическими). И очень важно оценить состояние текста в тот или иной момент его развития. Тот факт, что в тексте П. р. обнаруживаются определенные характерные особенности редакционной обработки, является существенным и для представления истории текста самой редакции и для восстановления текста ее источников. Уроки, поконы вирные, наклады представляют собою определенный тип юридических текстов. Это — конкретные княжеские постановления, регламентирующие отношения судебной администрации, а также мостников и городников с сельским и городским населением.

Институт русского языка им. В. В. Виноградова
www.ruslang.ru

[12] «Правда Русская», т. I, стр. 116.
[13] Там же, стр. 113.
[14] «Памятники русского права», т. I, стр. 176.
[15] «Правда Русская», т. I, стр. 106.
[16] «Памятники русского права», т. I, стр. 157—158.
[17] «Правда Русская», т. I, стр. 108—109.
[18] Там же, стр. 110.

Можно предположить, что с момента своего возникновения они приписывались к тексту основного источника П. р., в отдельных случаях по спискам этого источника вносились в текст и ассимилировались в нем. И лишь при составлении протографа П. р. были суммарно внесены в разделы более или менее близкие им по содержанию. Это предположение подтверждается тем, что в Краткой редакции именно заключительными статьями (41—43) являются «покон вирный», «урок мостником» и статья (41) типа уроков [19].

[19] «Правда Русская», т. I, стр. 72—73, 81.

О *БЕЛЕ* И *ВЕВЕРИЦЕ*

Н. В. ЧУРМАЕВА

Речь идет о чтении и переводе двух слов в тексте Повести временных лет под 859 г.: Имаху дань Варязи изъ заморья. на Чюди. . . а Козари имаху на Полянѣх. и на Сѣвѣрѣх и на Вятичѣхъ. имаху по бѣлѣ и вѣверицѣ ѿ дыма. (по Лаврентьевскому списку). I чтение — «по бѣлѣ и вѣверицѣ». II чтение — «по бѣлѣи вѣверицѣ». Оба чтения отражены в изданиях Повести временных лет: так, в составе Ипатьевской летописи это место читается «по бѣлѣ и вѣверици»[1], в составе Лаврентьевской — «по бѣлѣи вѣверицѣ» [2]. При первом чтении этот текст можно перевести «по серебряной монете и шкурке белки», при втором чтении — «по белой белке», т. е. «по шкурке зимней, белой белки».

Случаи, подобные этому, труднейшие в текстологии. Оба чтения кажутся правильными с точки зрения языка. Переводы обоих чтений исторически реальны. Возможность проверки этих сведений другими данными по истории Древней Руси минимальна, так как это и есть древнейшие исторические известия по данному вопросу. Вместе с тем, чтение и понимание этого места летописи очень важны. Как пишет Д. С. Лихачев, «в зависимости от разделения этих слов стоит очень многое в понимании денежного хозяйства Руси X века» [3]. Сам Лихачев в издании Повести временных лет (серия «Литературные памятники», 1950 г.) читал это место «по бѣлѣ и вѣверицѣ». В «Текстологии», вышедшей в 1962 г., он пишет о возможности иначе делить текст и приводит в пользу второго чтения ряд доводов. Однако и теперь автор не

[1] ПСРЛ, т. II, изд. 2. СПб., 1908.
[2] ПСРЛ, т. I, вып. 1, изд. 2. Л., 1926.
[3] Д. С. Лихачев. Текстология. М.—Л., 1962, стр. 142.

считает этот вопрос окончательно решенным, называет его «очень трудным и принципиально важным» [4]. Общий интерес к теме и практическая необходимость выбрать одно из двух чтений [5] побудили нас вновь обратиться к этому вопросу и высказать некоторые соображения. Прежде всего остановимся на тех доводах, которые приводит Д. С. Лихачев в пользу II чтения.

Напомним, что перевод I чтения предлагается такой: 'по серебряной монете и по шкурке белки'. Лихачев обращает внимание на то, что в «Слове о полку Игореве» половцы брали дань «по *бѣлѣ* отъ двора» и замечает в связи с этим: «О серебряной монете в «Слове о полку Игореве» ничего не говорится, хотя события происходят через три века (после описанных в летописи. — *Н. Ч.*), когда крестьянское хозяйство несомненно развилось» [6]. Поэтому вполне логично предположить, что в летописи идет речь также не о серебряной монете.

Второй довод возникает в результате следующего рассуждения. В Лаврентьевской летописи под 1068 г. есть слова: «кунами и белью». На месте их в Ипатьевской летописи стоит: «кунами и скорою». Это «свидетельствует о том, — пишет Лихачев, — что в древней Руси слово *бѣль* понималось иногда как 'мех' (беличий, разумеется)» [7].

Доводы, как видим, серьезные, но только против перевода, а не против чтения текста, что, естественно, не одно и то же. Если *бѣла* не означает 'серебряная монета', то это еще не значит, что неверно прочитан текст. А именно к такому заключению подводит приведенный способ доказательства правильности II чтения. Надо сказать, что такой способ доказательства применялся и сторонниками I чтения. Так, Б. Д. Греков, считающий правильным чтение «по бѣлѣ и вѣвериць», в обоснование своего чтения приводит запись под 1257 г. (Ипатьевская летопись): «поима на них дань черные куны и *бѣль* сребро», считая, что *бѣль* в этом примере значит 'серебро', а, следовательно, и родственное ему *бѣла* могло означать 'серебряная монета' [8].

Помимо большой разницы во времени (наш пример — 859 г., этот — 1257 г.), приведенный пример служит плохим обоснованием и по другой причине: он сам не ясен. В Хлебниковском и Погодинском списках в этом месте стоит не «бѣль сребро», а «бѣло сребро», но и такое чтение не делает пример яснее [9].

Таким образом, доводы в пользу I чтения так же шатки, как и доводы в пользу II. Строго говоря, их нет. Греков считает, что «по бѣлѣ» значит 'по серебряной монете'. Лихачев считает, что

---

[4] Лихачев. Указ. соч., стр. 141.

[5] Это, в частности, связано с работой над словарными статьями *бѣла*, *бѣлыи*, *вѣверица* для «Словаря древнерусского языка (XI—XIV вв.)».

[6] Лихачев. Указ. соч., стр. 142.

[7] Там же.

[8] См. Б. Д. Греков. Киевская Русь. М.—Л., 1949, стр. 37.

[9] Подробнее об этом см. ниже.

такое толкование сомнительно, и, следовательно, это дает основание отказаться от I чтения и иначе делить текст. Лихачев убедителен в первой части своего доказательства, но не убеждает во второй, так как, повторяем, его доводы направлены против перевода при I чтении, а не против самого чтения. Оба доказательства исходят из того, что перевод *бѣла* 'серебряная монета' является единственно возможным.

Перевод II чтения «по бѣлѣи вѣвериць» 'по шкурке белой, зимней, белки'. Работы последних лет, в которых затрагивается этот вопрос, останавливаются на втором чтении [10] и, как видим, довольно удовлетворительно объясняют его. Однако в этом случае особенно справедливы слова Лихачева: «удовлетворительность объяснения еще не есть его доказанность» [11].

Остановимся подробней на выражении «белая веверица». Наиболее полное его толкование дает Даль в словарной статье на *веверица*. «ВЕВЕРИЦА *ж. стар.* пушной зверок, которым платили дань; вероятно ласочка, горностай или белка; . . . Виру платили «по бѣлѣи вѣвериць» или «по бѣлѣи вѣкше»; но это *или* не доказывает, чтобы веверица и векша были одно и то же, а только что они были в одной цене. Горностай и ласочка летом бурые, зимой белые; белая веверица зимнего, дошлого улова; векша рыжая, зимою голубая, но и здесь белая могло бы означать дошлую, зимнюю, и хотя векша никогда не бывает белою, получила название белки» [12].

На первый взгляд, обоснование тонкое и глубокое. Оно могло бы считаться безупречным, если бы сопровождалось примерами. К сожалению, Даль не приводит ни одного примера из говоров, и мы вправе предположить, что у Даля их не было. Едва ли можно сомневаться в том, что приведенная словарная статья написана на одном примере — именно из Повести временных лет. «По белой векше» — из той же Повести в составе I Псковской летописи, где слово *вѣверица* заменено на *вѣкшица*. Таким образом, объяснение Даля не является доказательным.

Самое серьезное возражение против чтения «по бѣлѣи вѣвериць» — это тот факт, что сочетание «белая веверица», кроме рассматриваемого случая, в памятниках не встретилось. Вообще слова *веверица*, *векша*, *бела*, *белка* с определениями, указывающими на окраску зверька, в памятниках не отмечены [13]. Это несколько

---

[10] См. например, Ф. П. Филин. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972, стр. 559.

[11] Лихачев. Указ. соч., стр. 153.

[12] Вл. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. I. М., 1955, стр. 174.

[13] На этот счет есть и другое мнение. Так, Трутовский считает, что в памятниках встречаются сочетания «белая вевѣрица» и «белая векша». О векше он даже пишет так: «летописи отмечают векшу, как дань. . . и почти без исключения в сопровождении эпитета «белая», а именно: «по беле векшице» (В. Трутовский. Векша, веверица, бела. Труды этнографо-археоло-

странно. Ведь в текстах обычно речь идет о дани, а поскольку зимняя белка не могла быть в одной цене с летней, рыжей, постольку данщикам не могло быть безразлично, какими шкурками платили им дань. Объяснить это можно только тем, что эти слова не вызывали двоякого понимания [14]. По-видимому, всегда имелась в виду только зимняя белка (или другой пушной зверь), шкурка которой могла служить и утвердилась со временем как меновой эквивалент, мера дани, денежная единица [15]. По своей сезонности пушной промысел в Древней Руси едва ли существенно отличался от пушного промысла позднего времени, так как он зависит от природы животных. Белки, куницы, лисицы, горностаи и др. дают потомство весной и летом (белки, например, два раза в году: в апреле—мае и в июле). Мех пушных зверей зимой гуще, прочней и красивей, окраска — более чистых тонов. Начало охоты с октября—ноября диктуется, поэтому, бытовой целесообразностью и выгодой.

Такому заключению на первый взгляд противоречит сочетание «черная куна», несколько раз отмеченное в памятниках. Поясним его.

Употребление шкурок различных зверей в качестве менового эквивалента — обычное явление. Если определенная шкурка утверждалась в какой-либо цене надолго, название ее могло перейти на монеты. Так, в переводных памятниках XIII—XIV вв. на месте *пенязей*, *медьниц*, *нумий*, *лепт* находим *веверица* и *векша*. В качестве денежного эквивалента, а позднее — денежной единицы стала употребляться *куна*. Уже в древнейших памятниках *куны* встречаются также в значении 'деньги вообще'. Вполне возможно, что в результате этого могла возникнуть известная смысловая неясность. Во избежание ее для обозначения меха куниц (а также, возможно, других зверьков того же семейства и окраски) стали употреблять название «черные куны». В отличие от «белой белки» определение «черные» не имеет никакого отношения к сезонной разновидности куниц, а только к виду и стоимости меха [16].

При II чтении остается еще один вариант перевода: «белая веверица» 'горностай'. Возможность такого перевода можно заме-

---

гического музея I МГУ, под ред. А. И. Некрасова. М., 1926, стр. 4). Однако приведенные сочетания представляют собой варианты чтения той записи, разбору которой посвящена данная статья, но более поздним летописям (Софийской, 1-ой Львовской, 4-й Новгородской, Ермолаевской и др.). Как ни странно, но это не значит, что Трутовский придерживается II чтения: с тем же полным доверием к изданиям разных списков автор приводит и I чтение «по беле и веверице» (стр. 3 и 5).

[14] Современные сочетания «беличья шубка» или «шуба на лисьем меху» едва ли нуждаются в пояснении, что речь идет о шубках из зимнего меха зверьков.

[15] «Едва ли княжеская казна собирала бы скверный, дешевый мех и его же отметила, как официальную единицу. . .» — справедливо замечает В. Трутовский (Указ. соч., стр. 8).

[16] Примеры см. ниже.

тить в приведенном выше рассуждении Даля. Некоторые исследователи прямо считали, что «белою веверицею» назывался горностай» (мнение Ф. Круга, Бэра, С. А. Усова) [17]. Нам представляется невероятным, чтобы одним именем назывались такие зверьки, как белка и горностай — разные по повадкам, величине и ценности. Зимой горностай бывает белым, даже голубым, каким никогда не бывает белка (обычно серая), летний горностай — красно-бурого цвета. Относятся горностаи к семейству куньих. Лингвистически такое смешение также не подтверждается [18]. В русских письменных памятниках слово *горностаи*, *горносталь* встречается с XII в.: Да бо Ростиславъ Стославу соболми и *горностаими* (ЛИ ок. 1425, 1160 г.); Соболи, или куницы, или *горностаи*, или ласицы, или бобры (Жит. Стеф. Перм. 25 — Срезн.); За *бѣлку* и за *горностали* (Уст. Важ. гр. 1552 г. — Срезн.). Ср. также прилагательные: Вагуличи учнутъ продавать шубы собольи и пупчатые или куньи и *бѣльи* и *горностальи*, и кожи лосинные и оленьи (ДАИ V, 1669 г. — ДРС XI—XVII вв.).

Итак, разбор переводов при чтении «по бѣлѣи вѣвериць» показал, что оба перевода сомнительны. Нужны еще какие-то текстологические или лингвистические данные в пользу существования в древнерусском языке сочетания «белая веверица». Без этих данных (или пока их нет) чтение «по бѣлѣ и вѣвериць» не может быть отвергнуто несмотря на то, что и оно до сих пор не имеет ясного толкования.

В пользу I чтения говорит сомнительность переводов при II чтении. Кроме того, — и это очень важно — слова *бѣла* и *вѣверица* известны древнерусскому языку, и в этом смысле позиции I чтения, несомненно, прочнее.

В пользу I чтения говорят также некоторые соображения лингвистического и текстологического порядка, которые, возможно, не принимались в расчет другими авторами.

Приведем текст записи под 859 г. по Ипатьевскому списку: В лѣт ѕ҃. ҂ѯ҃ѕ҃. имахуда / ньварази.приходяще // изъзаморьı. начюди. / инасловѣнехъ. инаме / рахъинавсѣхъкриви / чахъ.иакозареимахуть / наполянех.инасѣверехъ. / инавятичихъ.имаху / *побѣлѣ. ивѣверици.*та/ коѡдыма ⁘ [19]).

Первое, что обращает на себя внимание, — интервалы и знаки препинания. После слов «по бѣлѣ» поставлена точка. В древнерусской письменности известны случаи, когда точка ставилась

---

[17] Ф. Брокгауз и И. Эфрон. Энциклопедический словарь, т. 9. СПб., 1891, стр. 196.

[18] Укр. *горностай*, др.-русск. горностаи. . ., словен. gránosəlj, gránozəlj, др.-чеш., слвц. hranostaj, чеш. hramostýl. . ., польск. granostal, hranostaj. — М. Фасмер. ЭСРЯ, т. I. М., 1964, стр. 442.

[19] Текст приводится по рукописи, лист 8 б—в. Хран.: БАН (г. Ленинград), № 16, 4.4.

буквой в середине слова, но они крайне редки [20]. В Повести временных лет по Ипатьевскому списку таких случаев нет. Поэтому можно считать, что писец, перу которого принадлежит этот список, видел здесь конец слова.

Второе замечание касается формы слова. Ко времени составления Нестором Повести временных лет именная форма прилагательных в древнерусском языке была обычной. Хотя ко времени составления списков Повести, дошедших до нас, распространение получила местоименная форма, в летописных записях, относящихся к IX—X вв., многие слова сохраняют свой древний морфологический облик. Если бы речь шла о «белой веверице», более обычной была бы форма «по *бѣлѣ* вѣверици». В качестве параллели приведем запись из Повести временных лет по тому же Ипатьевскому списку, одинаковую с нашей по стилю и смыслу и относящуюся к тому же времени: «Поча Олеѓ воевати на Древляны. и примучивъ ѭ. поча на *них* дань имать по *чернѣ кунѣ*. (883 г.).

Теперь приступим к рассмотрению перевода слов «по бѣлѣ и вѣвериц‡».

Перевод 'по серебряной монете и шкурке белки' вызвал возражение Д. С. Лихачева и, как нам кажется, вполне обоснованное (см. выше). Кроме примера с заменой слова *бѣль* словом *скора*, приведенного Лихачевым, укажем еще такой. В Лаврентьевской летописи под 1115 г. сказано: «Повелѣ Володимеръ метати паволокы фофудью и орничѣ *бѣль*». (Та же запись по Ипатьевскому списку: «И повелѣ Володимеръ р‡жючи паволокы. орници *бѣлъ*. розметати народу»). В Сказании о Борисе и Глебе по Успенскому сборнику XII в. при описании того же эпизода с погребением святых сказано иначе: «тъгда володимиръ повелѣ метати людьмъ кунами же и *скорою* и паволокы» (л. 25 в). Еще пример, где слово *скора* прямо объясняется собирательным *бѣлка*, причем речь идет о живых зверьках: «И пояде и посуши древо елное, того ради и *скора*, рекше *бѣлка*, вся изгыбе, не имыи кормля въ сухѣ древѣ» (Твер. л., 1408 г. — Срезн.).

Выше мы приводили слова Лихачева о том, что слово *бѣль* «понималось иногда» как 'мех'. Нам же кажется, что все случаи употребления *бѣль* в древнерусских памятниках до XIV в. вполне удовлетворяют переводу 'белый мех' (как правило, беличий) [21].

---

[20] Отмечены подобные случаи, например, в Златой Цепи к. XIV в., но только при различного рода сокращениях слова: со // всею $\overrightarrow{д}$. *дѣтелью* (л. 101—102); црь боли $\overrightarrow{в}$. кнмзм. а кнмзь воеводы. а воевода бомрина. а бомринъ сотника. а сотникъ. $\overrightarrow{н.ника}$. *а* $\overrightarrow{н.никъ}$ (т. е. пятидесятник) слуги. (л. 110а).

[21] Мы так подробно останавливаемся на этом слове еще и потому, что в Материалах для словаря древнерусского языка И. И. Срезневского слово *бѣль* оставлено без определения. В литературе о нем высказано много противоречивого. Недоумение вызывает заключение о слове *бѣль*, сделанное Трутовским: «Замечу, что это слово более позднее, чем бела, и совсем иного значения, что в памятниках оно . . . сопровождается нередко объяснением «бель —

В этой связи остановимся на примере, приводимом Б. Д. Грековым: «поима на нихъ дань. черныя куны и бѣль сребро», где *бѣль* по его мнению означает ‹серебро›, что в свою очередь может служить доказательством наличия у древнерусского *бѣла* значения ‹серебряная монета›. Нам кажется, что уже само наличие слов и *бѣль* и *сребро* исключает их смысловую взаимозаменяемость (если только не предположить между ними *сиречь*!). Перевести фразу можно иначе: 'черные меха (куньи), белые меха и серебро'. За такой перевод говорит также сравнение этого текста с записью под 1279 г. в той же Ипатьевской летописи (разница во времени, как видим, небольшая). Во время страшного голода ятвяги просят князя Владимира прислать им жита и готовы платить за него чем угодно: «а мы ради купимъ. чего восхочешь. воску ли. *бѣли* ль бобровъ ли. черныхъ ли кунъ *серебра* ль. мы ради дамы.». Здесь, как и в предыдущем примере, перечислены черные куны и бель и серебро, т. е. меха черные и белые, а также серебряные деньги. Дань серебром и беличьим мехом упоминается также в грамотах XIV века, причем вместо слова *бѣль* употребляется собирательное *бѣла* или множ. *бѣлки*: а что поимали на вологдѣ. кречеты. и *серебро*. и *бѣлу* (Гр 1317, новг.); дань *серебряная*. бобры *белки* и лукна вся (Гр. 1387, новг.).

Предположение, что *бѣлы*, *бѣлки* были серебряной монетой, названные так по цвету металла, было высказано в начале XIX в. (Нарушевич, Чацкий, Каченовский). В середине XIX в. ту же точку зрения отстаивал проф. Казанский. Таким образом, это мнение держится среди исследователей более века. Однако данные памятников письменности древнейшего периода не дают оснований к таким выводам. В текстах до XIV в. включительно нет убедительных примеров с *бѣль* в значении 'серебро', тем сомнительнее предполагать это значение у слова *бѣла*.

Против *бѣла* 'серебряная монета' в записи под 859 г. говорит еще одно соображение. При таком понимании дань будет значительно превышать обычные размеры дани, известные по летописным записям и по другим памятникам («по щелягу» — 885 г., «по бѣлѣ» — Слово о полку Игореве и др.). По-видимому, значительно большая дань упомянута под 883 г. — «по черной куне», но тут другие обстоятельства. Олег воевал с древлянами, покорил их и принудил платить большую дань («примучивъ ѣ»[22]). О «надбавках» к дани говорится как о случаях исключительных. Так,

---

серебро» и что вообще оно имело много значений: и цвета, и серебра, и полотна и иногда, лишь очень поздно (XV—XVI вв.), шкурки белки» (В. Трутовский. Указ. соч., стр. 7). Здесь все или неверно, или не точно: *бѣль* тоже раннее слово (первое упоминание 1068 г.); по значению оно родственно *бѣла*; «бѣль — серебро» встречается в памятниках не «нередко», а только один раз (в записи 1257 г., разбор см. ниже); в древнейших памятниках нами не отмечено других значений, кроме 'шкурки белок'.

[22] Мы считаем неверным чтение «примучи вои». См. Срезневский. Указ. соч., т. I, стлб. 1365 под словом «куна».

бо́ясь вторжения Игоря, византийский царь говорит ему через послов: «не ходи но возьми дань. юже ималъ Олегъ. и придам еще къ тои дани» (941 г.). Когда Игорь, идя к древлянам, «примысляше къ пѣрвои дани», это кончилось для него трагически: древляне убили его. Есть все основания считать, что размеры дани были строго определены и без большой нужды не менялись.

Несостоятельность перевода 'по серебряной монете и шкурке белки' тем не менее не означает несостоятельности самого чтения «по бѣлѣ и вѣвериць». Просто перевод и толкование могут быть другими.

Еще в середине XIX в. было высказано мнение, что под белками следует понимать шкурки белок, служившие меновой ценностью, что полностью подтверждается материалом письменных памятников и согласуется с условиями торговли и обмена Древней Руси.

Сложность заключается в том, что наряду с *бѣлами* в текстах употребляются *вѣверицы* и *вѣкши*, по-видимому, без различия в значениях. Дадим краткую справку об использовании этих слов по памятникам письменности до XIV в. [23]

Вѣверица отмечена в памятниках: Повесть временных лет, грамоты на бересте XI—XII вв., Вопросы Кирика по Новгородской кормчей 1280 г., Русская Правда по Академическому списку XV в., Пандекты Никона Черногорца 1296 г. и Пандекты Никона Черногорца XIV в.

Вѣкъша отмечена в таких памятниках: грамоты на бересте XII—XIII вв., Смоленская грамота 1229 г., Новгородские грамоты XIII—XIV вв., Русская Правда по списку 1280 г. и по Мусин-Пушкинскому списку XIV в., Устав князя Владимира по списку 1280 г., Пролог 1383 г., Пандекты Никона Черногорца XIV в., Киево-Печерский патерик по списку 1406 г.

Сложность анализа этих данных заключается в том, что многие из перечисленных памятников известны только в поздних списках, и тогда нельзя решить, ко времени создания оригинала или ко времени составления списка относится слово. Однако кое-что эти наблюдения дают даже при таком беглом знакомстве с ними.

Несомненно, *вѣверица* более раннее слово. В новгородских берестяных грамотах после XII в. встречается только *вѣкша*. Вообще во всех новгородских (кроме грамот XI—XII вв.), смоленских, псковских памятниках — *вѣкша*, а не *вѣверица*. Исключение составляют два случая из Новгородской кормчей 1280 г., оба в Вопросах Кирика. Особый интерес представляют собой данные по Русской Правде: в списке, входящем в состав Новгородской кормчей XIII в., — 4 примера *вѣкша*. В списке XV в. — *вѣверица* (л. 52). Как известно, краткая редакция Русской Правды — старшего извода.

---

[23] Материал проверен по картотеке Словаря древнерусского языка XI—XIV вв. Хран. в Институте русского языка АН СССР (Москва).

Следует особо подчеркнуть, что только один памятник XIV в. имеет слово *вѣверица*: Пандекты Никона Черногорца. И только один памятник имеет оба слова — это те же Пандекты XIV в. *Вѣверица* и *вѣкша* встретились в одном тексте, по-видимому, без различия в значении: «Рци старче продаеши ли сия. онъ же рече. еи. они же по колику рѣша. онъ же рече по десяти *вѣверицъ*. и гла имъ яко же хощете возмѣте. пакы глть ему но много и то есть. аще хощеши по *вѣкше*. да мы возме//мъ я. и гла имъ. яко же хощете возмѣте. и давше ему *вѣверицъ*. взаша вса. спиридия». (л. 149 б—в). Здесь *вѣверица* и *вѣкша* означают мелкую монету. О стоимости ее можно судить по тексту того же списка Пандектов, где говорится, что нищий-старец довольствовался 16 веверицами в день. По данным Срезневского, тому и другому слову по разным спискам соответствуют *медьницы*, *нумии*, *лепты* [24].

Помимо значения 'монета' *вѣверица* и *вѣкша* имеют значение 'шкурка белки как денежная единица'. Это, безусловно, диктуется характером памятников, дошедших до нас. Только один раз отмечено *вѣверица* как название самого зверька: «Спаде туча. и в тои тучи спаде *вѣверица* млада. акы топерво рожена» (ЛИ под 1114 г.), да один раз — название шкурки этого зверька: «она же. . . вынимаста любо жито любо рыбы. или *вѣверицю*» (там же под 1071 г.).

История бытования этих слов представляется таким образом. Общеславянское *вѣверица* [25] было постепенно вытеснено северным *вѣкша* [26]. Рано были известны оба слова, потом перевес оказался на стороне слова *вѣкша*, — к XIV в. во всяком случае. Этот факт, несомненно, стоит в связи с перемещением центра русской жизни к северу.

Бѣла, *бѣлъка* — русское наименование с тем же значением. Памятники, в которых встречается это слово, такие: Повесть временных лет, Слово о полку Игореве, духовные и договорные грамоты начала XIV—XV вв. (особенно новгородские и двинские). *Бѣль* несколько раз встречается в летописных записях XI—XIII вв., несомненно, в значении 'беличьи меха, белая пушнина'. Для обозначения последней, заметим, нет собирательного имени ни от *вѣверица*, ни от *вѣкша* [27].

---

[24] См. Срезневский. Указ. соч., т. I, статьи *вѣверица*, *вѣкъша*.

[25] «Укр. *вівериця*, *вúвірка*, блр. *вавёрка*, болг. *веверица*, сербохорв. *вjёверица*, словен. véverica, чеш. veverka, veveřice, слвц. veveřica, польск. wiewiórka. Родственно лит. voverẽ 'белка'. — М. Фасмер. Указ. соч., т. I, стр. 282.

[26] «Несомненно, связано с *вашка* 'молодая белка', вместе с которым *векша* могло быть заимств. из финно-уг. или чув.» — Там же. Дополнение О. Н. Трубачева к словарной статье *векша*.

[27] Может быть, *бѣль* более раннее слово, чем *бѣла*. Если белые меха составляли в основном шкурки белок (из-за их большой распространенности), это могло стать причиной закрепления *бѣла* за белкой, а не за другим зверьком, тоже имеющим светлую окраску меха.

Еще одна особенность в бытовании этих трех слов. Прилагательное со значением 'беличий' не отмечено ни от *вѣверица*, ни от *вѣкша*, а только от существительного *бѣла* — *бѣлии*: на черевехъ на *бѣльихъ* (Дух. гр. кн. Димитр. Иван. 1509 г. — картотека ДРС); шубу кунию да шубу *бѣлию* (Дух. Леонт. Дм. нач. XVI в. — Срезн.).

Вероятно, все три слова: *вѣверица*, *вѣкша* и *бѣла* (*бѣлъка*, *бѣль*) были хорошо известны на всей территории Древней Руси [28]. Известность их обусловливалась необходимостью торговли и обмена. Вместе с тем вполне вероятно, что в каждой определенной местности в быту было в употреблении какое-либо одно наименование белки. По-видимому, именно этим можно объяснить, что в одном и том же памятнике, в одном и том же документе разные наименования, как правило, не встречаются, а только одно, вероятно, то, которое было близким писцу, переводчику, составителю грамоты, документа.

Кажется исключением из этого «по бѣлѣ и вѣверицѣ» из Повести временных лет под 859 г. Возможно, это объясняется следующим. Допускаем, что в качестве меры дани были известны и *бѣлы* и *вѣверицы*: у одних племен *бѣлы*, у других *вѣверицы*. Поэтому оба названия белки употреблены в данной записи. Вспомним, что в этой статье перечислены три племени: поляне, северяне и вятичи, с которых брали дань хозары. Если же иметь в виду всю запись под 859 г., то сюда следует отнести племена чуди, словен, мери и всех кривичей, с которых брали дань уже не хозары, а варяги «из заморья» [29]. Со всех этих племен дань собиралась 'по беле или веверице соответственно (в тексте Ипатьевской летописи в этом месте стоит «тако»!) от двора [30].

Возможно, составитель Повести временных лет пользовался более подробными записями сведений, изложенных под 859 г., и только под его пером они получили такую краткость, в результате которой слова *бѣла* и *вѣверица* оказались рядом. Надо иметь в виду, что летописная запись не имела значения документа, договорной грамоты. Это всего лишь общие сведения о том, когда и кому подчинялись племена. Во многих записях только упоминается о дани, но нет сведений о ее размерах.

---

[28] Ф. П. Филин пишет о *бѣлѣ*: «Слово это, представляя собой восточнославянское семантическое новообразование (*бѣл-*), сосуществовало с древним общеславянским вѣверица и с диал. вѣкша». — Ф. П. Филин. Образование языка восточных славян. М.—Л., 1962, стр. 281.

[29] Несомненно, вся запись представляет собой синтаксически одно целое (см. текст, приведенный выше).

[30] Нельзя не обратить внимания на такой факт, как запись того же содержания в Никоновской летописи второй половины XVI в. Приведем ее полностью: «Имаху дань Варязи, приходяще изъ замориа, на Словенѣхъ, рекше на Новогородцехъ, и на Мещерехъ, и на Кривичехъ отъ мужа по бѣлѣ и вѣверици. О/Козарехъ. А Козари имаху данъ на Полянехъ, и на Сѣверянехъ, и на Вятичахъ по *бѣлѣ*, *рекше по вѣкшѣ*, съ дыма» (подчеркнуто нами. — *Н. Ч.*). — Патриаршая или Никоновская летопись. ПСРЛ, т. 9. СПб., 1862.

В записях IX—X вв. Повести временных лет больше не встречается размер дани «в разных системах», но ведь и ни в одной записи нет такого большого перечня племен, платящих дань, причем данщиками одних являются варяги, других — хозары. Ср.: под 883 г. — «по чрнѣ кунѣ» с одних древлян; под 885 г. — «по щелягу» берет Олег с радимичей; под 964 г. — вятичи дают «по щелягу от рала» хозарам.

Нет никакого сомнения в том, что в нашей записи речь идет необязательно о натуральном сборе шкурками белок. Как и в других записях, это была цена, стоимость дани, а не наименование продукта или товара, которым только и платили дань [31].

В заключение нам хотелось бы подчеркнуть следующее. Факты текстологии, по-видимому, нельзя ставить в прямую зависимость от наших возможностей перевести текст. Это нисколько не противоречит положению, что целью и результатом текстологического разбора является его толкование. Возможности перевода и толкования были и будут относительны, находясь в зависимости от правильности нашего знания древнего времени. В этой ситуации особенно важно, чтобы чтение текста опиралось на возможно большее количество объективных данных. Такими в первую очередь являются языковые факты. Подытожим в связи с этим сказанное о *беле* и *веверице*.

За I чтение говорит следующее: 1) точка после слов «по бѣлѣ» в Ипатьевском списке Повести временных лет показывает, что автор списка читал это место «по бѣлѣ и вѣверици»; 2) форма прилагательного *по бѣлѣи* должна бы быть именной, если бы речь шла о «белой веверице»; 3) слова *бѣла* и *вѣверица* встречаются в памятниках письменности в тех же значениях, какие мы вправе предполагать здесь. С другой стороны, сочетание «белая веверица» в значении 'белая белка' или 'горностай' не отмечено ни в древних текстах, ни в говорах, хотя логические основания такого сочетания, безусловно, есть. Правда, можно допустить, что лишь историческая случайность не дала нам в руки примеров с «белой веверицей». Но пока не доказана случайность этого факта, до тех пор она служит доводом против его существования.

За II чтение говорит трудность с переводом «по бѣлѣ и вѣверицѣ» и удовлетворительность перевода «по бѣлѣи вѣверицѣ». Заметим, удовлетворительность весьма относительная, пока не подтвержденная данными ни языка, ни истории.

---

[31] См. в речи древлян, обращенной к Ольге: «ради даемъ и медомъ и скорою» (946 г.). См. известие под 885 г. о том, что радимичи до этого платили дань хозарам «по щелягу», — это известие отделяет от нашего только 26 лет.

К ИСТОРИИ ТЕРМИНА *КОСАЯ САЖЕНЬ*

Г. Я. РОМАНОВА

Этимологический анализ специальных терминов, которые распространяются главным образом по профессиональным каналам и пересекают этнические преграды по всевозможным направлениям, представляет ряд трудностей, ибо «вся эта, вырабатываемая усилиями разноязычных профессионалов, терминология идет, в той или иной степени, в широкий оборот, приспособляясь в каждом отдельном языке к его данным и свойствам, часто по законам или точнее говоря, «по беззакониям» так называемой «народной этимологии», совершающей свою творческую работу над словом за сотни лет до того момента, когда к этому слову подойдет исследователь с попытками «ученой этимологии»» [1].

Таким, на наш взгляд, является метрологический термин *косая сажень* в русском языке.

Свойственный исключительно восточным славянам метрологический термин *косая сажень* (русск. *косая*, *косовая сажень*, укр. *косовий сажень*, блр. *касая сажань*) фиксируется в старорусских памятниках с начала XVI в. и пережиточно сохраняется в современных восточнославянских языках в составе фразеологических сочетаний *косая сажень в плечах*, *роста (ростом) в косую сажень*, *плечи косая сажень* [2].

Рассматриваемый термин впервые встречается в «Жалованной тарханной несудимой и оброчной грамоте рузского кн. Ив. Борисовича Симонова монастыря архимандриту Вассиану на села Кортинское, Кусакино, Богородицкое» как мера, используемая при измерении копны сена и для определения продажной единицы сена стоимостью в одну деньгу: А сена сажен(ь) с ноги на руку косая, конец от земли до земли, денга. АСВР II, 466. 1502 г. Как следует из контекста, *косая сажень* является очень большой мерой, хотя точно судить о ее точном реальном содержании на основании этого контекста трудно [3].

Термин *косая сажень* до сих пор не был подвергнут этимологизации. Словари современного русского языка вслед за словарями XIX в. определяют его как «расстояние от носка левой ноги до

---

[1] А. И. Попов. Из истории лексики языков Восточной Европы. Под ред. и с предисловием Ф. П. Филина. Л., 1957, стр. 42.

[2] Фразеологический словарь русского языка. Под ред. А. И. Молоткова. М., 1967, стр. 406.

[3] Историки-метрологи отмечают наличие определенного стандарта в размерах копен для XVI—XVII вв. Для измерения копен по памятникам письменности известны «мерные двусаженные веревки». См. Г. В. Абрамович. Несколько изысканий из области русской метрологии XV—XVI вв. «Проблемы источниковедения», вып. XI. М., 1963, стр. 365. Ср. Крестьяномъ велѣть, по розвыткѣ, на монастырскихъ сѣнныхъ покосѣхь сѣно косить и въ копны въ двусаженные грести. АИ V, 331, 1689 г.

кóнца среднего пальца поднятой вверх правой руки» (т. е. расстояние по косой линии), откуда объясняется и название меры *кǫсая сажень*.

Исконно славянская этимология прилагательного *косой* в сочетании *косая сажень* наталкивается не только на семантическую несовместимость с первичным значением сочетания *косая сажень*, но и на трудность объяснения в таком случае южнорусской диалектной формы *косовая сажень* [4], а также украинской формы *косовий сажень* [5]. А между тем именно эти формы могут послужить основой для более или менее убедительной этимологии.

При этимологизации термина прежде всего важно установить сферу распространения этимологизируемого слова, соотнесенность его со словами определенной лексико-семантической группы слов или терминов.

Как показывают данные письменных памятников, *косая сажень* чаще всего применяется в «городовом дéле», т. е. при строительстве разного рода военных укреплений и прочих земляных работах: Дѣлать имъ городъ. . . в две стѣны, а межъ бои тѣх стѣнъ была [бы] сажень косая. (Наказ о постройке г. Царевоборисова) Баг. Мат., 8.1600 г. А Перекопи от моря до моря на 6 верстах, а поперег Перекопи 2 сажени косых, а в глубину 3 сажени. Кн. Б. Чертежу (С.), 65. 1627 г. Обложенъ городъ въ длину 24 сажени косыхъ, а поперекъ 20 саженъ. (Роспись крепостям) АМГ II, 78.1638 г. Запасишковъ нам и снасти не дали для твоего государевого дѣла городового. И мы камѣнь сѣкли въ глубину косую сажень. (Челобитье) АМГ II, 119. 1641 г. Отъ Вожи рѣчки завалу сто тридцать сажень косыхъ, а поперекъ 30 сажень. (Записные книги крепостям и роспись порух на Рязанской Вожской засеке). Ряз. зас. кн., 51. 1659г. (В этом же документе встречаем: около того острога по мѣре 60 саженъ косыхъ, стр. 50; по засѣчной чертѣ и по всякимъ крепостямъ надолобы 3000 саж. косыхъ, стр. 50). Ров глубиною косова сажени. (Кн. тамбовским земляным и деревянным крепостям) Тамб. Арх. XIX, 48. 1662 г., и т. п.

Имеющийся в памятниках материал позволяет установить реальное содержание *косой сажени*, применяемой в «городовом деле». Хотя установление реальной величины той или иной меры — задача не лингвистическая, но поскольку решение данного вопроса небесполезно для этимологии и истории терминов, представляется целесообразным привлечь сведения, на основании которых выясняется величина косой сажени. В документах Московского архива министерства юстиции из переписки Разрядного приказа с кн. И. Б. Черкасским и засечными и городовыми воеводами по вопросам, касающимся восстановления засечной черты на южных окраи-

---

[4] Словарь русского языка, составленный вторым отделением императорской Академии Наук, т. IV, вып. 8. Пг., 1914, стлб. 2361.

[5] Б. Д. Грінченко. Словарь українскоі мови, т. II. Київ, 1908, стр. 291; т. IV, Київ, 1909, стр. 96. Ср. укр. *кóсий* «косой», но *косовúй сáжень*.

нах Московского государства в XVII в.[6], а также в других документах, связанных с засечной чертой, часто упоминается *косая сажень*. Причем с термином *косая сажень* связана вполне официальная мера, как видно, например, из Отписки воеводы М. Зубова: Острог вес(ь) здѣлол и башню на воротях поставил а вдол(ь) того острогу твоих гдрвых косых десят сажен а поперег того тож а кругом всево острогу сорок сажен. Зас. черта, стлб. 85, л. 70. 1638 г. или из Отписки воеводы Вожской засеки И. Бобрищева-Пушкина: Рвы копаны по г. указу в глубину косой сажени, а поперекъ 1 1/2 сажени . . . а валы дѣланы въ подшвѣ $1^1/_2$ сажени косыхъ, а верхи сажени косой. Зас. черта (Як.), 145. 1638 г. В Отписке воевод Столпицкой засеки Н. Белосельского и М. Пустошкина измерение сделанных укреплений производится исключительно косой саженью: Вышина города соснового полтрети сажени косых, а в длину 25 сажен, а поперегъ 23 сажени. АМГ II, 90. 1638 г. Ширина тому рву 2 сажени косыя, а глубина рву во всѣ стороны двѣ сажени косыя безъ трети. Там же, 90. Поставлено надолбъ. . . по 50 саженъ косыхъ. Там же, 90. В заключение отписки воеводы сообщают: А мѣрено на Столпицкой засѣкѣ всякия засѣчныя крѣпости и лѣсной завалъ вдоль и поперекъ тою государевой саженью, какова къ намъ отъ васъ изъ Тулы [7] прислано. АМГ II, 911. 638 г.

В одном из документов содержится указание на реальное содержание меры, называемой *косая сажень*. В Отписке засечного воеводы А. Ф. Рязанова о состоянии дел на засеке сказано: Лесной зовал завалилъ а валилъ валъ в ширину дватцати пяти саженъ косых, а простых сорока саженъ. Зас. черта, стлб. 86, л. 373. 1638 г. *Простой саженью* в XVII в. могла называться только *маховая сажень* как самая обычная и легче всего воспроизводимая мера. Метрологи считают ее равной $2^1/_2$ аршинам или в переводе на метрическую систему ~180 см. Если принять простую сажень за 180 см, косая сажень в данном противопоставлении будет равна 288 см.[8]

С точно такой же мерой мы встречаемся в Указе о мощении улиц (ПСЗ IV, 316). В этом указе она названа *московской четырех-*

---

[6] Эти документы частично использованы. См. А. И. Яковлев. Засечная черта Московского государства в XVII веке. М., 1916. В статье цитируются как изданные, так и рукописные материалы (ЦГАДА, ф. 210 Владимирский стол, стлб. 75, 76, 85, 86).

[7] В Туле находился штаб во главе с кн. И. Б. Черкасским, руководивший всеми засечными работами.

[8] Близкое к этому реальное содержание для меры *косая сажень* дает Отписка о постройке одного из острогов в Сибири: Въ длину того острожку отъ ворот до здания стѣны семь саженъ, а поперегъ то же, . . . а в сажень косую пятнадцать деревъ а дерево в отрубѣ четыре вершка. АМГ I, 261—262. 1629 г. В переводе на метрическую систему толщина каждого дерева равна 18 см; 15 деревьев толщиной в 18 см займут расстояние в 270 см. Нехватку в 18 см можно объяснить тем, что из-за неровности и шероховатости стволов они не совсем плотно прилегали друг к другу.

аршинной (72 см×4) *саженью*. В *московской четырехаршинной сажени* начала XVIII в. следует видеть *мостовую сажень* более раннего времени (по их одинаковой сфере применения), а *мостовая сажень* в свою очередь в одном из документов середины XVII в. отождествляется с *городовой саженью*: Две сажени железныхъ, одна городовая и мостовая съ московскіе мѣры, другая дворовая лавочная съ московскіе жъ мѣры. (Отписка новг. воеводы кн. Ф. Хилкова) ДАИ III, 183. 1649 г.

Областью применения *городовой сажени* было также «городовое дело», о чем говорит уже само название сажени. *Городовая сажень* также упоминается в документах, относящихся к устройству засечной черты Московского государства в XVII в.: А башня и острог и мостъ по государеву указу дѣлано в городовую сажень. Зас. черта, стлб. 75, л. 259. Причем в одном из документов архива местом хранения эталона городовой сажени называется Пушкарский приказ, в ведении которого находилась постройка и содержание в порядке укрепленных пунктов [9]: И башня и острог стоячеи косои и мосты дѣлоны и рвы . . . и земленои вал почеты дѣлот‹ь› в городовую сажен какова в пуш‹ка›рскомъ приказе. Зас. черта, стлб. 86, л. 187.

Таким образом, мы получили синонимический ряд названий (*косая*, *мостовая*, *городовая сажени*) для обозначения одной и той же меры в 288 см, причем в то время как две последние являются официальными наименованиями с ясной внутренней формой, указывающей на сферу применения меры, *косая сажень* является их синонимической заменой для обозначения той же официальной меры, но, вероятно, в профессиональной среде, причастной к городовому делу.

Как показывает анализ контекстов из памятников письменности XVI—XVII вв., реальное содержание меры, называемой косой саженью, используемой в «городовом деле», существенно отличается от народнометрологической единицы [10] с таким же названием и первоначально, кажется, не связано с промером наискось.

Древнейшую форму прилагательного в сочетании *косая сажень* следует видеть в диалектном южнорусском *косовая сажень* и украинском *косовий сажень*, в основу которой могло лечь название арабской «сажени» *ḳaṣaba*, принятой в мусульманских странах. Для этой «сажени» выводится средняя величина в 399 см.[11] При-

---

[9] Ср. Велѣно засѣки и всякия засѣчныя крѣпости вѣдать по прежнему въ Пушкарскомъ приказе. (Память дьякам в Пушкарский приказ) АМГ II, 120, 1641 г.

[10] Величина позднейшей косой сажени приближается к 213 см.

[11] В. Хинц. Мусульманские меры и веса с переводом в метрическую систему. М., 1970, стр. 71; для позднего времени известна *ḳaṣaba* в 355 см. Несовпадение реального содержания русской и арабской мер можно объяснить тем, что восточные славяне могли использовать арабское название для меры, выработанной ими самими во многовековой практике строительства военных укреплений.

лагательное *косовая* (*сажень*) могло возникнуть в результате переосмысления арабско-мусульманского *ḳасаба* (в фонетически преобразованной на тюркской почве форме **касава* [12] > вост.-слав. *косова́* с закономерным *о* в предударных слогах) [13], выступавшего как приложение к слову *сажень*: *косова-сажень*. Такому переосмыслению способствовала фонетическая уподобленность арабизма славянским прилагательным с суффиксом *-ов-*.

Средой, передавшей название мусульманской меры, могло быть тюркоязычное население южнорусских степей [14], которые подвергались влиянию мусульманской культуры задолго до распространения ислама в южнорусских степях [15].

Тот факт, что в южнорусских говорах и украинском языке сохранились формы более близкие к арабскому *ḳасаба*, объясняется более тесными контактами жителей русского юга с носителями тюркских языков, Благодаря этим контактам заимствованная форма имела возможность обновляться в сторону сближения с формой языка-источника. В более далеких от языка-источника русском и белорусском языках эта форма подверглась необратимому воздействию «народной этимологии», затемнившей реальную историю слова.

Попав в русский язык как термин, употребляющийся в военном городовом деле и обозначающий очень большую меру, прилагательное *косой* в сочетании с *сажень* стало осмысляться как имеющее значение «большой, большого размера». Таким, образом, прилагательное *косой* в метрологическом термине *косая сажень* встало в синонимический ряд со словами *большой*, *великий*. Об этом свидетельствует плеонастическое употребление двух определений при слове *сажень* — *большая косая сажень*: (Ледник для рыбы) длины пять саженъ, а поперег четыре сажени, а глубина леднику большой косой сажени. (Память в село Ухтому) Влад. сб., 138. 1631 г. И на Невлѣ около большого города от полевой стороны рву большаго 290 саж. большихъ косыхъ по сухому мѣсту. (Отписка об исправлении городовой стены) АМГ III, 432. 1662 г. Отъ

---

[12] См. М. Р я с я н е н. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1953, стр. 148, о чередовании губных *б/в* внутри слова в тюркских языках.

[13] Ср. *товар*, *богатырь* (наряду с *багатырь*), *ропать*, *боярин*, *козак* (наряду с *казак*), *тотары* (наряду с *татары*) и др., где тюркский безударный гласный *а* передается восточнославянским *о*.

[14] Еще К. Мошинский, отмечая оригинальность этой восточнославянской меры и связанного с ней названия, предполагал возможность заимствования ее от тюркоязычных народов, издавна занимавших средний бассейн Волги (K. M o s z y ń s k i. Kultura ludowa słowian, cz. II, zesz. 1. Kraków, 1934, стр. 116—117).

[15] Ср. замечание В. В. Бартольда в его «Двенадцати лекциях по истории турецких народов Средней Азии»: «Кипчакские ханы, даже в Южной России, имели у себя на службе представителей мусульманской культуры, особенно специалистов военного дела» (В. В. Б а р т о л ь д. Сочинения, т. V. М., 1968, стр. 100).

наугол(ьной) башни до башни жъ наугольной 88 саж. большихъ косыхъ. Там же, 432 [16].

Однако довольно рано отмечается выход термина *косая сажень* за пределы терминологии «городового дела». Памятники письменности XVI—XVII вв. и позднейший диалектный материал отмечают применение термина *косая сажень* для другой меры, употребляемой при измерении земли. Причем, термин *косая сажень* в качестве меры для измерения земли отмечен в памятниках окраин Московского государства, а в документах центра, как правило, не встречается: Се язъ Иевъ Ивановъ сынъ Поповъ далъ есми Василью Иванову сыну Пряженого мѣсто подъ дворъ, гдѣ ему Василью дворъ поставили . . . противъ мѣста дворовово, что у меня у Иева подъ дворомъ въ ту же вервь, да за вервью сажень косая прибавки въ обчѣ полѣ. (Данная на место под двор) А. Уст. I, 16. 1577 г. Дворовые земли и огородные по берегу пятнадцать саженъ косыхъ, а от берегу в гору девять саженъ. Гр. Кольск., 466. 1607 г. Посадцкой земли тверскимъ ямщикомъ отведено въ четырехъ мѣстахъ вдоль 293 сажени, поперегъ 117 саженъ косыхъ. (Память о земле, отведенной в Твери на посаде ямщикам без ведома Владимирской чети) Писц. д. I, 409. 1625 г. В данной на ту казачью владенную землю . . . составной в Чугуеве неправельной крѣпости во округе дачъ перекопских написано всего на четыре тысячи саженей косих. Баг. Мат., 320. 1749 г. В Материалах для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства Д. И. Багалея [17] встречается и сочетание *косовая (косовой) сажень*: Оной Лукашевъ завладелъ неведомо почему тимы бойраками пахатнаго і непахатнаго поля сенних покосов: протчихъ угодей округи тихъ бояраков косовихъ саженеи на пятдесять і болше. (Ведомость о землях Мерефянской сотни Харьковского полка) Баг. Мат., 295. 1749 г.

Развитие полисемии у термина *косая сажень* ((1) мера, применяемая в «городовом деле» и (2) мера, используемая при измерении земли) связана, как нам кажется, с выходом термина из специальной сферы («городовое дело») и освоением его более широким кругом говорящих, когда «в определенные отношения со специальными словами и значениями становятся общенародные, бытовые слова и значения, в результате чего возникают новые связи и ассоциации» [18].

---

[16] Дополнительное пояснение термина *косая сажень* прилагательным *большая* в этих контекстах может быть также истолковано как стремление объяснить малораспространенный специальный термин более понятным словом.

[17] Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства (Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губ.) в XVII—XVIII столетии, собранные в разных архивах и редактированные Д. И. Багалеем. Харьков, 1886.

[18] Ф. П. Сороколетов. История военной лексики в русском языке. Л. 1970, стр. 257.

С выходом из специальной сферы у термина *косая сажень* происходит забвение точного метрологического значения, при сохранении общего неопределенного значения «большая сажень», что сделало возможным «переход» названия *косая сажень* на другие меры.

Самой обычной, более других мер распространенной в быту была маховая сажень (~180 см), однако в качестве казенной официальной меры в централизованном Московском государстве (в частности, и при измерении земли) применялась значительно большая мера — сажень в 216 см.

Таким образом, косая (городовая) сажень (288 см) и казенная, официальная сажень (216 см) отличались от простой маховой сажени (180 см) размером и функционально противопоставлялись как большие меры меньшей. В результате такого рода сближений и противопоставлений наименование *косая сажень* стало народным названием казенной сажени [19]. Причем переход названия с одной меры на другую, на что указывают данные памятников, произошел только на окраинах. В центре в документах, вышедших из московских приказов, *казенная сажень* имеет свои наименования: *государева*, *печатная*, *указная* и т. д., но она никогда не называется *косой саженью*.

Именно в значении «казенная, печатная сажень» сочетание *косая сажень* употребляется в фольклорных записях: Да и туша-то его [татарина] да все коса сажень, да коса-де сажень, сажень печатная, да и плеця-то его дакъ махова сажень. Печ. был., 28.

В недрах народной метрологии для «косой сажени» в 216 см был найден подходящий измеритель — расстояние от ноги до конца вытянутой вверх руки, равное высоте, которой достигает человек, подняв вверх руку [20]. Впоследствии в связи с забвением первоначального специального значения «большой» у слова *косой* в рассматриваемом сочетании начала действовать народная этимология, причем ее действие все больше и больше усиливалось. В Толковом словаре В. И. Даля отмечен как старый сохранившийся принцип определения косой сажени по народному способу, так и новый,

---

[19] Отождествление казенной и косой сажени отмечено, например, А. М. Сементовским для белорусских говоров Витебской губернии (А. М. Сементовский. О мерах и весе, употребляемых в Витебской губернии. Витебск, 1874, стр. 12).

[20] Такое толкование дается в «Словаре украинского языка» под ред. Б. Д. Гринченко, т. IV. Київ, 1909, стр. 96. Именно такой способ измерения косыми саженями описан в романе Н. С. Лескова «Соборяне»: «Два монументщика из немцев рассердили дьякона тем, что всё желали знать, «позволит ли масштаб» построить столь большую пирамиду, какую он им заказывал, отмеряя расстояние попросту шагами, а вышину подъемом руки. Жерновщик Попыгин понял его короче: они все размерили шагами и косыми саженями. . .» (Собр. соч., т. 4. М., 1957, стр. 300). Вероятно, о таком способе измерения идет речь и в «Малой» челобитной И. Пересветова: Делати было мне, государь, щиты гусарские доброго мужа косая сажень [в др. сп. косые сажени]. Соч. И. Пересветова. Подготовил текст А. Зимин. М.—Л., 1956. стр. 196).

обусловленный народноэтимологическим осмыслением термина: «косая или косовая сажень, от конца большого пальца вытянутой ноги человека до конца указательного пальца поднятой руки противной стороны (местами той же), накось; около трех аршин». (Даль II, 174) [21]. В современных словарях фиксируется только измерение косой сажени накось в соответствии с народноэтимологическим осмыслением термина.

Широкое распространение названия *косая сажень* как наименования казенной, печатной сажени прослеживается на основании отражения следов этого названия в языках народов, издавна соседствовавших с русскими. Таково чувашское *чалăш* «печатная сажень» и марийское βojt'sək, βažək «сажень», которые являются дословным переводом (калькой) русского *косой* [22].

Анализ приведенного выше материала показывает, что наиболее обычный для метрологического термина путь от народной меры (весьма приблизительной, употребляемой в повседневном быту) к мере казенной с официально установленным точным реальным содержанием (ср. локоть, пять, сажень) имеет исключение, представленное в истории наименования *косая сажень*. Официальная мера (216 см), получившая народное название *косая сажень* и соотнесенная с антропометрическим измерителем (рост человека с поднятой рукой), превратилась в типично народную меру длины, с характерной для нее неопределенностью реального метрологического содержания. В силу этих причин *косая сажень*, равная приблизительно 216 см, полностью утратила свою связь с официальной метрологией и вместе с маховой саженью стала объектом интереса этнографов, занимающихся народной метрологией.

История метрологического термина *косая сажень* тесно связана с целым рядом терминологических сочетаний, в состав которых входит прилагательное *косой* со значениями, которые невозможно генетически соотнести с семантической структурой общеславянского прилагательного **kosъ* «косой».

Обращает на себя внимание тот факт, что во многих, так называемых «технических выражениях», прилагательное *косой* имеет значение «большой или бóльший, отличающийся от нормального бóльшей величиной»: сарат. *косой десяток* «одиннадцать», *косая дюжина* «тринадцать» (Картотека словаря русских народных говоров); Словарь, составленный II отделением императорской Академии наук (т. IV, вып. 8), отмечает у сочетания *косой десяток* значение «большое множество» — Казанск. и Чистоп.; *косая десятина* — 3200 кв. саж. (80 саж. × 40); хозяйственная десятина в отличие от круглой десятины (60 саж. × 60) в 3600 кв. саж. (стлб.

[21] Здесь же отмечается и дальнейшая семантическая деградация *косой сажени*: «ошибочно называют косою маховую сажень» (Даль, II, 174).

[22] M. Räsänen. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki, 1969, стр. 97. Ср. также башк. *quhaj*, тат. *qusaj* из *косая* (*сажень*). — Н. К. Дмитриев. Строй тюркских языков. М., 1962, стр. 455.

2367), здесь следует добавить, что десятина (80 саж. × 40) 3200 саж. известна еще в XVII в. и первоначально противопоставлялась казенной десятине (80 саж. × 30) 2400 саж., а не круглой (60 × 60) [23]; *косые стѣны* (избы) «не квадратные, въ отличие от «круглыхъ стен», квадратных» (стлб. 2369); *косой овес* — «овес, имеющий способность сильно куститься» (стлб. 2368); *косыя* — «длинные, в 4 саж. при толщ. 5—6 вершк. еловые бревна, употребляемые в судостроении». Яросл. (стлб. 2367).

Все приведенные здесь терминологические сочетания, включающие прилагательное *косой*, могут быть сближены с метрологическим термином *косая сажень* на основании имеющегося у них общего значения «большой, превышающий обычные размеры, нормальную величину».

Косая сажень отличалась от простой (маховой) сажени большей величиной, ее наименование возникло благодаря переосмыслению мусульманской меры *ḳaṣaba*, которая, выйдя за пределы «городового дела», за пределы специальной терминологии, повлияла на развитие у прилагательного *косой* своеобразных значений, невыводимых из первоначального значения без воздействия со стороны.

История метрологического термина *косая сажень* показывает, насколько важно делать выход за рамки чисто языкового материала и учитывать материал историко-этнографический, а также вскрывает недостаточность «обычного применения существующих приемов этимологических разысканий во многих отдельных случаях. Образование слов происходило и происходит на базе внутренних законов развития языка и при воздействии многих разного рода факторов. Фонетическая и смысловая близость отдельных слов в соседствующих друг с другом диалектах и языках, даже неродственных, весьма своеобразные «капризы» так называемой «народной этимологии», извилистые пути распространения слов, часто охватывающие весьма обширные языковые территории и многие другие обстоятельства создают такую сложную картину образования и истории слов, что применение приемов восстановления исходной единой «праформы» слова становится невозможным и бесполезным. Это относится прежде всего к некоторым разрядам производственно-технической лексики. . .» [24]

Это обстоятельство заставляет искать также другие источники для объяснения семантики прилагательного *косой* в составе рассмотренных устойчивых выражений. Было бы нереальным сводить все фразеологически связанные значения слова *косой* к мусульманскому метрологическому термину *ḳaṣaba*, ибо в таком случае некоторые сочетания пришлось бы объяснять слишком сложно и искусственно. В этой связи было бы небесполезным привлечь

[23] Е. Н. Каменцева, Н. В. Устюгов. Русская метрология. М., 1965, стр. 78.

[24] Ф. П. Филин. «Предисловие» к кн.: А. И. Попов. Из истории лексики языков Восточной Европы. Л., 1957, стр. 6.

для этимологического и семантического анализа тюркский глагольно-именной корень *кош* — «пара, парный, двойной; добавлять, прибавлять», причем последний в некоторых тюркских языках имеет звуковой облик *қос* — (в казахском, каракалпакском и ногайском языках) [25], а семантически «удвоенный» легко может превратиться в «большой». Однако эти разыскания выходят за рамки данной статьи и могли бы послужить темой специального исследования.

Косая сажень, равная казенной, противопоставлялась очень распространенной простой, или маховой, сажени, весьма удобной для приблизительных примеров в народном быту. Это было бытовое противопоставление малой и большой единиц измерения длины, которое попало только в документы окраинных мест. В документах центрального происхождения народной мере — маховой, простой сажени — обычно противопоставлена большая сажень как бытовой синоним для официального наименования казенная или печатная сажень. Такое противопоставление *сажени ручьой* (*маховой*) и *большой сажени* мы находим в Отписке воевод В. Чевкина и М. Новосильцева: Въ пошвѣ валъ 3-хъ саженъ большихъ и двух аршинъ ширина, а верхъ двѣ сажени ручныхъ. АМГ II, 75. 1638 г. Длина рву 200 саженъ ручныхъ. Рву ширина большыхъ 3 сажени, глубина 2 сажени. Там же, 75.

В одном из документов XVII в. (Отписке воевод И. Чевкина и П. Чулкова об устройстве ими Вожской засеки) содержится не только противопоставление ручной и большой саженей, но и прямое указание на то, что большая сажень равна мере в 216 см: Дѣланы все засѣчные крѣпости и лѣс мѣрен . . . въ большую сажень, а больше та сажень ручной сажени полуаршиномъ (180 см + + 36 см). АМГ II, 84. 1638 г.

Таким образом, фактический материал из памятников XVI—XVII вв. свидетельствует о многозначности термина *косая сажень*, который кроме специального употребления в «городовом деле» мог выступать в качестве названия народно-метрологической единицы, обозначая меру, близкую к казенной, печатной сажени и являясь синонимом сочетания *большая сажень*. При этом сферы употребления наименований *косая сажень* и *большая сажень* были различны: *косая сажень* было местным народным названием, распространенным на окраинах, *большая сажень* было бытовым полуофициальным названием той же казенной сажени.

Многозначность термина *косая сажень* (сажень в 288 см, применяемая в «городовом деле» и сажень, приравненная к казенной сажени, равная росту человека с поднятой рукой) вызвана выходом термина из специальной сферы «городового дела» и появлением новых связей и отношений с общенародными, бытовыми словами,

---

[25] См. Ногайско-русский словарь. М., 1963, стр. 174; Каракалпакско-русский словарь. М., 1958, стр. 404; Казахско-русский словарь. Алма-Ата, 1954, стр. 451.

благодаря чему возникла возможность его переосмысления в «народно-этимологическом» плане, как меры, связанной с промером наискось, которая отражена в толковании сочетания *косая сажень* современными словарями.

О СЕМАНТИЧЕСКИХ СВЯЗЯХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ *ТВЕРДЫЙ* И *КРѢПКИЙ* В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ

О. В. МАЛКОВА

При составлении словарных статей для «Словаря русского языка XI—XVII вв.»[1] автор статьи обратил внимание, что прилагательные *твердый* и *крѣпкий*, которые в современном русском литературном языке семантически достаточно далеки друг от друга, в письменном языке древней Руси обнаруживали сходство во многих звеньях их семантических систем. Более детальное ознакомление с древнерусским материалом выявило наличие устойчивых семантических связей между словами в течение всего исторического периода.

«Словарь синонимов русского языка» (т. II. Л., 1971, стр. 537) устанавливает синонимичность этих слов, а также слова *жесткий* в двух значениях: «а) Такой, который с трудом поддается сгибанию, сжатию, резанию и т. п. Лишенный мягкости. . . (в примерах — твердый грунт, твердое дерево, твердая земля, крепкая земля и др. Здесь же указывается, что слово *твердый* является основным, наиболее употребительным, а слово *крепкий* чаще используется по отношению к почве, снегу, льду); б) О мясе, фруктах, овощах и и т. п.: Такой, который трудно разжевать, откусить». В ССРЛЯ (т. 15. М.—Л., 1963, стлб. 159—160) эти значения сведены в одно, которое кратко может быть сформулировано как ‘твердый, жёсткий’.

В «Словаре Академии Российской» конца XVIII в. (ч. III, 1792, стлб. 1030—1032; ч. VI, 1794, стлб. 51—52) идентичными или близкими являются три толкования значений рассматриваемых прилагательных. Ср.: *крѣпкий*: «1. Твердый, в составе своем плотный; неудобный, трудный к сокрушению, к разрушению, к расторжению, к преодолению и проч. Крѣпкий камень. Крѣпкое

[1] Словарь готовится к изданию в Институте русского языка АН СССР, главный редактор член-корреспондент АН СССР С. Г. Бархударов. Словарь составляется на основе картотеки ДРС, материалы которой легли в основу настоящей статьи. Использованы также материалы картотеки СДР.

дерево. Крѣпкая цѣпь. Крѣпкая ткань. Крѣпкой ледъ. Крѣпкий металлъ. Крѣпкая стѣна. Крѣпкой городъ. Крѣпкое укрѣпление. Крѣпкое мѣсто. Крѣпкой замокъ». *Твердый*: «1. Крепкий, плотный, трудный к сокрушению, к разрушению, к расторжению; противополагается жидкому, слабому, мягкому. Твердый камень. Твердыя тѣла». *Крѣпкий*: «2. Иногда употребляется в противоположении к ветхому или по ветхости легко разрушающемуся. Сапоги еще крѣпки. Это бѣлье крѣпкое, а это ветхое. Крѣпкой полъ. Крѣпкое платье». *Твердый*: «2. Употребляется иногда в противоположении ветхому, старому, худому. Твердый домъ. Твердая стѣна». *Крѣпкий*: «10. Также употребляется вместо неколеблющийся, постоянный. Крѣпкой духъ. Крѣпкое сердце». *Твердый*: «3. Непоколебимый, постоянный в своих намерениях, предприятиях. . . Твердаго духа человѣкъ. Тверди бывайте, непоступни».

В настоящей статье обсуждаются семантические явления, объединенные в «Словаре Академии Российской» в двух первых, связанных друг с другом значениях. Первое значение разделим на два. Кратко определим интересующие нас значения как 'крепкий, прочный', 'твердый, жёсткий', 'не разрушенный, целый' (в этом же порядке они будут рассмотрены ниже). Предложенное разделение значений является в значительной мере условным. Лексикографы даже в современном русском литературном языке во многих случаях не в состоянии провести между ними четкую границу. Иллюстрацией может служить характеристика слова *крепкий* в ССРЛЯ (т. 5. М.—Л., 1956, стлб. 1621): «1. Такой, что трудно разбить, сломать, порвать и т. п.; твердый, прочный» (в примерах — крепкий шлем, крепкие грунты, крепкие дома). Здесь же, оттенком, дается значение 'целый, не рваный, не изношенный. Об одежде, обуви'. В древнерусских текстах эти значения также не всегда легко разграничить. Имеются пограничные случаи, которые в качестве таковых могут быть отнесены к тому или другому значению.

1. В древнерусском письменном языке значение 'прочный, крепкий' занимало разное место в семантических системах прилагательных *твердый* и *крѣпкий*: у первого оно было основным, у второго — периферийным. В связи с этим *твердый* в значении 'крепкий, прочный' употреблялось значительно чаще, чем *крѣпкий*. В XV—XVII вв. употребление *крѣпкий* заметно активизируется.

Прежде всего, обращает на себя внимание ряд равнозначных словосочетаний с прилагательными *твердый* и *крѣпкий*, которые регулярно воспроизводятся от эпохи к эпохе при описании некоторых ситуаций. Базовое значение прилагательного в этих сочетаниях иногда модифицируется. Это словосочетания типа *крѣпкая (твердая) стѣна*, *крѣпкий (твердый) кровъ*, *крѣпкий (твердый) градъ (городъ)* и т. п. Ср.: от двы убо отражается яко же нѣкая козньот *стѣны крѣпкы*. ГБ XIV в., 197 г; крщнье бо. . . *стѣна* намъ есть *тверда* и забрала оружье крѣпко на ополченье вражье.

Ж. Варл. Иос. XIV—XV вв., 45 в—г; потребиться градьскыя *стѣны* высокыя и *твердыя* имиже ты упова в нихъ. ГА XIII—XIV вв., 166; ведуще, яко *твердоя* их укрепленныя каменныя *стены* против русских стенобитных сосуд отстояти не могут. Пов. об осаде Пск., 126, сп. нач. XVII в.; другъ вѣрьнъ *кровъ крѣпъкъ*. Изб., Св., 329. 1076 г. Аще не можеши помощи делом, и ты поне словом, яко утвердит кто непокрыту храмину *твердым кровом*. Посл. Шах. Пож., 411. XVII в.

Наиболее употребительными из всех устойчивых сочетаний являются сочетания *твердый (крѣпкий) градъ (городъ)* в значении 'укрепленный местоположением или искусством' («Словарь церковнославянского и русского языка», т. II, 1847, стр. 230). В СДР и ДРС они зарегистрированы не менее 40 раз. *Крѣпкий градъ (городъ)* появляется реже, чем *твердый градъ (городъ)*, но с XV в. активность его употребления возрастает. Оба словосочетания иногда используются в пределах одного текста: (1249): видив же *крѣпокъ град* поиде к Перемышлю. Ипат. лет., 800; (1261): потом же поидоша ко Лысцю городу. . . *городъ* же *нетвердъ* бяше. Там же, 855; Килия, по латыни Колия, *городъ* каменой, *крѣпокъ* добрѣ, башни часты, бою поземнаго нѣтъ, стоитъ на ровномъ мѣстѣ низкомъ, вода из Дуная по самую стѣну. Арс. Сух. Проскинитарий, 7. 1653 г.; *Градъ* Иерусалимъ есть вельми *твердъ* стѣнами, нимало нигдѣ ничто не попортилось: стоитъ на горѣ высоко, на камени на дикомъ на самомъ мысу, между двухъ овраговъ. Там же, 130.

Особенно интересен текст, где *твердый* и *крѣпкий* замещают друг друга в разных списках одного памятника: Иерусалимъ же *градъ* есть великъ и *твердъ* (вар.: *крѣпокъ*) стѣнами. Х. Дан. иг., 40. 1496 г. ~ 1107 г.

Некоторые из словосочетаний, употребительных в течение всего исторического периода, встретились только со словами *твердый, нетвердый*: ласканье подобно есть щиту нетверду. Пчел. И. публ. б., л. 40 (Срезн., т. III — Доп.); (1261): нѣкто же от ляховъ. . . защитився отчаяньемь акы *твердымъ щитомъ*, створи дѣло памяти достоино. Ипат. лет., 853; бѣ̀же милосерды, ты нам *щит тверды*. Есфирь, 282. XVII в.; *брони тверды* стрѣлы остры и горькы не дадять проити. Пч. к. XIV в., 75 об.; не был еси убо одѣянъ въ желѣзо, ни обложенъ *твердою бронею*. Ф. Прокопович. Сл. и речи I, 38, до 1728 г.; почто сбираем разбойником и татем. . . но въ *твердых скровищих* полагаите. ГБ XIV в., 101 в.; тако же и иноковъ. . . увѣщеваетъ вселукавый змий. . . великие богатства собирати и во *твердыхъ хранилищахъ* ихъ затворяти. Курб. Пис., 359—360. XVII в. ~ XVI в.

Большинство из приведенных устойчивых соединений имеют соответствия в древнегреческих текстах и, по-видимому, представляют собой их буквальный перевод. Ср.: и *грады тверды* разорилъ и домы велможам развратилъ (πολεις ὀχυρὰς) (Сирах. XXVIII. 15—17). Библ. Генн. 1499 г.

Весьма существенно, что вне устойчивых сочетаний прилагательные *твердый* и *крѣпкий* обнаруживают сходство в лексической сочетаемости, при этом близость их значений не вызывает сомнения. Имеются тексты, где прилагательные *твердый* и *крѣпкий* ставятся в один семантический ряд. Примеры относятся к XIV—н. XV в.: вѣтромъ колѣблющас‹я› древеса паче *твержьша* и *крѣплеша* бываютъ инѣхъ. Ф. Ст. XIV в., 191 г; крщнье бо прежебывших грѣховъ всѣх рукописанье водою омывая и потом же стѣна намъ есть *тверда* и забрала оружье *крѣпко* на ополченье вражье. Ж. Варл. Иос., XIV—XV вв., 45в—г.

Как говорилось выше, в XV—XVII вв. употребление прилагательного *крѣпкий* в значении 'крепкий, прочный' активизируется. Наблюдается также более широкое использование отдельных словосочетаний с этим прилагательным. В этот период намечается различие в сфере применения изучаемых слов: *крѣпкий* используется преимущественно при описании бытовых ситуаций, *твердый* при описании фактов церковной истории. Примером могут служить словосочетания *твердое (крѣпкое) мѣсто* в значении 'труднодоступное, безопасное, надежное место'. В памятниках XII—XIV вв. словосочетание *крѣпкое мѣсто* не зарегистрировано, отмечено только словосочетание *твердое мѣсто*, часто в летописях, когда рассказывается о военных событиях. Ср.: (1180): идоша во *твердая мѣста* и стояша межи собою недѣлю обаполъ Дрьюти. Ипат. лет., 620—621; (1311): а нѣмци възбѣгоша на дѣтинець: бяше бо *мѣсто* велми силно, *твердо*, на камени высоцѣ, не имѣя приступа ниоткуду же. Новг. I лет., 312. Для более поздней эпохи имеем лишь единичные случаи, содержащие словосочетание *твердое мѣсто*. Они извлечены из церковных памятников: и содѣла сосуд кладяше бисеръ во нь и прочее злато искаше *мѣста тверда*, идѣ ж‹е› бы сохранилъ, ископа землю под главою одра своего, и ту скры. Изм., 315 об. XVI в. ~ XIV—XV вв.; и скончавшу ему молитву, абие усѣкновена оба быста и повержена быста святѣи телеси ею тай въ твердѣ мѣстѣ. ВМЧ, Окт. 19—31, 2059. XVI в. В деловых документах в это время широко употребляется словосочетание *крѣпкое мѣсто*: и всякие сосуды лутчие, серебряные и оловяные и деревяные, тѣ держати за замком въ *крѣпком мѣстѣ*. Дм., 106. XVI в.; а нынѣ бъ велѣли естѣ межъ Дорогобужа и Смоленска, приискавъ *крѣпкихъ* и надобныхъ *мѣстъ*, поставити острожки, гдѣ будетъ пригожъ. Кн. разряд. III, 11. 1617 г.; а кругомъ де, государь, тѣхъ пашенныхъ мѣстъ прилегли лѣсы темные и мѣста *крѣпкие* и болотные и зыби непроходимые. ДАИ IV, 153. 1659 г.; а какъ дастъ богъ придутъ на Караганское пристанище, и бусою стати росмотря *мѣсто крѣпкое*, въ которыхъ бы мѣстехъ бусѣ стоять было бережно, чтобъ бусу морскими волнами не розбило и людей не потопило и отъ воровскихъ людей было безстрашно. ДАИ VIII, 75. 1678 г.; Да въ томъ же мѣстѣ, отъ острогу вверхъ по Пышмѣ рѣкѣ саженъ со сто, и то *мѣсто* высоко и *крѣпко*, а подошва каменная, а стоячего острогу ставить нельзя.

ДАИ X, 314. 1683 г. Ср. также наличие в памятниках XII—XIV вв. словосочетаний *твердая темница*, *твердое прибежище*, *твердые сосуды*, а в памятниках XVII в. словосочетаний *крѣпкая тюрьма*, *крѣпкое пристанище*, *некрѣпкий скудель*: того же Петра повелѣ въ *твьрду тьмьницю* въсадити. Чуд. Н. XII в., 74 г.; повелѣ въ *тверду темницю* всадити. Сб. Тр. к. XIV в., 188 об.; и тѣхъ калмыцкихъ людей на Угличѣ велѣно посадить въ *крѣпкую тюрьму*. АМГ II, 21, 1636 г.; яко же голубь егда бѣгая орла или ястреба от мѣста на мѣсто преходит. . . никако же обрѣтая *прибѣжища тверда*. Ж. Варл. Иос., XIV—XV вв., 58 а; салтанъ турской. . . учинилъ себѣ въ томъ городѣ *крѣпкое пристанище*. ДАИ VI, 251. 1673 г.; искуснии *съсуди* раждагаеми искуснѣиши и *твержьши* обрящютьс‹я› неискуснии же жьжения огньнаго терпѣти не могъше. ПНЧ XIV в., 1а; сий злохитрый и окоянный дияволъ, *некрѣпкий скудель*, Гришка Отрепьевъ сокрушися отъ московского народного множества. Гриб. Ист., 30, до 1669 г.

Активизация употребления прилагательного *крѣпкий* в значении ‘крепкий, прочный’ в XV—XVII вв. объясняется, по-видимому, дальнейшим развитием у него данного значения в живой речи. Следует учитывать также, что от XV—XVII вв. сохранилось значительно больше памятников, чем от XI—XIV вв. Среди них огромное количество деловых документов, которые в бо́льшей степени отражают живую речь, чем религиозные тексты.

2. Значение ‘твердый, жесткий’ в чистом виде в текстах XI—XIV вв. можно предположить только у прилагательного *твердый* в двух-трех словосочетаниях. У И. И. Срезневского первое значение прилагательного *твердый* определяется как ‘крепкий, твердый’. По-видимому, имеется в виду рассматриваемое значение ‘твёрдый, жёсткий’, так как ‘крепкий, прочный, надежный’ отдельно выделяются ниже. Значение иллюстрируется словосочетанием *тврѣдый камень* и *кремене твьржии* в образном применении — как символ твердости, непреклонности человека.

В картотеках СДР и ДРС имеется большое число выписок на словосочетание *твердый камень*. Словосочетание *твердый кремень* представлено тем же примером, что и у И. И. Срезневского. Значение ‘твердый, жёсткий’ в словосочетании *твердый камень* подсказывается также и наличием равнозначного выражения *жестокий камень (адамант)*. Ср.: близь же олтаря есть *камень твьрдъ*. Сб. Тр. к. XII—н. XIII в., 43 об.; И еще мышлю в сердцы моем, надеюся на тебя, государя моего милосердаго, вем бо тя верою к богу и правдою, аки *адаманта твердаго*. Посл. Шах. Пож., 412. XVII в.; дахъ же има секиру и кошницю полну хлѣбовъ и соль и показах има *камень жестокъ* гля: сѣцита сдѣ и принесѣта собѣ дрова от луга. Пролог (БАН²), 19об. XIV в.; А въ колодезномъ, государь, чищаньѣ мѣшканье учинилося потому: *камень жестокой*, битъ до самыя подошвы съ одной стороны. . . и въ той. . . выбивкѣ избито двадцать ломовъ желѣзныхъ. ДАИ XII, 404. 1699 г. Из имеющихся примеров для нас наиболее интересен

текст, где прилагательным *твердый* и *жестокий* соответствует один латинский эквивалент: мекка вода *твръжда* камене *жестокаго* ес‹ть› (aqua mollis durior lapide duro est). Кн. Енохова, 1, 28. XV в. ~ XIII в. Словосочетание *твердый камень* имеет соответствие в древнегреческом языке. Усвоенное в древности, это выражение сохранилось в образном употреблении до нашего времени. Возможно, рассматриваемое значение содержится также в выражении *твердое желѣзо*: в бѣдахъ бо. . .бѣ не недостаточенъ яко адамантъ бьем, к расколникомъ же магнитъ великъ нѣкый бѣ яко онъ усваяеть *твердое желѣзо* и влечеть к собѣ. ГБ XIV в., 189об.—190.

Бесспорные примеры, не оставляющие сомнения в том, что перед нами значение ‘твердый, жесткий’ в чистом виде, относятся к XVI—XVII вв. Имеются близкие в отношении лексической сочетаемости контексты: у сына у Ивана явилось на шеѣ подъ затылкомъ *мѣсто* высоко да *крѣпко*. Пис. Вас. Ив., 3. 1526—1555 г.; к надутымъ и *твердымъ апостемомъ*. Травник Любч., 99. XVII в. ~ 1534 г.; а *подошва* у ног его толщиною на три перста наросла и *тверда* как рог. Агасфер, 229. 1663 г.; есть халпаханъ, то есть *корень* хинский. . . *твердъ* собою и бѣлъ. Козм. V, 36, н. XVIII в.

Как отмечалось выше, в современном русском литературном языке прилагательное *крепкий* в значении ‘твердый, жёсткий’ употребляется чаще по отношению к почве, снегу, льду. Такого типа примеры зарегистрированы в XVI—XVII вв.: четвертый перелазъ ниже того гораздо. . . съ Усердскую сторону рѣки Сосны *берегъ* набитъ и *крѣпокъ* добрѣ. . . по мѣрѣ того набитого *крѣпкого мѣста* по рѣкѣ по Соснѣ съ Рускую сторону 15 саженъ. Д. сторож. служ., 52. 1643 г.; пятый перелаз ниже того на рѣкѣ на Соснѣ . . .*берега* оба *крѣпки* добрѣ; мѣрою того перелазу *твердого мѣста* по рѣкѣ по Соснѣ 17 саженъ. Там же, стр. 53; (1383): и мрази были велици, и всюду людие ѣздили на санѣхъ, якоже и о крещении: толикъ былъ *путь крѣпокъ*. Ник. лет., XI, 82. В словосочетании *крѣпкий лед* имеется единое, комплексное значение ‘твердый, прочный’: а вчерашнего де дни. . . перешли они и с лошадми по лду и *лед* де на рекѣ Бузане *крѣпок*. Астрах. а., № 2807. 1653 г.

3. Значение ‘не разрушенный, целый’ достаточно четко документируется у прилагательного *твердый* XIII в., у прилагательных *крѣпкий*, *некрѣпкий* — XV в., оба примера извлечены из церковных текстов: аще въ невѣдѣньи в наемъ возметь коръчагъ разъбьен и излѣется вино *твердыи* ж‹е› дати долъжень есть. КР 1284 г., 295 г; предаша [деньги] в руцѣ их иже преднии бѣху дѣлателие в дому гни: да въздвигнуть црковь и *некрѣпкая* же управляют (infirma. . . sarcirent). (2 Парал. XXXIV. 10) Библ. Генн. 1499 г. Остальные выборки сделаны из деловых документов. Прилагательные *твердый* и *крѣпкий* сочетаются с названиями построек, их частей, утвари. Выше говорилось, что в ССРЛЯ

указывается иное ограничение — «об одежде, обуви». В СДР и ДРС сочетаний с названиями одежды, обуви не зарегистрировано, хотя отсутствие их может быть случайным. Ниже прежде всего приводятся тексты, где *твердый* и *крѣпкий* определяют одно слово: И вы бъ. . . тысечю ведръ вина велѣли выкурить доброго пѣнного, безъ пригару; а выкуря и наливъ въ *крѣпкие бочки*, прислали къ. . . Москвѣ. ДАИ XП, 276. 1677 г. И которая смола в худых кадях и в бочках, и тоѣ смолу перекласть в новые *твердые бочки* и *кади*. Ворон. Петр. а., 123. 1696 г. Другие примеры: а что в бочках, и в ночевах, или в коробѣх, мука и всякой запас. . . то было все покрыто и *судно твердо*. Дм., 126. XVI в.; четыре куба новыхъ, да четыре плаченыхъ, . . . да семъ *трубъ твердыхъ*, да пять утлыхъ дыроватыхъ. АЮБ III, 187. 1668 г.; а на тое погонную Шехонскую рыбную ловлю имали бъ они рыбные ловцы въ лодки гребцовъ добрыхъ и ловецкие *снасти* были бы у них *твердые*. ДАИ VII, 182. 1680 г. Подрядился поставить. . . сухарей добрыхъ 4650 четвертей, въ новыхъ и *твердыхъ куляхъ*. Докл. в Сенате V, 905. 1715 г. А в городѣ. . . топили съ великимъ береженьемъ, и *печи* бъ были *крѣпкие* съ напылники и заслоны желѣзными. АИ V, 308. 1689 г.; ржи многое число доброй и сухой. . . и сыпать въ *анбары* въ самые *крѣпкие* и въ укрытые, чтобъ ни отъ какихъ случаевъ порухи не учинилось. АЮБ III, 68. 1707 г.

Таким образом, в письменном языке древней Руси прилагательные *твердый* и *крѣпкий* обнаруживают бóльшее семантическое сходство, чем в современном русском литературном языке. В XII—XIV вв. значение ‘крепкий, прочный’ относилось у прилагательного *твердый* к числу основных, у прилагательного *крѣпкий* — к числу периферийных. В XV—XVII вв. наблюдается активизация употребления прилагательного *крѣпкий* в этом значении; прилагательное *твердый* используется преимущественно в церковных текстах. В современном русском литературном языке прилагательное *твердый* утратило названное значение, а также и значение ‘не разрушенный, целый’. У прилагательного *крѣпкий* последнее значение сохранилось, но лишь в сочетаниях с названиями одежды, обуви. В значении ‘твердый, жёсткий’ сейчас наиболее употребительным является прилагательное *твердый*, слово *крепкий* используется чаще по отношению к почве, льду, снегу. В древнерусских текстах не обнаружилось существенной разницы в лексической сочетаемости прилагательных *твердый* и *крѣпкий*. Отмечено значительное число равнозначных словосочетаний с прилагательными *твердый* и *крѣпкий*, некоторые из них употребляются в течение всего исторического периода.

ИЗ ИСТОРИИ НАЗВАНИЙ КРАСНОГО ЦВЕТА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ. ГЛАГОЛ *РДЕТЬ*

Н. Б. БАХИЛИНА

Общеиндоевропейский корень *rudh- (*reudh-, *roudh-) 'красный', известный в древних языках (сскр. rudhiras 'красный', греч. ἐρυθρος 'красный', лат. ruber 'красный', ст.-слав. рьдръ 'красный, рыжий') сохранился в основных языках Европы как обозначение красного цвета до настоящего времени (напр. фр. rouge, нем. rot, англ. red). Славянские языки в общем не сохранили индоевропейский корень *rudh- для обозначения собственно красного цвета, большая часть славянских языков, имея различные цветообозначения с корнем *rudh-, называют рудым не собственно красный цвет, а различные оттенки рыжебурого и коричневого. Ср. польск. rudy 'рыжий', с.-хорв. *руд* 'бурый, рыжий, красновато-рыжий', укр. *рудий* 'рыжий', белорусск. *руды* 'коричневый', русское диалектное *рудой* 'красный, рыжий'.

Впрочем, древнейшие названия красного цвета с корнем *rudh- не утрачены бесследно, в современном русском языке сохранилась группа цветообозначений, которые называют различные оттенки красного или красноватого цвета. Все эти цветообозначения имеют что-то общее: ни одно из них не называет собственно красный цвет, а лишь оттенки красного, все они называют природные цвета и все называют цвета смешанные. Часть из них еще сохраняет значение красного: *румяный*, *рдяный*, *рдеть*; часть имеет лишь красноватый оттенок: *рудой*, *рыжий*, *редрый*; некоторые настолько отдалились от своего исконного значения, что называют другой цвет, без всякой, видимо, красноты, например русый. Единые по происхождению и сохранившие общие черты, которые во многом обусловлены их древностью, эти слова имеют разную судьбу, разную историю.

В отличие от других слов этой группы *рдеть* не является широко употребительным. Будучи по происхождению книжным, церковно-славянским, оно и впоследствии, в общем, остается в пределах языка книжного, и если не является всегда исключительно достоянием стиля высокого, поэтического, то сохраняет какой-то элемент этой «высокости», книжности, что не позволяет ему стать до конца стилистически нейтральным. В современном русском языке среди слов с древним корнем *rudh- слово *рдеть* в наибольшей степени выражает собственно красный цвет, имея значение 'краснеть, ярко выделяться красным'.

Впрочем, это значение довольно позднее. Первоначально слово употребляется преимущественно по отношению к человеку, для описания его внешности, состояния и означает 'быть, становиться румяным, краснеть'. По тем немногочисленным примерам для этого слова, которые мы имеем из древнерусских, преимущественно переводных, памятников, мы можем установить, что

одним из ранних значений глагола рдѣтисѧ[1] было 'краснеть, смущаться'. Вряд ли здесь первенствующую роль играл цвет. Кажется, вернее предполагать, что значение было не просто 'становиться красным', а именно 'краснеть от смущения, стыда'. Например, Егда разидемьсѧ распьрѣвъшесѧ то не хочемъ сѧ сами совокупити опѧть, но ждемъ межи собои ходатая но киижде стыдитьсѧ и ръдитьсѧ приступити и смиритисѧ съ другомъ. Пч к. XIV, л. 119 об. (СДР).

Вероятно, также одним из самых ранних и не сохранившихся в новое время значений было: 'быть румяным, здоровым, цветущим'[2]: Иже днсь доброрастьныи тѣломь и утолъстѣвъ пищами, ръдѧчесѧ лицемъ... утро то самъ предълежитъ, или старостью исѣхъ или болестью. Пч И. Публ. б. л. 92 (Срезн. III, 203).

Здесь и там слово еще не имеет современного значения 'краснеть, ярко выделяться красным цветом'. По существу, встречающееся в древнерусских памятниках рдѣти сѧ по значению и употреблению близко с прилагательным *румяный* и выражает не самый яркий цвет, а различной степени интенсивности оттенки смешанного розово-красного цвета, который бывает на лице здоровых цветущих людей или внезапно выступает на лице под влиянием различных причин (прежде всего стыда, смущения).

Рдеться со значением 'краснеть, смущаться' довольно долго сохраняется в языке; например: Ученицы. . . в некоторых из насъ есть вина которая не пред многими денми была виновнии слышавъ сие лицемъ рдятся понеже они нами смиренными гордятся. Шк. благочиние, 91. XVII в. (ДРС). Между тем другой кому боги благосклонны Дали мѣдное лице, дабы все законны Стыда чувства презирать не рдясь, не блѣднея, У всяких стучит дверей. Кантемир. Сат. VIII (БСК). О музы: должно вамъ отнынѣ вѣчно рдиться: Что вы могли на тварь гнуснейшу разсердиться. Сумароков. Притчи (Карт. Сл. XVIII в.). Все сие было. . страстному моему сердцу очень и очень непротивно. . . и оно прыгало так сказать, оть радости. . я. . сидѣлъ рдѣя только и краснѣя, не говоря ни одного слова. Болотов. Зап. (БСК).

Рдеться (о человеке) 'краснеть от смущения', будучи длительное время довольно употребительным, постепенно уходит из языка, может быть вытесняется другими глаголами. Уже в XVIII в. в этом значении употребляется глагол *краснеть* или (кажется чаще) *краснеться*: Некоторые мнѣ говорили: какъ не стыдно торговать дворянамъ книгами и аптекою? Я краснѣлся отъ ихъ без-

---

[1] В древнерусском языке известны только местоименные формы: рдѣти сѧ (зардѣти сѧ). По нашим матѐриалам с XVIII в. употребляются местоименные две формы: рдѣться и рдиться, а также неместоименная рдѣть. По значению они не различаются.

[2] См. то же значение в отглагольном существительном рдѣние: И поимше же и сотвориша яко же повелѣ имъ и томь часѣ очистися пѣгота отъ лица его и бысть якоже первѣе; рдѣние воспят взыде на лице его, и не бы ни худа вреда на немь. ВМЧ, Ноябрь, 13—15, 924. XVI в. (ДРС).

стыдства. Как можно ставить оное въ стыдъ имъ, не почитающимъ за стыдное торговать винными откупами и продажею въ рекруты? И. В. Лопухин — А. М. Кутузову (Карт. Сл. XVIII в.). Слушай, Иван. Я рѣдко с молоду краснѣлся, однако теперь отъ тебя, при старости, сгорѣлъ было. Фонвизин. Бригадир (Карт. Сл. XVIII в.). Красавица отворотилася от зеркала и взглянула на меня такими быстрыми проницательными глазами, что я, верно, бы закраснелся, если бы у меня что-нибудь дурное было на мысли. Карамзин. Письма русск. пут.

Позднее *рдеть* 'краснеть, смущаться' употребляется, видимо, все реже, у писателей XIX в. находим лишь единичные примеры. В настоящее время бесприставочные местоименные и неместоименные формы глагола в литературном языке не употребляются, а приставочные — *зардеться* (обычно только прошедшее — *зарделся*, *зарделась*) не часты и вряд ли стилистически нейтральны.

Может быть, более определенно как цветообозначение слово выступает в примерах, тде глагол *рдѣти сѧ* употребляется для описания лица, щек, румяных, вспыхнувших румянцем или покрасневших от разных причин. В описаниях внешности, румяного или покрасневшего лица — *лицо рдеет*, *щеки*, *уши рдеют* — слово употребляется с древнейших времен: Слышавъ он ужасеся и зардися лице его, и бывъ яко огнь, срамився велми. ВМЧ. Окт. 1—3, 119. XVI ∽ XII в. (ДРС). И лице ея нача рдѣтисѧ от яденья и пития. Пр Юр XIV в. 253 а, б (СДР).

Мы находим его и в новое время (теперь в этом же значении употребляются и неместоименные формы) и в современном русском языке. Здесь во внешне однотипных примерах, думается, передается разной степени интенсивности окраска. Так, по стихам Державина мы представляем красивого здорового ребенка с розовыми румяными щеками (рделись щеки): Ходя в рощице тенистой, Видел там Эрота я. На полянке роз душистой Спал прекрасное дитя. Сквозь приятный сон умильный, Смех сиял в лице его, Будто яблочки наливны Рделись щеки у него. (Спящий Эрот).

В других примерах речь идет о более ярком цвете разгоряченного, раскрасневшегося от вина, волнения и пр. лица: Я почувствовалъ, что у меня щеки начали рдѣть, и подъ конецъ пира, я бы какъ и другие напился пьянъ. Радищев. Путешествие из Петербурга... Несколько бутылок горского и цымлянского громко были уже откупорены. . ., лица начинали рдеть, разговоры становились звонче, несвязнее и веселее. Пушкин. Дубровский. Жадно внимал царевич рассказчику; рдели щеки его, и нередко струились по ним слезы. Лажечников. Басурман. Рдеют полные свежие ланиты девушки, не может поднять она светлых очей, не может взглянуть на путевого товарища. Печерский. В лесах (БСК).

В этих примерах *рдеть* значит 'краснеть', 'заниматься ярким румянцем'. Впрочем, кажется, что в некоторых примерах *рдеть*,

выражая крайнюю интенсивность цвета, крайнюю степень красноты загоревшегося румянцем лица, значит уже не 'краснеть', а 'гореть красным' или просто 'гореть': Стояла молча предо мною Алели щеки как заря, Все жарче рдея и горя! Тютчев. Сей день, я помню, для меня. . . Щеки Степаниды рдели, глаза горели стыдом и злостью. Николаева. Жатва (БСК). Скутаревский ждал минуты, когда тот уйдет, чтоб уйти самому. Уши его рдели; нечаянно он становился как бы сообщником достаточно скверного дела. Леонов. Скутаревский (БСК).

Таким образом, до сих пор речь шла об употреблении глагола *рдеться*, *рдеть* только по отношению к человеку, его внешности, цвету его лица. Из древнерусской литературы примеров иного его употребления мы не имеем. Словарь Срезневского дает следующие значения (или, вернее, употребления) слова: 'краснеть, быть красным'; 'быть румяным цветущим'; 'краснеть, стыдиться'.

Позднее *рдеть* употребляется шире. По нашим материалам, с XVIII в. *рдеть* 'краснеть, алеть' употребляется также по отношению к различным явлениям природы. Слово используется преимущественно в поэзии и в описаниях природы: торжественно-мрачное зловеще-красное небо, огненно красные облака и прочее: Поля Полтавы там курятся, И облакъ воспаленъ надъ ней: Все небо как надъ Етной рдѣетъ, Земля трепещетъ и багрѣетъ. Сумароков. Ода торж. XIV (Карт. Сл. XVIII в.). За горы солнце закатилось, Долины облеклися въ мракъ, Едва лишь только небо рдилось Пурпуровый являя зракъ. Каменев. Старик (Карт. Сл. XVIII в.). Кровавы вслед моря струились И заревы по небу рдились. Державин. Гимн на прогнание французов (БСК).

У писателей XIX—XX вв. слово *рдеть* употребляется довольно часто, как в поэзии, так и в прозе. Глагол *рдеть* значит 'краснеть', 'выделяться своим красным цветом' (например, о цветах, ягодах, деревьях): Ветер играет душистой травой Рдеет, синеет цветок полевой. Бенедиктов. На сельском кладбище (БСК). Дымится кровь огнем багряным Рубины рдеют винных лоз. Волошин. О фиолетовые грозы. В тени, под деревьями, краснели зонтики мухоморов, среди пышного, влажного мха словно рубины на зеленом бархате, рдели ягоды брусники. Гроссман. За правое дело (БСК).

Охотно его употребляют, когда речь идет о предметах ярко выделяющихся красным цветом и освещенных, не просто красных, а пламенно-красных, например заря, закат, небо, облака: Везде горели яркие предвечерние краски, небо рдело, листья переливчато блистали. Тургенев. Накануне (БСК). Пусть ночи пожарами светят И рдеют закаты как раны. Бунин. Диза (БСК).

Фиксируемое современными словарями значение 'краснеть, ярко выделяться красным' выявляется, так сказать, «в чистом виде» довольно поздно. Кажется, в качестве примеров можно было бы привести следующие: В полутемной комнате там и сям яркими точками рдели вставленные в зеленые старинные стаканы

свежие пышные розы. Тургенев. Вешние воды. Все дико и прекрасно, как в Эдеме: Торчат шипы акаций защищая Узорную нежнейшую листву, Цветами рдеют кактусы, Сереют стволы в густых лианах. Бунин. Цейлон. Офицерские фуражки рдели и зеленели среди светлых дамских шляпок. Соболев. Капитальный ремонт (БСК). В саду рдеет холодная георгина, ложится на землю кленовый лист, ласточки готовятся к отлету. Инбер. О моем отце (БСК). В тени, под деревьями, краснели зонтики мухоморов, среди пышного, влажного мха словно рубины на зеленом бархате, рдели ягоды брусники. Гроссман. За правое дело (БСК).

Значению 'краснеть, ярко выделяться красным' все время как бы сопутствует и значение 'гореть' ('сверкать', 'блестеть'), есть ряд случаев, где трудно сказать, что имеется в виду — 'краснеет', т. е. выделяется красным цветом или просто 'ярко выделяется, горит'. Например: Пугачев приказал им отступить и зажегши еще несколько домов, возвратился в свой лагерь. Настала буря, огненное море разлилось по всему городу... К вечеру буря утихла и ветер оборотился в противную сторону. Настала ночь, ужасная для жителей. Казань, обращенная в груды горящих углей, дымилась и рдела во мраке. Никто не спал. Пушкин. История Пугачева. Мужицким пахнет варевом, костры в дыму трещат — И рдеет красным заревом на холоде закат. Бунин. Плоты. Рассветает медленно, город с утра тонет в сизом, морозном тумане, а деревья одеты густым инеем сиреневого цвета, солнца целый день не видно и только вечером замечаешь след его потому, что долго и угрюмо рдеет мутно-красная заря в тяжелой мгле на западе. Бунин. В деревне. И Луна, Перуна бога Увидавши за горой, Закричала: — Вихрь Стрибога! Солнцу яму в тучах рой! И на поле боевое Побледнелая идет Пламя рдеет заревое, Стрелы острые кует. Городецкий. Перун.

Следовательно, в новое время, сравнительно с древнерусским языком, слово *рдеть* употребляется не только в описаниях человека, но и гораздо шире. Вероятно, изменяется и значение его как цветообозначения, оно значит и как прежде 'краснеть' (т. е. начинать, становиться красным, быть красным), но в ряде примеров не просто 'краснеть', а 'выделяться своей краснотой', 'гореть, пламенеть красным'. Т. е. как будто в нем растет цветовой признак, оно выражает наиболее интенсивный цвет. Может быть, это и есть его вершина как цветообозначения? Или, напротив, это начало процесса утраты у слова значения цвета. Чтобы понять историю слова, как цветообозначения, хотелось бы еще обратить внимание на две особенности его употребления. В литературе нового времени есть целый ряд примеров, когда *рдеть* относится к словосочетанию, где прилагательное называет ярко-красный цвет или дается в сравнении с предметом ярко-красным: Багровый облакъ въ небѣ рдѣетъ. Земля подъ нимъ въ крови краснѣетъ. Ломоносов. Ода I (Карт. Сл. XVIII в.). Сердце мое имъ было неизвѣстно. Не знали они, что нетрепетенъ всегда предстою, собствен-

ному моему суду, что ланиты мои нердели багровымъ румянцемъ совѣсти. Радищев. Путешествие из Петербурга... Звездой блестят ее глаза Ее уста, как роза, рдеют. Пушкин. Полтава. Рдеет румянец и ярче и краше Мило и молодо дитятко ваше. Некрасов. Саша. «Зарево!» сказал кто-то. В самом деле, налево, над горизонтом, рдело багровое пятно и делалось все больше и ярче. Гончаров. Фр. Палл.. Ноги начинали подкашиваться, багровые пятна на щеках рдели, голова тяжелела и покрылась потом. Н. Щедрин. Пошехонская старина. Леди была в красном шелковом платье, и ее красный рот на бледном, немного усталом лице рдел, как пурпуровый цветок, как раскаленный уголь. Куприн. Жидкое солнце. Солнца целый день не видно и только вечером замечаешь след его потому, что долго и угрюмо рдеет мутно-красная заря в тяжелой мгле на западе. Бунин. В деревне. Старинным золотом и желчью напитал Вечерний свет холмы. Зардели красны, буры Клоки косматых трав, как пряди рыжей шкуры В огне кустарники и воды как металл. Волошин. Киммерия. Если красное знамя рдеется, если люди дорвались до света, — Это дело красноармейца, первой опоры Совета. Маяковский. Герои и жертвы революции (БСК).

Трудно сказать, чем вызвано такое употребление слова. Не оттого ли, что *рдеть* все-таки не выражает должной степени интенсивности красный цвет, писатели охотно употребляют его с названиями ярко-красного? Или вернее предположить, что уже здесь выявляется вторичное, а может быть, всегда имеющееся у глагола значение 'ярко выделяться, гореть'.

Другой особенностью его употребления является появление нового управления у глагола и закрепление его в виде словосочетания *рдеть чем* (рдеть румянцем, жаром, багрянцем, пурпуром, рдеть красным, багровым цветом и т. п.). Здесь возможны сочетания с названиями красного цвета: Тише, тише вѣтры вейте, Благовониемъ дыша; Пурпуровым златом рдѣйте. Воды, долы и душа. Державин. Пришествие Феба (Карт. Сл. XVIII в.). Рдела пурпуром сраженья Ночь на празднике огня. След печальный разрушенья Озарен лучами дня. Бенедиктов. Пожар (БСК). Теплый безветренный день угас. Только далеко на горизонте, в том месте, где зашло солнце, небо еще рдело багровыми полосами. Куприн. Лесная глушь (БСК). Лошадей, запряженных в косилку, гоняла Наталья. У нее свекловицей рдели опаленные щеки, глаза слезились. Шолохов. Тихий дон (БСК). Темные воды залива рдели багрянцем пожаров. Степанов. Порт-Артур (БСК). Багряными зорями рдеют рассветы. Сурков. Весна человечества (БСК). Багровыми бликами рдеют снега, Пылают в округе берлоги врага. Сурков. Таня (БСК).

Рдеть чем возможно и с названиями не красного цвета: Там солнце вечно лучезарно И рдеют золотом плоды. Вяземский. Флоренция (БСК). Вот колокольчики строемъ; А по зеленым по склонам Все заросло зверобоем золотом рдея червонным.

Ап. Коринфский. Северный лес (БСК). Снега переливались как драгоценные каменья: и рдели янтарем, и голубели васильками, и полированной сталью сверкали в вечерних лучах. Фурманов. Мятеж (БСК). На западе за городом горела заря. Точно в жерло раскаленного, пылающего жидким золотом вулкана сваливались тяжелые сизые облака и рдели кровавокрасными, и янтарными, и фиолетовыми огнями. Куприн. Поединок (БСК). У базара, где в плетеных корзинках блестели груды скользких голубоватых рыб, овощи рдели зеленым, красным, лиловым и розовым бордюром. А. Грин. Возвращенный ад.

Если можно сомневаться и спорить, что значит *рдеть* в приведенных несколько выше примерах, то несомненно, что в сочетаниях глагола *рдеть* с названиями не красного цвета глагол не значит 'краснеть'. А таких примеров достаточно много, и едва ли это можно считать индивидуальным употреблением: они разновременны, встречаются у разных писателей и в поэзии и в прозе.

Эти примеры доказывают наличие у глагола рдеть значения 'ярко выделяться, гореть, сверкать, блестеть', а с интересующей нас точки зрения свидетельствуют, что глагол *рдеть* в данном случае перестает быть цветообозначением [3]. Может быть, не стоит делать решительных выводов, что значение это новое и вытесняет рдеть 'краснеть'. Скорее следует считать, что оно всегда было и частично выявляло и ранее.

В самом деле, со значением 'краснеть', 'гореть', то есть краснеть при болезни, воспалении слово *рдеть, рдеться* известно уже в древнерусских памятниках: Аще ли будет на кожи его гнои и ищѣлиет и будет на мѣстѣ гноа дегна бѣла или начало прокажению бѣлуяса или рдаса ти явится жерцю. (Лев. XIII. 18—20) Библ. Генн. 1499 г. (ДРС). (1534): Начаше прикладывати къ болячкѣ муку пшеничную съ медомъ прѣснымъ и лукъ печеной: отъ того болячка начала рдѣтися. Соф. II лет., 267—268 (ДРС). Существительное *рдение* 'воспаление', видимо, как специальный медицинский термин употребляется еще в конце XVIII в.: Вся глазная болезнь и рдѣние ихъ исцѣляется. Краш. Опис. Камчатки (Карт. Сл. XVIII в.). Рдѣние, вожжение, отокъ, флегмонъ. Платнер. Наставл. хирургич. (Карт. Сл. XVIII в.).

Русские толковые словари, как старые, так и современные не дают значения 'гореть' у слова *рдеть*. Его дает только словарь Даля: Рдѣть, гореть, воспаляться, краснеть, заниматься жаром и

[3] Кстати, есть довольно много примеров, преимущественно поэтического употребления, где *рдеть* и значит 'гореть', 'сверкать', 'блестеть' и не связано ни с каким цветом: . . . Заря Стремилась гаснуть, звезды рдели И неба вышние моря Вечерним пурпуром горели! Блок. Я шел к блаженству (БСК). Вот перешла дорогу женщина в платке. И просит денег. Дай. Но не смотри в глаза. Не то на всяком, всяком медном пятаке В углах чеканки будет рдеть блестящая слеза. Городецкий. Перун (БСК). В воздухе стоял темный багрянец кленов, платанов, буков и тополей. Казалось, солнечный блеск пленен их листьями и впитался в них, и светит солнце, а он будет сиять и рдеть на деревьях даже в лунную ночь. Павленко. Осенняя заря (БСК) и др.

краснúной, ярко алеть. Приставочные формы нардеть, нардевать (о нарывах, вередах) дает Словарь 1847 г.

В современном русском литературном языке слово в этом значении не сохранилось [4], однако, может быть именно из него, из значения ‘краснеть, гореть’, т. е. выделяться именно цветом, краснотой развивается позднейшее *рдеть* ‘выделяться ярко-красным’. Эти два значения — ‘краспеть’, т. е. становиться румяным, покрываться краской стыда, смущения; и ‘краснеть’, т. е. выделяться цветом, краснотой, гореть, пламенеть — с древнейших времен и в новое время развиваются как бы параллельно, причем первое постепенно выходит из употребления, а во втором усиливается значение яркого красного цвета, а затем значение ‘вообще ярко выделяться, гореть’.

Таким образом, история слова *рдеть* как цветообозначения представляется в следующем виде. Первоначально оно не называет яркий интенсивный красный цвет, а используется как прилагательное *румяный* для обозначения розового или покрасневшего лица. Затем, позднее, слово употребляется в описаниях природы: алое закатное небо, розовые облака и прочее. Со временем в слове увеличивается содержание цвета яркого, красного. Развитие слова *рдеть* как цветообозначения представляется в виде очень крутой кривой с быстрым и значительным нарастанием цветового признака. Оно значило не просто ‘краснеть’, а ‘ярко краснеть’, ‘ярко выделяться красным’. Впоследствии эта его вторая сторона, его качество световое, а не цветовое, выделяется все острее, в нем начинает стираться значение цвета и усиливаться, утверждаться всегда бывшее значение ‘ярко выделяться, гореть.’ В этом смысле очень характерны примеры, где слово *рдеть* сочетается с названиями цвета не красного. Если не говорить решительно об утрате старого значения рдеть ‘краснеть’, кажется, можно указать на тенденцию утрачивать значение цвета.

Рассматривая историю слова *рдеть* мы лишь коснулись проблемы взаимоотношений слов цветообозначений и светообозначений, соотношения в слове значения цвета и света. Проблема эта, мало изученная или во всяком случае недостаточно освещенная в литературе (несмотря на общий интерес к лексике цветообозначений), несомненно важная и интересная, особенно для периода древнерусского, требует дальнейшего исследования.

В заключение позволим себе заметить, что данная статья является небольшим разделом завершенной работы «История цветообозначений в русском языке». Автор пользуется случаем с благодарностью вспомнить, что эту тему предложил для разработки много лет тому назад Степан Григорьевич Бархударов.

---

[4] В говорах в этом значении слово отмечается в сравнительно недавнее время. Например. Рдеться, краснеть, покрываться краснотою. Рдится палец (при занозе и опухоли). Второе Доп. (Карт. СРНГ).

ДРЕВНЕРУССКОЕ *ИЗИМАТИ*
(ИСТОРИКО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ ОЧЕРК)

Г. И. БЕЛОЗЕРЦЕВ

В 1929 г. была опубликована статья Б. М. Ляпунова «Семасиологические заметки в области славянских языков: приставка из-» [1]. Б. М. Ляпунов здесь впервые четко противопоставил в генетическом плане два структурно-семантических типа глаголов с приставкой *из-*, встречающихся в древнерусских памятниках, — пространственной направленности (*изити*, *изнести*, *излѣзти* и т. п.) и полноты, исчерпанности действия (*избити*, *иссѣчи*, *измерѣти*, *истопнути*, *исполчитися* и т. п.). Свойственное первому типу глаголов локальное значение [2] приставки *из-*, более конкретное по своему характеру, исторически является первичным. В глаголах второго семантического типа проявляется вторичная функция приставки — определение степени проявления действия с количественной стороны (полнота проявления действия основы, исчерпанность действия, его завершенность, результативность). Круг глагольных основ с приставкой второго семантического типа был несравненно шире первого.

Глаголы второго семантического типа, как убедительно показал Б. М. Ляпунов, были свойственны в исторический период не только старославянскому языку, но и — независимо от него — русскому народно-разговорному языку.

Однако вопрос осложняется тем, что к большинству глаголов с локальной приставкой *из-* (*изити*, *излѣзти*, *извезти*, *извести*, *излетѣти* и др.), южнославянским по происхождению, в древнерусских памятниках, а также в говорах обнаруживаются соответствующие омонимичные образования с делокализованной приставкой *из-*, исконно свойственные, как показывает их изучение, народному русскому языку. Б. М. Ляпунов в названной статье не рассматривал специально материалов подобных структурно аналогичных «двойников». Их разграничение нередко затрудняется из-за тонкости семантических отличий. Между тем оно необходимо, так как отождествление этих образований, допускаемое иногда даже в специальной литературе, сведéние образований второго типа к первому, может повлечь за собой ошибочные заключения и в историко-генетическом плане.

Характеристику одной из таких пар глаголов с *из-* содержит настоящий очерк.

Современный русский литературный язык знает глаголы *изымать* — *изъять*. Исторически они восходят к книжно-славян-

---

[1] «Slavia». ročn. VII, seš. 4, 1929, стр. 754—765.

[2] Учитывая характер этого значения, назовем его условно, вслед за С. П. Обнорским, выделительным, а соответствующие глаголы выделительными.

ской традиции. В них определенно осознается пространственный характер приставки [3].

Рассмотрим условия употребления этих глаголов в языке древнерусских памятников [4].

В соответствии с характерной для средневековой литературы традицией глагол *изяти* (194 употребления по данным картотеки СДР XI—XIV вв.) представлен преимущественно в определенных штампах, передающих стандартизованные ситуации: изяти душу из тѣла; изяти мечь (ножь); изяти очи; изяти ребро [Адама]. В качестве прямого объекта при глаголе выступает обычно конкретное существительное. Случаи сочетания с абстрактными существительными единичны: и измѣте лоукавъство о‹т›ва‹с› самѣхъ (Ряз. корм., 1284 г., л. 260 г). Ср. также: и изя из нея мысли ты зълыя (Син. пат. XI в., л. 166).

Исключительную распространенность в текстах различных жанров получает клише *изяти* кого-л. *изъ (отъ)* чьей-л. *руки (рукъ)* в значении 'избавить, освободить от кого-л.' типа: изьми обидимааго из-д-роукы обидяштааго (Изб. 1076 г., л. 81); кто изметь насъ из руки змиевы (Ф Ст. XIV, л. 176 в); измѣте оубога и нища из руки грѣшникъ (Мер. правед., сп. XIV, л. 14 об.).

Обширный круг сочетаний складывается на основе лексико-синтаксической модели: *изяти* кого-л. *отъ (изъ)*+отвлеченное существительное в форме родительного падежа ед. или мн. числа, которое называет какую-л. среду, состояние; нередко это существительное употребляется в форме родительного беспредложного. Приведем эти существительные (в форме родительного падежа): безаконии, бѣды и печали, вины неч‹с›таго, гнѣва г‹с›ня, злобы, тьмы несвѣтящая, напасти и лютости, насилия, плѣнения, погибѣли, погубления, хулы, зла приобщения, безгодныя смерти, всея страсти, удавления.

Соотносительный по виду с глаголом *изяти* глагол *изимати* с локальной приставкой в количественном отношении представлен в текстах церковнославянской традиции гораздо скромнее — менее двадцати употреблений по материалам картотеки СДР XI—XIV вв. При этом характер употребления этого глагола, типичная для него сочетаемость соответствуют тем условиям, которые выше отмечены для глагола *изяти*: доушю изимающе (Сказ. Бор. Глеб.) (Усп. сб.) XII, л. 13в—г); о‹т›смрти изимая (Сб. Тр. к. XIV, л. 214); отъ моученичьскъ бо телесъ муро добровольно изимати

---

[3] В «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова (т. I, стлб. 1186) *изымать* со стилистической пометой книжн. офиц. рассматривается как несовершенный вид к глаголу *изъять* 'Выделив из чего-н., исключить, устранить из употребления' — Изъять (изымать) из обращения старые денэнаки.

[4] В работе использованы материалы картотек Словаря древнерусского языка XI—XIV вв. (в основу ее положен принцип сплошной расписки текста) и картотеки ДРС XI—XVII вв. (в основе — принцип выборочной расписки); графика цитируемых материалов упрощена.

(Сказ. Бор. Глеб (Усп. сб.) XII в., л. 18в); изималъ изд-роукы мечь (Чуд. Н. XII в, л. 73); спящу адаму ребро его изимаше (Палея 1406 г., л. 33в); сучецъ изъ братия ока изимати (Курб. Отв., XVI в., (3), стлб. 127).

Сфера распространения этих глаголов ограничивается памятниками, созданными на церковнославянской языковой основе; если же они встречаются в памятниках, входящих в сферу действия народно-литературного типа древнерусского языка, то в тех частях, которые наиболее подвержены книжному влиянию, в частности, вставках в текст летописей. Например: и ту абье проклятыи Гл҃бъ с брато‹м›, иземъша меча своя начаста сѣчи преже князи, таже боляры (Лавр. лет., под 1217 г., сп. 1377 г., л. 150 об.; этот же текст см. в Новг. I лет. под 1218 г., сп. XIII—XIV, л. 89 об.).

Иными, как показывают наблюдения, являются условия употребления, характерные для глагола *изимати* второго семантического типа, с делокализованной приставкой *из-*, который представлен обширнейшим материалом в древнерусских памятниках, начиная с наиболее ранних и вплоть до XVII в. Есть все основания утверждать, что этот невыделительный глагол в значении 'схватить, взять кого-л., что-л.' был исконно свойствен древнерусскому народно-разговорному языку.

В своих видо-грамматических связях он коррелируется с глаголом *имати (имаю)* 'брать, хватать', хорошо известным по летописным и деловым памятникам, а также русским народным говорам. Ср.: А пошлют которого неделщика по татей и ему татей имати безхитростно, а не норовити ему никому. А изымав ему татя, не отпустити, ни посула не взяти, а опришних ему людей не имати (Судебн. 1497 г., стр. 24).

Обращает на себя внимание тот факт, что даже в специальных лингвистических работах неоднократно приходится сталкиваться с отождествлением, смешением этих двух семантических типов глагола *изимати*, которые этимологически должны возводиться к разным языковым источникам. Так, С. П. Обнорский допускал ошибку, когда, разграничивая в языке Русской правды лексику исконно русскую и заимствованную, относил к старославянизмам встречающийся здесь глагол *изимати* [5].

Подобное же неразличение этих глаголов можно обнаружить в некоторых изданиях древне- и старорусских текстов. В частности, издатели Уложения царя Алексея Михайловича 1649 г. как первое и основное значение этого глагола в языке Уложения ошибочно указывают 'изъять' [6]. На самом деле в языке Уложения глагол *изимати* в таком значении не встречается ни разу [7]. Много-

[5] С. П. Обнорский. Очерки по литературному языку старшего периода. М.—Л., 1946, стр. 27, 30.

[6] Уложение царя Алексея Михайловича 1649 г., сер. «Памятники русского права», вып. 6. М., 1957, стр. 480.

[7] Следует также относиться с большой осторожностью к тем толкованиям, которые даются В. И. Далем в статье *изнимать* (см. Даль, II, стр. 29—30).

кратно и последовательно здесь используются характерные для приказно-делового языка глаголы *вынати*, *вы(ни)мати*. Значение же глагола *изимати*, употребляемого в тексте Уложения, полностью покрывается приводимыми здесь другими семантическими эквивалентами — 'взять', 'поймать', 'задержать'.

Ср.: и из тюрьмы выимая его (Улож. ц. Ал. Мих. 1649 г., стр. 384); а без понятых приставу поличного не вымати (там же, стр. 403); но: если татя изъимают на другой татьбе (там же, стр. 385); А будет кто за татем погонится. . .и. . .тот тать изымати себя не даст, и учнет дратися (там же, стр. 403).

Для характеристики глагола *изимати* второго семантического типа рассмотрим детально условия его функционирования в языке I Новгородской летописи, которая относительно ближе стоит к языку народному.

В тексте этой летописи дважды отмечен глагол *вынимати* с локальной приставкой *вы-* и 25 раз *изимати*, как показывает анализ контекстов, с делокализованной приставкой *из-* [8].

Это количественное соотношение однокоренных глаголов в I Новгородской летописи уже само по себе показательно, особенно на фоне других глаголов: в соотношении пар русизм (*вы-*) — славянизм (*из-* выделит.) I Новгородскую летопись отличает преобладание народно-разговорных образований с приставкой *вы-*. Ср., в частности, характерные для нее количественные показатели следующих выделительных глаголов: *выити* 19 — *изити* 9; *выгнати* 16 — *изгнати* 3 [9]. При этом предпочтение книжного варианта с локальной приставкой *из-* в языке этой летописи почти всегда мотивировано своеобразными контекстными условиями [10].

Между тем отмечаемый здесь глагол *изимати* занимает по частоте употребления второе место после невыделительного глагола *избити* (47 употреблений) с делокализованной приставкой.

Есть ряд специфичных моментов, которые позволяют говорить об отсутствии пространственно-выделительного значения у этого типа глагола *изимати*.

Прежде всего, реальное содержание ситуаций, в которых совершается обозначаемое глаголом действие: это действие происхо-

---

[8] Напомним, что книжно-славянский глагол *изимати* с выделительной приставкой отмечен в картотеке СДР XI—XIV вв. менее 20 раз.

[9] Следует учесть, что глаголы *изити* и *изгнати* с локальной приставкой, восходящие к книжно-славянской традиции, относились к числу наиболее «нейтрализовавшихся», наиболее усвоенных древнерусскими книжниками. Этому способствовала их исключительно высокая частота употребления в текстах старославянской и церковнославянской традиции. Так, в составленной нами таблице относительной частотности выделительных глаголов с приставкой *из-* (по материалам картотеки СДР XI—XIV вв.) эти глаголы занимают два первых места: для видовой пары *изити — исходити* отмечается 1412 употреблений, для *изгнати — изгонѧти* (*изгонити*) — 495 употреблений.

[10] См. об этом: Г. И. Белозерцев. Соотношение глагольных образований с приставками *вы-* и *из-* выделительного значения в древнерусских памятниках XI—XIV вв. «Исследования по исторической лексикологии древнерусского языка». М., 1964, стр. 203—204.

дит в границах одной среды, не связано с представлением о переводе объекта, подвергаемого действию, из одной среды в другую. приѣха Федоръ ржевьскыи в Новъгоро‹д›. . . и изъима намѣстникы Михаиловы. и держаша ихъ въ вл‹д›чни дворѣ (Новг. лет., под 1314 г., сп. XIII—XIV, л. 158); кнзь Михаило призва к собѣ кнзя Афанасья. и бояры новгоро‹д›скыи. и изъима ихъ и посла на тфѣрь в тали (там же, под 1315 г., л. 159 об.).

Затем своеобразны грамматико-синтаксические связи, свойственные глаголу *изимати* с делокализованной приставкой.

Выше при рассмотрении церковнославянских примеров указывалось, что при выделительном глаголе *изимати (изяти)* обычно имеется предлог *изъ* (*отъ*)+существительное в родительном падеже, обозначающее среду, из которой направлено действие. Ср. в I Новгородской летописи для глагола *вынимати*: а из бъчькъ гвозды вынимаша (л. 65 об.). Между тем глаголу *изимати* второго семантического типа этот вид управления не свойствен. В десяти из 25 примеров глагол *изимати* представлен как однородный член в цепи других невыделительных глаголов с приставкой *из-* (чаще это *избити* и *иссѣчи*) в передаче определенных стандартизованных ситуаций летописи: и бишася тоу и оубиша тоу домаша брата посаднича. моужа ч‹с›тна и инѣхъ с нимь избиша. а инѣхъ роуками изъимаша (Новг. I лет., под 1242 г., сп. XIII—XIV, л. 129); и къ вечероу побѣди я кнзь романъ. съ новгородьци. . . овы исѣкоша. а дроугыя изымаша (там же, под 1149 г., л. 37).

Прямой объект при этом переходном глаголе часто заключает в себе представление о множественности предметов, на которые распространяется действие; грамматически он выражается либо существительным (местоимением) во множественном числе (зачастую с уточняющими словами: *много*, *множество*, *бещисльное число*, *нѣколико*, количественные числительные), либо собирательным существительным типа *братию*, *литву*, *полонъ*, *чядь* и т. п. (нередко с местоимением *весь*, *всю*). Здесь, очевидно, сказывается дистрибутивный характер действия, первоначально присущий многим невыделительным глаголам с приставкой *из-*, в том числе и глаголу *изимати*. Вероятно, ощущая этот семантический оттенок — распределение действия на множество предметов, — И. И. Срезневский определил подобное же значение в глаголе *избити* как 'перебить' (см. Срезн. I, 1032).

В пользу того, чтобы видеть в глаголе *изимати* этого типа русизм, а не заимствование, убедительно свидетельствует и сфера распространения этого глагола. Он широко представлен преимущественно в тех памятниках, которые стояли ближе к народно-разговорному языку, при этом на протяжении всего периода исторического развития древнерусского языка.

Нет необходимости умножать здесь количество примеров, подобных приведенным выше. Отметим лишь, что сходны условия функционирования этого глагола в Киевской летописи, где он

встречен 66 раз, в Галицко-Волынской летописи — 13 раз. Он отмечается также многократно в деловых памятниках — грамотах, Русской правде, Псковской судной грамоте, Судебниках 1497, 1550, 1589 гг., Уложении царя Алексея Михайловича 1649 г., в демократизированном языке сочинений Пересветова и Котошихина.

Этот глагол не представлял собой изолированную форму, а давал ряд производных. В актовых текстах неоднократно отмечается существительное *изымка* в значении 'задержание': для изымки его, Ивашки (Сл. и д., II, 1699 г., 13). См. также Розыск. о Шакловит., 410.

В русских повествовательно-исторических текстах встречается существительное *изиманье* 'задержание, пленение', образованное от народно-разговорной основы, хотя и по книжной модели: Отпусти князь великии Василии с Москвы, что у него были в-изыманьи, Симеона и Михаила. (Новг. I лет. 6910 по Ак. сп. — по словарю Срезн. I, 1058). См. также в Ист. о Каз. цар., XVI, стлб. 73, 163; Пов. о Тимоф. Владим., к. XV—н. XVI, стр. 119.

В памятниках фиксируется неоднократно и соответствующий возвратный глагол *изыматися* в значении 'взяться за что-л.'

Исключительно продуктивно в деловом языке поздних памятников, а также в народных говорах представлен невыделительный глагол *из(н)яти* с делокализованной приставкой в специфичном употреблении. В качестве субъекта действия при нем выступает отвлеченное существительное, обозначающее какое-либо болезненное или бедственное состояние человека — физическое, психическое, социально-экономическое и т. п.[11]: и голод бы их не изнял (Гр. Сиб. Милл., 1624 г., II, 312г); и‹з›няла меня великая боле‹з›нь (Астрах. а. 1619 г., № 510); что де того Васку и‹з›нели о‹т› ранъ боле‹з›ни (Астрах. а. № 2866, сл. 2, 1654 г.); стало не въ мочь, изняла, государь, скудость и хлѣбной недородъ (Переп. Одоевск., 1650—84 гг., 81); а изнела де его скорбь болѣла у него спина и поясница. . . (Д. Иос. Колом., 1675 г., 72); что ихъ въ лѣтнее время хлѣбными и рыбными запасы нужа не изойметъ (Дон. д. II, 126); а изыметъ его нужда тѣлесная (Арс. Сух. Проскинитарий, 1653 г., стр. 46); а мне пить есть нечево скитаюся по миру старость изняла (Котков и П., XVII—н. XVIII, стр. 242, № 36); чтобъ ихъ [пищалей] ржа не изняла (Уст. ратн. дел I, 235). Тот же глагол в сочетании со специфичным субъектом действия: А буде судно до Лыскова не дойдетъ, изойметъ заморозъ (Акты юр., 1642 г., 331). Ср. также в фольклорных материалах: Доброй былъ князь да и‹з›няла ево грязь (Сб. Посл. Л. Майк., к. XVII—XVIII, 83); Изойми тя! [как бранное выражение] (Причитанья С. К. I Словарь). Целый ряд примеров такого рода приводится также в Толковом словаре В. И. Даля (см. Д а л ь, II, стр. 29, статья *изнимать*).

---

[11] Ср.: Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852, стр. 74: 'Подвергнуться внезапному действию болезни; схватить.

Соотносительный по виду с невыделительным глаголом *из⟨н⟩яти* глагол *из⟨н⟩имати* также представлен в приказно-деловом языке, фольклорных текстах, народных говорах [12]: а сумозбродство и болѣзнь изнимало его почасту; а как изнимаетъ, и въ то время говоритъ онъ, Евтюшка всякия сумозбродныя слова (Сл. и д. II, 1701, 30); не дрема меня изнимает: изнимает меня кручина великая (Песни Квашн., к. XVII в., 925).

В заключение подчеркнем еще раз необходимость строго разграничивать два типа глаголов *изимати* и *из(н)яти* с приставкой *из-* локальной и делокализованной. Семантический анализ и сравнительный анализ характерных для них условий употребления позволяют с уверенностью говорить о незаимствованном, исконно русском характере этих глаголов второго семантического типа, хотя русский литературный язык и утратил их в своем историческом развитии.

---

[12] См. Словарь церковно-славянского и русского языка. Изд. 2, т. II, 1847, стлб. 245 — с пометой простонародное: 'Удручать, отягчать'.

О НАЗВАНИЯХ НАСЕДКИ В РУССКИХ ГОВОРАХ (ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

А. И. СОЛОГУБ

Новым этапом в развитии русской диалектологической науки явилось изучение говоров русского языка методами лингвистической географии.

Лингвогеографический источник обладает тем новым и чрезвычайно важным качеством, что дает исчерпывающее представление о распространении различных языковых, в том числе и лексических, явлений во всех их структурных разновидностях на достаточно обширной территории русского языка, включающей почти всю Европейскую часть РСФСР. Благодаря этому данные лингвистической географии открывают большие возможности для изучения диалектных явлений в различных аспектах [1].

В диалектологических атласах русского языка, в соответствии с программой, по которой проводилось собирание сведений для них, нашла отражение лексика различного характера: часть ее

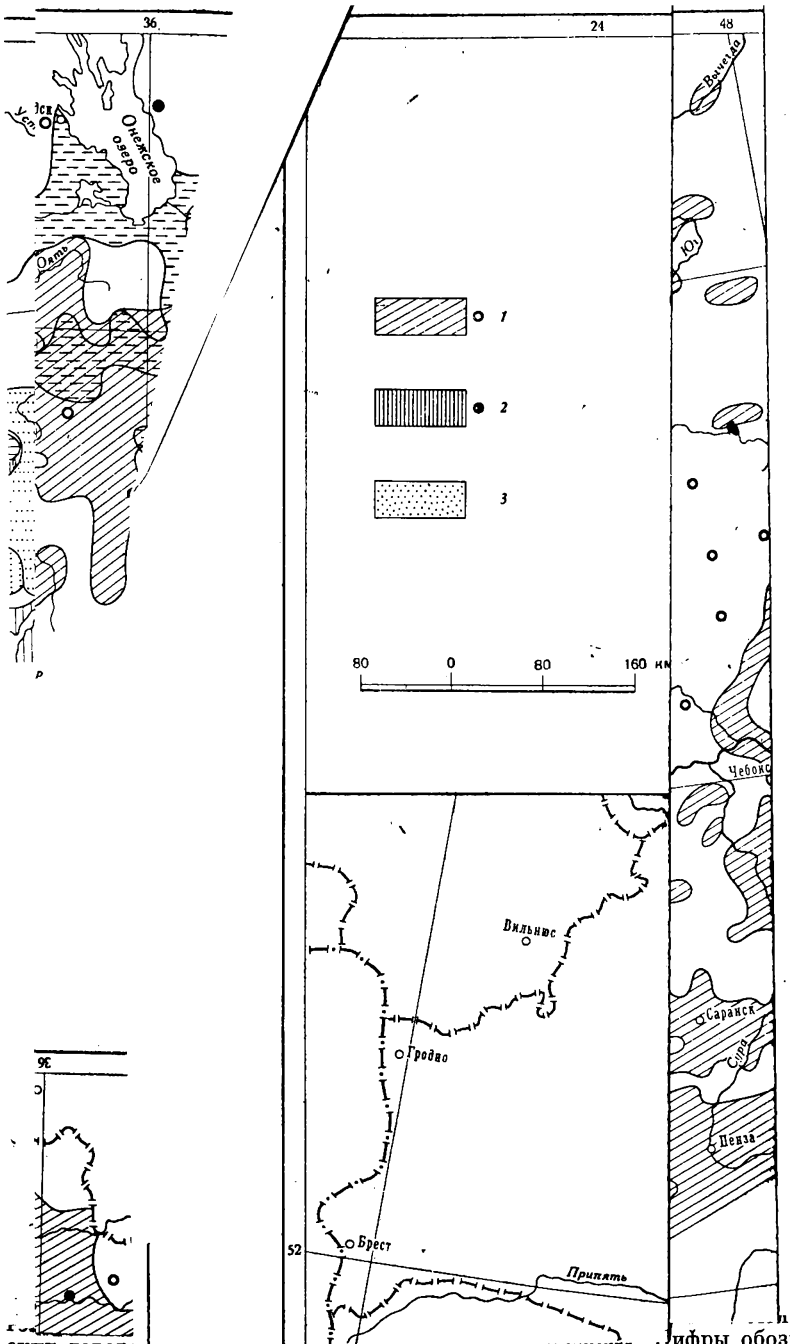
[1] При работе над статьей были использованы карты № 424, 425 «Атласа русских говоров центральных областей к северу от Москвы» и карта № 425 «Атласа русских говоров центральных областей к западу от Москвы». Автор карт Е. Г. Бурова.

связана с вопросами собственно этнографического характера, когда речь идет о соотношении того или иного названия с реалиями различного устройства (названия построек, предметов быта и т. д.). Другая, большая часть вопросов программы по лексике, посвящена реалиям, общий характер которых остается постоянным на всей территории распространения говоров русского языка (названия овощей, посевов, животных, птиц и т. д.). В наших целях представляется одинаково важным изучение лексики и того и другого плана. Однако, к сожалению, данные по лексике, связанной с этнографией, чаще всего являются неполными, неточными и в связи с этим не дающими отчетливого представления о географии подобных явлений. В связи с этим мы располагаем в основном лишь данными второго типа, т. е. лексикой, связанной с реалиями, не изменяющимися по своему характеру на всей территории их распространения.

При изучении лингвогеографических данных, относящихся к названиям наседки, выяснилось, что территория русских говоров различается по наличию нескольких названий для наседки, с одной стороны, и по употреблению одного названия, с другой стороны.

Так, на большей части территории говоров южного наречия русского языка, выделяемой при исключении Верхне-Днепровской группы, северной части Западной и Тульской групп говоров, и северной части межзональных говоров типа «А», а также восточной части Рязанской группы говоров, мы можем наблюдать преимущественное употребление одного названия для наседки. Единственное название для наседки представлено также в большей части говоров Костромской группы и восточных среднерусских акающих говоров (отделы Б и В). При этом в говорах Верхне-Деснинской группы, южной части Западной группы и средней части межзональных говоров типа «А» выступает название *квокуха*, в некоторых говорах южного наречия по границе с Украиной отмечают название *квокту́ха*, *ква́чка*, на остальной территории южнорусского наречия и среднерусских говоров, характеризующейся употреблением одного названия для наседки, представлено слово *наседка*. На разных частях Костромской группы говоров отмечены в исключительном употреблении слова *кли́ка*, *кло́ка*, *клу́ка*, единично *кли́ша*. Для нашего изложения важно указать также, что употребление одного названия для наседки можно наблюдать и на отдельных более узких и разрозненных территориях говоров русского языка, ср. распространение слова *клу́ша* в исключительном употреблении на территории к востоку от Пскова и к западу от Рыбинского водохранилища, слова *клу́ха* — около Боровичей, слова *квокту́ха* — к западу от г. Белого, слова *пару́нья* — во многих говорах северного наречия, слова *цыпля́тница* — во многих говорах северо-запада и в некоторых говорах на территории северного наречия и др. (см. карты № 1, 2, 3).

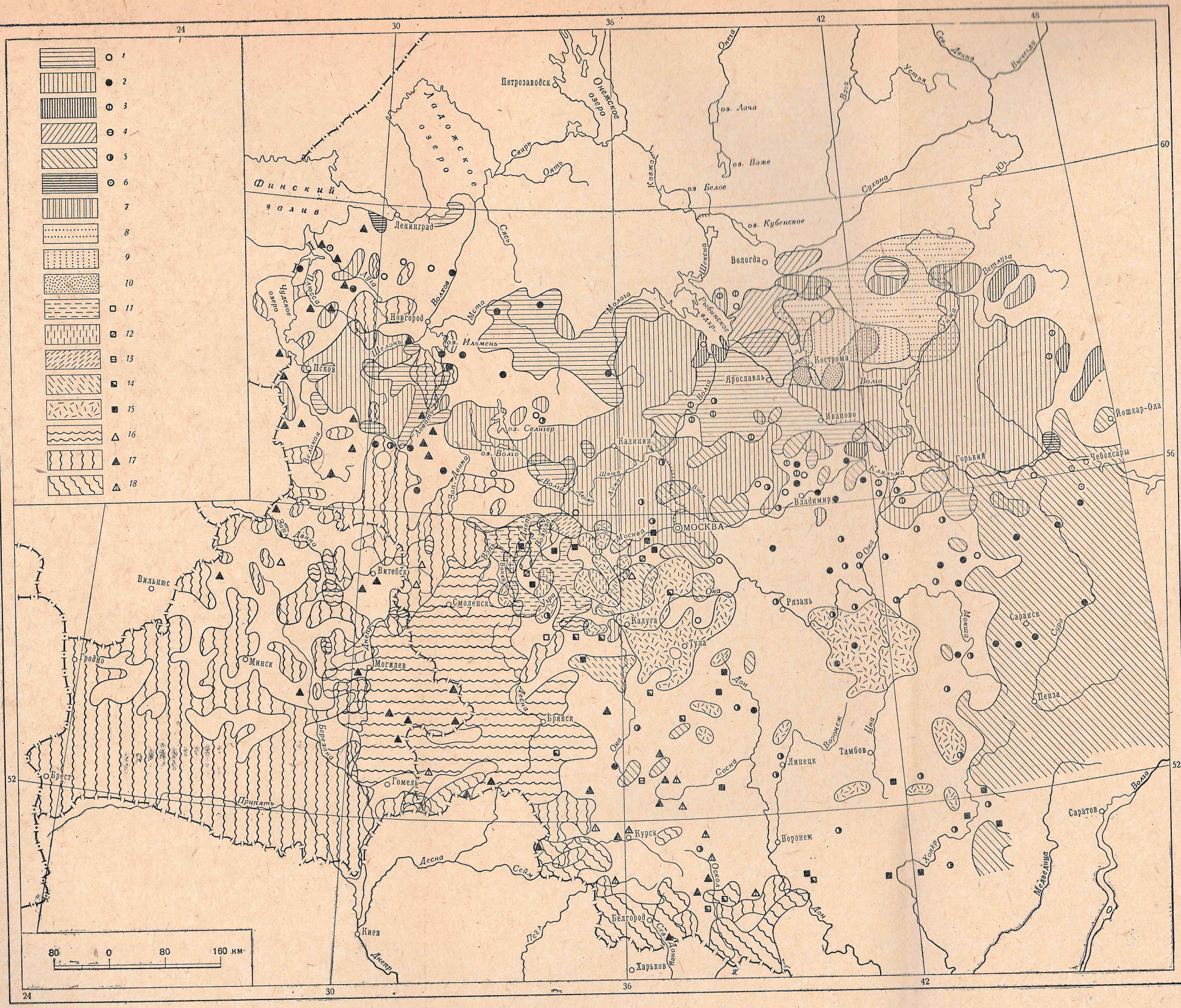
На остальной части изучаемой территории представлено сосуществование различных названий для наседки. При этом мы

…особо
…едки
…ница
…БСТ,
…БСТ,
…гуха,
…35);
…ля́т-
…159),
…ку-
…т. д.
…щих
…часто
…щих
…4, 11
…гуха;
…жно,
…44,
…др.).
…щие
…стра-
…пад-
…льно
…кающ-
…чия,
…паде
…ними
…ания
…тьмы
…Со-
…ррит-
…кого
…ррит-
…ппы
…к се-
…рива
…ане-
…слеп-
…ской
…кают
…3);
…ред-

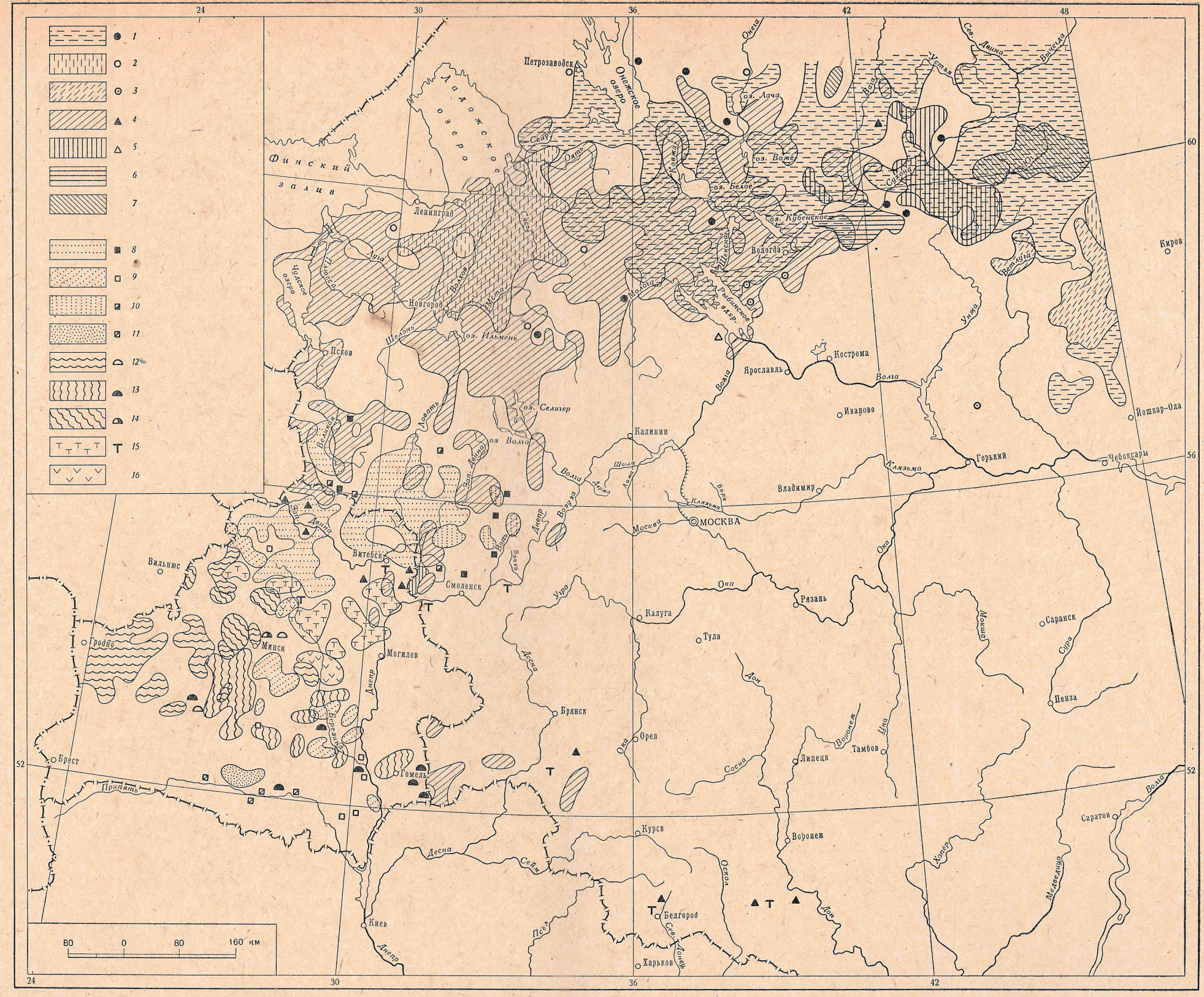
…туте:
…квы»,
…ских

…нас рус-
ских говорах центральных областей к югу от Москвы. Цифры обозначают номера нас. п. п., расположенных на территории этих атласов.

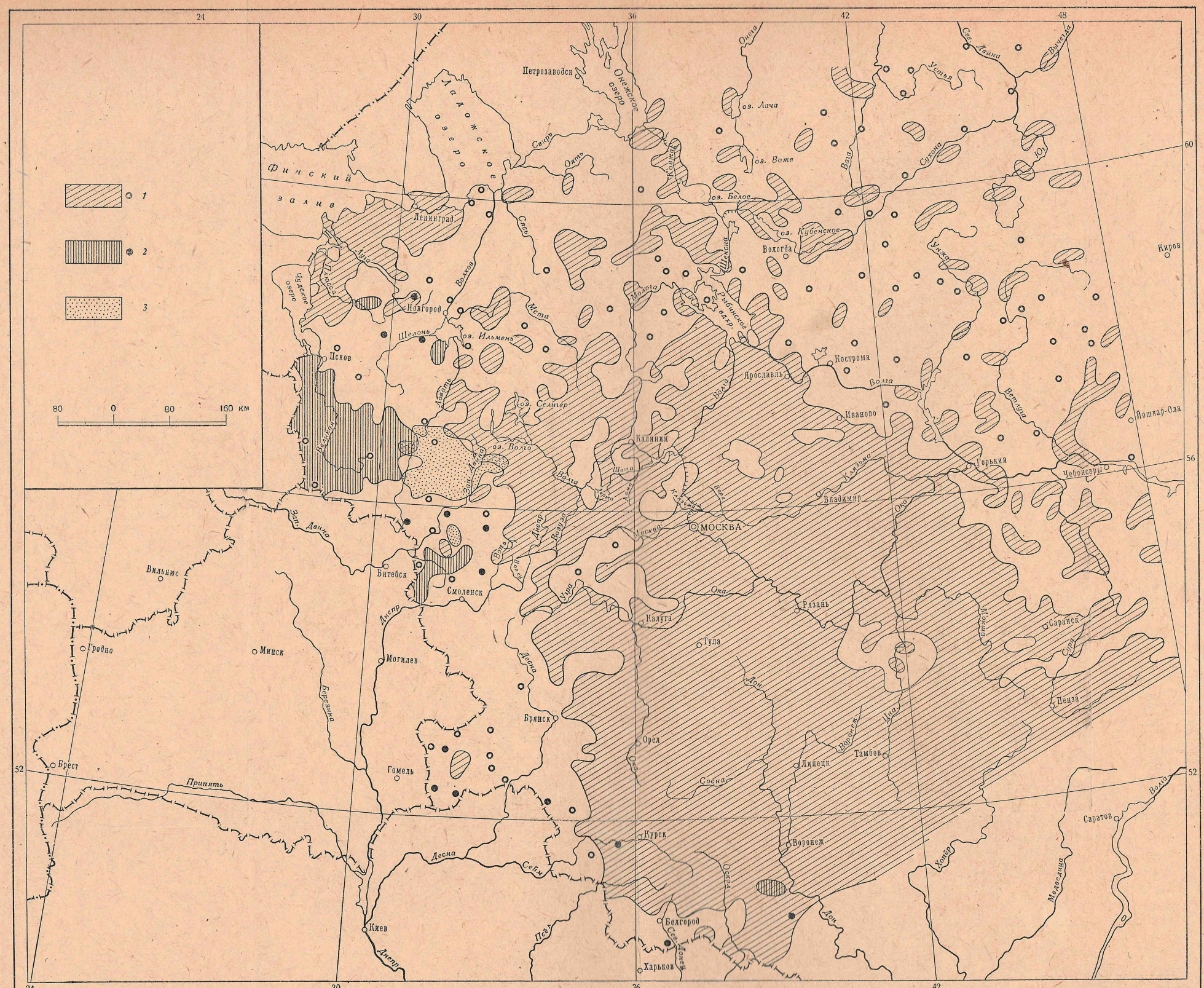
Карта 1. Названия наседки, образованные от звукоподражательных корней и от корня *кур-*

1 — клу́ха *2* — клу́ша; *3* — клокту́ша, клохту́ша; *4* — кло́хта; *5* — клу́шка; *6* — клохту́шка; *7* — клы́ша; *8* — клы́ка; *9* — кло́ка; *10* — клу́ка; *11* — куру́ха; *12* — куру́ша; *13* — куры́шка; *14* — ку́рка, *15* — куру́шка, ку́рушка; *16* — квоку́ха; *17* — квокту́ха, квохту́ха; *18* — кво́чка.

Карта 2. Названия наседки, образованные от корней смыслоразличительного характера.

1 — пару́нья; *2* — пару́ха; *3* — пару́ша; *4* — цыпля́тница; *5* — цыплятý́ха, цыпнятý́ха; *6* — цыпло́ха; *7* — цыплятúха и др. (цыпнятúха, цыпля́чúха, цыпнячúха, цыплянúха); *8* — детúниха; *9* — дзéтуха; *10* — детúнуха; *11* — дзетавбдуха; *12* — куравбдка; *13* — куранятница; *14* — курчáтница; *15* — писклятница; *16* — пылянятница.

Карта 3. Распространение слов с корнем *сед-*

1 — насе́дка; *2* — седу́ха; *3* — насе́ды(ъ)ха; на́седы(ъ)ха

связана с в
когда речь и
лиями разли
и т. д.). Дру
посвящена р
ным на всей
(названия ов
лях предста
и другого пл
занной с эт
ными и в с
о географии
в основном
с реалиями,
ритории их

При из
к названиям
различается
стороны, и

Так, на
русского я
группы, с
и северной
ной части
имуществе
ственное
части гов
акающих
нинской г
межзонал
в некотор
отмечают
южнорусс
щейся уп
слово *на*
отмечены
клу́ка, ед
также, ч
наблюда
ториях г
в исключ
и к запа
Борович
ру́нья —
ница — во
на территории северного

На остальной части изучаемой территории представлено сосуществование различных названий для наседки. При этом мы

можем наблюдать сосуществование двух, трех и, что следует особо отметить, четырех и даже пяти и шести названий для наседки в одном и том же говоре, ср., например, *пару́нья, цыпля́тница* (БСТ, № 78, 85, 104, 254, 255 и др.[2]), или *насе́дка, клу́ша* (БСТ, № 644, 645, 648, 651 и др.); *насе́дка, цыпля́тница, пару́нья* (БСТ, № 242, 245, 249, 272, 302, 303 и др.); *цыпля́тница, квокту́ха, ма́тка* (I, 18), *седу́ха, квокту́ха, цыпля́тница* (V, 24, 28, 35); *седо́ха, клу́шка, ма́тка, насе́дка* (I, 44), *клокту́ха, насе́дка, цыпля́тница, квоку́ха* (I, 64), *насе́дка, пару́ха, цыпля́тница, клу́ша* (I, 159), *клокту́ха, цыпля́тница, пару́нья, мату́ха, насе́дка, парная курица* (I, 50), *клу́ша, клы́ша, кло́ка, клы́ка, кло́хта* (БСТ, 1057) и т. д.

Наибольшее разнообразие в употреблении слов, обозначающих наседку, представляют говоры северо-запада, где очень часто мы можем наблюдать наличие 3 названий для наседки, не дающих возможности для их дифференциации по значению (ср. I, № 4, 11 *насе́дка, ма́тка, цыпля́тница*; 29 *цыпля́тница, ма́тка, квокту́ха*; 133 *цыпля́тница, клокту́ха, ма́тка*, и др.), и, что особенно важно, наличие 4—5 названий в одном и том же говоре (ср. I, № 7, 44, 50, 51, 52, 63, 64, 141, 149, 159, 230, 246, 253, 254, 256, 262 и др.).

В говорах изучаемой территории представлены следующие слова, обозначающие наседку: *цыпля́тница* — имеет распространение на территории северного наречия русского языка и западных среднерусских окающих говоров, менее последовательно она представлена на территории западных среднерусских акающих говоров и северо-западной части территории южного наречия, в единичных говорах ее отмечают также на крайнем юго-западе (см. карту № 2); *подцыпля́тница* — представлена небольшими ареалами к западу от Онежского озера (см. карту № 2); названия *цыплятýха, цыпнятýха* наблюдаются на ареале около Тотьмы (см. карту № 2); *цыплю́ха* — на территории к северо-западу от Солигалича (см. карту № 2); *пару́ха* — распространена на территории Ладого-Тихвинской группы северного наречия русского языка (см. карту № 2); *пару́нья* — представлена на всей территории северного наречия кроме Ладого-Тихвинской группы (см. карту № 2); *пару́ша* — отмечена на небольших ареалах к северу от Рыбинского водохранилища, к востоку от Кологрива и к востоку от Ветлуги; *насе́дка* — имеет сплошное распространение на территории юго-восточной диалектной зоны и менее последовательное — на территории северного наречия и Гдовской группы говоров, в единичных, рассеянных говорах ее отмечают на территории юго-западной диалектной зоны (см. карту № 3); *седу́ха* — в виде небольших ареалов и в рассеянных нас. п. п. пред-

[2] Материал приводится с указанием шифра хранения атласов в институте: БСТ — «Атлас русских говоров центральных областей к северу от Москвы», I — «Атлас русских говоров северо-западных областей», V — «Атлас русских говоров центральных областей к западу от Москвы», VIII, IX — «Атлас русских говоров центральных областей к югу от Москвы». Цифры обозначают номера нас. п. п., расположенных на территории этих атласов.

ставлена на территории между Лугой и Смоленском (см. карту № 3); *насе́дыха*, *насе́дъха* (ед. *на́седы(ъ)ха*) отмечено на ареале вокруг Торопца (см. карту № 3), *квокту́ха* (*квохту́ха*) имеет островное и рассеянное распространение в пределах юго-западной диалектной зоны и на крайнем юге по границе с Украиной (см. карту № 1); *квоку́ха* представлена на достаточно обширном западном ареале южнее г. Белого, простирающемся до Севска (см. карту № 1); *клу́ха* имеет распространение на отдельных ареалах, расположенных преимущественно в средней полосе говоров, см. ареал к югу от оз. Ильмень, ареал между средним течением р. Мсты и Рыбинским водохранилищем, ареал к югу от Рыбинского водохранилища, кроме того, целый ряд мелких ареалов расположен на территории северо-запада, к юго-западу от Калинина, к северу от Владимира и к югу от Горького (см. карту № 1); *клу́ша* — ее ареалы расположены в основном в пределах среднерусских говоров, южной части Межзональных говоров северного наречия, а также юго-западной и южной части территории Костромской группы говоров, в отдельных разрозненных говорах они отмечены также на территории южного наречия русского языка (см. карту № 1); *клу́шка* — известна главным образом говорам поздней колонизации — ср. большой ареал ее распространения на территории к востоку от линии Горький—Балашов, в рассеянном распространении и на небольших ареалах (см. вокруг Москвы) она представлена на территории юго-восточной диалектной зоны (см. карту № 1); слова *кли́ка*, *кло́ка* отмечены в пределах Костромской группы говоров, *клу́ка* — на небольших ареалах к югу от Костромы (см. карту № 1); *клокту́ша* (*клохту́ша*) отмечена в немногих говорах к северу и востоку от Владимира (см. карту № 1); *кло́хта* известна на небольших ареалах к востоку от Вологды и Рыбинского водохранилища (см. карту № 1); *кли́ша* представлена небольшими островками к югу от Вологды и Солигалича и вокруг Кологрива (см. карту № 1); слова *ма́туха* — *мату́ха* отмечены на ареале к северо-востоку от Вожеги (см. карту № 1); *ку́рка* имеет распространение на небольших ареалах около Медыни, к западу от Белева и к югу от Москвы (см. карту № 1); *куру́ха* — представлена на ареале в южной половине Верхне-Днепровской группы (см. карту № 1); *куру́шка* (редко *ку́рушка*) представлена отдельными ареалами к югу и юго-западу от Москвы, в восточной части Рязанской группы говоров и рассеянно — в южной части юго-восточной диалектной зоны (см. карту № 1); *куру́ша* — отмечена на мелких ареалах к юго-западу от Москвы (см. карту № 1).

Кроме приведенных в материалах представлены в качестве единичных многие другие названия, например: *кури́ша* (V, № 379, 405); *кури́шка* (V, № 375, 382, 400, 409, 410); *пару́шка* (БСТ, № 136, 344, 494, 446), *поро́ха* (БСТ, № 335), *па́рица* (БСТ, № 57, 208), *копа́ра* (БСТ, № 772), *капа́ра* (БСТ, № 762, 765), *цыплётуха* (БСТ, № 975), *цыплу́ха* (БСТ, № 962), *цыпну́ха* (БСТ, № 1009), *цы́плюха*

(БСТ, № 1161, 1163), *цыпля́ка* (БСТ, № 315), *цы́пляха* (БСТ, № 831), *цыпни́ца* (БСТ, № 895), *цыпне́чиха* (БСТ, № 907), *цытыру́ха* (БСТ, № 194), *цыпля́тка* (БСТ, № 508), *цыпу́шница* (БСТ, № 840, 874), *цыпу́шешница* (БСТ, № 1423), *наса́дка* (БСТ, № 290, 735, 739, 746, 753, 856, 868), *рассе́дка* (БСТ, № 1327), *кло́кша* (БСТ, № 439, 949), *ма́тка* (I, № 4, 11), *парная курица* (I, 51, 52) и др.[3]

Обращает на себя внимание также и то, что на разных территориях русского языка представлены слова, обозначающие наседку, образованные от корней различного характера. Так, во многих говорах русского языка наблюдаются образования от звукоподражательных корней, имитирующих звуки, издаваемые наседкой, ср. *клу́ха, кло́ка, кво́хта* и т. п. Подобные названия характерны для всех говоров русского языка, за исключением говоров северного наречия. На территории южного наречия они выступают в рассеянном распространении. Широко представлены они также на территории говоров белорусского языка [4] (см. карту № 1).

Для говоров северной и западной территории, а также для ряда говоров белорусского языка, характерно употребление существительных, обозначающих наседку, образованных от тех же корней, которые выступают в названии цыплят: *цыпля́тница, пискля́тница, дети́ниха* и др. (см. карту № 2). Это может свидетельствовать о том, что название наседки образовано по смыслу основной функции, выполняемой ею, т. е. по выведению и выращиванию цыплят. Того же характера название наседки распространено и в южнорусских говорах, где в исключительном употреблении представлено слово *наседка* (см. карту № 3). В основу этого названия положена, видимо, более узкая, более частная функция, выполняемая наседкой — высиживание цыплят.

Многим говорам северной территории свойственно употребление названия наседки — *пару́ха*, в котором также можно видеть связь с периодом высиживания цыплят (см. карту № 2).

Таким образом, на основании данных лингвистической географии можно сделать заключение, что для говоров центральной территории русского языка и говоров юго-запада характерно употребление названий наседки, образованных от звукоподражательных корней. Говорам же северной и южной территории свойственна тенденция образования названия наседки по смысловому принципу, т. е. по связи с теми функциями, которые выполняет наседка.

Мы не располагаем данными памятников письменности, которые могли бы свидетельствовать о времени употребления тех или иных названий наседки [5].

---

[3] См. карты и комментарии к ним: БСТ — № 424, 425, V — № 424, IX — № 294.

[4] Дыялекталагічны атлас беларускай мовы. Мінск, 1960, карта № 295.

[5] Однако при этом важно отметить, что некоторые глаголы, семантически близкие к названиям наседки, представленным в современных говорах, из-

На основании данных современных говоров можно предположить, что наиболее старое состояние в обозначениях наседки наблюдается, видимо, в юго-западных говорах и в говорах центральной территории, где существует, как правило, лишь одно название наседки, образованное от звукоподражательного корня. Об этом свидетельствует и то, что подобные названия известны в рассеянном распространении и тем говорам русского языка, которые в настоящее время имеют названия, образованные от смыслоразличительных корней. В пользу такого предположения говорит, видимо, также и то, что подобное же состояние наблюдается и в большей части говоров белорусского языка.

В дальнейшем, можно думать, в говорах развивается тенденция к обозначению наседки по смысловому признаку, в основе которого лежит определение самого состояния наседки. Эта тенденция по-разному реализуется в говорах русского языка. В одних говорах определяющим является общее название наседки (*цыплятница*, *писклятница*), в других — в основе названия наседки лежит одна из функций, выполняемых ею (*насе́дка*, *пару́ха* и т. п.).

В процессе распространения слов, обозначающих наседку, различного характера по своему происхождению, появились, видимо, территории говоров, в которых возникло таким образом их сосуществование. В дальнейшем подобное сосуществование могло привести к дифференциации значения этих слов. Так, например, в процессе развития тенденции образования названий наседки по смыслоразличительному признаку могло появиться, видимо, и стремление к дифференциации в обозначении того или иного состояния курицы. Можно думать, что таким образом, например, появилось сочетание названий *цыпля́тница*, *пару́ха* в ряде севернорусских говоров.

Предположение о том, что наличие в современных говорах двух или нескольких названий не является свидетельством существовавшей в прошлом дифференциации в обозначении наседки в различные периоды выведения цыплят, подтверждается тем, что в очень многих случаях слова приводятся без конкретизации их значений, при этом чаще всего это связано именно с отсутствием в говорах отдельных понятий, соотнесенных с разными состояниями наседки. Это часто подтверждается собирателями материала, в сообщении которых указывается, что существующие в говоре слова можно употреблять применительно к любому состоянию наседки.

Кроме того, об этом свидетельствуют также и многочисленные указания на то, что одно из употребляемых слов является исконным, в то время как другое квалифицируется носителями говора новым или малоупотребительным (ср., например, во многих се-

---

вестны памятникам с давних пор, ср., например, насѣдѣти — в значении «насиживать», «сидеть на яйцах» — отмечено в памятнике XII в. у Климента Смолят. Картотека ДРС.

верных говорах — *парунья* — старое, а *цыпля́тница* или *насе́дка* — новое, или во многих среднерусских говорах—*квоку́ха*, *клу́ха*, *клу́шка* — исконные, а *наседка* — новое и т. д.). Свидетельством подобного предположения является также и самая возможность употребления 4—5—6 названий для наседки, из которых 2—3 названия могут квалифицировать одно и то же состояние наседки (ср. приведенные выше примеры подобного употребления в говорах северо-запада).

Наконец, немаловажную роль при изучении вопроса об эволюции названий наседки в разных говорах играет характер их распространения. Так, на основании того, что в подавляющем большинстве русских говоров и, что особенно важно, также и говоров белорусского языка (см. карту № 1) представлены слова, образованные от звукоподражательных корней *кл-*, *кв-*, *клок-*, *квок-* можно предположить, что эти слова (*клу́ха*, *клу́ша*, *квоку́ха*, *квокту́ха* и др.) являются наиболее древними и были свойственны всем говорам русского языка.

В более позднее время развивается употребление слов, образованных от смыслоразличительных корней: насе́дка (от насиживать яйца), *пару́ха*, *пару́нья* (от парить — греть яйца), *цыпля́тница*, *цыпляту́ха* и т. п., *пискля́тница*, *курча́тница*, *куряня́тница*, *пыляня́тница* и др. (от названий цыплят).

При этом можно предположить, что слово *насе́дка* развилось в рязанских говорах, откуда оно в дальнейшем после присоединения Рязанского княжества к Великому Московскому княжеству получает распространение на территории вокруг Москвы и через них на территорию северо-запада. Рассеянное распространение слова *насе́дка*, наблюдаемое на других территориях, связано, видимо, уже с влиянием литературного языка. Образования от корня *пар-* (*паруха*, *парунья*, *паруша*), получившие со временем широкое распространение по территории севернорусских говоров, могут быть связаны с новгородским диалектом. На основании изучения эволюции новгородского диалекта можно предположить также, что *пару́ха* является более древним образованием, сохранившимся лишь в восточной части территории древней новгородской метрополии, как, впрочем, и некоторые другие древние новгородские черты (например, употребление *w* билабиального, произношение *ě* и *ô* под восходящим ударением и др.) [6]. На остальной части территории северного наречия русского языка употребляется слово *пару́нья*, образованное, видимо, позже по продуктивному типу склонения.

Образования от корня *цып-* (*цыпля́тница*, *цыпля́тиха*, *цыпнятúха* и др.), можно думать, являются более поздними, так как в восточной части территории северного наречия они имеют менее последовательный характер распространения и являются более

[6] См. «Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров». М., 1970, стр. 283.

разнообразными по характеру их оформления, ср. *цыплятúха*, *цыпнятúха*, *цыплячúха*, *цыплюха* (см. карту № 2). Кроме того, во многих говорах крайнего северо-востока слово *парýнья* представлено в исключительном употреблении. Наконец, об этом свидетельствуют показания носителей говоров о том, что слова с корнем *цып-* являются новыми или малоупотребительными (ср. БСТ, № 30, 132, 216, 259, 298, 367, 540, 621, 692, 1328 и др.).

Таким образом, тенденция к образованию названий наседки от смыслоразличительных корней в настоящее время широко представлена в говорах. Однако следует отметить, что она еще неполностью охватила изучаемую территорию русских говоров: почти отсутствуют подобные названия на территории юго-запада и в восточной части Костромской группы говоров. В связи с этим можно также предположить, что слово *насéдка* развилось в рязанских говорах в период обособленного существования Рязанской земли и Великого Литовского княжества (т. е. до XV в.). Возможно, именно этим объясняется тот факт, что в говорах юго-западной территории оно до сих пор не получило распространения. Почти неизвестно оно и в восточной части Костромской группы говоров. Однако, судя по тому, что слово *наседка* уже захватило в своем распространении Ярославские говоры, можно предположить, что его распространение относится по крайней мере к XVв., так как до XV в. территория ярославских говоров являлась достаточно обособленной, и многие инновации более раннего времени их не захватывали [7].

С другой стороны, на эту часть костромских говоров не распространились и инновации более северных, вологодских говоров (*парýнья*, *цыпля́тница* и др.). В связи с этим можно предположить, что они сложились в период обособленного развития вологодских говоров (XVI—XVII вв.).

---

[7] См. «Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров», стр. 310—315.

ОБ ОДНОМ ИЗ ЗНАЧЕНИЙ СЛОВА *СЕМЬЯ*

Н. П. ПАНКРАТОВА

В истории русского языка известны такие факты, когда отдельные значения общеизвестных слов в какой-то период времени кроме прямого смысла получали также и переносный. Порой этот переносный смысл удерживается в языке сравнительно недолго, не получив достаточно широкого распространения. Мы находим иногда такого рода реликтовые формы в отдельных видах

письменных источников. Следы их обнаруживаются и в современной диалектной среде.

В этом отношении представляет безусловный интерес слово *семья* в значении 'жена'. На этот факт обратил внимание Б. А. Ларин [1]. Он рассматривает несколько значений слова *семья* в старославянском и древнерусском языке, показывая, как из собирательного возникали отдельные узко-конкретные значения этого слова.

В XVI—XVII вв. слово *семья* приобрело переносное значение, являющееся синонимом слова *жена*, употреблявшееся преимущественно в разговорной речи. Свое наблюдение Б. А. Ларин подтверждает примерами, относящимися к этому времени. Принадлежность разговорной речи мотивируется характером источников, в которых они обнаружены. Все документы, в которых встретилось слово *семья* в значении 'жена', могут быть отнесены к деловым записям, содержащим в себе и элементы личного, что позволило отнести их язык к разговорному [2]. Сам по себе этот факт очень важен, так как это указание на конкретную лексическую единицу разговорного языка XVI—XVII вв. Б. А. Ларин предполагает, что слово *семья* в значении 'жена' использовалось в речи средних, а затем и высших сословий. В настоящей статье наблюдения Б. А. Ларина уточнены на материале важной группы источников — частных писем XVII в. [3], в которых слово *семья* неоднократно употребляется в указанном значении.

Значение 'жена' для слова *семья* действительно является редким. В «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского подобного значения для слова *семья* не зафиксировано. Не встретилось оно и в «Словаре Академии Российской» и «Словаре церковно-славянского и русского языка». Можно предположить, что слово *семья* в значении 'жена' в ранних памятниках древнерусского языка (до XVI в.) не употреблялось. Отсутствие его в последних двух словарях объясняется тем, что оно было свойственно разговорной речи, и, вероятно,

---

[1] См. Б. А. Ларин. Из истории слов. «Памяти академика Льва Владимировича Щербы». Л. 1951, стр. 195—197.

[2] См. В. П. Шляпин. Акты Вел.-Устюж. Мих.-Арханг. монастыря, ч. 2. Великий Устюг, 1913, стр. 174, Вкладные книги Антониева Сийского монастыря 1576 г. Чтения ОИДР, кн. 2. М., 1917, стр. 21. Переписные книги Ипатьевского монастыря, 1595 г. Чтения ОИДР, кн. 3. М., 1890, стр. 55. Письма и бумаги имп. Петра Великого, т. VII, стр. 242.

[3] Материалом для настоящей статьи послужили частные письма XVII в., опубликованные в книгах: С. И. Котков, Н. П. Панкратова. Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII—начала XVIII века. М., 1964 — И; $М_2$ — фонд Масловых, П — Пазухиных, С — Квашниных—Самариных. Московская деловая и бытовая письменность XVII века. Изд. подг. С. И. Котков, А. С. Орешников, И. С. Филиппова. М., 1968 — МП; Отдел I — письма. Грамотки XVII—начала XVIII века. Изд. подг. Н. И. Тарабасова, Н. П. Панкратова, под ред. С. И. Коткова. М., 1969 — Г. Цифры обозначают порядковый № письма в издании.

именно на этом основании составители упомянутых словарей не сочли возможным его включить, воспринимая как просторечное. Б. А. Ларин отмечает, что слово *семья* со значением 'жена' известно современным говорам верхнего Поволжья и Дона [4]. О диалектном использовании слова *семеюшка* говорится и в работе О. Н. Трубачева: «В русских диалектах интересно по своему значению олонецк. *семеюшка*: «ласкательное название для супругов; жена для мужа семья, и муж для жены то же; надежной семеюшкой чаще зовут мужа» (О. Н. Трубачев приводит цитату из «Словаря областного олонецкого наречия» Г. Куликовского — СПб., 1898, стр. 106) [5]. Таким образом, развитие значения слова *семья* — 'жена' ограничилось диалектными рамками, не найдя отражения в литературном языке.

Лишь в этимологических словарях русского языка есть указание на то, что слово *семья* может иметь значение 'жена'. М. Фасмер отмечает, что подобное значение используется в устном народном творчестве [6]. А. Преображенский сужает сферу бытования этого значения, указывая, что оно встречается в былинах [7].

Действительно, в былинах самых разнообразных циклов слово *семья* в значении 'жена' используется довольно часто. Фразы с этим словом строятся по одному образцу. Слово *семья*, как правило, поясняется. Пояснение как бы лишний раз подчеркивает необычное значение этого слова.

«Здравствуй, Грозный царь Иван Васильевич
Со своею с молодой семьей,
С молодой Авдотьей Романовной
Со своима со малыми детушкамы. . .» [8]

В этом примере повторяется один и тот же эпитет, относящийся к словам *семья* и *Авдотья Романовна*. Важно отметить, что вместе с семьей упоминаются детушки, которые не должны были бы упоминаться в случае, если бы слово *семья* в этом тексте обозначало 'группу людей, состоящих из родителей, детей, внуков и ближайших родственников, живущих вместе' [9]. Приведем еще несколько аналогичных примеров из былин:

«Ой же ты, моя любимая семеюшка,
Молода Настасья дочь Микулична!
Когда ты у мня, бедна, стала спрашивать,
Дак же я теперь начну тебе рассказывать. . .» [10]

---

[4] См. Б. А. Ларин. Указ. соч. (Конкретные примеры у Б. А. Ларина не приведены).

[5] См. О. Н. Трубачев. История славянских терминов родства. М., 1959, стр. 164—165.

[6] См. М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка, т. III. М., 1971, стр. 600.

[7] См. А. Преображенский. Этимологический словарь русского языка, т. 2. М., 1910—1914, стр. 275.

[8] Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, ч. I. М., 1862, стр. 387.

[9] См. Д. Н. Ушаков. Толковый словарь русского языка, т. IV. М., 1940, стлб. 145.

[10] Былины. Русский героический эпос. М., 1938, стр. 147.

«Тихия Дунаюшка Иванович
Он выходит-то з-за столика дубового,
Из-за тых скамеёк окольниих,
От своей семеюшки любимоёй,

От молодой от Настасьи-королевичной. . .» [11]

«Провожала Добрыню любимая семья
Молода Наталья дочь Никулична. . .» [12]

«Здравствуешь, Добрыня сын Никитинич
Со своей да с любимой семьей
С той было Маринушкой Кайдальевной
А й Кайдальевной да королевичной!» [13]

Обратимся теперь к частным письмам XVII в. Ранее уже не раз отмечалось, что эти источники, с их безыскусственным изложением, наиболее близки к разговорной речи своего времени.

Случаи употребления в частных письмах XVII в. слова *семья* в значении 'жена' можно разделить на две группы: в первую входят те, которые бесспорны, ко второй относятся случаи, когда возможны и другие толкования этого слова. Примеры таковы: бѫди племянника своего Дмитрия до семи ево а нше*и* дщери Домны и до дете*и* их до Василя і *Дмитрия* млтив Г, 217 — как и в приведенном выше тексте из былин, слово *семья* здесь поясняется и, кроме того, отдельно упоминаются дети. То же самое наблюдается и в следующих примерах (без упоминания детей): ѫ кнзь Ивана Григоревича Кѫракина семіи кнгни Ѳедоси Алеѣевны не стало МП, I, 2е; а что гсдрь бгъ изволил тебя гсдря моево такою полѣзнию что семи твое*і* гсдрни Олены Ѳедоровны не стало Г, 5 (в последнем примере, по-видимому, после слова полѣзнию пропущено «наказать», «посетить» или что-то подобное). В эту же группу примеров может быть включен и следующий: а что гсдрь твоихъ денег есть на Костянтиновскои семъе и она ннеча вышла замѫж за мѫрашкинскова воеводѫ Г, 56 — из текста видно, что речь идет об одном человеке — жене Константина — Костянтиновскои семъе, которая кому-то должна деньги.

В следующих примерах слово *семья* может быть истолковано в том же значении, потому что вместе с *семьей* — 'женой', которая не названа по имени, перечисляются и другие члены семейства, входящие в его состав — *матушка*, *детушки*: гсдрь Ѳедотъ Дмитревичь здравствуі ѡ гсдѣ с матушкою и *с* семьею и *з* детушки И, $М_2$, 128; здравствуіте гсдри моі дядюшки сь сетрицами (так!) своіми і сь семями а с моіми тетѫшъками і сь детушки своіми на множество лѣтъ И, $М_2$, 157; ѡ сем гсдрь здравствуі с матуш. . . и с семею и з детушки И, $М_2$, 126; за сим здравствуі с матушкою

[11] Былины. Русский героический эпос, стр. 172.
[12] Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, стр. 130—131.
[13] Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г. СПб., 1873, стр. 29.

и семъею на веки И, $М_2$, 117; вели ко *мнѣ* писат о своемъ многолѣтномъ здоровъе и про здоров*е* семъи своеі и дѣтѹшек своих И, П, 35; по сем здравствуі гсдрь моі с семею и *з* дѣтушки И, С, 14; по сем буди гсдрь моі бгом храним во вся дни лет живота твоего с семею и *з* дѣтушки И, С, 15; землі отвесть чѣм бы мнѣ с семьеи своеи и *з* дѣтмі прекормитца (так!) Г, 472.

В картотеке ДРС также имеется несколько примеров, в которых значение 'жена' может быть соотнесено со словом *семья*. Все они взяты из частных писем и челобитных неофициальных лиц и датируются XVII в., что лишний раз подтверждает принадлежность этого словоупотребления народно-разговорному языку. Приводим эти примеры: отъ Лукьяна Мануйлова сына семьи моеи Натальи челобитье, дочеремъ моимъ и сродникамъ всимъ челобитье (Ревел. а. I); а здѣся, господине, семья твоя и сынъ твой, далъ богъ поздорову (Польск. д. I); царю государю. . . биетъ челомъ и являетъ сирота твоя государева Марьица Семенова дочи Шадрикова, а Леонтиева семья Іванова сына Толстоухова (АХУ I); взяли на гсдрвъ. . . обиход. . . у астроханског посадцког члвка у Обросимовские семьи Никитина у Ирины десят четвертеи муки (Астрах. а.); старецъ Некрасъ о той кабалѣ посылалъ въ дивичь манастырь Рожества Пречистые къ бывшей своей семьѣ къ старицѣ (АЮБ I).

Об этом же значении слова *семья* свидетельствует и небольшой текст-диалог, касающийся угощения гостя, помещенный в грамматике Г. В. Лудольфа (1696 г.): «Пожалуй куши, не побрезгуй нашим кушением. — Я дожидаюся твою семью, жену. — Она еще в поварне. — Право, я не стану есть, покамест она не пришла. — Барен (парень) малец, поди в поварну и позови Ивановну. . .» [14]

Однако в частных письмах XVII в. встретилось несколько примеров, в которых значение слова *семья* определяется как 'группа людей, состоящая из родителей, детей, внуков и ближайших родственников, живущих вместе': ты *ж* ко мнѣ писал про подворе что сыскат и подворя сыскат негдѣ будетъ изволиш и у меня не семья ѧ рад и к себѣ а ѡлѣѕеевы хоромы ѕаняты живут в них две семи И, П, 37.

В следующих двух примерах употребляется собирательное местоимение *вьсь*, что, очевидно, не имело бы места, если бы речь шла только об одном человеке — жене: а я сирота твои со всею семею захворал Г, 56; а людеи отпустил со всеми семями И, П, 30. В этих примерах слово *семья* используется в современном значении. Они вполне четко различаются и не могут быть спутаны с теми случаями, в которых значение слова *семья* квалифицируется как *жена*.

---

[14] Б. А. Ларин. Русская грамматика Г. В. Лудольфа. Л., 1937, стр. 49.

Таким образом, в рассмотренных частных письмах XVII в., наряду с распространенным в современном языке прямым значением слова *семья*, обнаруживается употребление этого слова в значении 'жена', 'супруга'.

Зарегистрированные в частных письмах случаи употребления слова *семья* в значении 'жена' относятся к XVII в. В языке древнерусских источников (до XVI в.) этого значения не отмечено.

Использование слова *семья* в значении 'жена' не только в частных письмах, но и в былинах подтверждает мнение о народно-разговорной основе этого словоупотребления.

ФРАЗЕОЛОГИЗМ *ДАЙ (МИ) СВЕТ ВИДЕТЬ* В НОВГОРОДСКОЙ БЕРЕСТЯНОЙ ГРАМОТЕ XIV в.

С. С. ВОЛКОВ

Открытие в 1951 г. первых новгородских грамот на бересте и публикация обнаруженных затем во время археологических раскопок более чем 420 древнерусских берестяных памятников письменности XI—XV вв. явилось событием огромного культурно-исторического значения. Значимость новгородских берестяных грамот для русской науки заключается и в самом факте обнаружения существования в XI—XV вв. развитой деловой и бытовой письменности, и в своеобразии ее бытования, и в том огромном информационном материале для различных областей науки (история, право, этнография, языкознание и др.), который содержится в берестяных грамотах из Новгорода.

Для историков русского языка — лексикологов новгородские берестяные грамоты являются неоценимым источником сведений о лексическом фонде русского языка того периода, от которого до нас дошло весьма ограниченное количество пергаменных и бумажных актовых и бытовых (эпистолярных и иных) источников. Среди опубликованных берестяных грамот к XI—XII и рубежу XII—XIII вв. относится 81 берестяная грамота, к XIII—XIV и рубежу XIV—XV вв. — 252 берестяных грамот [1]. Даже одиночное употребление слова или использование его в неясном контексте (в обрывке грамоты) имеет решающее значение для датировки огромного количества слов и терминов, лексических заимствований и фразеологизмов как местного, так и общевосточнославянского характера. В берестяных грамотах мы зачастую

[1] При подсчетах использованы данные, приводимые Л. В. Черепниным в исследовании «Новгородские берестяные грамоты как исторический источник» (М., 1969, стр. 26—27).

обнаруживаем те лексико-фразеологические элементы, которые по данным исторических словарей и словарных собраний (таких, как Картотека Древнерусского словаря в Институте русского языка АН СССР) на основании письменных источников относятся якобы только ко второй половине XVI или XVII в. И что существеннее — показания берестяных грамот (точнее, грамоток), которые следует отнести к частной, семейно-бытовой переписке, убеждают нас в бытовании этих слов, терминов, фразеологизмов в обиходно-бытовой речи. Один из таких фразеологизмов и связанное с его пониманием чтение отрывка берестяной грамоты рассматривается в этой статье.

Отрывок берестяной грамоты № 305, относящейся к XIV в. или рубежу XIV—XV вв. [2], привлек внимание исследователей историков и лингвистов. Грамота не читается полностью:

«. . . у мьнь коня познали, и я о. . .динь, коню зову, и [здесь возможно десятеричное «и», или разделительный знак] сьи [также либо десятеричное «и», либо разделительный знак], осподинь, коню нь едь. Азъ, осподинь, в томъ копи [=кони] по. . . Даи ми, ...одь. ., света видить. . . А т. . . и р. . .» [3]

А. В. Арциховский не дает толкования текста. В. И. Борковский восстанавливает некоторые несохранившиеся места и предлагает следующий перевод: «. . . у меня коня познали (т. е. «признали»; в данном случае — признали, что купленый конь является украденным, куплен у укравшего); и я, господин, зову «конь», и этот, господин, конь не едет. Я, господин, в том коне (в значении: в покупке того коня). . . по. . . (возможно: «поручника» или «послуха», т. е. свидетеля знаю): пусть даст мне господь света видеть. . .».

Останавливаясь на последнем выражении «пусть даст мне господь света видеть», В. И. Борковский считает, что оно употреблено не в прямом смысле, а как клятва. Весь текст «имеет весьма поэтичный облик: с прямой речью — обращением к полюбившемуся, столь необходимому в хозяйстве коню, с звательным падежом на месте именительного, что сближает текст с народно-песенным творчеством, и с поэтичной народной клятвой» [4].

---

[2] А. В. Арциховский и В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1956—1957 года) (далее — НГБ). М., 1963, стр. 135—136.

[3] Примеры из берестяных грамот и других источников передаются в орфографии источника. Заменяются буквы 0, s, i, ѹ, оу, ѕ, ѡ, Ѳ, ѣ, и (соответственно: ф, з, ц, у, о, от, е, я), юсы (=а, я, у, ю). Выносные буквы вводятся в строку; сокращенные написания сохранены, но знак титла не используется. Восстанавливается пунктуация. Буквенная цифирь заменена арабскими цифрами. Все дополнения в цитатах даются в круглых скобках, а замечания — в квадратных. (Список сокращенных обозначений словарей и источников приводится в конце статьи).

[4] А. В. Арциховский и В. И. Борковский. НГБ (1956—1957), стр. 179—180. См. также В. И. Борковский. Заметка о трех берестяных грамотах. Вопросы грамматики. Сборник статей к 75-летию акад. И. И. Мещанинова. М.—Л., 1960, стр. 252.

Л. В. Черепнин, именуя грамоту № 305 письмом, видит в ней «картинку, вырванную из жизни», описывающую «при известной образности языка. . . довольно прозаический случай», который соответствует правовым нормам статьи 66 Псковской судной грамоты: дворянин-пристав взял у того, по чьему делу он выполнял езды (вызывал в суд кого-то) коня, но этого коня опознали как имущество, ему не принадлежащее, и забрали, дворянин-пристав должен ехать по судебным «позвам», но не может использовать для поездки коня. Именно так, очевидно, нужно понимать слова: «я, о[спо]динь, коню зову, и сьи, осподинь, коню не едь». Дворянину-приставу известен человек, за порукой которого он взял коня, и ссылаясь на поручителя, он просит снять арест, на коня наложенный. Слова «. . .дай ми, [осп]одь, света видить» можно понимать как клятву, но возможно рассматривать их и как реальную просьбу дворянина-пристава: дать ему возможность продолжать свою деятельность, позволить ему дальше совершать «езду» по белу свету, выполняя судебные поручения» [5].

Если рассматривать основную часть грамоты, то к конъектурам, которые были сделаны В. И. Борковским: «и я, о[спо]динь в томь кони по[ручника, или послуха, знаю]», следует, по-видимому, добавить дважды пропущенный (точнее слившийся с последующей буквой) предлог «к»: «[к] коню зову»; «[к] коню нь едь.» На этот пропуск указывает само содержание грамоты, в которой слово *конь* употребляется не только в прямом значении («у мьнь коня познали»), но и метафорически: «в томъ кони», т. е. в покупке того коня (В. И. Борковский), а также «[к] коню зову», т. е. приглашаю, вызываю на следствие, на судебное разбирательство о том коне [6]; «и сьи. . . [к] коню нь едь», т. е. сей (истец; лицо, обвинившее автора грамоты в похищении или присвоении коня) не едет на следствие, на суд о спорном коне. Случаи написания в стоящих рядом словах одной совпадающей буквы вместо двух в целях экономии места или при скорописании (употребляя термин Н. Н. Розова) наблюдаются уже в древнейших рукописях, ср. примеры, приводимые Е. Ф. Карским: отебе (=от тебе), отолѣ (=от толѣ) и др. [7] Часты такие написания и в новгородских берестяных грамотах, например: «поклоно отнуфрѣя [=от Онуфрѣя] ко пос. . .», № 98, XIV в.; «приказ от Григориѣ ко Домонѣ

---

[5] Л. В. Черепнин. Указ. соч., стр. 337—338.

[6] Ср. в «Материалах» И. И. Срезневского употребление глагола *звати* (*позвати*) в значении 'приглашать (пригласить), вызывать (вызвать)' с предлогом «к» и дательным падежом местоимения или существительного (к собѣ, к суду), см. также: «А кто на кого челомъ бьетъ, дворяне и подвоиские *позовутъ къ суду*, а онъ не станетъ у суда — и на того намѣстници дадутъ грамоту правую бессудную». Уст. гр. в. к. Василия Дмитриевича Двинской земле 1397 г. (Гр. Новг. и Псков. № 88, стр. 145). «А кому будет о земле дело. . ., ино ему до суда на землю не наежщать (!) . . . а о земле *позвати к суду*. Новг. Судн. гр. 1471 г., ст. 7 (ПРП, 2, стр. 213).

[7] Е. Ф. Карский. Очерк славянской кирилловской палеографии. Варшава, 1901, стр. 250.

и ко Репеху. Наряжяистебку [=наряжяи истебку]. . .» № 134, XIV в. [8] и др.

Следовательно, текст этой части грамоты № 305 следует читать так: «. . . у мьнь коня познали, и я, о[спо]динь, [к] коню зову, и сьи, осподинь, [к] коню нь едь. Азъ, осподинь, в томъ кони по[ручника, или послуха, знаю] . . .»

Действительно, перед нами отрывок грамоты, в которой излагается весьма обыденный случай: у автора грамоты обнаружили похищенную или пропавшую собственность — коня («у мьнь коня познали»), обвиненный вызывает истца на следствие или на суд об этом коне («и сьи, осподинь, к коню нь едь»). Обвиненный имеет свидетеля или поручителя в деле о спорном коне («язъ, осподинь, в томъ кони по. . .»). Таким образом, весь описываемый казус соответствует не столько правовым положениям статьи 66 Псковской Судной грамоты (ничего в тексте грамоты не говорится о том, что обвиненный является дворянином, что он выполняет обязанности пристава и т. д.), сколько юридическим нормам статьи 38 Русской правды, которая имела «хождение в Новгороде в качестве правового кодекса» [9]. Статья эта гласит: Аще кто познает (ср. «познали» в анализируемой грамоте) свое, что будеть погубил или украдено у него что, или конь, или порт, или скотина, то не рци и: се мое, но поиди на свод, кде есть взял; сведитеся, кто будеть виноват, на того татба снидет, тогда он свое возметь. . . (Троицкий I список, ст. 38, ПРП, в. I, стр. 111), ср. статьи 13 и 14 Академического списка краткой редакции (ПРП, в. I, стр. 78).

Таким образом, берестяная грамота № 305 — это жалоба на судебную волокиту, на того, кто обвинил автора грамоты в похищении или присвоении пропавшего коня, но уклоняется от следствия или судебного разбирательства. На то, что рассматриваемая грамота является челобитьем, жалобницей (челобитной, по терминологии конца XVI и XVII в.) указывает и сохранившееся в ней выражение «даи ми . . . одь. . . света видить».

В исторических словарях и картотеках существительное *свет* отмечается в памятниках древнерусской письменности с древнейшей поры в значениях: ‘противоположность тьме’, ‘рассвет, утро’, ‘сияние, блеск’, ‘духовная истина, разум, просвещение’, ‘светило, носитель духовной истины’, ‘мир, земля, вселенная’, ‘мир, жизнь’, ‘как ласкательное обращение’ и др. Используется слово *свет* и в ряде устойчивых словосочетаний: *еще свет* ‘засветло’, *свет очию*, *свет светлый* ‘как ласковое обращение’, *отец светом* ‘бог’, *чадо* (*сын*) *свету* (*света*) ‘последователь христианского учения’, *свет сий* (*оный*) ‘земная (загробная) жизнь’, *от-*

---

[8] А. В. Арциховский и В. И. Борковский. НГБ (1953—1954). М., 1958, стр. 25 и 79.

[9] А. А. Зимин. Новгородская Судная грамота. Введение. Памятники русского права, вып. 2. М., 1953, стр. 210.

ходить сего света ‘умирать’. Подавляющее большинство приведенных устойчивых выражений имеют религиозный характер, являются книжными (Срезн., III, 295—297). Сочетания *видеть свет* исторические словари не отмечают, глагол *видеть* представлен в них лишь в свободных значениях ‘воспринимать зрением’, ‘смотреть’, ‘размыслить’, ‘сообразить, понять’ (Срезн., I, 259 и Д, 34).

В памятниках XVII в. сочетание *видеть свет* используется и в прямом смысле как свободное словосочетание со значениями слов *свет* и *видеть*, указанными выше, и в качестве устойчивого словосочетания [10].

В качестве свободного выступает сочетание слов *свет* и *видеть*, например, в следующих цитатах: Чтобы намъ тою нововводною никоницкою книгою. . . превеликия милости и заступления не лишитися въ нынѣшнии вѣкъ и въ будущии, о неи [милости божьей] же мы *свѣтъ видим* [‘находим, усматриваем, признаем духовную истину, духовное просвещение’] и всю надежду нашу имѣемъ (Суб. Мат. Чел. Ник., 1669, ДРС) и др. Ср. на рубеже XVII—XVIII вв.: Такожде есть въ томъ произхождение къ великой славѣ его ц. в., дабы весь *свѣтъ виделъ* [‘мир (государства мира) сознавал, понимал, был свидетелем’], что всѣ обѣщания рѣчи посполитой. . . содерживаетъ (Птр, VII, 588—589, 1708. ДРС). Очевидно, свободный характер имеет сочетание *видеть свет* и в цитате из сибирских актов: Пришла стужа и обмороки [‘темнота, мрак’] великие, *свѣту не видели* [‘не было светлой части дня’] (РИБ II, 1061, 1673 г. ДРС), хотя здесь можно предположить и связное, единое значение обоих элементов — «мучились, страдали, плохо жили».

В письменности XVII в. словосочетание *свет видеть* выступает также и в качестве устойчивого словосочетания. Прежде всего это относится к *свет видеть* в значении ‘обладать зрением, быть зрячим’: Царь Киркоус и дядя его, княз[ь] Залазар, и 12 богатыреи его помазали себѣ кровью очи и печенью Зелени царя, и онѣ прозрили: всѣ стали [вольной] свѣтъ видети (Уруслан, XVII в., сп. XVII в. ДРС). В приведенной цитате выражение *стали [вольной] свѣт видети* является образным синонимом к *прозрели* ‘избавились от слепоты, стали зрячими’, ср. в русских народных песнях: Красная дѣвушка слезно плачет. Въ слезахъ свѣту не видитъ [‘ослепла, потеряла возможность видеть’], Въ воздыханьѣ слова не промолвитъ: «Хорошо тому на свѣтѣ жить, Въ кого есть отецъ и мать» (ВНП II, стр. 5, Калужская губ.).

В актах XVII в. (в официально- и частно-деловых челобитных) и в эпистолярной письменности представлен также эмоцио-

[10] Примеров употребления фразеологизма *свет видеть*, относящихся к более раннему времени (до XVII в.), в Картотеке Древнерусского словаря XI—XVII вв. (хранится в Институте русского языка АН СССР) нет.

нально-экспрессивный фразеологизм *дать видеть* (*увидеть*, *видать*) *свет* кому (кому-н., кем-н.) в значениях ‘помочь, поддержать, оказать милость, вернуть к обычной жизни кого-н.’, ‘помочь выйти из трудного положения кому-н.’ Приведем несколько примеров:

В официально-деловых челобитных: Бил я [суздалец Я. С. Евской] челом. . . . тебѣ, государю милосердному царю, чтоб ты. . . мнѣ, холопу своему бѣдному, *свет дал видеть* [‘помог, вывел из трудного положения’], что у меня взял князь Дмитрѣи Михайловичь Пожаръской перстень твоей царьской казны, а дан был [‘куплен, приобретен’] у меня. . . 10 рублев. . . И. . . рекся ты, милосердый царь, меня пожаловать. . ., вели мнѣ дать деньги из своей царьской казны (СПП, I, 19—20, 1613). Таким образом, челобитчик просит «дать ему видеть свет», т. е. вывести его из трудного положения, в которое он попал в связи с потерей купленного им перстня, оказавшегося принадлежностью царской, разграбленной в смутное время казны. Немец Я. Родов, выехавший на службу к самозванцу, просит у Я. Сапеги поддержать его просьбу о поместье: Милосердый Янъ Петръ Павловичъ Сапѣга. . ., отпиши къ. . . государю и челобитенку мою пошли. .., чтобъ мнѣ. . . твоею великою милостию въ вѣки мочно было хвалитись и тобою бъ, великимъ своимъ государемъ, *свѣтъ увидѣти* [‘выйти из трудного положения: получить необходимую помощь’], а покаместа. . . АИ II, № 127, 153, 1608—1609 г.

Интересно использование рассматриваемого фразеологизма в одном из судебных дел по «государевым словам и делам». Елецкий чернослободский поп Григорий был посажен в тюрьму. Там в утренней молитве он молился за патриарха. Архиепископий десятильник, проходя мимо тюрьмы, услышал это и выразил попу свое возмущение тем, что поп поминает в своей молитве не архиепископа, а патриарха, и пригрозил попу, что тот «останет скуфьи и головы». Арестанты, слышавшие разговор, заявили «слово и дело» об оскорблении патриарха, отца царя. На допросе поп показал, что на упреки десятильника он заявил следующее: Какъ де мнѣ за в. г. св. Ф. Н. [патриарха] Бога не молить, онъ мнѣ *далъ свѣтъ видѣть* [‘помог, поддержал, вернул к обычной жизни’]: вышелъ де я изъ полону, и онъ, г., меня поилъ и кормилъ и въ попы поставилъ беспошлинно (Сл. и д. I, № 46, 55, 1630). Арестанты передали слова попа так: Какъ де мнѣ за г. Бога не молить, онъ де, г., меня *пустилъ на свѣтъ*: вышелъ де я изъ полону, и онъ де, г., поставилъ меня въ попы (Там же, стр. 54); Какъ де за в. г. с. Ф. Н. Бога не молить, я де отъ него, г., *воскресъ* (Там же, стр. 54).

Таким образом, фразеологизм *дал свет видеть* заменяется синонимичным фразеологизмом *пустить на свет* или глаголом *воскреснуть* от кого-н. ‘вернуться к обычной жизни, своим занятиям с чьей-н. помощью’. Ср. в помете дьяка о решении по делу: а тотъ попъ, сидячи въ тюрьме молилъ Бога за г. с. п. и государ-

скую с. п. *милость вспоминалъ*, что его въ попы поставилъ и пошлинъ имать не велѣлъ. . . (Там же, стр. 55).

Фразеологизм *дать видеть свет* находим и в челобитной попа Прохора, посаженного в тюрьму за то, что он сказал «государево слово внѣ ума»: Милосердый. . . г., пожалуй меня, богомольца своего многогрѣшнаго и виноватаго. . ., вели, г., пожаловать, мою страдничью вину положить на милость свою государскую и для своихъ г. чадъ благородныхъ *свѣтъ видеть дать* ['вернуть к обычной жизни', т. е. выпустить из тюрьмы] (Сл. и д. I, № 260, 479, 1637 г.).

Встречается рассматриваемый фразеологизм и в частно-деловых челобитных. Его используют, например, и крестьянин Е. Клементьев, умоляя своего помещика освободить его от оброка вином: Помилуй, гсдрь, бѣдного сироту, взозри на беспомошного, *дай бѣдному свет видать* ['окажи милость', 'помоги'], не даи бѣдному вконец погинуть. ИНРЯ, Ч., № 21, 233, 1671 г.; и крестьяне стольника Самарина, которые просят сменить жестокого приказчика: Перемѣните, государи наши, приказнова сего человека, перемѣните, смилутеся (!), гсдри, и пожалуте (!), *даите бѣднымъ светъ видить* (ИНРЯ, С., № 65, 208, XVII—н. XVIII в.).

То же самое обнаруживаем и в частных письмах: И я [поп Ефрем], црьскои и твои бгомолец, об том тебѣ писал: та твоя крестьянка Ирина Богъдановская жена и [с] сыном Хмелиною мнѣ дѣти дховные, и воровства за ними никава (!) не слыхат(ь) и извѣтов и явок ко мнѣ ни от ково на них не бывало. Пожалуй их, бѣдных, князь Сергѣи Василевич, не двигни ихъ с своего подворьишка, *даи бѣднымъ свѣт видети* ['разреши жить по-прежнему', 'не губи'] (Гр., № 468, 288, XVII—н. XVIII в.) и др. В частных письмах представлен также фразеологизм *видеть свет* о ком-н. 'радоваться, быть счастливым, жить полной жизнью возле кого-н., вместе с кем-н.': И ты, гсдрь [Г. А. Воронин] ко мнѣ [сестре Прасковье] приѣд(ь) празноват(ь) на Егорев ден(ь), а яз, гсдрь мои приятель, *объ тебѣ и свѣт вижу*, по том тебѣ, гсдрю, мало пи(шу), а много челом бью (Гр., № 116, 68, XVII—н. XVIII в. сравните также: А мне [Т. И. Голицыной], свѣт мой [В. В. Голицын], слышачи такие вести и *на свѣт глядеть* ['жить'] не хочетца (МДПБ, I, № 2 ж, 18, 1677 г.); И вы, Петрушко, пишетѣ [вм. пишите], нет ли от гсдря вам кручины, я с кручины *не могу на свет глядѣть* ['страдаю, мучаюсь', 'не могу жить спокойно'], отпишите (!), коим числом сделалось [что Иван Васильевич ушел со службы] (Гр., № 107, 64, XVII—н. XVIII в.).

Приведенные примеры показывают, что фразеологизм *дать видеть* (*видать*, *увидеть*) *свет* достаточно широко употреблялся в XVII в. в тех видах письменной речи (официально- и частноделовые челобитные, частные письма), которые в большей степени, чем другие письменные источники, связаны с разговорно-бытовой речью и отражают ее. Фразеологизм этот, как и близкие

к нему *пустить на свет*, *глядеть на свет*, носит разговорный и эмоционально-экспрессивный характер. В словарях конца XVIII—начала XIX в. мы находим уже *увидеть свет* ‘родиться’, ‘получить облегчение от болезни’ (САР, Словарь П. С. и последующие словари). В словаре В. И. Даля приводятся близкие по значению пословицы: кѣмъ миръ *свѣтъ увидѣлъ*, того и обидѣлъ (кого *свѣтъ увидѣлъ*, того и обидѣлъ, всякого), Кѣмъ человѣкъ свѣтъ увидѣлъ [‘кто помог, поддержал’], того и возненавидѣлъ. (Даль, IV, 157). Ср. также в современном русском литературном языке фразеологизм *не видеть* (*взвидеть*) *света* ‘не иметь покоя, страдать от чего-н’, самым непосредственным образом связанный с рассматриваемым нами выражением *дать видеть* (*видать*, *увидать*) *свет* ‘помогать (помочь) кому-н., поддерживать (поддержать) кого-н.; избавить от мучений, страданий; возвратить кого-н. к обычной жизни’.

Следовательно, данные памятников XVII в. показывают, что заключительную часть обрывка новгородской берестяной грамоты № 305 следует читать следующим образом:

«. . .даи ми, [осп]од [ин]ь, света видить. . . А т. . . и р. . .», т. е. автор грамоты, изложив обстоятельства своего дела, обращается к кому-то с просьбой поддержать его, дать ему возможность продолжать жить прежней, нормальной жизнью, помочь ему снять с себя обвинение в краже коня.

Использование фразеологизма *дай ми* (*мне*) *света видеть* в берестяной новгородской грамоте № 305 является первым известным нам случаем его употребления в древнерусской письменности и доказательством того, что уже в XIV в. он был обычным в разговорной речи на новгородской территории и как экспрессивно-эмоциональное средство использовался в челобитьях (жалобницах, челобитных) того времени.

Поскольку фразеологизм *дай свет видеть* не употребляется в украинском, белорусском и других славянских языках, а в московской деловой и бытовой письменности он появляется лишь в XVI—начале XVII в., естественно предположить, что выражение *дай свет видеть* было усвоено московским деловым языком (где стало одним из элементов, характерных для челобитных) из деловой письменности Новгорода, новгородских грамоток — челобитий.

К ИСТОРИИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ, ВКЛЮЧАЮЩИХ СЛОВОСОЧЕТАНИЕ *СИНЬ ПОРОХ*

Т. А. ИВАНОВА

Слово *порох*, употребляемое в современном русском языке в значении взрывчатого вещества, применяемого для изготовления снарядов и патронов, входит в состав ряда фразеологизмов, связь которых с указанным значением совершенно очевидна: *держать порох сухим*, *пахнет порохом*, *не нюхать пороху*, *есть еще порох в пороховницах*, *пороху не хватает*, *пороха не выдумает*, *даром тратить порох*.

Кроме того, во всех словарях современного русского литературного языка под словом *порох* приводятся еще фразеологизмы, включающие словосочетание *синь порох*, семантическая связь которых с современным значением указанного слова представляется неясной и сомнительной. Вот как толкуются эти фразеологизмы, например, в «Словаре современного русского литературного языка»: «Н и с и н ь (синя, синего) п о́ р о х а (по́роху). Ничего. (В комнате) не осталось уже ни одной моей вещи, положительно, что называется, *ни синя пороха*. Леск. Смех и горе, 26. — Сказано, порядок чтоб был, не езди никто из домов, чтобы *ни синь пороха* не вывозить! Л. Толст. Война и мир, III, 12 (К а к, ч т о) с и н ь - п о р о х в г л а з у. Устар. а) О комлибо очень близком и дорогом. — Будет ли Прошка любить вас так, как я? Поглядите, какой он озорник: ни одной женщине проходу не даст. . . Вы у меня, *что синь-порох в глазу*! Гонч. Обыкн. ист. I, I. — Ведь одна она у меня. . . — шептал он. . . — *Как синь-порох в глазу*. Мам.-Сиб. Пир горой, 4. б) О ком, чемлибо назойливом, мешающем, надоедающем своим постоянным присутствием. — Поди, старик, отопри, — молвила старуха: — что-то сын наш больно грустно кричит. . . аль нерадостну весть несет. — Какой тут быть вести. . ., кроме той, что мы оба ему *синь-порох в глазу*. «Даль, Петруша с Параней» (т. 10, стлб. 1392).

Фразеологический словарь под ред. А. И. Молоткова как в определении значений и их последовательности, так и в подборе иллюстративного материала следует за академическим словарем, снабжая, правда, и первый фразеологизм пометой «устар». Последняя помета имелась уже и в Словаре русского языка (в четырех томах).

Следует заметить, что употребление устойчивого словосочетания *синь* (*синий*) *порох* в русском литературном языке XIX в. было более широким, чем это отмечено в современных словарях. Ср. «Я мог бы. . . описать все подробности офицерской квартиры *до синего пороха*» (Марлинский, Испытание)[1]; «. . .и все, все

[1] А. А. М а р л и н с к и й. Полн. собр. соч., т. I. СПб., 1832, стр. 1.

до капельной капельки, *до синь-пороха* ему рассказала» (Лесков, Житие одной бабы) [2]; «Я ему ни слова не говорю, перебил все *до синя пороха*, однако чего искал, не нашел» (Писемский, Леший) [3]; «Придет с барщины и прямо в темный чулан ляжет: на своей работе *синя пороха* не переложит. . .» (Писемский, Леший) [4]; «Только ведь сам ты знаешь, что в рыбном деле я на *синь-порох* ничего не разумею» (Печерский, На горах) [5].

Во всех этих случаях так же, как и во фразеологизмах, отмечаемых словарями, словосочетание *синь порох* имеет значение 'самая малость', т. е. оно синонимично однокоренному *порошинка* — 'пылинка, мельчайшая частица чего-либо'. Ср. «Келья была просторная, чистая — нигде *ни порошинки*» (Печерский, В лесах) [6]; «Разоренье, распродажа . . . всего имущества, *до последней порошинки* . . . все это следовало с необыкновенной быстротой» (Гл. Успенский, Кой про что) [7]. И особенно: «Отсохни у меня руки, лопни мои глаза, коли я от господского добра хошь *на синюю порошинку* пользовалась!» (Григорович. Переселенцы) [8]. Это сопоставление позволяет утверждать, что в фразеологических сочетаниях с прилагательным *синь* (*синий*) слово *порох* имеет более древнее и притом общеславянское значение, которое в «Словаре Академии Российской» было отмечено еще под номером первым: «*Порох*, по сл. *прах*. . . I) Пыль, мелкая высохшая земля . . . *Порох* в глаз попал. . .» (ч. V, стлб. 8—9).

См. то же значение в «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского: «Насыштяя ся многосластьнааго пития, помяни пиюштааго теплоу водоу, отъ слъньца въстопѣвъшу и тоу же пороха нападъшу отъ мѣста не завѣтрына» (Изб. 1076); «Церковь дьржи чисто, бес пороха и паоучинъ» (Поучение священникам ок. 1499) Это древнейшее значение праславянского корня* porch — до современности сохраняется в большинстве славянских языков. См. болг. *прах* 'пыль'; серб. *прâх*, чеш. prach, пол. proch, укр. *порох* — 'пыль' и 'порох'. Утраченное в русском литературном языке, оно известно ряду современных русских диалектов. Так, по данным картотеки «Словаря русских народных говоров», это значение слова *порох* отмечено в московском говоре: «Бегаишь, бегаишь, инда душа *порохом* засорится»; в казанском: «Што ребенок куксится? Не *порох* ли ему попал в глаз?», а также в говорах Сибири, Прикамья и При-

---

[2] Н. С. Лесков. Собр. соч. в 11-ти тт.,т. 1. М., 1958, стр. 324.
[3] А. Ф. Писемский. Собр. соч. в 9-ти тт., т. 2. М., 1959, стр. 271.
[4] Там же, стр. 263.
[5] П. И. Мельников (Андрей Печерский). На горах, кн. 1. М., 1956, стр. 222.
[6] П. И. Мельников (Андрей Печерский). В лесах, кн. I. М., 1958, стр. 497.
[7] Гл. Успенский. Полн. собр. соч., т. 10, кн. I. М., 1953, стр. 241.
[8] Д. В. Григорович. Избранные сочинения. М., 1955, стр. 423.

онежья. При этом очень часто употребление этого слова в говорах близко к значениям, с какими оно выступает в исследуемых фразеологизмах. Ср. «Лукошко-то пустое, *ни пороха* не осталось»— ничего (костромск.). В недавно вышедшем под ред. Ф. П. Филина словаре фразеологизмов русских говоров Сибири отмечено устойчивое словосочетание «как порох в глазу» в значении 'единственный, дорогой': «Сыночек был один, *как порох в глазу*, он пропал» [9].

Следует заметить, что фразеологические обороты с *синь порох* также известны русским говорам. Так, например, Г. Куликовский отметил в олонецком наречии: «В избе *ни синя пороху*» [10]. Зарегистрированы они и в картотеке Псковского областного словаря и словаря русских говоров Карелии, хранящейся в Словарном кабинете ЛГУ: «Все украли, *сіня пороха* не оставили» (пск.), «Потом пришла машина, все забрали *до синего пороху*» (карел.).

Древнейшее общеславянское значение слова *порох*, сохранившееся в русском языке лишь в его диалектах, получило отражение в языке художественной литературы при передаче чужой речи: «В низях-то куда земля мягче пошла — *порох*! — толковали в другом месте (Писемский, Люди сороковых годов) [11].

Почему же *порох* — 'пыль, мелкая размельченная земля, сор' в рассматриваемых фразеологизмах называется *синим*?

По-видимому, определение-прилагательное сохранило в этих фразеологизмах свое более древнее и, возможно, общеславянское значение. Прежде всего необходимо отметить, что далеко не во всех славянских языках русскому хроматическому прилагательному *синий* соответствует то же слово. Так, в сербском языке для обозначения того же цвета спектра используется слово *плâв*, возможно, претерпевшее немецкое влияние. В чешском языке русскому *синий* соответствует этимологически неясное прилагательное modrý. Родственные формы известны и в других славянских языках. Например, серб. *мо̀дрило* — 1) 'синева, синь', 2) 'синька; *мо̀дрӣна* — 1) 'синева, синь', 2) 'синяк'; словенск. modríca 1) 'синева', 2) 'синяк', 3) 'василек'; modrílo — 'синяя краска'; болг. *модроо́к* — 'синеглазый', *мо́дра метла́* — 'василек'; *мо́дър* — 'синеватый', хотя *синий* в болгарском языке *син*; пол. modrooki — 'синеглазый'; modry — 'синий (о небе)'.

Приведенные параллели с несомненностью показывают, что современное хроматическое значение прилагательного *синий* в русском языке не может быть признано общеславянским. Однако

---

[9] «Словарь фразеологизмов и иных устойчивых словосочетаний русских говоров Сибири». Новосибирск, 1972, стр. 86.

[10] Г. Куликовский. Словарь областного олонецкого наречия. СПб., 1898, стр. 89. См. также Г. Г. Мельниченко. Краткий ярославский областной словарь. Ярославль, 1961, стр. 184; В. П. Тимофеев. Диалектный словарь личности. Шадринск, 1971, стр. 58.

[11] А. Ф. Писемский. Собр. соч. в 9-ти тт., т. 5. М., 1959, стр. 144.

несомненно и то, что это слово является общеславянским, так как производные от него имеются во всех славянских языках. Отметим, например, такие образования, как чеш. sinalý, -vý — 'посиневший'; польск. siny — 'посиневший', преимущественно о цвете лица и особенно серб. *сињи* — 'сероватый, пепельно-серый, сивый'. Эти факты позволяют утверждать, что первоначальное значение общеславянского прилагательного *синь* было иным, чем мы знаем его теперь в современных восточнославянских и болгарском языках. Хотя приходится согласиться с автором специальной монографии о славянских цветонаименованиях Г. Ерне в том, что первоначальное значение этого слова в праславянском все же остается довольно темным [12].

Большинство ученых считает, что *синий* родственно глаголу *сиять* и прилагательному *сивый*. При этом для *сиять* наряду с гот. skeinan — 'светить', 'блестеть' приводят греч. σκιά — 'тень', σκοτός — тенистый. Ср. производное от *сиять* цслав. *присоіе* — 'солнцепек' и серб. *осоје* — 'тенистое место' [13]. Прилагательное *синий*, а также *сивый* сближают с др. инд. çyāmás — 'черный, темный' и лит. šẽmas 'пепельно-серый', šývas 'светло-серый'. Более того, М. Фасмер заметил, что в церковнославянском языке прилагательным *синь* переводили греч. πελιδνός — 'посиневший, потемневший' и μέλας — 'черный, темный' [14]. В «Материалах» И. И. Срезневского приведены следующие примеры из «Жития Андрея Юродивого», где греческому μέλας соответствует славянское *синий*: «Железо *сине*. . . , въ огнѣ горѣмо, свѣтло будетъ», «Единъ бяше отъ нихъ *синь*. . . , а другыи бяше бѣлъ яко снѣгъ» и особенно *синя яко сажа*, то же в Прологе XV в.: «Синии яко сажа» (т. 3, стлб. 356).

Поэтому *порох* в его древнейшем общеславянском значении, естественно, как и сажа, мог быть «синим». Отметим, что корень *синь* в значении 'черный, темный, темнеющий, темно-серый, серый' получил широкое отражение в народных названиях зверей, птиц, рыб, грибов и других растений [15]. Так, например, В. И. Даль приводит такие параллельные названия: «Синеголовник. . . черноголовник. . . ; синетал. . . чернотал. . . ; синеворонка. . . сиво-(сизо)воронка. . .; синедущатая лиса, или синедушка, сиводушка» [16].

Интересно, что в говорах имеются фразеологизмы, синонимич-

---

[12] Gunnar Herne. Die slavischen Farbenbenennungen. Uppsala, 1954, стр. 83.

[13] М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка, т. III. М., 1971, стр. 629.

[14] М. Фасмер. Указ. соч., стр. 624.

[15] В. А. Меркулова. Очерки по истории народной номенклатуры растений. М., 1967, стр. 201; А. С. Герд. Народные названия рыб. «Русская речь», 1970, № 5, стр. 118; № 6, стр. 115.

[16] В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. IV, стр. 187.

ные устойчивому словосочетанию *ни синь пороха*, включающие в компонентный состав то же прилагательное, но иное существительное. Так, В. Н. Елина указала, что в говорах северо-запада имеется устойчивое словосочетание, в котором *синий* употребляется в значении 'черный': Ни *на синь ноготок* 'ни *на черную* (выделено мною. — *Т. И.*) полоску за ногтем' (псков.)» [17]. Ср. в чужой речи: «Я вот живу, ничего не боюсь! Насчет теперича податей не знаю *ни синего волоса*... Только пожарных плачу сорок копеек в год» (Н. Успенский, На пасеке) [18].

В свое время Ф. И. Буслаев, рассуждая о синекдохе, писал, что вместо отвлеченного отрицания возможно «употребление слов, означающих частное, наглядное представление, для того, чтоб обозначить отрицание известного предмета; например, *ни капли, ни крошки, ни души, ни синя пороху, ни зги, ни зерна, ни макова зерна* и мн. др.» [19] И далее привел несколько примечательных примеров: «а тебя мы царя ничем не двигнем, *ни черным волосом*», «не двигнем мы Тугарина *ни черным волосом*» (Сказание о седьми русск. богатырях, по рук. XVII в.); «у нее *ни синий порох* даром не пропадет» (Живописец Новикова, I, 83) [20].

Примечательно, что прилагательное *синь* выступает в ряде случаев как постоянный эпитет: *синь камень, синь горюч камень, синь кафтан, сине море, сине небо*. Во всех этих случаях, как писала А. П. Евгеньева, прилагательное настолько сливается с определяемым существительным, «что представляет с ним одно целое» [21]. При этом постоянные эпитеты, по справедливому замечанию А. М. Панченко, развившего идею А. Н. Веселовского об их «окаменении», возможно, в цвете не осознавались [22]. Действительно, *синь кафтан* — это не синяя одежда, а праздничная: «У него водились *и синь кафтан* ради праздника, и добрые кони на дворе. . .» (Печерский, На горах) [23]. Ср. яросл.: «Синяя одежа — праздничная, суконная одежда, даже и не синего цвета» [24]. Интересно отметить, что в сербском языке, где, как было

---

[17] В. Н. Елина. Лексическая группа «названия людей» в архангельских и псковских говорах (По материалам экспедиций ЛГУ). «Слово в народных говорах русского севера». Л., 1962, стр. 75.

[18] Н. Успенский. Повести, рассказы и очерки в 4-х томах. М., 1883, т. 3, стр. 314.

[19] Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика русского языка. М., 1959, стр. 311.

[20] Ф. И. Буслаев. Указ. соч., стр. 312.

[21] А. П. Евгеньева. О некоторых поэтических особенностях русского устного эпоса XVII—XIX вв. (постоянный эпитет). — ТОДРЛ, т. VI. М.—Л., 1948, стр. 189.

[22] А. М. Панченко. О цвете в древней литературе восточных и южных славян. — ТОДРЛ, т. XXIII. Л., 1968, стр. 12.

[23] П. И. Мельников. (Андрей Печерский). На горах, кн. I, стр. 462.

[24] Г. Г. Мельниченко. Краткий ярославский областной словарь. Ярославль, 1961, стр. 184.

выше сказано, в значении 'синий' употребляется *плâв*, существительное *море* сочетается с *синь*: *сињe море* [25].

Следует думать, что в фразеологическом обороте *синь порох* прилагательное *синь* тоже было постоянным эпитетом, не осознавшимся в цвете. Таким образом, фразеологизмы, включающие словосочетание *синь порох*, относятся к тому типу фразеологических единиц, в состав которых входят не только лексические и грамматические архаизмы, но и семантические.

Все сказанное приводит к выводу, что нельзя признать оправданной лексикографическую практику помещать эти фразеологизмы под словом *порох* в современном значении. По-видимому, в словарях следует выделять областное и устаревшее значение этого слова и под этим значением помещать данные фразеологизмы.

---

[25] Сербскохорватско-русский словарь, сост. И. И. Толстой. М., 1957, стр. 869.

IV

ВОПРОСЫ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ И ГРАММАТИКИ

О РУССКОМ НАПИСАНИИ АРМЯНСКИХ ФАМИЛИЙ НА *-ЯН(Ц)* [1]

Р. И. АВАНЕСОВ

Известно, что в русском языке парные по твердости—мягкости согласные допускают три типа слогов с последующей гласной ‹а› : ‹ta›, ‹t'a›, ‹t'ja› [2]. Ср. ‹ра›, ‹р'а›, ‹р'ja› в *бура́н*, *буря́т*, *бурья́н*; ‹за›, ‹з'а›, ‹з'ja› *в воза́*, *возя́*, *друзья́*; ‹са›, ‹с'а›, ‹с'ja› в коса́, кося́, Касья́н; ‹ма›, ‹м'а›, ‹м'ja› в тома́, томя́, скамья́ и т. д. Заднеязычные согласные в принципе также допускают эти три типа слогов, но практически употребляется, главным образом, первый тип — слоги ‹ка›, ‹га›, ‹ха›. Ср. *как*, *гам*, *хам* и др., а также редкие *Кяхта*, *Гяур*; *Лукьян*, *Ахья-хан*. Внепарные по мягкости—твердости согласные (практически ‹ч›, ‹ш›, ‹ж›), естественно, допускают не три, а два типа слогов: согл. ‹ч›, ‹ш› или ‹ж›+‹а› и согл. ‹ч›, ‹ш›, ‹ж›+‹j›+‹а›. Ср. ‹ча› и ‹чja› в *стуча́* и *ручья́*, ‹жа› и ‹жja› в *держа́* и *мужья́*. Согласная ‹ц› перед ‹j› в русских словах не встречается, таким образом, представлен только слог ‹ца›.

Армянские фамилии на *-ян* (*ц*) в армянском имеют ‹j› как после гласных, так и после согласных и в соответствии с этим всегда пишутся с буквой для звука ‹j›, иначе говоря соответствующий формант в армянском всегда звучит как ‹jан›, ‹jанц›.

В русском языке фамилии на *-ян* после гласной также произносятся со звуком ‹j›, который по общему правилу русской гра-

[1] Форма на -ян (-jan) представляет имя, распространенное патронимическим суффиксом иранского происхождения. Путем прибавления суффикса -ц (‹с›) образуется мн. ч. Таким образом, армянские фамилии на -янц близко соответствуют по типу своего образования русским фамилиям типа Черных, Белых, Красных, Золотых.

Об армянских фамилиях, в частности семантике их корневой части, см.: B. O. Unbegaun. Russian surnames. Oxford, 1972, стр. 378—382.

[2] Знак *t* — символ парной по твердости—мягкости согласной. В позиции перед ‹j› твердость—мягкость не различается, реально же по старой норме произносится мягкая согласная; определенные согласные (в особенности губные) в определенных морфологических стыках (в особенности, на стыке приставки с корнем) могут произноситься полумягко или даже твердо.

фики в этом положении обозначается буквой *я*. Ср. фамилии Агаян, Домбаян, Сароян, Микоян и др.

Армянский консонантизм в целом лишен корреляции согласных по мягкости—твердости; поэтому в армянском языке согласные, которые субституируются в русском согласными парными по мягкости—твердости, образуют слоги не трех типов, а двух: согл.+‹а› и согл.+‹j›+‹а›. В армянском языке после согласных, как и после гласных, в фамилиях перед ‹а› выступает звук ‹j›. В русском языке сейчас эти фамилии пишутся большей частью без указания на наличие ‹j›, реже с таким указанием. В соответствии с разными написаниями они по-русски могут читаться по-разному.

Приведем материал, почерпнутый из текущей печати в следующем порядке: а) после согласных парных по твердости—мягкости; б) после согласных ‹к›, ‹г›, ‹х›, близких по интересующему вопросу к согласным предыдущей группы; в) после внепарных по мягкости—твердости согласных (‹ч›, ‹ш›, ‹ж›, ‹ц›).

После губных

После ‹б›: Гарибян, Драмбянц, Зограбян, Улубанян; после ‹в›: Абовян; после ‹м›: Абрамян, Адамян, Аджемян, Амбарцумян, Ахумян, Баграмян, Овакимян, Шаумян; после ‹п›: Акопян, Овсепян, Месропян; после ‹ф›: Зарифьян.

После переднеязычных

После ‹р›: Азарян, Айрян, Асатурян, Аствацатурян, Багдасарян, Бандурян, Берберян, Борян, Газарян, Григорян, Дарян, Дурян, Егиазарян, Зарян, Зорян, Манучарян, Маркарян, Назарян, Сафарян, Цатурян, Чатрян, Шатирян, Шакарян, Спондарян; после ‹л›: Аракелян, Габриэлян, Даниелян, Микаэлян, Муратчалян, Стамбулян, Агрелян, Исраэлян; после ‹н›: Алиханян, Арутюнян, Арушанян, Акоптджанян, Асланян, Аракеманян, Арзуманян, Бабаджанян, Вартанян, Вартапетян, Дагацпанян, Долуханян, Захарян, Кнунян, Кошнян, Костанян, Лусинян, Мелкопян, Поронян, Пашинян, Симонян, Степанян, Суренян, Тигранян, Туманян, Шагинян; после ‹з›: Айвазян, Алагезян, Попазян, Парзян; после ‹с›: Аветисян, Агасян, Андреасян, Валесян, Гукасян, Киракосян, Матевосян, Мовсесян, Махтесян, Минасян, Ованесян, Петросян, Саркисян; после ‹д›: Аллахвердян, Вердян, Мурадян, Налбандян, Ханзадян, Шахкельдян, после ‹т›: Асратян, Айрапетян, Игитян, Карапетян, Мадатян, Меликетян, Сатян, Давтян.

Однако после парных по мягкости—твердости согласных употребляются также и написания с ь: Осипьян; Сарьян, Спандарьян, Чубарьян, Зорьян, Зарьян, Газарьян, Григорьян, Сунчурьян, Спандарьян, Багдасарьян; Гульян, Габрельян, Ду-

льян, Херильян, Мусаэльян, Тальян, Исраэльян; Паньян, Пароньян, Алиханьян; Айвазьян, Карагезьян, Папазьян; Петросьян, Касьян, Саркисьян; Мурадьян, Мадатьян и др.

После заднеязычных

После ‹к›: Авакян, Аганбекян, Бжишкян, Геодекян, Джаукян, Исаакян, Капутикян, Куртикян, Манукян, Марзабекян, Назарбекян, Петикян, Саакян, Сисакян, Сундукян, Экекян; после ‹х›: Бабахян, Бохян, Кацахян, Марухян, Тохмахян, Тохян, Чайлахян, Чолахян; после ‹г›: Абегян, Башинджагян, Будагян, Вагян. Однако после заднеязычных также изредка употребляются написания с ь. Нам попались написания Кушкьян, Чалтыкьян, Мачакьян, Кусикьян, Чолахьян. В «Вечерней Москве» от 21 ноября 1972 г. встретилось даже написание Ахъян А. М. (автор книги «Технология фарфоровых изделий. . .»).

В русском языке слоги типа ‹t'a› и ‹t'ja› и тем более слоги типа ‹k'a› и ‹k'ja› [3] мало дифференцированы и очень мало функционально нагружены. Их различение ограничивается единичными корнями и некоторыми флексиями, а также словами иноязычного происхождения. Именно поэтому в морфологически немотивированных случаях ‹j› может отсутствовать как перед ‹а›, так и перед другими гласными даже в ударных слогах, не говоря о заударных. Ср. возможное произношение (и написание!) *Иля*, *Илюша*, *Илюшин*, возможное разговорное (аллегровое) произношение *хри*[*с'т'ян'*]*е*, *с дру*[*з'ям'*]*и*, написание Шереметьев и Шереметев (при произношении без ‹j›) и т. д.[4] В связи с тем что разграничение слогов ‹t'a› — ‹t'ja› и ‹k'a› — ‹k'ja› в русском в значительной мере избыточно, оказываются равно допустимыми как написания типа Зорян, так и написания типа Зорьян. Однако единство написания в высшей степени желательно, хотя бы с точки зрения чисто практической: считать ли подобные варианты в юриспруденции, деловых отношениях, паспортном деле одной фамилией или двумя разными[5]. Проблема идентификации — установления того, что «то же» и разграничение того, что «не есть то же», имеет большое практическое значение. Вопрос о том, какому написанию следует отдать предпочтение, может быть решен после рассмотрения материала на положение после внепарных по мягкости—твердости согласных.

После ч обычно пишется *я*: Аракчян, Ашчян, Бабачян, Багрчян, Бекчян, Бояхчян, Вачян, Воскерчян, Габучян, Галачян, Гекчян, Демирчян, Долабчян, Жамкочян, Кечян, Кюркчян,

---

[3] Латинское *k* здесь символ заднеязычной согласной.

[4] См. Р. И. Аванесов. Заметки по русской фонетике. О фонеме ‹j› в заударных слогах после согласных. «Проблемы истории и диалектологии славянских языков». М., 1970.

[5] Напр., в АН СССР работают два брата А. И. Алиханьян и С. И. Алиханян. Носят ли они одну фамилию или разные?

Масчян и Машчян, Мыкрытичян, Перчян, Топчян, Хачян, Чамчян. Едва ли нужно доказывать, что с точки зрения русской графики и орфографии это — написания неприемлемые, т. к. ‹ч› всегда произносится в русском мягко, дополнительно обозначать ее мягкость нет необходимости, а звук ‹j› буква *я* после согласного не обозначает.

После *ш* и *ж* также обычно пишется *я*: Агдашян, Анташян, Арешян, Тарашян, Бекташян, Бошян, Вагаршян, Вермишян, Гарушян, Гишян, Годжабашян, Давршян, Дрбашян, Дагбашян, Кошян, Манушян, Манташян, Обадашян, Прошян, Сархошян, Терзибашян, Тошян, Юзбашян. Фамилий после *ж* мне встретилось всего три: Врежян, Кажян, Атамнабужян.

Особо следует рассмотреть случаи с положением после *дж*, т. к. ‹дж› в русском языке представляет сочетание фонем, которому в армянском соответствует одна фонема — звонкая, шипящая. Здесь также пишется обычно *я*: Аджян, Аладжаджян, Бояджян, Годжян, Гюрджян, Есаджян, Суджян, Сараджян, Халаджян, Чухаджян.

Написания с *я* после *ш* и *ж* еще менее приемлемы, т. к. фонема ‹ш› в русском всегда твердая, и русская графика и орфография не знает буквы *я* после *ш*, *ж*. Такое написание не дает указаний на произношение: читать Гару[шан]? Но тогда следовало бы писать после *ш* букву *а*. Читать Гару[шjан]? Но буква *я* после согласных не несет в себе указания на наличие ‹j› перед гласной. Читать же Гару[ш'ан] невозможно, т. к. в русском языке ‹ш'› отсутствует [6].

Справедливости ради отметим, что в отдельных случаях нам попались написания с *ь* после *ш*, которые целесообразны с точки зрения русской графики и орфографии и одновременно соответствуют фонемному составу армянских фамилий в самом армянском: Тошьян, Прошьян, Кошьян, Худобашьян, Гюрджьян (эти фамилии читаются с ‹j›: То[шjан] и т. д.

Нам остается рассмотреть армянские фамилии с основой на ‹ц›. После *ц* также, как и после *ч*, *ш*, *ж* пишется *я*: Аглицян, Астабацян, Бахщецян, Борецян, Ванецян, Ванцян, Гарабахцян, Геолецян, Дегнацян, Зейтунцян, Казахецян, Мануцян, Норскацян, Стамбалцян, Шатахцян.

Написание армянских фамилий с *я* после *ц* мало приемлемо по тем же причинам, что и написание после *ч*, *ш*, *ж* [7]: фонема ‹ц›

---

[6] Только в единичных иностранных фамилиях у нас произносится мягкое ‹ш› перед гласной, которая обозначается соответствующей «мягкой» буквой гласной: Шюц, Шёнберг (произносится [ш'ӱц], [ш'ӧн]берг. Но армянские фамилии, широко известные русским, нельзя к ним приравнивать.

[7] И здесь можно отметить единичные написания с буквами мягких согласных после *ц* в иностранных именах, например Цюрих. Но здесь *ю* обозначает не столько мягкость ‹ц›, сколько передвинутую вперед фонему ‹у›, то есть характеризует иностранное произношение: [цӱр'их]. Можно указать также на украинские фамилии типа Дацюк, где действительно произносится [ц'у] (т. е. по-украински).

в русском языке твердая; с другой стороны буква *я* после *ц* не обозначает звука ‹j›, который имеется в армянском.

Написание с *ь* после *ц* не встретилось. Но встретились отдельные написания с *и* после *ц* и других согласных: Лисициан, Ванециан, Тэриан, Газиян, Базиян. Эти написания, видимо, надо объяснять желанием приблизить чтение по-русски написанных фамилий к армянскому произношению.

Интересно обратиться к эволюции написания армянских фамилий на -ян(ц) в русском. Для этого мы воспользуемся только одной книгой «Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней», вышедшей в 1916 г. под редакцией В. Брюсова. В этой книге рассмотренного типа фамилии на -ян(ц) после согласных пишутся, как правило, если не с *и*, то с *ь*; написания без *ь* встречаются в единичных случаях. После *б* мы находим один случай и притом с *и*: Бабиан. После *в* также один случай с *и*: Абовиян; после *м* два случая и оба с *ь*: Ачемьян, Гекимьян, после *п* один случай с *ь*: Акопьян. Много случаев после *р*: с *и* — Буриан, Дуриан, Мамуриан, Манучариан, Потуриан, Туриан, Тэриан, Цатуриан; с *ь* — Берберьян, Григорьянц, Назарьянц; после *л* — два случая с *ь* и три без *ь* — Абельян, Микаэльянц; Бешикталян, Микаэлян, Пэштикалянц; после *н* — три случая с *и* и шесть с *ь* — Восканиан, Парониан, Тигранианн; Ярджаньян, Костаньянц, Курчиньянц, Потканьян, Русиньян, Туманьян; после *з* один пример с *и* — Малэзиан, после *с* один пример с *и*, один с *ь* и два без *ь* — Исакисиан, Мартиросьян и Татевосян, Тер-Мовсесян; после *д* два примера с *ь* — Алавердьянц, Налбандьян; после *т* один пример с *ь* — Халатьянц.

После внепарных по мягкости—твердости согласных всегда пишется *и* или *ь*: Демирчибашьян, Прошьянц, Чалхушьян, Кемурджиан, Макинциан, Червандзициан, Демерчьян. Из приведенного материала видно, что после *и* всегда пишется *а*, а после *ь* — *я*. Предударное ‹и› перед ‹а› склонно к редукции, а буква *я* после *ь* обозначает ‹j› с последующей гласной, т. е. произносилось Те[р'ŭа́н] или Те[р'ја́н], иначе говоря ‹и› и ‹j› как бы взаимно заменяемы.

Как мы видели, из 61 фамилий, зафиксированных в «Поэзии Армении», без *и* или *ь* написаны всего пять фамилий, которые приходятся на парные по мягкости—твердости фамилии согласные *л* (три случая), *с* (два случая): Бэшкталян, Микаэлян, Пэшкташлянц и Татевосян, Тер-Мовсесян. После внепарных согласных армянские фамилии в этой книге написаны только с *ь* или *и*.

Таким образом, написания без *ь* (или *и*) после парных по мягкости—твердости согласных, ставшие почти нормой сейчас, лишь эпизодически встречались в 10-х годах XX в. В связи с тем что разграничение слогов типа ‹t'a› и ‹t'ja› в русском проведено недостаточно рельефно и без большой функциональной нагрузки, написания типа Баграмян, Степанян и т. д. сами по себе не вы-

зывают возражений (т. к. наличие после согласной звука ‹j› при отсутствии корреляции согласных по мягкости—твердости в армянском вполне допустимо передать в русском парным мягким согласным). (Это относится и к согласным ‹к›, ‹г›, ‹х›.

Однако написание армянских фамилий после шипящих и *ц* без *ь* вызывает решительное возражение, т. к. сочетания *чя*, *шя*, *жя*, *ця* чужды законам сочетаемости графем в русском. Правда, они могли бы писаться с *а* (т. е. *ча*, *ша*, *жа*, *ца*), но это резко противоречило бы фонемному составу соответствующих фамилий в армянском и было бы мало согласовано с русскими написаниями армянских фамилий в положении после парных по мягкости—твердости согласных и ‹к›, ‹г›, ‹х›. Для положения после шипящих и ‹ц› единственно приемлемое написание — с *ь* после букв этих согласных: Вачьян, Бабачьян, Бошьян, Арешьян, Юзбашьян, Врежьян, Ванецьян, Мануцьян, а также Бояджьян, Сараджьян [8].

Однако написания этого типа (с *ь* после внепарных по мягкости—твердости) «тянут» за собой подобные же написания после парных и заднеязычных, т. е. Туманьян, Стамбульян, Маркарьян, Минасьян, Абовьян, Баграмьян, Манукьян, Чолахьян и т. д. Такое решение вопроса (с *ь* после любых согласных) было бы самым рациональным: оно было бы последовательно, целиком вписывалось в русскую графику, не противоречило фонемной системе русского языка и в то же время в наибольшей мере соответствовало фонемному составу соответствующих фамилий в армянском.

Однако это было бы связано с довольно заметным изменением принятых в последние десятилетия написаний типа Баграмян, Маркарян, Микаэлян, Манукян и т. д.

Возможно компромиссное решение: писать без *ь* после парных по мягкости—твердости согласных, а также заднеязычных и с *ь* после *ч*, *ш*, *ж*, *ц*. Но как всякое компромиссное решение, оно не будет наилучшим в силу своей непоследовательности.

В предшествующем изложении был рассмотрен вопрос о передаче армянских фамилий на *-ян(ц)* в русском в связи с фонологической системой русского языка, в частности с характером разграничения и функциональной нагрузки слогов троякого типа — ‹ta›, ‹t'a›, ‹t'ja› при наличии после внепарных согласных слогов двух типов — ‹ša› и ‹šja›. Вопрос о том, как передаются армянские согласные с их сложной системой глухости—звонкости, аспирированности—неаспирированности, различающих по три аффрикаты — свистящих (‹c›, ‹c'›, ‹ǰ›) и шипящих ‹č›, ‹č'›, ‹ǰ›, интересный сам по себе, выходит за рамки поставленной в этой статье проблемы.

---

[8] Правда, в связи с тем, что русские воспринимают ‹*дж*› как сочетание фонем, а не как звонкое ‹ч›, то после сочетания ‹дж› фонема ‹j› (третья в начале слога) может быть мало выразительной и слабо артикулируемой (как и в русских словах типа *костью*).

О ТАК НАЗЫВАЕМОМ ПРОЦЕССЕ АДЪЕКТИВАЦИИ ПРИЧАСТИЙ

Е. А. ИВАННИКОВА

В исследованиях, посвященных причастию, уделяется в последнее время много внимания процессу, который называют адъективацией. Адъективацией причастий обозначается их семантическое преобразование, в результате которого происходит переход причастий из одной части речи в другую: из глагола в прилагательное. Выявление этого процесса непосредственно связано с пониманием в традиционной грамматике причастия как формы глагола. Включение причастия в парадигматику глагола привело, с нашей точки зрения, к некоторым крайностям при интерпретации семантических особенностей причастия и их семантического развития, одной из таких крайностей можно считать так называемый процесс адъективации причастий. В связи с этим считаем необходимым вновь обратить внимание на некоторые свойства причастий, которые невольно или намеренно стали забываться в связи с их глагольной трактовкой.

Каждая форма имеет свое грамматическое значение. В академической грамматике 1952 г. значение причастия отождествлено с глагольным: «Причастие представляет собою глагольно-именную форму, обозначающую действие, приписываемое лицу или предмету как признак, как их свойство, проявляющееся во времени» [1]. В грамматике 1970 г. этот недостаток устранен: «Причастием называется форма глагола, обозначающая как атрибутивное состояние тот процесс, который назван инфинитивом этого глагола» [2]. Но специфика причастий полностью не получила отражения. С одной стороны, атрибутивной формой глагола в этой же грамматике считается и деепричастие [3], атрибутивно употребляются и отглагольные существительные, обозначающие названный инфинитивом процесс, ср.: *тормозящее устройство* и *устройство для торможения*; *плавающие во льдах корабли* и *корабли для плавания во льдах*, а с другой — причастия употребляются не только атрибутивно, но субстантивно и предикативно.

При определении причастия следует различать два неразрывно связанных между собой момента: значение его как формы глагола и как квалификатора предмета.

Обозначать признак предмета способны такие разные части речи, как прилагательное, глагол, существительное, дифференцирующиеся между собой именно со стороны того, какой признак предмета обозначается: прилагательное обозначает качественный

---

[1] Грамматика русского языка, т. I. М., 1952, стр. 506.

[2] Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970, стр. 418.

[3] Там же, стр. 310.

признак (*резвый мальчик*), глагол — процессуальный признак предмета (*мальчик бегает*), падежные формы существительных — его предметный признак (*мальчик в очках*). О значении признака мы получаем представление благодаря определенным морфологическим показателям (*мех голубой*, *голубеет*, *с голубизной*). Морфологически причастие обозначает качественный признак, но оно, вопреки этому, не тождественно прилагательному. Если грамматическое качество у прилагательного выражается в единстве с качеством как представлением реальной действительности (цвет, форма, вес и т. п.), то у причастия существует только грамматическое качество, в то время как смысловую основу его составляют понятия реальной действительности, связанные с совсем другим, глагольным грамматическим значением (действие, процесс). Будучи образованным от глагола, причастие сохраняет его понятийную основу — действие и, более того, при помощи определенных суффиксов способно передать некоторые грамматические значения глагола.

Но как бы ни была сильна понятийная связь причастия с глаголом, адъективная форма не может не отражаться на его значении. Являясь в русском языке показателями качества, адъективные морфемы не могут быть пустыми у причастия. А. М. Пешковский, анализируя семантический характер относительного прилагательного, писал: «Если в *туманный* простая основа обозначает предмет (*туман-*), а суффикс отношение к этому предмету (*-н-*), то очевидно, значение качества может быть заключено только во флексии *-ый*, т. е. в самом аффиксе, который и делает его прилагательным» [4]. Аналогичная картина наблюдается и у причастия: основа любого причастия, например *двигающий*, обозначает действие (*двига-*), суффикс — отношение к этому действию (*ющ*), окончание же (*-ий*) не может выражать ничего иного, кроме качества. Специфика признака, обозначаемого причастием, следовательно, в том, что он является процессуально-качественным. Эта гибридность грамматического значения причастия известна с давних пор и вызывала бесконечные споры относительно того, является ли причастие формой глагола, отглагольным прилагательным или самостоятельной частью речи.

Важно учитывать характер гибридности значения причастия, т. е. соотношение, в котором находятся оба признака: причастие обозначает процессуальное качество предмета, а не качественное действие, поскольку в русском языке морфологические показатели имеют решающее значение при классификации слов по частям речи. По отношению же к причастию делается исключение, которое объясняется тем, что оно якобы имеет больше оснований для того, чтобы его рассматривать в качестве глагольной формы: «Ввиду наличия в нем основных категорий глагола — залога,

---

[4] А. А. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956, стр. 82.

вида и времени — оно теснее связано с глаголом и входит в систему глагольных образований» [5]. Такое утверждение несколько неожиданно. Причастия имеют полную парадигму прилагательного без какой-либо ущербности. Отсутствие степеней сравнения, неспособность к образованию существительных на *-ость* не выводят качественные прилагательные из класса прилагательного, следовательно, и для причастия это обстоятельство может быть свидетельством только их особой адъективной семантики. Наличие кратких форм является неотъемлемым свойством прилагательного, наличие кратких форм у причастия почему-то рассматривается как признак его глагольности. Непосредственная связь между причастием и прилагательным исторически существует и в словообразовательном плане: «Частью суффиксы прилагательных совпадали (полностью или частично) с суффиксами причастий (действительных и страдательных), ср. *-l-* в *теплъ* и в действительных причастиях прошедшего времени на *-l-*, *-t-* в *бородат* (от борода) и *-n-* (в составе различных суффиксов) и суффиксы *-n-*, *-t-* в страдательных причастиях прошедшего времени. Это объясняется тем, что причастия по происхождению являются отглагольными прилагательными» [6].

В то же время глагольные свойства не имеют полного выражения у причастия: самые характерные для спряжения формы — лицо, наклонение отсутствуют у него, те же категории, которые причастие способно обозначать, не тождественны глагольным. Время причастий обозначается другими, неглагольными, морфологическими средствами, и временные формы образуются независимо от глагольных и друг от друга, хотя регулярность их образования приводит к парадигматической соотносительности. При этом регулярность временных оппозиций наблюдается только у действительных причастий, так как у страдательных прошедшее время редко имеют те, которые образованы от глаголов несов. вида. Время у причастия и глагола не всегда совпадают функционально: в предложении причастия могут обладать относительным значением времени. Принято считать, что причастие имеет значение вида, но вид у причастия — результат его словообразовательных возможностей от глаголов обоих видов, а не выражение собственного формообразования, поэтому у страдательных причастий прошедшего времени видовые оппозиции нерегулярны. Залог у причастия выражается словообразовательно, как у глагола, однако при помощи совершенно других моделей, несмотря на то что оно имеет возможность структурно обозначать залог глагольными средствами (ср. *формируемый — формирующийся*). Короче говоря, причастие абсолютно лишено какой-либо парадигмы глагола; если оно и способно обозначать некоторые грам-

[5] Грамматика русского языка, стр. 506.

[6] В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. М., 1965, стр. 241.

матические категории глагола, то способами, совершенно неприсущими глагольным формам.

Следовательно, уйти от того факта, что причастие — прилагательное, невозможно, как бы ни интерпретировалось его место и роль в грамматической системе языка. «Причастие это название глагольного признака, обосложненного представлением о пассивном признаке, т. е. представлением о свойстве или качестве; таким образом причастие является глагольным прилагательным»[7],— писал А. А. Шахматов. А. М. Пешковский, допуская возможность считать причастие глагольной формой, не забывал видеть в нем и прилагательное: «Так как причастие есть прежде всего прилагательное, то оно разделяет все свойства прилагательных» [8]. В. В. Виноградов, признавая причастие глагольной формой, рассматривал его в разделе, посвященном прилагательным [9]. В процессе семантического развития причастия его морфологические свойства как прилагательного остаются теми же самыми, но только усиливаются, а глагольные исчезают совершенно. Это лишний раз говорит о том, что прилагательность, адъективность — постоянный атрибут причастия, а глагольность — не постоянный, она может быть выражена у причастия в той или иной степени, но никогда в той, в какой она присуща глаголу.

Определить значение причастия как значение формы глагола это значит указать на его отличие от глагола. Как видно из соотношения грамматического значения глагола и причастия, они отличаются тем, что глагол обозначает процессуальный признак, а причастие — признак процессуально-качественный, следовательно, качественность, адъективность и есть отличительное свойство причастия, которое является содержанием причастия как глагольной формы: причастие обозначает действие адъективно. У причастий, как указывал В. В. Виноградов, «глагольность выражается как окачествленное действие, приписанное предмету и определяющее его наподобие имени прилагательного» [10]. Атрибутивность же причастий — это следствие их адъективной формы, главное синтаксическое свойство, но, как и у прилагательных, этим свойством не ограничиваются все их синтаксические возможности. Если причастие входит в парадигму глагола, то надо помнить, что оно входит туда как его адъективная форма.

Из всего сказанного очевидно, что процесса адъективации причастий не может существовать. Образование причастия и есть уже адъективация глагольной основы. Адъективация — явление, с которым связано само существование причастия. Возможно говорить об адъективации глагола, но никак не об адъективации причастия. Являясь адъективными образованиями, причастия

---

[7] А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. Л., 1941, стр. 470.
[8] А. М. Пешковский. Указ. соч., стр. 136.
[9] В. В. Виноградов. Русский язык. М.—Л., 1941, стр. 182—207.
[10] В. В. Виноградов. Указ. соч., стр. 272.

в процессе своего семантического развития переходят, следовательно, не из глагола в прилагательное, а из процессуальной разновидности прилагательного в разряд качественных прилагательных, аналогично тому, как относительные прилагательные переходят в качественные.

На первый взгляд может показаться, что различие между адъективацией и приобретением качественного значения, окачествлением только терминологическое, так как имеется в виду один и тот же семантический процесс. Такое впечатление возникает оттого, что, поскольку явления адъективации причастий в действительности не существует, оно неизбежно отождествляется с окачествлением. Адъективация и окачествление — понятия, имеющие в виду совершенно разные семасиологические процессы, в зависимости от которых по-разному определяется семантическая структура причастий и их лексическая значимость. Адъективация рассматривает семантическое развитие причастий в отрыве от их объективно существующей морфологической формы, окачествление предполагает его неразрывно связанным с этой формой.

Понятие адъективации привело к необходимости расщеплять семантическую структуру причастий на омонимы, как при наличии семантических вариантов, характеризующихся ясной генетической связью, так и при различном употреблении одного и того же значения слова. «Грамматические признаки и формы, свойственные грамматическому классу причастий и грамматическому классу адъективированных причастий, характеризуют и различают здесь именно слова, а не отдельные формы (цветущий сад и цветущий вид и т. д.)» [11]. Известно, что прилагательные, образованные от переходных глаголов несовершенного вида являются омонимами по отношению к страдательным причастиям настоящего времени [12]. Необходимость признания омонимии вызвана представлением о причастиях как формах, принадлежащих глаголу, хотя, поскольку причастие адъективная форма глагола, то при утрате глаголом этой формы в результате ее окачествления морфологическое переосмысление данных образований не имеет места. Омонимия возникает у причастий в условиях закономерных для нее: при полном расхождении семантических вариантов слов. В грамматике 1970 г. констатируется: «Являясь формами глагола, причастия в то же время входят в морфологический разряд прилагательных» [13]. Это исключительно важное утверждение для сущности причастия повисает в воздухе, потому что значение причастной формы не определяется как адъективное и тут же говорится о развитии адъективных значений у причастий [14].

---

[11] Л. И. Удалова. Адъективированные причастия в современном русском литературном языке. «Уч. зап. Курск. ПИ», вып. 6, 1957, стр. 101.

[12] В. Ф. Иванова. Прилагательные и причастия с суффиксом -м-. «Русский язык в школе», 1956, № 1, стр. 10.

[13] Грамматика современного русского литературного языка, стр. 418.

[14] Там же, стр. 360—361.

Более того, в этом случае появилась возможность говорить об особом виде словообразования — конверсии, мнение, надо сказать, не лишенное логических оснований в результате признания существования адъективации [15]. В. В. Лопатин справедливо подверг критике это мнение, показав, что появление неглагольных значений у причастий не имеет ничего общего со словообразованием, являясь следствием семантического развития причастий [16]. Продолжая говорить об адъективации причастий, однако, невозможно избежать расщепления единой семантической структуры причастий даже в случае семантического, а не словообразовательного ее понимания.

Понятие адъективации привело к необходимости дублировать одно и то же значение слова для того, чтобы иметь возможность интерпретировать его и как прилагательное и как причастие. В зависимости от употребления слова одно и то же вещественное значение рассматривается дважды: как причастие и как адъективированное причастие или прилагательное, ср. *уцененные магазином товары* и *уцененные товары*; *цветущая здоровьем женщина* и *цветущая женщина*. У глагола подобные случаи остаются в пределах одного и того же значения, ср. *товары уценили* и *магазин уценил товары*; *женщина цветет* и *женщина цветет здоровьем*. Прилагательные могут употребляться не только абсолютивно, но и с пояснительными словами, а у причастия последняя возможность рассматривается исключительно как признак глагольности, ср.: *сосредоточенный человек* — «отличающийся углубленностью в свои мысли или переживания, в свой душевный мир» (прилагательное), а *сосредоточенный в себе* или *в самом себе человек* — см. «сосредоточить — быть погруженным в свой душевный мир, в свои мысли» (причастие) [17]. См. также примеры адъективированных причастий в грамматике 1970 г.: *торгующие организации*, *читаемая литература*, *промокшая одежда*, *изолированная комната* и др. (§ 878).

Некоторым причастным образованиям, как и прилагательным, свойственно иметь краткую форму. На том основании, что в этой форме особенно сильно проявляются глагольные свойства, краткие причастия всегда рассматриваются как глагольные формы, несмотря на то что их значение полностью соотносится со значением полных причастий, причисляющихся к прилагательным, ср.: *уязвленное самолюбие* (прил.) — *самолюбие уязвлено* (прич.); *изнуренная лошадь* (прил.) — *лошадь изнурена* (прич.); *истрепанная книга* (прил.) — *книга истрепана* (прич.). В результате подобные адъективированные значения представляются как не имеющие кратких форм. Сильная степень глагольности кратких причастий —

---

[15] Л. И. Удалова. Указ. соч., стр. 101.

[16] В. В. Лопатин. Адъективация причастий в ее отношении к словообразованию. — «ВЯ», 1966, № 5.

[17] Словарь русского языка. М.—Л., 1957—1961.

следствие их предикативного употребления, даже у кратких прилагательных по этой же причине появляются особенности, сближающие их с глаголом, однако при семантической соотносительности с полными они не отрываются от них.

Гибридность категориальных свойств у причастия дает возможность ему совмещать в своих конкретных лексических значениях особенности глагола и прилагательного, каждые из которых в зависимости от характера обозначаемого действия и контекста проявляются то в большей, то в меньшей степени. Неразрывная связь глагольных и адъективных свойств в причастии убедительно показана И. К. Сазоновой в ее статье о семантической структуре причастия [18]. Если гибридность морфологических свойств причастия как-то отмечается, то гибридность его вещественной семантики, являющаяся следствием его морфологической гибридности, возможность сосуществования в одном и том же значении особенностей употребления, присущих и глаголу и прилагательному, совершенно не принимается во внимание.

Стремление расщепить гибридные свойства причастия нашло крайнее выражение по отношению к причастиям на *-енный* от глаголов несов. вида. Орфографическими правилами узаконено разделение одного и того же значения слова на самостоятельные слова, ср. *раненный пулей (врагом) боец*, *израненный боец* и *раненый боец*. Если *бойца ранили*, то всегда ранил кто-либо или ранили чем-либо, и в *раненый боец* эта информация имманентно тоже всегда присутствует. Проводить же различие между *раненый* и *израненный* вообще нет никаких оснований, их употребление совершенно аналогично: *раненый* (*израненный*) *солдат* и *раненный* (*израненный*) *осколками солдат*.

Разъединить гибридные свойства причастий бывает часто совершенно невозможно, с чем постоянно сталкивается как орфография, так и лексикология, и в результате — масса противоречивых и непоследовательных случаев. Так, особое ударение причастного образования *сложённый* послужило причиной для трактовки его как прилагательного, в то время как подобные образования, несоотносительные со значением производящего глагола, включаются в семантическую систему глагола с указанием: только (обычно) в форме причастия (*сформированный*, *сосредоточенный*). Орфографически же это слово трактуется как причастие (полная форма с двумя *н*, краткие формы ж. и ср. рода с одним *н*), основанием для чего послужила его неупотребительность без пояснительных слов (*атлетически сложенный мужчина*, *она прекрасно сложена*).

Причастие есть результат перевода глагольной основы в прилагательное. Наличие словообразования со структурной точки зрения здесь несомненно. Вследствие же только функционального

---

[18] И. К. Сазонова. Семантический фактор в формировании вторичного лексического значения слова. — «ВЯ», 1971, № 6.

подхода к причастию, взгляда на него как на исключительно грамматическое явление, за пределами словарного состава русского языка остался целый разряд лексики с богатой и очень сложной семантикой из-за наличия гибридных свойств. Учитывая лишь грамматические особенности причастий, лексикография дает представление о них как о потенциальных формах любого глагола. О реальном существовании этих форм в языке в каждом отдельном случае мы не имеем никаких сведений. Причастия находят отражение только при осложнении качественными значениями. Лексический состав процессуальных прилагательных оказался в полной зависимости от того, насколько широко или узко понимается явление адъективации. Отождествление причастия с глаголом отрицательно отразилось на семантической структуре не только причастия, но и самого глагола. У глагола выделяются несуществующие значения за счет причастного употребления, о чем уже говорилось, с пометой: только (обычно) в форме причастия.

Таким образом, трактовка причастия как формы глагола побудила закрывать глаза на адъективные свойства причастий и говорить об их адъективации, что привело к целому ряду отрицательных последствий в лексикологии, лексикографии и орфографии. Представляется необходимым пересмотреть точку зрения на причастие как на глагольную форму, связанную исключительно со словоизменением. Наличие своей исходной структуры позволило грамматике 1970 г. интерпретировать оппозиции глагольного вида и залога как такие, которые выражаются разными словами (§ 827 и 854). У причастий для этого есть значительно больше оснований, так как, если значение вида и залога находит выражение в одном и том же морфологическом классе, то образование причастных форм связано с переходом глагола в другой морфологический класс.

КАКОГО ГРАММАТИЧЕСКОГО РОДА ИМЕННОЙ ФРАЗЕОЛОГИЗМ *СВЯТАЯ СВЯТЫХ*?

А. И. МОЛОТКОВ, Н. А. ЩЕПОТЬЕВА

В журнале «Русский язык в национальной школе» под рубрикой «Так говорят по-русски» была напечатана заметка Б. С. Шварцкопфа о русском фразеологизме *святая святых* [1]. В ней указывается на ряд неточностей и даже явных ошибок, касающихся употребления этого фразеологизма, которые допускаются в печати и кото-

[1] «Русский язык в национальной школе», 1969, № 2, стр. 79.

рые связаны или с непониманием или недооценкой, или, скорее всего, незнанием особенностей сочетаемости фразеологизма со словами в современном языке. Не без основания, например, случаи варьирования первого компонента фразеологизма по форме, типа *святые святых* и *в святую святых*, расцениваются в этой заметке как примеры явного нарушения нормы в употреблении фразеологизма.

Однако в описании формы фразеологизма *святая святых*, в суждениях о грамматической характеристике его и, соответственно, в рекомендациях, касающихся правильного, нормативного употребления фразеологизма, автор заметки сам допускает неточности. Недоказательны, например, у него утверждения о якобы нормативном для современного языка употреблении фразеологизма *святая святых* в форме женского и в форме среднего рода: *святая святых* и *святое святых*; неубедительны по существу его критические замечания в адрес «Фразеологического словаря русского языка», который якобы «канонизирует ошибку», приводя в качестве правильных сочетаний фразеологизма со словами такие выражения как «в это *святая святых*», «такое *святая святых*» [2].

Мысль о том, что формы употребления фразеологизма *святая святых* и *святое святых* в современном языке живые, правильные, нормативные, высказывается также в книге А. И. Бабкина, изданной позже. «Выражение *святая святых* (*святое святых*) в его обоих вариантах является живым элементом русской фразеологии, поэтому вполне уместен вопрос о нормах его употребления в современном литературном языке». И далее: «С полным основанием можно признать неубедительной грамматическую рекомендацию Словаря под ред. Д. Н. Ушакова считать словосочетание *святая святых* несклоняемым. Случаи склонения этого выражения отнюдь не производят впечатления искажения или порчи литературного языка: в святой святых (Герцен), в свою святую святых (Шеллер-Михайлов), касаться моей святой святых (Горький). Скорее искусственными кажутся следующие и им подобные примеры: в этой супружеской святая святых (Боборыкин), в самой святая святых (Л. Толстой), к заводской святая святых (из газеты)» [3].

В указанных суждениях смешиваются, конечно, различные аспекты качественной характеристики фразеологизма: с одной стороны, недостаточно четко отграничиваются факты прошлого, касающиеся происхождения и бытования этого фразеологизма в русском языке, от фактов употребления его в современном языке; с другой стороны, особенности лексико-грамматической характеристики фразеологизма, как именного фразеологизма, предопределяющие связи и отношения его со словами в речи, не очень четко

[2] Фразеологический словарь русского языка под ред. А. И. Молоткова. М., 1967, стр. 416.

[3] А. М. Бабкин. Русская фразеология, ее развитие и источники. Л. 1970, стр. 162.

отграничиваются от особенностей индивидуально-авторского преобразования его, в результате чего в норму современного употребления фразеологизма *святая святых* возводятся или уже ставшие архаическими, устаревшими для нашего времени формы употребления, или формы, допускаемые сейчас лишь в языке отдельных писателей. Поэтому не удивительно, что не только иностранцы, изучающие русский язык, но и русские сплошь и рядом не знают, как правильно сказать: *святая святых* или *святое святых*, а может быть, допустимо и то и другое; соответственно, нужно ли согласовывать фразеологизм со словами: как 'моя *святая святых*' ('моей *святой святых*' и т. д.) и 'мое *святое святых*' ('моего *святого святых*'), если признавать изменяемость форм *святая святых* и *святое святых*, или как 'моя *святая святых*' («моей *святая святых*» и т. д.) и «мое *святое святых*» («моего *святое святых*» и т. д.), если отрицать изменяемость форм *святая святых* и *святое святых*.

В определении рекомендаций относительно того, как следует правильно употреблять фразеологизм *святая святых* в современном языке, нельзя игнорировать его истории, без этого просто невозможно объяснить ни его формы, ни лексико-грамматического своеобразия. Ведь речь идет не столько о преобразовании формы библейского выражения в форму фразеологизма, сколько об употреблении фразеологизма как особой единицы языка, отличающейся от исходного выражения своим качественным своеобразием. Вопрос о том, правомерны или неправомерны в современном литературном языке формы и *святая святых*, и *святое святых*, по существу своему касается оценки фразеологизма по принадлежности его к определенному разряду именных фразеологизмов: может ли этот фразеологизм употребляться в современном языке одновременно и как фразеологизм женского рода (со своей особой формой) и как фразеологизм среднего рода (также со своей особой формой). Что же касается вопроса о варьировании, или изменении, первого компонента при согласовании фразеологизма со словами, он решается целиком в зависимости от того, имеет или не имеет этот фразеологизм парадигматические формы, выражающие его отношения и связи со словами в речи, так как все иные формальные изменения первого компонента надо было бы расценивать как формальные варианты его.

Форма фразеологизма *святая святых* квалифицируется как единственно возможная для современного языка Толковым словарем русского языка под ред. проф. Д. Н. Ушакова,Словарем русского языка С. И. Ожегова, Словарем русского языка (в 4-х томах). «Фразеологический словарь русского языка» под ред. А. И. Молоткова выводит форму *святая святых* в заголовок словарной статьи, считая ее не только исходной, но и правильной, нормативной для современного языка. Форма *святое святых* в нем расценивается лишь как употребление фразеологизма, характеризующее прошлое состояние языка.

Подобная оценка формы *святая святых* в словарях подтверждается по существу и живым употреблением фразеологизма. Большинство писателей (как XIX в., так и наших современников) употребляют именно форму *святая святых*. Из 65 примеров на употребление этого фразеологизма, которые приведены в книге А. М. Бабкина, только в пяти случаях представлена форма *святое святых*. В газетах, дикторских текстах, в произведениях художественной и публицистической литературы также предпочтение отдается, причем без каких-либо колебаний, форме *святая святых*.

Ни о какой, казалось бы, равнозначности, равноценности форм *святая святых* и *святое святых* для современного русского языка говорить нельзя. Однако, если быть объективным, сам по себе факт преимущественного употребления формы *святая святых* не может свидетельствовать о недопустимости или о неправомерности формы *святое святых*. Как правомерность, так и неправомерность той или иной формы фразеологизма, если мы не имеем дело с явной ошибкой, обусловлена в итоге историей самого фразеологизма. Почему у него стала возможна та или иная форма? Чем вызвано ее появление? Объяснима ли она исторически?

Отнесенность фразеологизма *святая святых* к лексико-грамматическому разряду именных фразеологизмов не вызывает, по-видимому, никаких сомнений. И как всякий именной фразеологизм, независимо от того, в какой синтаксической функции он употребляется в речи и с какими конкретно словами сочетается, фразеологизм *святая святых* имеет категорию рода. Правильная квалификация его как фразеологизма определенного грамматического рода будет определять его правильное согласование со словами. Суть вопроса, таким образом, сводится к тому, какого рода фразеологизм *святая святых* в современном русском языке.

Род именных фразеологизмов в современном русском языке определяется формальным показателем — постановкой слова-определения при фразеологизме в соответствующем роде, независимо от того, соотносится ли само значение фразеологизма с тем или иным определением по форме, например: настоящий *синий чулок* (м. р.) ‘женщина, лишенная женственности, обаяния и всецело поглощенная книжными, учеными интересами’, наша *ахиллесова пята* (ж. р.) ‘наиболее уязвимое место у кого-либо’, редкое *присутствие духа* (ср. р.) ‘полное самообладание, хладнокровие, выдержка’; то же самое при иной структурной организации фразеологизмов, например: главный *камень преткновения* (м. р.) ‘помеха, затруднение, на которое наталкивается кто-либо в каком-либо деле, занятии и т. п.’, счастливая *путевка в жизнь* (ж. р.) ‘то, что открывает дорогу кому-либо или чему-либо, предоставляет право, возможность полезного существования’, бесконечное *хождение по мукам* (ср. р.) ‘тяжелые жизненные испытания, следующие одно за другим’ и т. д.

Естественно поставить вопрос, в какой степени это правило приложимо к фразеологизму *святая святых*? Можно ли по форме первого компонента фразеологизма *святая* согласовывать с ним слова-определения? И тем самым определить род самого фразеологизма. Положительный ответ на такой вопрос можно было бы дать в том случае, если бы форма первого компонента *святая* была адекватна форме современного прилагательного *святая* (ж. р. от «святой»), то есть если бы фразеологизм *святая святых* генетически представлял собой словосочетание, образованное из двух субстантивированных прилагательных: *святая* (ж. р.) и *святых* (м. р.). В этом случае мы имели бы дело с фразеологизмом женского рода, который согласовывался бы со словами по соответствующему правилу ('твоя *святая святых*', 'твоей *святой святых*' и т. д.). Однако форма первого компонента этого фразеологизма *святая* неравнозначна форме прилагательного *святая* (ж. р. ед. ч.). Форма первого компонента *святая* — это старая форма прилагательного ср. р. мн. числа в им. падеже, когда-то она была живой формой языка, но сейчас она лишь по своему внешнему виду отождествляется с формой субстантивированного прилагательного ж. р. ед. ч. им. падежа *святая*. Генетически, по своей внутренней форме, фразеологизм *святая святых* среднего рода. Современное восприятие формы первого компонента противоречит историко-генетической характеристике фразеологизма. Именно этим следует объяснить колебания в оценке фразеологизма по принадлежности его к тому или иному грамматическому роду.

Выражение *святая святых* восходит к библейскому тексту. «В ветхом завете, — читаем мы в первом академическом словаре русского языка, — так назывался внутренний храм Иерусалимский, в котором хранимы были ковчег с двумя досками закона божия, сосуд с манною и чудотворный жезл Ааронов, и в которой одному только первосвященнику единожды в год входить дозволялося» [4]. Как фразеологизм *святая святых* употребляется в русском языке сравнительно недавно. Скорее всего, если судить по материалам фиксации его, не ранее XIX в. Первоначально библейский текст по своей форме и во фразеологизме воспринимался, естественно, правильно; согласование его со словами соответствовало пониманию формы первого компонента как формы слова ср. р. мн. ч. им. падежа, поэтому сочетание *моя святая святых* было правильным не только для фразеологизма, но и для слова *моя*, согласованного с фразеологизмом в роде, числе и падеже, такое сочетание могло выглядеть архаичным со стороны употребления формы *моя* как формы ср. р. мн. ч., но оно, видимо, не «резало слух» на первых порах в сочетании с этим фразеологизмом. Со временем же, когда фразеологизм *святая святых* получил широкое распространение, стал употребляться все чаще и чаще, а его значение 'нечто особенно дорогое, заветное, недоступное

[4] Словарь Академии Российской, ч. V. СПб., 1794, стр. 390.

для непосвященных' менее всего стало связываться с библейским текстом, возникает в языке естественная тенденция «не подгонять» формы слов-определений при этом фразеологизме к архаической форме его первого компонента, ибо это само по себе противоречило бы естественному употреблению живых слов языка. Сама же тенденция получает развитие совершенно закономерно в двух направлениях: во-первых, слова-определители начинают согласовываться с фразеологизмом в женском роде ('моя *святая святых*', '*моей святой святых*' и т. д.), так как форма первого компонента фразеологизма начинает в живом употреблении восприниматься как форма женского рода ед. числа; во-вторых, поскольку исходной формой фразеологизма было словосочетание ср. р. мн. числа, постольку начинает трансформироваться форма самого фразеологизма в сторону переоформления ее в форму ср. р., то есть в *святое святых*, чем можно объяснить появление таких сочетаний как 'мое *святое святых*', 'моего *святого святых*' и т. д. В сущности и в том, и в другом случае все направлено к тому, чтобы «сделать» первый компонент фразеологизма соответствующим образом изменяемым, в первом — по женск. роду, во втором — по средн. роду. Так возникли несоотносимые между собой по грамматическому роду формы одного и того же фразеологизма. Употребление этих форм — факт совершенно очевидный. Однако сам по себе этот факт не объясняет, почему, несмотря на различные трансформации исходной формы этого фразеологизма, то как *святая святых* (ж. р.), причем в одних случаях она формально согласуется со словами ('моей *святой святых*'), в других — не допускает формального согласования ('моей *святая святых*'), то как *святое святых* (ср. р.), всегда формально согласуется то словами ('моего *святого святых*'), исходная форма *святая святых* остается доминирующей, преимущественной перед всеми другими на протяжении всей истории фразеологизма.

В целом форма *святая святых* все чаще и чаще выступает как неизменяемая, как застывшая в своем исходном виде, первый компонент которой уже не изменяется ни в соответствии с парадигмой слова *святая* (ж. р. ед. ч.), ни в соответствии с парадигмой слова *святая* (ср. р. мн. ч.). Чем это объяснить? Почему именно неизменяемость формы фразеологизма возобладала, стала доминировать над всеми вариантами изменяемости ее? И как следует тогда определять грамматический род этого фразеологизма, правильность его связей и отношений со словами?

Нельзя же серьезно говорить о том, что фразеологизм *святая святых* как о д н а единица языка оформлена в двух вариантах в зависимости от различия рода, то есть и как фразеологизм женского рода, и как фразеологизм среднего рода. В современном русском языке есть фразеологизмы м у ж с к о г о рода (*тертый калач, гусь лапчатый, отставной козы барабанщик*), ж е н с к о г о рода (*шишка на ровном месте, чернильная душа, мокрая курица*), с р е д н е г о рода (*ума помраченье, пушечное мясо, хождение*

по мукам) и о б щ е г о рода, типа *казанская сирота* и *казанский сирота* (только для фразеологизмов с общим значением лица). Но в языке нет фразеологизмов, которые были бы представлены о д н о в р е м е н н о и как фразеологизмы среднего рода со своей обособленной формой, и как фразеологизмы женского рода также со своей обособленной формой.

Всякое видоизменение формы первого компонента фразеологизма во всех случаях резко противопоставлялось его форме внутренней. Оно по существу своему не только формально разрушало фразеологизм, — фразеологизм утрачивал не только свою первоначальную форму, но и лексико-грамматическую характеристику именного фразеологизма среднего рода, ибо с первоначальной формой его связывалось само образование его как фразеологизма определенного рода. Только в своей архаической форме он мог преобразоваться во фразеологизм. Приведение же его по форме в типичное словосочетание современного языка противоречит природе фразеологизма как определенной единицы языка, в которой компоненты утратили признаки слов.

Наличие парадигматических форм у того или иного фразеологизма может проявляться также при условии, если эти формы соответствуют точно парадигматическим формам слова, с которым соотносится генетически компонент. Первый компонент фразеологизма (*святая*), будучи по форме словом среднего рода множественного числа, не может иметь парадигматические формы слова женского рода единственного числа или парадигматические формы слова среднего рода единственного числа, у него могли бы быть только формы косвенных падежей среднего рода множественного числа, не иначе.

Сохранность первоначальной формы фразеологизма *святая святых* нашла свое отражение не только в том, что она преимущественно употребляется на протяжении истории этого фразеологизма и становится единственно возможной и правильной, нормативной, но также и в неизменяемости как первого, так и второго компонента.

Фразеологизм *святая святых* не имеет парадигматических форм, то есть форм выражения его отношений и связей со словами в речи. Они не могли проявиться в силу указанной архаичности формы его первого компонента. В современном языке фразеологизм *святая святых*, будучи именным фразеологизмом среднего рода, согласуется со словами-определениями по среднему роду без изменения своей формы, то есть без формального выражения связей и отношений его с этими словами в речи.

* * *

Соответственно сказанному, можно сделать такое заключение:

1. П р а в и л ь н ы м для современного словоупотребления будет *свое святая святых*, *из своего святая святых* и т. д. «Он, Дан-

вич, стал как бы частицей самого фюрера, пусть ничтожной, но все же частицей. Эта мысль опьяняла Данвица. Он возвращался к ней снова и снова, когда видел перед собой великого человека, допустившего его, скромного майора, в *свое святая святых*» (А. Чаковский, Блокада). «Всякий раз, когда переступаешь порог мастерской выдающегося живописца или ваятеля, испытываешь особое волнение: ведь ты попадешь в *святая святых* художника, где проходят радостные и мучительные часы творчества. С таким чувством я подошел к двери, на которой прикреплена табличка «С. Т. Коненков» (из газет).

Здесь фразеологизм употребляется правильно в своей неизменяемой форме и правильно согласуется со словами как именной фразеологизм среднего рода.

2. Неправильным в равных условиях будет *своя святая святых*, *в свою святая святых*, *из своей святая святых* и т. д.

Здесь фразеологизм употребляется правильно по форме (как неизменяемый), неправильно — по роду (как фразеологизм женского рода).

3. Неправильным, ошибочным следует считать также:

а) *в свою святую святых*, *из своей святой святых* и т. д., где фразеологизм дается как изменяемый по форме и относится к фразеологизмам женского рода;

б) *в свое святое святых*, *из своего святого святых* и т. д., где фразеологизм также дан в изменяемой форме, хотя и правильно отнесен к фразеологизмам среднего рода. Но такое употребление фразеологизма, характерное для ранней истории его, допустимо рассматривать и как архаическое, и как индивидуально-авторское. Оно отмечается у писателей старшего поколения и в наше время: «В рукописи я встречаю цитаты из Хемингуэя. С читателем говорит К. Маркс (говорит по-английски). Вы сталкиваетесь с Диккенсом, Б. Шоу, с Голсуорси, снова с Ч. Диккенсом. А рядом с ними с вами разговаривают (для того, чтобы вы вошли в самое *святое святых* живой английской речи) и Дж. Эллиот, и Агата Кристи, Э. Хемингуэй и Шекспир» (Л. Успенский. Неожиданная книга).

В сочетании со словами именной фразеологизм *святая святых* управляет род. падежом существительного: «Девушка бросилась вслед за Гридневой, опрокинула стул, но корреспондентка уже прорвалась в *святая святых* народного суда — в совещательную комнату» (А. Безуглов, Змееловы). «Сборочный цех. *Святая святых* завода. С верхней площадки стапеля видна вся машина — от киля до носа» (из газет). «Иван Павлович Мележ. . . Лауреат Ленинской премии, народный писатель Белоруссии. Герои его книг разошлись по всей стране и поселились в миллионах домов и квартир. . . Это всегда заманчиво и волнующе — приоткрыть занавес в *святая святых* большого мастера, в его творческую лабораторию, где свершается таинство рождения Искусства, где денно

и нощно клокочут страсти, бушуют войны, идет нещадная схватка Добра со Злом, Жизни со Смертью» (Н. Матуковский, Часть моего сердца).

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТИПОВ НАРЕЧИЙ В СТАРОБЕЛОРУССКОМ ПИСЬМЕННОМ ЯЗЫКЕ

М. Г. БУЛАХОВ

После академика Е. Ф. Карского [1] рассмотрению старобелорусских наречий посвятила небольшой очерк В. Ф. Кривчик [2], а также автор этой статьи [3], что, конечно, далеко не исчерпывает всей проблематики адвербиального словообразования в старобелорусском языке. По мере изучения письменных памятников становится совершенно очевидной общая линия обогащения всех существовавших в древнерусскую эпоху наречных типов за счет вновь образованных качественных, качественно-обстоятельственных и обстоятельственных наречий морфологическими и синтаксическими способами. Этот процесс затронул буквально все части речи, явившиеся важнейшей базой образования новых наречных лексем в ходе формирования трех самостоятельных восточнославянских языков — русского, белорусского, украинского.

В старобелорусском языке, насколько позволяют судить имеющиеся факты письменности XIV—XVII вв., наиболее часто адвербиализовывались бывшие именные формы прилагательных. Самый многочисленный тип составляли наречия, соотносительные с формой именительного падежа единственного числа среднего рода качественных прилагательных: *борздо*, *борзо* (ПСРЛ, XVII, 154, 158, 164, 263, 267, 319; ЛС 1588 г., 136); *скоро* (ПСРЛ, XVII, 259; АЛРГ, 230, 242; ЛС 1529 г., 81; ЛС 1588 г.,98;ИЮМ, XXX, 110; АВК, XXXVI, 378); *лѣниво* (ВС, IV, 91; ЕК, I, 58 об.); *долго* (АЗР, I, 26; ПСРЛ, XVII, 212); *лихо* (АРИ, I, 104; РИБ, XXVII, 353); *легонко* (Три кор., 14); *легко* (Тристан, 64); *гораздо*, *горазда* (АЗР, I, 36; ПСРЛ, XVII, 156, 193; АВАК, XVII, 27; ИЮМ, II, 232); *здорово* (ИЮМ, XXX, 37; РИБ, XIX, 465); *пилно* (РИБ, VII, 927); *криво* (АЗР, I, I); *грозно* (ЛС 1588 г., 37); *дужо* (РИБ, XIX, 433); *кривавo* (АВАК, XVII, 224); *коротко* (ЕК, II, 112); *напрасно* (Скор., Притчи, 37 об.); *дорого* (ИЮМ, XXX, 132);

[1] См. Е. Ф. Карский. Белорусы, вып. 2—3. М., 1956, стр. 65—78.

[2] См. В. Ф. Крыўчык. Прыслоўе. «Нарысы па гісторыі беларускай мовы». Мінск, 1957, стр. 253—271.

[3] См. М. Г. Булахаў. Практыкаванні і матэрыялы по курсу гісторыі беларускай мовы. Мінск, 1969, стр. 93—102.

свежо (АВК, XXXVI, 177); *скаредно* (ПСРЛ, XVII, 78); *вечисто* (АВАК, XI, 210); *конечно* (ИЮМ, II, 232); *твердо* и *вечно* (Там же, 236); *твердо* (Скор., Юдиф, 20 об.); *храбро* (Тристан, 62); *мужественно* (Хрон. лит., 499 об.); *мало* (РИБ, XXX, 573; ЕК, II, 121); *живо* (АВАК, VI, 8; АВК, I, 110; АВК, XX, 114); *розно* (ИЮМ, VI, 21); *людско* (ССЖ, 335); *просто* (ЛС 1566 г., 61); *ѣздно* и *пѣшо* (ВС, IV, 82); *тихо* (Псалт. XVI в., 71 об.); *убого* (АЗР, II, 204); *глубоко* (РИБ, XXX, 576; ЕК, II, 127) и др.

Такие наречия в старобелорусском языке, употребляясь при глаголах личных, выполняли обычно функцию обстоятельства способа действия. Но они довольно часто встречаются также в безличных конструкциях в предикативной функции, ср.: и егда пришли были с нимъ до дому, вже было *позно* (Скор., Царств, IV, 195); велми было *позно* (ПСРЛ, XVII, 261); Тогда воздохнула Зузанъна и рекла *тесно* ми нынѣ естъ со всихъ странъ (Скор., Даниил, 35 об.); Почънемы ли молъвити къ тобѣ дабы не было тобѣ *тѫжъко* послухати насъ (Скор., Иов, 8 об.); стало Витовтъ *смѫтно* велми (ПСРЛ, XVII, 273); мелоса стат *славно* по всем свѣте (Псалт. XVI в., 48); ему было *не споро* (РИБ, XIX, 466); росказалъ боурѣ и стало *тихо* (ЕК, II, 26); намъ *мило* было того щастя заживати (Евл., 150); *тоскно* мнѣ жить (Кройника, 43 об.); ѡсакнѫтъ воды, высхнетъ вода а бѫдеть *сѫхо* (ССЖ, 327).[4]

Более широко, чем в современном языке, употреблялись наречия на *-е* (*-ѣ*), соотносительные, по-видимому, с беспредложной формой старого местного падежа кратких качественных прилагательных основ на *-о*. Эти отприлагательные наречия были своеобразными дублетами рассмотренных выше наречий, причем выбор того или другого варианта в большинстве случаев не имел стилистической мотивировки, так как встречаемость их в различных по содержанию и языковым особенностям текстах памятников приблизительно одинакова: *грознѣ* приказуемъ (АЗР, I, 25); служыти *вѣрнѣ* (Там же, 55); *неправнѣ* жаловала (Там же, 18); были *правдивѣ* немощными (ЛС 1566 г., 36); Исторіа. . . правдиве списаная (РИБ, XIX, 433); сѫдим *справедливе* (Псалт. XVI в., 12); *невиннѣ* тоужлива есть дша моа (Там же, 44 об.); *неслушнѣ* апеловалъ (ЛС 1566 г., 98); *безплоднѣ* умерла (Там же, 111); *быстре* одинъ на другого торъгнувшисе (ЛС 1588 г., 292); *добре* справовалъ (АЛРГ, 203); не караетъ заразъ и *сквапливе* (Лек., 13); ѿбегли *конечнѣ* (ПСРЛ, XVII, 122); просил ижбы слнце наза пошло противъ своего ѫсходѫ ѡне *подобливе* наза пошло (Три кор., 5); коу целованїю и ѡбниманію ѡдинъ коу дроугомѫ *радостиве* бежал (Там же, 23); мирроу *плачливе* ѡферовал (Там же, 31); и провѣдеть мене в делехъ моих *трезъвливе* (Скор., Премудрость, 14 об.); пойте *разѫмне* (Псалт. XVI в., 48); боудовал *ег вечисте* (Там же, 48 об.); мел ити на мѫкоу *моужне* (Там же, 49); мене

[4] Выносные буквы в примерах опущены в строку.

дей *невинне* а *здрадливе* изъ тылу штыхомъ зранилъ (АВК, XXI, 327); с того света *смертельне* в коротькомъ часе обое зышли (АВК, XXXVI, 137); *неразумѣтелнѣ* раздѣляется (РИБ, VII, 728); *спокойне* заховати могли (РИБ, XIX, 993); *скромне* и тихо ставитъсѧ (ЕК, I, 108 об.); ходилъ *дбале* и спѣшно (Там же, 133 об.); *сѫрове* погладѣл на *них* (Там же, II, 40 об.); *разливе* дотыкаючисѧ (Там же, 155 об.); есть властне *выразливе* описано въ листѣ дѣльчимъ (АВАК, VI, 233); оказѫешь *мѫжественне* (ДБМ, 5 об.); ѡное фрасѫнливе зносѧт (Там же, 61); въ достатькахъ великихъ *безклопотне* жилъ (Там же, 160); вошли до мѣста *смѣле* (Кройника, 52 об.); же бысь ты моглъ *фѫнъдаменталне* то. . . знати (ССЖ 330).

От древнерусской эпохи старобелорусский язык унаследовал тип наречий на *-скы* (*-ски*), соотносящихся, по-видимому, с бывшей формой творительного падежа множественного числа кратких прилагательных. Однако этот словообразовательный тип не получил широкого развития. Нам известны только следующие образования: мешкалъ у мене черезъ ночъ, во всемъ ся спокойне *приятельски* заховуючи (АВК, XXII, 280); обыйдуся зъ нимъ такъ *приятельски* (РИБ, VII, 1396); владычьственѣ, *господьскы*, самовластне исходитъ (Там же, 731); подобно быти възмнѣхъ *братскы* же и дружебнѣ (Там же, 748); съ святыми богоносными отцы съвокупляющеся *братскы*, согласне (Там же, 774); нелѣпо быти кому наскакати *разбойническы* и *томительскы* на престолъ, иже тому не свой (Там же, 764); *пастырски* духовнымъ оружіемъ боронячи (Там же, 774); И многые отъ нихъ *мученическы* кровію вѣнчаются, но всяко не соблазняются (Там же, 787); духовнѣ рассужали, а *не плотскы* согрубяли (Там же, 697); я, заховуючысе *суседски*, пропущаючы то на сторону, писаломъ до него о другий рокъ (АВК, XXXVI, 251).

К различным падежным формам кратких прилагательных, в частности к формам им. п. ед. мужск. р., им. п. мн. ч., вин. п. двойств. ч. восходят наречия *пешь* (*пѣшь*), *пеши*, *пешу* (последнее, возможно, из *пешию*). На связь этих наречий с прилагательными указывает их синтаксическое употребление: обычно они являются частью сложного сказуемого, сочетаясь с глаголами движения: си *пѣшь* со дроужиною своєю натече (ПСРЛ, XVII, 24); а иныи *пѣши* придоша (Там же, 29); и послы наши къ тобе не доехали и къ намъ ся вернули *пеш(и)* голодни (РИБ, XXVII, 458); И вышолъ *ест* цѧрь. . . *пешъ* (Скор., Царств, II, 94 об.); скочивъ с колѣснице и *пешъ* бежаше (Скор., Судей, 11); виделъ есми рабы а о́ни ездѧть на конехъ, бо҆ре же а о́ни ходѧть *пеши* (Скор., Еклесиаст, 15 об.); и с нимъ дей есми въ дорогу *пешъ* пошолъ (АВАК, XVII, 136); Станиславъ Яновичъ самъ пришелъ *пѣшь*, калека (РИБ, XXXIII, 734); Лавъринъ Лобковский вышолъ *пешъ* отъ Шемъбеля Анъцутича з дыму (Там же, 792); всюды *пѣшъ* ходилъ (ЕК, I, 133 об.); а коли не мамъ конѧ, ҇а и пѣш поиду (Гвидон, 140); Ты *пѣшъ* не поидешъ, хочу тобѣ дати зброю и доброго конѧ (Там же);

завжды *пѣшъ* хоживалъ (Там же, 154); и злюбил на том тотъ витез и пошол *пѣшъ*, несучы свою зброю (Тристан, 96).

Сюда примыкают случаи употребления указанных наречий в сочетании с глаголами зрительного восприятия, становления и обнаружения: могъ бы *пешъ*, або на клячи верхомъ сеножати огледати (АВАК, XVII, 171); конь дей здохъ, оказалъ *пешъ* (РИБ, XXXIII, 548); Валентынъ Ярославовичъ з села Ромашкевичъ показался *пешъ* з мечомъ (Там же, 593); Яковъ Андрѣевичъ ставился *пешъ*, конь дей здохъ (Там же, 676).

По аналогии с наречием *пеши*, которое соотносится с им. п. мн. ч. кратких прилагательных, в старобелорусском языке возникло наречие *пешки*, имеющее субстантивную основу (др.-русск. *пѣшькъ*, наряду с *пѣшьць*; ср. название шахматной фигуры *пешка*, бывшее притяжательное прил. *Пешков*, а также русск. *пешком*): на службу до сего часу на войну не вышолъ, ведже теперь обмогшися самъ з дыму *пешки* вышолъ (РИБ, XXXIII, 838).

Кроме ряда беспредложных форм кратких прилагательных, адвербиализации подверглись многочисленные формы кратких прилагательных, когда-то употреблявшихся при именах существительных с предлогами. Из числа таких форм в старобелорусской письменности XIV—XVII вв. отражены следующие.

1) Формы родительного с предлогами *до*, *съ*, *зъ*, *изъ*, *за* (некоторые из них уже присоединились к основе слова, превратившись в приставки): оуже то проꙗвилос что ѡнѣ с немцы *дополна* на нас стали (ПСРЛ, XVII, 208); вино казнити будеть срдца гордыхъ *допиꙗна* ѕпитыхъ (Скор., Сирахов, 51—51 об.); кто иныхъ ѕподеть *допиꙗна* сей и самъ ѕпиетсѧ (Скор., Притчи, 19); шкодъ много, а злодея еще *до певна* не ведаемъ (АВАК, XVIII, 79); И вычищу останъки дому Еровоамова ꙗко вычищаютъ гной даже *дочиста* (Скор., Царств, III, 160 об.); тые вси пенези *сполна* до рукъ нашихъ взявши (АКК, XXI, 335); ты и тую землю ихъ всю *сполна* сорокъ волокъ имъ отдай (АВК, XXII, 436); держащи. . . иныѧ многиѧ земли *сопроста* (ПСРЛ, XVII, 65); важилемъ ся на тотъ листъ его милости *спроста* отписати (РИБ, XIX, 380); *струдна* познати (Там же, 765); на тое окупенье именейца пенезей позычили, жебыхъ се *струдна* пры томъ именейцу за долгами одержати мелъ (АВК, XXIV, 426); ничого дѣтинного не починали *сперву* (РИБ, VII, 196); А съ чюжихъ прикладовъ научилися есмо того, якъ всѣ *слегка*, ани троха *зразу*, не уприкряючися (Там же, 1164); *злегка*. . . ѡтѣнꙗетъ свѣчѕ (ДБМ, 75); Объꙗснꙗетъ прето имъ *зъдробна* прѝповѣсть сюю (ЕК, II, 124); Янъ Тихи яко квиту, такъ тежъ и некоторого доводу не учинилъ и *згола* все мовилъ (АВК, XX, 8); въ тамъ часть князя Кошерского *зъ лѣва* стѣнки учиненое перенесло ся на сторонѹ его милости (АВАК, XIV, 607); *знову* [5] надъ рѣкою Березиною казалъ есми копецъ

[5] С XVII в. это наречие встречается в памятниках также в форме *знов*ъ, которая могла образоваться фонетическим путем, т. е. вследствие наличия в конце слова билабиального *в* и лабиализованного *у*, что отражено в совр. блр. *знoў*.

закопати (Там же, 3); и *зъблизка* могли их видети. . . *здалека* же не могли (Скор., Царств, III, 142); и выслухалъ мѧ *звысокѹ* (Псалт. XVI в., 117); тамъ были гори велми прикрыи противъ собѣ и скалы *звысока* высѧчїи (Александрия, 454 об.); што къ тому именью *зъдавна* прыслухало (РИБ, XXVII, 867); а суды судити по старине, какъ у васъ *издавна* пошло (Там же, 123); *зъ стародавна* належали (АЗР, I, 57); маютъ права *изъ давна* (ИЮМ, I, 358); она промежъ ихъ *зъ малу* ся згодовала (АВАК, XVII, 352); Кто *змолада* роскошъно ховаетъ слугу своего, сей потомъ имети будетъ его собѣ противнымъ (Скор., Притчи, 44 об.); чего *змолоду* не собралъ еси собѣ (Скор., Сирахов, 41); *измлада* и до старости (РИБ, XIX, 13); зъ многыми чары твоими, которымъ *змолоду* ся научила (РИБ, VII, 894); Судьи имаеть быти *израна*, потрезву судъ (АЗР, I, 4); и *зажива* снийдоша во адъ (Скор., Числа, 38); *зажива* да созъженъ будеть (Скор., Левит, 39); Што слуга меский присяглый Гришко Мошеев *за свежа* огледавшы, до книг сознал (АВК, XXXIX, 387); и жадное ведомости *за свежа* не могъ взяти о немъ (ИЮМ, IX, 294); если бы хто былъ о злочинство пойманъ, а не на свежымъ учынку, якъ мовятъ, не *за горяча* (ИЮМ, VIII, 403) и др.

2) Формы дат. п. кратких прилагательных, употреблявшихся первоначально с именами существительными с предлогом *по*: *потрѣзву* (АЗР, I, 4); и *поготову* были на каждый часъ (АЛРГ, 232); *поготовью* не знайдешъ (РИБ, XIX, 1071); сегодня *пранѹ* (АВК, XXXVI, 151); хмелю отъ рознихъ мужыковъ *по дробну* купили (ИЮМ, VI, 19); *порозьну* судять (АЗР, I, 88); выплатили *порозну* речми дробными (ИЮМ, XXX, 149); *по особну* водлуг права пытани были (Там же, 131); и тому ся не *по малу* [6] дивую (РИБ, XIX, 801); *помалѹ* малѹ. . . оускромилаѧ (ДБМ, 216); будетъ ли *по близу* возный (ЛС 1588 г., 364); с тыхъ земль пустовскихъ, которыи отъ нихъ *подалеку* (АЛРГ, 192); *по недалеку* осѣлость свою мѣлъ (ЛС 1566 г., 75); *потиху* становени не были (РИБ, XIX, 653); *по-просту* мовилъ (Там же, 903); все *по геретическу*, а не *по католическу* аркгументуетъ (Там же, 833); *по-грецческу* не чытано (Там же, 493); *по епикурску* жывотъ свой провадилъ (Там же, 531); *по жаковску* пишешь (Там же, 1115); *по старосвецъку* мовечи (Там же, 1069); прозвал тот Керноус берегъ *по влоскѫ* (ПСРЛ, XVII, 230); *по руску* писати (ЛС 1566 г., 63); с подписомъ руки сына нашого Оникея *по руску* (АВК, XXXVI, 138); было *по руску* чытано (Барк. л., 15); читаи книжки ѡ томъ *попольскѹ* писаные (ОСБ, 36); ночнымъ деломъ, *по злодейску* (ИЮМ, VIII, 380); названый естъ *по иноческу* Уріилъ (ИЮМ, IX, 374) и др.

---

[6] При глаголах движения возможна была форма с местным падежом имени, что находит частичное отражение и в соответствующем наречии, ср.: И помыслилъ есмь, *помалѹ* и намъ тамо *поити*, гдѣ отци и братіа наша (АЗР, I, 59, 1446 г.).

Подобно тому, как это происходило в старорусском языке, в старобелорусском языке появилось немало контаминированных наречий, в составе которых имеется основа на *-ски* (*-скы*), а также префикс *по-*. В таких образованиях были объединены старая форма твор. мн. ч. кратких прилагательных и предлог, употреблявшийся главным образом с дат. п. В силу деэтимологизации старой формы твор. п. эти наречия нередко «дооформлялись» по образцу полных прилагательных: *Погрѣческыи* параболе, полатине проверъбиа, а *порускыи* притчи Саломоновы (Скор., Еклесиаст, 1 об.); Перъвое слово называетсѧ алефъ, еже *порускии* сказуетьсѧ наука (Скор., Иеремия, 2 об.); Египетъ же *порускыи* сказуетъсѧ темности (Скор., Исход, 3); Рамесъ же *порускии* сказуетсѧ порушение (Скор., Числа, 2); предъ осмію дней, *по-римскіи* называемого генуаріа (РИБ, VII, 857); а потомъ, убравшися въ синий колпакъ *по татарскии*. . . прочъ утекъ (АВК, XXI, 155).

Простое соединение предлога-префикса *по* с бывшей формой творительного множественного наблюдается в таких случаях, как: чтоут еванкгелїю тоую *по латынски* (Три кор., 90); а то *по грецки* говорѧть (Там же, 70); а потомъ положила записъ другий. . . писаный *по руски* (АВАК, XVII, 326); с подписью руки мои *по руски* (АВК, XXII, 104); за листомъ своимъ умоцованымъ писанья властной руки своей *порускы* и подписала *по польски* (Там же, 219); одну дорогу до Мемля, менуючи *по литовски* Клойпеда (АЗР, II, 366); Прото не *полицемѣрски*, але с хути и от правды вси стїи къ богу сїю прозбу говорили (Кат. Будн., 202 об.).

Наряду с краткой формой дательного падежа мужского рода единственного числа имен с предлогом *по* адвербиализации подвергалась соответствующая полная форма, что подтверждается такими случаями, как: нехай онъ тую свою отчину всю сполна держитъ и заведаетъ *по давному* (АЛМ, I, 160); тое именье Вепрату . . . *по давному* в спокойное держанье прысудили (АВК, XXXVI, 4); а коло гребельного и мостового мають ся заховати *по давъному* (РИБ, XXX, 235); *по старому* держатисе могли (РИБ, XIX, 993); гдыбы ѡшарпанецъ ꙗкій през сонъ видѣлъ себе богатымъ, а ѡчнѹвшисѧ *постаромѹ* нашолъсѧ калѣкою и нагимъ (ДБМ, 184); умылася ѥдкою цудною лицэ и руки, ѡпѧть стала *по первому* цудна (Гвидон, 171).

3) Формы вин. п. с предлогами *въ*, *за*, *на* ср. р. ед. ч.: поехавши тымъ боромъ звернули осочники *въ лево* въ боръ (АВАК, XVII, 303); они просили селецъ въ насъ не *запусто*, але зъ людми (АЛМ, I, 57); зведайте *запевно* где *ест* (Скор., Царств, I, 50); робота тежъ толоки *заровъно* зъ иншими селы повинни (АВАК, XIV, 215); рахуючы тотъ злишокъ *за ровно* (ЛС 1588 г., 205) [7]; шата отъ лису

[7] Иногда в функции наречия встречается полная форма прилагательного мн. ч. с предлогом-приставкой *за*, ср.: ихъ самихъ и слугъ ихъ збили, зранили, змордовали и *за-мертвыхъ* покинули (АЗР, II, 396).

шарогошъ. . . рукава *на косо* (АВК, XXII, 155); саянъ чорный уторфиновый со аксамитом рукава *на косо*[8] (АВК, XXXIX, 603); внийде во теснейшее место и где же не можаще ѯклонитиса ни *налево* ани *направо* (Скор., Числа, 49); почалъ рубати моцно *на право* и *на лѣво* (Тристан, 116); онъ за прошлые часы мне на страву заплатилъ и *на ново* дал (АВК, XXXIX, 295); Змовили Павла печура печъ *на ново* переправить (ИЮМ, III, 136); пречина одна отъ Бору Великого, теперь *наровно* помѣроного (АВАК, VI, 185); шинковати имъ *нарозно* (АЛРГ, 81); черезъ дорогу *на сухо* по бору (АВАК, VII, 5); змовили бруся волочить, которое у Дубровне у песку лежало *на сухо* (ИЮМ, V, 73); *на чысто* переписанья книгъ (ЛС 1588 г., 102); за писане реестровъ поголовныхъ *начисто* (ИЮМ, III, 120) [9].

4) Формы местн. п. кратких прилагательных с предлогами *въ*, *на*, *по*; этот тип наречных образований в старобелорусском языке, по-видимому, был продуктивным, однако в дальнейшем он оказался лексически ограниченным, а теперь и совсем не используется для производства адвербиальных неологизмов: и *во боръздѣ* ѡпоусти Петра митрополита на Роусь (ПСРЛ, XVII, 28); *в боръздѣ* поспѣшить борьздѣ і приедеть ко братѯ своемѯ (Там же, 143); ѡн же *воскоре* возѣрвса (Там же, 52); ѡн же беза всякого ѡслушания *оускоре* приехалъ к нему (Там же, 102); *воскори* приехал (Там же, 137); вси права до остатку *врыхле* не могут ся зложити (ЛС 1529 г., 81); а то бѯде *врыхлѣ* (Псал. XVI в., 8); А потомъ, не *вдолзѣ*, присылали къ намъ слуги наши (АЗР, I, 123); сами есмо со всими нашими землями *въ-готовѣ* (Там же, 125); а землю свою зрадилъ такъ, яко бы вси *вготовѣ* были (Там же, 159); жона моя смачно ела и пила и *въ красне* ходила (АВАК, XVII, 242); Володимеръ же поиде *в мале* (ПСРЛ, XVII, 16); средне або *въмалѣ*. . . принесемо (ЕК, II, 127 об.); выеха к немоу кнзь Глебъ Стславичь не *во мнозе* (ПСРЛ, XVII, 46); и *надолзе* велми биющимьса имь (Там же, 48); Исторіа о . . . флоренскомъ синодѣ, *в коротцѣ* правдиве списаная (РИБ, XIX, 433); *вкратъце* написалося (Там же, 517); Отъ Ивана Пилиповича — *внове*. Отъ Михалка Висловухова — *внове*. Михалка Гарелачникъ — *внове* (ИЮМ, IV, 24); земли волости Могилевское *впусте* лежать (АЛРГ, 192); даломъ пляцъ пустый, который через немалый часъ *впусте* лежал (ИЮМ, XXX, 46); два дымы спустошоные — *в пусте* стоять (АВК, XXXVI, 247); кгды тот Ѩцко до летъ зуполныхъ придеть, *в цѣле* опеку здати (ИЮМ, XXX, 107); поидетъ на помоч ратию. . . велми *наборзе* (ПСРЛ, XVII, 210); Ѩкаило правдѯ свою забыль

---

[8] Ср. аналогичное наречие, но соотносящееся с формой вин. п. мн. ч. в современном белорусском: *Наўкасы* на жоўтых дахах леглі промні (М. Л у ж а н і н, Збор твораў, II, 227).

[9] Ср. аналогичное наречие *напуста* в современном белорусском языке: Пакіньма *напуста* на лёс свой наракаць (Я. К у п а л а. Збор твораў, I, 82); Каб слоў *на-пуста* не кідаць. . . (Там же, 376); І сабака *напуста* не забрэша (Народное).

наборзде тамь не шоль (Там же, 87); мы призволили имъ людей за себе призвати и *нановѣ* за собою посадити на церковной земли (АЗР, I, 201); *по правѣ* усе кгрунты Короны польское (АВАК, VI, 143); *по лѣве* кгрунты владычіе, а *по праве* мѣскіе (Там же, 163); у дворъ *по правѣ* домъ низкий (АВАК, XIV, 436) и др.

Таким образом, приведенные выше материалы письменности свидетельствуют, что в старобелорусском письменном языке, в значительной степени отразившем явления живого разговорного языка, лексико-грамматический разряд наречий довольно активно пополнялся за счет архаических форм кратких имен прилагательных. Выпадая из системы склонения, эти формы не во всех случаях утрачивались языком, они, как правило, приобретали новые грамматические свойства, в частности новую сочетаемость (с глаголами), а следовательно и новые синтаксические функции (обстоятельственные). Само собою разумеется, что падежные формы кратких прилагательных в процессе их адвербиализации получили качественно иное назначение в морфологической структуре наречных лексем. Эти и другие вопросы ждут дальнейшей научной разработки с учетом тех исторических изменений, которые происходили в системах других частей речи.

СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ НА *-ТЕЛЬ* В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XIV—XVII вв.

В. Н. ХОХЛАЧЕВА

Словообразовательный тип существительных с суффиксом *-тель*, по мнению А. Мейе [1], восходит к общеславянской эпохе. Русским языком он, по-видимому, усвоен под воздействием старославянского языка [2]: имена на *-тель* отсутствовали в ранних памятниках русской деловой письменности, не распространены в говорах и не представлены там отличными от литературных образованиями [3].

С этой точки зрения функционирование суффикса *-тель* в памятниках русской письменности XIV—XVII вв. можно рассма-

---

[1] А. Мейе. Общеславянский язык. М., 1951, стр. 281.

[2] Об этом см.: В. В. Виноградов. Из истории лексики русского литературного языка. «Русская речь», Новая серия, I. Л., 1927, стр. 95—96; А. А. Шахматов. Очерк современного русского литературного языка. М., 1941, стр. 87; С. П. Обнорский. К истории словообразования в русском литературном языке. «Русская речь». Новая серия, I. Л., 1927, стр. 88—89 и др.

[3] См., например: И. С. Торопцев. Суффиксальное словопроизводство имен существительных, обозначающих лиц мужского пола, в говоре с. Коршево Бобровского района Воронежской области. «Уч. Зап. Борисоглебского гос. пед. ин-та», вып. IV, 1958, стр. 56.

тривать как определенный и существенный этап на пути освоения этой словообразовательной морфемы русским языком.

Словообразовательная модель имен лиц на *-тель*, судя по материалам памятников данного времени, не имеет структурных отличий по сравнению с более ранними и более поздними эпохами.

Основная производящая база для имен на *-тель* — суффиксальные глаголы. Суффикс *-тель* присоединяется к основам, имеющим инфинитивные показатели *-а-* и *-и-*, которые сохраняются в производных именах: *ласкать — ласкатель*, *править — правитель*. От основ глаголов на *-ѣть* III класса образуются существительные на *-итель*: *видѣти — видитель*, *повелѣти — повелитель* [4]. Имеется несколько образований, в которых суффикс *-тель* присоединен к глагольному корню: *житель*, *жатель*, *датель*, *дѣтель* и нек. др.

Имена на *-тель* образуются от основ глаголов переходных (основное ядро производящих глаголов), косвенно-переходных (реже) и непереходных (очень редко).

Существительные на *-тель* могут быть образованы от основ глаголов как совершенного, так несовершенного вида, различающихся суффиксально: *искусить (искушать) — искуситель*, *предать (предавать) — предатель*, *разорить (разорять) — разоритель*; *грабить — грабитель*, *губить — губитель*, *ругать — ругатель*, *читать — читатель*.

Несомненно важным является вопрос о том, можно ли считать модель образования имен лиц на *-тель* освоенной словообразовательной системой старорусского языка и к какому времени правомерно отнести это освоение. Необходимо различать использование лексики определенного морфологического строения от живого словообразования по этой словообразовательной модели.

Имеются мнения, что модель образования имен лиц на *-тель* можно считать освоенной русским языком с того времени, когда употребление этих существительных стало расширяться в памятниках, слабо связанных с церковно-книжной традицией — в светских литературных сочинениях различных жанров и в официально-деловой речи, и когда суффикс *-тель* получил возможность присоединяться к основам чисто русских по происхождению глаголов. Таким временем называют XVII век [5].

Однако оба эти критерия нельзя считать достаточно надежными. Практически не существует памятников абсолютно «чистого» стиля: «Принадлежность памятника к определенному жанру отнюдь не исключает возможности одновременного употребления в его языке слов, относящихся и к церковнославянскому языку,

---

[4] См. В. Л. Воронцова. Образование существительных с суффиксом *-тель* в древнерусском языке. «Труды Ин-та языкознания АН СССР», т. 5, 1954, стр. 8—9.

[5] См. В. Л. Воронцова. Указ. соч., стр. 30—31; В. А. Попова. Словообразование имен существительных в русск. лит. яз. первой трети XVIII века. Автореф. канд. дисс. Одесса, 1956, стр. 5.

и к древнерусскому»[6]. Кроме того, сама распространенность существительных на *-тель* в том или ином жанре является в первую очередь прямым свидетельством лексического их освоения и только косвенно, в сочетании с другими фактами и явлениями может служить указанием на ассимиляцию языком соответствующей модели.

Соединение суффикса *-тель* с основами чисто русских глаголов служит надежным доказательством сложившихся собственно словообразовательных связей. Но образование посредством суффикса *-тель* на русской почве могло активно осуществляться от основ глаголов, общих старославянскому и старорусскому языкам. И в этом случае невозможно разграничить заимствования и образования. Если же это обстоятельство оставить неучтенным, то историческая перспектива в освоении модели образования имен на *-тель* может предстать искаженной.

Определенный ответ на поставленный вопрос можно найти, обратившись к соотношению глагольных и субстантивных черт в семантике производных и к специфике их семантической эволюции.

Имена лиц на *-тель* в старорусском языке были семантически не однородны.

Семантика отглагольных имен на *-тель* складывается под воздействием двух факторов. Они прямо следуют за семантикой производящего глагола и в принципе соотносительны со всей его семантической структурой. Семантическая близость имен на *-тель* и производящих глаголов структурно выражена в аналогии глагольного и именного управления: при прямо-переходных глаголах вин. п. прямого объекта соответствует род. п. объекта при именах на *-тель*, напр., *создать* к о г о - ч т о - л. — *создатель* кого-чего-л. (*создать* род человеческий — *создатель* рода человеческого; *создать* все конечное — *создатель* всего конечного), *строить* дом — *строитель* дома, *мучить* христиан — *мучитель* христиан и т. д. Имена, образованные от глаголов, управляющих кроме вин. и другими падежами, или косвенно-переходных, сохраняют глагольное управление: *учить* добру — *учитель* добру, *оберегать* ото всех стран — *оберегатель* ото всех стран и др.

Не трудно видеть, что полное семантическое следование имени глаголу как бы превращает его в морфологизированную форму этого глагола. Но этому превращению препятствует воздействие на семантику производных имен второго фактора — категориальных свойств существительных.

Существительным как части речи свойственны конкретные значения, устойчивые в словарном отношении. Номинативная функция существительных в языке может осуществляться только при

---

[6] Н. Г. М и х а й л о в с к а я. К вопросу лексической стилистики древнерусского языка. «Памяти академика Виктора Владимировича Виноградова». М., 1971, стр. 132.

условии «понятийной содержательности» лексических единиц, их строго фиксированной семантики. Под воздействием категориальных свойств существительных как части речи происходит постепенное освобождение отглагольных дериватов от глагольных и усиление в них собственно субстантивных свойств.

Соотношение глагольных и собственно субстантивных черт в отглагольных именах на *-тель* в целом и в семантике каждого отдельно взятого существительного для разных эпох различно и исторически изменчиво.

В старорусском языке имена лиц на *-тель* представлены следующими семантическими группами.

1. Первую группу составляют имена на *-тель*, которые имеют устойчивые значения, наполненные определенным фиксированным содержанием. Им свойственно в большинстве случаев или абсолютивное (без управляемых слов) употребление или круг управляемых слов ограничен близкими по значению. Благодаря этим ограничениям семантика этих существительных значительно уже и конкретнее семантики производящих глаголов. В основном — это традиционная церковная терминология: *зиждитель*, *хранитель*, *утешитель*, *святитель*, *спаситель*, *мучитель*, *крститель*, *боритель*, *служитель*, *содетель*, *создатель*, *избавитель*.

да же исправит мя, яко и тебя *зиждитель* наш господь (Ав., Пис. 254); и предъ полками христианскими архангелъ *хранитель* хождаше (Курб. Пис., 454); Егда приидетъ *утешитель*, духъ *истинныи* (Курб. Пис. 361); и аз умолю отца, инаго *утешителя* вам даст (Дух. и дог. гр. № 104); поминаютъ по уставу святыхъ отецъ: царей и *святителей* и всѣхъ православныхъ християнъ оздравии и за упокой (Стоглав, 66); сияющихъ великыхъ *святителей* и чюдотворцовъ (Ст. о см., 1297); Меня благославляют московские *святители* Петр, и Алексей, и Иона, и Филипп (Ав. Ж. (2), 85); отнюду же ждемъ его, *спасителя* нашего (Курб. Пис., 399); от начала свѣта и пришествии *спасителя* нашего (Учен. ратн. строения, 1); прекрестился знамением *спасителя* нашего Христа (Ав. Ж. (2), 109); побили мы в нем всех христианских *мучителей* и идолослужителей (Аз. пов. (сказ.), 76); ныне архиепископ рязанской *мучитель* стал христианской (Ав. Ж.(2),112); прославитъ симъ свою божественную вѣру, дабы ея *мучители* не порадовалися о нашей немощи (Х. Вас. Гаг., 116); Предтечю *Крестителя* Ивана (Пов. о видении, 181); где собори мученическихъ *борителей?* (Курб. Пис., 407); *служители* церковные (Ив. Гр. Пис., л. 125 об.); *служитель* святого Николы (Гр. Дв., № 117); да единого тебя знаютъ *содѣтеля* и творца (Х. Вас. Гаг., 117); *содѣтель* всея твари (Стоглав, 21); творцу и *содетелю* всех (Ав. Пис., 222); древняго предания истинныя нашея християнския вѣры еже отъ самаго *создателя* нашего (Стоглав, 26—27); моляся к *создателю* рода человеча и творцу всея твари (Аз. пов. (сказ.), 49); целование приносим за Христа-спаса, *избавителя* душ наших (Ав. Пис., 245); о *избавители* нашемъ Исусе Христе (Курб. Пис., 404).

2. Ко второй группе можно отнести имена на *-тель*, которые по сравнению с первой группой характеризуются несколько более широкой семантикой. Значения их менее устойчивы и больше зависят от значений производящих глаголов. Им свойственны более широкие связи с управляемыми словами, хотя абсолютивное употребление их также не исключено. Эти существительные представляют собой официальные, юридические и т. п. наименования. В части своих употреблений они соприкасаются с описанной выше церковной терминологией. К этой группе относим слова *учитель*, *строитель*, *похититель*, *ругатель*, *предатель*, *правитель*, *повелитель*, *мститель*, *делатель*, *гонитель*, *властель*, *владетель*, *волостель*. Ниже приводятся почти исчерпывающие примеры их употребления в памятниках русской письменности изучаемой эпохи (избегается лишь полное перечисление употреблений одного и того же слова).

удивимся пастырю нашему и *учителю* (Нов. пов., 196); святыхъ вселенскихъ *учителей* (Сказ. о Гр. Отрепьеве, 753—754); отцы наши пастыри и *учители* (Стоглав, 32); начальный *учитель* ратнаго строю (Учен. ратн. строения, 18); *учителя* вселенского толкования (Курб. Пис., 469—470); *учитель* царю и всему миру (Пересветов, 83); *учители* тому злому делу (Ав. Пис., 261); Почесому же и *учитель* души моей и тѣлу моему (Ив. Гр. Пис., л. 43); блудному греху *учитель* (А. П. Дем. сат., Сатиры о пьянстве, 81); язъ велѣлъ боярамъ старцевъ Спасного монастыря *строителя* Денисья Нарбекова въ тех земляхъ отправити (АИ, I, № 126, 1519 г.); неприступнаго Христа, отца нашего и *строителя* (Ав. Пис., 281); такихъ ратныхъ воеводъ называютъ стоятельми и *строители* зацеркви божии (Учен. ратн. строения, 21); Мужь дому *строитель* нищетѣ отгонитель (Сим. Послов., л. 355); нашему врагу, королю и *похитителю* (Нов. пов., 215); сопостату нашему и *похитетелю* вѣры нашея православныя (Нов. пов., 18); *ругатель* или пьяница, или хищник с таковыми ни ясти ни пити (Дм., 12); *поругатель* иноческому обѣщанию (Сказ. о Гр. Отрепьеве, 719); и мнѣ *ругатели* бываютъ (Пов. о видении, 182); Како же убо ты не с Июдою ли *предателемъ* равно причтеся? (Ив. Гр. Пис., л. 43); *предатели* царства и царя (Ст. о см., 1302); великихъ самѣхъ земледержцовъ наших и *правителей* (Нов. пов., 191); поборницы и *правители* истинныя вѣры христианския (Сказ. о Гр. Отрепьеве, 733—734); и под *повелительми* и приставники быти намъ не пригоже (Ив. Гр. Пис., л. 137); всея Сибирския земли и Сѣверные страны *повелитель* (Там же, л. 53 об.); всеа Русии самодержецъ, и обладатель и *повелитель* в восточныхъ странахъ (Сказ. о Гр. Отрепьеве, 741); *мстителя* неправдам, деда нашего, великого государя Иванна (Ив. Гр. Пис., л. 11); *мститель* закона божия (Курб. Пис., 456); Достоинъ *дѣлатель* мзды своея (Сим. Послов., л. 337); хранитеся злыхъ *дѣлателей* (Курб. Пис., 465); *дѣлателие* беззаконие (Ив. Гр,, л. 164 об. — 165); непослушливы *делателю* беснования (А. П. Дем. сат., Сатиры о пьянстве); Християнския союзы и сое-

динения супротивно языкъ турковъ и тотаръи и иныхъ *гонителей* (Учен. ратн. строения, 51); *гонителей* и разорителей и губителей вѣры христианские (Нов. пов., 187); аще кто, противится *властелемъ*, то божию повелѣнию противитца (Дм., 7—8); иные воеводы и *властели*, съ полки своими исходятъ на брань (Пов. Кат.-Рост.[2], 612); всего Московского воинства *властель* (Там же, 609); къ воеводѣ и *властелю* Резанскыхъ предѣл (Там же, 606); Вы же *владѣтели* и учители повсегда хощете быти яко младенцу (Ив. Гр. Пис., л. 717); ибурмистры, ивсякия *владѣтели* (Учен. ратн. строения, 22); *владетель* поставлен от бога надо всею великою Персидою (Аз. пов. (сказ.), 65); *владѣтели* тоя земли межь собою не въсоединении (Учен. ратн. строения, 22); господь, *сотворитель* небу и земли (Аз. пов. (сказ.), 73); сему чину установитель и *сотворитель* (Учен. ратн. строения, 17); многихъ государствъ государя и *обладателя* (АИ, III, № 131, 1624 г.); *Обладатель* земля Лифлянския (Ив. Гр. Пис., л. 53, об.); буди *ревнитель* противожительствующимъ (Дм., 8); закону *ревнители* (Курб. Пис., 387); *ревнители* отца своего сатаны (Ав. Пис., 294).

К этой же группе можно отнести широко распространенные имена на *-тель* типа *родитель*, *приятель*, *свидетель*, а также сложные образования *благодетель*, *вседержитель*, *миродержитель*, *священнослужитель* и под.

3. Третью группу составляют имена на *-тель*, в своих значениях в большей степени опирающихся на семантику производящего глагола. Они обладают общим значением «производящий указанное основой действие», которое (значение) конкретизируется в контексте — в сочетании с управляемыми словами. Очевидна семантическая близость этих имен однокоренным действительным причастиям.

хулители ратного учения (Учен. ратн. строения, 39); *жательми* жатвы своея (Там же, 34); предначатого *украситель* (Сим. Послов., л. 321); художества твоего *предначинатель* (Там же, л. 124 об.); царству своему *запалители* (Ив. Гр. Пис., 61); он согласникъ и *обновитель* Павла Самосадного ереси (Курб. Пис., 461); Кровемъ нашимъ *наостригели* (Там же, 406); имению *истощителю* (А. П. Дем. сат., Сатиры о пьянстве, 85); от всѣго добра *отводителю* (Там же, 73); ближним моим *разлучитель* (Там же, 83); голоду *терпитель* (Там же, 63); богатства *истощителю* (Там же, 85); дому *разорителя* (Там же, 79); нашему царству *содержатель* и ото всех стран *оберегатель* (Бова (1), 470); *слагатель* книги сей (Пов. Кат.-Рост.[2], 622); *желатель* преотеческого благочестия (Курб. Пис., 467); *разорителю* ангельского и чистого жительства (Там же, 374); словеса премудрого Павла, *просвѣтителя* вселѣнныя (Там же, 374); на врагов божих, *казителей* закона (Ав. Пис., 265); *разорителю* тряпезы (Там же, 232).

Существительные первой группы, в которую входят религиозно-культовые наименования типа *создатель*, *зиждитель*, *крститель*, *утешитель*, *святитель* и под., не отражают живых слово-

образовательных связей на почве старорусского языка, вернее, отражают их отрицательно. Эти имена не утратили ни этимологических, ни морфологических связей с производящими глаголами, но семантические связи выражены очень слабо. Так, существительные *спаситель*, *крестителъ*, *создатель* и под. не означают «производящий действие, названное основой», а наполнены весьма конкретным и строго фиксированным содержанием, обозначая совершенно определенных лиц христианской мифологии. Это — своего рода терминологические обозначения. Они настолько содержательны, что, как правило, употребляются абсолютивно, без управляемых слов. Употребление их в конструкциях с управляемыми словами также отражает их своеобразие. В конструкциях типа *содѣтель* всея твари, *создатель* рода человеча определяемые слова не раскрывают, не конкретизируют семантику имен на *-тель*, а выполняют определительную функцию, близкую функции эпитета. Чрезвычайно важно отметить еще одну черту этих существительных: в исследуемых памятниках не наблюдается их другого, кроме церковно-богословского, применения. Совершенно естественно, что слова такого рода представляют собой воспроизводимые лексические единицы, но отнюдь не образования по модели. Для старорусского языка — это лексические заимствования.

Для существительных второй группы характерно объединение в одной лексеме свойств имен первой группы с качественно иными чертами. В одном слове оказываются объединенными устойчивые терминологизированные наименования, восходящие к церковнокнижной традиции, с наименованиями более широкого содержания, семантически более тесно связанные со значениями производящих глаголов. Например, слова *строитель*, *учитель* имеют разные значения, восходящие к разным семантическим сферам, в следующих примерах: егда узрим нашего света лицем к лицу никониянам неприступнаго Христа, отца нашего и *строителя*? (Ав., Пис., 281) и мужь д о м у *строитель*, нищетѣ отгонитель (Сим. Послов., л. 355); удивимся пастырю нашему и *учителю* (Нов. пов., 196); и начальной *учитель* р а т н о г о с т р о я (Учен. ратн. строения, 18) и т. д.

Как можно интерпретировать это явление с точки зрения собственно словообразовательных связей и отношений? Скорее всего, здесь происходили семантические процессы, направленные на расширение значений слов, уже образованных. Но совершенно не исключено, что имели место случаи собственно образования существительных на *-тель* с глагольной семантикой, которые совпадали с однокоренными словами, функционирующими в сферах высокой книжности. По-видимому, основываясь на таких примерах как «учитель тому злому делу» из писем Аввакума или «блудному греху учитель» из «Сатиры о пьянстве», вполне можно предположить об образовании этих имен непосредственно в момент речи. Во всяком случае расширение семантики существительных, сближение их с глаголами в их бытовых или официальных значе-

ниях, подготовило почву для живого функционирования словообразовательной модели имен лиц на *-тель*. Их значения, подобно собственно образованиям, конкретизировались в контексте. На базе этих существительных, т. е. существительных, отошедших от узких терминов и расширивших свою семантику, формировалась официальная, юридическая и бытовая лексика собственно русской письменности (*строитель*, *властель*, *волостель*, *обладатель*, *владетель*, *повелитель*, *предатель* и т. д.).

Третья группа объединяет имена на *-тель*, которые, по-видимому, с полным основанием могут быть отнесены к собственно образованиям. Они обладают общим значением 'производящий указанное основой действие' и конкретизируются в контексте.

Исходя из сказанного, можно считать, что к XVII в. модель образования существительных на *-тель* была ассимилирована русской словообразовательной системой. Имена на *-тель*, оставаясь принадлежностью письменной речи, расширяют границы своего употребления. Они появляются в различных бытовых и деловых документах, в частных письмах, в светской литературе разных жанров и т. д. Ср., например, отдельные случаи их употребления в памятниках XVII—XVIII вв.: великихъ посольскихъ дѣлъ *оберегатель* (МДБП, 113); не попадися свѣт мои *неприятелем* в глаза (Там же, 18); о том слышати всегда *желател* (ПРНРЯ, 9); *искател* твоего жалованя (Там же, 32); *искатель* твоеи к себѣ млсти (Там же, 46); о чемъ Вамъ донесетъ *доноситель* сего писма (Пис. и бум. Петра Великого, VII, в. I, 44); но я так пишу: хотя бъ и ангелъ, не точию сей дерзновенникъ и *досадитель* велелъ бы тебѣ (Там же, III, 346); яко *зажигатель* и *преступитель* уложения, смертию имѣетъ быть казненъ и сожженъ (Артикул воинский и книга экзерциций, артикул 178).

Особой продуктивности словообразование существительных на *-тель* достигает во второй половине XVII—середине XVIII в. В эту эпоху имена лиц на *-тель* могут быть образованы от любого глагола с основой на *-а-*, *-и-*. В это же время в массе своей имена на *-тель* семантически близки глаголу, хотя семантика их неоднородна: среди имен, близких по значениям однокоренным причастиям, значительное место занимает лексика с отстоявшимися значениями, «объективные элементы словаря», наименования лиц по выполнению социальных функций, по способности, склонности к выполнению действия, по должности.

С середины XIX в. продуктивность словообразования существительных с суффиксом *-тель* снижается под воздействием закономерности, направленной на семантический отход имени от глагола и терминологизацию отглагольных имен [7].

---

[7] См. об этом: «Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного». М., 1964, стр. 18—36; В. Н. Хохлачева. К истории отглагольного словообразования существительных в русском литературном языке нового времени. М., 1969.

К ИСТОРИИ СОЮЗОВ-ЧАСТИЦ *ЛИШЬ, ТОЛЬКО*

Э. И. КОРОТАЕВА

Близость средств выражения условно-временных и условно-ограничительных отношений восходит к истории языка, материалы языка XVII столетия обнаруживают семантическую сложность и многообразие синтаксических функций союзов-частиц. «Модальные значения и оттенки русских союзов совершенно не изучены. Между тем, этот вопрос крайне важен для выяснения природы тех грамматических отношений, которые устанавливаются союзами между синтаксическими единицами, между предложениями. На различиях в модальности высказывания основано различие типов предложения. Различия в модальных значениях союзов играют большую роль в дифференциации разных типов сцепления предложений, разных видов зависимости между ними» [1].

Союзы *лишь, только* в ограничительном значении

Как и в современном языке, основным связующим средством ограничительных предложений в языке XVII в. являются фонетически и орфографически неоднородные союзы-частицы *лишь — лише — лишо — лишъ, только — толко — толка — токо — тако*, помещаемые обычно в самом начале второй части предложения [2]. Современные оттенки значения ограничительных предложений присутствуют и в синтаксисе языка XVII в., но в менее отчетливом виде. Предложения ограничивающего исключения представлены памятниками различных жанров:

Егда исполнилися два годы, иное чюдо: в три дни у него язык вырос совершенной, лишь маленько тупенек (Ав. Ж.). *В той же палатѣв идѣл множество птиц и звѣрей и змѣй разных родов засушенных для показания, также и костей цѣлых мартышек и индѣйских мышей, которые кости их не развалились, только с них сняты кожи и мясо, и жилы отравлены* (П. Толст.). *А как преставился и вынесли, и у него свѣта отнюдь живота не знать было из гроба, только голова одна наружѣ была* (Пис. Ал. Мих.). *Стряпчий того не может учинить, чтоб прав был в неправдѣ, только может представить, дабы и людем так казалось, а философия то содѣвает в человѣкѣ, что самым дѣлом будет прав и невинен* (Апофегм.). Ср. — *Не жаль мне сыра дуба кряковистого, Только жаль мне своей калены стрелы* (Киреевский, Песни).

Предложения препятствующего ограничения: *Яз бы рад з Бовою помиритца, — лишь бы Бова помирился (Бова). И хочется*

---

[1] В. В. Виноградов. Русский язык. М.—Л., 1947, стр. 723.

[2] «Грамматика современного русского литературного языка». М., 1970, § 1515. Классификация и терминология грамматики.

мне жить, как и добрыя люди живут, толко меня нагота и босота очень одолела, что и с ног долой свалила (А. П. Ист. о голом) *И по том размышлении лег на свою кровать, только не мог уснуть чрез всю ночь, а все думал о Елеонорѣ, как бы с ней сердечную и вѣрную любовь имѣть* (Росс. купец Иоанн).

Предложение препятствующего ограничения вводится союзным сочетанием *только лишь*: *А от вас к нам помочи нѣт никоторые, только лише нас с Турскими и с Крымскими ссорите* (Дон. д.).

В разных редакциях текста Аввакума предложение ограничивающего исключения то оформляется союзом-частицей *лишь*, то союзом-частицей *токмо*: *Вошел бѣс в келию мою и ходил около меня, — ничево мнѣ не здѣлал, лишь из рук четки вышиб* (Ав. Пис.). — Ср. *И вшел бѣс в келию мою и ходил окрест мене и ничего мнѣ не здѣлал, токмо из рук четки вырвал.* — Эти фразы различаются не только союзами: в I редакции: вошел . . . ходил около меня .. . лишь четки вышиб; во II редакции, более книжной: вшел . . . ходил окрест мене . . . токмо четки вырвал.

В языке фольклора, в письменных памятниках различных жанров ограничительный союз-частица *только* может сопровождаться непроизводным сочинительным союзом: *Не успел Добрыня в час слово смолвити, Как в тую пору, в то время, Ветра нет, тучу наднесло, Тучи нет, а только дождь дожжит* (Рыбников). *Доброй бы он был человек, ежели бы он слово свое не переменил, когда бы дал мне денег взаймы, а толко лиш он мне насмеялся, на что было ему и сулить, коли самому негде взять* (А. П. Дем. сат. Ист. о голом).

Соединение предложений с помощью союзов-частиц *только, токмо* может иметь более или менее отчетливый противительный оттенок значения: *И хотел посмотрѣть на двор, токмо (=но?) скважины не нашел, и страхом обдержим и убоялся* (Гист. Вас. Кор.).

Союзы-частицы *только, токмо* входят в состав противительного союза *не только. . ., но и. . .*; *не токмо. . ., но и . . .* В описываемом материале *токмо* преимущественно в книжных текстах, оригинальных и переводных, достаточно широко используется в составе противительного союза не токмо. . ., но и. . .

Не позвать ли ми ту еврейскую прекрасную жену, прежде нежели к столу сядем, не токмо вящщую вѣсть о градѣ том и о Ахиорѣ возприяти, но и с нею красты ея ради утѣшитися? (Юдифь). *И такия прелести не токмо тѣ, кои мало по книгам слова складывая читают, но и неучи, мужики и бабы говорили невозбранно. . .* (С. Медвед. Зап.). *Пророцы ж, Енох и Илия со Иваном, посланы будут проповѣдати людем, яко той есть лстець, погубляяй останки, не русскую токмо землю, но и всю под небесем, — землю, идѣже елико сияет солнце* (Ав. Посл.). *Иные пишут, что тѣ мыши не токмо его заѣли, но и имя его на стенах написанием выгрызли* (Козм.).

Этот союз встречается и в произведениях, близких деловой речи, разговорному языку: *Однако, чрез такую их прелесть приводит душа их злоиманием, в пучину огня негасимого, и не токмо вреждают своими душами, но и царскою, взяв посулы, облыгают других людей злыми словами, и не стыдятца того дѣлати потому: кто может всегда блиско приходити к царю и видети часто от простых людей?* (Котош.). *И все перемѣнилось не токмо в церквах, но и во всем государствѣ, духовным дѣлам зѣло разсужения нѣт, и худо без пастыря дѣтем жить* (Пис. Ал. Мих.).

Сочетание *не токмо. . ., но. . .*: *Извольте убо милость еи явити, очеса и слух к дѣйству приклонити: Тако бо сладость будет обрѣтенна, Не токмо сердцам, но душам спасенна* (Сим. Пол. Блуд. с.)

Сочетание *не токмо. . ., и. . .*: *А на достольные деньги покупали они для морскова пути запасы, и тѣ де их запасы идучи морем корабельщики пометали в море, и от того де они всѣ оскудали, и не токмо де что суды наймовать, и им де пить и есть нечево* (Ст. сп. Лихачева).

Семантическая близость ограничительных союзов -частиц *лишь, только, токмо* в литературном языке XVII в. проявляется в их сходных синтаксических функциях.

Союзы *лишь, только* во временном и условном значении

Союзы *лишь, только* оформляют временное сложное предложение с выражением близкого следования действий, во второй постпозитивной части нередки соотносительные союзы: *лишо. . ., а. . .; лишо. . ., ано. . .; только. . ., а. . .; только. . ., да. . .*

Река мелкая, плоты тяжелые, приставы немилостивые, палки большие, ботоги суковатые. . . люди голодные: лишо станут мучить — ано и умрет. . . И кобыла умерла, — все извод взял, понеже не по чину жеребенка тово вытащили из нея: Лишо голову появил, а и выдернули, да почали кровь скверную есть (Ав. Ж.). *А на утре в четверг допѣвают у меня заутреню за полчаса до свѣта; только начали первой час говорить, а Иван Кокошилов ко мнѣ в церковь бѣжит к Евдокеѣ Христовы мученицы и почал меня звать патриарх де кончается* (Пис. Ал. Мих.). Ср. — *И настигли его на широкой улице, Тут обошли вкруг его, Ничего с ним не говорили, И только один хотел было ударить по уху, Да не удалось ему* (Киреевский, Песни).

Союз *только* с выражением условно-временных отношений: *только. . ., то. . .; только. . ., и. . .; только. . .,* и *тогда. . .; только. . ., и в то время. . .*

Толке (слуга) *так скажет, как наказано, то добро* (Дм.). *И всего из Томского до Июса ходу лѣтом недѣли три и болши, а зимою толко снѣги болшие и ход отнимает, а толко снѣги малые,*

и тогда бывают немного до лѣтнего (АИ, V). *А про то де он слышал, что на государевы де украинные городы Крымских людей приходу . . . лѣтом не будет для того: только де им пойти на государевы городы, и в то де они время боятца Черкас и Донских казаков приходу на Крым* (Дон. д.).

Вслед за Потебней В. В. Виноградов писал: «Первоначально в *только* заключалось указание на недавнее или наличное, которое принимается за основание другого события. А отсюда затем возникает значение условия и значение обусловленности во временной последовательности» [3]. Для союза *только* с выражением условных отношений обычна препозиция условной придаточной части, ее постпозиция, а тем более интерпозиция, в структуре предложения этого времени наблюдается значительно реже. Частица *бы*, присоединяясь к союзу *только*, вместе с ним сообщает предложению более отчетливое условное значение.

Доброму мужу и женѣ похвала, толке у них слуги вежливы (Дм. К). *А только тот, кто лихими дѣлы похвалялся, в лицах будет, и с пытки на себя в том воровствѣ говорити не учнет: и он от того дѣла свободен* (Ул. Ал.). *Тащили (казаки) и били ослонами, и голову пробили и руки перебили, и потом шляпу его (датчанина) отняли. . . и до смерти б прибили, только б руской доброй человѣк его не отнял и им разговорил* (Дон. д.). *Тако нас поимают, уже нам от короля Маркобруна живым не быть* (Бова).

Союз *только* употребляется параллельно с другим условным союзом: *толко б . . .// ежели б . . . тако . . .// буде. . .*:

А ежели бы им воли своей не было и они бы на Дону служить послушны быть не учали, и толко б не они, Донские казаки, не укрѣпилось бы и не были в подданстве давно за Московским царем Казанское и Астраханское царство, з городами и з землями, во владѣтельствѣ (Котош.). *Тако вы меня с дружиною побьете Новымгородом, Буду вам платить дани-выходы по смерть свою, А буде же я вас побью. . ., то вам платить* (Рыбников).

Союзы *лишь*, *только* в соединении с другими союзами-частицами образуют сложный союз или союзные сочетания для выражения временных и условных отношений: *лишь только*, *только что*, *токо буде*, *толко будет*, *будет только*, *еже толко* и др.[4]

А токо буде дадьянской не дасть ему Теймуразу царю рати, и он Теймураз царь хочет и сам ехать к Ц-ому В-ву с царицею и с царевичи (Посольство Толочанова). *А еже толко не согрѣшила сестра, а навѣтуют безчинующе, и сего обычая ни во языцѣх об-*

---

[3] В. В. Виноградов. Русский язык. М.—Л., 1947, стр. 723.

[4] В «Российской грамматике» М. В. Ломоносова 1755 г. союз *лишь* и сочетание *токмо лишь* указаны среди союзов условного значения: «§ 464. Знаменование союзов суть разныя: сопрягательные. . ., разделительные. . ., условные: буде, ежели, когда, когда же, ежели ж, лишь, токмо лишь, то». Николай Курганов в 6 изд. «Письмовника» 1796 г. в перечне условных и сослагательных союзов также указывает сочетание *токмо лишь*.

рѣсти возможно гдѣ (Ав. Посл.). *Хозяин, лиш толко воступил в двери, то и закричал* (Сказ. о хоз. и раб.).

Условно-ограничительные отношения выражает также служебное слово *разве*. Как и в современном языке, выражая сомнение, частица *разве* близка по значению «возможно» и употребляется в соединении с союзами в сложноподчиненном предложении:

Мы присланы от ц-го в-ва не для того, чтобы нам на себя крепость давать. Разве токды мы на себя такие крепости дадим, как над нашим мертвым телом с чернилами стоять, толды на нас бери таки крепости (Посольство Толочанова). *Что же нам иное ожидати, разве то, что иныя земли и уже безчисленные грады к сему же и все наши порубежные народы отчасти даже до окаяннейшия смерти претерпеша, отчасти же в поношенных веригах еще и узах терпят?* (Юдифь).

Сочетание *разве когда* приближается к передаче условно-ограничительных отношений:

А царских запасов им (казакам) на службе никому не дают, разве когда (=если только когда?) бывает великая нужа и голод, и им ис царские казны даются небогатым людем запасы, в долг, по небольшому (Котош.). *Между же сим достоит нам не закоснevати, или спати, но недругу предварити и всякия промышленныя средствия взыскати; ибо никакия бог прежде не действует чюдеса, разве когда (=если только когда?) всех человеческих промыслов уже не станет* (Юдифь) [5].

В предложении определенного содержания *разве* может получить значение условно-противительного союза, близкого по значению к сочетанию «но если», «если только».

Подобает поклонятися святым иконам, разве в службу никониянскую, то не подобает покланятися; но после молбы их и собора припади и поклонися, аще и в никониянской церкви в подобии узришь образ Христов (Ав. Посл.). *И тем, которые служили многие годы и которые были в полону, за многую их службу и за терпение, всякому воля, где кто жить похочет, а старым боярам по холопстве и по вечности крестьянской дела до них нет, разве они сами к ним, по прежнему итти похотят* (Котош.). *Тогда от всея иудейския страны помощь получили б, которые истинно Вефулию, яко порубежный град и изрядной щит, оставить не могут, разве они неприятелю врата отвержут ко всем их землям* (Юдифь).

Близость ограничительных и условных значений подтверждается тем, что служебное слово *разве* может быть использовано для выражения условных отношений, а сочетание *есть ли* служит во фразе выражением ограничительных отношений:

---

[5] Значение союза в отдельных текстах иногда затемняется сложностью конструкции, запутанностью, громоздкостью фразы.

Ничего человека так устрашит, но как ожидание предбудущее дела, про которыя он зело опасен и кручинен. Зане женам с породы скрытыя дела объявити не мочно, и не можем знать к добру или ко упадку, разве что (=если тольно не?) с природы кому или с научения такое дело узнати может (Баязет). И ср.: — *Также и ему про то говори: «ради какие причины он кесаря греческого Палеологоса воинским наступлением навестил? Есть ли (разве= возможно ли?) он того не ведает, что он великаго Темир-Аксака брат и союзник* (Баязет).

Сопоставляя факты старого языка с современным, находим, что развитие языка характеризуется созданием выразительных форм синтаксических конструкций, способных все с большей точностью передавать тончайшие оттенки мысли, что в синтаксическом строе современного литературного языка нет места диалектной пестроте союзов (*лише*, *токо* и под.), сокращается количество соотносительных союзов в составе сложноподчиненного предложения (*а*, *и*, *ано*, *ино* и др.), архаизируясь, исчезает из употребления ранее достаточно известное в книжном и приказном языке служебное слово *токмо*, а союзы-частицы *лишь* и *только*, проникая во все жанры, становятся принадлежностью несущего в себе всеобщность литературного языка. Но «если мир, как мы верим, неисчерпаем для познания и если верно, что не может быть найдено пределов лексическому развитию языка, то нельзя назначить и черты, ограничивающей количество и качество возможных в формальном языке категорий» [6].

ПЕРЕДАЧА ГРЕЧЕСКИХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ С ПРЕФИКСОМ *ἀ*-PRIVATIVUM В ДРЕВНЕРУССКИХ ПЕРЕВОДНЫХ ПАМЯТНИКАХ

В. Н. ВИНОГРАДОВА

Греческим прилагательным с приставкой ἀ-privativum в древнерусских переводных текстах [1] регулярно соответствовали три способа выражения: 1) сочетания предлога *без* с существительным

[6] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. I—II. М., 1958, стр. 56.

[1] Использованы следующие тексты: Огласительные поучения Феодора Студита (в дальнейшем ФСт), ГБЛ, ф. 173 (Фундам.), № 52; греческий текст: Τοῦ ὁσίου Θεοδώρου τοῦ Στουδίτου μεγάλη κατηχήσις Βιβλίον δεύτερον ἐν Πετρουηόλει. Пг., 1904; Хроника Георгия Амартола (ГА) по изданию: В. М. Истрин. Книги временьныя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе, т. I. Текст. Пг., 1920; греческий текст по изданию: Хронограф Григория Амартола. Грече-

в родительном падеже, 2) прилагательные с приставкой *без-*, 3) прилагательные с приставкой *не-* [2].

Тот или иной способ передачи значения греческих прилагательных находился в зависимости, естественно, от закономерностей древнерусского языка.

Сочетания предлога *без-* с существительными могут играть ту же синтаксическую роль, что прилагательные: обозначать признак предмета, быть определением при существительном, входить в состав именного сказуемого. Сочетания, относящиеся к глаголу, могут иметь наречное значение признака действия. Таким образом, греческие прилагательные с префиксом ἀ- могли быть переданы сочетаниями существительных с предлогом *без-*, так же как прилагательными с префиксом *без-* [3], причем первый способ был более универсален, чем второй.

Передача греческого прилагательного и наречия с ἀ-privativum в древнерусских памятниках как сочетанием существительного с предлогом *без*, так и прилагательным с префиксом *без-*, могла, естественно, осуществляться только в том случае, если значения сочетания и прилагательного совпадали и свободно выводились из значения составляющих их частей. В том случае, если существительное в сочетании и мотивирующая основа прилагательного означают конкретный предмет или лицо, то в целом сочетание и прилагательное получают значение отсутствия того, что обозначено существительным. Например: ц(с)рь миру, *без оца без мтре* (ἀπάτωρ, ἀμήτωρ) ГА 65 г.; ср. *безъмтренъ* азъ есмь и безъ оца (ἀμήτωρ ἐγὼ καὶ ἀπάτωρ) ФСт 114 г; и ум(р)ети добрѣе *бе-штядъ* нежели имѣти чяда невѣрьна (ἄτεκνον) Изб. 1076, 168 об.; ср. да не буде(т) *бещадна* и неплоды ГБ 205 г.

Если же прилагательное употребляется переносно и значение его становится в той или иной степени идиоматичным, качественным, оценочным, то замена его предложным сочетанием становится, как правило, невозможна, ср. переносное употребление прилагательных *бесчадьныи*, *бескореньныи*: да ни единъ же буди

ский подлинник, приготовленный к изданию Э. Г. Фон-Муральтом. «Уч. зап. II Отделения имп. Академии наук», кн. VI. СПб., 1861; Ефремовская кормчая (КЕ) по изданию: Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкований. Труд В. Н. Бенешевича. СПб., 1907; Пчела (Пч) по изданию: В. Семенов. Древнерусская пчела по пергаменному списку. Сб. ОРЯС, т. I. IX, № 4. СПб., 1893; Изборник Святослава 1076 г. (Изб. 1076) по изданию: «Изборник 1076 г.». Под ред. С. И. Коткова. М., 1965.

[2] И наоборот: наиболее частое соответствие словам с приставками *без-* и *не-* в переводных памятниках — греческие слова с приставкой ἀ-privativum. Другие случаи относительно редки: болести беспрестанные (ἔμμονον) Пч 126б—127; безумьну (μῶρῷ) Изб. 1076, 134; безаконъно есть (παρὰ τοὺς νόμους) Пч 17об.; безаконьнааго (παρανόμου) КЕ 196а; безумныи (παράφρων), ФСт 51б; тѣхъ и житье бещинъно есть (μὴ τεταγμένον) Пч 75.

[3] Ср. те же особенности передачи греческого текста в старославянских переводах: K. Schumann. Die griechischen Lehnbildungen und Lehnbedeutungen im Altbulgarischen. Wiesbaden, 1958, стр. 7, 14.

тощь ни бесплоденъ. ни бещаденъ дшею и безроденъ ГБ 205 в; иже и не приносяще труда, и бескореньни о нихъ же тако реку и бесплодни нѣкако явят(с) (ἀῤῥιζωτοι) ФСт 8 а.

Прилагательное *безмужьная* в русском памятнике имеет значение 'не имеющая мужа, девственная': въплоти(с) от двы чисты, безмужны, бескверны ИларСлЗак 162 об.; в переводных памятниках *безмужьныи* имеет значение 'немужественный', что, видимо, калькирует греч. ἄνανδρος и не соответствует значению предложного сочетания: страшива и *безмужна* (о старце. — *В. В.*) ГБ 128 г.; не *безмужьно* ли дѣтьскы съмысляще есмы братия ЖФСт 92 об.

Значение прилагательного *бесч(е)ловѣчьныи* 'бесчеловечный, жестокий, суровый' (калька греч. ἀπανθρωπος) также не может быть передано предложным сочетанием: не пощадѣ рукы на сьродника убиственныи братъ . .. порази без нужа единоутробнаго *безъчлвчьныи* ФСт 5 в.

О малой продуктивности образования прилагательных с префиксом *без-* от существительных с конкретным значением свидетельствуют случаи передачи греческих прилагательных только словосочетаниями: въскую *без стѣнъ* есть град спартии (ἀτείχιστος ἐστιν) Пч 5; *бес комаръ* граду (ἀκώνωπα) ГА 185 б.

Большинство прилагательных с приставкой *без-* мотивировано отвлеченными существительными; они совпадают по значению с сочетанием с предлогом *без*, естественно, опять-таки прежде всего в тех случаях, когда значение как прилагательного, так и сочетания может быть выведено из значения составляющих их частей. Например: да никтоже дерзаеть всѣхъ творити оставити *бес помощи* (ἀβοηθήτους) ГА 220 в; ср. бъ ... не презьрѣ... *беспомоштьнъ* насъ (ἀβοηθήτους) КЕ 38 б; блженъ <блгдатми> иже обрѣтеся *бес порока* (ἄμωμος) Изб. 1076, 145; ср. ходити повелено бѣ ... въ самую же црквь иерѣемъ беспорочнымъ (ἀμώμοις) ГА 125 г.

Интересно, однако, отметить, что сочетания предлога *без* с отвлеченными существительными, видимо, обладают большей способностью, чем сочетания с конкретными существительными, передавать идиоматичные значения, ср. *без мѣста* и *безмѣстьныи* 'неуместный, неподобающий': се же дѣянье есть отинудь *без мѣста* ГБ 148 об. (ἄτοπος — Срезн. 1, 67); ср. хулиша яко *безмѣстьно* о(т) них створеная (ἄτοπα) ГА 256 г; *без образа* и *безобразьныи* в значениях 'не имеющий формы, очертания, вида' и 'безобразный, непристойный': елико должни есмь по образу быти. *безъ образа* творимъ (в другом списке — *безъобразна*) ἀνεδεα ФСт 175 а.

Более частое использование сочетания существительного с предлогом *без* в соответствии с греческим прилагательным можно объяснить следующим образом: было затруднено образование прилагательных с префиксом *без-* от основ с некоторыми суффик-

сами, сочетания же слов не имели, естественно, таких ограничений. Во-первых, оно было затруднено от существительных, образованных от прилагательных с помощью суффиксов:

-ость: млтву же *без лѣности* (ἄοκνον) ФСт 64 б; *бесытости* имѣти желанье будущи(х) блгъ (ἀχόρεστον) ФСт 211 а; аще *безъ ярости* пребудеши ... (ἀόργητος) Пч 60. Зарегистрированы лишь два прилагательных с этим суффиксом: *безгърдостьныи, безмилостьныи.*

-ьство: бес прп(д)бьства всему миру быхо(м) (ἀνοσιουργότεροι) ФСт 202 в; бия сила ... не *бѣ-сущьства*, нъ съ сущьствомь (ἀνυπόστατος) ГА 222 б. Правда, с этим суффиксом в наших материалах имеются прилагательные *безвещьствьныи, безчювьствьныи, безбожьствьныи, бездѣиствьныи.*

-ие: о(т)иде бес помощи и *безь истовья* (ἀπληροφόρητος) ГА 129 в; безъмтренъ азъ есмь и безъ оца и *без радословия* (ВМЧ: родословья) ἀγηνηαλόγητος ФСт 114 г.

Существительные с перечисленными суффиксами образованы от прилагательных, которые легко присоединяют другую отрицательную приставку — *не-*, следовательно, в языке уже имеется обозначение соответствующего явления, ср. *безъ истовья* и *неистовыи, без лѣности* и *нелѣнивыи.*

Во-вторых, непродуктивно образование прилагательных с приставкой *без-* от отглагольных существительных с суффиксами *-тва, -ьба, -ъкъ* и с суффиксом *-ja (убогъ бяше и *безъ оратвы* (ἀνήροτος) ГБ 168 а; съгрѣшающихъ *бесъ цѣльбы* (ἀνηκέστων) Пч 123 об.; аще не свершена вся си *безъ остатъка* (ἀπαραλείητως) ГА 167 г; дша же едина *бес* тьля (ἀθάνατος) Изб. 1076 74 об.). Несмотря на наличие прилагательных *бестьлѣньныи, бездьрзновеньныи, бесприобщеньныи, безистьлѣньныи, безимѣньныи*, образование от существительных на *-(е)ние* также следует признать нехарактерным для приставки *без-*. Сочетания же существительных на *-(е)ние* с предлогом *без* были очень употребительны в древнерусских памятниках XI—XIV вв. вообще, в переводных же памятниках широко использовались для передачи греческих прилагательных с приставкой ἀ-. Например: въ славу бжию творите *бес прѣтыкания* будѣте (ἀπρόσκοποι) КЕ 47 а; терпѣниемъ терпящи *бес сумнения* (ἀνενδότου) ФСт 81 в; Блудьникъ. з лѣ(т) *безъ обьщения* будеть сщныихъ (ἀκοινώνητος) КЕ 194 б.

Не зафиксированы прилагательные и от некоторых бессуффиксных существительных, имеющих общую основу с глаголами: ѣдение и питие *без говора* съ удьржяниемь (ἀθόρυβον) Изб. 1076, 101 об.; молчанье не токмо *без жажи* есть... (ἄδιψον) Пч 63 об.; аще *бе завета* не будеть (ἀδιάθετος) КЕ 142 б; кто есть ... *бес пота* и *бес труда* .... преидоша сего жития (ἀνιδρωτὶ καὶ ἀπονητὶ) ФСт 22 а.

От существительных, произведенных от глаголов или имеющих общий корень с глаголами, образование с приставкой *без-* было непродуктивно, т. к. непосредственно от глаголов или отглагольных имен отрицательные прилагательные также образовывались, как правило, с помощью приставки *не-*: ср. *без обьщения* и *необъшьныи* (оба в соответствии с ἀκοινώνητος — КЕ 93 б и 194 б), *без прикосновения* и *неприкосьныи*, *неприкосновьныи*, *неприкосновеньныи*, *без въздьржания* и *невъздьржьныи* и т. п.

Образованию прилагательных с приставкой *без-* в соответствии с предложными сочетаниями, таким образом, по-видимому, препятствовало существование синонимичных продуктивных моделей с приставкой *не-*. Ср. префиксальные образования от прилагательных: отъ помышлении же *неч(с)тыхъ* (ἀκαθάρτων) ФСт 170 б; страшива и *некрѣпка* душа (ἄνανδρον) Пч 14; *неложная* чада (ἀψευδῶς) ФСт 225 г; судья *нелицемѣренъ* (ἀπροσωπόληπτος) ГА 215 в; дружбою любящася *независтлива* (ἄφθονοι) ФСт 103 г; *недостоини* бѣша (ἀνάξιοι) КЕ 23 а и др., и префиксально-суффиксальные образования от глаголов: гнѣва *неотбѣжнаго* (ἀναπόδραστον), ГА 122 б; *неотърочьное* приставьничьство (ἀπαραίτητον) КЕ 31 б; вѣру *непреложну* (ἀνυπερθέτῳ) ФСт 18 в; в узы *нерешимыя* (ἀλύτοις) ФСт 179 а; *несътьрпима* печаль (ἀφόρητος) КЕ 30 б; в огнь *неугасимыи* (ἀσβέστῳ) ФСт 179 а и др.

Следовательно, при передаче греческих прилагательных с приставкой ἀ- прилагательными с приставками *без-* и *не-* выдерживались те закономерности, которые существовали в древнерусском языке, а именно: приставка *без-* участвовала в префиксально-суффиксальном образовании прилагательных (преимущественно с суффиксом *-ьн*)—от существительных, конкретных и отвлеченных. Приставка *не-* обладала способностью образовывать прилагательные префиксальным способом от прилагательных, как непроизводных, так и производных от существительных и глаголов, а также могла участвовать в префиксально-суффиксальном образовании прилагательных от глагола.

Область, где, в основном, возможны образования с обеими приставками — это область прилагательных с суффиксом *-ьн-*, соотносящихся с отвлеченными существительными. Например, прилагательное ἄφρων в Пчеле передано прилагательным *безумьныи*, в Хронике Георгия Амартола — *неумьныи*; *безобьщьныи* и *необьщьныи*, *бесприобьщеньныи и неприобьщеньныи* употреблены в КЕ для передачи греч. ἀκοινώνητος; *безнужьныи* и *ненужьныи* в КЕ соответствует греч. ἀβίαστος; *безбѣдьныи* и *небѣдьныи* там же — греч. ἀκίνδυνος; *бесчеловѣчьныи* в ФСт и ГА и *нечеловѣчьныи* в ГА — греч. ἀπάνθρωπος, *безъязычьныи* и *неязычьныи* в ФСт. — греч. ἄγλωττος, *непорочныи* (Ф Ст.) и *беспорочныи* (ГА) — греч. ἄμωμος и ἄμεμπτος [4].

[4] См. также: С. П. Обнорский. Префикс «без» в русском языке. «Избранные работы по русскому языку». М., 1960, стр. 200—201.

Однако практика передачи прилагательных с приставкой ἀ- прилагательными как с приставкой *без-*, так и с приставкой *не-*, несмотря на указанные выше закономерности, все-таки способствовала некоторому смешению и сближению значений прилагательных с этими приставками. Вероятно, не без влияния греческих прилагательных (а также по аналогии к прилагательным с приставкой *не-*) появляются прилагательные с приставкой *без-*, мотивированные глаголами: *безисцѣльныи*, *безцѣльныи*, *безмълчьныи*. Прилагательное *безразумьныи*, кроме значения 'неразумный, безрассудный' (ср. *без разума*) употребляется в переводном памятнике в значении 'непостижимый': стяжавше батьство неистъщимое славу *безразумную* веселие непобѣдимое (ἀπερινόητος) ФСт 156 в, (ср. *разумѣти*). *Безмирьныи* имеет значение 'непримиримый': имяху друг на друга *безмирную* крамолу (ἀκατάλλακτον) ГА 44 об. *Бессъвѣдьныи* 'непостижимый' (*съвѣдѣти* 'знать, понимать'): видя *безъсвѣдъныя* и неизъглныя вещи (ἀμήχανα) ФСт 156 г.

Греческие отглагольные прилагательные, в основном, передаются причастиями с приставкой *не-*, поскольку в русском языке лишь эта приставка присоединима к причастиям, напр.: *незъваномъ* же ец(с̄)помъ (ἀκλήτους) КЕ 26 а; *непродаемую* бл҃годать (ἄπρατον) КЕ 31 б; съ *неприобьштаюштиимься* (ἀκοινωνήτῳ) КЕ 14 а.

В переводных памятниках встречаем единичные случаи, видимо, искусственного присоединения приставки *без-* к причастию: *бесприобьщеныи* 'отлученный' (ἀκοινώνητος) в КЕ, *бесконьчаемыи* 'бесконечный' (ἀτελεύτητος) в ГА, *бессоумнѣныи* (в соответствии с ἀκοίμητος) в Пч, *бесповелѣныи* 'недозволенный' в Рязанской кормчей.

Итак, один и тот же греческий префикс мог передаваться различными способами в зависимости от того, каким образом данное значение могло быть выражено в древнерусском языке, в частности, от того, каково было взаимоотношение словообразовательных и синтаксических средств древнерусского языка.

Исследование особенностей древнерусского перевода с греческого, таким образом, способствует выявлению внутренних закономерностей древнерусского языка.

К ИСТОРИИ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ ДИМИНУТИВОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В. Г. ЧУРГАНОВА

Словообразование уменьшительных от основ мужского рода в современном русском литературном языке регулируется сложным правилом выбора суффиксов, связанным с исходом словообразую-

щей основы и ее акцентным типом. Определенным коррективом служит слоговой состав основы (односложность — многосложность).

Если исключить суффикс č'ik, то распределение суффиксов 'ik, Øk (несмягчающий) и 'Øk (смягчающий) будет следующим: 1) суффикс 'Øk регулярен от основ на заднеязычные и *j*, независимо от их акцентной характеристики; 2) суффикс 'ik используется регулярно в именах, образованных от основ на шипящие (и *c*), кроме многосложных имен подвижного акцентного типа; 3) суффикс Øk обязателен для многосложных имен подвижного акцентного типа и конкурирует с суффиксом 'ik в других типах основ, где распределение этих суффиксов связывается с распределением подвижного и неподвижного акцентных типов, но не является строгим. В общем виде это может быть представлено таблицей (см. табл. 1) [1].

Таблица 1

исход основы			заднеязычные и j	шипящие и c	зубные	губные	сонорные мягкие, кроме m'	сонорные твердые, кроме m
односложные	a		'Øk	'ik	'ik	'ik	'ik	'ik, Øk
	b		'Øk	'ik	'ik,	'ik Øk	Øk, 'ik	'ik, Øk
	c		'Øk	'ik	'ik, Øk	'ik, Øk	Øk	Øk, 'ik
многосложные	a	◡́◡	'Øk	'ik	'ik	'ik	Øk	Øk, 'ik
		◡◡́	'Øk	'ik	'ik	'ik	'ik	'ik
	b		'Øk	'ik	'ik	—	Øk, 'ik	Øk, 'ik
	c		'Øk	(Øk)	Øk	Øk	Øk	Øk

Уже само это распределение наталкивает на некоторые исторические выводы, которые лучше изложить, однако, после рассмотрения древнерусского материала.

[1] Подробно см.: В. Г. Чурганова. Очерк русской морфонологии. М., 1973, § 17.

В 1 таблице: *a* — акцентный тип (парадигма) с неподвижным ударением на основе (◡́◡— ударение на первом слоге, ◡◡́ — ударение на непервом слоге), *b* — акцентный тип с неподвижным ударением на окончании, *c* — акцентный тип с подвижным ударением.

Таблица 2

		о-основы													
		p	b	t	d	s	z	v	m	n	l	r	k	g	x
односложные	a		ьс	ьс				ьс		ьс	ьс	ьс		ьс? ьk	
	b	ьс ik		ьс ik		ьс			ьс		ьс	ьс	ьk		ьk
	c			ьс ъk	ьс ъk	ьс ъk	ъk			ьс (ьk)			ьс ьk	ьс ьk	ьс ьk
многосложные	a ◡́									ьс		ьс	ьk		
	a ◡́	ьс		ьс	ьс	ьс		ьс		ьс	ьс	ьс	ьk	ьс ьk	
	b				ьс			ьс			ьс (ъk)	ьс (ъk)	ьс ьk	ьс	ьk
	c		ьс	ъk	ьс ъk		ьс	ьс ъk	ьс ъk		ьс	ъk	ьс ьk	ьс ьk	ьk

Таблица 2 (*продолжение*)

		i-основы					j-основы с шипящими							
		t	v	n	l	r	bj	dj(?)	n'	r'	č'	ž'	š'	š̄'
односложные	a													
	b	ьс ik	ьс	ьс		ьс		ьс	ik		ik ic	ik ic		ik
	c											ik		
многосложные	a ◡́				ьс								(ьk)	
	a ◡́			ьс										
	b		ьс				ьс ic			(ьс) (ъk)	ik(?)			
	c	ъk			ьk						ik	(ьk)		

Таблица 2 (*окончание*)

			u-основы											
			p	b	t	d	s	m	n	l	r	k	g	x
односложные	a			ьс? ък?										
	b		ък?		ък		ьс		ък	ьс? ък?		ьс		ьк
	c			ък		ък		ьс	ък	ък	ък		ьк	
многосложные	a	◡́												
		◡̀												
	b									ък				
	c													

Анализ диминутивов из языка XI—XIV вв., представленных в словаре Срезневского и в ряде дополнительно привлеченных русских текстов, относящихся к этому же времени, проведенный по тем же позициям, что и анализ современного русского материала, с дополнительным разграничением этимологических o-, u-, i-, jo-основ, показывает следующую систему (см. табл. 2).

Ниже приводится материал, распределенный по графам таблицы (т. е. в зависимости от типа производящей основы), в следующем порядке [2]:

1. Производные от односложных основ а. п. *a* [3]

[2] Слова из «Материалов. . .» И. И. Срезневского не документируются. Сокращения названий других источников см. в конце сборника, за исключением: Чуд. Нов. Зав. — «Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. Труд святителя Алексия, митрополита Московского и всея Руси». Фототипическое издание Леонтия, митрополита Московского. М., 1892 г.; Глос. Гес. — Глоссарий Гесихия. Манускрипт № 171 из собрания греческих рукописей Венской национальной библиотеки. (См. В. Е. Ушаков. Древнерусские акцентуированные памятники середины XIV в. — «ВЯ», № 5, 1971 г.).

[3] Отнесение производящего к той или иной акцентной парадигме специально не документируется. Оно сделано на основании этимологических сопоставлений славянских языков, древнерусских фактов, содержащихся в работах: Л. Л. Васильев. О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI—XVII веков. Л., 1929; В. В. Колесов. История русского ударения. Л., 1972, а также древнерусских и южнославянских материалов из опубликованных и неопубликованных работ В. А. Дыбо.

2. Производные от односложных основ а. п. *b*
3. Производные от односложных основ а. п. *c*
4. Производные от многосложных основ а. п. *a* с ударением на первом слоге.
5. Производные от многосложных основ а. п. *a* с ударением на непервом слоге.
6. Производные от многосложных основ а. п. *b*
7. Производные от многосложных основ а. п. *c*.

о-основы

Исходы на p: 1) — ; 2) стълпьць и стълпикъ; 3) — ; 4) — ; 5) укропьць; 6) — ; 7) — .

Исходы на b: 1) хлѣбьць; 2) — ; 3) — ; 4) — ; 5) — ; 6) — ; 7) погрьбьць.

Исходы на t: 1) братьць; 2) крьстьць, кутьць, кустьць и кустикъ; 3) пъртьць и пъртъкъ, цвѣтьць и цвѣтъкъ, платъкъ, мостъкъ; 4) — ; 5) ушатьць; 6) — ; 7) кокотъкъ (а. п. *c*?), молотъкъ, омутъкъ.

Исходы на d: 1) — ; 2) — ; 3) градьць и градъкъ, судъкъ; 4) — ; 5) оградьць, огородьць, съводьць; 6) передьць (а. п. *b*?); 7) городьць и городъкъ.

Исходы на s: 1) — ; 2) часьць (а. п. *b* или *a*); 3) лѣсьць и лѣсъкъ, носъкъ; 4) — ; 5) отласьць, обрусьць, убрусьць; 6) —; 7) — .

Исходы на z: 1) — ; 2) — ; 3) возъкъ, глазъкъ; 4) — ; 5) — ; 6) — ; 7) образьць.

Исходы на v: 1) ставьць (а. п. *a*?), язвьць; 2) — ; 3) — ; 4) — ; 5) поставьць; 6) буравьць, ушьвьць, покровьць, прѣкровьць (а. п. *b*?); 7) островьць и островъкъ.

Исходы на m: 1) — ; 2) хълмьць; 3—6) — ; 7) теремьць и теремъкъ.

Исходы на n: 1) агньць; 2) — ; 3) коньць, вѣньць, гърньць (гършькъ); 4) мериньць; 5) бълъваньць, чьваньць, курганьць, сукъманьць (а. п. *a*?), кафтаньць, колчаньць, загоньць, номоканунь; 6) — ; 7) — .

Исходы на l: 1) лальць, тыльць; 2) стольць, тельць; 3) — ; 4) — ; 5) сандальць, шандальць, оскрильць, прѣстольць; 6) козьльць, котьльць, угольць Пал. 1406 г., л. 137 г, 138 в, 139 г; 7) колокольць (а. п. *c*. или *b*?), сокольць (а. п. *c* или *b*).

Исходы на r: 1) вѣтрьць Чуд. Нов. Зав. 79 б; 2) одрьць, дворьць; 3) — ; 4) прапорьць; 5) потирьць; кумирьць ГА XIII—XIV в., л. 24 в, товарѣць (?) Грам. новг. посад. Вас. Ник. в Ригу XIV—XV, Обнор. № 39; 6) топорьць; 7) озеръкъ.

К XV—XVII вв. относятся примеры хохолъкъ и топоръкъ.

Исходы на k: 1) — ; 2) крючькъ Зап., Служ. XIV в. (Син. 601), л. 72; 3) лучьць Ж. Варл. Иос. XIV в., л. 101 б, волчьць, скочькъ; 4) наволочькъ (а. п. *a* или *c*); 5) садачькъ, приимъчькъ, поточькъ, вънучькъ, язычькъ, осѣчькъ (а. п. *a*; *c*?); 6) клобучьць, дьячьць и дьячькъ, горшьчькъ (sic! Начальная форма у Срезнев-

ского неверна: въ малѣ горшечцѣ), лошачькъ, оловяничькъ, ормячькъ, ишечькъ, темлячькъ; 7) облачьць ГА XIII—XIV, 218 в—г и облачькъ, волочькъ, сорочькъ.

Исходы на g: 1) сажьць (а. п. *a*?), вражькъ; 2) — ; 3) рожьць и рожькъ (а. п. *c* из **b*), дружьць, ложькъ, кружькъ; 4) — ; 5) ковъчежьць, коврижьць (??) и коврижькъ, овражькъ, учужькъ (а. п. *a* — совр. норм.; *b*?); 6) кърчажьць (а. п. *b*; *a*?); 7) бережьць, жемчужькъ (а. п. *c*; *a*?).

Исходы на x: 1) — ; 2) мъшькъ; 3) мѣшьць и мѣшькъ; 4—5) — ; 6) пастушькъ; 7) обушькъ (а. п. *c* или *a*).

u-основы

Исходы на p: 1) — ; 2) пупъкъ (? общеславянское образование, возможно, от первоначальной *u*-основы); 3, 4, 5, 6, 7) — .

Исходы на *b*: 1) кубьць и кубъкъ; 2) — ; 3) дубъкъ; 4-7) — .

Исходы на t: 1) — ; 2) листъкъ Юр. пр. XIV, 275 г; 3—7) — .

Исходы на d: 1, 2) — ; 3) рядъкъ, медъкъ Юр. пр. XIV, 129 г; 4—7) — .

Исходы на s: 1) — ; 2) пьсьць; 3—7) — .

Исходы на m: 1, 2) — ; 3) домьць; 4—7) — .

Исходы на n: 1) — ; 2) чеснъкъ; 3) сынъкъ, станъкъ; 4—7) — .

Исходы на l: 1) — ; 2) (кольць и колъкъ); 3) долъкъ, полъкъ; 4, 5) — ; 6) подолъкъ (?) Чуд. Нов. Зав. 9б (а. п. *b*?); 7) — .

Исходы на r: 1, 2) — ; 3) боръкъ, даръкъ; 4—7). — .

Исходы на k: 1) — ; 2) сучьць; 3—7) — .

Исходы на g: 1, 2) — ; 3) тържькъ; 4—7) — .

Исходы на x: 1 — ; 2) вершькъ; 3—7) — .

i-основы

Исходы на t: 1) — ; 2) путикъ и путьць Пал. 1406 г., л. 30 в; 3—6) — ; 7) локотъкъ.

Исходы на v: 1) — ; 2) чьрвьць; 3—5) —; 6) жеравьць; 7) — ;

Исходы на n: 1) — ; 2) огньць; 3—4) — ; 5) мишеньць, оленьць, фелоньць; 6—7) — .

Исходы на l: 1—3) — ; 4) жужельць (а. п. *a*? слвцк. *b*); 5, 6) —; 7) топольъкъ.

Исходы на r: 1) — ; 2) ларьць; 3) зверъкъ (? XVI в. в форме зверкы).

jo-основы и шипящие

Исходы на bj: 1—5) — ; 6) корабльць и кораблиць, корабиць; 7) — .

Исходы на dj(?): 1) — ; 2) дъждьць (?) (а. п. *b*, может быть, из **c*); 3—7) — .

Исходы на n': 1) — ; 2) коникъ; 3—7) — .

Исходы на r': 1—5) — ; 6) монастырьць, пузыръкъ (?: пузырки Глос. Гес.). Производящие основы этих двух примеров, возможно, относились к смешанному склонению, см. ниже.

Исходы на č': 1) — ; 2) мечиць и мечикъ; 3—5)— ; 6) овкачикъ (а. п. *a* или *b*); 7) обручикъ.

Исходы на ž': 1) — ; 2) ножиць и ножикъ, крыжикъ, ужикъ; 3) мужикъ; 4—6) — ; 7) (сторожькъ).

Исходы на š': 1—3) — ; 4) (кляпышькъ), 1589 г.; 5—7) — .

Исходы на š̌': 1) — ; 2) плащикъ; 3—7) — .

Основы с исходом на *c*

1—3) — ; 4) стълпьчикъ, старьчикъ, яловьчикъ; 5) — ; 6) образьчикъ, жеребьчикъ; 7) — .

Как видно из предыдущей таблицы, выбор уменьшительного в древнерусском, в отличие от современного русского языка, не был связан с количеством слогов в основе и типом акцентного контура (для многосложных а. п. *a*). Поэтому данную таблицу можно упростить (см. табл. 3).

Таблица 3

	o-основы													
	p	b	t	d	s	z	v	m	n	l	r	k	g	x
a	ьс	ьс	ьс	ьс	ьс		ьс		ьс	ьс	ьс	ьk	ьс ьk	
b	ьс ik		ьс ik	ьс	ьс		ьс	ьс		ьс	ьс	ьс ьk	ьс	ьk
c		ьс	ьс ъk	ьс ъk	ьс ъk	ьс ъk	ьс ъk	ьс ъk	ьс (ьk)	ьс	ъk	ьс ьk	ьс ьk	ьс ьk

Таблица 3 (*продолжение*)

	i-основы					u-основы											
	t	v	n	l	r	p	b	t	d	s	m	n	l	r	k	g	x
a			ьс	ьс			ьс? ъk?										
b	ьс ik	ьс	ьс		ьс	ъk?		ъk		ьс		ъk	ьс? ъk		ьс		ьk
c	ъk			ьk			ъk		ъk		ьс	ъk	ъk	ъk		ьk	

Следующим этапом является объединение согласных финалей основ с одинаковым морфонологическим поведением (т. е. с одинаковым выбором суффикса) по характерному фонологическому (морфонологическому) признаку. В результате получаем таблицу 4.

Таблица 3 (*окончание*)

	jo-основы с шипящими								основы на ьс
	bj	dj(?)	n'	r'	č'	ž'	š'	š̄'	
a							(ьk)		ik
b	ьс ic	ьс?	ik	(ьс) (ъk)	ik ic	ik ic		ik	ik
c					ik	(ьk)			

Таблица 4

	o-основы		Основы на ьс	jo-основы		i-основы	u-основы	
	заднеязычные	прочие		шипящие	прочие		заднеязычные	прочие
a	ьс, ьk	ьс	ik			ьс		
b	ьс, ьk	ьс, ik	ik	ik, ic	ik, ic (ьс)	ьс, ik	ьс, ьk	ък ьс
c	ьс, ьk	ьс, ък		ik		ък, ьk	ьk	ък (ьс)

Таким образом, распределение уменьшительных суффиксов в древнерусском языке XI—XIV вв. имеет следующие особенности.

1) Суффикс ik/ic выступает в основном с *j*-основами, обнаруживая тенденцию к проникновению в o- и i-основы а. п. *b* (последнее легко объяснить тем, что в самих j-основах представлена почти исключительно а. п. *b*).

2) Суффикс ък сохраняет полностью господство в бывших u-основах, распространившись в подвижную акцентную парадигму o- и i-основ, где является преобладающим словообразовательным типом (это хорошо увязывается с тем, что а. п. *c* превалировала среди u-основ и, как установил С. П. Обнорский, распространение формы местного падежа u-основ в o-основы происходило по признаку а. п. *c* [4].

[4] С. П. Обнорский. Именное склонение в современном русском языке, вып. 1. Л., 1927 г. Слабой стороной этого исследования является то, что автор не различает роль а. п. *c* и роль а. п. *b* в данном процессе.

В последнее время выводы С. П. Обнорского были в основном подтверждены Н. И. Хреновой. См. Н. И. Хренова. О выборе флексии -у- в родительном и местном падежах единственного числа у существительных

3) С неподвижными акцентными типами (а. п. *a* и *b*) о-основ, кроме основ на заднеязычные, почти без исключений употребляется суффикс ьс.

4) Суффикс ьk является преимущественным при образовании диминутивов от о-основ на заднеязычные (т. е. в позиции после шипящих, возникших в результате первой палатализации из заднеязычных), откуда, по-видимому, он проник и в u-основы в тех же условиях. Его выбор определяется лишь завершающим согласным основы и никак не связан с акцентной парадигмой производящего. Суффикс ьс в этой позиции встречается значительно реже, слова с ним в ряде случаев являются терминами, южнославянское происхождение которых или очевидно, или весьма вероятно.

Данные сравнительной грамматики позволяют утверждать, что источником суффикса ъk являются уменьшительные от u-основ [5]. Это подтверждает и приведенное распределение, не только преимущественной связью суффикса ъk с этимологическими u-основами, не ограничиваемой акцентными основаниями, но и полной параллельностью распространения его в о-основах распространению в них таких элементов флексии u-основ, как окончания родительного и местного падежей (оба процесса определяются одной морфонологической позицией — а. п. *c*). С другой стороны, можно полагать, что экспансия суффикса ik/ic в о-основах связана с подобной же морфонологической позицией — а. п. *b* — из источника, которым являются jo-основы, где этот суффикс является единственным (основания такого направления процесса указаны выше). Последнее тоже согласуется с результатами сравнительно-исторического исследования [6].

Если исходить из этих положений (а они почти очевидны), то предшествующее данным морфонологическим процессам распространения суффиксов ъk и ik распределение может быть показано в таблице 5.

Заключенные в скобки позиции являются, вероятно, анахронизмом: эти формы проникли сюда позднее.

Произведенная трансформация требует, по-видимому, лишь одного пояснения: так как суффикс ьk не может быть объяснен проникновением из u-основ на тех же основаниях, что и суффикс ъk в о-основах, и вообще находится вне морфонологических процессов, действовавших в этой словообразовательной области, он не может быть устранен из системы. Напротив, редкий вариант ьс в основах на заднеязычные, в ряде случаев — очевидно

мужского рода. Изв. АН СССР, сер. лит. и яз., т. XXVI, вып. 1, 1967; О н а ж е. Система флексий имен существительных мужского рода в русском языке XVII—начала XVIII вв. М., 1971. АКД.

[5] Ср. Р. И. А в а н е с о в. К истории чередования согласных при образовании уменьшительных существительных в праславянском. «Славянское языкознание. VI международный съезд славистов. Доклады советской делегации. (Прага, август 1968 г.)». М., 1968, стр. 6.

[6] См. Р. И. А в а н е с о в. Указ. соч., стр. 7.

Таблица 5

	шипящие (и с)	заднеязычные	прочие
u-основы	—	(ък)	ък
o-основы	—	ьк	ьс
jo-основы	ik/ic	—	ic
i-основы	(ьс)	—	ьс
«*с*-осн.»	ik	—	—

южнославянский, в других же может объясняться влиянием церковнославянского языка [7].

Получившееся распределение, по-видимому, может быть объяснено лишь допущением, что пара ьк/ьс возникла в результате того, что третья палатализация (во всяком случае, в диалектах, легших в основу восточнославянских языков) не происходила при предшествующем шипящем [8]. Вероятно, варианты суффикса ik/ic связаны с аналогичными обстоятельствами.

Такое объяснение подтверждается распределением, сохранившимся до нашего времени в основах, у которых вторичное проникновение суффикса ьк вообще не объяснимо, так как нет родственных форм, из которых он мог бы проникнуть. Имеются в виду уменьшительные от основ среднего рода, которые точно следуют реконструированной для основ мужского рода системе:

1) после шипящих: *облачко*, *яичко*, *молочко*, *яблочко*, *лычко*, *ушко*, *брюшко* и под.;

2) после прочих: *кружевцо*, *словцо*, *сенцо*, *поленце*, *морцо*, *мясцо*, *болотце*, *копытце*, *дельце*, *пряслице*, *ружьецо*, *письмецо*, и т. д.

Еще одно замечание о морфонологии словообразования уменьшительных в древнерусском: суффикс ьк/ьс, очевидно, проник в о-основы из i-основ, где он первичен. Однако именно целый ряд основ, рассматриваемых как i-основы, показывают отклонение в выборе суффикса. Распространение в них суффикса ък не может быть объяснено рассмотренными выше акцентно-морфонологичес-

[7] Круг фактов с этим суффиксом таков, что даже не требует обращения к постулированию аналогии в разговорном русском языке.

[8] Ср. И. Грицкат-Вирк. Још о трећој палатализацији, «Јужнословенски филолог», XIX, Београд, 1951—1952 г. Ср. также приводящее к аналогичному выводу распределение соответствующих суффиксов у отглагольных имен в кн.: Ж. Ж. Варбот. Древнерусское именное словообразование. М., 1969, стр. 82.

кими процессами, фонологическое объяснение [9] также не кажется нам в свете изложенного убедительным. Можно предложить другое объяснение. Дело в том, что все имена, имеющие эти особенности в словообразовании диминутивов (прослеживаемые с самых древних памятников русского языка, см. выше), обнаруживают в славянских языках явственные следы нетематического склонения. Для основ типа *nogъt-* (*ноготок*, *деготок* и т. п.) ср. старославянское их склонение [10]. Аналогично: *печать — печатка*, *печаток* (см. у Вайана, там же), *десятка*; *печенка*, *сажень — саженка* (Вайан, стр. 128). *Пузырки* Глос. Гес. (так же, как *знахарка* и под.); по-видимому, можно связать с подобной же особенностью склонения основ на ar' в старославянском (Вайан, стр. 129—131) [11]. Твердый вариант у основы *zvěrь* (*zvěrъkъ*) зафиксирован не только в диминутиве (?), но и в сложениях (*zvěro- . . .*). Последнее этимологи объясняют первичным нетематическим типом этой основы. Возможно, что она отражена и в *zvěrъkъ* [12].

То, что словообразование сохраняет следы старого типа основ, а также и то, что при нетематическом склонении (на смычные?) использовался суффикс ъk, показывает, например, русск. *кипяток* < * *kypęt-ъkъ* (от еще нетематической основы причастия).

---

[9] См. Р. И. Аванесов. Указ. соч.

[10] А. Вайан. Руководство по старославянскому языку. М., 1952, стр. 129.

[11] Возможно, этим же объясняется отклонение в выборе суффикса у слова *монастырьць* < *монастырь* — jo-основа, которая, по-видимому, примыкала к тому же типу на ar'.

[12] Для древнерусского ср. А. А. Шахматов. Историческая морфология русского языка. М., 1957, стр. 101—104.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ ИСТОЧНИКОВ

Аб. Мельн. — Комическая опера Мельник, колдун, обманщик и сват. . . соч. А. Аблесимовым. СПб., 1792.

Аб. Сч. — *А. Аблесимов.* Счастье по жеребью. Сочинения Кострова и Аблесимова. СПб., 1849, стр. 55—88.

АВАК, VI, VII, XI, XIV, XVII, XVIII — Акты, издаваемые Виленской археографической комиссией, т. VI. Вильна, 1872, т. VII, 1873, т. XI, 1880, т. XIV, 1887, т. XVII, 1890, т. XVIII, 1891.

Ав. Ж. — Житие протопопа Аввакума. «Памятники истории старообрядчества XVII в.», кн. 1, вып. 1. Л., 1927. (РИБ, т. 39).

Ав. Ж. (1) — Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. Редакция, вступительная статья и комментарий Н. К. Гудзия. Изд. «Academia», 1934.

Ав. Ж. (2) — Житие протопопа Аввакума. «Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения». Под общей ред. Н. К. Гудзия. М., 1960.

АВК, I, XX, XXI, XXII, XXIV, XXXVI, XXXIX — Акты, издаваемые комиссией, высочайше учрежденной для разбора древних актов в Вильне (То же: Акты, издаваемые Виленской комиссией для разбора древних актов), т. I. Вильна, 1865, т. XX, 1893, т. XXI, 1894, т. XXII, 1895, т. XXIV, 1897, т. XXXVI, 1912, т. XXXIX, 1915.

Ав. Кн. толк. — Аввакум. Книга толкований и нравоучений. «Памятники истории старообрядчества XVII в.», кн. 1, вып. 1. Л., 1927. (РИБ, т. 39).

Ав. Пис. — Письма протопопа Аввакума. Там же.

Ав. Посл. — Аввакум. Послания. Там же.

Агасфер — *В. П. Адрианова.* К истории легенды о странствующем жиде в старинной русской литературе. — ИОРЯС, 1915, т. XX, кн. 3. 1663.

А. гр. распр. Фед. — Чех. II. — Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России. Собрал и издал А. Федотов — Чеховский, т. II. Киев, 1863.

Аз. пов. — «Историческая» и «поэтическая» повести о взятии Азова в 1637 г. «Воинские повести Древней Руси». Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1949.

АЗР I—II — Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией, тт. I—II. СПб., 1846—1848.

АИ I—XII — Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией, тт. I—XII. СПб., 1841—1872.

Акты юр. — Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства. Изд. Археогр. комис. СПб., 1838.

Александрия — Александрия, рукопись, полуустав, в составе Хронографа XVII в., лл. 395—468 об. ГБЛ.

АЛМ, I — Акты Литовской метрики, т. I, вып. I (1413—1498 гг.). Варшава, 1896.

АЛРГ — Акты Литовско-Русского государства, вып. I (1390—1529). М., 1900.

Алф.[1] — Алфавит иностранных речей. Рукоп. БАН, Арх. Д. № 446. XVII в.

Алф.[2] — Книга, глаголемая алфавит. Сказание о всяких вещех и иностранных речеи, яже не преложены на русский язык. Рукоп. БАН 33, 4.7. XVII в.

АМГ I—III. Акты Московского государства, изд. Акад. наук, т. I—III. СПб., 1890—1901.

Андрей Критский — *Н. Гудзий*. К легендам об Иуде предателе и Андрее Критском. РФВ, 1915, т. 73, стр. 32—34. сп. XVI в.

А. П. Дем. сат. Ист. о голом-Азбука о голом и небогатом человеке. — *В. П. Адрианова-Перетц*. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII в. М.—Л., 1937.

Апофегм. — Апофегмата, то есть кратких витиеватых и нравоучительных речей книги. СПб., 1723.

Апокр. — Апокрисис, албо отповедь на книжкы о съборе берестейском. Вильно, 1598.

АРИ, I — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографической экспедицией имп. Акад. Наук, т. I. СПб., 1836.

Арс. Сух. Проскинитарий — Арсений Суханов. Проскинитарий. Под ред. Н. И. Ивановского. — Православный палестинский сборник. т. VII, вып. 3. СПб., 1889.

Артик. воин. — Артикул воинский с кратким толкованием. СПб., 1715.

Арх. бум. Птр. I — Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом, т. I. М., 1872.

Арх. Он. — Архив Онежского Крестного монастыря, ЦГАДА, ф. 1195, оп. 1, XVII в.

АСВР II — Акты социально-экономической истории северо-восточной Руси к. XIV—н. XVI вв., т. II. М., 1958.

Астрах. а. — Акты Астраханской воеводской избы XVII в. Хранятся в ЛОИИ, ф. 178.

А. Уст. I—II. — *В. П. Шляпин*. Акты Велико-Устюжского Михаило-Архангельского монастыря, ч. I—II. Великий Устюг, 1912—1913.

АХУ I — Акты Холмогорской и Устюжской епархий, ч. I.— РИБ, т. 12. СПб., 1890.

АХУ II — Акты Холмогорской и Устюжской епархий, ч. II. — РИБ, т. 14. СПб., 1890.

АХУ III — Акты Холмогорской и Устюжской епархий, ч. III. — РИБ, т. 25. СПб., 1908.

АЮБ I—III — Акты, относящиеся до юридического быта древней России. Изд. Археографической комиссией, под ред. Н. Калачова, т. I—III. СПб., 1857—1884.

Баг. Мат. — Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства. Под ред. Д. И. Багалея. Харьков, 1886.

Баязет — Баязет и Тамерлан. Русские драматические произведения 1672—1725 гг., собранные Н. Тихонравовым, т. I. СПб., 1874.

Бельск. — «Хроника всего мира» М. Бельского в белорусской обработке нач. XVII в. Рукоп. ГПБ, F IV, 688.

Бер. — Лексикон словенороськии Памви Беринди. Київ, 1961.

Берест. гр. (новг.) — Грамоты берестяные (новгородские). Изд. А. В. Арциховский и В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1956—1957 гг.). М., 1963.

Библ. — Библейские книги нач. XVII в. Рукоп. ГПБ, F I. 2.

Библ. Генн. — Книги ветхого и нового завета. Писаны в 1499 г. в Новгороде, при дворе архиепископа Геннадия. Рукоп. ГИМ, Син. № 915.

Бова — Сказание про храброго витязя про Бову — Королевича. Изд. Б. Н. Дунаев. Библиотека старорусских повестей. М., 1915.

Бова (1) — Сказания про храброго витязя, про Бову королевича. — В кн.: *Н. К. Гудзий*. Хрестоматия по древней русской литературе XI—XVII веков. Изд. 7. М., 1962.

Болотов. Зап. — Записки Андрея Тимофеевича Болотова, 1738—1795 гг., т. 1. Изд. 3. СПб., 1875.

Болот. С. ж. — [Болотов]. Сельский житель, экономическое в пользу деревенских жителей служащее издание, ч. I—II. М., 1778.

Борк. л. — Боркулабовская летопись. — Киевские университетские известия, год 38, № 12. Киев, 1898.

Был. М. — Русские былины старой и новой записи. Под ред. акад. Н. С. Тихонравова и проф. В. Ф. Миллера. М., 1894. Отд. II Былины новой записи.

В. а. Б. Палех. № 100 — Вотчинный архив Бутурлиных. Палех. Хранится в Ивановском обл. архиве, г. Иваново-Вознесенск. 1708—1795 гг.

Варс. корм. — Кормчая Варсонофиевская, XIV в. рукоп. ГИМ, Чуд., № 4.

Вел. Зерц — *О. А. Державина.* «Великое Зерцало» и его судьба на русской почве. М., 1965.

Вес. Мел. — Веселый и шутливый Меландр., повествующий короткие, но приятные анекдоты. . . Перевод с латинск., ч. I—II. М., 1789 г.

Виш. Соч. — *Иван Вишенский.* Сочинения. М.—Л., 1955.

Вкл. Ант. — *А. Ф. Изюмов.* Вкладные книги Антониева Сийского монастыря 1576 г. — ЧОИДР, 1917, кн. 2.

Влад. сб. — Владимирский сборник. Сост. и изд. К. Тихонравов. М., 1857.

ВМЧ — Великие минеи четьи, собранные всероссийским митрополитом Макарием. Изд. Археографической комиссией М. СПб., 1868—1917.

ВНП II — Великорусские народные песни. Собранные А. И. Соболевским, т. II. СПб., 1895.

Волх. — Повесть о трех королях — волхвах. Рукоп. ГПБ, Q.I.391. XV в.

Ворон. Петр. а. — Воронежские Петровские акты, хранящиеся в Архиве Воронежского губернского статистического комитета, вып. 1. Воронеж, 1872 (1695—1722 гг.)

Воскр. лет. VIII — Летопись по Воскресенскому списку. — ПСРЛ, т. VIII. СПб., 1859.

Врвкн — *М. И. Веревкин.* Именинники. Комедия в пяти действиях. Соч. в 1774 г. — РФ, ч. 21, 1788, стр. 187—306.

ВС IV — Витебская старина, т. IV. Составил и издал А. Сапунов. Витебск, 1885.

Выд. кл. — Комедия выдуманной клад, в одном действии. Сочинения придворнаго Российскаго Театра Актера И. С. РФ, ч. 27, 1788, стр. 209—266.

Выкл. — «Выкладъ мѣсцъ тр8днѣйшихъ», сер. XVII в. Рукоп. Библиотеки АН УССР, 9п/111.

Гвидон — История о княжати Гвидоне. — *А. Н. Веселовский.* Из истории романа и повести. Сб. ОРЯС, т. 44, № 3. СПб., 1888.

ГА XIII—XIV — Хроника Георгия Амартола, славянорусский перевод XI в. в сп. XIII—XIV вв. ГБЛ, ф. 178 (собрание Московской духовной академии), № 100. [Изд.: *В. М. Истрин.* Книги временьныя и образныя Георгия мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе, т. I, Текст, Пг., 1920. Греческий текст по изданию: Хронограф Григория Амартола. Греческий подлинник, приготовленный к изданию Э. Г. фон-Муральтом. — Уч. зап. II отд. имп. Академии наук, кн. VI. СПб., 1861.]

ГБ XIV — Григория Богослова 16 слов с толкованиями Никиты Ираклийского, XIV в., Рукоп. ГИМ, Син., № 954.

Гебд. — *И. Я. Гурлянд.* Иван Гебдон Комиссариус и резидент. Материалы по истории администрации Московского государства второй половины XVII в. — Временник Демидовского юридического лицея, кн. 89. Ярославль, 1904.

Гист. Вас. Кор. — История о российском матросе Василии Кориотском и о прекрасной королевне Ираклии Флоренской земли. Изд. В. В. Сиповского. Русские повести XVII—XVIII вв., т. I. СПб., 1905.

Гист. Франц. и Ренц. — Гистория о славном и сильном гишпанские земли князе именем Венцыане свидетельствованном Францыле и о прекрасной королевне Ренцывене. Рукоп. БАН 1.1.24. 1780 г.

Гост. дв. — *М. А. Матинский.* Опера Комическая Санктпетербургский гостиной двор. [В первой раз опера представлена в 1779 г.] М., 1791.

Гр. — Грамотки XVII—начала XVIII века. Под ред. С. И. Коткова. М., 1969.

Гр. 1317 — Грамота договорная московского в. кн. Юрия Даниловича с в. кн. тверским Михаилом Ярославичем, 1317 г. [Изд.: *А. А. Шахматов.* Исследование о языке Новгородских грамот XIII и XIV вв. (грамота № 14). «Исследования по русскому языку», т. I. СПб., 1885—1895.]

Гр. 1387 — Грамота короля Владислава 1387 года. [Изд.: *И. П. Сахаров.* Образцы древней письменности, снимки судебного письма русского, литовско-русского и малорусского (XII—XVIII). СПб., 1841 и 1852 (грамота № 15).

Гр. XIV—XV (3, новг.) — Грамота новгородского посадника Василия Никитича в Ригу. XIV—XV вв. — В кн.: *С. П. Обнорский* и *С. Г. Бархударов.* Хрестоматия по истории русского языка, ч. I, М., 1952.

Гр. Башк. — Материалы по истории Башкирской АССР. ч. I. Башкирские восстания в XVII и первой половине XVIII вв. М.—Л. 1936 (Труды Ист.-археогр. ин-та, т. XVIII).

Гр. Дв. II — Грамоты Двинского уезда XVII—XVIII вв. — В кн.: Сборник грамот Коллегии экономии, т. II. Л., 1929.

Гриб. Ист. — Федора Грибоедова История о царях и великих князьях земли Русской. Сообщ. С. Ф. Платонова и В. В. Майкова. СПб. 1896, 1669 г., сп. XVII в.

Гр. Кольск. — Сборник грамот Коллегии Экономии, т. 2, Л., 1929.

Гр. Новг. и Пскова — Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Под ред. С. Н. Валка. М.—Л., 1949.

Гр. Сиб. Милл. II — *Г. Ф. Миллер.* История Сибири, II. М.—Л., 1941.

ДАИ I—XII — Дополнения к Актам историческим, собр. и изд. Археогр. ком., т. I—XII. СПб., 1846—1872.

ДБМ — Духовные беседы святого отца нашего Макария пустелника египетского. Вильна, 1626.

Дв. гр. — Двинские грамоты. *А. А. Шахматов.* Исследования о двинских грамотах XV в. «Исследования по русскому языку», т. II, вып. 3, СПб., 1903.

Диар. — «Диариуш» А. Филипповича 1638—1648 гг. Рукоп. ГИМ, Син. № 860.

Dickenmann — *E. Dickenmann.* Studien zur Hydronymie des Savasystems. I. Heidelberg, 1966.

Д. Иос. Колом., 1675 — *А. А. Титов.* Иосиф архиепископ Коломенский. (Дело о нем 1675—1676 гг.) — ЧОИДР, 1911, кн. 3.

Длгрк. — Соч. И. И. Долгорукого, изд. А. Смирдина, т. I. СПб., 1849.

Дм. — Домострой по списку ОИДР. ЧОИДР, 1881, кн. 2.

Дм. К. — Домострой, XVI в. — *А. С. Орлов.* Домострой по коншинскому списку и подобным. Изд. ОРЯС. М., 1908.

Докл. в Сенате I—VI — Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого. Изд. АН под ред. Н. В. Калачова. т. I—VI, СПб., 1880—1901, 1711—1716 гг.

Дон. д. I — Донские дела. Кн. I. РИБ, т. 18.

Дон. д. II — Донские дела. Кн. II. РИБ, т. 24.

Д. сторож. служ. — О сторожевой, станичной и полевой службе на Польской украйне Московского государства до царя Алексея Михайловича. Соч. И. Беляева. Источники. ЧОИДР, 1846, № 4.

ДТП I — Дела Тайного приказа, кн. I, РИБ, т. 21. СПб., 1907.

Дух. и дог. гр. — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.—Л., 1950.

Евл. — Записки Ф. Евлашевского. Публикация В. Антоновича. — Киевская старина, 1886, январь—март.

ЕК I—II — Евангелие учительное Каллиста, ч. I—II, Евье, 1616.

Елаг. Приключ. маркиза Г. — Приключения маркиза Г. . . или Жизнь благородного человека оставившего свет, переведена на российский язык Иваном Елагиным.

Ерм. лет. — Ермолинская летопись.—ПСРЛ, т. 23. СПб., 1910.

Есфирь — Действие об Есфири. Г. П. Георгиевский. Две драмы Петровского времени. — ИОРЯС, 1905, т. X, кн. I. XVIII в.

Ж. Варл. Иос. XIV—XV вв. Житие Варлаама и Иоасафа, XIV—XV вв., Рукоп. ГПБ, Соф., № 1365, лл. 1—135 об.

Ж. Герас. Б. — Житие Герасима Болдинского, XVI в. Рукоп. ГБЛ, Муз. № 2496 (Поп. № 62) сп. н. XVII в.

Жив. — Живописец, еженедельное на 1772 г. сочинение, ч. 1—2, СПб., 1772—1773.

Жильблаз — Похождения Жильблаза де Сантиланы, описанные г. Ле Са ем, а перев. Васильем Тепловым. т. 1—4. СПб., 1760—1761.

Ж. Серг. Р. Епиф. — Епифаниевская редакция жития преподобного Сергия. — В кн. Древние жития преподобного Сергия Радонежского. Собр. и изд. Н. Тихонравовым. М., 1892. Отд. I, стр. 8—144. 1418 г. сп. XV—XVI вв.

ЖФСт — Жития Нифонта и Феодора Студита XII в. Рукоп. ГБЛ, ф. 178 (Муз.), № 1832 (Выголексинский сб.).

Заб. Мат. II — Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы. Собранные и изданные руководством и трудами И. Забелина, ч. II. 1891. XVII—XVIII вв.

Зас. черта — ЦГАДА, ф. 210 Владимирский стол, стлб. 75, 76, 85, 86.

Зас. черта (Як.) — *А. И. Яковлев.* Засечная черта Московского государства в XVII в. М., 1916.

Зл. цепь — Златая цепь. Рукоп. ГБЛ, ф. 304, (Тр.-Серг.) № 11. конец XIV в.

Зыбелин. Слово 1773 г. — *С. Зыбелин.* Слово о вреде, проистекающем от содержания себя в теплоте излишней. М., 1773.

Ив. Гр. Пис. — Письма Ивана Грозного А. Курбскому. «Сочинения князя Курбского», т. I — РИБ, т. 31. СПб., 1914.

Изб. Св. 1076 г. — Изборник 1076 г. Под ред. С. И. Коткова. Изд. подготов. В. С. Голышенко, В. Ф. Дубровина, В. Г. Демьянов, Г. Ф. Нефедов. М., 1965.

Илар Сл. Зак — Слово о законе и благодати митрополита Илариона. Сборник к. XIV—нач. XV в. Рукоп. ГИМ, Увар., № 509 (1772, 362), лл. 159—170.

ИНРЯ, С (Ч) — *С. И. Котков, Н. П. Панкратова.* Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII—начала XVIII века. Изд. «Наука», М., 1964 — Фонд Самариных (С), Челищевых (Ч).

Ипат. лет. — Ипатьевская летопись. Изд. 2-ое. — ПСРЛ., т. 2. СПб., 1908.

Ист. о Каз. цар., XVI — История о Казанском царстве (Казанский летописец) — ПСРЛ, т. 19, СПб., 1903.

Истом. Град. ц. — Град царства Кариона Истомина. Рукоп. ГИМ, Чуд. № 302. к. XVII в.

ИЮМ, I, II, III, V, VI, VIII, IX, XXX — Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской, изданные под ред. Созонова, вып. I, Витебск, 1871, вып. II, 1871, вып. III, 1872, вып. V, 1874, вып. VI, 1874, вып. VIII, 1877, вып. IX, 1878, вып. XXX, 1903.

Кант. О множ. миров (Фонт.) — Разговоры о множестве миров г. Фонтенелла Парижской академии наук секретаря. С французского перевел и потребными примечаниями изъяснил князь Антиох Кантемир в Москве в 1730 году. СПб., 1740.

Кант. Пис. — Сочинения, письма и избранные переводы князя Антиоха Дмитриевича Кантемира. Редакция изд. П. А. Ефремова, т. I—II. СПб., 1867—1868.

Кат. Будн. — Катихизис для деток хрестианьских языка руского коротко выложена. Клецк, 1562.

КЕ XII — Ефремовская кормчая по изданию: Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкований. Труд В. Н. Бенешевича, т. I. СПб., 1906.

КЕ — Книга Есфирь. Бивлия руска Ф. Скорины. Прага, 1517—1519.

Киреевский. Песни — Песни, собранные П. В. Киреевским. Изд. Общества любителей российской словесности. М., 1860.

Климент Смолят. — *Н. Никольский.* О литературных трудах митрополита Климента Смолятича, писателя XII века. СПб., 1892, сп. XIII—XVI вв.

КН 1280 — Кормчая Новгородская, 1280 г. Рукоп. ГИМ, Син., № 132.

Кн. Б. Чертежу — Книга Большому чертежу. Под ред. К. Н. Сербиной. М.—Л., 1950.

Кн. Енохова — *М. И. Соколов.* Славянская книга Еноха Праведного. Тексты, латинск. перевод и исследование. Изд. ОИДР, М., 1910. XIII в., сп. XV—XVIII вв.

Кн. зап. Моск. ст. IV — Записная книга Московского стола 7187—7188. РИБ, т. 11, стр. 329—525.

Кн. землед. — Книга зовомая земледелательная новонапечатавшаяся с прибавлением и жалованною граамматою. Сложенная Агапием монахом критским. . . В Венетии 1674 преведеся в Великом Новеграде 1705 лета. Рукоп. БАН 34.5.23.

Книги мирозрения. — Книга мирозрения или мнение о небесно-земных глобусах. СПб., 1717 г.

Кн. пер. Водск. пят. I — Новгородские писцовые книги, т. III. Переписная оброчная книга Вотской пятины, 1500 года, 1-я половина. СПб., 1868.

Кн. пер. Ипат. м. — Переписные книги Костромского Ипатьевского монастыря 1595 г. ЧОИДР, 1890, кн. 3.

Кн. прих.-расх. Ант. мон. № 1 — Книги приходо-расходные Антониева Сийского монастыря 1575—1644 гг. Рукоп. ЛОИИ, ф. 5, оп. 2, № 1, 1583 г.

Кн. прих.-расх. Холмог. арх. д. № 102 — Книга приходо-расходная Холмогорского архиерейского дома 1692—1695 гг. Рукоп. ЛОИИ, № 102.

Кн. разряд. III — Разрядная книга 7125 года. Врем. ОИДР, 1849. кн. 3. 1617.

Кн. расх. Иверск. м. № 24 — Кн. расходная Иверского монастыря 1663—1664 гг. Рукоп. ЛОИИ ф. 181, оп. 2, № 24.

Кн. расх. Карел. м. № 943 — Книга расходная Николаевского Карельского монастыря 1581—87 гг. Рукоп. ЛОИИ, к. 115, № 943.

Кн. Степ. — Книга степенная царского родословия, ч. 1—2. — ПСРЛ т.XXI, 1—2 полов. СПб. 1908—1913.

Княжн. Сбит. — *Я. Б. Княжнин.* Сбитеньщик, комическая опера в трех действиях. СС, т. 3, стр. 188—298.

Козм. — Космография 1670 г. Изд. ОЛДП. СПб., 1878.

Козм. V — Книга нарицаемая Космография сиречь всемирное описание земли назнаменование степень во округах небесных. Рукоп. Пушкинского дома, собр. В. Н. Перетца F № 175. н. XVIII в.

Козма Инд. — Книга глаголемая Козмы Индикоплова. СПб., 1886 г. (Изд. ОЛДП, № 86). XIV—XV вв., сп. XVI в.

Кор Бр — *В. Покровская.* Повесть об Испанском королевиче Бруне и его супруге Мелеонии (к истории переводной литературы XVII в.) Труды ОДРЛ, т. IV. Л., 1940.

Котков и П., XVII—н. XVIII — см. ИНРЯ.

Котош. — О России в царствование Алексея Михайловича. Сочинение Григорья Котошихина. 4-е изд. Археограф. комиссии. СПб., 1906.

КР 1284 — Кормчая Рязанская 1284 г. Рукоп. ГПБ, Fn I, 1.

Крат. Опис. Камчатки — Описание земли Камчатки соч. Степаном Крашенинниковым. СПб., 1755.

Крм. ПРП — *Н. М. Карамзин.*, Письма русского путешественника, ч. 1—6. М., 1797—1801.

Кройника — Книга або кройника царьств израилев и иудея (рукопись XVII в.)

Курб. Ист. — История о великом князе Московском. Сочинения князя Курбского, т. I, РИБ, т. 31. СПб., 1914.

Курб. Отв. — На вторую епистолию отвещание цареви Московскому убогого Андрея Курбского, князя Ковельского. РИБ 31. СПб,, 1914.

Курб. Пис. — Письма князя Курбского к разным лицам. РИБ, т. 31. СПб., 1914.

Лавр. лет. — Лаврентьевская летопись. ПСРЛ, т. I. Изд. 2-е, Л., 1926—1928.

Лек. — Лекарство на оспалый умысл человечий. Острог, 1607.

Лепех. Путеш. ч. I — Дневные записки путешествия доктора Академии наук адьюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1768—1772 гг. ч. I—IV. СПб., 1780—1805.

ЛИ ок. 1425 — см. Ипат. лет.

Лобк. прол. — Пролог Лобковский 1262 г. Рукоп. ГИМ. Хлудовское собр., № 187.

Ломон., 1752 г. Соч. 1757 г., т. I — Ломоносов, Михаил Васильевич. Собрание разных сочинений в стихах и прозе, т. I. М., 1757.

ЛС 1529, 1566, 1588 гг. — Литовский статут 1529 г. (рукопись); Литовский статут 1566 г., М., 1854; Литовский статут 1588 г., М., 1854.

Lud. — Генрих Вильгельм Лудольф. Русская грамматика. Оксфорд, 1696 г. Переизд., перевод, вступительная статья и примечания Б. А. Ларина. Изд. ЛНИЯ. Л., 1937.

Мак. — Духовныи беседы Макария. Вильно, 1627.

Мат. Узб. — Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР, ч. I. Л., 1932.

Маштаков. Днепр — *П. Л. Маштаков.* Список рек Днепровского бассейна. СПб., 1913.

Маштаков. Дон — *П. Л. Маштаков.* Список рек Донского бассейна. М.—Л., 1934.

М. Грек. II — Сочинения преподобного Максима Грека. Изд. при Казанск. дух. акад. ч., II, Казань, 1860, XVI в., сп. XVI—XVII вв.

МДБП — Московская деловая и бытовая письменность XVII века. М., 1968.

Мелуз — *G. Bergman.* The Melusina Saga. The text in UUb slav 34 and a study in 17th century literary language in Russia. Uppsala, 1964.

Мелюзина — История о Мелюзине. Перевод с польск. 1677 г. Рукоп. ГПБ, Q XVII. 8. л. 84—186. к. XVII в.

Мер. правед. — см. МПрXIV.

Мин. ноябрьск. 1097 г., XII в. — Месяц ноябрь. (Служебные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь. В церковнославянском переводе по русским рукописям. 1095—1097 гг.) Труды И. В. Ягича. Изд. ОРЯС. СПб., 1886, стр. 267—512.

Мин. сент. — Месяц сентябрь (Там же, стр. 03—0242). 1096 г., XII в.

МПр XIV — Мерило праведное XIV в., Рукоп. ГБЛ, ф. № 304 (Тр.-Серг.) № 15, 348 л.

Назиратель — Книга глаголемая «Назиратель», сииречь «Уряд домовных детель». Рукопись ГИМ, Барс. № 371, 2-ой половины XVI в. Перев. с латинск. Crescentius, Opus ruralium commodorum. 1471, 1538, 1548.

НГБ — см. Берест. гр. (новг.).

Недоросль — *Д. И. Фонвизин.* Недоросль, Комедия в пяти действиях. СПб., 1783.

Нел.-Мел. — *Ю. А. Нелединский-Мелецкий.* Стихотворения. СПб., 1876.

Ник. лет. IX—XIV — Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. — ПСРЛ, т. IX—XIV, СПб., 1862—1910.

Новг. I лет — Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку. Изд. Археогр. ком. СПб., 1888.

Новг. I лет (1) — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950.

Нов. пов. — Новая повесть о преславном Российском царстве и великом государстве Московском. «Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени». Изд. 2 — РИБ., т. 13. СПб., 1909.

Он. был. Гильф. — Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г. СПб., 1873.

ОРЯС — Отделение русского языка и словесности.

ОСБ — Описаные и оборона собору русского берестейского. Вильна, 1596.

Основ. Царьгр. — О основании Царяграда и зданиях его изряднейших, к. XVII в. Рукоп. ГПБ Q. XVII № 8. 82. (Перевод с польск.: *Szymon Starowolski.* Dwór cesarza tureckiego i rezydencya jego w Konstantynopolu. По изд. 1858, Kraków, без измен. с изд. XVII в.)

Остр. ев. — Остромирово евангелие 1056—1057 гг. (фотолитографическое издание). СПб., 1883.
Палея толк. — Палея толковая по списку, сделанному в Коломне в 1406 г. Труд учеников Н. С. Тихонравова, вып. I. М., 1892, вып. II, 1896 г.
Пал. 1406 г. — Палея толковая, 1406. Рукоп. ГБЛ, ф. 304 (Тр.-Серг.) № 38.
Пам. моск. — Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией, т. 3. СПб., 1898.
Пах. Ж. Евф. Новг. — Житие Евфимия, архиепископа Новгородского, сост. Пахомием Логофетом, XV в. Рукоп. ГБЛ, ф. 256 (Рум.) № 154, сп. к. XVI или н. XVII в.
Перем. нр. — Перемена в нравах. Комедия в двух действиях. РФ, ч. 38, 1791, стр. 37—128.
Перен. мощ. мт. Петра — Перенесение мощей Петра митрополита, к. XV в. Рукоп. ГБЛ ф. 256 (Рум.), № 153, н. XVI в.
Переп. Одоевск. — Ближний боярин князь Никита Иванович Одоевской и его переписка с Галицкою вотчиной (1650—1684). Ю. Арсеньева — ЧОИДР, 1903, кн. 2.
Пересветов — Пересветов. В кн.: *В. Ф. Ржига.* И. С. Пересветов, публицист XVI в. М., 1908.
Песни Квашн. — *М. Н. Сперанский.* Из материалов для истории устной песни. к. XVII в. — Известия АН СССР. Отдел. обществ. наук, 1932, № 10.
Петлин — *Р. И. Покровский.* Путешествие в Монголию и Китай сибирского казака Ивана Петлина в 1618 году.— Изв. ОРЯС, 1913, т. XVIII, кн. 4, стр. 257—304.
Петр — «Письма и бумаги императора Петра Великого», т. I—XI. СПб., 1887—1950.
Печ. был. — *Н. Е. Ончуков.* Печерские былины. СПб., 1904.
Пис. Ал. Мих. — Собрание писем царя Алексея Михайловича (1646—1662 гг.). Изд. П. Бартенева. М., 1866.
Пис. Бум. см. Петр.
Пис. Вас. Ив. — Письма великого князя Василия Иоановича. Письма русских государей и других особ царского семейства, т. I. М., 1848.
Пис. к Никону — Письма царя Алексея Михайловича к Никону. Собрание писем царя Алексея Михайловича. Изд. П. Бартенев. М., 1856 (1652 г.).
Писц. д. I—II — Акты писцового дела. Материалы для истории кадастра и прямого обложения в Московском государстве, тт. I—II. Собрал и ред. С. Веселовский. — ЧОИДР, 1913, кн. 2, 3, 4; 1916, кн. 3.
ПНЧ 1296 — Пандекты Никона Черногорца, 1296 г. Рукоп. ГИМ, Син., № 836.
ПНЧ 1381 — Пандекты Никона Черногорца, 1381 г. Рукоп. ГИМ, Син., № 193.
ПНЧ XIV — Пандекты Никона Черногорца. Рукоп. ГИМ, Чуд. № 16, XIV в.
Пов. врем. лет (Лавр. лет.) — ПСРЛ, т. I, Лаврентьевская летопись, вып. I. Повесть временных лет, изд. 2. Л., 1926.
Пов. Грудц. — Повесть о Савве Грудцыне. — *Н. К. Гудзий.* Хрестоматия по древней русской литературе XI—XVII веков. М., 1952.
Пов. Кат-Рост.[2] — Повесть Катырева-Ростовского. — В кн.: «Памятники древней русской письменности, относящейся к Смутному времени». Изд. 2 (РИБ, т. 13). СПб., 1909.
Пов. Мерк. Смол.[2] — Повесть о Меркурии Смоленском, XV в. Рукоп. ГИМ, Син., № 908, л. 218 об. — 223.
Пов. об осаде Пск. — Повесть об осаде Пскова Стефаном Баторием. — В кн.: «Русские повести XV—XVI вв.» М.—Л., 1958.
Пов. о видении — Повесть о видении. — В кн.: «Памятники древней русской письменности, относящейся к Смутному времени». Изд. 2. (РИБ, т. 13), СПб., 1909.
Пов. о Тимоф. Владим. — Повесть о Тимофее Владимирском. — В кн.: «Русские повести XV—XVI веков», сост. М. О. Скрипиль. М.—Л., 1958, стр. 119—123.
Польск. д. I — Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-литовским. М.—СПб., 1887 (Сб. РИО, т. 35).

Пон. I — Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. Вып. I. Изд. журн. «Странник» под ред. А. И. Пономарева. СПб., 1894.

П. отреч. I—II — Памятники отреченной русской литературы. Собраны и изданы Н. Тихонравовым, т. I—II. СПб.—М., 1863.

Посл. Корнилия — Послание Корнилия, инока Снетные горы, к сыну его попу Иоанну. — В кн.: *Н. И. Серебрянский.* Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле. ЧОИДР, 1908 г., кн. 4, стр. 527—582. XVI в., сп. XVII в.

Посл. Шах. Пож. — Послание кн. С. И. Шаховского кн. Д. М. Пожарскому.— В ст.: *И. Ф. Голубев.* Два неизвестных стихотворных послания первой половины XVII в. Труды ОДРЛ, т. XVII, 1961.

Посольство Звенигородского — Посольство в Персию князя Андрея Дмитриевича Звенигородского в 1594—1596 г. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. (Труды Восточного отделения Русского географического общества, т. 20). СПб., 1890.

Посольство Толочанова — Посольство стольника Толочанова в Имеретию 1650—1652 гг. Изд. М. А. Полиевктовым. Тифлис, 1926.

Посошков. О скуд. и бог. — *И. Т. Посошков.* Книга о скудости и богатстве. Ред., примеч. Б. Б. Кафенгауза. М., 1937.

Пох. журн. — Походный журнал 1695—1726 года. СПб., 1853—1855 г.

ПП — Книга песни песней. Бивлия руска Ф. Скорины. Прага, 1517—1519.

Прилуц. прол. — Пролог (Прилуцкий) на март—август, XIV—XV вв. Рукоп. ГПБ, СПб., Дух. Акад., А I, 264, т. 2.

Причитанья С. К., I, Словарь — *Е. В. Барсов.* Причитанья северного края, ч. I—II. М., 1872—1882.

ПРНРЯ — Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия. М., 1965.

Пролог (БАН²) — Пролог XIV в. Отрывок. Рукоп. БАН 17.11.4.

Пролог (Срз.) — Пролог сентябрьской половины года, рукоп. БАН 24.4.33. (Срезн.) н. XV в.

Пролог (Ф) — Пролог сентябрьской половины года. Финляндские отрывки. Рукоп. БАН 4.9.20. XIII в.

Промот. — Свадьба г. Промоталова. Комедия в трех действиях Л. Т. РФ, ч. 27, 1788, стр. 55—142.

Пр. русск. — Правда Русская. I. Тексты. Под ред. Б. Д. Грекова. М.—Л., 1940.

Пр. Юр XIV — Пролог (Юрьевский) сентябрьской пол., XIV в. Хранится в ЦГАДА, ф. 381, № 153 (Тип. № 153).

ПРП — Памятники русского права. Вып. 1 и 2. М., 1952 и 1953.

Псалт. XVI в. — Псалтырь XVI в. Рукоп. ГБЛ, ф. 256 (Рум.) № 335.

ПСЗ IV — Полное собрание законов Российской империи, т. IV. СПб., 1830.

Псков. I лет. — Псковская первая летопись. — ПСРЛ, т. IV. СПб., 1848.,

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.

П. Сум. — *П. П. Сумароков.* Собрание некоторых сочинений, подражаний и переводов Пан. Сумарокова. ч. I. М., 1799.

П. Толст. — Путешествие стольника Петра Андреевича Толстого (1697—1698 гг.). Русский архив, кн. I, М., 1888.

Пч. н. XIV в. — Пчела, XIV—XV вв. Рукоп. ГПБ, Fn I, 44, л. 1—182. [Изд. *В. Семенов.* Древнерусская пчела по пергаменному списку. Сб. ОРЯС, т. IV, № 4, СПб., 1893.]

Радищ. Путешеств. — *А. Н. Радищев.* Путешествие из Петербурга в Москву. СПб., 1790.

РД — Римские деяния (Gesta Romanorum). Вып. 1—2. СПб., 1877—1878 гг. Издания ОЛДП V, XXXIII. 1688 г.

Ревел. а. I — Русские акты Ревельского Городского архива, под ред. А. Барсукова. — РИБ, т. 15. СПб., 1894.

РИБ — Русская историческая библиотека, изд. Археогр. комиссией, т. I—XXXIX. СПб. — Пг.—Л., 1872—1927.

РИБ VI — Памятники древнерусского канонического права, ч. I. Памятники XI—XV вв. Изд. 2-е — РИБ, т. 6. СПб., 1908.
Рим. имп. д. I — Памятники дипломатических сношений с Римскою империей, т. I. СПб., 1851.
РИО — Русское историческое общество.
Рог. лет. — Рогожский летописец. — ПСРЛ, т. 15, вып. I. Изд. 2-е, Пг., 1922.
Розыск о Шакловит. — Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Изд. Археогр. ком., т. I—IV. СПб., 1884—1893.
Росс. купец Иоанн — История о российском купце Иоанне и о прекрасной девице Елеоноре. Изд. В. В. Сиповского. Русские повести XVII—XVIII вв., т. I. СПб., 1905.
РФ — Российский Феатр, или полное собрание всех российских феатральных сочинений. ч. 1—43. СПб., 1786—1794.
РФВ — «Русский филологический вестник», т. 1—73. Варшава, 1879—1915.
Рыбников — Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, ч. I. М., 1862.
Рычков. Журн. I — Журнал или дневные записки путешествия капитана Рычкова по различным провинциям Российского государства в 1769—1770 г., кн. I—II. СПб., 1770—1772.
Ряз. зас. кн. — Рязанские засечные книги XVII в. Труды Рязанской ученой архивной комиссии за 1890 г., т. 5, № 4.
Ряз. корм., 1284 — Кормчая рязанская 1284 г. Рукоп. ГПБ, F I, 1.
Ряз. писц. кн. II — Писцовые книги Рязанского края XVI и XVII вв. Под ред. В. Н. Сторожева. т. I, вып. 2, Рязань, 1900.
Сатиры о пьянстве — В кн.: *В. П. Адрианова-Перетц.* «Очерки по истории русской сатирической литературы XVIII века». М.—Л., 1937.
Сб. Посл. Л. Майк — Рукописный сборник пословиц XVII—XVIII века. Сообщил Л. Н. Майков. СПб., 1880. (ПДП № 9).
Сб. Тр. к. XII — н. XIII в. — Сборник (Торжественник), к. XII—н. XIII в. Рукоп. ГБЛ, ф. 304 (Тр.-Серг.), № 12.
Сб. 752 — Жития святых по рукописи второй половины XVII в. Рукоп. ГИМ, Син. № 752.
Сб. Тр. к. XIV — Чудеса св. Николая. Рукоп. ГБЛ, ф. 304 (Тр.-Серг.), № 9.
Сб. Увар. — Сборник XIV в. Рукоп. ГИМ, Увар. № 589 (1770, 361).
Сильв. сб. — Сказания о святых Борисе и Глебе. Сильвестровский список XIV века. Изд. И. И. Срезневский. СПб., 1860.
Симеон. лет. — Симеоновская летопись. — ПСРЛ, т. 18. СПб., 1913.
Сим. Обих. книгоп. — К истории обихода книгописца, переплетчика и иконного писца при книжном и иконном строении. Материалы для истории техники книжного дела и иконописи, извлеченные из русских и сербских рукописей и других источников XV—XVIII столетий. Собрал и снабдил вводною статьей и объяснительными примечаниями П. Симони. Вып. I. Тексты и примечания I—XXI. СПб., 1906 (ПДПИ № 161).
Сим. Пол. Блуд. с. — *Симеон Полоцкий.* Комедия притчи о блудном сыне. — В кн.: *Н. Тихонравов.* Русские драматические произведения 1672—1725 гг., т. I. СПб., 1874.
Сим. Послов. — Сборник пословиц XVII века. — В кн.: *П. К. Симони.* Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и пр. Сб. ОРЯС, т. 66, № 7. СПб., 1899.
Син. пат. XI в. — Синайский патерик, к. XI в. Рукоп. ГИМ, Син. № 551, л. 1—187.
Син. Патер. — Синайский патерик. М., 1967 г. Под ред. С. И. Коткова. Изд. подготов. В. С. Голышенко, В. Ф. Дубровина.
Сказ. Бор. Глеб (Усп. сб.) — Сказание о святых мучениках Борисе и Глебе. Сборник XV в. Московского Успенского собора, вып. I. Изд. под наблюдением А. А. Шахматова и П. А. Лаврова. — ЧОИДР, 1899, кн. 2.
Сказ. о Гр. Отрепьеве. — Сказание о Гришке Отрепьеве, по сп. XVII в. — В кн.: «Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. Изд. 2-е. — РИБ, т. 13. СПб., 1909.
Сказ. о хоз. и раб. — Сказка о хозяине и работнике. — В кн.: Русские повести XVII—XVIII вв. Изд. В. В. Сиповского. т. I, СПб., 1905.

Скор., Даниил, Еклесиаст, Еремия, Иов, Исход, Левит, Премудрость, Притчи, Сирахов, Судей, Царств, Числа, Юдиф — Франциск Скорина. Библия, книги «Даниил пророк», «Еклесиаст», «Плач Еремии», «Иов», «Исход», «Левит», «Премудрость», «Притчи Соломона», «Иисус Сирахов», «Судей», «Царствий», «Числа», «Юдиф», Прага, 1517—1519.

Сл. и д. I — *Н. Новомбергский.* Слово и дело государевы. (Процессы до издания Уложения Алексея Михайловича 1649 года), т. I — «Записки Моск. Археол. Ин-та», 1911, т. 14.

Сл. и д. II — *Н. Новомбергский.* Слово и дело государевы (Материалы), т. II. Томск., 1909.

Сл. о п. Иг. — Ироическая песнь о походе на половцев. . . Игоря Святославича. М., 1800.

Служ. XIV (3) — Служебник, XIV в. Рукоп. ГИМ, Син., № 601: л. 72—72 об., 132 об. — записи писца.

С. Медведев. Зап. — *Сильвестр Медведев.* Записки (Записки русских людей. События времен Петра Великого). СПб., 1841.

Соф. II лет. — Софийская вторая летопись. ПСРЛ, т. VI. СПб., 1853.

СПП, I — Первые месяцы царствования Михаила Федоровича (Столбцы Печатного приказа). — ЧОИДР, 1915, кн. 4.

ССЖ — Сборник слов и житий святых. Рукоп. ГИМ, Син. № 752.

Стоглав — Стоглав. Царьския вопросы и соборныя ответы о многоразличных церковных чинех. М., 1890.

Ст. о см. — Статьи о Смуте, извлеченные из Хронографа редакции 1617 г. и отповедь в защиту патриарха Гермогена. — РИБ, т. 13, изд. 2-е. СПб., 1909.

Ст. сп. Лихачева — Статейный список посланников Василья Лихачева и дьяка Ивана Фомина бытности их во Флоренции. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными, т. X. СПб., 1871.

Суб. Мат. I—VIII — Материалы для истории раскола за первое время его существования. Под ред. Н. Субботина. тт. 1—8. М. 1875—1887.

Судебн. 1497 г. — Судебник 1497 года. — В кн.: «Судебники XV—XVI веков». Под общ. ред. Б. Д. Грекова. М.—Л., 1952.

Сумар. Ода торж. — *А. П. Сумароков.* Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе, ч. 2. М., 1781—1782.

Сумар. Притчи. — *А. П. Сумароков.* Полн. собр. соч. в стихах и прозе, ч. 7. М., 1781—1782.

Сумар. Рог. — *А. П. Сумароков.* Рогоносец по воображению. Комедия. Собр. соч., ч. 6, стр. 3—52.

Сумар. Соч. — Полн. собр. всех сочинений в стихах и прозе. . . Александра Петровича Сумарокова. . . Изд. 2-ое, М., 1787 г.

Тамб. арх. XVIII—XIX — Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. Вып. XVIII—XIX. Тамбов, 1888.

Там. кн. Тихв. м. — Таможенные книги Успенского Тихвинского монастыря 1624—1698. Рукоп. ЛОИИ, фонд 132, оп. 2. № 1489, 1265.

Твер. лет. — Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью. — ПСРЛ, т. XV. СПб., 1863.

Травник Любч. — Травник (лечебник), перевод немчина Николая Любчанина, 1534. Рукоп. ГИМ, Увар. № 2192 (Царск. № 615). сп. XVII в.

Три кор. — *В. Н. Перетц.* Повесть о трех королях — волхвах в западнорусском списке XV века. ПДПИ № 150. СПб., 1903.

Тристан — Повесть о славном рыцэры Трысщане. — *А. Н. Веселовский.* Очерки по истории романа и повести. Сб. ОРЯС имп. Академии наук, т. 44, № 3. СПб., 1888.

Тяп. — «Евангелие» издания В. Тяпинского около 1580.

Ул. Ал. — Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 г. М., 1907.

Улож. — Уложение, по которому суд и расправа во всяких делах в Российском государстве производится, сочиненное и напечатанное при владении государя царя и вел. кн. Алексея Михайловича. М., 1649.

Улож. ц. Ал. Мих. 1649 г. — Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 г. — Памятники русского права, вып. 6. М., 1957.

Уруслан — Сказка об Уруслане Залазаревиче — Летопись русской литературы и древности. Изд. Н. Тихонравовым. т. II, М., 1959.

Усп. сб. — Успенский сборник XII—XIII вв. Под ред. С. И. Коткова. Изд. подготов. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон. М., 1971.

Уст. ратн. дел I—II — Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до военной науки. Выбрал из иностранных военных книг Онисим Михайлов, ч. 1—2. Изд. Рубана. СПб., 1777—1781.

Учен. ратн. строения — Учение и хитрости ратного строения пехотных людей. М., 1647.

Флав. Полон. Иерус. — *Н. А. Мещерский.* История иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.—Л., 1958 н. XII в. сп. XVI в.

Флоринова экон. — Флоринова экономиа. С нем. на рос. яз. сокращенно переведена С. Волчковым. СПб., 1738.

Фомушка — Фомушка бабушкин внучек. Комедия, сочиненная 1785 года в декабре месяце чрез коллежскаго ассесора ПТР. КРПТВ. РФ, ч. 35, 1790, стр. 183—272.

Фонвиз. Бригадир. — *Д. И. Фонвизин.* Бригадир. — РФ, ч. 33. СПб., 1786—1794.

Ф. Прокопович. Сл. и речи I. — Феофана Прокоповича слова и речи, ч. I. СПб., 1760.

Ф. Ст. XIV — Огласительные поучения Феодора Студита. Рукоп. ГБЛ, ф. 173 (Фундам.), № 52.

Х. Вас. Таг. — Путешествие по святой земле дьякона Гогары в 1634 г. — В кн.: «Сказания русского народа, собранные И. Сахаровым», т. 2, кн. VIII. СПб., 1849.

Х. Вас. Познякова — Хожение купца Василия Познякова по святым местам Востока, 1558—1561 гг. Под ред. Х. М. Лопарева. — Православный палестинский сборник, т. VI, вып. 3, СПб., 1887.

Х. Дан. иг. — Житье и хоженье Данила русьскыя земли игумена 1106—1107 гг. Под ред. М. А. Веневитинова. — Православный палестинский сборник, т. I, вып. 3 и 9. СПб., 1885.

Х. Зос. — Хожение инока Зосимы. 1419—1422 гг. Под ред. Х. М. Лопарева. — Православный палестинский сборник, т. 8, вып. 3. СПб., 1889.

Хож. Дан. игум. (Нор.) — Путешествие игумена Даниила по святой земле в начале XII-го века (1113—1115). Изд. Археогр. комис. под ред. А. С. Норова. СПб., 1864, сп. XVI в.

Холм. еп. см. АХУ.

Хрон. 1512 г. — Русский хронограф редакции 1512. ПСРЛ, т. 22. СПб., 1911.

Хрон. Амарт. — *В. М. Истрин.* Книгы временьныя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе, т. I. Пгр., 1920.

Хрон. лит. — Хроника литовская (рукоп. XVII в.)

Цар. и Льв.— Щеглова С. А. Неизвестная драма Петровской эпохи о царице и львице. — Труды Комис. по древне-русск. лит-ре АН СССР. Л., 1932, т. I, стр. 196—229: 1711—1712 гг.

Чел. Баж. см. МДБП.

Чел. Новг. — Челобитная Новгородского Николаевского Розважского монастыря. — В кн.: *Б. М. Греков.* План части Новгорода XVII в. Л., 1926.

Черн. Куп. ком. — Купецкая компания. Комедия в одном действии. Сочинил Осип Чернявский. — РФ, ч. 27, 1788.

Чиновн. Иоакима [2] — Чиновник патриарха Иоакима за 1675 год. Писанный современником его Афанасием. 1676 г. — Врем. ОИДР, 1856, кн. 24.

Чуд. Н. XII в. — Торжественник при Златоструе, XII в. Рукоп. ГПБ Fп I, 46, лл. 66—76 — Чудеса Св. Николая Чудотворца.

Ч. Николы IV — Посмертные чудеса святителя Николая архиепископа Мирликийского чудотворца, XI в. (ПДПИ № 72). СПб., 1888 г.

Шах. Расх. шубы — *Шаховской*. Расхищенные шубы. — В кн.: Ироикомическая поэма. М., 1939, стр. 500—507.

Шестоднев Ио. екз. — Шестоднев, составленныи Иоанном ексархом Болгарским. — ЧОИДР, 1879, кн. 3, сп. 1263 г.

Шк. благочиние. — Школьное благочиние. — В кн.: *В. В. Буш.* Памятники старинного русского воспитания. Пг., 1918, к. XVII в.

Юдифь — Иудифь. — В кн.: *Н. Тихонравов.* Русские драматические произведения 1672—1725 гг., т. I. СПб., 1874 г.

Юр. Пр. — см. Пр. Юр XIV.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ СЛОВАРЕЙ, КАРТОТЕК И МЕСТ ХРАНЕНИЯ

БАН — Библиотека Академии Наук СССР (Ленинград).
Бер. — Лексикон словенороськии Памви Беринди. Київ, 1961.
Брюкнер — *A. Brückner.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa, 1957.
БСК — Большая словарная картотека современного русского языка. Ин-т языкознания АН СССР, Ленинград.
ГБЛ — Государственная библиотека им. В. И. Ленина (Москва).
ГИМ — Государственный исторический музей (Москва).
ГПБ — Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).
Даль — *В. Даль.* Толковый словарь живого великорусского языка, т. I—IV. М., 1955.
ДРС — Картотека древнерусского словаря XI—XVII вв. Институт русского языка АН СССР (Москва).
Карт. Сл. XVIII в. и КСРЯ XVIII — Картотека словаря русского языка XVIII в. Институт языкознания АН СССР (Ленинград).
Карт. СРНГ — Картотека словаря русских народных говоров. Ин-т языкознания АН СССР. Ленинград.
ЛОИИ — Ленинградское отделение Института истории АН СССР.
Махек — *V. Machek.* Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957.
ОДРЛ — Отдел древнерусской литературы.
ОИДР — Общество истории и древностей российских.
ОЛДП — Общество любителей древней письменности.
Поликарпов. Лексикон треязычный — *Ф. П. Поликарпов.* Лексикон треязычный, сиречь речений славенских, еллиногреческих и латинских. Сокровище из различных древних и новых книг собраное и по славенскому алфавиту в чин разположеное. М., 1704.
Преображенский — *А. Преображенский.* Этимологический словарь русского языка. М., 1958.
САР — Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный, ч. I—VI. СПб., 1806—1822.
САР, 1789 — Словарь Академии Российской. ч. I—VI СПб., 1789—1794.
СДР — Картотека словаря древнерусского языка XI—XIV в. Институт русского языка АН СССР, г. Москва.
Словарь П. С. — Общий церковно-славяно-российский словарь, сост. П(етром) С(околовым). ч. I—II. СПб., 1834.
СлРЯ 1895 — Словарь русского языка, составленный II отд. имп. Ак. наук СПб., 1895.
СлРЯ 1909, 1910 — Словарь русского языка. Сост. II отд. Имп. Акад. наук. СПб., 1891—1930, т. IV, вып. 3, 1909; т. IV, вып. 4, 1910.
СлРЯ 1935 — Толковый словарь русского языка, ред. Д. Н. Ушаков, т. I—IV. М., 1935—1940.
СлРЯ 1958 — Словарь русского языка. В 4-х томах. М., 1957—1961.

СлРЯ XI—XVII вв. — Словарь русского языка XI—XVII вв., т. I—III, А—Н (машинопись).
Срезн. — *И. И. Срезневский.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. I—III и Дополнения. СПб., 1893—1912.
ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка. т. I—XVII. М.—Л., 19 0—1965.
СЦСРЯ — Словарь церковнославянского и русского языка. Сост. II отд. Имп. Акад. наук, т. I—IV. СПб., 1847.
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов (Москва).
ЭСРЯ — *М. Фасмер.* Этимологический словарь русского языка. т. I. М., 1964.
Cnap — *Grzegorz Knapiusz*, Thesaurus polono-latino-graecus. Kraków, 1621.
Linde — *M. S. B. Linde.* Słownik języka polskiego. I—IV. Warszawa, 1951.
Mącz — *Jan Mączyński.* Lexicon Latino-Polonicum ex optimis Latinae scriptoribus cocinatum. Królewiec, 1564*.

* Списки сокращений составлены Т. А. Бобровой.

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

СОДЕРЖАНИЕ

Степан Григорьевич Бархударов 5

I. Историческая лексикология и лексикографическая практика

И. К. Белодед (Киев).
Словарь и время 7

Л. В. Копецкий (Прага).
О статье двуязычного славянского словаря 15

О. Н. Трубачев (Москва).
Еще раз мыслию по древу 22

Н. М. Дылевский (София).
Некоторые лексические элементы «Слова о полку Игореве» в свете словарных данных современного болгарского языка 27

В. Л. Виноградова (Москва).
Слово *верх* в «Слове о полку Игореве» и в древнерусском языке . . . 35

Г. А. Богатова (Москва).
Семантические наблюдения и лексикографическая практика . . . 43

Л. Л. Гумецкая (Львов).
К вопросу об определении значения слова в Словаре староукраинского языка XIV—XV вв. 54

С. С. Люнден (Осло).
Фрагменты немецко-русского словаря XVII в. 61

Ю. А. Бельчиков (Москва).
К характеристике русских словарей иностранных слов 50—60-х годов XIX в. как источника историко-лексикологических исследований 69

Е. Н. Толикина (Ленинград).
Термин в толковом словаре (к проблеме отбора) 78

Г. Н. Скляревская, И. Н. Шмелева (Ленинград).
Разговорно-просторечная и областная лексика в словарях и в современном литературном языке (лексикографический аспект) 88

Р. П. Рогожникова (Ленинград).

www.ruslang.ru

О лексикографическом описании союзов русского языка (по материалам современных словарей) 94

Е. А. Левашов (Ленинград).
Пословицы и толковые словари русского языка 100

Ю. Н. Караулов (Москва).
Словарь и его свойства 106

Р. Эккерт (Лейпциг).
Фольклористика, семиотика и этимология 114

II. Истоки и состав лексики восточнославянских языков

П. Д. Филкова (София).
Об усвоении церковнославянизмов лексической системой русского литературного языка 121

В. В. Колесов (Ленинград).
Лексическое варьирование в литературном языке XVII в. 130

А. И. Журавский (Минск).
Экзотическая лексика и иноязычные вкрапления в старобелорусской письменности 138

Г. Хютль-Ворт (Вена).
О западноевропейских элементах в русском литературном языке XVIII в. 144

С. Кохман (Ополе).
К вопросу о неославянизмах 153

В. В. Замкова (Ленинград).
«Славянизм» как термин стилистики 162

Г. П. Смолицкая (Москва).
Некоторые лексические ареалы (по данным гидронимии) 171

Р. М. Цейтлин (Москва).
К истории слова *драгоценный* в русском литературном языке 179

О. И. Смирнова (Москва).
Об особенностях семантики слова *хлад* (к проблеме энантиосемии) . . 184

Г. П. Князькова (Ленинград).
Лексика разговорного источника в комедии Д. И. Фонвизина «Недоросль» 194

И. С. Козырев (Орел).
Некоторые лексические и фразеологические данные московского перевода-редакции «Литовского статута» 201

III. Древнерусская лексика и фразеология

Л. В. Черепнин (Москва).
Из наблюдений над лексикой древнерусских актов (к вопросу о термине *правда*) 211

А. С. Орешников (Москва).
О составе одного из источников древнерусского словаря 218

Н. В. Чурмаева (Москва).
О *беле* и *веверице* 223

Г. Я. Романова (Москва).
К истории термина *косая сажень* 234

О. В. Малкова (Москва).
О семантических связях прилагательных *твердый* и *крѣпкий* в древнерусском языке 244

Н. Б. Бахилина (Москва).
Из истории названий красного цвета в русском языке. Глагол *рдеть* 251

Г. И. Белозерцев (Москва).
Древнерусское *изимати*. Историко-этимологический очерк 259

А. И. Сологуб (Москва).
О названиях наседки в русских говорах (исторический аспект) 265

Н. П. Панкратова (Москва).
Об одном из значений слова *семья* 272

С. С. Волков (Ленинград).
Фразеологизм «Дай (ми) свет видеть» в новгородской берестяной грамоте XIV в. 277

Т. А. Иванова (Ленинград).
К истории фразеологизмов, включающих словосочетание *синь порох* 285

IV. Вопросы словообразования и грамматики

Р. И. Аванесов (Москва).
О русском написании армянских фамилий на *-ян* (*ц*) 291

Е. А. Иванникова (Ленинград).
О так называемом процессе адъективации причастий 297

А. И. Молотков, Н. А. Щепотьева (Ленинград).
Какого грамматического рода именной фразеологизм *святая святых*? . 304

М. Г. Булахов (Минск).
К характеристике словообразовательных типов наречий в старобелорусском письменном языке 312

В. Н. Хохлачева (Москва).
Существительные на *-тель* в русском языке XIV—XVII вв. 319

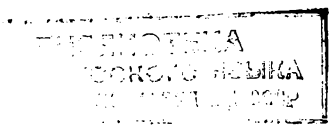
Э. И. Коротаева (Ленинград).
К истории союзов-частиц *лишь, только* 327

В. Н. Виноградова (Москва).
Передача греческих прилагательных с префиксом ἀ-privativum в древнерусских переводных памятниках 332

В. Г. Чурганова (Москва).
К истории словообразования диминутивов в русском языке 337

Принятые сокращения источников 348

Принятые сокращения словарей, картотек и мест хранения 361

ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОЛОГИИ И ЛЕКСИКОГРАФИИ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

(К 80-летию члена-корреспондента АН СССР С. Г. Бархударова)

Утверждено к печати
Институтом русского языка АН СССР

Редактор издательства Т. М. Скрипова
Художник Л. С. Эрман
Художественный редактор Т. П. Поленова
Технический редактор Т. Д. Панасюк

Сдано в набор 20/IX 1973 г. Подписано к печати 15/II 1974 г. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага № 3. Усл. печ. л. 23,75. Уч.-изд. л. 25,8. Тираж 2700. Тип. зак. 603. Цена 1 р. 79 к.

Издательство «Наука». 103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
1-я типография издательства «Наука». 199034, Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

Издательство «Наука»

Готовится к печати книга:

ПАМЯТНИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА
ВОПРОСЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИЗДАНИЯ

18 л.

1 р. 15 к.

В сборнике представлены исследования по текстологии памятников письменности, их истории, изучению языка и палеографии. Даются публикации новых текстов — деловые памятники XVII—XVIII веков.
Работа рассчитана на широкий круг филологов, преподавателей вузов, аспирантов и студентов.

Заказы на книгу просим направлять по адресам: 117463 Москва, В-463, Мичуринский проспект, 12, магазин «Книга — почтой»; 197110 Ленинград, П-110, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга — почтой»; 252030 Киев, ул. Ленина, 42; 630076 Новосибирск, 91, Красный проспект, 51, а также в другие магазины «Академкнига»

ИЗДАТЕЛЬСТВО НАУКА